

ISSN 2225-756X (Print)
ISSN 2227-1295 (Online)

НАУЧНЫЙ ДИАЛОГ

NAUCHNYI DIALOG

Научный диалог

2021. № 10

Включен в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендуемых ВАК

ISSN	2225-756X (Print), ISSN 2227-1295 (Online)
Свидетельство о регистрации	ПИ № ФС 77-47018 от 18.10.2011 г., Роскомнадзор
Год основания	2012
Периодичность	12 раз в год
Представление в каталогах, индексирование	• WoS <Emerging Sources Citation Index> • ERIH PLUS • Global Serials Directory Ulrichs Web • EBSCO • Российский индекс научного цитирования – РИНЦ • КиберЛенинка
Подписной индекс	29255, Объединенный каталог «Пресса России»
Адрес редакции	620050, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 43, оф. 57
E-mail редакции	nauka-dialog@mail.ru
Учредитель / Издатель	ООО «Центр научных и образовательных проектов»
Электронный адрес издателя	http://www.nauka-dialog.ru/
Адрес издателя	620098, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 43, к. 57
E-mail издателя	cnior@bk.ru

СТАТИСТИКА ВЫПУСКА

Тематика	07.00.00 Исторические науки	
	10.01.00 Литературоведение	
	10.02.00 Языкознание	
География авторов выпуска	Барнаул	Москва
	Благовещенск	Мытищи
	Владикавказ	Нальчик
	Вологда	Новосибирск
	Екатеринбург	Пенза
	Елец	Петрозаводск
	Кайфын (Китай)	Псков
	Коломна	Ростов-на-Дону
	Краснодар	Санкт-Петербург
	Красноярск	Тюмень
	Мирный	Улан-Удэ
		Якутск
Авторы, имеющие ученую степень	86 %	

ISSN 2225-756X

Nauchnyi dialog
(Naučnyj dialog = Nauchnyy dialog = Scientific Dialogue = ND)

2021. № 10

ISSN	ISSN 2225-756X (Print), ISSN 2227-1295 (Online) Key title: Naučnyj dialog, Abbreviated key title: Naučn. dialog
Creative Commons	Attribution license 4.0 International (CC BY 4.0)
Mass Media Registration Certificate (by Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Informa- tion Technologies and Mass Com- munications)	PI № FS 77-47018 of 18.10.2011
Subscription Code	29255, Union Catalog “Pressa Rossii” (Russian Press)
Coverage	Russian Federation, foreign countries
Presence in Citation Bases, indexa- tion	• WoS <Emerging Sources Citation Index> • ERIH PLUS • Global Serials Directory Ulrichs Web • Science Index (Rus) • CyberLeninka
Text Presentation Form	• EBSCO • Science Index (Rus) — All published articles are publicly available for reading and citing on the jour-nal’s website and in the National E-Library • CyberLeninka
Reviewing	All manuscripts submitted to the editorial office are to be reviewed

Главный редактор

Татьяна Валерьевна Леонтьева, д-р филологических наук, доцент (Россия, Екатеринбург)

Редакционная коллегия

Анна Викторовна Щетинина, канд. филологических наук, доцент (Россия, Екатеринбург)
Александр Геннадиевич Нестеров, д-р исторических наук, профессор (Россия, Екатеринбург)
Сергей Николаевич Пяткин, д-р филологических наук, профессор (Россия, Арзамас)
Алессандро Витале, д-р наук, профессор (Италия, Милан)
Мария Кирилова Китанова-Маркова, д-р филологических наук, профессор (Болгария, София)
Рафаэль Гусман Тирадо, д-р филологических наук, профессор (Испания, Гранада)
Татьяна Владимировна Гусейнова, д-р педагогических наук, профессор (Таджикистан, Душанбе)

Редакционный совет

10.02.00 Языкознание

Александр Константинович Киклевич, д-р филологических наук, профессор (Польша, Ольштын)
Арто Мустайоки, д-р философии (русский язык), профессор (Финляндия, Хельсинки)
Биляна Марич, д-р филологических наук, доцент (Сербия, Белград)
Вадим Витальевич Сдобников, д-р филологических наук, доцент (Россия, Нижний Новгород)
Евгения Викторовна Терехова, д-р филологических наук, профессор (Россия, Владивосток)
Мария Кирилова Китанова-Маркова, д-р филологических наук, профессор (Болгария, София)
Нина Марковна Разинкина, д-р филологических наук, профессор (Россия, Москва)
Рафаэль Гусман Тирадо, д-р филологических наук, профессор (Испания, Гранада)
Рenate Ратмайр, д-р филологических наук, профессор (Австрия, Вена)
Татьяна Геннадьевна Никитина, д-р филологических наук, профессор (Россия, Псков)
Татьяна Николаевна Бунчук, канд. филологических наук, доцент (Россия, Сыктывкар)
Тимур Беньюминович Радбиль, д-р филологических наук, профессор (Россия, Нижний Новгород)

10.01.00 Литературоведение. Журналистика. Фольклористика

Сергей Николаевич Пяткин, д-р филологических наук, профессор (Россия, Арзамас)
Александр Самуилович Кацев, д-р филологических наук, профессор (Кыргызстан, Бишкек)
Андреана Борисова Ефимова, д-р наук, профессор (Болгария, София)
Галина Ивановна Родина, д-р филологических наук, профессор (Россия, Арзамас)
Евгения Николаевна Кузьмина, д-р филологических наук, профессор (Россия, Новосибирск)
Иво Поспишил, д-р наук (Чешская Республика, Брно)
Ольга Юрьевна Осьмухина, доктор филологических наук, профессор (Россия, Саранск)
Павел Федорович Лимеров, канд. филологических наук, доцент (Россия, Сыктывкар)
Рафаэль Гусман Тирадо, д-р филологических наук, профессор (Испания, Гранада)
Татьяна Алексеевна Савоськина, канд. филологических наук, доцент (Украина, Измаил)

07.00.00 Исторические науки. Этнография. Этнология

Александр Геннадиевич Нестеров, д-р исторических наук, профессор (Россия, Екатеринбург)
Алессандро Витале, д-р наук, профессор (Италия, Милан)
Альбина Советовна Жанбосинова, д-р исторических наук, профессор (Казахстан, Усть-Каменогорск)
Андрей Александрович Иванов, д-р исторических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Юрий Дмитриевич Анчабадзе, д-р исторических наук, профессор (Россия, Москва)

Английский перевод аннотаций: Ирина Волгина

EDITOR-IN-CHIEF:

Tatyana Valeryevna Leontyeva, Doctor of Philology, associate professor (Russia, Yekaterinburg)

SCIENCE EDITORS

Alessandro Vitale, Doctor of Science, professor (Italy, Milan)
Alexandr Gennadiyevich Nesterov, Doctor of History, professor (Russia, Yekaterinburg)
Anna Viktorovna Shchetinina, PhD in Philology, associate professor (Russia, Yekaterinburg)
Marija Kirilova Kitanova-Markova, Doctor of Philology, associate professor (Bulgaria, Sofia)
Rafael Guzmán Tirado, Doctor of Philology, professor (Spain, Granada)
Sergey Nikolayevich Pyatkin, Doctor of Philology, professor (Russia, Arzamas)
Tatyana Vladimirovna Guseynova, Doctor of Education, professor (Tajikistan, Dushanbe)

EDITORIAL BOARD

LINGUISTICS

Aleksander Kiklewicz, Doctor of Philology, associate professor (Poland, Olsztyn)
Arto Mustajoki, Doctor of Philosophy (Russian), associate professor (Finland, Helsinki)
Biljana Marič, Doctor of Philology, associate professor (Serbia, Belgrad)
Evgeniya Viktorovna Terekhova, Doctor of Philology, professor (Russia, Vladivostok)
Marija Kirilova Kitanova-Markova, Doctor of Philology, professor (Bulgaria, Sofia)
Nina Markovna Razinkina, Doctor of Philology, professor (Russia, Moscow)
Rafael Guzmán Tirado, Doctor of Philology, professor (Spain, Granada)
Renate Rathmayr, Doctor of Philology, professor (Austria, Vienna)
Tatyana Gennadyevna Nikitina, Doctor of Philology, professor (Russia, Pskov)
Tatyana Nikolayevna Bunchuk, PhD in Philology, associate professor (Russia, Syktyvkar)
Timur Benyuminovich Radbil, Doctor of Philology, professor (Russia, Nizhny Novgorod)
Vadim Vitalyevich Sdobnikov, Doctor of Philology, associate professor (Russia, Nizhny Novgorod)

LITERARY STUDIES. JOURNALISM. FOLKLORE

Sergey Nikolayevich Pyatkin, Doctor of Philology, professor (Russia, Arzamas)
Aleksandr Samuilovich Katsev, Doctor of Philology, professor (Kyrgyz Republic, Bishkek)
Andreana Borisova Eftimova, Doctor of Philology, professor (Bulgaria, Sofia)
Galina Ivanovna Rodina, Doctor of Philology, associate professor (Russia, Arzamas)
Evgenia Nikolayevna Kuzmina, Doctor of Philology, professor (Russia, Novosibirsk)
Ivo Pospíšil, Doctor of Philology, professor (Чешская Республика, Брно (Czech Republic, Brno))
Olga Yurevna Osmukhina, Doctor of Philology, professor (Russia, Saransk)
Pavel Fyodorovich Limerov, PhD in Philology, associate professor (Russia, Syktyvkar)
Rafael Guzmán Tirado, Doctor of Philology, professor (Spain, Granada)
Tatyana Alekseyevna Savoskina, PhD in Philology, associate professor (Ukraine, Izmail)

HISTORY. ETHNOGRAPHY. ETHNOLOGY

Alessandro Vitale, Doctor of Science, professor (Italy, Milan)
Alexandr Gennadiyevich Nesterov, Doctor of History, professor (Russia, Yekaterinburg)
Albina Sovetovna Zhanbosinova, Doctor of History, professor (Kazakhstan, Ust-Kamenogorsk)
Andrey Aleksandrovich Ivanov, Doctor of History, professor (Russia, St. Petersburg)
Yuri Dmitriyevich Anchabadze, Doctor of History, professor (Russia, Moscow)

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Бондаренко Е. Д.</i> «Словарь-энциклопедия» как тип любительского диалектного словаря (на примере словаря говора г. Бакал Б. П. Плаксина)	9
<i>Бородин А. А., Селеменова О. А., Трубицина Н. А.</i> Мифопоэтическая картина мира Бунина-поэта : лингвистический и литературно-культурологический аспекты анализа	28
<i>Жданов С. С., Недоступ О. И., Плещивцева Е. Ю.</i> Семантико-прагматический потенциал эмодзи в контексте пандемии COVID-19	48
<i>Иванова Н. И., Никитина В. Н., Филиппова А. Г.</i> Социолингвистическая обусловленность функционирования якутского языка в сфере школьного образования : истоки начинающегося кризиса	65
<i>Ильин Б. Б.</i> Язык пространства в житии святого Еразма	85
<i>Мельгунова А. В.</i> Словообразовательный потенциал местоимений в немецком и русском языках	101
<i>Никитина Т. Г., Роголева Е. И., Пяо Лисян.</i> Словарная репрезентация лингвокультурных стереотипов: коммуникативное поведение русских в тематическом словаре пословиц	117
<i>Смолина А. Н.</i> Модель описания речевого жанра «духовное эссе» : основные параметры и реализация (теолингвистический аспект)	134
<i>Тюкаева Н. И., Бринев К. И.</i> Системное моделирование образа автора в текстах одного речевого жанра	153

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ЖУРНАЛИСТИКА. ФОЛЬКЛОРИСТИКА

<i>Борисов Ю. П.</i> Экспликация концепта МЫСЛЬ в эпических формулах олонхо «Ала Булкун» Т. В. Захарова-Чэзбий	176
<i>Дубова М. А., Ларина Н. А.</i> Средства лексической репрезентации пространственного континуума в ранних рассказах И. А. Бунина	191
<i>Жаткин Д. Н., Рябова А. А.</i> Русская рецепция Джеймса Хогга (середина XIX — начало XX веков)	213
<i>Завельская Д. А., Новожилов Д. М.</i> «Фаустовская тема» в славянских литературных памятниках : проблематика мотивов	226
<i>Игумнов А. Г., Тихонова Е. Л.</i> Материальное начало в фольклорных текстах преимущественно исторической тематики	247
<i>Кажарова И. А., Борова А. Р.</i> Аксиология субъекта декларативно-публицистической поэзии (на материале первого сборника советских кабардинских поэтов «Первый шаг») ..	265

<i>Кротов П. А.</i> «Подлинные анекдоты о Петре Великом» Я. Штелина (у истоков жанра исторического анекдота в России).....	282
<i>Чижев Н. С.</i> Советский поэтический андеграунд в критическом и научном освещении (статья вторая)	298

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Вартаньян Э. Г.</i> «Свободный Курдистан» : трудный путь к самоопределению (1970-е годы — XXI век).....	328
<i>Давыдов А. Ю., Хуциева В. В.</i> «Льготнический» фактор экономической политики большевиков и Кронштадтский мятеж	343
<i>Зимаков А. В.</i> Политика отказа Германии от атомной энергетики : от конфликта к компромиссу.....	359
<i>Кобахидзе Е. И., Туаева Б. В.</i> Эволюция института начальной церковной школы в Осетии (1860—1917 годы)	378
<i>Крот М. Н.</i> Деятельность В. В. фон Валя на посту главы Виленской губернии в 1901—1902 годах	396
<i>Мамяченков В. Н., Куликова Е. С., Львова М. И.</i> Уровень потребления продуктов питания населением Свердловской области (по данным бюджетных обследований в 1986—1990 годы)	412
<i>Матющенко В. С., Якушева Р. А.</i> Скопцы Якутской области на страницах региональной периодической печати в конце XIX — начале XX веков.....	425
<i>Морозова Т. И.</i> Институт сочувствующих ВКП(б) в Западно-Сибирском крае : возрождение, функционирование, значение (февраль 1934 — сентябрь 1937)	442
<i>Сидорчук И. В.</i> Досуг в бюджетах времени советских горожан (по материалам исследований 1920-х — начала 1930-х годов)	462
<i>Столетова А. С.</i> Ментальность и стереотипы общественного поведения в условиях обыденности 1950—1980-х годов (документальные свидетельства эволюции)	481
<i>Чебаковская А. В.</i> Эвакуация «детей Севера» : попытка смягчения социальных проблем в условиях Гражданской войны.....	499

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

LINGUISTICS

.....

Айина Гаврильевна Филиппова, психолог (Якутск)
Анна Владиславовна Мельгунова, канд. филол. наук (Санкт-Петербург)
Борис Борисович Ильин, аспирант, ассистент (Мытищи)
Вилюяна Николаевна Никитина (Якутск)
Елена Ивановна Роголёва, д-р филол. наук (Псков)
Елена Юрьевна Плешивцева, канд. филос. наук (Новосибирск)
Константин Иванович Бринев, д-р филол. наук (Кайфын, Китай)
Надежда Анатольевна Бородина, канд. филол. наук (Елец)
Надежда Ивановна Тюкаева, канд. филол. наук (Барнаул)
Наталия Алексеевна Трубицина, канд. филол. наук (Елец)
Нина Иннокентьевна Иванова, канд. филол. наук (Якутск)
Олег Игоревич Недоступ, канд. филол. наук (Новосибирск)
Ольга Александровна Селеменова, д-р филол. наук (Елец)
Сергей Сергеевич Жданов, д-р филол. наук (Новосибирск)
Татьяна Геннадьевна Никитина, д-р филол. наук (Псков)
Пяо Лисян, аспирант (Санкт-Петербург)

Бондаренко Е. Д. «Словарь-энциклопедия» как тип любительского диалектного словаря (на примере словаря говора г. Бакал Б. П. Плаксина) / Е. Д. Бондаренко // Научный диалог. — 2021. — № 10. — С. 9—27. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-10-9-27.

Bondarenko, E. D. (2021). “Dictionary-Encyclopedia” as a Type of Amateur Dialect Dictionary (Dictionary of Bakal Town Dialect by B. P. Plaksin). *Nauchnyi dialog*, 10: 9-27. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-10-9-27. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-10-9-27

**«Словарь-энциклопедия»
как тип любительского
диалектного словаря
(на примере словаря говора
г. Бакал Б. П. Плаксина)**

Бондаренко Елена Дмитриевна
orcid.org/0000-0003-0449-8689
кандидат филологических наук,
старший преподаватель
кафедры русского языка и стилистики
jelena.kazakowa@gmail.com

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России
Б. Н. Ельцина
(Екатеринбург, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено при
поддержке
РНФ, проект «Славянские архаические
зоны в пространстве Европы:
этнолингвистические исследования»
№ 17-18-01373

**“Dictionary-Encyclopedia”
as a Type of Amateur Dialect
Dictionary (Dictionary
of Bakal Town Dialect
by B. P. Plaksin)**

Elena D. Bondarenko
orcid.org/0000-0003-0449-8689
PhD in Philology, Senior Lecturer,
Department of Russian language
and stylistics
jelena.kazakowa@gmail.com

Ural Federal University
named after the First President of Russia
B. N. Yeltsin
(Yekaterinburg, Russia)

Acknowledgments:
The reported study was funded
by Russian Science Foundation,
project number 17-18-01373
“Slavic archaic zones in the space
of Europe: ethnolinguistic research”

© Бондаренко Е. Д., 2021

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Проведено комплексное описание одного из типов любительских диалектных словарей, а именно «словаря-энциклопедии». В качестве материала для анализа выбран словарь говора г. Бакал Челябинской области, составленный Борисом Петровичем Плаксиным (объем словаря — около 4000 слов). Представлены результаты анализа тематической, стилистической принадлежности лексики, составляющей словник словаря Пласкина. Показано, что значительную часть словаря составляют диалектные языковые факты (а также общеупотребительная и просторечная лексика и фразеология, которую автор квалифицирует как местную) тематических групп «Сельский быт», «Хозяйство», «Характеристики человека», «Профессиональная деятельность» и пр. Подчеркивается, что обширный пласт диалектных и общенародных фактов, приведенных в словаре, — это лексика и фразеология традиционной народной культуры, церковная терминология и лексика старообрядчества, а также обозначения реалий различных исторических эпох. Сделан вывод о том, что Б. П. Пласкин выбирает стратегию ценностно-исторического отбора лексики и включает в свой словарь лексику различных культурных и исторических пластов, ориентируясь на различные — доступные ему — источники, посвященные русской истории, традиционной обрядности, историческим фактам и т. д.

Ключевые слова:

русский язык; диалект; русские говоры; лексикография; этнолингвистика; наивная лингвистика; обыденное метаязыковое сознание; языковая личность.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

A comprehensive description of one of the types of amateur dialect dictionaries, namely the “dictionary-encyclopedia”, is carried out. As a material for the analysis, a dictionary of the dialect of the Bakal town of the Chelyabinsk region, compiled by Boris Petrovich Plaksin (the volume of the dictionary is about 4000 words) was selected. The results of the analysis of the thematic, stylistic belonging of the vocabulary constituting the vocabulary of Plaksin’s dictionary are presented. It is shown that a significant part of the dictionary is made up of dialectal linguistic facts (as well as common and colloquial vocabulary and phraseology, which the author qualifies as local) of the thematic groups “Rural life”, “Economy”, “Human characteristics”, “Professional activities”, etc. It is emphasized that a vast layer of dialectal and national facts given in the dictionary is the vocabulary and phraseology of traditional folk culture, church terminology and vocabulary of the Old Believers, as well as designations of the realities of various historical eras. It is concluded that B. P. Plaksin chooses a strategy of value-historical selection of vocabulary and includes in his dictionary the vocabulary of various cultural and historical layers, focusing on the various sources available to him on Russian history, traditional rituals, historical facts, etc.

Key words:

Russian; dialect; Russian dialects; lexicography; ethnolinguistics; naive linguistics; ordinary metalinguistic consciousness; linguistic personality.

УДК 811.161.1'282.2+81'374.3

«Словарь-энциклопедия» как тип любительского диалектного словаря (на примере словаря говора г. Бакал Б. П. Плаксина)

© Бондаренко Е. Д., 2021

1. Вводные замечания

Наивная лингвистика — особая область обывденного знания, являющая собой систему представлений непрофессиональных носителей языка (в том числе диалектоносителей) о языке, которую можно воссоздать, в частности, на основании анализа метаязыковой лексики и текстов, а также словарей, созданных лексикографами-любителями.

Диалектное метаязыковое сознание в настоящее время нередко становится объектом исследования лингвистов и этнолингвистов. Затрагиваются проблемы этнографии речевого поведения (см. труды А. К. Байбурина [Байбурин, 2005], И. А. Седаковой [Седакова, 2007], С. М. Толстой [Толстая, 2007, 2009]), вопросы соотношения языкового сознания и самосознания в русской народной культуре (см. труды С. Е. Никитиной [Никитина, 1993, 2000], А. Т. Хроленко [Хроленко, 2008]). В поле зрения исследователей-этнолингвистов попадают частные вопросы наивной лингвистики: особенности народного восприятия чужого языка или говора, наивные представления о функциях языка и др. (см. труды О. В. Беловой [Белова, 2008] Д. Ф. Мищенко [Мищенко, 2012], В. З. Санникова [Санников, 2002] и др.), даются примеры этно- и социолингвистического анализа отдельных проявлений метаязыкового сознания диалектоносителей (см. труды О. И. Блиновой [Блинова, 1984], И. А. Букринской и О. Е. Кармаковой [Букринская и др., 2011], Е. В. Пурицкой [Пурицкая, 2009], М. З. Муслимова [Муслимов, 2012] и др.).

Одной из важнейших функций наивной метаязыковой рефлексии является функция меморативная: размышления о своем языке позволяют, по мнению «наивных лингвистов», проникнуть в глубины истории — личной и коллективной, прояснить (благодаря «вглядыванию» в язык) прошлое своей местности и закрепить память об этом прошлом. Данная установка эксплицирована, в частности, в любительских словарях, создаваемых носителями диалекта. Любительские диалектные словари подобного рода анализируются, в частности, в трудах Е. Л. Березович [Березович, 1997], О. В. Вострикова [Востриков, 1995], А. Б. Мороза [Мороз, 2010] и др.

Меморативная установка является основной также и в словаре г. Бакал Бориса Петровича Плаксина, которому посвящена настоящая статья.

Словарь Б. П. Плаксина попал к нам в руки в 2011 году, когда автор передал его в одно из екатеринбургских издательств для публикации. Словарь представлял собой машинописный текст с рукописными вставками и комментариями. К словарю прилагалось предисловие, написанное самим Б. П. Плаксиным, а также аннотация неизвестного авторства. Название словаря указано не было или было утеряно. По неизвестным причинам словарь так и не был опубликован.

Автор так формулирует цель своего словаря в предисловии: «Мне хотелось значение и понятие слов прошлых веков соединить тонкой нитью времен с толкованием современного лексикона, т. е. конца XX и начала XXI-го веков, не углубляясь в дело изучения происхождения» (здесь и далее орфография и пунктуация автора сохранены в случаях, когда это не затрудняет понимание текста).

При создании небольших словариков «местных слов» лексикографы-любители, записывающие «переводы» слов с местного на «городское», ориентируются в первую очередь на противопоставление своего говора какому-либо другому идиому (литературному языку или другому диалекту), и в этом случае осмысление собственного говора происходит именно через оппозиции к другим идиомам. «Лексикографы»-краеведы, авторы так называемых «словарей-энциклопедий», к которым относится и анализируемый в настоящей статье словарь, как правило, выбирают стратегию ценностно-исторического отбора лексики: они стремятся комплексно представить читателю личный языковой опыт, стараясь через него дать общую картину истории и повседневной жизни своей местности. Подробно о типологии любительских словарей и о специфике «словарей-энциклопедий», в частности, см. [Бондаренко, 2021, с. 257—264].

В настоящей статье предпринимается попытка комплексного описания любительского диалектного «словаря-энциклопедии» на примере словаря говора г. Бакал, написанного Б. П. Плаксиным.

2. Справочная информация о лексикографе

Борис Петрович Плаксин — житель г. Бакал Челябинской области. Автор аннотации к словарю описывает Бориса Петровича как человека широких интересов: «плотник, электрик и кулинар, строитель, певец и футболист <...>, полный жизненной энергии и способности искренне удивляться. Это удивление и умение слышать сочные выражения, яркие сравнения, необычайные метафоры местных жителей Бакала (“шматов”) — всё нашло отражение в его книге. Эта тяга к красоте родного языка у него с детства.

Очень образно говорили его родители — Петр Петрович и Анна Ивановна». Примерный объем словаря — порядка 4000 слов. Словарь в 2011 году готовился к публикации в г. Екатеринбурге, однако по неизвестным нам причинам опубликован не был.

3. Принципы формирования словника любительского словаря

Б. П. Плаксина

Б. П. Плаксин в предисловии указывает, какого рода языковые факты он привлекает в свой словарь, ср.: «слова, звучащие с акцентом, резко отличающимся от современного языка»; «фон разговорной речи, созданный языками, наречиями, диалектами тюркских, славянских, германских»; «мало ли вращается в обыденных разговорах разных метафор, идиом, пословичных выражений и поговорок».

Как видно из цитат, основным для лексикографа является параметр «старинности» — по этой причине в словарь, помимо диалектных слов, попадает литературная и просторечная лексика, обозначающая реалии «старинной» деревенской жизни (ср. *амбáр* ‘бревенчатое помещение для хранения зерна’, *лукóшко* ‘корзина плетеная из лыка’, маркируемые в словарях как принадлежащие литературному языку, — и *кацёя* ‘вид жарёнки с крестом на крышке и длинной ручкой; кухонная посуда’, *лезó* ‘остриё ножа, топора, косы’, которые являются диалектными единицами), а также слова, «старинные» (в восприятии составителя любительского словаря) по своему необычному звучанию (ср. *авось* ‘может быть, или, а, если’; *артáчится* ‘дергается, дрыгается, вырывается, не желает подчиняться’; *бобыль* ‘одинёшенек, совсем один’). Еще один параметр, на который ориентируется «лексикограф» при формировании словника, это экспрессивность языковых фактов: так, Б. П. Плаксин включает в свой словарь лексемы *бёстолочь* ‘бестолковый, несообразительный’, *баскáя* ‘красивая’; *будáкой*, *пырjáкой* ‘бодливый’ и мн. др.

Наконец, значимым для автора «словаря-энциклопедии» является также тематический отбор лексики. Помещая в словарь лексику различных тематических групп, «лексикограф» стремится воссоздать и максимально подробно зафиксировать образ жизни населения Бакала. Обратимся к анализу основных тематических групп лексики и фразеологии словаря Б. П. Плаксина.

Обозначения профессиональной деятельности. Жизнь взрослого населения описывается в словаре через профессиональную деятельность, ср.: *шишкáрь* ‘сборщик, заготовитель сосновых шишек’; *бóндарь* ‘специалист клепать бочки из дерева’; *копáч* ‘рудознатец, геолого-разведчик’; *контóрские крысы* ‘служащие конторы’ и др.

Лексика детского и молодежного досуга. Б. П. Плаксин включает в свой словарь лексику детских и подростковых игр (которая, кстати, весьма поверхностно репрезентирована в профессиональной лексикографии), ср.: в «орла» *играть* ‘орлянка (популярная игра на деньги) среди подростков’; *дубінка* ‘клюшка для зимней ребячьей игры в «котел»’. Прототип русского хоккея’; *жёстка* ‘игрушка из небольшого кусочка меха с длинным ворсом (козьим, овечьим), со свинцовой шайбой внизу. Пинать ногами внутренней стороны стопы’; *крючки* ‘придирки; кривые пути изворотливого дельца; здесь «крючки» — игра с дырками на рваной одежде’; *кулюкушки* ‘детская игра в прятки’; *чіка* ‘популярная среди подростков игра на деньги с металлическими монетами’; *улюшина, улюшина* ‘уличная мелодия (хит), присущая темпераменту и характерная только данному селу или деревне. Обычно играли гармонисты на гармошке, гуляя с девушками по улице в вечернее время’.

Лексика и фразеология традиционной духовной культуры. Обширный пласт диалектных и общенародных фактов, приведенных в словаре Б. П. Плаксина, — это обозначения нечистой силы, календарной и семейной обрядности, хрононимия, лексика народного христианства. На описании данного пласта лексики словаря говоря г. Бакал мы подробно останавливаться не будем, так как оно достойно отдельного исследования, см. [Бондаренко 2021б (в печати)]. Приведем лишь некоторые факты для создания общей картины.

Итак, в словарь Б. П. Плаксина попадают:

— обозначения «местной» нечистой силы: *водяніха, водяніца, водяной* ‘нечистая сила в воде. Мистические герои сказателей’ (ср.-урал. *водяніха, водяніца* ‘в суеверных представлениях — водяной дух женского рода; русалка’ [СРНГ, т. 4, с. 350]); *вёсицица* ‘женщина оборотень, по сказаниям превращается в птицу’ (ср. диал. шир.-распр. *вёсицица* ‘колдунья’ [СРНГ, т. 4, с. 228]); *летун* ‘летучий воздушный дух, огненный змей’ (ср. влад. *летун* ‘по суеверным представлениям — злой дух, прилетающий ночью к молодым вдовам в облике их умерших мужей’ [СРНГ, т. 17, с. 26]) и др.;

— лексика и фразеология народной магии: *вёцьба* ‘тайное слово и обряд, употребляемое при заговорах, рытье кладов, при ворожбе’ (ср. тамб. *вёцьба* ‘прорицание, заклинание’ [СРНГ, т. 4, с. 227]); *водá с громовой стрелы* ‘вода, в которую был опущен спёкшийся песок, после удара молнии, считалась целебной’ (ср. диал. шир.-распр. *гρόмовáя стрелá* ‘камнеобразный или стекловидный сплав продолговатой или круглой формы, образующийся от удара молнии в песчаную почву’ [СРНГ, т. 7, с. 102]);

— лексика и фразеология семейной обрядности, ср. *горный пир в келáрке* ‘обед в горнице у молодых после свадьбы’. Данное выражение в доступных нам лексикографических источниках не было найдено.

Подробно Б. П. Плаксин освещает тему традиционной календарной обрядности, включая в словарь более тридцати наименования календарных праздников, зачастую с подробными описаниями: *Агрепины святая* / *Аграфена-купальщица*, *Авдотья*, *Афанасий Ломонос*, «*Бабы каши*», *Георгий Победоносец*, *Дмитриев день*, *Ефрем Сирин*, *Иванов день*, *Кузминки*, «*Красное лето — зеленый покос*», *Корнильев день*, *Куры именины*, *Капустинские вечера*, *Касьянов день*, *Маккавей*, *Макрида*, *Масленица*, *Никола Зимний*, *Осенние Кузьминки*, *Семик*, *Святки*, *Спас на воде*, *Спас на горе*, *Спас на полотне* / *Холицовый Спас*, *Святитель Клемент*, *Светлая Сёдмица*, *Фома неверный / неверующий*, *Чистоплотный праздник*. Практически все приведенные названия праздников присутствуют в словаре хрононимов «Русский народный календарь» [РНК].

Церковная терминология. Часть обозначений словаря Б. П. Плаксина описывает картину жизни русской православной церкви. Большая часть церковной лексики, которую автор включает в словарь, присутствует в словарях церковных терминов. Приведем наиболее показательные факты из словаря Б. П. Плаксина: *ака́фист* ‘торжественное песнопение Христу, Богородице, святым, состоит из 25 песен’, *а́ртос* ‘освященный хлеб, его раздают в храме верующим в честь Воскресения Христа’; *вели́кая схи́ма* ‘высшая крайне аскетическая форма монашеского подвижничества, соблюдения самых суровых правил — затворничество, «образ жизни — молчание»’; *катава́сия* ‘песни в церкви в торжественный день, когда певчие хора сходят с клироса и поют в храме. В просторечье — неразбериха или шум, ссора’; *кано́н* ‘церковная песнь в похвалу святым, иногда читается, иногда поется на заутренях, вечерах’; *пеи́щ* ‘полукруглые подмостки в церкви, с боковым входом, для праздничных представлений’ и др. Последнее обозначение отсутствует в словарях церковных терминов. Предположительно, его появление связано с ушедшей в прошлое традицией *пеи́щных действ*. Ср. «Для Пещного Действа устраивалась специальная «пещь», были и те самые халдеи, о которых все знают (но не догадываются, на самом деле, кто это такие). А это слуги царя Навуходоносора, и их представляли тоже певчие. То есть, Пещное Действо — это был специальный богослужебный чин» [Бульчук, 2014].

Особое место в словаре посвящено лексике старообрядчества: *гамаю́н* ‘место общинного проживания староверов’ (вероятно, данное наименование может быть топонимом); *домови́на* ‘гроб (староверы готовили себе домовину за много лет до кончины, выдалбливали из колоды, пока

в силе). Хранили на чердаке дома' (ср. *домові́на* устар. нар.-разг. 'гроб' [БТС, с. 273]); *единовѣ́р* 'старообрядец, признающий принятые мораль, обряды сразу после крещения Руси' (ср. *единовѣ́рец* 'приверженец единоверия' [БСТ, с. 294]); *кержака́й* 'люди, скрывающиеся в глухих местах от преследования церкви и власти. Раскольники поселились на Урале в начале 18 века, пришли с Керженца (староверы)' (ср. диал. шир.-распр. *кержа́к* 'старообрядец, раскольник' [СРНГ, т. 13, с. 186]); *манáтья*¹ '(мантия) иначе иночество — черная пелеринка, отороченная красным сукном, которую носили старообрядческие инок и инокини. Скинуть ее хоть на минуту считалось грехом, а кто наденет ее хоть шутя, тут же должен постричься. Обряд постриг'; *метáние* 'у старообрядцев малый земной поклон, опираясь руками на подручник (коврик)' (ср. *метáние* 'в старину — поясной поклон' [Ушаков, т. 2, с. 196]).

Б. П. Пласкин включает в словарь некоторые прецедентные имена библейских персонажей, ср. *Иродиáна* 'наложница правителя Галилеи Ирода Антипы. Ее имя стало синонимом нравственной распущенности и жестокости'; святых отцов Церкви, ср. *Ефре́м Сі́рин* 'церковный писатель 4-го века, автор толкований на тексты Священного писания, молитв, поучений, песнопений'; *Златоу́ст (Иоáнн Златоу́ст)* 'знаменитый церковный византийский деятель, оратор, проповедник (347—404 годы)'; лидеров старообрядческого движения, ср. *Авваку́м* 'протопоп, духовный вождь старообрядцев'.

Помимо общепотребительной церковной лексики, зафиксированной, в частности, в словарях церковной терминологии, Б. П. Пласкин помещает в словарь также диалектные обозначения предметов христианской обрядности: *налóй* 'высокий стоик, подставка в храме типа «пюпитра» в середине церкви' (ср., например, вятск. *налóй* 'аналой в церкви' [ОСВГ, т. 6, с. 64]); *чита́льщица* 'женщина. Выполняющая обряд на похоронах, руководящая этим обрядом и читающая молитвы' (ср. урал. *чита́льщица* 'женщина, большей частью старуха, читающая над покойником Псалтырь' [Малеча, т. 4, с. 451]). В рамках одной словарной статьи «лексикограф» может объединять «церковное» и нецерковное значения слова: *прѣ́тча* 'поцерковному рассказ, стих, особый жанр. Здесь состояние рассеянности, мистики (верить не верить), неожиданный случай. В одном ряду с «оказией» (ср. диал. шир.-распр. *прѣ́тча* 'несчастье, беда, напасть' [СРНГ, т. 32, с. 33]); *помѣшанный* 'человек неадекватного поведения или шальной. В лексике староверов — кержаков *помешанный* — это когда человек начал

1 В словаре заглавное слово выглядит как *манатья*, но, очевидно, это описка автора словаря. Указанная нами начальная форма приведена по свидетельству Ф. Травина, старовера-федосееца.

общение с цивилизованным обществом. Не помешанный отвергает всякое общение с цивилизацией» (ср. разг. *помешанный* ‘психически ненормальный; сумасшедший’ [БТС, с. 915]). В последнем примере, очевидно, значения развивались параллельно, но, вероятно, со временем в сознании носителей языка могли оказаться связанными друг с другом.

Историзмы и советизмы. Особый пласт лексики и фразеологии в словаре Б. П. Плаксона образуют наименования реалий различных исторических эпох. Составитель словаря описывает обозначения старинных мер измерения: *аршин* ‘одна из древнейших мер измерения длины. Размер от плеча до кончиков пальцев руки. С XVI века аршин равен 71,12 см’: «Каждый мерит своим аршином»; *вершок* ‘старинная мера длины, равная 4,35 — 4,5 см или 1/16 длины аршина. Но! Всяк мерит своим аршином, поэтому и вершок различной длины; вершок это поднятый вверх большой палец руки’; столь же подробно описываются *верста*, *локоть*, *линия*, *сажень*. В словаре присутствуют также наименования устаревших реалий быта: *аспидная доска* ‘выделанная из серо-черного сланца, употребляемая для письма грифелем, карандашом’; *лавошный совок* ‘инструмент, которым пользовались приказчики лавки (продавцы магазинов), черпая сыпучие продукты, засыпали в мешочки покупателей¹’; *полумпериал* ‘золотая монета в 5 рублей достоинством’; сельскохозяйственных орудий: *самобранка* ‘сельхозтехника для подбора скошенных валков хлеба’; *самовязка* ‘сельхозтехника для вязки снопов, прабабушка комбайна «Колос», сельскохозяйственная техника 100-летней давности’; профессий, должностей: *исправник* ‘управляющий делами, участковый опер. милиции’ (ср. *исправник* ‘начальник уездной полиции (в Российском государстве до 1917 года)’ [БТС, с. 402]); *урядник* ‘участковый милиционер. На общественных работах бригадир (шишка на ровном месте)’ (ср. *урядник* ‘в России до 1917 года: нижний чин уездной полиции’ [БТС, с. 1397]); *недостаточный ученик* ‘учащийся учебного заведения в России до 1917 года, в частности кадетского Суворовского училища из бедной дворянской семьи, находящийся на попечении меценатов с богатым достатком’ (ср. *недостаточный студент* [Ушаков, т. 2, с. 502]); *законистый* ‘квартильный. Выбирается на сходе депутатом совета деревни, села. Непосредственный участник разбирательств, конфликта или других проблем между селянами (сельчанами). «Эх! Какой законистый! Как все по грамотному баит, Ты где-ит нахвоталси?!» — (Фарисей)’. Последнее наименование отсутствует, кажется, в толковых словарях русского языка, а

1 Для этого выражения Б. П. Плаксин приводит также переносное значение, не найденное нами в доступных лексикографических источниках: «в народной речи — это тип человека, который всюду “суёт свой нос”, в дело или без дела или по-другому — выскочка».

судя по контексту, который приводит Б. П. Плаксин, можно предполагать, что толкование может быть сформулировано неверно, и лексема представляет собой, скорее, прилагательное со значением ‘сведущий, хорошо разбирающийся в законах’.

Весьма часто в словаре Б. П. Пластина встречаются также языковые единицы, принадлежащие советской эпохе: *лампа семилинейная, пятилинейная* ‘керосиновая лампа со стеклом цилиндрической формы, в середине раздутым, похожим на кегли, служила для освещения избы’ (ср. *семилинейный* ‘имеющий фитиль шириной в семь линий (о керосиновой лампе)’ [БТС, с. 1174]); *процáй молодость* ‘так называли боты суконные сверху, а подошва резиновая (модель галош) и сбоку застежка типа пряжки’ (ср. *Процáй, молодость* жарг. угол ‘суконные зимние ботинки на резиновой подошве’ [БСРП, с. 408]); *хлébная кнiжка* ‘партийный билет члена КПСС (коммунистической партии Советского Союза)’ (ср. в прозе Е. Лобаса: «Словно бутылка мутного и злого самогона, призывно замаячила тогда в Пивнях руководящая — районного масштаба — должность для каждого человека с головой на плечах, «хлебной книжкой» (партийным билетом) в кармане и хоть какими-то связями» [Лобас, 1975, с. 130]; *хлебная ксива* жарг.-угол. шутил.-ирон. ‘партбилет члена КПСС’ [БСРП, с. 337]); *отпу́ск* ‘паспорт. При советской власти, как и при крепостном праве в России (до 1861 года), проживающим в сельской местности людям (колхозникам паспорта не выдавались, а выдавали справку на личность)’.

Лексема *отпуск* в приведенном Б. П. Пластиным значении не была нами найдена в доступных толковых словарях, однако, как представляется, она вполне может не являться окказиональной, что подтверждается прозрачной мотивацией, а также существованием термина *отпускнáя* устар. ‘документ об отпуске; документ об освобождении крестьянина от крепостной зависимости; вольная’ [БТС, с. 758].

Помимо собственно историзмов, Б. П. Плаксин записывает слова и выражения, бытующие в современном языке, однако утратившие в настоящее время некоторые важные с точки зрения сохранения культурной информации значения, ср. *тарабáрская гра́мота* ‘была в употреблении еще в 16 веке и ранее. Дипломатическая шифровальная грамота. Позже стала применяться старообрядцами для тайной переписки’. В современных лексикографических источниках выражение бытует в двух основных значениях: разг. неодобр. ‘что-либо бессмысленное, непонятное (печатные сочинения, чьи-л. речи, выступления и т. п.)’; жарг. угол. ‘воровская тайнопись’ [БСРП, с. 160]. Однако в «Толковом словаре русского языка» под редакцией А. П. Евгеньевой присутствует отсылка к старообрядцам: *тарабáрская гра́мота* ‘одна из систем тайнописи, применявшаяся в южнославянских

и древнерусских рукописях, а позже использовавшаяся старообрядцами' [СлРЯ, т. 4, с. 339]. Ср. также *тарабáрский* 'тайнописный, криптографический': «Проводя московского посланника Манефа <игуменя раскольничьего скита> принялась за перевод тарабарского письма Дрябиных» [СлРЯ, т. 4, с. 339].

В стремлении записать слова и выражения ушедших эпох автор иногда наделяет лексему несвойственным ей культурно-историческим значением, ср. *паклива́ный хлеб* 'петлеванный. Суррогат хлеба из кукурузной муки с добавлением муки из ржи. 50-е года XX века времена правления Хрущева Н. С'. Ср. *пеклева́нный* 'мелко размолотый и просеянный (о муке, обычно ржаной)'; 'выпеченный из такой муки' [БТС, с. 790]. А хлеб из кукурузной муки не имел специального названия, в текстах воспоминаний об эпохе Хрущева встречается лишь словосочетание *хрущевский хлеб* 'хлеб с добавлением кукурузной муки': «Этот хлеб по форме напоминал кирпич. Цвет его был необычно желтоватым, у него была хрустящая корочка. Внешне он не очень отличался от пшеничного хлеба такой же формы. Вкусовые качества были другими, было такое впечатление, что хлеб был сырым внутри. А самое главное его отличие — это запах. Людям, проживающим в селе известен запах кукурузного силоса. Вот у «Хрущевского хлеба» был тот-же запах» (из воспоминаний Любви Денисенко) [Большой вопрос, 2012]; ср. также название статьи Евгения Кононовича в издании «Беларусь сегодня»: «Хрущевский хлеб: Как Никита Сергеевич пытался накормить страну с помощью кукурузы и что из этого вышло» [Кононович, 2014].

Культурными и историческими сведениями автор стремится подкреплять и свои этимологические догадки. Например: *отпéтый* 'неисправный дурак, безнадёжный мошенник. По церковным обрядам отпéтого можно похоронить' (курсив наш. — Е. Б.)'. Здесь составитель словаря, помимо собственно толкования лексемы *отпéтый*, обращается к осмыслению внутренней формы слова и приводит известный ему факт, что в традиционном похоронном обряде обязателен чин отпевания. Свой вариант этимологии в комментарии к толкованию Б. П. Плаксин предлагает также для глагола *утчубучить* 'сделать смешное, нелепое. Снять с шеи плетёный шнурок-чубучёк' (ср. *отчебучить*, *отчубучить* разг.-сниж. 'совершать что-л. необычное, неожиданное, выходящее за пределы допустимого' [БТС, с. 766]). В православной, а также в старообрядческой традиции снимать крест с шеи без особой необходимости не принято, вероятно, с этим фактом автор словаря и связывает появление глагола *отчубучить*, возводя его к лексеме *чубучёк* 'шнурок нательного креста', также присутствующей в его словаре.

4. Специфика дефиниций в словаре Б. П. Плаксона

В зоне толкования языковых фактов в словаре говора г. Бакал встречаются пометы самого различного характера: об интонации, с которой следует произносить толкуемое слово, ср. *Аль* ‘что. Вопросительные, восклицательные интонации произношения. Аль нады? Аль хошь!! Аль эдак — неужели так??’; о форме существования языка, в которой бытует описываемый языковой факт, ср. *прѣтча* ‘по-церковному рассказ, стих, особый жанр. Здесь состояние рассеянности, мистики (верить не верить), неожиданный случай. В одном ряду с оказией’; о стилистических характеристиках описываемой лексики и фразеологии, ср. *бáрынька моя мѣлостевая* ‘часто слышится в фамильярной речи’; *кокóрыш* ‘ласкательно к младенцу’; *косáя собáка* ‘бранные слова, а могут прозвучать и фамильярно’; *свининó рýло* ‘ругательство, не в прямом смысле, иносказательно, как и «собачья харя» (в фамильярной речи)’; *отéц, кормѣлец, батюшка* ‘глава семьи. Официальное обращение членов семьи. Бывало обращение и о милости отцовской: «Отец, кормилец, батюшка, просит Христа ради!!»’; *поть ты к жидáм ...* ‘«Холера б ты взяла!» «Поть ты к нохтю, холера с тобой!» — одно ругательство и бранные слова, но сказанные в сердцах’. Порой Б. П. Плаксин не может удержаться и высказывает свое эмоциональное отношение к современной речи и тем особенностям, которые отличают ее от речи людей прежних времен: *милóк, мил человек, мѣлочка, мѣлушка* ‘как грустно, что такие красивые слова мы почти забыли и не произносим любимому человеку’.

Особое место занимают в словаре метаязыковые размышления автора. Чаще всего они касаются происхождения слов, ср. *баранчѣть (карабчѣть)* ‘воровать (из татарского)’; *типун тебе на язык* ‘в крестьянском хозяйстве, кто занимается птицеводством, это выражение «типун» (с легкостью сказанное) связывают с болезнью птицы. В народе часто можно услышать его в ответ тому, кто предсказывает недобрые дела, говорит плохие вести. На самом деле «типун» — это захватик на кончике языка птицы для подбора зернышек’. Б. П. Плаксин также отмечает местную специфику функционирования прозвищ, ср.: «Бузяка Васька (прозвище) — прозвище как вторая фамилия, и чтобы односельчанам понятно было о ком идет речь, они же и давали, и “за глаза” называли друг друга ими. Например: Вашурка Кутузов (Кержак), Паша Борков (Серашка), Федя Мурзин (Хозяин) и десятки других. Порой незнакомому человеку, чтобы отыскать нужный адрес, приходится знать прозвище кого ищет. Смешная история была однажды и с автором».

Нередко толкования содержат информацию, напоминающую этнографические и энциклопедические комментарии в словарях рубежа XIX—

XX веков (словари Подвысоцкого, Куликовского, Васнецова и др.), — бытовые полезные советы, которые автор периодически дает, желая, по-видимому, продлить жизнь реалии и слову. Часто такие толкования приводятся автором для историзмов, слов, обозначающих реалии, незнакомые современному читателю: *жёстка* ‘игрушка из небольшого кусочка меха с длинным ворсом (козьим, овечьим), со свинцовой шайбой сверху. Пинать ногами внутренней стороной стопы’; *обрать* ‘узdeckа без удил. На норовистую (уросливую) лошадь одевают две узды; обрать и поверх узdeckу с удилами’ и др.

5. Источники словаря говора г. Бакал

Основным и наиболее ценным источником описываемого любительского словаря является языковой опыт самого «наивного лексикографа», а также его окружения (близких, родственников, жителей его города). Это отражается в авторском предисловии и иллюстрациях к словарю, где приводятся живые диалоги, явно «подслушанные» Б. П. Плаксиным. Ср. «Особый колоритный оттенок шуток — “забивают козла” в домино “гурьба” мужиков. Один из “козлятников”, дабы пошутить над другим, спрашивает и одновременно шлепает костяшкой домино по столу: “Сашк, слышал, Жоржа Д’Антеса пымали?” Очередь ставить костяшку Сашкина, брякая по столу, вдумывается в правильность решения хода, в ответ бубнит: “Долго змей скрывался!”».

Стремление Б. П. Пласкина «соединить тонкой нитью времен» лексику различных эпох, как думается, побуждают его в поисках языковых фактов и иллюстраций для словаря, помимо собственного языкового опыта, обращаться к различным — доступным ему — источникам, посвященным русской истории, традиционной обрядности и т. д.:

(1) фольклорные тексты: детский фольклор, ср. *купил* ‘вольно или невольно; без умысла или с умыслом обманул (удманул). Часто такое слово я слышал среди подростков в азартных и развлекательных играх. «Купил, нашел, едва ушел. Хотел назад отдать — не могли догнать» (украл)’; ча-стушки, ср. *выстрочил глаза́* ‘установил взгляд; показывает глаза (проявляет любопытство). Здесь «строчил» вышивать цветными нитками на ткани на коже. Строчить — шить. «Черевички мои носа выстрочены. Не хотела я плясать, сами выскочили». Здесь черевички — кожаная обувь’; русские народные сказки, ср. *лубок* ‘кора от липы’: «Избушка была лубяная, а у лисы ледяная»; городской романс, ср. *стёжка, дорожка стега́* ‘про-топанная дорожка без бугров и ям’: «Позарастили стежки, дорожки Где проходили милого ножки Позарастили мохом, травую, Где мы гуляли,

милый, с тобою... Трогательные стихи из лирической песни-романса» «Позарастали стежки, дорожки», написанные в 40-х годах 20 века»;

(2) художественная литература. Спектр художественных произведений, цитируемых автором в качестве иллюстраций к описываемой лексике, чрезвычайно широк: от классической литературы XIX века, ср. *лы́битца* (*лы́бится*) ‘улыбається во весь рот. «лыбится как майская роза». Показывает внешнюю привлекательность, очарование. Как описал поэт ... «И взор впился в твои красы, как жадная пчела в листок весенней розы». Денис Давыдов 1817 год’, — до детской литературы советского времени, ср. *каланча́* ‘место, где несет дозор пожарный. Вышка для наблюдения за округой на 360 градусов для обнаружения возгорания (места пожара). В народе высокого гражданина сравнивали с каланчей (ругательство). Жил высокий гражданин по прозванию «каланча» С. Михалков «Дядя Степа»’.

(3) рассчитанная на широкую публику энциклопедическая литература. Источники подобного рода, как думается, использует Б. П. Плаксин для приведения точной энциклопедической информации: например, для толкования лексики, обозначающей старинные меры длины (*аршин*, *вершок*, *сажень*, *локоть* и т. д., см. выше), для подробного описания приспособлений и механизмов, ср. комментарий в толковании к словосочетаниям *лампа пятилинейная*, *семилинейная*: «Лампа семилинейная — ширина фитиля = 2,54*7 прибрл. 18 мм. Пятилинейная — ширина фитиля = 2,54*5 прибрл. 13 мм. Винтовка-трехлинейка = 2,54*3 = 7,62 мм»;

(4) материалы региональной прессы, интернет-источников, посвященные темам происхождения славян, описанию быта и традиций русского народа различных исторических эпох. Именно интернет-ресурс, посвященный теме происхождения славян, как думается, послужил для Б. П. Плаксина источником редкой лексики *сунклит* ‘смола, предохраняющая от порчи (легендарный состав). Пропитанное такой смолой дерево — вечное. Состав неизвестен’. Из лексикографических источников слово встречается только в «Словаре русского языка XI—XVII веков», ср. *синклитъ*, *синьклитъ*, *сунклитъ*, *синкытъ* ‘вещество, не поддающееся воздействию огня и железа’ [СлРЯ XI—XVII, т. 28, с. 150]. По всей видимости, Б. П. Плаксину встретилось данное слово в ходе чтения фрагмента сочинений Мефодия Патарского, приводимого в «Повести временных лет» и цитируемого на популярных ресурсах, посвященных теме происхождения и древней истории славян, ср., например: «Александр, царь Македонский, дошел в восточные страны <...> и увидел людей нечистых из племени Иафетова <...> и загнал их в северные страны в горы высокие и по повелению божию сомкнулись за ними горы великие, только не сошлись горы на 12 локтей и воздвиглись ворота медные и покрылись

сунклитом (Сунклит — синклит — легендарный состав, предохраняющий от разрушения огнем и железом.). Сунклит же не берет ни огонь, ни железо» [Урал ..., 2010]. Ресурс посвящен теме «Урал в древних легендах», которая, вполне возможно, могла быть интересна Б. П. Плаксину, жителю Челябинской области.

6. Выводы

Итак, Б. П. Плаксин, создавая любительский словарь г. Бакал, следовал традиционным для «наивной» лексикографии установкам на «старинность» и экспрессивность, при этом отбиралась лексика наиболее показательных, с точки зрения автора, тематических групп лексики. Стремление зафиксировать в словаре жизнь Бакала в различные культурно-исторические эпохи становится стимулом для включения в словарь г. Бакал фактов языка и культуры различных временных и культурных пластов (от библейских онимов до новой лексики советской эпохи), бытующих как в языковом и культурном сознании самого автора, так и в сознании других местных жителей. Кроме того, автор в поиске лексических фактов обращается к текстовым источникам самого различного рода: фольклорным текстам, текстам художественной литературы, энциклопедическим статьям, материалам региональной прессы и даже интернет-источникам, создавая, таким образом, уникальный образец любительского толкового «словаря-энциклопедии».

Источники и принятые сокращения

1. *Большой вопрос*, 2012 — Как выглядел кукурузный хлеб во времена Хрущева и каким он был на вкус [Электронный ресурс] // Интернет-портал «Большой вопрос». — 2012. — Режим доступа : <http://www.bolshoyvopros.ru/questions/51719-kak-vygljadel-kukuruznyj-hleb-vo-vremena-hruscheva-i-kakov-on-by-l-na-vkus.html> (дата обращения 11.09.2021).
2. БСРП — Мокиенко В. М. Большой словарь русских поговорок / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. — Москва : ОЛМА Медиа Групп, 2007. — 785 с. — ISBN 978-5-373-01386-4.
3. БТС — *Большой* толковый словарь русского языка / составитель и главный редактор С. А. Кузнецов ; РАН, Институт лингвистических исследований. — Санкт-Петербург : Норинт, 1998. — 1535 с. — ISBN 5-7711-0015-3.
4. Бульчук, 2014 — Бульчук Н. О пешном действе : Беседа с руководителем ансамбля древнерусской духовной музыки «Сирин» Андреем Котовым [Электронный ресурс] / Н. Бульчук // Православие.Ру, 6 января 2014. — Режим доступа : <http://www.pravoslavie.ru/67252.html> (дата обращения 11.09.2021).
5. Кононович, 2014 — *Хрущевский хлеб* : Как Никита Сергеевич пытался накормить страну с помощью кукурузы и что из этого вышло [Электронный ресурс] / Е. Кононович // Беларусь сегодня. — 19 сентября 2014 г. — Режим доступа : <https://www.sb.by/articles/khrushchevskiy-khleb.html> (дата обращения 11.09.2021).

6. Кузнецова, 2001 — *Кузнецова Н. С.* «Откуда есть пошла русская земля...» / Н. С. Кузнецова // Читаем, учимся, играем : газета. — 2002. — № 2. — С. 4—13.
7. Лобас, 1975 — *Лобас Е.* Раз в жизни. Повесть. Из цикла «Сонет-66» [Электронный ресурс] / Е. Лобас // Грани. — 1975. — № 97. — С. 33—136. — Режим доступа : <https://fucont.ru/efd/342321> (дата обращения 11.09.2021).
8. *Малеца Н. М.* Словарь говоров уральских (яицких) казаков : в 4 т. / Н. М. Малеца. — Оренбург : Оренбургское книжное издательство, 2002—2003. — ISBN 5-88788-121-6.
9. СлРЯ — *Словарь русского языка* : в 4 т. / главный редактор А. П. Евгеньева. — Москва : Русский язык, 1985—1988. — Т. 1—4.
10. ОСВГ — *Областной словарь вятских говоров*. — Киров, 1996—2018.
11. РНК — *Русский народный календарь* : этнолингвистический словарь / О. В. Атрошенко, Ю. А. Кривошапова, К. В. Осипова. — Москва : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2015. — 544 с.
12. СлРЯ XI—XVII — *Словарь русского языка XI—XVII вв.* / АН СССР, Институт русского языка ; редкол.: С. Г. Бархударов (отв. ред.). — Москва : Наука, 1975. — 27 см. ISBN 5-02-010899-5.
13. СРНГ — *Словарь русских народных говоров* / под ред. Ф. П. Филина, Ф. П. Сорокалетова, О. Д. Кузнецовой. — Москва ; Ленинград ; Санкт-Петербург. — 1965. — 22 см. — ISBN 5-02-027894-7.
14. *Урал в древних легендах* [Электронный ресурс] // Интернет-портал «Кушва Блог». — 2010. — Режим доступа : <http://www.kushvablog.ru/108-ural-v-drevnix-legendax.html> (дата обращения 11.09.2021).
15. Ушаков — *Толковый словарь русского языка* / под редакцией Д. Н. Ушакова. — Москва, 1935—1940. — Т. 1—4.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Байбурин А. К.* Этнографические заметки о языке и слове в русской традиции / А. К. Байбурин // Антропологический форум. — 2005. — № 3. — С. 381—397.
2. *Белова О. В.* Восприятие «чужого» языка в народной культуре славян (этнолингвистический аспект) / О. В. Белова // Письменность, литература и фольклор славянских народов : XIV Международный съезд славистов (Охрид, 10—16 сентября 2008 г.). — Москва : Индрик, 2008. — С. 380—396.
3. *Березович Е. Л. М. С.* Устинова как языковая личность (к публикации авторского диалектного словаря) / Е. Л. Березович // Ежегодник Научно-исследовательского института русской культуры. 1995—1996. — Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 1997. — С. 128—137.
4. *Блинова О. И.* Носители диалекта — о своем диалекте (об одном из источников лексикологического исследования) / О. И. Блинова // Сибирские русские говоры : сборник статей. — Томск : Издательство Томского университета, 1984. — С. 3—14.
5. *Бондаренко Е. Д.* Наивная лингвистика диалектоносителей : этносоциolingвистический аспект : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / Е. Д. Бондаренко. — Екатеринбург : [б. и.], 2014. — 371 с.
6. *Бондаренко Е. Д.* Наивная лингвистика и диалектное языковое сознание / Е. Д. Бондаренко. — Москва : Индрик, 2021а. — 584 с. — ISBN 978-5-91674-605-1.
7. *Бондаренко Е. Д.* Лексика традиционной культуры в любительских диалектных словарях Русского Севера и Среднего Урала / Е. Д. Бондаренко // Славянские архаи-

ческие зоны в пространстве Европы: этнолингвистические исследования. — Москва : Индрик, 2021б. (В печати).

8. Букринская И. А. Метаязыковое сознание и его отражение в диалектном тексте / И. А. Букринская, О. Е. Кармакова // Слова. Концепты. Мифы : в 60-летию А. Ф. Журавлева. — Москва : Индрик, 2011. — С. 61—73.

9. Востриков О. В. «Сбор и перевод старинных слов» Л. Ф. Ваулиной — опыт диалектного авторского словаря / О. В. Востриков // Ежегодник Научно-исследовательского института русской культуры. 1994. — Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 1995. — С. 101—110.

10. Мищенко Д. Ф. Профессия : информант / Д. Ф. Мищенко // «Народная лингвистика» : взгляд носителей языка на язык : тезисы докладов международной научной конференции (Санкт-Петербург, 19–21 ноября 2012 г.). — Санкт-Петербург: Нестор-История, 2012. — С. 40—42.

11. Муслимов М. З. «Народная диалектология» в нижнелужицком ареале / М. З. Муслимов // Acta linguistica petropolitana. Труды института лингвистических исследований. — Санкт-Петербург : ИЛИ РАН, 2012. — Т. VIII — Ч. 1. — С. 135—193.

12. Никитина С. Е. Устная народная культура и языковое сознание / С. Е. Никитина. — Москва : Наука, 1993. — 187 с.

13. Никитина С. Е. Лингвистика фольклорного социума / С. Е. Никитина // Язык о языке : сб. статей / под общ. рук. и ред. Н. Д. Арутюновой. — Москва : Яз. русской культуры, 2000. — С. 558—597.

14. Пурицкая Е. В. Вербализация народных представлений о языке носителями диалекта (на материале псковских говоров) : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Е. В. Пурицкая. — Санкт-Петербург, 2009. — 22 с.

15. Седакова И. А. Лингвокультурные основы родинного текста болгар : автореферат диссертации ... доктора филологических наук : 10.02.03 / И. А. Седакова. — Москва, 2007. — 52 с.

16. Санников В. З. Деревенские в городской языковой среде (по моим детским воспоминаниям) / В. З. Санников // Материалы и исследования по русской диалектологии. — Москва : Наука, 2002. — Т. I (VII). — С. 376—381.

17. Толстая С. М. Обретение речи посредством магии / С. М. Толстая // Балканские чтения-9. Terra balkanica. Terra slavica : к юбилею Т. В. Цивьян. — Москва : Институт славяноведения РАН, 2007. — С. 105—112.

18. Толстая С. М. Языковая игра и вербальная магия (этнолингвистическая заметка) / С. М. Толстая // Фонетика и нефонетика : к 70-летию С. В. Кодзасова. — Москва: Языки славянских культур, 2008. — С. 717—721.

19. Хроленко А. Г. Лингвофольклористика : Листая годы и страницы / А. Г. Хроленко. — Курск : Курский гос. ун-т, 2008. — 231 с.

MATERIAL RESOURCES

Bulchuk, N. (2014). About the cave action: A conversation with the head of the ensemble of Old Russian sacred music “Sirin” Andrey Kotov. *Orthodoxy.Ru, January 6*. Available at: <http://www.pravoslavie.ru/67252.html> (accessed 11.09.2021). (In Russ.).

- Evgenyeva, A. P. (ed.). (1985—1988). *Dictionary of the Russian language: in 4 volum, 1—4*. Moscow: Russian Language. (In Russ.).
- Filin, F. P., Sorokoletova, F. P., Kuznetsova, O. D. (eds.). (1965). *Dictionary of Russian folk dialects*. Moscow; Leningrad; St. Petersburg. 22 cm. ISBN 5-02-027894-7. (In Russ.).
- Khrushchev's bread: How Nikita Sergeevich tried to feed the country with corn and what came of it. (2014). *Belarus today, September 19*. Available at: <https://www.sb.by/articles/khrushchevskiy-khleb.html> (accessed 11.09.2021). (In Russ.).
- Kuznetsov, S. A. (ed.). (1998). *A large explanatory dictionary of the Russian language*. St. Petersburg: Norint. 1535 p. ISBN 5-7711-0015-3. (In Russ.).
- Kuznetsova, N. S. (2002). "Where did the Russian land come from...". *Reading, learning, playing: gazeta*, 2: 4—13. (In Russ.).
- Lobas, E. (1975). Once in a lifetime. The story. From the cycle "Sonnet-66". *Grani*, 97: 33—136. Available at: <https://rucont.ru/efd/342321> (accessed 11.09.2021). (In Russ.).
- Malecha, N. M. (2002—2003). *Dictionary of dialects of the Ural (Yaitsky) Cossacks: in 4 volum*. Orenburg: Orenburg Book Publishing House. ISBN 5-88788-121-6. (In Russ.).
- Mokienko, V. M., Nikitina, T. G. (2007). *Great dictionary of Russian Proverbs*. Moscow: OLMA Media Group. 785 p. ISBN 978-5-373-01386-4. (In Russ.).
- Regional dictionary of Vyatka dialects*. (1996—2018). Kirov. (In Russ.).
- Russian Dictionary of XI—XVII centuries [Text] / USSR Academy of Sciences, Institute of Russian language*. (1975). Moscow: Nauka. 27 cm. ISBN 5-02-010899-5. (In Russ.).
- Russian folk Calendar: an ethnolinguistic dictionary*. (2015). Moscow: AST-PRESS BOOK. 544 p. (In Russ.).
- The big question is What corn bread looked like in the time of Khrushchev and what it tasted like. (2012). In: *The Internet portal "Big question"*. Available at: <http://www.bolshoyvopros.ru/questions/51719-kak-vygljadel-kukuruznyj-hleb-vo-vreme-na-hrusheva-i-kakov-on-byl-na-vkus.html> (accessed 11.09.2021). (In Russ.).
- Ural in ancient legends. (2010). In: *Internet portal "Kushva Blog"*. Available at: <http://www.kushvablog.ru/108-ural-v-drevnix-legendax.html> (accessed 11.09.2021). (In Russ.).
- Ushakov, D. N. (ed.). (1935—1940). *Explanatory dictionary of the Russian language, 1—4*. Moscow. (In Russ.).

REFERENCES

- Bayburin, A. K. (2005). Ethnographic notes about language and word in the Russian tradition. *Anthropological forum*, 3: 381—397. (In Russ.).
- Belova, O. V. (2008). Perception of the "foreign" language in the folk culture of the Slavs (ethnolinguistic aspect). In: *Writing, literature and folklore of the Slavic peoples*. Moscow: Indrik. 380—396. (In Russ.).
- Berezovich, E. L. (1997). M. S. Ustinova as a linguistic person (to the publication of the author's dialect dictionary). In: *Yearbook of the Scientific Research Institute of Russian Culture: 1995—1996*. Yekaterinburg: Publishing House of the Ural University. 128—137. (In Russ.).
- Blinova, O. I. (1984). Dialect speakers — about their dialect (about one of the sources of lexicological research). In: *Siberian Russian dialects: collection of articles*. Tomsk: Tomsk University Publishing House. 3—14. (In Russ.).

- Bondarenko, E. D. (2014). *Naive linguistics of dialect speakers: ethnosociolinguistic aspect*. PhD Diss. Yekaterinburg: [b. i.]. 371 p. (In Russ.).
- Bondarenko, E. D. (2021a). *Naive linguistics and dialect language consciousness*. Moscow: Indrik. 584 p. ISBN 978-5-91674-605-1. (In Russ.).
- Bondarenko, E. D. (2021b). The vocabulary of traditional culture in amateur dialect dictionaries of the Russian North and the Middle Urals. In: *Slavic archaic zones in the space of Europe: ethnolinguistic studies*. Moscow: Indrik. (In print.). (In Russ.).
- Bukrinskaya, I. A., Karmakova, O. E. (2011). Metalinguage consciousness and its reflection in the dialect text. In: *Words. Concepts. Myths*. Moscow: Indrik. 61—73. (In Russ.).
- Vostrikov, O. V (1995). “Collection and translation of ancient words” by L. F. Vaulina — the experience of the dialect author’s dictionary. In: *Yearbook of the Research Institute of Russian Culture: 1994*. Yekaterinburg: Publishing House of the Ural University, 1995. 101—110. (In Russ.).
- Mishchenko, D. F. (2012). Profession: informant. In: *“Folk linguistics”: the view of native speakers on the language*. St. Petersburg: Nestor-History. 40—42. (In Russ.).
- Muslimov, M. Z. (2012). “Folk dialectology” in the Lower Sorbian area. *Acta linguistica petropolitana, VIII(1)*: 135—193. (In Russ.).
- Nikitina, S. Ye. (1993). *Oral folk culture and linguistic consciousness*. Moscow: Nauka. 187 p. (In Russ.).
- Nikitina, S. Ye. (2000). Linguistics of folklore society. In: *Language about language*. Moscow: Languages of Russian culture. 558—597. (In Russ.).
- Puritskaya, E. V. (2009). *Verbalization of folk ideas about the language by native speakers of the dialect (Pskov dialects): author’s abstract of PhD Diss*. St. Petersburg. 22 p. (In Russ.).
- Sedakova, I. A. (2007). *Linguocultural foundations of the native text of the Bulgarians: author’s abstract of Doct Diss*. Moscow. 52 p. (In Russ.).
- Sannikov, V. Z. (2002). Village people in the urban language environment (according to my childhood memories). In: *Materials and research on Russian dialectology*. Moscow: Nauka. I (VII): 376—381. (In Russ.).
- Tolstaya, S. M. (2007). Finding speech through magic. In: *Balkan readings-9. Terra balkanica. Terra slavica: for the anniversary of T. V. Tsivyan*. Moscow: Institute of Slavic Studies RAS. 105—112. (In Russ.).
- Tolstaya, S. M. (2008). Language game and verbal magic (ethnolinguistic note). In: *Phonetics and nephonetics: to the 70th anniversary of S. V. Kodzasov*. Moscow: Languages of Slavic Cultures. 717—721. (In Russ.).
- Khrolenko, A. G. (2008). *Lingvofolkloristics: Leafing through the years and pages*. Kursk: Kursk State University. 231 p. (In Russ.).

Бородина Н. А. Мифопоэтическая картина мира Бунина-поэта : лингвистический и литературно-культурологический аспекты анализа / Н. А. Бородина, О. А. Селеменова, Н. А. Трубицина // Научный диалог. — 2021. — № 10. — С. 28—47. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-10-28-47.

Borodina, N. A., Selemeneva, O. A., Trubitsina, N. A. (2021). Mythopoetic Worldview of Bunin: Linguistic and Literary and Cultural Analysis Aspects. *Nauchnyi dialog*, 10: 28-47. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-10-28-47. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-10-28-47

Мифопоэтическая картина мира Бунина- поэта: лингвистический и литературно- культурологический аспекты анализа

Бородина Надежда Анатольевна

orcid.org/0000-0002-9198-1080

кандидат филологических наук, доцент,
кафедра русского языка, методики его
преподавания и документоведения
borodinanadezhda@yandex.ru

Селеменова Ольга Александровна

orcid.org/0000-0002-0488-8428

доктор филологических наук, профессор
кафедра русского языка, методики его
преподавания и документоведения
ol.selemeneva2011@yandex.ru

Трубицина Наталия Алексеевна

orcid.org/0000-0002-1694-8459

кандидат филологических наук,
доцент кафедры литературоведения и
журналистики
trubicina-nat@mail.ru

Mythopoetic Worldview of Bunin: Linguistic and Literary and Cultural Analysis Aspects

Nadezhda A. Borodina

orcid.org/0000-0002-9198-1080

PhD in Philology, Associate Professor,
Department of the Russian Language,
Methods of its Teaching and
Documentation
borodinanadezhda@yandex.ru

Olga A. Selemeneva

orcid.org/0000-0002-0488-8428

Doctor of Philology, Professor,
Department of the Russian Language,
Methods of its Teaching and
Documentation
ol.selemeneva2011@yandex.ru

Natalia A. Trubitsina

orcid.org/0000-0002-1694-8459

PhD in Philology, Associate Professor,
Department of Literary Criticism and
Journalism
trubicina-nat@mail.ru

Елецкий государственный университет
им. И. А. Бунина
(Елец, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено
при финансовой поддержке РФФИ
и Липецкой области в рамках
научного проекта № 20-412-480003.

Bunin Yelets State University
(Yelets, Russia)

Acknowledgments:

The research was funded by RFBR
and Lipetsk Region,
project number 20-412-480003.

© Бородина Н. А., Селеменова О. А., Трубицина Н. А., 2021

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Представлены результаты анализа семантических групп мифонимов поэтического наследия И. А. Бунина как средств экспликации различных историко-информационных и культурно-символических мировоззренческих смыслов. Актуальность работы обусловлена интересом литературной ономастики к выявлению единиц ономастического кода художественно-эстетических систем различных отечественных и зарубежных писателей. Новизна работы связана с включением в состав бунинского мифонимикона лексических единиц с разным соотношением номинируемого образа и денотата, с синтезом лингвистического и литературно-культурологического подходов при характеристике каждой из выделенных лексических единиц. Двенадцать описанных семантических групп мифологических имен организованы в виде поля с ядерной и периферийной частями. Для каждой группы отмечены особенности контекстуального употребления. Авторы приходят к выводу, что в бунинской картине мира мифонимы различной семантики выполняют текстообразующую и смыслообразующую функции. Они не только репрезентируют архетипические образы (Огонь, Низ, Женское, Сад и др.), аксиологические оппозиции (свет — тьма, добро — зло и т. д.), ключевые идеи, темы и мотивы (идея бытийной неподвижности, темы любви, смерти, мотивы искушения, воскресения, сновидения и др.), историософские концепции (нравственного выбора и стойкости духа), но и участвуют в создании индивидуально-авторского мифа.

Ключевые слова:

поэзия И. А. Бунина; мифопоэтическая картина мира; мифоним; семантический тип; функции.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The results of the analysis of semantic groups of mythonyms of the poetic heritage of I. A. Bunin as means of explication of various historical-informational and cultural-symbolic worldview meanings are presented in the article. The relevance of the work is due to the interest of literary onomastics in identifying units of the onomastic code of artistic and aesthetic systems of various domestic and foreign writers. The novelty of the work is associated with the inclusion of lexical units with different ratios of the nominated image and denotation into the Bunin mythonymicon, with the synthesis of linguistic and literary-cultural approaches in characterizing each of the selected lexical units. The twelve described semantic groups of mythological names are organized in the form of a field with a core and peripheral parts. For each group, the features of contextual use are noted. The authors come to the conclusion that in the Bunin picture of the world, mythonyms of various semantics perform text-forming and meaning-forming functions. They not only represent archetypal images (Fire, Bottom, Feminine, Garden, etc.), axiological oppositions (light — darkness, good — evil, etc.), key ideas, themes and motives (the idea of being still, themes of love, death, motives of temptation, resurrection, dreams, etc.), historiosophical concepts (moral choice and fortitude), but also participate in the creation of an individual author's myth.

Key words:

poetry of I. A. Bunin; mythopoetic picture of the world; mythonym; semantic type; functions.

Мифопоэтическая картина мира Бунина-поэта: лингвистический и литературно-культурологический аспекты анализа

© Бородина Н. А., Семенова О. А., Трубицина Н. А., 2021

1. Введение

В русской и мировой культуре XX века творчество И. А. Бунина занимает особое место. Утонченный эстет и эрудит, он смог запечатлеть в слове так много: чувственную конкретность мира и неповседневную реальность, пантеистический восторг и гармонию мироздания, красоту печали и всеединство памяти, трагичность борьбы со временем и неиссякаемую жажду бытия, угасающий патриархальный дворянский быт, панораму провинциальной жизни, русский национальный характер, восточный мистицизм. Многообразие тем, проблем и образов его поэзии и прозы уже на протяжении многих десятилетий выступает благодатной почвой для исследовательских поисков.

К числу ключевых мотивов поэтических и прозаических произведений Нобелевского лауреата отечественные и зарубежные буниноведы относят мифологические, библейские и фольклорные мотивы [Artz, 1988; Яблоновская, 2001; Бердникова, 2012; Николаева, 2013; Саяпова и др., 2014; Двинятина, 2015; Dudareva et al., 2019]. Так, иранская легенда о горе Эльбурс органично вплетается в бунинскую концепцию «дихотомии Единого» [Саяпова и др., 2014, с. 116]; древнегреческие герои и божества выступают средствами обнажения противоречий прошлого и настоящего [Яблоновская, 2001, с. 153—155]; лирические транскрипции славянских народных сказок, былин, песен помогают создать «образ времени, передать мироощущение русского человека» [Николаева, 2013, с. 139]; а провиденциальные и космологические образы Псалтири, ссылки и цитация свидетельствуют о «православной направленности» мировоззрения автора [Бердникова, 2012, с. 327].

Несмотря на регулярную включенность бунинских произведений в различные философские, религиозные, культурные контексты, в интерпретации его мифопоэтической парадигмы остается немало лакун. Например, еще не изучены языковые средства ее выражения, прежде всего лексические, обеспечивающие номинацию конститутивных для картины мира художника культурно-символических, историко-информационных, индивидуально-авторских мировоззренческих смыслов. Поэтому мы предлагаем

на основе синтеза лингвистического и литературно-культурологического подходов выявить роль различных семантических групп мифонимов в поэтическом наследии И. А. Бунина.

Объектом нашего исследования выступают стихотворения И. А. Бунина, созданные в период с 1888 года по 1952 год. Отметим, что первичная инвентаризация анализируемых лексических единиц — мифонимов — производилась по собранию сочинений писателя, вышедшему в 1987 году [Бунин, 1987, т. 1], а верификация фактического материала — по научному изданию поэзии И. А. Бунина под редакцией проф. Т. М. Двинятиной, увидевшему свет уже в 2014 году [Бунин, 2014, т. 1—2]. Всего было проанализировано более 700 контекстов.

2. О принципах отбора и классификации мифонимов в поэзии И. А. Бунина

Интерпретация и систематизация языкового материала с привлечением семантического, контекстуального, структурного методов позволили в состав бунинского мифонимикона включить лексические единицы с разным соотношением номинируемого образа и денотата. Всего нами были выделены три группы мифологических имен.

2.1. Имена, денотат которых отсутствует и отсутствовал. В этом случае у всех членов языкового коллектива имеется четкое представление о номинируемом объекте как вымышленном, то есть сказочном, мифологическом, былинном и т. п. Например, таков мифоним *Буян*, фигурирующий в произведениях восточнославянского фольклора и называющий особое место, находящееся на море Окиане и соотносящееся с потусторонним миром [Русская ономастика ..., 1994, с. 43]. В художественной картине мира И. А. Бунина указанный мифоним используется в двух произведениях: «Баба-Яга» (1907) и «Русская сказка» (15.08.1921). В этих стихотворениях Буян иронично именуется «островком», что способствует превращению сакрального места в сказочное: *Лес гудит, свистит, нагоняет сон / Ночь и день стоит над волной туман, / Окружен со всех с четырех сторон / Тьмой да мглой сырой островок Буян* [Бунин, 2014, т. 2, с. 185].

2.2. Имена, у которых, как и в первой группе, денотата нет, но у некоторых членов языкового коллектива, представляющих околонучную или оккультно-мистическую сферу, сохраняется убеждение в реальности объекта и его существовании в далеком прошлом. Например, мифонимом *Атлантида* называют остров, который якобы существовал в Атлантическом океане на западе от Гибралтарского пролива. Он был густо населен и изобилдовал всеми земными благами, но, согрешив про-

тив богов, жители Атлантиды были наказаны: в течение суток сильнейшее землетрясение опустило остров на дно океана [Любкер, 1888, с. 147—148]. Мифоинсулоном *Атлантида* в стихотворении И. А. Бунина «Зов» (8.07.1911) выступает символом мистического будущего, которое сможет родиться из «золотого века» прошлого, из всего лучшего, что бережно хранит память лирического героя: ... *Так кличут и меня мои воспоминанья: / На новые пути, на новые скитанья / Велят они вставать — в те страны, в те моря, / Где только бы тогда я кинул якоря, / Когда б заветную увидел Атлантиду* [Бунин, 2014, т. 2, с. 80].

Не все лингвисты определяют денотат подобных имен как «пустой» и, соответственно, включают эти онимы в разряд мифонимов. Так, А. В. Суперанская отмечает, что подобные единицы представляют гипотетические объекты, которые занимают промежуточное место между реальными объектами и вымышленными [Суперанская, 1973, с. 143].

2.3. Имена, денотат которых для значительной части языкового коллектива реален, поскольку присутствует уверенность в существовании лиц, мест, предметов, связанных с той или иной религиозно-философской концепцией. Например, в Ветхом Завете *Содом* — город в плодородной долине Сидим [Мифы народов мира, 1998, т. 2, с. 458]. Содомляне, отличавшиеся своим нечестием и распутством, навлекли на себя гнев Господний, и Бог уничтожил Содом. В библейской традиции город выступает символом крайней степени греховности. У И. А. Бунина в стихотворении «Из книги пророка Исаии» (1918), написанном как отклик на события октябрьской революции в России и приход к власти большевиков, мифоастионимом *Содом* обозначается современная писателю новая Россия, ставшая местом греха и ждущая грозного и праведного Божьего суда: *И падет / Сион во прах, зане язык его / И всякое деянье — срам и мерзость / Пред Господом, и выражение лиц / Свидетельствует против них, и смело, / Как некогда в Содоме, величают / Они свой грех* [Бунин, 2014, т. 2, с. 261].

Вопрос о включении единиц третьей группы в состав мифонимов достаточно спорен. Обычно исследователи относят их к агнионимам, которые репрезентируют ономастическое пространство святости, причем исключительно христианского учения [Бугаева, 2007; Дука, 2011; Лукина, 2014], хотя святость как фундаментальное понятие принадлежности к Богу, устремленности к совершенству, к безгрешности характерно для всех авраамических религий, индуизма и буддизма.

Мы лексические единицы третьей группы рассматриваем в составе мифонимикона И. А. Бунина по нескольким причинам:

— религиозно-философские системы, хотя и стремятся к освобождению от архаических элементов с целью сближения науки и религии, все

же демонстрируют устойчивую связь с древними мифологическими представлениями;

— ключевые мифы иудаизма, ислама, христианства и других мировых религий регулярно используются и воспроизводятся в различных типах дискурса;

— граница между образами реальных и вымышленных объектов, фигурирующих в трактатах разных конфессий, слишком размыта вследствие наделения лиц, мест, предметов трансцендентными свойствами.

В целом систематизация единиц мифонимикона И. А. Бунина может быть проведена на основании разных признаков: источника, номинируемого образа вымышленного объекта, этимологии, отношения к общеязыковому мифонимикону, наличия в семантике дополнительных коннотаций, своеобразия структуры, частотности речевой реализации, функций (частично эти классификационные признаки уже были описаны в [Селеменова, 2021]).

Учет совокупности перечисленных признаков при описании бунинского мифонимикона позволяет сформулировать исчерпывающие лингвистические и литературно-культурологические комментарии к каждой выделенной в индивидуально-авторской картине мира единице. Например: *Жар-Птица* — мифоним, которым именуется фантастическая птица с огненными перьями и светящимися глазами [Мифы народов мира, 1998, т. 1, с. 439]. Образ восходит к славянской фольклорной традиции. Согласно русской волшебной сказке, перо Жар-птицы сияет так, что может темную горницу сделать светлой. Золотая окраска птицы связана с тем, что она прилетает из «тридесятого царства», где все окрашено в золотой цвет [Там же]. По структуре мифоорнитоним *Жар-Птица* (в стихотворениях И. А. Бунина второй компонент тоже начинается с прописной буквы) представляет собой билексему (или сложный мифоорнитоним) с низкой частотностью употребления (2). Однако низкая частотность не влияет на значимость лексической единицы для художественно-эстетической системы Бунина-поэта. Если в стихотворении «Все лес и лес. А день темнеет ...» (1899) мифоним Жар-Птица представляет исключительно открытую метафору солнца, то в стихотворении «Закат» («Вдыхая тонкий запах четок...») (<1903—1906>) фольклорный образ Жар-Птицы и образ костра несут в себе «символику духа христианского горения — горения молитвой, горения любовью» [Нестерова, 2016, с. 42]. Очевидно, что для семантики рассматриваемого мифонима в поэзии И. А. Бунина характерны библейские культурно-символические коннотации, благодаря которым он включается в круг средств репрезентации христианских мотивов.

3. Своеобразие семантических групп мифонимов в поэзии

И. А. Бунина

В целом мифонимикон поэтических текстов И. А. Бунина сформирован 12 семантическими группами мифонимов: демононимами, мифоантропонимами, мифозоонимами, мифоорнитонимами, мифоперсонимами, мифотопонимами, мифофитонимами, мифохремадонимами, мифоэтнонимами, теонимами, спеллонимами и мифохрононимами.

При полевой стратификации мифонимикона поэзии И. А. Бунина в ядерную часть входят мифоантропонимы (типа *Авель, Авраам, Агарь, Адам, Алисафия, Бусуркургалу, Гальциона, Даниил, Ева, Иаков, Иеремия, Илья, Иосиф, Исаак, Исаия, Каин, Кассандра, Ксисутрос (Касисадра), Моисей, Мухаммад, Руслан, Самсон, Сара, Сафия, Святогор, Тезей, Улисс, Эгей* и др.) и теонимы (например, *Агни, Адрастея, Анубис, Бальдер, Ваал, Геймдаль, Зевес, Иисус Христос, Истара, Локи, Митра, Морфей, Нергал, Нерей, Нинип, Нэбо, Один, Ормузд, Перун, Посейдон, Прометей, Роману, Саваоф, Сарру, Селена, Син, Хаду, Эол, Ягве* и др.), которые составляют 62 % от общего числа мифологических имен.

В бунинских стихотворениях мифоантропонимы и теонимы имеют несколько особенностей употребления.

Так, большую часть мифоантропонимов составляют единицы, функционирующие в ветхозаветных и новозаветных преданиях, а также в мусульманской религиозно-философской литературе. Бунин-поэт предпочитает однокомпонентные по структуре мифоантропонимы. Трехчленные традиционные модели мифоантропонимов «чин святости + имя + номинатор» или «чин святости + имя + агномен» [Дука, 2011, с. 170] реализуются в стихотворных контекстах как простые единицы. Например: *Иоанн* ← *апостол Иоанн Богослов; Иоанн* ← *пророк Иоанн Креститель; Егорий* (народный вариант имени *Георгий*) ← *великомученик Георгий Победоносец; Иосиф* — *праведный Иосиф Обручник* и др.

Графико-фонетическому облику мифоантропонимов свойственна вариативность: *У райской запретной стены, / В час полуденный, Адамы с женой Еввой скорбит ...* [Бунин, 2014, т. 2, с. 184]. — *И стройна, высока, с преклоненными взорами Ева, / И к бедру ее круглому ластится Лев ...* [Бунин, 2014, т. 2, с. 131].

Для теонимов отмечается тенденция сближения написания имен с произношением, например, *Нинип* вместо *Ниниб* в стихотворении «Потоп. Халдейские мифы» (<1904—1905>) или *Иазаты* вместо *Язаты* в стихотворении «Эльбурс. Иранский миф» (1905).

И. А. Бунин использует греческие варианты мифоантропонимов и теонимов, а также вводит их латинскую транслитерацию. Например:

Гальциона (латинская транслитерация греческого имени); *Ксисутрос* (имя героя шумеро-аккадского мифа о потопе в пересказе историка Бероса на греческом языке, ср. в аккадской мифологии — Атрахасис, в шумерских текстах — Зиусудра, в ассирийских — Ут-напишти [Мифы народов мира, 1998, т. 1, с. 468; Мифы народов мира, 1998, т. 2, с. 651]) и др.

Для теонимов и мифоантропонимов характерно использование синонимических рядов имен, включающих отапеллятивные мифонимы, ономастические прилагательные и причастия, различные метафорические номинации. Например: *Богородица* — *Дева* — *Звезда Морей* — *Мадонна* — *Мария* — *Матерь Бога* — *Неневестная Лилия*; *Бальдер* — *Солнце* — *Воскресший Свет*; *Бог* — *Господь* — *Живущий* — *Небесный Царь* — *Саваоф* — *Сидящий* — *Суций* — *Вечный*; *Зевес* — *Державный* — *Визжител* *Скиптроносный* и др.

Ближнюю периферию поля образуют три семантические группы мифологических имен: демононимы (*Ангел Смерти*, *Ангел Мести*, *Водяной*, *Гаврил*, *Дьявол*, *Змей*, *Михаил*, *Сатана*, *Силы*, *Тьма*, *Эблис* и др.), мифоперсонимы (*Весна*, *Веснянка*, *Любовь*, *Мороз*, *Ночь*, *Осень*, *Смерть*, *Судьба*, *Черная Мати* и др.) и мифотопонимы (*Ад*, *Алатырь*, *Алмазная Река*, *Атлантида*, *Буян*, *Джиннат*, *Долина Смерти* и *Огня*, *Ирем*, *Ковсерь*, *Мистарим*, *Рай*, *Содом*, *Эдем* и др.). Суммарно они составляют примерно 24,4 % бунинского мифонимикона.

Анализ группы демононимов показывает, что И. А. Бунин придерживается характерных для мифологических и фольклорных текстов бинарных оппозиций, включая в лирические произведения именованья духов добрых и злых, помогающих людям и наносящих вред. Например, в стихотворении «Ночь Аль-Кафра» (<18.01.1906>) архангел Гавриил, продиктовавший Коран пророку Мухаммеду, выполняет миссию охранителя человечества: *И Гавриил — неслышно и незримо — / Обходит спящий мир* [Бунин, 2014, т. 2, с. 9]. Для номинации главного антагониста Бога и всех верных ему сил, олицетворения мирового зла, врага человеческого рода, предводителя бесов, автор использует разные проприальные единицы, находящиеся между собой в синонимических отношениях: *Дьявол* — *Змей* — *Сатана* — *Эблис*.

Вывявленные в поэзии И. А. Бунина демононимы восходят в основном к монотеистическим авраамическим религиям, а также к мифологическим представлениям славян.

Отметим, что в бунинских стихотворениях, отражающих мусульманские предания, написание мифонимов *Гавриил*, *Израфил*, *Эблис* отличается от устоявшегося и использующегося в современных изданиях Корана (соответственно *Джибрил*, *Исрафил*, *Иблис*). Данный факт можно, на наш

взгляд, объяснить тем, что знакомство с содержанием этой священной книги И. А. Бунин совершил по изданию М. Казимирского, переведенному с французского на русский язык К. Николаевым [Корань ..., 1864]. В нем как раз и зафиксирован указанный выше графический облик рассматриваемых демононимов.

В бунинском поэтическом наследии мифоперсонимы представляют собой отапеллятивные образования, появившиеся в результате антропоморфной метафорической интерпретации времени года, части суток, природных явлений, действия природных сил, чувств, прекращения бытия, предопределенного хода событий. Например, в соответствии со сложившейся традицией персонификации годового цикла И. А. Бунин изображает весну и осень в образе женщин. И если *Весна* у поэта — молодая девушка, голубоглазая, русоволосая, с улыбкой на устах, высокая и стройная, готовящаяся вступить в брак («В стороне далекой от родного края ...» (1893) [Бунин, 2014, т. 1, с. 154]), то *Осень* — это зрелая женщина, вдова, которой одиноко и тоскливо в расписном тереме («Листопад» (1900) [Там же, с. 189—193]).

Абсолютное большинство мифоперсонимов по структуре однословные. Исключение составляют мифоним *Черная Мати*, который функционирует как в полном варианте (*Черная Мати*), так и в редуцированном (*Мати*), и мифоним *Ночь*, компонентный состав которого расширяется за счет включения атрибутивной лексемы (*Степная Ночь*).

С точки зрения семантики группа мифотопонимов неоднородна. Она включает наименования мифологического пространства (*Ад, Джиннат, Мистарим, Рай, Сад, Сакар, Эдем*), орографических объектов (*Алатырь, Долина Смерти и Огня*), островов (*Атлантида, Буян*), водных источников (*Алмазная Река, Ковсерь*), городов (*Галгал, Ирем, Содом*).

Группа сформирована преимущественно узальными ономастическими единицами из иудаистской, исламской и христианской религиозно-мифологической литературы, восточнославянского фольклора и античной мифологии.

Индивидуально-авторский мифотопоним *Долина Смерти и Огня* возник, вероятно, у поэта под влиянием ветхозаветных преданий. Стихотворение «Молчание» (6.02.1916), в котором он отмечается [Бунин, 2014, т. 2, с. 246], имеет многочисленные переключки с Книгой пророка Исаии, содержащей предвидение судьбы иудеев, израильтян и иноплеменных народов, явление Мессии и разные события Его жизни. Частым образом в ней выступает опустошенная земля, например: «Ярость Господа Саваофа опалит землю, и народ сделается как бы пищею огня» (Ис. 9: 19) [Библия, 1988, с. 688]. Под воздействием подобных описаний, вероятно,

И. А. Бунин и вводит в поэтический текст мифоороним *Долина Смерти и Огня*.

Номинанты загробного мира у И. А. Бунина в соответствии с религиозными верованиями христиан и мусульман связаны парадигматическими отношениями, которые проявляются в наличии не только синонимического ряда, но и антонимического противопоставления. Ср.: мифологические имена, называющие место вечного блаженства праведников: *Джиннат — Рай — Сад — Эдем*, и мифологические имена, называющие место посмертного мучения грешников: *Ад — Сакар*.

Мифозоонимы (*Белый Олень, Кентавр, Лев*), мифоорнитонимы (*Вирь, Ворон, Жар-Птица, Павлин, Хугин*), мифохремотонимы (*Великий Трон, Конь Афины-Паллады, Светильник Седьми*) и спеллонимы (*Баба-Яга, Кощей, Цирцея*) образуют дальнюю периферию при полевой стратификации мифологических имен и составляют 11 % от общего числа анализируемых единиц.

Отличительной чертой мифозоонимов и мифоорнитонимов в мифонимиконе И. А. Бунина является то, что часть из них образовалась в результате онимизации апеллативов. Как контекстуальные ономастические единицы, они играют важную роль в реализации авторского замысла. Например, в стихотворении «Искушение» (30.01.1916; 1952) [Бунин, 2014, т. 2, с. 131], вводя наряду со Змеем дополнительных участников искушения Евы (Льва и Павлина), поэт передает идею неотвратимости грехопадения первой женщины, поскольку ее повсюду окружают соблазнитель: внизу — Лев, посередине — Змей, сверху — Павлин [Бердникова, 2009, с. 18].

С точки зрения структурной организации мифохремотонимы у И. А. Бунина являются составными именами, построенными по разным моделям: «имя прилагательное + имя существительное» (*Великий Трон*), «имя существительное + имя-компонит» (*Конь Афины-Паллады*), «имя существительное + имя числительное» (*Светильник Седьми*).

Традиционно славянские мифонимы *Баба-Яга* и *Кощей* относятся исследователями к мифоперсонам. Однако наличие семы ‘колдовство’ (*Баба-Яга* — лесная старуха-волшебница, *Кощей* — злой колдун, обладатель тайны долголетия) позволяет объединить их с мифонимом *Цирцея*, номинирующим в греко-римской мифологии коварную волшебницу с острова Эя, в группу спеллонимов — имен волшебников и иных сказочных существ, обладающих магическими способностями (данный термин предложен В. В. Ощепковой и Н. В. Соловьевой [Ощепкова и др., 2018, с. 73]).

В крайнюю периферию входят мифохрононимы (*Страшный Суд, Судный день*), мифофитоним (*Древо*) и мифоэтноним (*Амазонки*) (2,6 %).

В качестве источника мифохрононимов *Страшный Суд* и *Судный день* выступает христианская и исламская эсхатологии, согласно которым в конце времен состоится суд Божий над людьми, когда каждый сообразно своим делам получит вечное блаженство или вечное наказание. Данные мифологические имена двухкомпонентные, образованы по модели «имя прилагательное + имя существительное».

Однословные мифофитоним *Древо*, восходящий к составной ветхозаветной ономастической единице *Древо познания добра и зла*, и мифоэтоним *Амазонки*, заимствованный из древнегреческой мифологии, функционируют у И. А. Бунина в основных значениях. Первый используется поэтом для изложения библейского сюжета об искушении, второй — для интерпретации мифа о женщинах-воительницах: *В час полуденный, зыбко свиваясь по Древу, / Водит, тянется малой головкой своей, / Ищет трепетным жалом нагую смущенную Еву / Искушающий Змей* («Искушение» (30.01.1916; 1952) [Бунин, 2014, т. 2, с. 131]); *Здесь царство Амазонок. Были дики / Их буйные забавы. Много дней / Звучали здесь их радостные клики / И ржание купавшихся коней* («У берегов Малой Азии» (<1904>) [Бунин, 2014, т. 1, с. 284]).

4. Функции мифонимов в мифопоэтической картине мира

И. А. Бунина

Мифонимы каждой из описанных семантических групп играют определенную роль в моделировании эстетико-художественной системы Бунина-поэта. Они выступают в художественном тексте теми прецедентными единицами, которые именуют лица, предметы, локусы, временные отрезки, эмоционально и когнитивно значимые для индивидуально-авторской картины мира.

Целый ряд мифологических имен различных семантических групп — мифоантропонимы, теонимы, мифоорнитонимы, мифозоонимы, мифоперсонимы, спеллонимы, мифотопонимы, мифохремотонимы — формируют заглавия стихотворений: «Авраам» (<28.06.1906>), «Алисафия» (2.08.1912), «Баба-Яга» (1907), «Белый Олень» (1.08.1912), «Веснянка» (1901), «Вирь» (1900), «Истара» (<1906>), «Каин» (1907), «Ковсерь» (<1903-1905>), «Конь Афины-Паллады» (22.07.1916), «Магомет и Сафия» (22.03.1914), «Самсон» (25.08.1904) и др. Находясь в сильной позиции текста, мифонимы выступают элементами смыслопорождения и текстопорождения: они либо открыто эксплицируют конкретные претексты и сюжеты, либо просто отсылают читателя к определенной мифологической или фольклорной традиции (заимствуется не сюжет, а образ, трансформирующийся и получающий дополнительные смысловые, культурно-символи-

ческие приращения). Например, стихотворение «*Гробница Рахили*» (1907 или 08.1908) воспроизводит библейское предание о месте захоронения жены патриарха Иакова, а стихотворение «*Святогор и Илья*» (21.01.1916) выступает переложением русской былины «Святогор и Илья Муромец». В то же время стихотворение «*Агни*» (1905) лишь отсылает к ведийской и индуистской мифологической традиции, вероятно, к сборнику религиозных гимнов «Ригведа», в которых Агни выступал персонификацией священного огня. У Бунина-поэта традиционный для индусов погребальный костер интерпретируется как своеобразное жертвоприношение Агни, вслед за которым следует новое рождение человека. А вот стихотворение «*Морфей*» (26.07.1922) связано уже с греческой мифологией, в которой Морфей фигурировал в качестве сына бога Гипноса. Образ Морфея в бунинский текст вводится отнюдь не случайно: через мотив сновидения раскрывается тема любви, над которой не властна даже смерть.

В целом в лирике И. А. Бунина благодаря использованию системы мифологических имен воспроизводится и интерпретируется обширный корпус сюжетов и образов *ветхозаветных и новозаветных преданий* (рождение у Авраама сына («Благовестие о рождении Исаака», 10.08.1916), изгнание Адама и Евы из Рая («Потерянный Рай», 12.09.1919), грехопадение Евы («Искушение», 30.01.1916; 1952), борьба Иакова с Богом («Иаков», 10.03.1914), апокалипсические видения Иоанна Богослова («Сын Человеческий», 25.07.1905) и др.); *сур Корана* («Ночь Аль-Кафра» (<18.01.1906>), «Черный камень Каабы» (<1903—1905>), «Белые крылья» (20.01.1906), «Священный прах» (<январь 1906>) и др.); *античных мифов* (мифы о Троянской войне («Конь Афины-Паллады», 22.07.1916), о Прометее («Прометей в пещере», 10.06.1909), об Атланте («Атлант», 1905), о Тезее и его отце Эгее («Тезей», 1907), об Эоле и Гальционе («Гальциона», 28.07.1908) и др.) и т. д. Нередко поэт обращается и к малоизвестным сюжетам. Например, в стихотворении «Бальдер» (<март 1906>) воспроизводится сюжет о гибели любимого сына верховного бога Одина, золотоволосого Бальдера (Бальдра). Когда Бальдеру стали сниться зловещие сны, предвещавшие угрозу для жизни, его мать богиня Фригт взяла клятву со всех вещей и существ, что они не нанесут вреда ее сыну. Клятва не была взята только с безобидного побега омелы. Однажды на пиру боги забавлялись стрельбой в ставшего неуязвимым Бальдера. Злокозненный бог Локи дал слепому богу Хеду (Хаду у И. А. Бунина) прут из омелы, которым тот и убил Бальдера. В стихотворении «Бальдер» И. А. Бунин по-своему интерпретирует скандинавский миф. Пафос стихотворения заключается в победе света над тьмой, добра над злом, в актуализации мотива воскресения.

В ряде бунических стихотворений происходит заметная трансформация источников за счет их контаминации. Примером могут служить стихотворения «Конь Афины-Паллады» (22.07.1916), «Тезей» (1907). В первом классический мифологический сюжет (события Троянской войны) контаминируется с Откровением Иоанна Богослова, за счет чего «в троянский миф, лишенный каких-либо внятных мотивов метафизической вины обреченного города, привносятся оттенки, характерные для библейского Вавилона и других городов, гибнущих от чрезмерности скопившихся в них зол и грехов», тем самым мифологический сюжет проецируется на «предреволюционную ситуацию в России» [Двинятина, 2015, с. 179]. Во втором стихотворении речь идет о кентавре Нессе, который попытался похитить жену Геракла Деяниру, но был сражен стрелой с ядом Лернейской гидры. Умирая, Несс решил отомстить и посоветовал Деянире собрать свою кровь, так как она якобы поможет ей сохранить любовь Геракла. Деянира пропитала ядовитой кровью Несса одежду Геракла, и тот умер в страшных мучениях. Контаминация двух классических мифологических сюжетов (мифа о возвращении Тезея после победы над Минотавром и мифа о Геракле, отравленном женой [Бородина и др., 2021, с. 20]) помогает автору создать свой индивидуальный мифологический сюжет о коварстве, тщеславии, безмятежности юности и безутешности родительского горя, которое писателю пришлось испытать, пережив смерть сына.

Смыслообразующую и текстообразующую функции могут выполнять теонимы, мифоантропонимы, демононимы, которые и не присутствуют в заглавиях стихотворений, но вызывают широкий круг аллюзий и ассоциаций в силу своей общеизвестности (типа *Дьявол, Ева, Змей, Иисус Христос, Каин, Эблис, Эгей* и др.). Так, демоническая репутация Каина находит подтверждение в стихотворении «Мандрагора» (весна 1907 года). Травянистое растение является для И. А. Бунина природным наследием Каина, более страшным, чем он сам, поскольку постоянная готовность к убийству, как у палача, стала его вечным предназначением на земле.

Мифонимы используются Буниным-поэтом не только для воспроизведения, интерпретации и трансформации широко известных или малоизвестных мифологических, религиозных, былинных, сказочных сюжетов, но и с целью создания неповторимого индивидуально-авторского мифа. Поскольку вопрос об индивидуальном мифотворчестве до настоящего времени вызывает в филологической науке терминологические разногласия, поясним, что мы под мифотворчеством понимаем «процессы создания литературной реальности по трафаретам мифосознания» [Ермоленко, 2020, с. 90]. Например, мифоорнитоним *Вирь* из стихотворения «Вирь» (1900) не только включается в состав единиц, эксплицирующих зооморфный код

произведений Бунина-поэта и Бунина-прозаика (наряду с сапсаном, вороном, соколом, грачом и т. д.), но и выступает средством создания бунинской легенды о сладкоголосой птице серо-аспидного цвета, живущей в мрачном еловом лесу и привлекающей путников в его глубины. Образ птицы, испытавший влияние греческих мифов, русских духовных стихов, произведений пластического искусства (картина В. М. Васнецова «Сирин и Алконост. Песнь радости и печали»), становится в мифопоэтической картине мира И. А. Бунина символом, через призму которого поэт в очередной раз пытался осмыслить тему страдания и смерти, предопределенности судьбы.

Часть мифоантропонимов, теонимов, демононимов, мифотопонимов, спеллонимов, мифоперсонимов выступают в бунинских стихотворных текстах маркерами различных значимых оппозиций, ключевых идей, тем, мотивов и даже историософских концепций. Например, теонимы *Ормузд* и *Локи* соответственно обозначают членов аксиологической оппозиции *Свет* — *Тьма*, аккумулируя в себе идею торжества *Добра* и *Света* над *Тьмой* и *Злом* («Бальдер», <март 1906> и «Ормузд», 1904). Мифогидронимы (*Алмазная река*, *Ковсерь*, *Океан*) в индивидуально-авторской картине мира становятся средствами выражения идеи бытийной неподвижности мира, исток которой находим еще в буддийских представлениях о водном пути как пути «ниоткуда и никуда» [Сливицкая, 2009, с. 227—228]. Эта идея воплощается у Бунина-поэта и в образе океана, и в образе рек. Хотя, как отмечает О. В. Сливицкая, река как раз «имеет начало и конец» и, напротив, аккумулирует «идею вечной изменчивости» [Там же, с. 228]. Демононимы реализуют мотивы древней борьбы Света и Тьмы (*Михаил* в стихотворении «Ночью, звездной и студеной ...», 30.10.1916), конца света (*Сатана* в стихотворениях «На исходе», 6.02.1916; «И шли века, и стены Рая пали ...», 29.06.1916), олицетворяют любовную страсть, связанную с мотивом искушения (*Ангел* с атрибутивной словоформой *мятежный* в постпозиции в стихотворении «Беру твою руку и долго смотрю на нее ...», 1898). Мифоантропоним *Авель* («Люцифер», 20.08.1908) маркирует невинность и праведность первых людей, соблазненных Сатаной, и реализует мотив райской чистоты; *Алисафия* актуализирует мотив счастливой женской доли («Алисафия», 2.08.1912), а *Ева* — мотив потерянного рая («Потерянный рай», 12.09.1919; «Искушение», 30.01.1916; 1952); мифоантропонимы *Святогор* и *Илья* выступают единицами историософской концепции стойкости духа и нравственного выбора («Святогор и Илья», 21.01.1916) и т. д. Спеллоним *Кощей* реализует мотив старости на контрасте с мотивом детства («В первый раз», <1910>); а мифоперсоним *Мороз* — бинарную оппозицию «открытое пространство» — «закрытое пространство» («Метель», 1887—1895).

В лирике И. А. Бунина мифонимы (мифоорнитонимы, мифоантропонимы, теонимы, мифотопонимы, мифофитонимы) маркируют различные архетипы как природного мира, так и области психологических ролевых образов. Например, теоним *Агни* и мифоорнитоним *Жар-Птица* становятся репрезентантами архетипа *Огонь, Пламень* («Агни», 1905; «Закат» («Вдыхая тонкий запах четок ...», <1903—1904>); мифотопонимы *Ирем* и *Джиннат* — архетипа *Сад* («Розы Шираза», <1906>; «Ковсерь», <1903—1905>; «Черный камень Каабы», <1903—1905>); мифохремотоним *Великий Трон* и мифофитоним *Древо* являются архетипичными воплощениями *Верха* («Ночь Аль-Кадра», <18.01.1906>; «Искушение, 30.01.1916; 1952), а мифотопонимы *Ад, Сакар — Низа* («День гнева», 5.07.1905); спеллоном *Цирцея* представляет архетип *Женское*, то есть то телесное начало, которое соблазнительно, притягательно и неотразимо для мужчин, а мифоантропоним *Улисс* репрезентирует, напротив, архетип *Мужское*, то начало, которое неотвратно влечет к женской красоте («Цирцея», 30 или 31.01.1916) и др.

5. Заключение

Таким образом, в проанализированных поэтических текстах И. А. Бунина было выделено 12 семантических групп мифологических имен с разным соотношением номинируемого образа и денотата. Объем проприальных единиц, входящих в выделенные семантические группы, и частотность реализации в художественных контекстах позволили провести их полевую стратификацию. В ядро поля вошли мифоантропонимы и теонимы, в ближнюю периферию — демонимы, мифоперсонимы и мифотопонимы, в дальнюю — мифозоонимы, мифоорнитонимы, мифохремотонимы и спеллонимы, а в крайнюю — мифохрононимы, мифофитонимы и мифоэтнонимы.

Среди особенностей употребления мифонимов отмечены следующие: предпочтение однокомпонентных (простых) единиц, вариативность их графико-фонетического облика, сближение написания с произношением, выстраивание синонимических рядов имен, использование полных и редуцированных вариантов, наличие значительного количества отапельлятивных образований и др.

В структуре стихотворных текстов И. А. Бунина мифологические имена выступают ключевыми единицами, выполняющими текстообразующую и смыслообразующую функции. Благодаря мифонимам автор воспроизводит, интерпретирует, трансформирует обширный корпус античных, библейских, скандинавских, мусульманских и др. сюжетов и образов в целях создания неповторимой художественно-эстетической системы, узнаваемой индивидуальности мифопоэтической картины мира. Будучи вынесенными

в сильную позицию текста — заглавие, мифонимы становятся теми языковыми знаками, которые выражают путем актуализации фоновых знаний адресата о претекстах философско-эстетическую и информационно-символическую суть стихотворений.

Включаясь в текстовое пространство, мифонимы эксплицируют важные для Бунина-поэта бинарные оппозиции (*свет — тьма, открытость — закрытость пространства* и др.), ключевые идеи (*идея торжество Добра над Злом, идея бытийной неподвижности мира, идея неотвратимости грехопадения* и др.), темы (*тема любви, тема смерти, тема предопределенности судьбы* и др.), мотивы (*мотив конца света, мотив искушения, мотив райской чистоты, мотив старости* и др.), историко-философские концепции (*стойкости духа и нравственного выбора*), архетипы природного мира (*Огонь, Сад, Верх* и др.) и области психологических ролевых образов (*Женское — Мужское*).

Из двенадцати описанных семантических групп наиболее богатым функциональным потенциалом в художественных текстах обладают теонимы, мифоантропонимы, мифоперсонимы и демононимы.

Источники

1. Бунин И. А. Собрание сочинений в 6 томах. Стихотворения 1888—1952. Переводы / И. А. Бунин. — Москва : Художественная литература, 1987. — Т. 1. — 687 с.
2. Бунин И. А. Стихотворения : в 2 т. / И. А. Бунин ; вступительная статья, сост., подг. текста, примеч. Т. М. Двинятиной. — Санкт-Петербург : Издательство Пушкинского Дома, Вита Нова, 2014. — Т. 1. — 544 с. — ISBN 978-5-87781-040-2.
3. Бунин И. А. Стихотворения : в 2 т. / И. А. Бунин ; вступительная статья, сост., подг. текста, примеч. Т. М. Двинятиной. — Санкт-Петербург : Издательство Пушкинского Дома, Вита Нова, 2014. — Т. 2. — 544 с. — ISBN 978-5-87781-040-2.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердникова О. А. Мотивы искушения в творчестве И. А. Бунина в аспекте христианской антропологии / О. А. Бердникова // Вестник ВГУ. Серия : Филология. Журналистика. — 2009. — № 1. — С. 1—19.
2. Бердникова О. А. Реминисценции, цитаты и мотивы Псалтири в творчестве И. А. Бунина / О. А. Бердникова // Проблемы исторической поэтики. — 2012. — № 10. — С. 315—327.
3. Библия : Книги Священного писания Ветхого и Нового Завета. — Москва : Издание Московской Патриархии, 1988. — 1385 с.
4. Бородина Н. А. Античная мифология в поэзии И. А. Бунина / Н. А. Бородина, Н. А. Трубицина // Вестник ВГУ. Серия : Филология. Журналистика. — 2021. — № 2. — С. 18—21.
5. Бугаева И. В. Агионимы в православной среде : структурно-семантический анализ. Монография / И. В. Бугаева. — Москва : ФГОУ ВПО РГАУ–МСХА имени К. А. Тимирязева, 2007. — 138 с. — ISBN 978-5-9675-0184-5.

6. Двинятина Т. М. Поэзия И. А. Бунина : Эволюция. Поэтика. Текстология : диссертация ... доктора филологических наук : 10.01.01 / Т. М. Двинятина. — Санкт-Петербург, 2015. — 437 с.

7. Дука Л. И. Агионимы в пространстве русской лингвокультуры / Л. И. Дука // Вісник Запорізького національного університету. Філологічні науки. — 2011. — № 2. — С. 169—172.

8. Ермоленко О. В. «Мифотворчество» и «индивидуально-авторское мифотворчество» : проблема разграничения понятий / О. В. Ермоленко // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2020. — Том 13. — Выпуск 3. — С. 90—94. — DOI: 10.30853/filnauki.2020.3.20.

9. Коранъ Магомета, переведенный съ арабскаго на французскій переводчикомъ французскаго посольства въ Персіи, Казимирскимъ. Съ примѣчаніями и жизнеописаніемъ Магомета // Съ французскаго перевелъ К. Николаевъ. — Москва : Изданіе книгопродавца К. Шамова, 1864. — 518 с.

10. Лукина О. А. Экклезионимное пространство Беларуси / О. А. Лукина. — Витебск : Витебский государственный университет имени П. М. Машерова, 2014. — 110 с. — ISBN 978-985-517-432-6.

11. Любкер Фр. Реальный словарь классической древности / Фр. Любкер // Полный переводъ съ 6-го послѣдняго нѣмецкаго изданія; подъ редакціей, съ дополненіями и исправленіями проф. В. И. Модестова. — Москва ; Санкт-Петербург : Товарищество М. О. Вольфъ, 1888. — 1208 с.

12. Мифы народов мира. Энциклопедия : в 2-х тт. / гл. ред. С. А. Токарев. — Москва : Большая Российская энциклопедия, 1998. — Том 1. А–К. — 672 с.

13. Мифы народов мира. Энциклопедия : в 2-х тт. / гл. ред. С. А. Токарев. — Москва : Большая Российская энциклопедия, 1998. — Том 2. К–Я. — 720 с.

14. Нестерова Е. В. «Парные тексты» в поэзии И. А. Бунина (к проблеме заголовочного комплекса) / Е. В. Нестерова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия : Филология. Журналистика. — 2016. — № 1. — С. 39—42.

15. Николаева С. Ю. Фольклорные мотивы в поэзии И. А. Бунина, Ю. П. Кузнецова, Н. И. Тяткина / С. Ю. Николаева // Традиционная культура Тверского края : сборник научных статей и публикаций. — Тверь : ТвГУ, 2013. — С. 129—139.

16. Ощепкова В. В. Спеллонимы в системе мифонимов британской народной сказки / В. В. Ощепкова, Н. В. Соловьева // Вестник Московского государственного областного университета. Серия : Лингвистика. — 2018. — № 2. — С. 73—87. — DOI: 10.18384/2310-712X-2018-2-73-87.

17. Русская ономастика и ономастика России. Словарь / Под ред. О. Н. Трубачева. — Москва : Школа-Пресс, 1994. — 288 с. — ISBN 5-88527-066-X.

18. Саяпова А. М. Иранская мифология в художественном мире И. А. Бунина / А. М. Саяпова, Э. Каримираби // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. — 2014. — Т. 156, Книга 2. — С. 115—120.

19. Селеменова О. А. Система мифонимов в поэзии И. А. Бунина / О. А. Селеменова // Научный диалог. — 2021. — № 6. — С. 136—150. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-6-136-150.

20. Сливицкая О. В. Космическое мироощущение И. А. Бунина / О. В. Сливицкая // Труды объединенного центра проблем космического мышления. — 2009. — Т. 2. — С. 213—238.

21. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного / А. В. Суперанская. — Москва : Наука, 1973. — 366 с.
22. Яблоновская Н. В. Античные мотивы и образы в творчестве И. А. Бунина / Н. В. Яблоновская // Культура народов Причерноморья. — 2001. — № 20. — С. 153—158.
23. Artz M. A Biblical motif in Ivan Bunin's stories written between 1916 and 1925 / M. Artz // *Studies in Slavic Literature and Poetics. Dutch Contributions to the Tenth International Congress of Slavists (Sofia, September 14—22)* / Editors : J. J. van Baak, R. Grübel, A. G. F. van Holk, W. G. Weststeijn. — Amsterdam : Rodopi, 1988. — Pp. 1—18.
24. Dudareva M. A. Bunin I. A. and folklore : Ontological in poetics / M. A. Dudareva, S. V. Smirnova, L. A. Budnichenko, L. G. Vakku // *Amazonia Investiga. September—October*. — 2019. — Vol. 8. — № 22. — Pp. 129—134.

MATERIAL RESOURCES

- Bunin, I. A. (1987). *Collected works in 6 volumes, 1. Poems 1888—1952. Translations*. Moscow: Fiction. 687 p. (In Russ).
- Bunin, I. A. (2014). *Poems: in 2 volumes, 1*. St. Petersburg: Pushkin House Publishing House, Vita Nova. 544 p. ISBN 978-5-87781-040-2. (In Russ).
- Bunin, I. A. (2014). *Poems: in 2 volumes, 2*. St. Petersburg: Pushkin House Publishing House, Vita Nova. 544 p. ISBN 978-5-87781-040-2. (In Russ).

REFERENCES

- Artz, M. (1988). A Biblical motif in Ivan Bunin's stories written between 1916 and 1925. In: *Studies in Slavic Literature and Poetics. Dutch Contributions to the Tenth International Congress of Slavists (Sofia, September 14—22)*. Amsterdam: Rodopi. 1—18.
- Berdnikova, O. A. (2009). Motives of temptation in the works of I. A. Bunin in the aspect of Christian anthropology. *Bulletin of the VSU. Series: Philology. Journalism, 1*: 1—19. (In Russ).
- Berdnikova, O. A. (2012). Reminiscences, quotations and motives of the Psalter in the works of I. A. Bunin. *Problems of historical poetics, 10*: 315—327. (In Russ).
- Borodina, N. A., Trubitsina, N. A. (2021). Ancient mythology in the poetry of I. A. Bunin. *Bulletin of the VSU. Series: Philology. Journalism, 2*: 18—21. (In Russ).
- Bugaeva, I. V. (2007). *Hagionyms in the Orthodox environment: structural and semantic analysis. Monograph*. Moscow: FGOU VPO RGAU-MSHA named after K. A. Timiryazev. 138 p. ISBN 978-5-9675-0184-5. (In Russ).
- Dudareva, M. A., Smirnova, S. V., Budnichenko, L. A., Vakku, L. G. (2019). Bunin I. A. and folklore: Ontological in poetics. *Amazonia Investiga. September—October, 8 (22)*: 129—134.
- Duka, L. I. (2011). Hagionyms in the space of Russian linguoculture. *Bulletin of Zaporozhye National University. Philological Sciences, 2*: 169—172. (In Russ).
- Dvinyatina, T. M. (2015). *I. A. Bunin's Poetry: Evolution. Poetics. Textology*. Doct. Diss. St. Petersburg. 437 p. (In Russ).
- Ermolenko, O. V. (2020). "Myth-making" and "individual author's myth-making": the problem of differentiation of concepts. *Philological sciences. Questions of theory and practice, 13 (3)*: 90—94. DOI: 10.30853/filnauki. 2020.3.20. (In Russ).

- Lubker, Fr. (1888). *The Real Dictionary of Classical Antiquity. Full translation of the 6th edition of the New Year's Edition; with the editorship*. Moscow; St. Petersburg: The Partnership of M. O. Wolf. 1208 p. (In Russ).
- Lukina, O. A. (2014). *Ecclesionymic space of Belarus*. Vitebsk: Vitebsk State University named after P. M. Masherov. 110 p. ISBN 978-985-517-432-6. (In Russ).
- Nesterova, E. V. (2016). "Paired texts" in the poetry of I. A. Bunin (on the problem of the title complex). *Bulletin of the Voronezh State University. Series: Philology. Journalism, 1*: 39—42. (In Russ).
- Nikolaeva, S. Yu. (2013). Folklore motifs in the poetry of I. A. Bunin, Yu. P. Kuznetsov, N. I. Tyapkin. In: *Traditional culture of the Tver Region: a collection of scientific articles and publications*. Tver: TvSU. 129—139. (In Russ).
- Oshchepkova, V. V., Solovyova, N. V. (2018). Spellonyms in the system of mythonyms of the British folk tale. *Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Linguistics, 2*: 73—87. DOI: 10.18384/2310-712X-2018-2-73-87. (In Russ).
- Sayapova, A. M., Karimiriabi, E. (2014). Iranian mythology in the artistic world of I. A. Bunin. *Scientific notes of the Kazan State University. Humanities, 156 (2)*: 115—120. (In Russ).
- Selemeneva, O. A. (2021). System of Mythonyms in Poetry of Ivan Bunin. *Nauchnyi dialog, 6*: 136—150. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-6-136-150. (In Russ).
- Slivitskaya, O. V. (2009). Cosmic worldview I. A. Bunin. *Proceedings of the Joint Center for Problems of Cosmic Thinking, 2*: 213—238. (In Russ).
- Superanskaya, A. V. (1973). *The general theory of a proper name*. Moscow: Nauka. 366 p. (In Russ).
- The Bible. The books of the Holy Scriptures of the Old and New Testaments*. (1988). Moscow: Edition of the Moscow Patriarchate. 1385 p. (In Russ).
- The Koran of Mohammed, translated from Arabic into French by the translator of the French Embassy in Persia, Kazimir. With the examples and the life of Mahomet*. (1864). Moscow: Publishing house of the bookseller K. Shamov. 518 p. (In Russ).
- Tokarev, S. A. (ed.). (1998). *Myths of the peoples of the world. Encyclopedia: in 2 volumes, 1. A-K*. Moscow: The Great Russian Encyclopedia. 672 p. (In Russ).
- Tokarev, S. A. (ed.). (1998). *Myths of the peoples of the world. Encyclopedia: in 2 volumes, 2. K-Ya*. Moscow: The Great Russian Encyclopedia. 720 p. (In Russ).
- Trubachev, O. N. (ed.). (1994). *Russian onomastics and onomastics of Russia. Dictionary*. Moscow: School-Press. 288 p. ISBN 5-88527-066-X. (In Russ).
- Yablonovskaya, N. V. (2001). Antique motifs and images in the works of I. A. Bunin. *Culture of the peoples of the Black Sea region, 20*: 153—158. (In Russ).

Жданов С. С. Семантико-прагматический потенциал эмодзи в контексте пандемии COVID-19 / С. С. Жданов, О. И. Недоступ, Е. Ю. Плешивцева // Научный диалог. — 2021. — № 10. — С. 48—64. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-10-48-64.

Zhdanov, S. S., Nedostup, O. I., Pleshivtseva, E. Yu. (2021). Semantic and Pragmatic Potential of Emojis in Context of a COVID-19 Pandemic. *Nauchnyi dialog*, 10: 48-64. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-10-48-64. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-10-48-64

Семантико-прагматический потенциал эмодзи в контексте пандемии COVID-19

Жданов Сергей Сергеевич ^{1,2}
orcid.org/0000-0002-8898-6497
ResearcherID Q-2212-2018
Scopus Author ID 57196710055
доктор филологических наук, доцент
fstud2008@yandex.ru

Недоступ Олег Игоревич ¹
orcid.org/0000-0002-5229-7120
кандидат филологических наук
in383@yandex.ru

Плешивцева Елена Юрьевна ¹
orcid.org/0000-0002-5453-381X
кандидат философских наук, доцент
albaneiler5765@mail.ru

¹ Сибирский государственный университет геосистем и технологий (Новосибирск, Россия)

² Новосибирский государственный технический университет (Новосибирск, Россия)

Semantic and Pragmatic Potential of Emojis in Context of a COVID-19 Pandemic

Sergey S. Zhdanov ^{1,2}
orcid.org/0000-0002-8898-6497
ResearcherID Q-2212-2018
Scopus Author ID 57196710055
Doctor of Philology, Associate Professor
fstud2008@yandex.ru

Oleg I. Nedostup ¹
orcid.org/0000-0002-5229-7120
PhD in Philology
in383@yandex.ru

Elena Yu. Pleshivtseva ¹
orcid.org/0000-0002-5453-381X
PhD in Philosophy, Associate Professor
albaneiler5765@mail.ru

¹ Siberian State University of Geosystems and Technologies (Novosibirsk, Russia)

² Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Предпринята попытка проанализировать семантико-прагматический потенциал знаков-эмодзи, эксплицирующих «ковидное» значение. Материалом исследования послужили интернет-тезаурусы эмодзи с общим семантическим компонентом «медицина / пандемия коронавируса», циркулирующие в пространстве русскоязычного и англоязычного сегментов интернета. Авторами статьи ставится и анализируется ряд существенных вопросов, позволяющих осмыслить роль эмодзи в рамках пандемийного дискурса: уточняется и конкретизируется терминологическая вариативность терминов *смайл*, *эмотикон* и *эмодзи* в контексте описываемой проблематики. Характеризуется структурно-содержательный потенциал знака-эмодзи. Определяются возможности знака в процессе его использования носителями массовой интернет-культуры. Выделяются и характеризуются группы знаков-эмодзи в англоязычном и русскоязычном сегментах интернета. В работе используется полевой подход с выделением ядра и периферии в контексте описания тематического тезауруса знаков-эмодзи. Кроме того, уделяется внимание структурно-семантическим признакам знака-эмодзи, которые в конечном счете обуславливают возникновение простой или сложной пиктограммы. Делается вывод о том, что знаки-эмодзи включены во многие социальные сферы интернет-пространства в общем информационном контексте пандемии COVID-19.

Ключевые слова:

эмодзи; эмотикон; параграфемный знак; графема; семантика знака; полевая структура тезауруса; креолизированный текст; коронавирусная семантика.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

In this paper, an attempt is made to analyze the semantic and pragmatic potential of emoji signs that explicate the “covid” meaning. The Internet thesaurus emoji with a common semantic component “medicine / coronavirus pandemic”, circulating in the space of the Russian-speaking and English-speaking segments of the Internet serve as the material to be investigated. The authors of the article pose and analyze a number of significant issues to understand the role of emoji within the framework of pandemic discourse: the terminological variability of the terms *smile*, *emoticon* and *emoji* in the context of the described problems is clarified and specified; the structural and content potential of the emoji sign is characterized; the possibilities of the sign in the process of its use by of mass Internet culture carriers are determined; groups of emoji signs in the English-speaking and Russian-speaking segments of the Internet are distinguished and characterized. The authors use a field approach with the allocation of the core and periphery in the context of the description of the thematic thesaurus of emoji signs. In addition, attention is paid to the structural and semantic features of the emoji sign, which, ultimately, cause the appearance of a simple or complex pictogram. It is concluded that emoji signs are included in many social spheres of the Internet space within the general information context of the COVID-19 epidemic.

Key words:

emoji; emoticon; parapheme sign; grapheme; semantics of the sign; field structure of the thesaurus; creolized text; coronavirus semantics.

Семанτικο-прагматический потенциал эмодзи в контексте пандемии COVID-19

© Жданов С. С., Недоступ О. И., Плешишцева Е. Ю., 2021

1. Введение

Степень разработанности темы исследования обусловлена ее актуальностью: с одной стороны, бурное развитие интернет-коммуникации, дающей возможность как асинхронного, так и синхронного обмена текстовыми (e-mailing, twitter, WhatsApp, IM и пр.) и иными (аудио-, видео-, креолизованный текст) посланиями, является знаковым феноменом современного мира и интересным объектом для изучения [Хакимова, 2018; Максимова, 2010]. С другой стороны, являясь особым видом коммуникации, интернет-коммуникация вызывает к жизни новые формы речевого взаимодействия, в частности, использование параграфемных знаков, исследование которых представлено в работах как российских [Болдарева, 2002; Крылова, 2016; Рогов, 1999; Шаповалова, 2018], так и зарубежных ученых [Barach et al., 2020; Boutet et al., 2021; Wagner et al., 2020]. На фоне достаточной разработанности вопросов об особенностях и способах реализации параграфемных знаков в речевой практике не вполне освещенным представляется вопрос их функционирования для передачи реалий, связанных с коронавирусной инфекцией, и это в ситуации, когда последняя превращается «в тематическую дискурсивную доминанту» [Северская, 2020, с. 887]. «Коронавирусная» тема находит свое воплощение в статьях, посвященных, главным образом, исследованию процессов возникновения новых, обусловленных пандемией явлений в речевой практике на уровне лексических единиц [Голованова и др., 2020; Радбиль и др., 2021; Северская, 2020; Hilde et al., 2020; Lew et al., 2020]. Исходя из этого, авторы статьи считают изучение способов функционирования параграфемных знаков в свете пандемийного дискурса актуальным и вполне отвечающим вызовам современности.

2. Особенности языка виртуальной коммуникации

Язык интернета — один из самых быстро развивающихся языков в плане количественного наращивания за счет неологизмов, фиксирующих компьютерные реалии (*браузер, провайдер, процессор*), и новой лексики, появляющейся в рамках интернет-коммуникации (*фолловер, хейтер, чат, банить*). Большинство этих слов (и прежде всего само слово *компьютер*)

не являются чистыми лексическими неологизмами, будучи неологизмами семантическими. Наблюдаемые и описываемые, помимо количественных, качественные изменения, касающиеся способов словообразования, деривационной активности, девиации на уровне грамматических явлений и орфографии, дают возможность говорить о компьютерном языке как о специфическом явлении.

Классическая триада «мышление — язык — общество» в полной мере проявляет себя в рамках интернет-сообщества, когда сетевая среда и сетевой образ мышления вызывают к жизни новые, подчас нестандартные языковые явления. Поэтому можно говорить о том, что в современном мире интернет является не столько способом репрезентации различного рода информации, сколько активным инструментом для реализации человеком различных дискурсивных практик, а также пространством формирования новой социокультурной среды, определяющей некоторые особенности речевого взаимодействия ее участников. В качестве главной особенности неформальной интернет-коммуникации стоит назвать формирование особого вида речи — письменно-разговорного, явленного в особом виде речевого взаимодействия между участниками коммуникации — виртуальном. Названная языковая черта виртуальной коммуникации, по сути, уникальна: набирая текст сообщения в диалоговом окне, коммуниканты используют письменную форму речи, однако общение в онлайн-формате воспринимается собеседниками как разговорная речь, соотношенная с устной формой речи. Такого рода дуальный характер интернет-сообщения, в котором письменное воплощение несет в себе потенциал устного высказывания, фундированный посредством устно-разговорных элементов и разговорного характера речи, можно определить как сущностную характеристику виртуального общения. Насколько нам известно, ни в русскоязычной, ни в англоязычной научной литературе терминологически не схвачена эта ключевая дуальная характеристика языка интернет-общения. В английском языке новый языковой феномен обозначен как *Weblish* (Web + English). В научных статьях аббревиатура *CMC* (*computer-mediated communication*) обозначает язык, отличный от стандартного (естественного) языка (в частности, стандартного английского; SE — Standard English), то есть язык виртуальной коммуникации противопоставляется естественному языку, ср. оппозицию терминов: *standard via non-standard language* [Garrison et al., 2011; Antonijevic, 2005]. В русском языке приняты и являются наиболее частотными обозначения *интернет-речь*, *электронная коммуникация*, *виртуальная коммуникация*, *киберязык*. Все эти номинанты фиксируют само явление, не раскрывая его сущностной характеристики. Наиболее удачным, на наш взгляд, передающим суть феномена интернет-

языка, является обозначение *Textspeak*, которое мы встретили на одном из англоязычных сайтов [Evans, 2020].

Однако для признания устного характера речи необходима ситуация реального вербального взаимодействия. В структуру анализируемого интернет-языка гармонично вписываются невербальные средства общения — эмодзи и изображения креолизованного текста (мемы), которые, как мы полагаем, проявляют высокий семантико-прагматический и коммуникативный потенциал в виртуальном разговорном дискурсе. Такого рода потенциал заложен как в собственно семантическом наполнении графемных знаков и креолизованных элементов, так и в возможности выполнения ими тех задач, которые в ситуации виртуального общения не решаются на уровне лексических единиц.

3. Теоретические предпосылки модификации эмодзи в контексте пандемийного дискурса

Стоит обратить внимание на содержательно-понятийные различия терминов *смайл* и *эмодзи* как коммуникативных знаков. Так, О. В. Дубровская пишет: «Под смайлом (англ. smile ‘улыбка’), или эмотиконом (англ. emoticon — акроним emotion ‘эмоция’ и icon ‘пиктограмма’), понимается символ, состоящий из последовательности знаков письма (букв, цифр, знаков пунктуации и т. д.), обозначающий какое-либо понятие или эмоциональное отношение в письменной речи. Смайл не зависит от языка, которым пользуются участники переписки, и не подчиняется его грамматическим правилам, являясь интернациональным понятием. Одним из основных назначений смайла является выражение на письме невербальной информации (эмоций), передаваемой в устной речи мимикой и интонацией» [Дубровская, 2016, с. 102].

Однако мы считаем, что эмодзи — это универсальный международный язык, дополняющий письменные сообщения в виртуальной коммуникации. Главным отличием эмодзи как графической единицы от смайла является то, что эмодзи представляет собой законченное в смысловом и графическом отношении изображение, не конструируемое из отдельных графических элементов. Напротив, смайл — конструктор, смысл которого складывается из комбинации разных графем. Важным дополнением в понимании содержательного характера виртуального знака является точка зрения А. Н. Тарасовой, которая уточнила, что эмотиконы являются «пазиграфическими знаками» [Тарасова, 2015, с. 174].

Ключевым фактором использования параграфем с семантикой «пандемия / коронавирус» в виртуальном разговорном дискурсе является, как мы полагаем, эмоциональный фактор. С одной стороны, «коронавирусные»

эмодзи в полной мере отражают эмоциональное состояние пользователей социальных сетей, так называемый «эмоциональный дефицит», но, с другой стороны, фиксируют реалии, продуцируемые самой пандемией.

Пандемия коронавируса, став частью нашей жизни, не могла не получить отражение в языке, оказав значительное влияние на способы нашего общения, как на уровне стандартного языка, так и на уровне языка компьютерной коммуникации [Lew et al., 2020]. И если в стандартном языке отражение реалий, связанных с пандемией, шло через появление новых слов и словосочетаний, то в языке эмодзи процесс осмысления и фиксации новых коронавирусных явлений может быть описан, главным образом, как процесс адаптации уже существующих знаков к сложившимся «пандемийным» условиям существования. Строго говоря, осмысления и анализа данный феномен еще не получил, но в англоязычном материале по «ковидным» параграфам нам встретилось описание процесса адаптации через слово «repurposing», что можно на русский язык перевести как «перенацеливание»: repurposing existing emojis [Evans, 2020]. Сообщается о создании ряда новых ковидных знаков на ресурсах Facebook и Apple в последней бета-версии iOS14.5. Можно также встретить модификации уже существующего знака. Однако на практике мы наблюдаем достаточно редкое изменение дизайна, когда речь идет именно о «перенацеливании» в соответствии с конкретной тематикой, что дает возможность говорить об «адаптации знака» либо об усложнении его семантики за счет добавочных графем (сложные параграфемные знаки). В ходе исследований коммуникативного потенциала эмодзического знака группой американских лингвистов из университетов Кента (Огайо) и Сетон Хилла (Пенсильвания) было установлено, что функциональные возможности эмодзического знака не ограничены соприродной ему компенсаторной функцией [Garrison et al., 2011]. Последняя связана с паралингвистической характеристикой эмодзического знака как «иконического символа, передающего эмоции... визуальной демонстрации выражения лица, используемого в СМС (computer-mediated communication) для передачи настроения и / или эмоционального состояния пользователя» [Antonićević, 2005, p. 1] (здесь и далее перевод выполнен авторами статьи). Большинство исследователей настаивают исключительно на осуществлении параграфемным знаком именно этой функции, как компенсации отсутствия в рамках интернет-коммуникации привычных невербальных компонентов. С этим по большей мере следует согласиться, поскольку эмодзический знак призван выражать эмоции. Это справедливо и в отношении эмодзического знака, и в отношении эмодзи. «Процедуру тщательного подбора правильных слов и предложений сменили образы и знаки для выражения эмоций», «Целый спектр эмоций может быть передан одним

изображением — эмодзи» [Wagner et al., 2020, p. 305]. Но, как замечает А. Гаррисон, «эмотикон в большой степени обусловлен контекстом мгновенного сообщения (IM — instant messaging) и представляет собой более сложное явление, чем показали предыдущие исследования» [Garrison et al., 2011, p. 114], поэтому «паралингвистический “ярлык”, навешиваемый на эмотикон, не может объяснить все случаи его реализации» [Ibid.].

Американские лингвисты приходят к выводу о способности параграфемных знаков эволюционировать: «...полезным будет рассматривать эмотиконный знак как способный к эволюции — по аналогии с естественным языком» [Ibid.]. Действительно, анализ функционирования и семантического наполнения параграфемного знака в ситуации пандемийной реальности позволяет выявить основные пути его реализации, изменение акцентов эмоциональной «нагрузки», что коррелирует с вариацией в частотности употребления того или иного знака, а также со смещением фокуса в реализации той роли, которую эмодзи призваны играть в рамках виртуального взаимодействия.

4. Классификация эмодзи с «ковидной» семантикой в среде англоязычных интернет-пользователей

Если вернуться к анализу эмодзи, то следует говорить об адаптации знака к новому понятию без его изменения, либо с частичным изменением, что наблюдается гораздо реже, либо о возникновении нового семантического наполнения за счет возникновения сложного семантического знака как результата сочетания нескольких простых знаков. Не стоит забывать, что, хотя и не слишком интенсивно, идет процесс возникновения новых ковидных эмодзи. Но, как сказано выше, наиболее продуктивным является процесс адаптации уже существующих знаков к пандемийной реальности. Так, обработка рук, одно из требований личной гигиены в период пандемии, получает знаковое отражение посредством уже существующих эмодзи: Soap, Hand with Fingers Splayed, Clapping Hands, Lotion Bottle, Palms Up Together, Potable Water, Sweat Droplets, Droplet.

В связи с «ковидной» ситуацией начинают использоваться значки Face with Medical Mask и the Microbe emoji, которые, как будет показано в дальнейшем, становятся в период пандемии одними из самых частотных.

Частичное изменение знака имеет место, например, в случае адаптации его визуальных деталей к знаниям о кампании по массовой вакцинации от коронавируса. К эмодзи, которые используются для передачи понятия «вакцинация от COVID-19», относятся: Syringe, Adhesive Bandage; сопряженные по значению параграфемы: Scientist-Vaccine development, Health Worker-Vaccine deployment.

Именно в этом наборе эмодзи, которые не являются новыми как таковые, мы находим пример частичного изменения знака, что, очевидно, связано с особой значимостью процесса вакцинации и, следовательно, осуществлено на уровне языка эмодзи в виде попытки разграничить старое и новое, отделить «ковидное» наполнение знака от уже существующей семантики. Речь идет о значке-эмодзи Syringe. Источник «Source: Emojipedia analysis of 1,756 English language tweets featuring the syringe emoji dated between 2020-12-01 and 2020-12-31» дает следующую характеристику знака: «Понятие “вакцинация” на платформе Apple обычно вводится через использование эмодзи “шприц”, который не содержит внутри себя крови» [Broni, 2021]. Наиболее часто используемыми в твиттере языковыми единицами в связи с эмодзи «шприц» являются слова *vaccine*, *COVID19*, *Pfizer*, *Moderna*. Таким образом, смысловое содержание, связанное с вакцинацией от ковида, находит выражение в видоизмененном знаке «шприц без крови» — в отличие от уже имеющегося эмодзи «шприц с кровью» для выражения донорства или анализа крови.

Набор знаков-эмодзи, которые в новых реалиях получают переосмысление, новую «ковидную» семантику без графического изменения, достаточно широк. Это дает возможность провести их первичную классификацию. Выделяются следующие основные группы эмодзи [List ...]:

(1) Suggested hand-washing (гигиена рук): Soap, Hand with Fingers Splayed, Clapping Hands, Lotion Bottle, Palms Up Together, Potable Water;

(2) Suggested Behaviors (определенный тип поведения, способствующий минимизации распространения заболевания): Don't touch your face, Don't sneeze into hands / elbow, Wash your hands regularly, Wearing a mask in public;

(3) Social Distancing (социальная дистанция). К этой категории эмодзи относятся, прежде всего, так называемые «запрещающие знаки» («Prohibited emoji»): No hugs, No handshakes, No close contact, No large gatherings. К ней также примыкают «рекомендующие знаки» («recommended emoji»): Keep a reasonable distance from others, Stand 2m (6ft) apart, Leave packages at door for no-contact delivery;

(4) Accessibility (специальные возможности). Выделение в классификации эмодзи этой группы знаков связано с необходимостью учитывать и оперативно передавать информацию об определенных ситуациях, связанных с повышенным риском, необходимостью экстренной помощи или создания специальных условий для людей, попадающих в группу риска: Shielding required, Accessibility requirements, Emergency help required;

(5) Warning System (система предупреждения и оповещений). В приведенной классификации это достаточно специфичная группа знаков,

первично связанная с системой дорожного регулирования: Vertical Traffic Light, Horizontal Traffic Light;

(6) Testing and tracing (тестирование и отслеживание результатов). На международном уровне используются различные подходы для проверки распространения COVID-19. Они могут быть представлены такими способами, как Testing in a lab, Testing at home, Drive-through testing, Temperature checks, Contact tracing, Exposure notification, Quarantine hotel;

(7) Alternative Greetings (альтернативные способы приветствия). В данной категории эмодзи не адаптированы напрямую к «ковид-ситуации», но апеллируют к безопасности «цифрового приветствия» (digital greetings) в сравнении с физическим контактом. Роль эмодзи категории «Alternative Greetings» выявляется скорее на уровне общественно-социальных практик, но в языковом отношении данные параграфемы нельзя характеризовать как знаки, семантически адаптированные для применения в новых реалиях: Waving Hand — Hello, Vulcan Salute — Live long and prosper, Victory Hand — Peace, Love-You Gesture — I love you in American Sign Language;

(8) Medical Emojis («медицинские» эмодзи). Группа с общемедицинским значением, а также со значками, соотносимыми с понятиями «здоровье» и «гигиена», включает в себя следующие эмодзи: Face with Medical Mask, Sneezing Face, Health Worker, Microbe, Hospital, Ambulance, Pill, Stethoscope, Lotion Bottle, Soap, Sponge, Syringe.

Приведенная классификация принята на территории европейских государств и Америки и может отличаться от той, которая имеет место в Российской Федерации.

5. Классификация эмодзи с «ковидной» семантикой в среде русскоязычных интернет-пользователей

Русскоязычный фрагмент картины мира пользователей виртуального дискурса включает в себя внушительный тезаурус параграфем, фиксирующих понятие «коронавирус» и сопровождающие его категории, в смысловой структуре которых присутствует семантический компонент 'болезнь'. Большинство таких знаков встречаются в переписке пользователей социальных сетей при обсуждении «ковидной» темы.

Отметим, что многие участники виртуального общения активно используют различные медицинские параграфемы, характеризуя те или иные ситуации пандемии коронавируса. Соответственно, притяжение «нековидных» эмодзи с медицинским значением в разговорный дискурс пандемии коронавируса и последующая их активизация позволяют нам сделать предположение о том, что «нековидные» знаки в общении интернет-пользователей используются наравне со знаками, обладающими семой

«коронавирус», что, в конечном счете, формирует определенный «ковидный» тезаурус эмодзи, который, как нам кажется, логично представить в виде полевой структуры.

В качестве теоретического обоснования существования семантического поля «Пандемия коронавируса» нами приняты положения о структуре лексико-семантического поля, выделенные А. А. Уфимцевой: «1) В ядро группы входит родовая сема (или гиперсема); 2) центр поля состоит из единиц, которые имеют общее значение с ядром, и дифференциологическое значение с другими лексическими единицами; 3) периферия поля состоит из единиц, более удалённых в своём значении от ядра, общая гиперсема здесь оттеснена в разряд потенциального или вероятностного значения. Периферийные единицы могут иметь контекстуальное значение, если поле строится по определённому тексту произведения. Обычно периферийные единицы группы могут вступать в контакт с другими семантическими полями, образуя лексико-семантическую непрерывность языковой системы» [Уфимцева, 2002, с. 127]. Обозначенные исследователем структурные особенности лексико-семантического поля релевантны и для выделения семантического поля «Пандемия коронавируса». Однако подчеркнем, что мы в своей работе используем термин *семантическое поле*, поскольку в фокус нашего внимания попадают не собственно лексические единицы, а параграфемные знаки, которые неидентичны по своим свойствам лексеме.

В основу исследования семантического поля параграфем «Пандемия коронавируса» положен структурно-семантический принцип сегментирования понятийных групп внутри названного поля. Структурный принцип позволяет установить соотношение между полевыми структурами, такими как центр поля (ядерная зона), околоядерная зона и зона периферии. Семантический принцип позволяет распределить единицы тезауруса эмодзи внутри сегментов поля на основании выявления в их значении гиперсем 'принадлежность к медицине' и / или 'болезнь'. Эмодзи с названными семантическими компонентами встроились в разговорный дискурс пандемии COVID-19 и активно функционируют в нем.

Ядерная зона семантического поля «Пандемия коронавируса» включает в свой состав единицы эмодзи, в значении которых эксплицируется инвариантная сема 'коронавирус'. Данный семантический компонент входит в ядро значения каждого из анализируемых эмодзи, что является семантическим основанием включения анализируемых ниже эмодзи в состав ядра поля.

Понятийная группа «Коронавирус как болезнь» включает в свой состав более 10 знаков-эмодзи. Остановимся на знаках из этой группы, которые наиболее часто встречаются в переписке интернет-пользователей.

Эмодзи, входящие в данную понятийную группу, по своей структурной принадлежности являются простыми, то есть состоящими только из одного знака. Например, 🦠 «коронавирус» или 🦠 «вирус»; 🤒 «лихорадка, активное проявление болезни», 🤧 «кашель, чихание», 🤔 «первое проявление болезни», 🤖 «активно болеющий», 🦠 «микроб как причина болезни». В качестве близкой в смысловом отношении к анализируемой группе примыкает понятийная группа «Социальная атрибутика пандемии коронавируса» как наполняющаяся и составными эмодзи, передающими более сложные понятия, и простыми по структурному составу знаками. Под составными эмодзи мы понимаем комбинацию нескольких графем, которые передают один смысл. То есть, по сути, содержание таких эмодзи складывается из совокупности знаков. Например, 🧼👐🚰🚰 «регулярно мыть руки» или 🚫🤔👐👐 «не чихать в ладони». Составные графемы, образующие группу «социальная атрибутика пандемии коронавируса», явились результатом осмысления социальных аспектов сложившейся «ковидной» ситуации пользователями виртуальной коммуникации. Наиболее частотными являются следующие единицы, как правило, с запретительной или ограничительной семантикой: тактильные запреты 🚫👤 «не трогать лицо», 🚫🤔👐 «не чихать в ладони», 🚫👐👐 «не здороваться за руку», 🚫👐👐👐 «без тесных контактов» (или его синонимичные эквиваленты: 🚫👤👤👤 «соблюдайте дистанцию 2 метра от других», 🚫👤👤 «то же про расстояние в 2 м»), социальное дистанцирование 🚫👤 «избегать большого скопления людей», 🚫👤 «не пользоваться общественным транспортом», 🛒👤👤 «заказывать продукты и другие вещи на дом», 🚫👤 «не использовать наличку». Очевидно, семантика подобных эмодзи определяется только с учетом совокупности всех графем каждого знака.

Как мы видим, знаки понятийной группы «Коронавирус как болезнь» («коронавирус», «лихорадка», «кашель, чихание», «первое проявление болезни» и «активно болеющий») объединены общим семантическим компонентом «состояние человека во время болезни». В свою очередь, эмодзи-инструкции из группы «Социальная атрибутика пандемии коронавируса», например, такие знаки, как «регулярно мыть руки» и «не чихать в ладони», актуализируют дифференциальную сему «профилактика коронавируса» (по отношению к единицам первой группы). Тем не менее обе эти понятийные группы входят в ядро семантического поля «Пандемия коронавируса», так как, повторимся, единицы этих групп имеют инвариантный смысл 'коронавирус'.

В отличие от ядерной зоны семантического поля параграфом «Пандемия коронавируса», заполняемой единицами, которые созданы пользователями

социальных сетей в период самой пандемии коронавируса, эмодзи околоядерной зоны строгой привязки к пандемии COVID-19 не имеют.

Околоядерная зона семантического поля «Пандемия коронавируса» наполняется знаками-эмодзи понятийной группы «Атрибутика болезни», в значении которых семантический компонент 'коронавирус' имеет ассоциативный статус и актуализируется только в том случае, если эти единицы функционируют в пространстве дискурса пандемии коронавируса. Как правило, речь идет об эмодзи с общемедицинской семантикой: 📄 «таблетка», 🩺 «стетоскоп», 🏥 Больница, 🚑 «Скорая помощь», 👨‍⚕️ «Врач». В этот же сегмент поля можно включить эмодзи, не эксплицирующие медицинскую семантику, но связанные с полем на основе ассоциативной семы 'средства защиты от вируса'. Речь идет об эмодзи, фиксирующих социальные аспекты пандемии и отсылающих к предметам быта: 🧼 Мыло, 🧻 Бутылка с лосьоном, 🧽 Губка.

Таким образом, мы видим, что формирование околоядерной зоны семантического поля «Пандемия коронавируса» связано с активизацией тех единиц, которые в узувальных своих значениях не содержат семы «коронавирус», но функционально, в процессе их включения пользователями интернета в разговорный дискурс пандемии коронавируса, выражают ассоциативное значение, связанное с темой коронавируса.

Периферийная зона семантического поля «Пандемия коронавируса» наполнена единицами, образующими понятийную группу «Социальные эффекты пандемии». Эмодзи, входящие в данную группу, позволяют выразить представления носителей языка о пандемии коронавируса как о явлении, оказавшем влияние на социум и ставшем частью социальной жизни. В данный сегмент поля включены эмодзи, в семантике которых компонент 'коронавирус' актуализируется как вероятностная имплицативная сема, обретающая свою функциональную значимость только в определенных речевых ситуациях; с другой стороны, такие единицы, как правило, могут входить в другие «медицинские» семантические поля, соответственно, не актуализируя сему «коронавирус». В качестве примеров приведем эмодзи типа «туалетная бумага», «чашка Петри», «медицинский символ». Интересным метафорическим переосмыслением пандемийного опыта являются эмодзи «капля пота» и «падающая капля», так как при все многозначности этих единиц в контексте пандемии коронавируса они актуализируют усилительное значение «состояние сильного стресса». Наиболее эмоционально рефлексировать события пандемии эмодзи, эксплицирующие состояние человека во время пандемии: например, антонимичные графемы «пылающее сердце» и «исцелившееся сердце». Эмодзи «пылающее

сердце» символизирует развитие пандемии, тяжелое состояние человека во время болезни коронавирусом. В свою очередь, эмодзи «исцелившееся сердце», по данным интернет-выборки, указывает на событие исцеления, преодоления тяжелой болезни, а также сочувствие человеку, тяжело пережившему коронавирус. Сюда же в качестве эмодзи-метафор можно отнести «глаза-спирали», «спрятавшийся в облаках» и «выдыхающий»: первые два эмодзи связаны с самыми тяжелыми ситуациями во время пандемии, последняя графема, напротив, является элементом отражения позитивного сценария развития пандемии коронавируса. Стоит отметить, что приведенные выше в качестве эмодзи единицы периферийной зоны поля редко используются носителями языка, вероятно, эти знаки не вписываются в наивную картину мира «среднего» пользователя интернета, не являются для него значимым «инструментом» рефлексии текущих событий.

Данное семантическое поле может, как нам представляется, включать зону дальней периферии, в которую попадают единицы, совершенно отдаленные от медицинской тематики, но включенные в «пандемийный» дискурс носителями языка в качестве эмоциональных маркеров. Данный сегмент поля представлен этикетными эмодзи неформального характера, ассоциируемыми в сознании людей как жесты безопасности: 🖐 «махание рукой — Привет!», 🌋 «вулканский салют — Долгих лет и процветания», 🏆 «жест победы — Мир», 🍷 «жест «Люблю тебя», 🤘 «рокерский жест — Рок!», 💪 «бицепс — Касание локтями», 🙌 «сложенные руки», 🤝 «воздушный «Дай пять».

Таким образом, зона периферии семантического поля «Пандемия коронавируса» позволяет охарактеризовать единицы, которые улавливают и фиксируют в сознании носителей интернет-культуры более сложные представления о реалиях пандемии и ходе ее развития.

6. Заключение

В представлении носителей массовой интернет-культуры знаки-эмодзи проявляют свойства динамичности и универсальности. Знак-эмодзи — активно функционирующая параграфема, обладающая генетическим свойством «развиваться и эволюционировать» при определенных экстралингвистических и функционально-языковых условиях. На эти особенности знака-эмодзи указывают, в частности, американские исследователи, замечая, что эмодзи не только выполняет компенсаторную функцию в ситуации дефицита средств для передачи эмоционального состояния коммуникантов, но и способен к изменению эмоциональной «нагрузки» соотносительно новой пандемийной реальности. Проведенный авторами статьи анализ функционирования знака-эмодзи в русскоязычном сегменте интернета вы-

явил возросшую интенсивность появления пиктограмм, обслуживающих пандемийный виртуальный дискурс. Так, проанализировав достаточно обширный тезаурус эмодзи, в значении которых выявляется сема (ядерная или вероятностная) ‘коронавирус’, а также параграфемы, которые «притягиваются» к семантическому полю «Пандемия коронавируса», мы увидели тенденцию семантически-прагматической дифференциации эмодзи, включенных в новый пандемийный дискурс. Ядро поля составляют единицы, порожденные самой пандемией или передающие представления о реалиях, которые непосредственно являются составляющими пандемии. В зону периферии отнесены знаки, отражающие эмоциональную рефлексию пандемии коронавируса. Так же, как и при функционировании эмодзи в рамках англоязычного сегмента интернета, мы наблюдаем изменение семантического наполнения параграфемного знака, что вызвано реакцией языка виртуального общения на пандемию Covid-19. Однако можно говорить о разных путях приспособления знаков англоязычного и русскоязычного тезауруса к пандемийной ситуации. Мы различаем явления адаптации и трансформации знака, подразумевая, что в случае адаптации происходит приобретение нового значения без изменения графического оформления знака либо с частичным изменением, адаптирующим его значение к новым реалиям; при трансформации же знак приобретает новое значение либо наблюдается расширение смысла в совокупности с изменением изображения, вплоть до производства новых составных эмодзи. В английском виртуальном Textspeak знак-эмодзи реагирует на новую реальность прежде всего путём адаптации. Может иметь место и графическое изменение знака, как в случае с графемой «шприц». Однако графические метаморфозы, влекущие за собой семантический сдвиг, не характерны для английского интернет-языка. В среде русскоязычных пользователей более актуально креативное начало в порождении и использовании знака-эмодзи. Трансформация может иметь место как на уровне простой графемы, так и на уровне производства эмодзи путем наращивания единиц-графем в одном знаке. Естественно, и процессы адаптации знака, и процессы его трансформации — характерная черта функционирования знаковых систем в рамках новой реальности. И мы наблюдаем эти процессы как в англоязычном, так и в русскоязычном интернет-пространстве. Однако, как было показано, потенциал знака-эмодзи используется в этих двух языковых системах по-разному, с акцентированием преимущественно одного из процессов приспособления знаков к новой действительности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дубровская О. В. Эмодзи как средство невербальной молодежной коммуникации / О. В. Дубровская // Веснік БДУ. Серыя 4, Філалогія. Журналістыка. Педагагіка. — Мінск : БДУ. — 2016. — № 2. — С. 101—103.
2. Голованова Е. И. О словаре эпохи пандемии коронавируса / Е. И. Голованова, С. И. Маджоева // Вестник Челябинского государственного университета. — 2020. — № 7 (441). Филологические науки. — С. 48—57. — DOI: 10.47475/1994-2796-2020-1070.
3. Максимова О. Б. Язык в интернет-коммуникации: общие закономерности и национально-культурные особенности (на материале русского и английского языков) / О. Б. Максимова // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. — 2010. — № 3. — С. 74—90.
4. Радбиль Т. Б. Активные процессы в лексике и словообразовании русского языка эпохи коронавируса : лингвокогнитивный аспект / Т. Б. Радбиль, Л. В. Рацибурская, И. В. Палоши // Научный диалог. — 2021. — № 1. — С. 63—79. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-1-63-79.
5. Северская О. И. Ковидиоты на карантинках : коронавирусный словарь как диагностическое поле актуальных дискурсивных практик / О. И. Северская // Коммуникативные исследования. — 2020. — Т. 7, № 4. — С. 887—906. — DOI: 10.24147/2413-6182.2020.7(4).887-906.
6. Тарасова А. Н. Особенности пунктуации и графики сетевых текстов: на материале татарского, русского и английского языков : диссертация... кандидата филологических наук / А. Н. Тарасова. — Елабуга, 2015. — 236 с.
7. Уфимцева А. А. Лексическое значение : принцип семиологического описания лексики / А. А. Уфимцева ; ред. Ю. С. Степанов. — Москва : Едиториал УРСС, 2002. — 127 с.
8. Хакимова Е. М. Некодифицированные употребления прописных/строчных букв в текстах массовой коммуникации / Е. М. Хакимова // Вестник Томского государственного университета. Филология. — 2018. — № 56. — С. 166—186. — DOI: 10.17223/19986645/56/9.
9. Antonijevic S. Expressing emotions online: An analysis of visual aspects of emoticons / S. Antonijevic // EEO Conference Papers : International Communication Association, 2005 Annual Meeting. — New York, 2005. — P. 1—19.
10. Barach E. Are emojis processed like words? : Eye movements reveal the time course of semantic processing for emoji-fied text / E. Barach, L. B. Feldman, H. Sheridan // Psychonomic Bulletin & Review. — 2021. — № 28. — P. 978—991. — DOI: <https://doi.org/10.3758/s13423-020-01864-y>.
11. Boutet I. Emojis influence emotional communication, social attributions, and information processing / I. Boutet, M. LeBlanc, J. A. Chamberland, C. A. Collin // Computers in Human Behavior. — 2021. — Vol. 119 (3). — 106722. — DOI: 10.1016/j.chb.2021.106722.
12. Broni K. Vaccine Emoji Comes to Life [Electronic resource] / K. Broni. — 2021. — February 16. — Access mode : <https://blog.emojipedia.org/vaccine-emoji-comes-to-life/> (accessed 23.05.2021).
13. Evans V. Coronavirus Emojis: Conveying Compassion and Humour With a Facemask [Electronic resource] / V. Evans // The Wire. — 2020. — 04 May. — Access mode : <https://thewire.in/culture/coronavirus-emojis-conveying-compassion-and-humour-with-a-facemask> (accessed 12.07.2021).

14. Garrison A. Conventional Faces: Emoticons in Instant Messaging Discourse / A. Garrison, D. Remley, P. Thomasa, E. Wierszewski // *Computers and Composition*. — 2011. — № 28. — P. 112—125.
15. Lew R. Discovering Covid-related Neologisms for Lexicography / R. Lew, I. Kozem // *The Southeast Asian Journal of English Language Studies*. —2020. — Vol. 26 (2). — P. 18—21. — DOI: 10.17576/3L-2020-2602-01.
16. List of Coronavirus-related emojis [Electronic resource]. — Access mode : <https://emojipedia.org/coronavirus/> (accessed 23.03.2021).
17. Wagner A. Sarcasm, the smiling poop, and E-discourse aggressiveness: getting far too emotional with emojis / A. Wagner, S. Marusek, W. Yu // *Social Semiotics*. — 2020. — Vol. 30, № 3 — P. 305—311. — DOI: 10.1080/10350330.2020.1731151.

REFERENCES

- Antonijevic, S. (2005). Expressing emotions online: An analysis of visual aspects of emoticons. In: *EEO Conference Papers : International Communication Association, 2005 Annual Meeting*. New York. 1—19.
- Barach, E., Feldman, L. B., Sheridan, H. (2021). Are emojis processed like words?: Eye movements reveal the time course of semantic processing for emoji-fied text. *Psychonomic Bulletin & Review*, 28: 978—991. DOI: <https://doi.org/10.3758/s13423-020-01864-y>.
- Boutet, I., LeBlanc, M., Chamberland, J. A., Collin, C. A. (2021). Emojis influence emotional communication, social attributions, and in-formation processing. *Computers in Human Behavior*, 119 (3): 106722. DOI : 10.1016/j.chb.2021.106722.
- Broni, K. (2021). *Vaccine Emoji Comes to Life*. February 16. Available at: <https://blog.emojipedia.org/vaccine-emoji-comes-to-life/> (accessed 23.05.2021).
- Dubrovskaya, O. V. (2016). Emoji as a means of non-verbal youth communication. In: *Bulletin of the BDU. Series 4, Philology. Journalism. Pedagogy*, 2: 101—103. (In Russ.).
- Evans, V. (2020). Coronavirus Emojis: Conveying Compassion and Humour With a Face-mask In: *The Wire. 04 May*. Available at: <https://thewire.in/culture/coronavirus-emojis-conveying-compassion-and-humour-with-a-facemask> (accessed 12.07.2021).
- Garrison, A., Remley, D., Thomasa, P., Wierszewski, E. (2011). Conventional Faces: Emoticons in Instant Messaging Discourse. *Computers and Composition*. 28: 112—125.
- Golovanova, E. I., Madzhoeva, S. I. (2020). On the Vocabulary of the coronavirus pandemic epoch. *Chelyabinsk State University Bulletin*, 7 (441). *Philological sciences*: 48—57. DOI: 10.47475/1994-2796-2020-1070. (In Russ.).
- Khakimova, E. M. (2018). Uncodified use of upper / lower case letters in mass communication texts. *Tomsk state university journal of philology*, 56: 166—186. DOI: 10.17223/19986645/56/9. (In Russ.).
- Lew, R., Kozem, I. (2020). Discovering Covid-related Neologisms for Lexicography. *The Southeast Asian Journal of English Language Studies*, 26 (2): 18—21. DOI: 10.17576/3L-2020-2602-01.
- List of Coronavirus-related emojis. Available at: <https://emojipedia.org/coronavirus/> (accessed 23.03.2021).
- Maksimova, O. B. (2010). Language in Internet communication: general patterns and national and cultural characteristics (based on the material of Russian and English lan-

- guages). *Bulletin of the RUDN University. Series: Theory of language. Semiotics. Semantics*, 3: 74—90. (In Russ.).
- Radbil, T. B., Ratsiburskaya, L. V., Paloshi, I. V. (2021). Active processes in the vocabulary and word formation of the russian language in the era of coronavirus: linguo-cognitive aspect. *Scientific Dialogue*, 1: 63—79. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-1-63-79. (In Russ.).
- Severskaya, O. I. (2020). Quarantined Covidiota: Coronavirus Dictionary as a Diagnostic Field of Current Discourse Practices. *Communication research*, 7 (4): 887—906. DOI: 10.24147/2413-6182.2020.7(4).887-906. (In Russ.).
- Tarasova, A. N. (2015). *Features of punctuation and graphics of network texts: in the material of the Tatar, Russian and English languages: PhD Diss.* Elabuga. 236 p. (In Russ.).
- Ufimtseva, A. A. (2002). *Lexical meaning: the principle of semiological description of vocabulary.* Moscow: Editorial URSS. 127 p. (In Russ.).
- Wagner, A., Marusek, S., Yu, W. (2020). Sarcasm, the smiling poop, and E-discourse aggressiveness: getting far too emotional with emojis. *Social Semiotics*, 30 (3): 305—311. DOI: 10.1080/10350330.2020.1731151.

Иванова Н. И. Социолингвистическая обусловленность функционирования якутского языка в сфере школьного образования : истоки начинающегося кризиса / Н. И. Иванова, В. Н. Никитина, А. Г. Филиппова // Научный диалог. — 2021. — № 10. — С. 65—84. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-10-65-84.

Ivanova, N. I., Nikitina, V. N., Filippova, A. G. (2021). Sociolinguistic Conditionality of Yakut Language Functioning in Field of School Education: Origins of Incipient Crisis. *Nauchnyi dialog*, 10: 65-84. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-10-65-84. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-10-65-84

Социолингвистическая обусловленность функционирования якутского языка в сфере школьного образования: истоки начинающегося кризиса

Иванова Нина Иннокентьевна¹

orcid.org/0000-0003-3064-0175
кандидат филологических наук,
ведущий научный сотрудник
международной научно-
исследовательской
лаборатории «Лингвистическая
экология Арктики»
haar-haar@mail.ru

Никитина Вилюяна Николаевна²

orcid.org/0000-0002-5575-6687
председатель общественной
организации
gviluyana@mail.ru

Филиппова Айина Гаврильевна³

orcid.org/0000-0001-7734-6139
психолог
aiina_filippova@mail.ru

Sociolinguistic Conditionality of Yakut Language Functioning in Field of School Education: Origins of Incipient Crisis

Nina I. Ivanova¹

orcid.org/0000-0003-3064-0175
PhD in Philology,
Leading Researcher,
international research
laboratory “Linguistic ecology
of the Arctic”
haar-haar@mail.ru

Vilyuyana N. Nikitina²

orcid.org/0000-0002-5575-6687
chairman of a public organization
gviluyana@mail.ru

Aiyana G. Filippova³

orcid.org/0000-0001-7734-6139
psychologist
aiina_filippova@mail.ru

¹ Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова (Якутск, Россия)

² Общественной организации «Ийэ тыл кэскилэ» («Будущее родного языка») (Якутск, Россия)

³ ГБНОУ «Республиканский лицей-интернат Республики Саха (Якутия)» (Якутск, Россия)

Благодарности:

Статья подготовлена в рамках работы по проекту «Сохранение языкового и культурного многообразия и устойчивое развитие Арктики и Субарктики Российской Федерации» (грант Правительства России № 2020-220-08-6030)

¹ M. K. Ammosov North-Eastern Federal University (Yakutsk, Russia)

² Public organization
“The future of the native language” (Yakutsk, Russia)

³ Republican boarding school of the Republic of Sakha (Yakutia) (Yakutsk, Russia)

Acknowledgments:

The article was prepared within the framework of the project “Preservation of linguistic and cultural diversity and sustainable development of the Arctic and Subarctic of the Russian Federation” (Grant of the Government of Russia No. 2020-220-08-6030)

© Иванова Н. И., Никитина В. Н., Филиппова А. Г., 2021

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Представлены результаты социолингвистического анализа факторов снижения языковой компетенции школьников-саха в широком экстралингвистическом контексте на материале полевых данных, представляющих количественную и качественную характеристику объекта исследования. Уделяется внимание функционированию якутского языка в сфере образования, испытывающему различные трансформации в зависимости от курса государственной образовательной политики, социально-экономического состояния региона и процессов глобализации, последствия которых формируют риски для этнокультурной составляющей общностей в субъектах Российской Федерации с недоминирующими языками. Утверждается, что языковая политика в сфере образования, реализующая «де-юре» билингвальные, полилингвальные модели, во внедрении которых преобладает формальный подход, фактически минимизирует присутствие якутского языка в системе образования вследствие недостаточного учета языковых установок, реальных потребностей этнической общности саха. Отмечается, что условия активного контактного двуязычия в регионах РФ, разнообразие неоднозначных экстралингвистических факторов предопределяют усиление институциональной поддержки, государственного протекционизма в области оптимального языкового обеспечения образовательного и воспитательного процессов. Доказывается, что учет опыта исследований семейной, гражданской языковой политики может содействовать в получении оптимального решения проблем воспроизводства языка на региональном материале.

Ключевые слова:

якутский язык; языковая ситуация; языковая компетенция; языковая политика; язык обучения; язык изучения.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The results of a sociolinguistic analysis of factors that reduce the language competence of Sakha schoolchildren in a broad extralinguistic context based on field data representing the quantitative and qualitative characteristics of the research object is presented in the article. Attention is paid to the functioning of the Yakut language in the field of education, which is undergoing various transformations depending on the course of the state educational policy, the socio-economic state of the region and the processes of globalization, the consequences of which form risks for the ethnocultural component of communities in the constituent entities of the Russian Federation with non-dominant languages. It is argued that the language policy in the field of education, which implements “de jure” bilingual, polylingual models, in the implementation of which the formal approach prevails, actually minimizes the presence of the Yakut language in the education system due to insufficient consideration of linguistic attitudes and the real needs of the Sakha ethnic community. It is noted that the conditions of active contact bilingualism in the regions of the Russian Federation, a variety of ambiguous extralinguistic factors predetermine the strengthening of institutional support, state protectionism in the field of optimal linguistic support of training and educational processes. It is proved that taking into account the experience of research on family, civil language policy can help in obtaining an optimal solution to the problems of language reproduction on regional material.

Key words:

Yakut language; language situation; language competence; language policy; language of instruction; language of study.

Социолингвистическая обусловленность функционирования якутского языка в сфере школьного образования: истоки начинающегося кризиса

© Иванова Н. И., Никитина В. Н., Филиппова А. Г., 2021

1. Введение

Риски сокращения языкового многообразия, формирующие не билингвизм, а монолингвизм, обусловленные изменением экстралингвистических факторов в условиях цифровой и унифицирующей глобализации, неизбежны и разнообразны. Они негативно воздействуют на миноритарные языки, находящиеся в условиях языковой неоднородности. С точки зрения оценки витальности языков исследовательский интерес прежде всего фокусируется на двух основных сферах коммуникации — образования и семейного общения, в которых наиболее полно отражаются ресурсы государства как субъекта языковой политики и ресурсы этнической общности.

Цель данной статьи — определить количественную и качественную характеристики сферы образования в их социолингвистической обусловленности с установлением их реальных функциональных статусов и субъективных факторов языковой ситуации, проявляемых в совокупности языковых ориентаций и установок этнофоров. Указанная цель предполагает анализ актов государственной языковой политики, официальной статистики, социолингвистического опроса по выявлению установок этнической общности саха в области образования; представление предварительных итогов исследования фокус-группы по выявлению речевого поведения детей и их родителей в моноэтничных якутских селах.

В качестве эмпирической базы исследования использованы данные социолингвистических опросов, проведенных среди этнической общности саха в 2014 году в г. Якутске ($n = 307$) и предварительные итоги опроса 2021 года ($n = 367$), также проведенного в г. Якутске среди респондентов-саха; материалы фокус-группы (83 респондента, в том числе родителей детей-саха и воспитателей детских дошкольных учреждений) в с. Хамагатта Намского и с. Мытах Горного улусов республики Саха (2020 год). Также представлены материалы формализованного интервью, полученного у 5 экспертов и 5 рядовых носителей якутского языка, о проблемах речевого воспроизводства (2021 год).

2. Экстралингвистические факторы формирования языковой ситуации

Тенденции и динамика развития в сфере образования за последние 20 лет во многом предопределяются негативными изменениями в социально-экономической ситуации республики, проблемой бедности сельского населения [Гаврильева, 2020], обусловившими миграцию трудоспособного населения, в свою очередь повлиявшую на замещение городского населения сельским [Статистический ежегодник. Республика Саха (Якутия), 2019, с. 54]. Как показали итоги всероссийской переписи, проведенной в 2010 году, расселение жителей Якутии довольно сегрегировано: основная часть саха (65,3 %) проживает в сельских поселениях, а в г. Якутске сконцентрирована четверть населения республики (25,95 %) и треть всех городских жителей (34,5 %). При этом в столице республики численное соотношение составляет 42,4 и 46,1 % [Итоги Всероссийской переписи ...].

Известно, что соотношение уровня образованности в условиях российской языковой неоднородности и языковая компетенция носителей малых языков имеют отрицательную корреляцию, что подтверждается и реалиями якутской языковой ситуации: доля саха, имеющих основное общее и высшее образование (25 %), превышает общероссийские показатели (23 %), при этом межпереписной период с 2002 по 2010 годы показал снижение численности саха, владеющих якутским языком, с 456 288 чел. до 450 140 чел. [Итоги Всероссийской переписи ...]. Если школьное обучение на родном языке или преподавание части предметов на якутском языке выступают в качестве фактора высокой языковой компетенции в родном языке, то в процессе получения профессиональных умений и навыков в вузах прямая зависимость сменяется обратной — ниже всего уровень свободного владения родным языком у респондентов с законченным высшим образованием (75 %), при этом у респондентов с инженерно-техническим образованием данный показатель, как правило, еще снижается в силу специфики их профессионального языка. Приоритеты в образовательной и научно-технической политике РФ, способствующие развитию цифрового общества посредством усиления и наращивания ресурсов инженерно-технического профиля, ведут к сокращению гуманитарного сообщества, что напрямую влечет за собой ослабление языковой компетенции у носителей малых языков. В целом выводы специалистов отражают объективную картину социально-экономического контекста нашего исследования и обозначают общие тенденции и противоречия, свойственные полиэтническому обществу сегодня, в том числе в сфере языковой политики.

Остро стоит финансовый вопрос обеспечения обучения на родных языках, возникающий в том числе при издании, затем экспертизе учебников.

В опубликованных на сайте Министерства образования и науки Российской Федерации «Сведениях о распределении учреждений, реализующих программы общего образования, и обучающихся по языку обучения и по изучению родного (нерусского) языка» сообщается, что в РФ по состоянию на 2015/2016 учебный год в 90,5 % школ обучение осуществлялось на русском языке, в 4,4 % школ практикуется смешанное обучение (модели 2, 3) и лишь в 5,1 % школ дети обучаются на своих родных (нерусских) языках [Сведения ..., 2016]. Несоотнесенность данных величин очевидна — лишь 9,5 % школ Российской Федерации нуждаются в финансовом обеспечении этнокультурного образования, что для такой державы, как Россия, нам думается, является вполне выполнимой задачей. Дальнейшее их численное сокращение, унифицирующее систему образования, равнозначно осознанному курсу на сокращение языкового многообразия.

Другая проблема связана с инфраструктурным обеспечением — строительством новых школ, необходимых в условиях активного роста рождаемости и продолжающихся внутриреспубликанских миграций. Критическая наполняемость наблюдается в большинстве школ г. Якутска, что требует срочного принятия мер по строительству школ, поскольку значительный недостаток школьных помещений также влияет на возможность открытия новых классов, в том числе с якутским языком обучения.

Попутно необходимо отметить, что для исследователей серьезную сложность представляет и недостаточность аналитических материалов в сфере образования: сегодня она одна из закрытых институциональных систем, что препятствует формированию системы рейтинга образовательных учреждений. Недоступность итогов основного государственного экзамена (ОГЭ), единого государственного экзамена (ЕГЭ), всероссийских проверочных работ (ВПР) обучающихся также снижает аналитическую составляющую объективной картины языковой ситуации в сфере образования.

3. Якутский язык в сфере образования: новая концепция, новые идеологии

Полиэтнический состав населения Республики Саха (Якутия) побуждает государство обеспечить развитие и сохранение всех языков. В Республике Саха, как и во всех субъектах федеративного государства, языковое и культурное многообразие гарантируется многими федеральными и региональными нормативными правовыми актами. В сфере образования в соответствии с федеральными и региональными нормативными правовыми актами лингвистическое многообразие составляют 2 государственных, 5 официальных и иностранные (европейские + восточные) язы-

ки. В целях развития раннего двуязычия / многоязычия у детей в дошкольном и младшем школьном возрасте, кроме русского и якутского языков, изучается английский.

Однако изменение Базисного учебного плана (2006 год), внедрение федерального закона «Об образовании» № 273-ФЗ (2012 год) привели к перераспределению сфер компетенции центра и регионов в организации учебного процесса, в ходе которого постепенно стало утрачиваться упоминание этнокультурных особенностей при разработке и реализации региональных программ развития образования.

Между тем, как утверждали в 2008 году акторы федеральной образовательной политики [Кузьмин, 2008], только при аддитивном (дополнительном к первому) двуязычии учащиеся сохраняют свой первый (родной) язык и приобретают знания второго языка, достигают прочного усвоения учебного материала, интеллектуального, когнитивного и социального развития, развивают творческое мышление. При замещающем двуязычии учащиеся постепенно теряют свой первый язык в процессе усвоения второго языка, то есть оно приводит к отрицательным когнитивным последствиям.

Акторы республиканской образовательной политики внедряют билингвальное обучение, способствующее формированию сбалансированного двуязычия, принятое органами власти республики в качестве основного направления государственной лингвистической политики, и рассматривают его «... как средство: 1) реализации языковой политики по вопросу соблюдения паритета государственных языков в области образования; 2) формирования гражданской и этнокультурной идентичности в многонациональном государстве; 3) сохранения родного языка национальных меньшинств; 4) достижения качества владения языками, формирования коммуникативной компетенции; 5) социализации личности в современном мире; 6) развития личности» [Габышева, 2016, с. 1154].

На практике в общеобразовательных учреждениях республики из существующих и практикующихся 4 моделей выделяются 2 модели соотношения языка образования и воспитания, в которых родной якутский язык функционирует: 1) в качестве языка обучения с 1 по 4, с 1 по 7, с 1 по 9 классы с последующим переходом на русский язык на определенной ступени (модель 2) и 2) в качестве учебного предмета (модель 3). В двух остальных моделях изучения якутского как родного не предполагается, и полностью обучение на всех ступенях на родном якутском не предусматривается, практикуется только русский как родной для этнических русских детей [Там же, с. 1155].

В республике разработана и внедряется новая модель 5 с родным, русским и иностранными языками обучения. Рассматривавшаяся в 2009—

2010 годах для внедрения в практику модель с изучением родного (генетического) языка не владеющими им детьми-саха методом погружения на сегодняшний день не используется, хотя ее своевременное внедрение могло бы минимизировать риски утери родного языка школьниками.

Между тем в ходе мониторинга языковой ситуации в образовательных организациях республики, проведенного Министерством образования республики в 2012 году, выявлено, что в школах с якутским языком обучения фактически обучение на родном языке всех предметов проводится только в начальной школе, в основной школе обучение ведется либо на двух языках, либо преимущественно на русском языке [Никифорова, 2015].

В условиях г. Якутска изменение этнодемографических параметров вследствие естественного прироста населения и продолжающейся массовой сельско-городской миграции, в основном этнических саха, существенно увеличивает нагрузку на образовательную инфраструктуру г. Якутска: например, в 2015/2016 уч. г. количество школьников увеличилось на 1627 обучающихся, в 2016/2017 уч. г. — на 1820 обучающихся.

И в указанный период благодаря инициативе родителей-саха, осознавших неблагоприятные для родного языка тенденции в сфере образования, было принято решение о создании ассоциации родителей, основным направлением деятельности которых было обеспечение доступности обучения на родном (якутском) языке. Наблюдалось увеличение количества классов-комплектов с якутским языком обучения и количества обучающихся в них детей: ежегодно при активном содействии родительских общественных организаций открывались по 1—2 класса, а также группы в детсадах с компонентом якутского языка в воспитании и обучении. Следует отметить, что данная работа была сопряжена со множеством негативных мнений и установок, совершенно не способствующих развитию этнокультурного образования, которые пришлось преодолевать родительскому сообществу.

В целом тревожные тенденции в сфере обучения на родных языках и изучения родных языков, возникшие на фоне сокращения возможностей билингвального обучения, выявленные на основе данных Министерства просвещения Российской Федерации, отмечены в статье Д. Мюллера: «... число учащихся, обучающихся на родном (нерусском) языке в государственных общеобразовательных учреждениях (ГОО), снизилось за последние 6 лет с 251 800 на 193 040. Сокращение численности составляет 58 760 (то есть 23 %). В то время как в городских местностях ситуация держалась без значительных изменений на низком уровне, в сельской местности намечается особо резкое падение численности учащихся: спад произошел с 186 361 на 122 609 и составляет, таким образом, 63 752 учащихся (т. е.

34 %). Итоговая численность учащихся, изучающих родной (нерусский) язык как учебный предмет, за последние 6 лет не претерпела значительных изменений, уменьшившись лишь на 22 931 учащихся. В то время как в сельской местности число учащихся увеличилось практически на 60 000, в городской местности, однако, отмечается явное сокращение численности учащихся с 836 327 на 753 658. Спад численности равен 82 669 учащихся (т. е. 10 %)» [Мюллер, 2019, с. 25—26].

Данные отражают ускорение процессов ассимиляции не только в городских поселениях, но и существенным образом и в сельских, что говорит о том, что способы формирования аддитивного двуязычия в заданных условиях были неэффективны, а значит, целесообразно внести изменения в федеральное законодательство об образовании.

Подобные тенденции обозначились и в г. Якутске (табл. 1).

Таблица 1

Сведения об изучении якутского языка и литературы за 12 лет (г. Якутск)

Учебный год	Всего количество классов-комплектов	Из них по языку обучения		Всего количество обучающихся	Из них в классах с языком обучения	
		Русский	Якутский		Русский	Якутский
2007/2008	1335	1082	253	31702	25227	6475
2008/2009	1298	1037	261	31757	24958	6799
2009/2010	1268	1008	260	31920	24976	6944
2010/2011	1271	1007	264	32621	25546	7075
2011/2012	1305	1042	263	33858	26735	7123
2012/2013	1323	1066	257	34721	27589	7132
2013/2014	1352	1073	279	35612	27891	7721
2014/2015	1397	1068	328	36899	27941	8958
2015/2016	1432	1083	349	38526	28868	9658
2016/2017	1519	1145	374	40346	30124	10222
2017/2018	1531	1136	395	42272	31270	11002
2018/2019	1592	1167	425	44302	32387	11915

С 2014/2015 уч. г. стала заметна динамика роста показателя изучения якутского языка в качестве предмета «якутский язык и литература» [Направления развития этноречевой среды в сфере образования ...]. В сфе-

ре среднего образования в 2018 году насчитывается 652 государственные муниципальные средние общеобразовательные школы (СОШ), в том числе 63 % (419 школ) составляют школы с якутским языком обучения [Там же]. Для сравнения стоит отметить, что в 2003/2004 уч. г. 70 % школ республики работали по программам национальных школ. Из 134 тыс. школьников республики 89 тыс., то есть 66 %, изучают якутский язык как предмет [Там же]. Таким образом, с 1-го по 9 классы родной (якутский) язык как предмет изучают свыше 11 тыс. детей. Около 13 тыс. детей (29 %) якутской национальности обучаются в классах с русским языком обучения, из них лишь $\frac{1}{3}$ изучает предмет и учебный курс «Якутский язык как государственный», и только 50 % детей-саха изучают предмет «Культура народов Республики Саха (Якутия)» [Там же].

Контингент обучающихся на родном языке в г. Якутске среди детей-саха в период с 2017/2018 уч. г. по 2018/2019 уч. г. сократился (табл. 2).

Таблица 2

Динамика охвата обучающихся на родном (якутском) языке *

2011-2012	2012-2013	2013-2014	2014-2015	2015-2016	2016-2017	2017-2018	2018-2019
Всего классов-комплектов							
1305	1323	1352	1396	1432	1500	1531	1592
Классов-комплектов с русским языком обучения							
1042	1053	1073	1068	1084	1128	1151	1229
Классов-комплектов с якутским языком обучения							
263	270	279	328	348	372	380	363
20 %	20,50 %	20,60 %	23,50 %	24,30 %	24,80 %	24,82 %	22,80 %
В них обучающихся							
7123	7469	7721	8959	9658	10222	10622	10227
20,60 %	20,90 %	21,60 %	24,10 %	24,20 %	25,00 %	25,20 %	23 %

*Составлено по: [Публичный отчет, 2016].

Таким образом, в 2018/2019 учебном году 77 % детей саха обучались на русском языке. Между тем данные отражают существенное расхождение между спросом и предложением в предоставлении жителям г. Якутска возможности обучения детей на родном языке. Отмечая в целом имеющуюся потребность в расширении социальных функций якутского языка, выраженную в языковых установках его носителей (2014 год), которая выше

объективно сложившегося функционального статуса якутского языка в социально-коммуникативной системе г. Якутска, обращаем внимание на то, что в выборе языка обучения в школе 81 % респондентов фертильного возраста выбрали включение этнокультурного компонента; в том числе обучение на родном языке выбрали 31 %, смешанное обучение — 26 %, преподавание родного языка в качестве предмета — 23 %. Обучение лишь на русском языке выбрали приблизительно 20 %, что является константой с 1988 года, когда выбор в пользу русского языка обучения сделали 18,3 % [Винокурова, 1992, с. 100].

Ряд федеральных нормативно-правовых документов, а именно поправки, принятые 03.08.2018 г. к ФЗ РФ от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [Об образовании, 2012], содержание которых заключается: 1) в возможности получения образования на родном языке из числа языков народов РФ, изучения государственных языков республик РФ, включая русский язык, по выбору обучающихся, родителей (законных представителей) несовершеннолетних обучающихся (до получения ими основного общего образования) и 2) во введении понятия русского языка как родного языка, в общественном мнении оценены как имеющие потенциал сокращения этнокультурных ресурсов. Действительно, за последнее десятилетие указанные поправки обусловили второй этап снижения показателей по обучению на родных языках [Никифорова, 2015; Направления развития этноречевой среды в сфере образования ...; Публичный отчет об итогах деятельности ...], что не может не вызывать тревогу носителей якутского языка, представителей якутской этнической общности.

В г. Якутске всего в 2018/2019 уч. г. обучалось свыше 45 059 школьников. Охват детей-саха, обучающихся на родном (якутском) языке, составил в 2011 году 20,5 %, в 2017 году достиг 24,3 %, но в 2018 году составил 22,7 %, что показало снижение числа обучающихся. Из 672 классов-комплектов начальной школы якутский язык функционирует как язык обучения в 178 классах (26,4 %). В 18 классах-комплектах 485 школьников изучают родной (якутский) как предмет. В среднем звене с 5 по 9 классы 154 класса обучающихся на родном якутском языке, что составляет 20,6 %; в 36 классах 1011 школьников изучают родной (якутский) язык и литературу как предмет.

Обеспеченность учебной литературой на родных языках, по информации соответствующих министерств и ведомств, оценивается как удовлетворительная, однако беседы с заинтересованными группами информантов отражают острую проблему, возникшую с восприятием текстов учебников: часть родительского и учительского сообществ высказывает мнение

о трудности языка учебных книг, что становится объективной причиной снижения качества этнокультурного образования, так как нынешнее поколение родителей и молодых учителей владеют лишь разговорной разновидностью якутского языка.

В новой государственной образовательной концепции преподавание региональных языков относится к добровольной (вариативной) части образовательной программы. Родители как представители интересов учащихся вправе выбирать один из нескольких вариантов учебного плана как с якутским государственным языком, так и без него. Последние изменения в законодательстве о языках народов РФ в сфере образования — поправки к ФЗ № 273 «Об образовании в РФ» от 29.12.2012 г. [Об образовании, 2012], суть которых заключается во введении принципа добровольности в изучении государственных языков республик РФ, — на наш взгляд, противоречат принципу свободного выбора языка обучения, установленного ст. 26 (часть 2) Главы II «Права и свободы человека и гражданина» Конституции РФ [Конституция РФ, 2014], в том плане, что обеспечение языковых прав личности доминирует над языковыми правами народа. В то же время унифицирующие, стандартизирующие процессы глобализации, ускоряя дезэтнизацию немногочисленного якутского народа, исчисляющегося менее чем 500 000 носителями и имеющего статус «уязвимого» по классификации ЮНЕСКО [UNESCO Atlas of the World's Languages in Danger], стали реальной угрозой для сохранения этнического языка.

4. Языковые установки носителей якутского языка

Опрос, проведенный нами в апреле-мае 2021 года среди саха, проживающих в г. Якутске, показал обеспокоенность 75,2 % этнической общности стремительным переходом детей саха на русский язык общения. При этом 48,8 % видят решение проблемы в актуализации родного языка в семейном общении, 45,2 % — в увеличении числа школ, классов с якутским языком обучения или изучением якутского языка, 41,1 % — в повышении качества обучения якутскому языку в школах и детсадах; 37,9 % респондентов уповают на государственную языковую политику.

Среди предложенных нами вариантов изучения якутского языка в образовательных учреждениях республики респондентами выбраны следующие варианты: 49,9 % — за обязательное изучение якутского языка в равном объеме с русским языком всеми учащимися независимо от их этнической принадлежности; 24,8 % — за обязательное изучение якутского языка всеми детьми — этническими саха, другие дети могут изучать по желанию; 12 % — за обязательное изучение якутского языка всеми учащимися, но в меньшем объеме, чем изучение русского языка. При этом

11,4 % респондентов выражают мнение об изучении якутского языка по желанию, независимо от этнической принадлежности. Затруднились ответить на данный вопрос лишь 1,9 % респондентов.

Качественные характеристики функционирования якутского языка в сфере образования выражены в экспертных интервью и интервью у носителей языка. Далее представлены ответы на вопрос: «В российских республиках, помимо русского языка, есть свои государственные языки. Сейчас по закону изучение этих языков в школах является добровольным. Какого мнения об изучении государственных языков в школах республики Вы придерживаетесь?».

Эксперт № 1 (муж., 50, высш., медиц., лингв., руководитель медицинского учреждения, г. Якутск): «Средняя школа — это основной институт воспроизводства носителей продвинутого, богатого языка. Без школы язык в обществе быстро становится маргинальным, сужается его употребление, не развивается вместе с развитием самого общества, а значит, становится архаичным и несовременным. Поэтому очень важно, чтобы: 1) были начальные и средние школы, где бы язык изучался не только как предмет, но и использовался для изучения неязыковых дисциплин, таких как математика, биология и физкультура, так дети привыкают мыслить на родном языке, применять его во всех аспектах человеческой деятельности; 2) чтобы внеклассные мероприятия — общешкольные вечера, линейки, собрания и прочее — тоже проводились на родном языке. Это важно для того, чтобы дети привыкали общаться на языке со сверстниками, а не только с учителями или родителями. Иногда приводится аргумент, что обучающиеся на родном языке могут не освоить общегосударственный язык на достаточном уровне. Однако, во-первых, мировой и российский (советский) опыт показывает, что выпускники национальных школ поступают / поступали в вузы наравне с остальными выпускниками. Во-вторых, государственный русский язык в имеющихся условиях активного двуязычия усваивается детьми без усилий». (Здесь и далее сохранены особенности речи респондентов).

Эксперт № 2 (жен., 54, высш., филолог, научный сотрудник, г. Якутск): «Государственный статус якутского языка предполагает его обязательное присутствие в сфере образования либо в качестве языка изучения в русских классах и школах, либо в качестве языка обучения в якутских классах и школах. И для этого надо создавать условия, а не ставить родителей в безальтернативные условия — русский язык и только русский. Администрация школ говорит родителю: “Хотите якутский язык — идите в другую школу!” — которой, увы, нет. 1—2 школы в городе не могут принять всех желающих, приходится отдавать детей в школы с русским

языком обучения. Идет планомерная государственная политика сокращения малых языков под лозунгом мнимой “добровольной ассимиляции”. Никакой народ добровольно не отказывается от родного языка!».

Эксперт № 3 (муж., 27, *высш. технич., предприниматель, г. Якутск*): «После введения закона о добровольном изучении государственных языков республик в школах Якутска стали появляться псевдоякутские классы — директора этих школ начали называть якутскими классы с изучением якутского языка как родного, но с русским языком обучения. Тем самым директора таких школ вводят в заблуждение родителей».

Эксперт № 4 (муж., 20, *студент-филолог, г. Якутск*): «Обучение на родном языке должно происходить на добровольно-принудительной основе, как бы страшно это ни звучало».

Эксперт № 5 (муж., 44, *высш. гуманит., г. Якутск*): «Этот закон является катализатором убийства языков нерусских народов, проживающих на территории Российской Федерации, так как обыватель инертен. <...> Превосходство в обучении одного языка в стране является грубым нарушением конституции и принципов федерализма».

Эксперт № 6 (жен., 35, *филолог, г. Якутск*): «Считаю, что изучение языка саха как государственного в г. Якутске в качестве предмета должно быть обязательным».

Также весьма показательны ответы рядовых носителей якутского языка, согласившихся наряду с экспертами ответить на наши вопросы.

И. (жен., 35, *высш. филолог., сотрудник департамента охраны природы, г. Якутск*): «Обучение на родном языке в школе — это его неотъемлемое право. Однако если бы от каждого ребенка требовалось обязательное знание родного (этнического) языка, не вставала бы опасность утраты языков малых народов. Поэтому каждый ребенок саха должен владеть родным этническим языком, должен открыто и беспрепятственно использовать его во всех сферах, возможность использования родного языка на родной земле во всех сферах и ситуациях должна быть его свободным выбором».

А. (жен., 37, *высш., логистик, предприниматель, г. Якутск*): «В каждой школе и дошкольном учреждении групп и классов с изучением национальных языков должно быть больше. Количество должно исходить из национального состава населения, с учётом внутренней миграции из сельской местности в городские поселения».

А. (жен., *высш., медиц., 45, директор подразделения вуза, г. Якутск*): «Мое мнение положительное. Я считаю, что государственные (русский и якутский) языки должны быть в школах республики, при этом изучение родного языка для детей саха и изучение якутской культуры для детей

всех национальностей республики должны быть обязательными, изучение якутского языка для детей других национальностей должно быть по желанию родителей».

Н. (жен., 39, выс., медиц., врач, промышленный поселок): «Я лично за то, чтобы мои дети знали свой родной якутский язык. Только дома разговариваем по-якутски, а в остальном, в школе, детсаду, с друзьями мои дети общаются только на русском языке. В нашей школе не преподают якутский язык. Хочу, чтобы было обязательным изучение родного языка во всех школах Якутии, а то с такими темпами совсем потеряем свой язык».

Сильная обеспокоенность судьбой родного языка выражена и в ответах сельских жителей. *Н. (муж., 70, ср. спец., пенсионер, моноэтническое якутское село):* «Глядя на своих внуков, приезжающих на каникулы сюда ко мне, и которые, вполне хорошо зная родной язык, общаются только на русском языке, прихожу в отчаяние. Мне думается, что только если послешкольное образование, дающее профессию, будет на родном языке, наши дети смогут восстановить и развивать родной язык. А это ведь нереально!?».

О повышении индекса обеспокоенности судьбой родного языка свидетельствуют не только ответы на прямой вопрос о якутском языке. Респондентам был задан также другой вопрос: «Укажите, пожалуйста, какой язык Вы желаете изучить и использовать в повседневной жизни?». На него было получено приблизительно одинаковое количество ответов об иностранном (европейском) — 51,9 % и якутском (50,1 %) языках. Пилотное исследование уровня владения родным якутским языком в фокус-группах в моноэтнических якутских селах, проведенное специалистом-психологом при содействии общественной организации родителей «Ийэ тыл кэскилэ», дало следующие результаты: количество детей дошкольного возраста, говорящих полностью на родном языке, — 34,2 %; говорящих на родном языке с иноязычными вкраплениями (цветообозначения, союзы) — 20,5 %; говорящих на смешанном языке — 38,4 %, только на русском языке — 6,8 %. Переход 6,8 % детей-саха на русский язык в моноэтническом якутском селе, то есть детей, воспитывающихся в якутоязычных семьях, в якутоязычной сельской речевой среде, отражает стремительное разрушение межпоколенческой передачи языка факторами нелингвистического характера, зачастую влиянием новых информационных технологий.

5. Направления перспективных научных исследований

Последствия сокращения условий билингвизма, становящиеся реальностью сегодняшней языковой ситуации, ставят актуальную научно-практическую задачу, связанную с необходимостью изучения семейной языко-

вой политики и проблем воспроизводства недоминирующего языка. В последнее время интенсивно проводятся исследования в данном русле в европейских странах, в частности, норвежскими антропологами аргументируется когнитивное преимущество индивидов, достигших определенного порога владения более чем одним языком [Boumeester, Michel, Valantis, 2019]; финскими учеными изучены убеждения учителей, связанные с многоязычием и обучением учащихся-полилингвов финскому языку [Alisaari, Heikkola, Commins, Emmanuel, 2019]. Воздействие современных миграционных процессов на функционирование языков в современных городских пространствах актуализирует изучение семейной языковой политики: «Семейная языковая политика — это новая область исследований, которая преодолевает разрыв между исследованиями детского языка и исследованиями языковой политики в ее подходе к пониманию сохранения языка и сдвигов в многоязычных семьях и общинах» [Lanza, 2020, с. 12]; см. также: [Obojska, 2019; Pot, Keijzer, Kees, 2018; Purkarthofer, 2019, p. 109—131].

6. Заключение

Таким образом, зафиксирована кризисная ситуация с сохранностью якутского языка у детей и молодежи, заключающаяся в стремительном снижении их языковой компетенции и одновременно распространяющаяся как в городском, так и в сельском социуме. Основной фактор кризисной ситуации заключается, на наш взгляд, в некорректной государственной языковой политике в сфере образования, вследствие чего существенно возросли риски для этнокультурного развития детей в регионах. Негативные последствия декларируемой государством языковой политики, лишь формально поддерживающей этнокультурное многообразие, обусловлены, на наш взгляд, недостаточным учетом всего спектра экстралингвистических факторов, влияющих на языковую ситуацию, и отсутствием лингвистического прогнозирования этноязыковых процессов.

Последние 20 лет XXI века характеризуются активными языковыми процессами, стимулируемыми распространением высокоскоростного интернета и внедрением новых информационных технологий в повседневную жизнь людей, которые, наслаиваясь на унифицирующие / нивелирующие процессы глобализации, создают мощное негативное воздействие на недоминирующие и миноритарные языки.

Создание условий для осуществления свободного выбора языка обучения, реализации конституционных прав на обучение на родном языке в отдельно взятом субъекте Российской Федерации должно стать задачей Главы республики, органов законодательной и исполнительной властей, глав муниципальных образований на ближайшее будущее, а также, безус-

ловно, общественных организаций, деятельность которых сконцентрирована на идеях сохранения родного языка, расширения этноречевой среды. При этом главным объектом языкового планирования являются дети, родители, молодые учителя.

ЛИТЕРАТУРА

1. *В школах Якутска не хватит места для всех первоклассников* [Электронный ресурс] // Sakhalife : сайт. — 2017. — 20 февраля. — Режим доступа : <http://sakhalife.ru/v-shkolah-yakutska-ne-hvatit-mesta-dlya-vseh-pervoklassnikov-2/> (дата обращения 21.04.2021).
2. *Винокурова У. А.* Ценностные ориентации якутов в условиях урбанизации / У. А. Винокурова ; ответственный редактор Е. С. Кузьмин ; Российская академия наук, Сибирское отделение, Якутский институт языкознания, литературы и истории. — Новосибирск : Наука : Сибирская издательская фирма, 1992. — 141 с. — ISBN 5-02-029777-1.
3. *Габышева Ф. В.* Развитие языковой личности в полилингвальной образовательной среде / Ф. В. Габышева, С. С. Семенова // Динамика языковых и культурных процессов в современной России : материалы V Конгресса РОПРЯЛ (г. Казань, 4—8 октября 2016 г.). — Санкт-Петербург : РОПРЯЛ, 2016. — Выпуск 5. — С. 1151—1157.
4. *Гаврильева Т. Н.* Факторы бедности в Республике Саха (Якутия) / Т. Н. Гаврильева, А. Т. Набережная, М. А. Иванова, Ф. В. Никифоров // Уровень жизни населения регионов России. — 2019. — Том 15. — № 1. — С. 38—47. — DOI: <https://doi.org/10.24411/1999-9836-2019-10052>.
5. *Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года* [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики : официальный сайт. — Режим доступа : https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.ht (дата обращения 25.04.2021).
6. *Конституция Российской Федерации* : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года : с учетом поправок, внесенных законами российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ и 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ : [официальное издание]. — Ростов-на-Дону : Феникс, 2014. — 60 с.
7. *Кузьмин М. Н.* Языковая ситуация в субъектах Российской Федерации : новые тенденции в развитии билингвизма / М. Н. Кузьмин, О. И. Артеменко, К. Н. Бичелдей // Обучение родному (нерусскому) языку в условиях двуязычной образовательной среды : I—IV классы : сборник научно-методических материалов, посвященный 80-летию д. пед. н., проф. Н. Б. Эжбы. — Москва : ИНПО, 2008. — С. 18—28.
8. *Мюллер Д.* Тенденции развития обучения на родных языках и обучения родным языкам в Российской Федерации за последние 6 лет (2013—2018) / Д. Мюллер // Перспективы и вызовы языковой политики и языковой ситуации в Крыму. Международный круглый стол (Москва, 5—6 ноября 2019 г.) : доклады и сообщения / ответственный редактор М. Вингендер, А. Н. Биткеева, Э. В. Хилханова. — Москва : [б. и.], 2019. — С. 25—27.
9. *Направления развития этноречевой среды в сфере образования и воспитания* : круглый стол : рукопись, 13.02.2019 / Заместитель руководителя отдела общего образования Министерства образования и науки РС (Я) Т. С. Абрамова.

10. Никифорова Е. П. Языковая образовательная политика в Республике Саха (Якутия) / Е. П. Никифорова, Л. П. Борисова // Современные исследования социальных проблем. — 2015. — № 9 (53). — С. 543—552.

11. Об образовании, 2012 — *Об образовании* в Российской Федерации : Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: сайт. — Режим доступа : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения 26.04.2021).

12. Публичный отчет, 2016 — *Публичный отчет* об итогах деятельности Управления образования Окружной администрации г. Якутска за 2016 г. [Электронный ресурс] // Управление образования Окружной администрации города Якутска : официальный сайт. — Режим доступа : http://yagu.ru/files/godovoy_otchet_uo_zh_2016.doc (дата обращения 28.04.2021).

13. *Сведения* о распределении учреждений, реализующих программы общего образования, и обучающихся по языку обучения и по изучению родного (нерусского) языка [Электронный ресурс] // Министерство образования и науки Российской Федерации : официальный сайт, 2016. — Режим доступа : <https://data.gov.ru/opendata/7710539135-d7?language=ru> (дата обращения 26.04.2021).

14. *Статистический* ежегодник. Республика Саха (Якутия) : статистический сборник / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Саха (Якутия). — Якутск : [б. и.], 2019. — 654 с.

15. Alisaari J. Monolingual practices confronting multilingual realities. Finnish teacher's beliefs about linguistic diversity / J. Alisaari, L. M. Heikkola, N. Commings // *An International Journal of Research and Studies*. — 2019. — Vol. 80. — Pp. 48—58. — DOI: 10.1016/j.tate.2019.01.003.

16. Lanza E. 5 Urban multilingualism and family language policy / E. Lanza // *Urban Multilingualism in Europe : Bridging the Gap between Language Policies and Language Practices*. — 2019. — Vol. 110. — P. 121. — DOI: 10.1515/9781501503207-006.

17. Obojska M. A. 'Ikke snakke norsk?'—Transnational adolescents and negotiations of family language policy explored through family interview / M. A. Obojska // *Multilingua*. — 2019. — Vol. 38 (6). — Pp. 653—674. — DOI: 10.1515/multi-2018-0058.

18. Pot A. Intensity of multilingual language use predicts cognitive performance in some multilingual older adults / A. Pot, M. Keijzer, K. De Bot // *Brain sciences*. — 2018. — Vol. 8 (5). — P. 92. — DOI: 10.3390/brainsci8050092.

19. Purkarthofer J. "Prétendre comme si on connaît pas une autre langue que le swahili" : Multilingual parents in Norway on change and continuity in their family language policies / J. Purkarthofer, G. B. Steien // *International Journal of the Sociology of Language*. — 2019. — Vol. 2019 (255). — Pp. 109—131. — DOI: 10.1515/ijsl-2018-2005.

20. *UNESCO Atlas of the World's Languages in Danger* [Electronic resource]. — Access mode : www.unesco.org/culture/language-atlas (accessed 20.08.2017).

REFERENCES

About education in the Russian Federation. In: *Federal Law № 273-FZ of 29.12.2012. ConsultantPlus system: website*. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (accessed 26.04.2021). (In Russ.).

Alisaari, J., Heikkola, L. M., Commings, N. (2019). Monolingual practices confronting multilingual realities. Finnish teacher's beliefs about linguistic diversity. *An In-*

- ternational Journal of Research and Studies*, 80: 48—58. DOI: 10.1016/j.tate.2019.01.003.
- Directions of development of the ethno-speech environment in the field of education and upbringing: round table: manuscript, 13.02.2019 / Deputy Head of the Department of General Education of the Ministry of Education and Science of the RS (YA) T. S. Abramova.* (In Russ.).
- Gabysheva, F. V., Semenova, S. S. (2016). Development of the linguistic personality in polylingual educational environment. In: *Dynamics of language and cultural processes in modern Russia: materials of the V ROPRYAL Congress (Kazan, 4—8 October 2016)*, 5. Saint Petersburg: ROPRYA. 1151—1157. (In Russ.).
- Gavrilieva, T. N., Quay, A. T., Ivanov, M. A., Nikiforov, V. F. (2019). Factors of poverty in the Republic of Sakha (Yakutia). *The Level of life of population of regions of Russia*, 15 (1): 38—47. DOI: <https://doi.org/10.24411/1999-9836-2019-10052>. (In Russ.).
- Information on the distribution of institutions implementing general education programs and students in the language of instruction and in the study of their native (non-Russian) language. In: *Ministry of Education and Science of the Russian Federation: official website, 2016*. Available at: <https://data.gov.ru/opendata/7710539135-d7?language=ru> (accessed 26.04.2021). (In Russ.).
- Kuzmin, M. N., Artemenko, O. I., Bicheldey, K. N. (2008). The linguistic situation in the subjects of the Russian Federation: new trends in the development of bilingualism. In: *Teaching native (non-Russian) language in a bilingual educational environment: Grades I—IV: collection of scientific and methodological materials dedicated to the 80th anniversary of the Doctor of Pedagogical Sciences, prof. N. B. Ekba*. Moscow: INPO. 18—28. (In Russ.).
- Lanza, E. (2019). 5 Urban multilingualism and family language policy. *Urban Multilingualism in Europe: Bridging the Gap between Language Policies and Language Practices*, 110: 121. DOI: 10.1515/9781501503207-006.
- Muller, D. (2019). Trends in the development of teaching in native languages and teaching native languages in the Russian Federation over the past 6 years (2013—2018). In: *Prospects and challenges of language policy and language situation in Crimea. International Round table (Moscow, November 5—6, 2019): reports and messages*. Moscow: [b. i.]. 25—27. (In Russ.).
- Nikiforova, E. P., Borisova, L. P. (2015). Language education policy in the Republic of Sakha (Yakutia). *Modern studies of social problems*, 9 (53): 543—552. (In Russ.).
- Obojska, M. A. (2019). ‘Ikke snakke norsk?’—Transnational adolescents and negotiations of family language policy explored through family interview. *Multilingualia*, 38 (6): 653—674. DOI: 10.1515/multi-2018-0058.
- Pot, A., Keijzer, M., De Bot, K. (2018). Intensity of multilingual language use predicts cognitive performance in some multilingual older adults. *Brain sciences*, 8 (5): 92. DOI: 10.3390/brainsci8050092.
- Public report on the results of the activities of the Department of Education of the District Administration of Yakutsk for 2016. Department of Education of the District Administration of the city of Yakutsk: official website*. Available at: http://yaguo.ru/files/godovoy_otchet_uo_za_2016.doc (accessed 28.04.2021). (In Russ.).
- Purkharthofer, J., Steien, G. B. (2019). “Prétendre comme si on connaît pas une autre langue que le swahili”: Multilingual parents in Norway on change and continuity in

- their family language policies. *International Journal of the Sociology of Language*, 2019 (255): 109—131. DOI: 10.1515/ijsl-2018-2005.
- Results of the All-Russian Population Census of 2010. In: *Federal State Statistics Service: official website*. Available at: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.ht (accessed 25.04.2021). (In Russ.).
- Statistical Yearbook. Republic of Sakha (Yakutia): statistical collection / Territorial body of the Federal State Statistics Service for the Republic of Sakha (Yakutia)*. (2019). Yakutsk: [b. i.]. 654 p. (In Russ.).
- The Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote December 12, 1993: taking into account the amendments introduced by the laws of the Russian Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation dated December 30, 2008 № 6-FKZ of December 30, 2008 № 7-FKZ: [official publication]*. (2014). Rostov-on-Don: Phoenix. 60 p. (In Russ.).
- There is not enough space in Yakutsk schools for all first-graders. (2017). In: *Sakhalife: website. February 20*. Available at: <http://sakhalife.ru/v-shkolah-yakutsk-ne-hvatit-mesta-dlya-vseh-pervoklassnikov-2/> (accessed 21.04.2021). (In Russ.).
- UNESCO Atlas of the World's Languages in Danger*. Available at: www.unesco.org/culture/language-atlas (accessed 20.08.2017).
- Vinokurova, U. A. (1992). Value orientations of Yakuts in the conditions of urbanization. In: *Russian Academy of Sciences, Siberian Branch, Yakut Institute of Linguistics, Literature and History*. Novosibirsk: Nauka: Siberian Publishing Company. 141 p. ISBN 5-02-029777-1. (In Russ.).

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Ильин Б. Б. Язык пространства в житии святого Еразма / Б. Б. Ильин // Научный диалог. — 2021. — № 10. — С. 85—100. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-10-85-100.

Ilyin, B. B. (2021). Language of Space in Live of Saint Erasmus. *Nauchnyi dialog*, 10: 85-100. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-10-85-100. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-10-85-100

Язык пространства в житии святого Еразма

Ильин Борис Борисович

orcid.org/0000-0002-9771-9374

ResearcherID AAT-3117-2021

аспирант, ассистент

кафедры истории русского языка

и общего языкознания

bilin85@mail.ru

Московский государственный

областной университет

(Мытищи, Россия)

Language of Space in Live of Saint Erasmus

Boris B. Ilyin

orcid.org/0000-0002-9771-9374

ResearcherID AAT-3117-2021

Post-graduate student, assistant,

Department of History of the Russian

Language and General Linguistics

bilin85@mail.ru

Moscow Region State University

(Mytishchi, Russia)

© Ильин Б. Б., 2021

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена рассмотрению категории пространства в древнерусском тексте. Для анализа привлечён текст жития Еразма. Новизна работы заключается в обращении к тексту памятника, в котором категория пространства ранее не рассматривалась. В основу исследования положена номинативная лексика с пространственным значением. В ходе рассмотрения выделены различные типы пространств в житии: реально-географическое, городское, сакральное, библейское, символическое. Важным для понимания пространства в житии становится аксиологическая установка жанра: пространство трактуется в религиозно-символическом ключе. В статье показано, что пространство жития выстраивается по горизонтали и вертикали. Подчёркивается, что движение героя по горизонтали отражает перемещение героя в географическом пространстве. Путь понимается как буквально, так и метафорически. Особое внимание уделяется значимой для текста жития оппозиции верха и низа: верх ассоциируется с божественным, низ — с представлением о дьявольском. Показано, как библейское пространство создаётся отсылками к библейскому тексту. Символическое пространство тоже связано с вертикальной оппозицией и имеет религиозно-этическую трактовку: возникает образ града святого, предназначенного для праведников. В тексте аксиологическую установку отражает и трансформация пространства или его преодоление при описании некоторых чудес.

Ключевые слова:

Успенский сборник; житие Еразма; пространство; локусы; семантика; агиография.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article is devoted to the consideration of the category of space in the Old Russian text. The text of the live of Erasmus was used for analysis. The novelty of the work lies in the reference to the text of the monument, in which the category of space was not previously considered. The research is based on nominative vocabulary with spatial meaning. In the course of consideration, various types of spaces in the live were identified: real-geographical, urban, sacred, biblical, symbolic. The axiological attitude of the genre becomes important for understanding space in live: space is interpreted in a religious-symbolic way. It is showed in the article that the living space is built horizontally and vertically. It is emphasized that the horizontal movement of the hero reflects the movement of the hero in the geographic space. The path is understood both literally and metaphorically. Particular attention is paid to the opposition of the top and bottom that is significant for the text of the live: the top is associated with the divine, the bottom is associated with the concept of the devil. It shows how the biblical space is created by references to the biblical text. The symbolic space is also associated with vertical opposition and has a religious and ethical interpretation: the image of the city of the saint appears, intended for the righteous. The axiological attitude is also reflected in the transformation of space or its overcoming when describing some miracles in the text.

Key words:

Uspenskiy Collection; live of Erasmus; space; loci; semantics; hagiography.

Язык пространства в житии святого Еразма

© Ильин Б. Б., 2021

1. Введение

Пространственно-временная организация текста является одной из важнейших для его понимания. Для её рассмотрения при литературоведческом анализе было введено понятие хронотопа [Бахтин, 1975, с. 235], а впоследствии при лингвистическом анализе — континнума, который понимается как «категория текста, проявляющаяся в разных формах течения времени, пространства, событий, представляет собой особое художественное осмысление категорий времени и пространства объективной действительности» [Гальперин, 2006, с. 97]. Отмечая взаимосвязь категорий пространства и времени, учёные разделяют их и рассматривают их отдельно. Например, И. Я. Чернухина выделяет «категории времени, пространства, героя, события» [Чернухина, 1987, с. 7].

«Языковыми маркерами» категории пространства могут быть лексические, морфологические и синтаксические средства [Болотнова, 2009, с. 180], однако ключевую роль при текстообразовании, а значит, и ее ментальном отражении, будет играть лексический уровень [Болотнова, 2009, с. 282]. Лексические экспликативы в тексте сближаются, так как входят в общее функционально-семантическое поле пространства, и «создают функционально-текстовые парадигмы слов с пространственным значением» [Бабенко, 2004, с. 187]. Так как выводы делаются на основе языковых данных, то для интерпретации категории пространства в тексте мы берем именные слова и словосочетания, называемые в работе локусными именованиями, рассматривая специфику их значений в контексте формирования определённых типов пространства в тексте. Таким образом, лексические экспликативы становятся предметом изучения для анализа категории пространства в тексте. Основным методом исследования стал контекстный анализ, в ходе которого определялось семантическое наполнение лексем и их участие в организации пространственной структуры жития.

Материалом для исследования стало житие Еразма из Успенского сборника. Несмотря на изучение пространства в средневековых текстах Успенского сборника [Бедина, 2018; Топоров, 1995; Ранчин, 2004], категория пространства в житии Еразма не была исследована.

При анализе пространства в древнерусском тексте следует обратить внимание, что оно «часто наделяется особыми семантическими ха-

раактеристиками, <...> не является семантически „пустым“» [Ранчин, 2004, с. 367]: категория пространства сопрягается с аксиологией, которая определяется религиозно-христианским взглядом на мир [Гуревич, 1991; Лотман, 1996; Ранчин, 2001]. Помимо оппозиций центра и периферии, верха и низа, земли и неба, рассматриваемых в религиозно-этическом аспекте, в осмыслении пространства важным становится «различение в нем частей, “подпространств” сакральных и профанных» [Ранчин, 2004, с. 367]. С опорой на этот тезис в категории пространства жития можно выделить несколько подпространств. С одной стороны, они номинируются, лексически репрезентируются, с другой — реализуют аксиологические смыслы.

Житие мученика Еразма [УС, ст. 118г20—124а24] относится к числу житий-мортириев, являющихся переводными с греческого текста. Редакция Успенского сборника почти полностью совпадает с текстом, данным в октябрьских Великих Четых-Минеях (дни 19—31) [Творогов, 1990, с. 211]. Отметим, что в Четых-Минеях Дмитрия Ростовского они размещены в «майском» сборнике [ЖС, 2010, с. 175—176]. По мнению М. С. Фоминой, это житие из Успенского сборника и «источник майского тома ВМЧ относились к одной рукописной традиции», однако славянская традиция памятника не изучалась [Фомина, 2009, с. 84]. Переведённый греческий текст вошёл в контекст древнерусской христианской культуры ещё в эпоху формирования житийного канона, задавая в языковом сознании древнерусского книжника христианский взгляд на пространство и способы его отражения в житийном тексте. Таким образом, пространство в тексте жития — это «художественное» пространство, которое служит вместилищем событий и героев, с одной стороны, с другой — задаёт и отражает представления писцов о христианском мироустройстве.

Исследователи композиционного строения древнерусских житий киевского периода, анализируя текст жития святого Еразма, выделили в нём шесть основных частей: о жизни святого в пустыни, о противостоянии Еразма царю Диоклетиану, о заключении Еразма в темницу, о трудах Еразма в Лукриде, о конфликте святого с царём Максимианом, о жизни святого в граде «серминьстѣ» [Антонова, 2008, с. 148].

2. Реально-географическое пространство в житии

Географическое пространство в житии определено жизнью святого. Заглавие соотносит имя героя с городом *Фирмиас (Формия)*: *мѣноу ѿмоу въ градѣ фирмиясь* [УС, ст. 118г23—24]. В тексте опускается указание на то, что Еразм был епископом этого города [Жития святых, 2010, с. 175]. Отсутствует и указание на местонахождение города Формии в Италии на

берегу Средиземного моря. Таким образом, указание на этот город в начале жития видится только как место мучений Еразма.

Фрагмент реального географического пространства представляет ороним *Ливанские горы*: *иде же многа чюдеса сътвори въ горѣ нарицающихъ сѧ ливанѣ* [УС, ст. 119а4—6].

Одно из мест осуждения христианской веры — город Антиохия: *въ антиохиистѣ градѣ бысть съмоущение крѣсяномъ въ диоклетиана цѣрѣ* [УС, ст. 118г26—29]. Детализует локус лексема *съборъ* при описании диоклетиановского допроса, учинённого Еразму: *сѣда же самъ цѣрь въ съборѣ* [УС, ст. 119а33—119б1]. Это слово, проявляя синкретичность значения, подразумевает, с одной стороны, «рассуждения о делах веры и церкви» [Срезн. II, ст. 647], с другой — собрание народа и место для него. Другая лексема — *тѣмница* — обозначает место заточения Еразма после мучений, перенесённых им в Антиохии.

Вслед за совершёнными святым чудесами Диоклетиан требует, чтобы святой предстал перед ним. Пространство не номинируется, так как Диоклетиан уже в начале текста находится в пространстве города Антиохии. После мучений, перенесённых святым, ангел сначала говорит о новом месте, в котором окажется Еразм: *въстани и иди съ мною в италию тоу ти зѣ въчнюю жизнь и покои дають въ вѣкы вѣкомъ* [УС, ст. 120г15—18]. Таким образом вводится название области, после чего контекст позволяет соотнести новый локус с уже названным: святой перенесён ангелом «въ мѣсто лукридыско» [УС, ст. 121а20—21], то есть место в Италии. Пока Диоклетиан безуспешно ищет Еразма в антиохийской темнице, Еразм спасён божественной волей от мучений и пребывает в Лукриде: *стѣи же еразмъ нареченоу мѣсто юмоу лукрида прѣять* [УС, ст. 121а27—29]. В географическое пространство вторгается божественная воля, и оно начинает существовать по законам религиозно-символического пространства.

Детализация локуса «город Лукрида» определяется чудесным событием, которое совершил святой Еразм в этом месте — воскрешением мертвого. В речи Анастасия, отца умершего, встречается именование *домъ*, употреблённое в значении ‘семья’ и / или ‘домашние’: *вѣроую и азъ и домъ мой и людие си* [УС, ст. 121б33—121в1]. После рассказов воскресшего об аде подчеркивается жизнь этого дома в вере: *и тако вѣрова анастасии и въсь домъ юго* [УС, ст. 121в19—21]. Детализация локуса дана ситуативно: *стѣи еразмъ рече съложите тѣло юго съ одра и люди разгъна да вѣступѣть* [УС, ст. 121в1—4].

Однако в житии-мартирии всегда возникает противодействующая сила — языческие цесари: Максимиан слушает рассказы человека, «бывающая въ мѣнка въ градѣ лукритѣ» [УС, ст. 121г27—28].

Царь Максимиан (соправитель Диоклетиана [ЖС, с. 176]) требует привести Еразма к себе, однако локализация встречи в тексте первоначально с городом не соотносится, указывается только место их встречи *соудище* ‘место, где производится суд’: *вънидущую же еразмоу въ соудище цсръ рече* [УС, ст. 122а15—17]. Лексема в своём значении сближается с обозначением места допроса Еразма в Антиохии — *съборъ*.

После спора цесарь приказывает отвести святого «*в градъ сермитъньскый*» [УС, ст. 122в5—6] — город Сирмий на берегу Дуная [ЖС, ст. 176]).

Детализация локуса «*градъ сермитъньскый*» реализована через уточнение места действия — языческого храма, посвящённого Юпитеру [ЖС, с. 176]: *тѣгда радости испълни сѧ цсръ съ вѣсѣми людѣми иде въ храмъ диавѣ и повелѣ раба гнѧ въвести въ градъ сермитъньскый* [УС, ст. 122в1—6]. В тексте, помимо лексемы *храмъ*, использовано именование *храмина*: *цсръ же за роукоу и дърѣжа иде въ храмину съ нимъ* [УС, ст. 122в22—23]. Лексема *полата* указывает на царский дом, в который бежит Максимиан после разрушения храмина, и становится в тексте обозначением места укрыва: *вѣсѣдъ на конь свои и въ полату възврати сѧ* [УС, ст. 122г2—3].

Указание на макролокус находится и в заключительной части жития — это название итальянской области *Кампания* и город *Фирма* (город, названный в начале как *Фирмиасъ*). Оба названия звучат из уст архангела Михаила: *да тѧ изведеу в кампанию въ градъ нарицающийи сѧ фирмоу* [УС, ст. 123в25—28].

Сходным является введение названия областей через речь ангелов, после чего эти именованья становятся локализаторами для вновь названных городов. Упоминания областей сближает и то, что в них должен быть чудесным образом по небу перенесён святой, что и совершается при разворачивании сюжета.

3. Противопоставление неба и земли в житии

Противопоставление неба и земли в тексте жития использовано для выражения религиозного представления об устройстве мира. Лексема *небо* присутствует в контекстах, показывающих проявление божественной воли. Например, в годы, когда Еразм жил в уединении, «*бращьно съ нбсе съхожааше*» [УС, ст. 119а9—10]. Это возможно соотнести с библейской цитатой: «Я хлеб живый, сшедший с небес; ядущий хлеб сей будет жить вовек; хлеб же, который Я дам, есть Плоть Моя, которую Я отдам за жизнь мира» (Иоан. 6:51) [Библия, ст. 1137]. *Небо* понимается как место обитания Бога, откуда исходит благодать.

Божественная воля исходит к Еразму если не от ангела, предстающего перед ним, то с неба: *и бысть гла́с съ нбсе* [УС, ст. 119a16—17]. Интересно отметить, что в эпизоде, когда, обманывая народ, Диоклетиан говорит о смерти святого, он представляет её как вознесение: *црѣ же оубоявъ сѧ рече на нбѣ сѧвъзнесе* [УС, ст. 121a24—25].

Лексема *небо* встречается в оборотах, описывающих, как мученик в трудные минуты допроса смотрит в небо, словно прося помощи у Бога: *црѣ же рече чѣто ты ꙗси и кѣмъ языкѣмъ глѣши стѣи же еразмъ не ѡтвѣща ꙗмоу словесе нѣ толико на нбѣ възвожаши очи свои* [УС, ст. 122a17—22]. Этот фрагмент можно сопоставить с библейской цитатой: «После сих слов Иисус **возвел очи Свои на небо** и сказал: Отче! пришел час, прославь Сына Твоего, да и Сын Твой прославит Тебя» (Иоанн. 17:1) [Библия, ст. 1153]. Небо осознается не только как верх пространства, но и как место пребывания Бога.

Такая же конструкция, посредством которой описано, как после возведения очей к небу святой обращается к Богу, использована в житии, когда Еразма должны вести в языческий храм: *и си видѣвъ еразмъ постена въ срѣдци своємъ и очи свои възведъ на нбѣ рече гл҃҃҃хъ снѣ бж҃и послушаи мене въ се врѣмѧ и пошлѣи ст҃го ан҃ла своего* [УС, ст. 122b9—14].

Идея, что земной мир должен быть устроен по небесному подобию, выражается в синтаксической конструкции, в которой использованы лексемы с пространственной семантикой. После падения идолов и крещения народов мир (порядок) наступает на земле, о чём говорит Еразм: *стѣи же еразмъ гла́сѣмъ великѣмъ рече // слава въ вышньихъ боу и на земли миръ въ чл҃вчѣхъ бл҃говоление* [УС, ст. 122b25—29]. В этих словах Еразма используется библейская цитата: «...слава в вышних Богу, и на земле мир, в человеках благоволение!» (Лук. 2:14) [Библия, ст. 1084]. Небо и земля в житии противопоставлены как грешное святому, пока на земле не утверждена вера; но они уподобляются друг другу после распространения веры на земле.

4. Сакральное пространство в житии

Место в горах Ливана, которое избрал в изгнаничестве Еразм, названо пустыней: *слышав же се блаженнии еразмъ поустыню възлюби и прѣбысть тоу* [УС, ст. 119a1—3]. *Пустыня* в данном случае — это ‘уединённое место’. Словарь И. И. Срезневского передаёт это значение как ‘пустое, пустынное место’ [Срезн. III, ст. 1733]. В тексте оно становится местом молитв и чудес, совершаемых Еразмом. Иная номинация его местопребывания — *хлѣвина* ‘дом, место для жизни’: *и звѣриѣ прихожаахоу въ хлѣвиноу ѧго и покланѧхоу сѧ ꙗмоу* [УС, ст. 119a12—15].

Помимо географического именованя, лексема *гора* формирует противопоставление земного небесному и участвует в создании оппозиции «низ — верх». Гора делает Еразма ближе к божественному, а лексема *небо*, приобретает не пространственное, а духовное значение, она понимается как место, откуда исходит благодать Господа: *ѹмоу же на всьѣкъ днѣ брашно съ нбсе съхожааше* [УС, ст. 119a8—10]. С небес раздаётся и божественный голос, который приказывает ему спуститься, покинуть горы, чтобы изгонять злых духов в отечестве своём: *и бысть гласъ съ нбсе глѣ къ немоу еразме сълѣзи штоуду и иде въ очѣствие своеу* [УС, ст. 119a15—19]. Таким образом, лексемы *гора* и *небо* участвуют в создании пространственной вертикали, которая в житии наполняется сакральным, духовно-этическим содержанием.

5. Городское пространство в житии

Город противопоставлен горе как место многолюдное — месту уединённому и пустынному, место благодатное — месту, наполненному злом и нуждающемуся в преображении святостью: *и яко съниде мнози одържжми злыими дхы сѣрѣтаахоу и стѣи же еразмъ възлагаше роукоу свою на на* [УС, ст. 119a20—24].

Город становится не только пространством географическим, но и социальным: во время допроса Диоклетиан стремится обольстить Еразма, предлагая сделать его старейшиной города: *да сътворю тѣ старѣиша градоу моемоу* [УС, ст. 119b15—16]. Все городское пространство в тексте отражает мир социума: у городов есть правители, в городах назначаются старейшины, устраиваются соборы. Однако житие призвано показать утверждение веры, и социальное пространство становится местом столкновения христианского и языческого в мученичьи. Неслучайно в одном контексте встречаются упоминание о соборе антиохийцев и признание Еразма апостолом их города после мужественно перенесённых им мучений: *тѣгда възъни блжнии еразмъ ... съ нимъ же вьсь съборъ антиохийскый възъни глѣ поустѣ члѣка правдѣна и апѣла града нашего* [УС, ст. 120a18—28]. Борьба осмысливается и во фрагменте, в котором переданы мысли Диоклетиана о возможной гибели города после мучений Еразма: *ягда же цѣрь скѣрбѣ мѣнаше градоу // блжнѣю пагоубою погыбноути яко же и бесѣдоуя глѣше къ людѣмъ се еже видите бы съблазнилъ есть* [УС, ст. 120b6—13].

Продолжает эту мысль и другой контекст. В нём слово *црствие* использовано в значении 'правление' и 'место правления': *оувѣ мнѣ пороуга сѣ црствию моѹмоу чѣто рекоу прѣдъ людѣми* [УС, ст. 121a8—10]. Обратим внимание на тот факт, что цесарь беспокоится о людском суде, тогда как святого беспокоит верность богу, а сакральное и языческое про-

странства вступают в конфликт через социальное пространство. В словах мужа, рассказывающего Максимилиану о Еразме, царствие цезаря соотносится с языческой верой: *се цсрю црѣствие твою оуже не въ оупованиѣ и бзи наши не въмъ оубо въ кояго мужа антиххискаго раздроишиа* [УС, ст. 122а1—6]. Таким образом, сакральное пространство выстраивается по вертикали, а языческое — по горизонтали.

6. Библейское пространство в житии

Споры Диоклетиана и Еразма расширяют пространство жития. В первых, представления об аде и рае могут осмысляться средневековыми книжниками как реальные, так как «в средневековом мышлении долгое время не осознавалось четкого различия между вымыслом и истиной» [Гуревич, 1994, с. 47]. На предложения старейшинства и денег святой отвечает, ассоциируя цесаря и ад: *азъ бо имамъ зракъ вѣрнь его же адъ не можетъ видѣти ты же съ оцѣмъ своимъ дьяволѣмъ въ истину въжъженъ ѹси* [УС, ст. 119в25—30]. В словах Еразма ад противопоставлен вере, но не локализуется и не соотносится с загробной жизнью. Сама лексема *адъ* отсылает к идее безверия, образам дьявола, огня. Понимание ада как тьмы неведения, с одной стороны, а с другой — как пространства, находящегося внизу, эксплицируется после пересказа библейской истории об изгнании из рая и жертве Христа: *тѣмъ невѣдения нашего съподобльшаго сѧ добръ исподнихъ адоу доити и вттоуду ти и втвѣты полагаю* [УС, ст. 119в29—120а2]. Возможно, что в тексте «добръ исподнихъ адоу» должно читаться как «до прѣисподнихъ адоу» (то есть до самых нижних (мест) ада). Контраргументом этому является использование в житии слова *добръ* [УС, ст. 122б11], отсутствие исправлений в этом месте рукописи. Однако, если текст существовал в старославянской традиции, откуда и пришло слово *прѣисподня*, можно предположить, что писец, не зная такого слова, исправил на более понятное ему *исподнии*.

Отметим, что воскрешенный Еразмом сын Анастасия после пробуждения рассказывает об аде: *видѣхъ бо я въ аде покоя не имоуща от моукъ бѣ же сего еразма великъ ѹсть* [УС, ст. 121в16—19]. Ад — место отсутствия бога и место бесконечных мучений, тогда как аду противопоставлено не место, а «бѣ сего Еразма».

Во-вторых, эти споры актуализируют библейское пространство. Обращаясь к Диоклетиану, который в сознании святого ассоциируется с дьяволом, Еразм пересказывает библейскую историю, начавшуюся с изгнания «*първозьданаго*» (Адама) из-за злых козней дьявола «*изораѧ*» [УС, ст. 119г18—19]. Дьявол положил начало «*безаконію*», тогда как рай вме-

щает в себя представление о законе и предстает как место библейского прошлого.

Слово *миръ* тоже отсылает к библейскому контексту. В тексте жития оно используется тогда, когда Христос показан как спаситель мира: *иже възмътъ грѣхы мира просвъщѣшаго тѣмъ невѣдѣннѣя нашего* [УС, ст. 119г27—30], *избавѣшему миру въ грѣхъ ихъ* [УС, ст. 122б24—25]. Эти фразы произносит святой Еразм, и неудивительно, что они отсылают к евангельскому тексту: «...вот Агнец Божий, Который берёт на Себя грех мира». (Иоанн 1:29) [Библия, ст. 1128]. Однако вторая цитата из жития позволяет рассматривать мир не как космос, всеобщее пространство, а как людей, чьи грехи искупает Христос (*въ грѣхъ ихъ*).

Переосмысливается в тексте существительное *поуть* с точки зрения библейского и сакрального пространства. Слово приобретает метафорическое значение. Обратимся к тексту жития: после воскрешения мёртвого многие обратились в веру, а святой Еразм *рече хвалю тѣ ѿ ѿс хѣ яко събираещи люди своя въ поуть истинѣ самъ юси рекъ прѣстѣмъ еваангелиемъ просите и дасть сѣ вамъ ищѣте и обрѣчете тѣмъ и вътверзетъ сѣ вамъ* [УС, ст. 121в26—121г1]. Слово *истина* и библейская цитата из Евангелия (от Луки 11: 9—10; от Матф. 7: 7—8) задают возможность осмыслить лексему *поуть* как настойчивое духовное движение к истине в течение всей жизни. Такое толкование поддерживается и другим контекстом: *поутии правдыныхъ гладьци быша* [УС, ст. 123а21—22]. Однако в тексте эта лексема используется и в значении ‘движение, направление к цели движения’: *повелѣ прѣстѣго мученика привести и оуготовати при поути* [УС, ст. 121в26—121г1]. Таким образом, обнаруживаются две трактовки образа пути: 1) «перемещение в пространстве, движение от одного реального локуса к другому»; 2) «собственно жизненный путь, путь подвижничества» [Гурова, 2012, с. 241].

Точкой пересечения географического, сакрального и библейского пространства становится город Иерусалим, о котором во время попыток упоминает Еразм, используя оборот из Псалтири (Пс. 78:1—2). Он восклицает: *стѣи же еразмъ прѣрѣчьскою слово боу въздасть стража положю иерсѣма яко овоцехранильницу плоти прѣподобныхъ твоихъ звѣрѣмъ земельнымъ* [УС, ст. 120а8—12].

К библейской истории отсылает пассаж Максимиана, который, проводя параллель между Еразмом и Христом, готовится обречь его на новые мучения: *маѣмианъ рече яко же самого того распѣаго жидѣми въ иерсѣмъ тако же и тебе имамъ сътворити да тако же оумьреши* [УС, ст. 122б3—8]. Отметим, что в этом фрагменте использован топос *imitatio*

Christi — принцип подражания Христу: идея жертвы во имя веры [Руди, 2005, с. 64] принадлежит к житийной топике.

7. Символическое пространство в житии

Символическое пространство в житии организуется включением лексем с пространственным значением без конкретизации места в противопоставление или сопоставление с аксиологическими параметрами. Такое пространство в житии тоже выстраивается по вертикали. Если небо и гора — высшие точки пространства, коррелируют с божественным, то город предстаёт как место страстей и борьбы христианства с язычеством, добра со злом. Низшей же точкой в создании символического пространства становится *глубина смертная*, которая противопоставляется жизни во Христе: *яко же въсхоте дѣла моя не посрами раба своего и да не пожьретъ мене **глубина смѣртная*** [УС, ст. 119в7—10]. В пространственной оппозиции верх осмысливается с религиозно-этической точки зрения как вера и вечная жизнь, а низ — как отступление от веры и смерть. Для сопоставления отметим слово *бездѣна*, имеющее близкую семантику к слову *глубина*, так как в словаре Срезневского оно имеет значение ‘преисподняя’ [Срезн. I, ст. 10], однако ассоциативная связь между ними в тексте не эксплицируется.

Лексема *градъ* задействована и в создании локусного именования *градъ стѣи*, репрезентирующего сакрально-символическое пространство. *Святой градъ* противопоставлен географическим наименованиям городов в житии по этической шкале, по степени сакральности, что подчёркивается оппозицией «верх — низ». Он мыслится как сонм благочестивых душ, в этот град ангелы поднимают умерших в мученичестве за веру: *и тако прѣдаша своя дѣла мѣнѣи · и онъ рече идѣте въ има гнѣ вьси въ тѣ **градъ стѣи** иже вамъ оуготовилъ юсть гъ* [УС, ст. 123а8—13]. Еразм просит о покое: *проидохомъ сквозѣ огонь и водоу и изведе ны **въ покои*** [УС, ст. 123б19—22]. Покой для Еразма подразумевает и смерть, и обретение града божьего; в другом контексте, который подтверждает такое сближение, читаем: *· и бысѣ гла҃с к нѣмоу ѡт нб҃се гла҃ // еразме прииди и почии **въ градъ стѣи** иже оуготовахъ братиѣи своѣи мѣнѣи · и прѣркомъ и апосломъ ми* [УС, ст. 123г15—22]. Представление о святом граде влечет за собой и упоминание радости в виде божественных слов, обращённых к святому Еразму: *нъ оуже **въниди въ радость** гѣ ба своего и тоу въселѣса съ правѣдники и съ избѣранными моими въ вѣкы вѣкомъ аминь* [УС, ст. 124а20—25]. Отметим также, что верх пространства принадлежит богу, а низ пространства — аду: *добрѣ **исподнихъ адоу** доити* [УС, ст. 119в29—31], *слава въ **вышнихъ** боу* [УС, ст. 122в25—29].

8. Трансформация пространства в житии

Большое значение для житийных текстов приобретает семантика света. Если огненное, обжигающее ассоциируется с пытками и адом, то светлое выражает семантику сакрального. Примером реализации такого смысла является сцена в темнице, в которую заключили Еразма после пыток в Антиохии, когда Диоклетиан *«повелѣ стѣго еразма въ тѣмьници затворити и шесть тысящъ литръ желѣза на выю и на роуцѣ его възложити»* [УС, ст. 120613—18]. То, что перед нами место заточения, подчёркивается и тем, что границу локуса — дверь темницы — Диоклетиан опечатывает перстнем: *запечатѣлъ же цѣрь пѣръстеньмъ своимъ двѣри тѣмьници* [УС, ст. 120625—27]. После молитвы место заточения преобразуется, предуготовляя явление Бога в темнице Еразма: *и се напрасно тѣмьница просвѣтъ сѧ и испълни сѧ водами вьсюдѣ* [УС, ст. 120в5—8].

В контексте происходит актуализация этимона слова *тѣмьница*, подчёркнутая контрастом — появлением света в темнице. Темница — это уготованное язычниками закрытое пространство, свет в нём символизирует торжество божественного над временным земным заточением, в котором пребывает герой.

Темница как место мученичества интертекстуально встраивается в ряд других приведенных в житии примеров. Такими локусами становятся горящая печь и ров со львами: *снѣсъ ю їеси яко же стѣла отроки ... срѣдѣ печи гороуща ... и данила раба своего издрова львова* [УС, ст. 120в31—120г4]. Впоследствии печь как место мучений снова будет названа в житии: *проидохомъ сквозѣ огонь и водоу и изведе ны въ покои искоусилъ їеси яко и въ печи вся вѣрующая въ та и се яко жертвою приими* [УС, ст. 123619—24].

Этические ориентиры в житии налагаются на пространственную систему координат. Подобная актуализация происходит в контексте описания мира, в который является Христос: *и въ настояща приде иже възатъ грѣхы мира просвѣщающаго тѣму невѣдѣния нашего* [УС, ст. 119г27—30]. Свет символизирует «ведение», знание о Боге, тогда как тьма — неведение. Эту мысль поддерживает и другой контекст — слова Еразма о Христе, обращённые к Максимиану: *добръ ми издрече да съподолоу сѧ въ слѣдѣ оного послѣдовати лоуча бо свѣта оного наше пр-свѣщение їсть иже хоцѣтъ разоумѣти и въ нь вѣровати то снѣсетъ сѧ* [УС, ст. 122611—17]. Во многом такая трактовка задана библейскими аллюзиями, например, в Псалтири читаем: «Ты возжигаешь светильник мой, Господи; Бог мой просвещает тьму мою». (Пс. 17:29) [Библия, ст. 541].

9. Заключение

Таким образом, реально-географическое пространство в житии представлено посредством топонимов: названий городов, административных областей, а также упоминания о горах Ливана. Земная жизнь святого описывается через движение от одного места к другому, укладывается в горизонтальную, географическую систему локусов. Городские локусы детализируются в зависимости от событий, происходящих в жизни святого.

События жития могут происходить одновременно в двух местах, připravляя конфликт следующего эпизода. События жизни святого в пространстве жития-мартирия находятся между двумя полюсами: языческой действительностью, враждебной ему, губящей и мучающей его, и божественной, сакральной.

Важным для житийного текста становится осмысление пути: святой проходит испытания страстями земными; он должен распространять божественное слово на земле, истреблять зло; ему суждено перенести мучения во имя веры, чтобы приблизиться к граду небесному.

При описании жизни и подвигов святого значима в житии оппозиция верха и низа, интерпретируемая в религиозно-этическом ключе: верх соответствует божественному, а низ — дьявольскому. В трактовке пространства жития важную роль играет и семантика света, актуализирующая следующую идею: божественное становится источником света и способно преобразить пространство, в котором находится святой.

Сакральным пространством в житии выступает место уединения и молитв святого — гора Ливан. Это место приближения к богу, противопоставляемое пространству города, в который Еразм должен спуститься для совершения подвижнического подвига.

Город — пространство профанное, именно в нём и разворачивается основной конфликт между христианским и языческим. Можно отметить, что храм Диев в тексте становится центром языческого пространства.

Именно библейский контекст — отсылки к событиям Ветхого и Нового Заветов — в житии задаёт основы представления о мире, его создании, аде и рае. С сакральным локусом — Иерусалимом — в житийном тексте ассоциативно связываются страдания Еразма.

Библейское и символическое пространство, перекликаясь между собой, организованы в вертикальной оппозиции. Верх реализует представления о рае, граде небесном, о вечной жизни, а низ декодируется через образ ада, глубины смертной, через мысль о вечных страданиях.

Чудеса в житии происходят мгновенно: преодоление расстояний, которое совершается с помощью божественной силы, нарушает законы мира физического и создаёт особенности существования в пространстве жития.

А вот сцены допросов, мучений и заточения даны подробно, так как предназначены для репрезентации духовного подвига святого. Кроме того, мотив чудес находит воплощение в преображении пространства: появление святого заставило пасть кумиров в языческом храме, а божественное начало преображает светом темницу, в которой заточён святой.

Таким образом, представление о святости является в житийном повествовании одним из основополагающих семиотических кодов.

Источники и принятые сокращения

1. Библия. — Москва : Издание Московской патриархии, 1988. — 1375 с.
2. ЖС — *Жития святых* на русском языке, изложенные по руководству Четьих-Миней св. Дмитрия Ростовского. Книга девятая. Май. — Москва : Ковчег, 2010. — 784 с.
3. Срезн. I — *Срезневский, И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам : в 3 т. Т. 1. А — К / И. И. Срезневский. — Санкт-Петербург : Отд-ние рус. яз. и словесн. Имп. АН, 1893. — 1420 стб.
4. Срезн. II — *Срезневский, И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам : в 3 т. Т. 2. Л — П / И. И. Срезневский. — Санкт-Петербург : Типография Имп. АН, 1902. — 1802 стб.
5. Срезн. III — *Срезневский, И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам : в 3 т. Т. 3. Р — Я / И. И. Срезневский. — Санкт-Петербург : Типография Имп. АН, 1912. — 1420 стб.
6. УС — *Успенский сборник XII–XIII вв.* / изд. подгот. О. А. Князевская, А. Г. Демьянов, М. В. Ляпон. — Москва : Наука, 1971. — 770 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антонова М. В. Общие принципы композиционного строения славяно-русских переводных житий киевского периода / М. В. Антонова, Ю. В. Семенюк // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия Гуманитарные и социальные науки. — 2008. — № 1. — С. 147—155.
2. Бабенко Л. Г. Филологический анализ текста. Основы теории, принципы и аспекты анализа : учебник для вузов / Л. Г. Бабенко. — Москва : Академический проект ; Екатеринбург : Деловая книга, 2004. — 464 с. — ISBN 5-8291-0431-8 (Академический проект), ISBN 5-88687-153-5 (Деловая книга).
3. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики : исследования разных лет / М. М. Бахтин. — Москва : Художественная литература, 1975. — 504 с.
4. Бедина Н. Н. Эсхатологический хронотоп жития преп. Феодосия Печерского / Н. Н. Бедина // Верхневолжский филологический вестник. — 2018. — № 2. — С. 8—15. — DOI: 10.24411/2499-9679-2018-10034.
5. Болотниova Н. С. Филологический анализ текста : учеб. пособие / Н. С. Болотниova. — 4-е изд. — Москва : Флинта ; Наука, 2009. — 520 с. — ISBN 978-5-9765-0053-2 (Флинта), ISBN 978-5-02-034667-3 (Наука).
6. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. — Москва : КомКнига, 2006. — 144 с.
7. Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры / А. Я. Гуревич. — Москва : Искусство, 1994. — 350 с.

8. Гурова Е. П. Тема пути в «Житии инока Епифания» / Е. П. Гурова // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. — 2012. — № 1. — С. 241—244.
9. Лотман Ю. М. О понятии географического пространства в русских средневековых текстах / Ю. М. Лотман // Внутри мыслящих миров : Человек-текст-семиосфера-история. — Москва : Языки русской культуры, 1996. — С. 239—249.
10. Ранчин А. М. О принципах герменевтического изучения древнерусской словесности / А. М. Ранчин // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. — 2001. — № 2 (4). — С. 69—81.
11. Ранчин А. М. Из наблюдений над пространственной структурой в сказаниях Киево-Печерского патерика / А. М. Ранчин // Герменевтика древнерусской литературы. — 2004. — № 11. — С. 367—379.
12. Руди Т. Р. Толика русских житий (вопросы типологии) / Т. Р. Руди // Русская агиография : Исследования. Публикации. Полемика / ред. С. А. Семячко, Т. Р. Руди. — Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2005. — С. 59—101.
13. Творогов О. В. Древнерусские четьи сборники XII—XIV вв. (Статья Вторая. Памятники агиографии) / О. В. Творогов // Труды Отдела древнерусской литературы. — Ленинград : Наука, 1990. — Т. 44. — С. 196—225.
14. Топоров В. Н. Святость и святые в русской духовной культуре. Т. 1. Первый век христианства на Руси / В. Н. Топоров. — Москва : Гнозис, 1995. — 875 с.
15. Фомина М. С. К вопросу о типологии Успенского сборника / М. С. Фомина // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. — 2009. — № 2 (36). — С. 77—96.
16. Чернухина И. Я. Общие особенности поэтического текста (лирика) / И. Я. Чернухина. — Воронеж : Изд-во Воронеж, ун-та, 1987. — 158 с.

MATERIAL RESOURCES

- Bibliya*. (1988). Moskva: Publication of the Moscow Patriarchate. 1375 p. (In Russ.).
- Srezn. I — Sreznevskiy, I. I. (1893). *Materials for the dictionary of the Old Russian language on written monuments. A — K*. St. Petersburg: Departmen Rus. lang. and verbal. Imp. AN. 3/1. 1420 col. (In Russ.).
- Srezn. II — Sreznevskiy, I. I. (1902). *Materials for the dictionary of the Old Russian language on written monuments. L — P*. St. Petersburg: Printing house Imp. AN. 3/2. 1802 col. (In Russ.).
- Srezn. III — Sreznevskiy, I. I. (1912). *Materials for the dictionary of the Old Russian language on written monuments. R — Ya*. St. Petersburg: Printing house Imp. AN, 1912. — 3/3. 1420 col. (In Russ.).
- US — Knyazevskaya, O. A., Dem'yanov, A. G., Lyapon, M. V. (eds.). (1971). *Uspenskiy collection XII—XIII vv*. Moscow: Nauka. 770 p. (In Russ.).
- ZhS — *The Lives of the Saints in Russian, set out according to the guidance of the Chetikh-Minea by St. Dmitry Rostovsky. Book nine. May*. (2010). Moscow: Kovcheg. 784 p. (In Russ.).

REFERENCES

- Antonova, M. V., Semenuk, Yu. V. (2008). General principles of compositional structure of slavic russian translated hagiography of the Kiev period. *Scientific notes of Orel state university, 1*: 147—155. (In Russ.).

- Babenko, L. G. (2004). *Philological analysis of the text. Fundamentals of theory, principles and aspects of analysis: textbook for universities*. Moscow: Akademicheskii proekt; Ekaterinburg: Delovaya kniga. 464 p. ISBN 5-8291-0431-8 (Akademicheskii proekt), ISBN 5-88687-153-5 (Delovaya kniga). (In Russ.).
- Bakhtin, M. M. (1975). *Literary and Aesthetic Issues: Studies of Different Years*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. 504 p. (In Russ.).
- Bedina, N. N. (2018). The eschatological chronotope in the live of saint Theodosius of the Kyiv caves. *Verhnevolzhski philological bulletin*, 2: 8—15. DOI: 10.24411/2499-9679-2018-10034. (In Russ.).
- Bolotnova, N. S. (2009). *Philological analysis of the text: textbook*. (4th ed.). Moscow: Flinta; Nauka. 520 p. ISBN 978-5-9765-0053-2 (Flinta); ISBN 978-5-02-034667-3 (Nauka) (In Russ.).
- Chernukhina, I. Ya. (1987). *General features of the poetic text (lyrics)*. Voronezh: Voronezh University publication. 158 p. (In Russ.).
- Fomina, M. S. (2009). On the question of the typology of the Uspensky collection. *Old Russia. The questions of middle ages*, 2 (36): 77—96. (In Russ.).
- Galperin, I. R. (2006). *Text as an object of linguistic research*. Moscow: KomKniga. 144 p. (In Russ.).
- Gurevich, A. Ya. (1994). *Categories of medieval culture*. Moscow: Iskusstvo. 350 p. (In Russ.).
- Gurova, E. P. (2012). Theme of path in “Live of Coenobite Epiphanius”. *Scientific notes of Orel state university*, 1: 241—244. (In Russ.).
- Lotman, Yu. M. (1996). On the concept of geographic space in Russian medieval texts. In: *Inside Thinking Worlds: Man-Text-Semiosphere-History*. Moscow: Yazyki russkoy kultury. 239—249. (In Russ.).
- Ranchin, A. M. (2001). On the principles of the hermeneutic study of Old Russian literature. *Old Russia. The questions of middle ages*, 2 (4): 69—81. (In Russ.).
- Ranchin, A. M. (2004). From observations of the spatial structure in the legends of the Kiev-Pechersk paterik. *Hermeneutics of old russian literature*, 11: 367—379. (In Russ.).
- Rudi, T. R. (2005). *Topics of Russian Lives (questions of typology). Russian hagiography: Research. Publications. Controversy*. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin. 59—101. (In Russ.).
- Toporov, V. N. (1995). *Holiness and Saints in Russian Spiritual Culture. The first century of Christianity in Russia*. Moscow: Gnozis. 875 p. (In Russ.).
- Tvorogov, O. V. (1990). Old Russian Chets collections XII—XIV. (Article Two. Monuments of hagiography). In: *Proceedings of the Department of Old Russian Literature*. Leningrad: Nauka. 44. 196—225. (In Russ.).

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Мельгунова А. В. Словообразовательный потенциал местоимений в немецком и русском языках / А. В. Мельгунова // Научный диалог. — 2021. — № 10. — С. 101—116. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-10-101-116.

Melgunova, A. V. (2021). Derivational Potential of Pronouns in German and Russian languages. *Nauchnyi dialog*, 10: 101-116. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-10-101-116. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-10-101-116

Словообразовательный потенциал местоимений в немецком и русском языках

Мельгунова Анна Владиславовна
orcid.org/0000-0002-7040-0435
Researcher ID P-5830-2015
кандидат филологических наук, доцент
a.melgunova@spbu.ru

Санкт-Петербургский
государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)

Derivational Potential of Pronouns in German and Russian languages

Anna V. Melgunova
orcid.org/0000-0002-7040-0435
Researcher ID P-5830-2015
PhD in Philology, Associate Professor
a.melgunova@spbu.ru

St. Petersburg State University
(Saint Petersburg, Russia)

© Мельгунова А. В., 2021

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается вопрос об использовании местоимений как элемента в процессе словообразования лексических единиц немецкого и русского языков. Материалом послужили тексты, относящиеся к разным жанрам: публицистические, научно-популярные, научные, художественные. Новизна исследования видится в сравнении словообразовательного потенциала местоимений в двух языках, система словообразования которых имеет некоторые отличия. Представлен результат сопоставительного анализа лексики, относящейся к разным частям речи. Особое внимание уделяется возможности использования личных местоимений, которые задействованы в именном словообразовании. Показано, что лексические единицы с компонентами — личными местоимениями в русском языке менее характерны, однако используются в текстах определённой тематики и в некоторых случаях являются кальками с соответствующих иностранных слов. Уделяется внимание возникновению неологизмов и окказионизмов, использованию заимствований. Поднимается вопрос о роли контекста в интерпретации слов с местоименными компонентами. Делается вывод о том, что словообразовательный потенциал местоимений выше в немецком языке, однако лексические единицы русского языка также могут быть образованы с использованием подобных элементов. Отмечается увеличение числа слов данного типа в русском языке за счет переводной терминологии из германских языков.

Ключевые слова:

словообразование; местоимения; немецкий язык; русский язык; словосложение; словопроизводство; контекст; неологизм; окказионизм.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The question of the use of pronouns as an element in the process of word formation of lexical units of the German and Russian languages is considered. The material was texts related to different genres: journalistic, popular science, scientific, artistic. The novelty of the research is seen in the comparison of the word-formation potential of pronouns in two languages, the word-formation system of which has some differences. The result of a comparative analysis of vocabulary related to different parts of speech is presented. Particular attention is paid to the possibility of using personal pronouns that are involved in nominal word formation. It is shown that lexical units with components — personal pronouns in the Russian language are less typical, however, they are used in texts of a certain subject and in some cases are tracing copies from the corresponding foreign words. Attention is paid to the emergence of neologisms and occasionalisms, the use of borrowings. The question is raised about the role of context in the interpretation of words with pronominal components. It is concluded that the derivational potential of pronouns is higher in German, but the lexical units of the Russian language can also be formed using similar elements. An increase in the number of words of this type in the Russian language is noted due to the translated terminology from the Germanic languages.

Key words:

word formation; pronouns; German; Russian language; compounding; derivation; context; neologism; occasionalism.

Словообразовательный потенциал местоимений в немецком и русском языках

© Мельгунова А. В., 2021

1. Введение

В словообразовании немецкого и русского языков присутствуют как сходства, так и различия. Языкам, относящимся к разным группам, свойственна различная частотность словообразовательных моделей. Интерес представляют не только сами модели, но и их внутреннее наполнение — особенности использования тех или иных элементов. Мало изученной темой является использование местоимений в словообразовании.

В лингвистике существуют различные определения словообразовательного, или деривационного потенциала, под которым понимаются либо словообразовательные способности отдельно взятых лексических единиц, либо соответствующие способности целого класса слов [Васильева, 2017, с. 25]. Мы будем понимать под словообразовательным потенциалом местоимений немецкого и русского языков возможность образования новых лексических единиц, относящихся к другим частям речи, с использованием компонентов-местоимений по имеющимся словообразовательным моделям — учитывая как производные, так и сложные слова. При этом следует отметить, что класс местоимений неоднороден. Различные типы местоимений могут проявлять себя в словообразовании по-разному.

Использование местоимений в словообразовательных моделях редко становится предметом отдельного рассмотрения, что обычно объясняется невысокой частотностью подобных компонентов. В немецких трудах по словообразованию приводятся отдельные примеры таких лексических единиц. Э. Доналис и Л. Айхингер упоминают местоименные компоненты в числе прочих нечастотных, таких как наречия и частицы [Donalies, 2011, S. 57; Eichinger, 2000, S. 116]. Более подробно данный вопрос освещается в работе В. Фляйшера и И. Барц, где отдельный параграф посвящён сложным именам существительным с первым компонентом-местоимением [Fleischer et al., 2012, S. 164—165].

В трудах по русскому словообразованию данная тема также широко не освещается. В основном упоминается использование компонента *само-* в сложных словах [Немченко, 1984, с. 156, 158; Земская, 2011, с. 284]. При этом местоименная природа компонента не всегда подчеркивается.

Однако данная тема при её подробном рассмотрении оказывается более многоаспектной, чем представляется на первый взгляд, так она как

связана с неологизмами, окказионализмами [Мельгунова, 2016, с. 127; Мельгунова, 2018, с. 319—320], а также с функционированием лексических единиц с местоименными компонентами при образовании терминов определённых областей знания — как в немецком [Мельгунова, 2019], так и в русском языке [Сахатмурадова, 2017].

Считается, что научному тексту свойственны определённые особенности — в том числе на уровне словообразования [Нефёдов, 2017, с. 88]. Применительно к словам с местоименными компонентами можно говорить не только о научном, но также о научно-популярном тексте как характерных сферах их использования. Употребление соответствующих лексических единиц фиксируется также в публицистике и художественной литературе.

В немецком языке вообще и в сфере образования терминологической лексики продуктивным способом является словосложение. Выступая одним из проявлений языковой экономии и позволяя компактно обозначить понятие, сложные слова в то же время могут иногда допускать различные интерпретации [Roelcke, 2010, S. 80]. В. С. Вашунин отмечает, что как относительно узуальные, так и относительно окказиональные композиты иногда могут быть понятны лишь на основе текстового окружения [Вашунин, 1990, с. 45]. Недостаточность только лингвистических знаний, без опоры на контекст, при интерпретации сложных текстов отмечают также С. Т. Нефёдов и В. Е. Чернявская [Нефёдов и др., 2020, с. 86].

В случае интерпретации как терминологической, так и не выполняющей функций термина лексики с местоименными компонентами контекст также играет большую роль. К примеру, что может обозначать сложное слово *das Kanzler-Du*, вторым компонентом которого является субстантивированное местоимение? Можно понять это слово либо как ‘канцлерское ты’ (то есть обращение канцлера к окружающим на *ты*), либо как ‘обращение на *ты* к канцлеру’. Только контекст даёт нам полное представление о значении слова: *Wer Angela Merkel, 61, im Kabinett vertraulich ansprechen darf, ist deshalb noch kein Favorit oder gesalbtes Haupt für ihre Nachfolge. Das Kanzler-Du wird nicht verliehen wie Titel und Orden* [Schmitt] / *Том, кто может доверительно обращаться к 61-летней Ангеле Меркель в её рабочем кабинете, не является по этой причине фаворитом или возможным преемником. Право говорить «ты» канцлеру не присваивается подобно титулам и орденам* (здесь и далее перевод наш. — А. М.).

2. Части речи, в образовании которых задействованы местоименные компоненты

В рамках данной статьи не рассматривается использование субстантивированных местоимений как отдельных слов. Отметим, что субстан-

тивация местоимений имеет место в обоих языках. *Neu im Werther ist die Absolutisierung des eigenen Ichs* <...> [Jaraus, 2013, S. 12] / *Новым в “Вертере” является абсолютизация собственного Я* <...>; Мы снова выбираем систему ценностей, высшей из которых часто становится своё «Я» [Ануфриева, 2021, с. 25]. Однако использование субстантивированных местоимений в качестве второго компонента сложных слов будет учитываться. Другие типы местоимений — указательные, притяжательные также могут субстантивироваться, однако в таком виде они практически не участвуют в дальнейшем словообразовании.

Не всем типам местоимений свойственна словообразовательная активность в одинаковой степени. Например, в немецком языке к редким случаям относятся слова следующего типа: *das Niemandsland* ‘нейтральная зона, ничья земля’, включающее неопределенное местоимение *niemand* ‘никто’, *das Vaterunser* ‘Отче наш’ (название молитвы), содержащее притяжательное местоимение *unser* ‘наш’, *der Wer-Fall* ‘именительный падеж’ (более употребительно название *der Nominativ*), образованное с вопросительным местоимением *wer* ‘кто’. Как мы видим, в русском языке аналогичные понятия выражены при помощи словосочетаний, а в некоторых вариантах перевода даже отсутствуют местоимения.

Единичные совпадения есть между немецкими и русскими прилагательными, в которых использованы корни указательных местоимений *dieser*, *jener* ‘этот, тот’ — *diesseitig* ‘поюсторонний’, *jenseitig* ‘помысторонний’. Здесь в обоих языках в прилагательных присутствует местоименный компонент.

Большинство слов, которые будут рассмотрены в статье, являются продуктами именного словообразования. В первую очередь это сложные существительные, реже — производные, а также сложные — за единичными исключениями — прилагательные.

Однако прежде чем перейти к рассмотрению именного словообразования, нужно отметить существование отдельных глаголов, образованных от местоимений.

Количество глаголов, образованных с участием местоимений, ограничено. Здесь можно сравнить близкие по значению немецкие *duzen*, *siezen* и русские ‘тыкать, выкать’. Следует отметить, что, в отличие от немецких глаголов, русские обладают разговорно-фамильярной окраской. *Manchmal ist es allerdings gar nicht so leicht, zu entscheiden, ob man eine Person siezen oder duzen soll* [Kütscher]. / Однако иногда не легко решить, обращаться к человеку на «Вы» или на «ты»; Нередко в подобных «стычках» адресат противодействует: «Вы мне не **тычьте!**!» [Формановская, 2012, с. 91] Если в немецком языке можно предложить собеседнику использовать

обращение *ты*, используя соответствующий глагол: *Wollen wir einander duzen?* — то в русском в соответствующей ситуации будет использован другой вариант — например, с выражением *перейти на «ты»*.

Наряду с названными глаголами в немецком языке есть менее употребительный глагол *ihrzen* ‘обращаться на «вы»’, который либо образован от местоимения второго лица множественного числа *ihr* и характеризует ситуацию его использования в беседе с несколькими собеседниками в современном языке, либо маркирует использование устаревшего вежливого обращения *Ihr*. В русском языке аналогичный глагол отсутствует.

Не связан с темой обращения к собеседнику имеющий ограниченное употребление в русском языке глагол *якать* ‘постоянно говорить о себе’. Соответствующего глагола нет в немецком.

Рассмотрим далее использование лексических единиц немецкого и русского языков с наиболее частотными типами местоименных компонентов и некоторые особенности такой лексики.

3. Личные местоимения в именном словообразовании немецкого и русского языков

Данный вид местоимений может использоваться в сложных словах — как в качестве первого, определительного компонента, так и на втором месте (в основном в немецком языке), но в последнем случае местоимения являются субстантивированными.

В немецком языке личные местоимения в качестве определительного компонента не являются необычными, например: *die Sie-Anrede* ‘обращение на **Вы**’, *das Du-Angebot* ‘предложение обращения **ты**’, *die Ich-Frequenz* ‘частотность использования **я**’, *die Ich-Erzählung* ‘рассказ от первого лица’ и т. п. *Der Ich-Erzähler erzählt, wie er dazu gekommen ist <...>* [Jahraus, 2013, S. 75] / *Повествователь от первого лица рассказывает, как он до этого дошел <...>*; *Sogar Unternehmen haben heute vermehrt eine Du-Kultur* [Kütscher] / *Даже на предприятиях сейчас всё больше принята культура общения на **ты***.

Однако во многих случаях, как мы видим по предложенным вариантам перевода, в русском языке немецким существительным соответствуют словосочетания.

Существуют ли подобные сложные слова в русском языке? Такие примеры есть, и можно предположить, что соответствующие слова появляются по аналогии со схожими лексическими единицами из германских языков — английского, немецкого. *Избегая обвинений и используя «Я-сообщения», мы увеличиваем вероятность взаимопонимания* [Поваго, 2020, с. 75]; *Я-брендинг* позволяет рассказать о товаре от первого лица и

установить непосредственный эмоциональный контакт с потенциальным потребителем [Попова, 2018, с. 60].

Традиционными являются такие слова, например, в текстах о культуре речевого общения, особенностях коммуникации, так как личные местоимения связаны с темой обращений, которые мы выбираем в конкретной ситуации: *ты-общение*, *Вы-общение*, *ты-текст*, *ты-формы* и т. п.: *Как видим, сообщения об официальном, направленные известному писателю, даются в уважительных **Вы-формах** <...> [Формановская, 2012, с. 91]; Таков случай просторечного **ты-контакта** при поиске собутыльника: «Мужик, третьим будешь?» [Там же, с. 90].*

Использование субстантивированного местоимения как второго, определяемого компонента сложного слова типично для немецкого языка (например, *das Leistungs-Ich* ‘личность, ориентированная на результат’), но не характерно для русского, в котором чаще всего используются словосочетания для выражения соответствующих понятий. *Das Du kann Solidarität ausdrücken, so etwa das **Genossen-Du** der Gewerkschaften und linken Parteien, ebenso das **Bergsteiger-Du** oder das Du auf dem Segelschiff [Geisel]. / «Ты» может выразить солидарность, как, например, **товарищеское «ты»** в профсоюзных и левых партиях, а также **альпинистское «ты»** и «ты» на парусном судне; Mein **Körper-Ich** sorgt dafür, dass ich weiß, dass der Körper, mit dem ich lebe, tatsächlich mein eigener Körper ist <...> [Precht, 2012, S. 69]. / Моё **телесное «я»** заботится о том, чтобы я знал, что тело, с которым я живу, на самом деле моё собственное.*

В русском языке в соответствующих случаях традиционно используются словосочетания. К исключениям можно отнести, например, *сверх-Я* — таким образом передаётся на русский язык известный термин психоаналитика З. Фрейда *das Über-Ich*. Компонент *сверх-*, в отличие от прилагательных, чаще всего выступающих в роли определения, допускает такую сочетаемость.

Образованные с включением личных местоимений сложные имена прилагательные, вторым компонентом которых могут быть прилагательные и причастия, более характерны для немецкого языка и относятся к общеупотребительной лексике: *ichbezogen* ‘эгоистичный’, *wirbezogen* ‘ориентированный на коллектив’, *ichsüchtig* ‘себялюбивый’. В русском языке им соответствуют прилагательные с другими типами русских местоимений или созданные на основе заимствований.

Производные слова, образованные от личных местоимений, практически отсутствуют. Здесь можно упомянуть немецкий неологизм *der Ichling*, который в основном используется в сфере общественной жизни, политики и воспринимается как более критическое наименование, чем его синоним

der Egoist, в том числе за счет суффикса *–ling*, присутствующего и в других негативно окрашенных номинациях лица [Мельгунова, 2016, с. 126]. Можно отметить, что и в русском языке слово *эгоист* включает местоименный компонент иностранного происхождения; слово целиком является заимствованным.

4. Тематика текстов, содержащих композиты с компонентами-личными местоимениями

Следует отметить, что лексические единицы такого типа функционируют в текстах определенных тематических областей, таких как социология, лингвистика, литературоведение, психология, философия.

Как правило, существует взаимосвязь между тематикой текста и значением местоименного компонента. В лингвистических текстах данный компонент слов реализуется, как правило, в роли соответствующего местоимения (*ты-общение*) [Мельгунова, 2019, с. 61—62], в то время как в других сферах личные местоимения могут служить средством указания на личность человека или общность людей (*я-брендинг*).

Следует подчеркнуть различную частотность отдельных местоименных компонентов в разных сферах. Например, в текстах по психологии и философии самыми популярными местоимениями являются *ich*, *wir* ‘я, мы’. В лингвистических контекстах словообразовательным потенциалом обладают любые личные местоимения, в том числе можно встретить гибридные слова, состоящие из компонента, сохраняющего иностранное написание, в соединении с русским словом — например, если в русскоязычной статье рассматривается тема из немецкой грамматики: *Индукцирующие кооперативное сотрудничество **wir-императивы** <...> позволяют автору контролировать экспликативно-аргументативный процесс <...>* [Нефедов, 2015, с. 16].

Тематика текстов, которым свойственна лексика с включением личных местоимений, не исчерпывается перечисленными областями, однако можно отметить, что в первую очередь это область гуманитарного знания. Отдельные примеры можно обнаружить также в немецких текстах теологической тематики, при этом некоторые лексические единицы близки к терминологии речевого этикета. Например, *Du-Bitten* ‘ты-просьбы’, то есть просьбы с традиционным обращением к Богу на *ты*: *dein Reich komme* ‘да придет царствие твоё’ или *Wir-Bitten* ‘мы-просьбы’, в которых обращаются к Богу для избавления от сложной ситуации [Zimmermann, 2017, с. 106].

В русском языке имеют место аналогичные словообразовательные конструкции в текстах определенной тематики, однако вариант сложного слова не всегда предпочитается словосочетанию: например, немецко-

my die *Er-Erzählung* в русском соответствует ‘повествование от третьего лица’.

5. Указательное местоимение немецкого языка *selbst* и соответствующие ему русские местоимения

Использование местоимения *selbst* ‘сам’ относится к случаям, когда и в русском языке типично использование местоименных компонентов: *die Selbstverwirklichung* ‘самореализация’, *die Selbstzufriedenheit* ‘самодовольство’, *die Selbstkontrolle* ‘самоконтроль’, *selbstständig* ‘самостоятельный’ и т. п. В отличие от рассмотренных ранее местоимений подобные компоненты в обоих языках используются на первом месте.

Данному немецкому местоимению соответствуют по значению три русских местоимения разного типа. Самым распространенным в словообразовательных конструкциях является местоимение *сам* (в виде компонента *само-*). *А для тех, кто склонен <...> заниматься познанием и самопознанием, путешествовать, изменения в поведении и мышлении происходят будто сами собой* [Макаркова, 2021, с. 59]; *Основными целями <...> являются самопонимание, самопознание, обращение к себе <...>, самомпрезентация, саморепрезентация <...>* [Таланкина, 2018].

В отдельных русских словах присутствует возвратное местоимение *себя* (*себялюбие*) и притяжательное *свой* (*своеволие, своекорыстие*). Иногда отмечается, что нет полного соответствия между видами сложных слов русского языка и немецкими моделями [Иванова и др., 2012, с. 31]: дело в том, что здесь есть разночтения в терминологии. В русском языке используются термины *сложение* (например, *самоуправление*), *сложение в сочетании с суффиксацией* (например, *себялюбивый*). Последний способ можно сравнить с немецкой моделью сложнопроизводных слов *сращение*, однако данный термин признаётся не всеми лингвистами, поэтому в любом случае можно говорить о сложных словах в обоих языках.

Не всегда есть возможность перевести соответствующее немецкое слово, используя местоименный компонент как часть слова: *Die Anregungen für den Weg zur Selbstfreundschaft, die dieses Buch geben will, gingen aus zahlreichen Beobachtungen <...> hervor* [Schmid, 2018, S. 13] / *Стимулы для пути к дружбе с самим собой, которые даст эта книга, явились результатом многочисленных наблюдений. В приведённом случае вряд ли возможен вариант *самодружба.*

В русском языке присутствует производное слово *самость*, соответствующее немецкому субстантивированному *das Selbst*.

Если среди рассмотренных ранее слов с личными местоимениями прилагательных мало, то адъективы с *selbst* (как в русском — с элементом

само-) являются частотными: *selbstzufrieden* ‘самодовольный’, *selbstsicher* ‘самоуверенный’. В основном это продукты словосложения. Исключение представляет собой прилагательное *selbstisch* — редкий пример суффиксации от *selbst* в немецком языке. *Die Behauptung, dass sein Gefühl recht ist. Ist das nicht selbstisch von ihm?* [Feuchtwanger, 2013, S. 330] / Утверждение, что его чувство правильное. Разве это не эгоистично с его стороны?

Сфера использования слов с данными компонентами шире по тематике, они используются и в повседневном языке, и в художественной литературе, хотя в некоторых областях (психология, философия) концентрация таких слов особенно высока. В отличие от слов с компонентами — личными местоимениями, такая лексика присутствует даже в технической сфере, так как наряду со значением направленности действия на себя, самостоятельности компонентам *selbst-* / *само-* свойственно значение автоматизма действия, актуальное в технической терминологии: например, *die Selbsthemmung* — *самоторможение* [Мельгунова, 2018, S. 319].

6. Использование заимствованных местоимений в немецком и русском словообразовании

Рассматривая элементы иностранного происхождения, в первую очередь необходимо отметить использование компонента *ego*, заимствованного из латыни и задействованного в словообразовании обоих языков. Производное слово *der Egoist* ‘эгоист’ было заимствовано давно, а в современном языке компонент *ego* участвует в образовании сложных слов: *das Ego-Dokument* ‘эго-документ’ и т. п., в том числе имен прилагательных: <...> *эго-литературное* направление рассматривается в рамках художественных произведений жанра автобиографии [Савельева, 2016, с. 85].

Наличие альтернативных вариантов, каждый из которых представляет собой сочетание заимствованного местоименного компонента и компонента своего языка, даёт авторам текстов возможность передать оттенки значения, как, например, при использовании неологизма *der Ichling* вместо *der Egoist*, о чем говорилось выше. Такие же возможности используются русскоязычными авторами: «*Я-документы*», в отличие от «*эго-документов*», направлены не на описание событий, связанных с исторической эпохой, особенностями исторических событий. Они создают личную историю о самом себе [Таланкина, 2018].

В некоторых случаях заимствуется или используется окказиональное слово с включением местоимения целиком — например, из английского языка *das Selfservice* ‘самообслуживание’, с включением аналога немецкого *selbst*, и т. п.: *Bei den Influencern auf der Videoplattform besteht die “Ich-*

Zeit” oder “**MeTime**” oft aus Shoppen oder Restaurantbesuchen [Wittenberg] / У блогеров на этой видеоплатформе «**время для себя**», или **MeTime**, часто состоит из шопинга и посещений ресторанов.

Такие словоупотребления можно зафиксировать в переводах литературы по психологии с английского языка на русский, что подтверждает нашу гипотезу об аналогии: *Я-Время, Мы-Время, Вы-Время* [Грэй, 2017, с. 255]. Переводчик стремится представить понятие настолько же компактно, как и в языке источника, используя калькирование, хотя это не единственный вариант перевода.

7. Оказиональность, стилистические функции и особенности написания слов с местоименными компонентами

Оказионализмы неизменно присутствуют в числе лексических единиц с местоименными компонентами. Были зафиксированы даже некоторые случаи использования немецких притяжательных местоимений, которым вообще не свойственно участие в словообразовании, фигурирование в составе авторских окказионализмов [Fleischer et. al., 2012, S. 164; Donalies, 2011, S. 57].

Именно окказиональные слова больше всего связаны с контекстом и часто не понятны вне его, как в следующем случае, где окказионализм с местоименным компонентом обозначает автомобиль: *Der deutsche Fahrer ist auch ein Romantiker; verzaubert von der Potenz seiner **Ich-Kapsel** <...>* [Vašek] / *Немецкий водитель — романтик, зачарованный возможностями своей **я-капсулы** (индивидуальной капсулы).*

Слова с местоименными компонентами во многих случаях являются продуктом языковой креативности и создают стилистический эффект, который строится на контрасте противопоставлений. Данным приёмом охотно пользуются писатели: П. Хандке использует окказионализм *der Wir-Erzähler* ‘рассказчик от множества лиц’, противопоставляя его слову *der Ich-Erzähler* [Handke]; Д. Быков конструирует слово *мычество* в значении ‘коллективизм’, представляя его антонимом к употребленному ранее слову *ячество* [Быков, 2017, с. 10]. В поэзии игра слов может основываться на подобных противопоставлениях: «<...> я к **выканию** себе привыкнув / привычки **яческие** выкину» [Кирсанов, 1976, с. 19].

Именно с нетипичностью отдельных лексических единиц с местоименными компонентами связаны некоторые особенности их графического представления — заключение в кавычки (слова целиком или его части), выделение части слова при помощи заглавных букв, разделение компонентов слова дефисом (как правило, разделяются две части). В отдельных случаях может использоваться особый вариант написания, как в следующем при-

мере с причастием от глагола *ihrzen*, местоименный компонент которого хочет подчеркнуть автор. *Adel wie Klerus wurden seit dem 8. Jahrhundert ge-
ihr-zt <...> [Fuß] / К представителям дворянства и духовенства с VIII века
обращались при помощи местоимения Ihr.*

8. Заключение

Проведённое сопоставление показало, что в немецком языке местоимения обладают более высоким словообразовательным потенциалом, чем в русском. Одной из причин этого является характерность и большее разнообразие вариаций модели словосложения в германских языках. В отличие от немецкого, в русском языке практически отсутствуют сложные слова с местоименным компонентом на втором месте. Более предпочтительным вариантом во многих случаях является словосочетание, в том числе и по стилистическим причинам. Однако можно отметить также некоторые параллели в двух языках в области использования сложных слов с включением личных местоимений. Их частотность возрастает и в русском языке, в том числе благодаря переводной литературе. Для лексики данного вида характерны некоторые особенности графического представления. Рассмотренным лексическим единицам свойственны в обоих языках определенные сферы использования — в большей степени это относится к личным местоимениям, в то время как словам с указательным *selbst* и определительным *сам* свойственна более широкая сфера употребления. Производные слова редки в обоих языках. Словообразование с участием местоименных компонентов является плодотворной средой для образования окказионализмов и неологизмов, которые могут стать предметом более подробного рассмотрения в аспекте их стилистической окраски и функционирования в контексте.

Источники и принятые сокращения

1. Ануфриева А. Право на восхождение / А. Ануфриева // Psychologies. — 2021. — № 59. — С. 24—26.
2. Быков Д. Пять предложений для Евтушенко / Д. Быков // Собеседник : газета. — 2017. — № 13. — С. 10.
3. Грэй Дж. Мужчины с Марса, женщины с Венеры. Новая версия для современного мира. Умения, навыки, приёмы для счастливых отношений / Дж. Грэй. — Москва : АСТ, 2017. — 432 с.
4. Кирсанов С. А. Собрание сочинений : в 4 т. Т. 3. Гражданская лирика и поэмы. 1923—1970 / С. А. Кирсанов. — Москва : Художественная литература, 1976. — 446 с.
5. Макарова Е. Цельная натура / Е. Макарова // Psychologies. — 2021. — № 59. — С. 56—59.
6. Нефёдов С. Т. Императивы как инструмент диалогизации научного текста / С. Т. Нефёдов // Научное мнение. — 2015 — № 9. — С. 9—18.

7. *Поваго А.* Пространство по моим правилам / А. Поваго // *Psychologies*. — 2020. — № 51. — С. 72—75.
8. *Попова Т. И.* Я-брендинг при продвижении товара в социальных сетях / Т. И. Попова // *Век информации*. — 2018. — № 2—2. — С. 59—61.
9. *Савельева Е. Б.* Мир автора-коммуниканта в эго-произведении (на примере жанра автобиографии) / Е. Б. Савельева // *Международный научно-исследовательский журнал*. — 2016. — № 3 (45), Ч. 4. Март. — С. 85—87. DOI: 10.18454/IRJ.2016.45.156.
10. *Таланкина Д. А.* «Я-документы»: личностные артефакты в пространстве музея [Электронный ресурс] / Д. А. Таланкина. — Режим доступа : <http://www.chelmuseum.ru/nauka/nauchnye-publikatsii/ya-dokumenty-lichnostnye-artefakty-v-prostranstve-muzeya/> (дата обращения 23.06.2021).
11. *Формановская Н. И.* Коммуникативный контакт / Н. И. Формановская. — Москва : ИКАР, 2012. — 200 с.
12. *Feuchtwanger L.* Die Geschwister Oppermann / L. Feuchtwanger. — Berlin : Aufbau Verlag, 2013. — 382 S.
13. *Fuß H.* Tyrannei der Nähe — Gib mir mein Sie zurück [Electronic resource] / H. Fuß. — Access mode : <https://www.cicero.de/kultur/tyrannei-der-naehe-gib-mir-mein-sie-zurueck/58479> (accessed 16.06.2019).
14. *Geisel S.* Die falsche Nähe des „Du“ [Electronic resource] / S. Geisel. — Access mode : https://www.deutschlandfunkkultur.de/hoeftlichkeitsformen-die-falsche-naehe-des-du.976.de.html?dram:article_id=417353 (accessed 12.06.2021).
15. *Handke P.* Wir-Erzähler und Ich-Erzähler. Von John Berger [Electronic resource] / P. Handke. — Access mode : <https://www.zeit.de/1991/47/wir-erzaehler-und-ich-erzaehler> (accessed 20.06.2021).
16. *Jahraus O.* Die 101 wichtigsten Fragen. Deutsche Literatur / O. Jahraus. — München : Verlag C. H. Beck, 2013. — 190 S.
17. *Kütscher E.* Warum siezen so gar nicht mehr zeitgemäß ist [Electronic resource] / E. Kütscher. — Access mode : <https://ze.tt/warum-siezen-so-gar-nicht-mehr-zeitgemaess-ist/> (accessed 20.06.2021).
18. *Precht R. D.* Wer bin ich — und wenn ja, wie viele? Eine philosophische Reise / R. D. Precht. — München : Goldmann Verlag, 2012. — 400 S.
19. *Schmid W.* Selbstfreundschaft. Wie das Leben leichter wird / W. Schmid. — Berlin : Insel Verlag, 2018. — 126 S.
20. *Schmitt U.* Duzen Sie noch, oder siezt du wieder? [Electronic resource] / U. Schmitt. — Access mode : <https://www.welt.de/wissenschaft/article156114627/Duzen-Sie-noch-oder-siezt-du-wieder.html> (accessed 10.06.2021).
21. *Vašek Th.* Deutsche Autofahrer: Die Deutschen müssen das Auto loswerden [Electronic resource] / Th. Vašek. — Access mode : <https://www.zeit.de/kultur/2019-04/deutsche-autofahrer-autobranche-bedeutung-symbol> (accessed 13.06.2021).
22. *Wittenberg L.* Noch besser als Verabredungen? Abgesagte Verabredungen! [Electronic resource] / L. Wittenberg. — Access mode : <https://www.bento.de/gefuehle/metime-warum-absagen-viel-besser-sind-als-verabredungen-a-4ff9aba6-aea5-438e-bacb-338e15a13e06> (accessed 19.06.2021).
23. *Zimmermann Chr.* Die Namen des Vaters: Studien zu ausgewählten neutestamentischen Gottesbezeichnungen von ihrem frühjüdischen und paganen Sprachhorizont / Chr. Zimmermann. — Leiden, Boston : Brill, 2007. — 712 S.

ЛИТЕРАТУРА

1. Васильева Е. В. Деривационный потенциал, или словообразовательные возможности слова: проблема определения термина / Е. В. Васильева // Научный диалог. — 2017. — № 12. — С. 21—34. — DOI: 10.24224/2227-1295-2017-12-21-34
2. Вашунин В. С. Субстантивные сложные слова в немецком языке / В. С. Вашунин. — Москва: Высшая школа, 1990. — 159 с.
3. Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование / Е. А. Земская. — Москва: Флинта; Наука, 2011. — 328 с.
4. Иванова Т. К. Терминосистема сопоставительного словосложения русского, немецкого и английского языков / Т. К. Иванова, Н. В. Аржанцева // Вестник Челябинского государственного университета. — 2012. — № 2 (256). — С. 30—37.
5. Мельгунова А. В. Личные местоимения в системе словообразования немецкого языка / А. В. Мельгунова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2016. — № 10—2 (64). — С. 124—127.
6. Мельгунова А. В. Указательное местоимение selbst «сам» и его синонимы в немецком словообразовании / А. В. Мельгунова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2018. — № 10—2 (88). — С. 317—321. DOI: 10.30853/filnauki.2018-10-2.21.
7. Мельгунова А. В. Местоимения как словообразовательный элемент в терминологии гуманитарных наук (на материале немецкого языка) / А. В. Мельгунова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2019. — № 3. — С. 57—62. — DOI: 10.30853/filnauki.2019.3.12.
8. Немченко В. Н. Современный русский язык. Словообразование / В. Н. Немченко. — Москва: Высшая школа, 1984. — 255 с.
9. Нефёдов С. Т. Грамматическое пространство научного текста / С. Т. Нефёдов // Грамматика в научно-исследовательском контексте современной лингвистики: материалы научных чтений памяти проф. Л. В. Шишковой: сб. статей. — Санкт-Петербург: Свое издательство, 2017. — С. 87—103.
10. Нефёдов С. Т. Контекст в лингвистическом анализе: прагматическая и дискурсивно-аналитическая перспектива / С. Т. Нефёдов, В. Е. Чернявская // Вестник Томского государственного университета. Филология. — 2020. — № 63. — С. 83—97. — DOI: 10.17223/19986645/63/5.
11. Сахатмурадова А. С. Сложные слова с компонентом само- в системе психологических терминов / А. С. Сахатмурадова // Молодость. Интеллект. Инициатива: материалы V Международной научно-практической конференции студентов и магистрантов. — Витебск: Витебский государственный университет им. П. М. Машерова, 2017. — С. 251—252.
12. Donalies E. Basiswissen Deutsche Wortbildung / E. Donalies. — Tübingen: UTB, 2011. — 149 S.
13. Eichinger L. Deutsche Wortbildung: eine Einführung / L. Eichinger. — Tübingen: Narr, 2000. — 269 S.
14. Fleischer W. Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache / W. Fleischer, I. Barz. — Göttingen: Walter de Gruyter, 2012. — 484 S.
15. Roelcke Th. Fachsprachen / Th. Roelcke. — Berlin: Erich Schmidt Verlag, 2010. — 269 S.

MATERIAL RESOURCES

- Anufrieva, A. (2021). The right to climb. *Psychologies*, 59: 24—26. (In Russ.).
- Bykov, D. (2017). Five proposals for Yevtushenko. *Interlocutor: newspaper*, 13: 10. (In Russ.).
- Feuchtwanger, L. (2013). *Die Geschwister Oppermann*. Berlin: Aufbau Verlag. 382 S.
- Formanovskaya, N. I. (2012). *Communicative contact*. Moscow: IKAR. 200 p. (In Russ.).
- Fuß, H. *Tyrannie der Nähe — Gib mir mein Sie zurück*. Available at: <https://www.cicero.de/kultur/tyrannie-der-naehe-gib-mir-mein-sie-zurueck/58479> (accessed 16.06.2019).
- Geisel, S. (2018). Die falsche Nähe des „Du“. In: *Deutschlandfunk Kultur*. Available at: https://www.deutschlandfunkkultur.de/hoeflichkeitsformen-die-falsche-naehe-des-du.976.de.html?dram:article_id=417353 (accessed 12.06.2021)
- Grey, Dzh. (2017). *Men are from Mars, women are from Venus. New version for the modern world. Skills, skills, techniques for a happy relationship*. Moscow: AST. 432 p. (In Russ.).
- Handke, P. *Wir-Erzähler und Ich-Erzähler. Von John Berger*. Available at: <https://www.zeit.de/1991/47/wir-erzaehler-und-ich-erzaehler> (accessed 20.06.2021).
- Jahraus, O. (2013). *Die 101 wichtigsten Fragen. Deutsche Literatur*. München: Verlag C. H. Beck. 190 S.
- Kirsanov, S. A. (1976). *Collected Works. Civic lyrics and poems. 1923—1970*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. 4/3. 446 p. (In Russ.).
- Kütscher, E. *Warum siezen so gar nicht mehr zeitgemäß ist*. Available at: <https://ze.tt/warum-siezen-so-gar-nicht-mehr-zeitgemaess-ist/> (accessed 20.06.2021).
- Makarkova, E. (2021). Whole nature. *Psychologies*, 59: 56—59. (In Russ.).
- Nefedov, S. T. (2015). Imperatives as an instrument for the dialogisation of scientific text. *The Scientific Opinion*, 9—1: 9—18. (In Russ.).
- Povago, A. (2020). Space by my rules. *Psychologies*, 51: 72—75. (In Russ.).
- Popova, T. I. (2018). I-branding in promoting a product in social networks. *Information age*, 2—2: 59—61. (In Russ.).
- Precht, R. D. (2012). *Wer bin ich — und wenn ja, wie viele? Eine philosophische Reise*. München: Goldmann Verlag. 400 S.
- Savel'eva, E. B. (2016). The world of the author communicant in ego-work (on the example of the autobiography). *International research journal*, 3 (45) 4: 85—87. DOI: 10.18454/IRJ.2016.45.156. (In Russ.).
- Schmid, W. (2018). *Selbstfreundschaft. Wie das Leben leichter wird*. Berlin: Insel Verlag. 126 S.
- Schmitt, U. (2016). *Duzen Sie noch, oder siezt du wieder?* Available at: <https://www.welt.de/wissenschaft/article156114627/Duzen-Sie-noch-oder-siezt-du-wieder.html> (accessed 10.06.2021).
- Talankina, D. A. *“I-Documents”: Personal Artifacts in the Museum Space*. Available at: <http://www.chelmuseum.ru/nauka/nauchnye-publikatsii/ya-dokumenty-lichnostnye-artefakty-v-prostranstve-muzeya/> (accessed 23.06.2021). (In Russ.).
- Vášek, Th. *Deutsche Autofahrer: Die Deutschen müssen das Auto loswerden*. Available at: <https://www.zeit.de/kultur/2019-04/deutsche-autofahrer-autobranche-bedeutung-symbol> (accessed 13.06.2021).
- Wittenberg, L. Noch besser als Verabredungen? Abgesagte Verabredungen! *Der Spiegel*. Available at: <https://www.bento.de/gefuehle/metime-warum-absagen-viel-besser-sind-als-verabredungen-a-4ff9aba6-aea5-438e-bacb-338e15a13e06> (accessed 19.06.2021).

Zimmermann, Chr. (2007). *Die Namen des Vaters: Studien zu ausgewählten neutestamentischen Gottesbezeichnungen von ihrem frühjüdischen und paganen Sprachhorizont*. Leiden, Boston: Brill. 712 S.

REFERENCES

- Donalies, E. (2011). *Basiswissen Deutsche Wortbildung*. Tübingen: UTB. 149 S.
- Eichinger, L. (2000). *Deutsche Wortbildung: eine Einführung*. Tübingen: Narr. 269 S.
- Fleischer, W., Barz, I. (2012). *Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache*. Göttingen: Walter de Gruyter. 484 S.
- Ivanova, T. K., Arzhantseva, N. V. (2012). The term system of the comparative composition of the Russian, German and English languages. *Chelyabinsk State University Bulletin*, 2 (256): 30—37. (In Russ.).
- Melgunova, A. V. (2016). Personal pronouns in the German word formation system. *Philology. Theory & Practice*, 10—2 (64): 124—127. (In Russ.).
- Melgunova, A. V. (2018). Demonstrative pronoun selbst “sam” and its synonyms in German word formation. *Philology. Theory & Practice*, 10—2 (88): 317—321. DOI: 10.30853/filnauki.2018-10-2.21. (In Russ.).
- Melgunova, A. V. (2019). Pronouns as a derivational element in the terminology of the humanities (based on the material of the German language). *Philology. Theory & Practice*, 3: 57—62. DOI: 10.30853/filnauki.2019.3.12. (In Russ.).
- Nefedov, S. T. (2017). The grammatical space of the scientific text. In: *Grammar in the scientific research context of modern linguistics: materials of scientific readings in memory of prof. L. V. Shishkova: Sat. articles*. St. Petersburg: Svoe izdatelstvo. 87—103. (In Russ.).
- Nefedov, S. T., Chernyavskaya, V. E. (2020). Context in linguistic analysis: a pragmatic and discursive-analytical perspective. *Bulletin of Tomsk State University. Philology*. 63: 83—97. DOI: 10.17223/19986645/63/5. (In Russ.).
- Nemchenko, V. N. (1984). *Modern Russian language. Word formation*. Moscow: Vysshaya shkola. 255 p. (In Russ.).
- Roelcke, Th. (2010). *Fachsprachen*. Berlin: Erich Schmidt Verlag. 269 S.
- Sakhatmuradova, A. S. (2017). Compound words with a self-component in the system of psychological terms. In: *Youth. Intelligence. Initiative: materials of the V International Scientific and Practical Conference of Students and Master's Students*. Vitebsk: Vitebsk State University P. M. Masherova. 251—252. (In Russ.).
- Vashunin, V. S. (1990). *Substantive compound words in German*. Moscow: Vysshaya shkola. 159 p. (In Russ.).
- Vasilyeva, E. V. (2017). Derivational potential, or derivational possibilities of a word: the problem of defining the term. *Scientific Dialogue*, 12: 21—34. DOI: 10.24224/2227-1295-2017-12-21-34. (In Russ.).
- Zemskaya, E. A. (2011). *Modern Russian language. Word formation*. Moscow: Flinta; Nauka. 328 p. (In Russ.).

Никитина Т. Г. Словарная репрезентация лингвокультурных стереотипов : коммуникативное поведение русских в тематическом словаре пословиц / Т. Г. Никитина, Е. И. Рогалева, Пяо Лисян // Научный диалог. — 2021. — № 10. — С. 117—133. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-10-117-133.

Nikitina, T. G., Rogaleva, E. I., Piao Lixiang. (2021). Dictionary Representation of Linguocultural Stereotypes: Communicative Behavior of Russians in Thematic Dictionary of Proverbs. *Nauchnyi dialog*, 10: 117-133. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-10-117-133. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-10-117-133

**Словарная репрезентация
лингвокультурных
стереотипов:
коммуникативное поведение
русских в тематическом
словаре пословиц**

Никитина Татьяна Геннадьевна¹

orcid.org/0000-0001-9006-9738

доктор филологических наук, профессор
cambala2007@yandex.ru

Рогалёва Елена Ивановна¹

orcid.org/0000-0001-9963-4203

доктор филологических наук, профессор
cambala2010@list.ru

Пяо Лисян²

orcid.org/0000-0003-1790-7031

аспирант

huhu558892@mail.ru

¹ Псковский государственный
университет (Псков, Россия)

² Санкт-Петербургский
государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)

**Dictionary Representation
of Linguocultural Stereotypes:
Communicative Behavior
of Russians in Thematic
Dictionary of Proverbs**

Tatiana G. Nikitina¹

orcid.org/0000-0001-9006-9738

Doctor of Philology, Professor
cambala2007@yandex.ru

Elena I. Rogaleva¹

orcid.org/0000-0001-9963-4203

Doctor of Philology, Professor
cambala2010@list.ru

Piao Lixiang²

orcid.org/0000-0003-1790-7031

Postgraduate student

huhu558892@mail.ru

¹ Pskov State University
(Pskov, Russia)

² St. Petersburg State University
(Saint Petersburg, Russia)

БЛАГОДАРНОСТИ:

Исследование выполнено при
финансовой поддержке Российского
научного фонда,
проект № 20-18-00091
«Мир восточных славян
в паремиологической интерпретации:
аксиологические доминанты и
их лингвокультурнографическая
репрезентация», реализуемый в Санкт-
Петербургском
государственном университете)

Acknowledgments:

The reported study was funded
by Russian Science Foundation,
project number 20-18-00091
“The world of the Eastern Slavs
in paremiological interpretation:
axiological dominants and their
linguoculturographic representation”,
implemented at the St. Petersburg State
University

© Никитина Т. Г., Рогалева Е. И., Пяо Лисян, 2021

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается проблема оптимизации словарного описания стереотипов русской лингвокультуры, отраженных языковыми единицами. Показаны возможности решения данной проблемы при тематической словарной систематизации пословиц, регламентирующих коммуникативное поведение русских. Выполнен обзор современных лингвокультурологических и лингвоаксиологических исследований таких паремий в их проекции на лексикографическую практику. Показано развитие идей паремиографов XIX века в современных концепциях тематических словарей, особое внимание уделяется рубрикации разделов и приемам комментирования пословиц речеповеденческой тематики. Приводится авторский вариант классификации пословичного материала, отражающего коммуникативное поведение русских. Обосновывается целесообразность рассредоточенного расположения паремий в рубриках, представляющих речевые жанры и особенности общения в определенных социокультурных сферах. В соответствии с данной концепцией модифицирована и разработанная авторами ранее система лингвоаксиологической параметризации пословиц. Приводятся образцы словарных макростатей, репрезентирующих аксиологемы речеповеденческой сферы. Привлекается не получивший на данный момент отражения в словарях пословичный материал интернет-коммуникации. Представлена концепция лингвоаксиологической параметризации материала в двуязычном тематическом словаре пословиц.

Ключевые слова:

коммуникативное поведение; лингвокультурный стереотип; пословица; лексикография; паремиологический словарь; тематический словарь; лингвоаксиология; аксиологема.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article deals with the problem of optimization of the dictionary description of the stereotypes of the Russian linguoculture, reflected by linguistic units, which is relevant for Russian cultural linguistics and lexicography. The possibilities of solving this problem are shown with a thematic vocabulary systematization of proverbs regulating the communicative behavior of Russians. A review of modern linguoculturological and linguoaxiological studies of paremias reflecting communicative behavior in their projection onto lexicographic practice is carried out. The development of the ideas of paremiographers of the 19th century in modern concepts of thematic dictionaries is shown, special attention is paid to the rubrication of sections and methods of commenting on proverbs of speech-behavioral topics. The author's version of the classification of proverbial material reflecting the communicative behavior of Russians is given, the expediency of the dispersed arrangement of paremias in the headings representing speech genres and features of communication in certain socio-cultural spheres is substantiated. In accordance with this concept, the system of linguoaxiological parameterization of proverbs, developed by the authors earlier, has been modified. Samples of dictionary macrostates representing the axiologemes of the speech-behavioral sphere are given; proverbial material of Internet communication that has not been reflected in dictionaries at the moment is used. The possibilities of using the proposed linguoaxiological parameterization of the material in the bilingual thematic dictionary of proverbs are shown.

Key words:

communicative behavior; linguocultural stereotype; proverb; lexicography; paremiological dictionary; thematic dictionary; linguoaxiology; axiologeme.

Словарная репрезентация лингвокультурных стереотипов: коммуникативное поведение русских в тематическом словаре пословиц

© Никитина Т. Г., Рогалева Е. И., Пяо Лисян, 2021

1. Введение

Пословицы как этнокультурно маркированные языковые единицы и фольклорные тексты активно привлекаются лингвокультурологами, лингвокогнитологами, компаративистами для выявления особенностей концептуализации окружающего мира носителями русского языка, исследования их аксиологических установок и поведенческих стереотипов. Детально отражено пословицами коммуникативное поведение представителей русской лингвокультуры, их отношение к родному языку, народная интерпретация проблем культуры речи. Внимание исследователей, в том числе анализирующих русские пословицы на фоне других языков, привлекает паремиологическая регламентация речевого поведения участников коммуникативного акта — говорящего и слушающего, гендерные и возрастные аспекты коммуникативного поведения, нормы речевого этикета в конкретных ситуациях общения, рекомендации по реализации сценариев определенных речевых жанров, отраженные в пословицах [Куготова, 2012; Спивакова и др., 2017; Соколова, 2015; Ван Вэнцзя, 2017]. Закрепленные древними пословицами требования к содержательной, формальной и инструментальной стороне речи анализируются с позиций современной риторики [Черногрудова, 2012], а анализ трансформаций пословиц, отражающих различные аспекты коммуникации, позволяет делать выводы о динамике их социокультурного фона [Федорова, 2007, с. 69—80; Никитина, 2018]. Источником материала для исследований паремиологической репрезентации коммуникативного поведения русских становятся сборники и словари пословиц, изданные в XIX—XXI веках, однако собственно лексикографические аспекты проблемы при этом затрагиваются крайне редко [Еремина и др., 2009]. Цель данной статьи — по возможности восполнить этот пробел, обобщив отечественный опыт словарной репрезентации пословиц, отображающих коммуникативное поведение, и представить концепции реализованных и разрабатываемых авторами данной статьи лексикографических проектов, включающих паремиологический материал тематической сферы «Речевая коммуникация». Именно речевая (вербальная) составляющая коммуникативного поведения рассматривается ниже, а под коммуни-

кативным поведением традиционно понимается «поведение (вербальное и сопровождающее его невербальное) личности или группы лиц в процессе общения, регулируемое нормами и традициями общения данного социума» [Прохоров и др., 2006, с. 23].

2. Пословицы о языке и речи: отечественный лексикографический опыт рубрикации и комментирования

Рассуждая о принципах систематизации материала в словаре пословиц, еще В. И. Даль отмечал, что «азбучный порядок» не позволяет определить, «что говорит народ о той или иной стороне житейского быта», тогда как расположение паремий «по смыслу их < ... > — самое верное и толковое», приводящее читателя к «общему заключению о духовных и нравственных особенностях народа» [Даль, 1862, с. XXXIV—XXXVI].

В тематически организованном словаре «Пословицы русского народа» [Даль, 1862] паремии более 20 разрядов из 178 так или иначе связаны с проблематикой языка и речи в ее осмыслении народным сознанием. Разделы *Признательность*, *Горе — утешение*, *Неправда — обман*, *Причина — отговорка*, *Правда — неправда — ложь*, *Кара — угроза*, *Просьба — согласие — отказ*, *Мир — ссора — спор*, *Язык — речь*, *Болтун — лазутчик*, *Похвала — похвальба*, *Пословица — поговорка* и др. оценивают содержание и уместность высказываний, предлагают конкретные формулы речевого этикета для различных случаев, дают рекомендации по выстраиванию речевых тактик и повышению их эффективности.

Описывая свою работу по структурированию словаря «Пословицы русского народа», В. И. Даль отмечает, что в каждом разряде по своему усмотрению он располагает паремии в некоторой последовательности, с учетом связанности их по значению. Расположение разрядов, так же «по вкусу, взгляду и разумению своему», можно подчищать и перестраивать, как отмечает лексикограф. Главным же для него является сбор и запись того, «что возникает на глазах наших, как вешний лед» [Даль, 1862, с. XXXIX].

В современных тематических словарях пословиц, в том числе учебных, двуязычных, разделы паремий все же располагаются в алфавитном порядке заголовков [Мокиенко и др., 2011; Ая, 2011], например, в словаре «Народная мудрость» [Мокиенко и др., 2011], где большинство заголовков, объединяющих тематически близкие пословицы, построено по принципу аксиологических диад, отражающих ценности и антиценности: *Богатство и бедность*, *Война и мир*, *Добро и зло*, *Добродетели и пороки*, *Дружба и вражда*, *Жизнь и смерть*, *Здоровье и болезни*, *Знание и невежество*, и др. Народная интерпретация особенностей языка, речи, коммуникативного поведения особенно широко представлена здесь рубрикой *Правда и*

ложь с подрубриками *Ложь, обман; Лжец, мошенник; Правда, истина; Правда — ложь*. Внутри подрубрик реализуется алфавитный порядок расположения материала по первой букве, например, в подрубрике *Правда, истина*: <... > *Говори правду, правду и чини. Говорить правду — потерять дружбу. Говоришь правду — правду и делай. За правду да за честь хоть голову снести. За правду-матку не гневись, а сними шапку и поклонись. И правда тонет, когда золото всплывает <... >*. Составители не ставили своей задачей лингвокультурологическое или лингвоаксиологическое комментирование паремий; лаконичные семантизирующие справки с указанием их автора сопровождают здесь лишь отдельные устаревшие и диалектные компоненты паремий: *Враньё что драньё: того гляди руку занозишь*. * *Драньё* — «*драный тёс*» (прим. В. И. Даля), *кровельная дранка* [Мокиенко и др., 2011, с. 312—313]. В целом же, как и в концепции В. И. Даля, делать выводы, общие заключения «о духовных и нравственных особенностях народа» предстоит самому пользователю словаря, знакомящемуся с материалом тематических рубрик и подрубрик.

Помочь читающему в решении такой задачи почти 200 лет назад уже пытался И. М. Снегирев, оформлявший разделы тематического словаря «Русские в своих пословицах» [Снегирев, 1831—1834] как единый текст-комментарий лингвокультурологического, как сказали бы сейчас, характера. Вот, например, какими пояснениями сопровождает лексикограф пословицы о языке и правилах речевого поведения (приведем фрагменты словарных статей в современной орфографии):

— Какие же понятия усваивались слову, видим мы из следующих поговорок. <...> Сила слова выражается так: *Слова не стрела, а пуще стрелы*; искренность говорит: *Что на уме, то и на языке <...>*; а правда не многоречива, любя краткость и силу: *На правду мало слов* [Снегирев, 1831, II, с. 25].

— Где можно и должно достигнуть нравственной цели истинною, там не употребляй лжи и коварства. Сколь презрителен был этот порок у русских, видно из следующих пословиц: *Со лжи люди не мрут, да впрёдъ им веры неймут*. — *Лгать, так людей обегать*. — *Молодому лгать вредно, а старому непотребно* [Снегирев, 1831, II, с. 173].

В последние годы этот лингвокультурологический словарный формат репрезентации паремий реализовался в проектах В. И. Зиминой и А. С. Спирина [Зимин и др., 1996; Зимин, 2019], где материал группируется по главам, которых более 40: *Человек, Общество, Жизнь, Счастье, Смерть, Вино, Ум — глупость, Дети, Женщина* и др., в том числе актуальные для нашего исследования: *Язык и речь, Слово о словах, Слова приветов и ответа*. Заголовки подрубрик внутри главы дают представление о ши-

роле репрезентации темы, например, в главе «Слово о словах» — это характеристика языковых единиц и фольклорных текстов (напр., рубрики *Слово, Пословица, Прибаутка*), описание особенностей речевых жанров (*Похвальба, Посул, Зарок, Клятва*), оценка содержания речи (*Вранье, Небылица в лицах, Правда*), отражение различных параметров коммуникативного поведения и речевых умений говорящего (*Краснобай, Острослов, Многословие, Любопытство*). Такие рубрики представлены небольшими комплексными комментариями тематически близких пословиц, где раскрывается сложившееся в русской лингвокультуре отношение к отражаемым паремиями особенностям коммуникативного поведения человека, даются советы по организации речевого взаимодействия, предлагаются конкретные речевые формулы, «готовые к употреблению», например, в рубрике «Похвала»: Мы уже говорили: *Сам себя не хвали, жди, когда тебя другие похвалят*. Однако другие не спешат с похвалой. А надо бы не скупиться на нее: *Ласковое слово кости греет*. < ... > Но и похвала похвале разнь: *Иная похвала стоит брани. Лучшие умная хула, чем глупая хвала. Похвала молодцу порча. Хорошо то, что другие хвалят*. Ироническая похвала тому, чье рвение не одобряют: *Молодец, дурак, старайся! Страна учтет твои труды* [Зимин и др., 1996, с. 348]. Или в рубрике «Яканье»: Хвастун и самохвал на первое место всегда выставляют — собственное Я: *Да здравствует я! Да здравствует я, да еще милость моя*. И когда он слишком много якает, ему говорят: *Я — последняя буква в алфавите*. Такого оговаривают: *Не будь затычкой к каждой бочке. Поперед батьки в пекло не суйся*. Иронизируют над ним: *Без тебя тут и пиво не сварят*. В шутку говорят: *Самозванцев нам не надо, председатель буду я* [Зимин и др., 1996, с. 347—348].

Таким образом, на данный момент пословичный материал сферы «Коммуникативное поведение русских» разрабатывается авторами в бесконтекстных тематических словарях с минимумом комментариев и в словарях комментирующего типа, комплексно репрезентирующих тематические группы паремий в едином тексте лингвокультурологического плана.

3. Речеповеденческие стереотипы в лингвоаксиологической словарной репрезентации паремий

Третий и, на наш взгляд, оптимальный вариант тематической словарной репрезентации паремий, объединяющий их классификацию и смысловую интерпретацию, реализуется в новом проекте Фразеологического семинара профессора В. М. Мокиенко (СПбГУ) на материале восточнославянских языков. Особенностью концепции является аксиологически ориентированное структурирование тематических рубрик словаря. Пословицы,

собранные под традиционными заголовками, как бинарно-оппозитивными (*Богатство и бедность; Город и село; Своё и чужое; Труд и безделье; Ум и глупость* и т.п.), так и монотематическими (*Возраст; Русская пища; Семья; Учеба* и т.п.), и так же традиционно расположенными в алфавитном порядке, объединяются внутри таких рубрик в макростатьи под аксиологемами — формулировками, передающими общую для них, как правило, оценочную идею (например, в рубрике «Голод»: *Человек должен действовать, чтобы не голодать; Голодный человек думает только о еде; Голод толкает на проступки и преступления* и др. [Андрианова и др., 2019, с. 16—17]). В настоящее время идет работа по лексикографической разработке паремий, отражающих коммуникативное поведение русских.

По материалам пословиц данной тематики, собранных В. И. Далем, в формате научных статей и монографий отечественными авторами уже реконструируется важнейший аксиологически ориентированный фрагмент концептосферы русской лингвокультуры, где язык представлен как одна из национальных ценностей в его богатстве, красоте и силе воздействия [Грачев, 2013, с. 161—162], а для стереотипизированной речевой деятельности выявляются следующие характеристики, которые в рамках словарной тематической репрезентации паремий могут быть использованы как аксиологемы-заголовки: ‘в народе отдается предпочтение не речевой, а практической деятельности’; ‘сказанное часто представляет опасность для человека’; ‘язык играет важную роль в жизни человека’; ‘в актах коммуникации предпочтительно слушание’ и др. [Еремина и др., 2009, с. 81].

Сложности словарной тематической систематизации паремий данной сферы определяются необходимостью совмещения в итоговом классификационном продукте различных параметров описания коммуникативного поведения, отражаемых авторами при его моделировании [Щеглова, 2018; Умирзакова, 2018], наличием различных трактовок актуального для классификационных процедур соотношения речевых жанров и речевых тактик, неопределенностью границ речевых жанров и их количества [Коваль и др., 2017; Прозоров, 2020], появлением новых сфер жанрово релевантной коммуникации [Дементьев, 2020, с. 260].

Решить проблему многомерной системной репрезентации паремиологического материала сферы «Коммуникативное поведение», как и всего русского паремиологического фонда, позволил бы формат современного электронного словаря или лексикографической базы данных, разработка которой, как утверждают специалисты в области компьютерной лингвистики, осложняется отсутствием релевантных фасетных классификаций лексикографических категорий, — в такой ситуации словарные базы данных продолжают создаваться по материалам уже разработанных линейных

списков семантических классов (в тематических словарях) или иерархии семантических категорий, представленной в идеографических словарях [Задачи ..., 2020, с. 115—119]. Это замечание разработчиков фразеографических баз данных в полной мере можно отнести и к сфере паремиологии. Таким образом, круг замыкается, что дает нам основания предложить свой вариант линейной тематической классификации паремиологического материала, ориентированной на словарь «бумажного формата».

Так, в общем списке тематических группировок пословиц, согласно нашей концепции, должен присутствовать раздел «Коммуникативное поведение русских», включающий следующие подразделы с последующей их рубрикацией, построенной индуктивно — от содержания конкретных паремий к рубрикам 2—4 уровней, что позволяет квалифицировать подачу материала как тематико-идеографическую: **Язык, единицы языка** (Язык в жизни человека. Слово и дело. Пословица. Басня). **Речевая деятельность** (Физические характеристики речи. Содержание высказывания. Тональность, оценочность речи. Говорящий. Слушающий). **Ситуации общения — речевые жанры** (Этикетные: приветствие; прощание; извинение; благодарность. Информационные: известия, новости; вопрос-ответ. Самопрезентации: похвальба. Волеизъявления: совет, рекомендация; просьба — отказ, согласие. Конфликтные: спор; брань; сплетни, пересуды).

Возможно и еще более глубокое структурирование макростатей-подрубрик, например, характеризующих речевую деятельность: Физические характеристики речи: уровень звучания, громкость — высокая, невысокая; темп речи — высокий, невысокий; количественные характеристики речи: краткость, многословие. Содержание высказывания: соответствие действительности — правда, ложь; соответствие ситуации — уместное, неуместное высказывание; ясность, определенность содержания речи — понятное, содержательное высказывание, бессмыслица; открытость речи — общедоступность информации, тайна. Говорящий: остролов, обманщик, болтун, любопытный и т.п. Далее в каждой из подрубрик пословицы объединяются под заголовками-аксиологемами, лаконично представляющими их обобщающий смысл и аксиологический вектор.

Образец заполнения паремиологическим материалом данной классификационной схемы представим рубрикой СПОР, где мы опускаем паспортизацию отобранных для данного проекта паремий, детализированно представленную в «Большом словаре русских пословиц» и его библиографическом указателе, насчитывающем более 300 источников [Мокиенко и др., 2010, с. 1019—1024].

СПОР

ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТЬ, ЗНАЧИМОСТЬ СПОРА

Спор полезен и целесообразен: *в споре (в спорах) рождается истина.*
Спор привычен для коммуникативного поведения русских: *Без спорного слова не беседа.*

Но:

Спорить — нецелесообразно: *Когда споры кипят, истина испаряется.*

Спорщика не оценивают положительно: *Кто спорит, тот ничего не стоит.* Ср. трансф. *Кто правильно спорит, тот многого стоит.*

Лучше договариваться, чем спорить: *Дураки спорят, умные договариваются.*

ОППОНЕНТ В СПОРЕ

Бесполезно спорить с глупым человеком: *Один дурак семерых умных переспорит. С дураком свяжешься, сам в дураках окажешься. Когда дурак ворчит, умный молчит. Дурака не переспоришь. Не спорь с глупцом.*

Бесполезно спорить с упрямым человеком: *Упрямого не переспоришь.*

Не стоит спорить с женщиной: *С бабой не спорь — [а] отойди, да взвой.*

Не стоит спорить с судьей: *С судьёю не спорь, а с тюрьмою не бранись (не вздорь).*

Нельзя спорить со старшими: *Со старшим (старшими) спорить — отца позорить. Засыпка с мельником не спорит. Перм. < Засыпка — помощник мельника.*

Спор с другом — полезен и конструктивен: *Не тот друг, кто мёдом мажет, а тот, кто правду скажет. Друг спорит, недруг (враг) поддакивает.*

ПРЕДМЕТ СПОРА

Предметом спора не должны являться вкусы, пристрастия человека: *о вкусах [и о цветах] не спорят. На вкус, на любовь, на цвет спора нет.*

Предметом спора не должны быть обычаи, традиции, привычки: *Против привычки не спорят. Против обыка не спорь.*

Предметом спора не должны являться ошибки, оплошности человека: *Ошибка в слове — не спор.*

Не стоит спорить по незначительному поводу: *О пустяках спорить — дело упустить. Бабка с дедкой спорят — делят печь на зиму. О чём спор? Старик со старухой на зиму печку делят.*

Спор по надуманному, нереальному поводу — предмет насмешки, иронии: *Спорили мыши за лобное место, где будут кота казнить.*

ВЕДЕНИЕ СПОРА

Нужно вести спор корректно, без грубой брани и применения силы: *Спорить — спорь, а браниться грех. Спорить спорь, а кулакам воли*

не давай. Говори, да не спорь, а хоть [и] спорь, да не вздорь. Не силою спорить, но разумом.

Всякий спорщик имеет право на свое мнение: *У всякого Павла — своя правда. У всякого своя правда, а у дурака своя.*

Молчание в споре — может расцениваться как согласие: *Молчанием прав не будешь. Молчание — знак согласия.* Ср. трансф. шутл.-ирон. *Молчание — знак несогласия* (М. Жванецкий).

Таким образом, группировка материала под аксиологемами дает представление о паремиологических способах регламентации коммуникативного поведения в ситуации спора: если из двух возможностей — спорить или нет — человек выбирает первую, то пословицы подскажут, с кем как и по какому поводу стоит спорить, что и отразит их аксиологическая параметризация.

Если же речь идет о коммуникативном поведении в конкретных социокультурных сферах (в семье, в гостях, в компании друзей, в трудовом коллективе, на празднике, в социальной сети и т. п.), то в соответствующих разделах (*Семья; Гости — Хозяева; Друзья и враги; Труд, работа; Праздник; Интернет*) среди многочисленных рубрик читатель найдет заголовки: *Коммуникативное поведение в семье; Коммуникативное поведение хозяина и гостя; Общение с друзьями; Общение в трудовом коллективе; Коммуникативное поведение в ситуации праздника; Общение в Интернете* и т.п.

Так, пословицы, регламентирующие коммуникативное поведение хозяина и гостя, советуют им быть взаимно приветливыми (*В гостях не будь приметлив, а будь приветлив; Гостей не кори, а чем Бог дал накорми*), гостю положено похвалить хозяйку (*Хочешь быть желанным гостем — хвали хозяйку*), от гостя ждут новостей, желательно — приятных (*Много гостей — много [и] новостей; От добрых гостей ждут добрых вестей*), а его похвалюбу или вымысел следует воспринимать снисходительно (*Добро заморскому гостю врать (хвастать)*). В этой же рубрике предлагаются серьезные и шутливые формулы приглашения в гости, приглашения к столу, завершения застолья и т. п.: *Ешьте, гости, пейте, хозяйского хлеба не жалейте; Угощайтесь, гости: хлеб-соль на столе, а руки у вас свои; Кушайте, дорогие гости: всё равно пороссятам выливать; Приходи в гости, когда меня дома нет; Дорогие гости, не надоели ли [вам] хозяева?*

Особенности речевой интернет-коммуникации представлены в соответствующей рубрике раздела «Интернет» паремиологическими трансформациями и новыми паремиями, отобранными в 2020—2021 годах на интернет-сайтах в подборках шутливо-иронических «афоризмов» [Libreria; Фразы.ru]. Это и характеристика участников интернет-коммуни-

кации (*Велик интернет, а поговорить по душам не с кем*), и оценка содержания сообщений (*Интернет — самое совершенное средство передачи бессмыслицы на расстояние*), и технические возможности компьютера, обеспечивающие успех коммуникативного акта (*Что написано пером, можно исправить в графическом редакторе. Ругаться по интернету невозможно, если ты не умеешь быстро печатать. В интернете не слышно, как дрожит голос*), и проблема авторства (*Сказанная умная фраза в интернете вызывает вопрос: а где взял?*). Одна из аксиологем данной сферы, внушающая определенный оптимизм по поводу уровня культуры письма в интернет-коммуникации, может быть сформулирована таким образом: *‘следует стараться грамотно оформлять интернет-сообщения’* (*В Интернете тебя встречают по аватару, а провожают по умению обособлять запятыми деепричастные обороты*).

Формат систематизации пословичного материала по аксиологемам удобен и для сопоставления с последующей репрезентацией материала в двуязычном сопоставительном словаре. Если для близкородственных языков в таком словаре мы приводим перевод отдельных разнокорневых компонентов паремий, затрудняющих восприятие материала [Андрианова и др., 2020, с. 12], то паремии разносистемных языков, объединенные под аксиологемой, получают полный параллельный буквальный перевод, таким образом, более доступной пользователю становится информация о логико-семантической и образной структуре иноязычных пословиц, что значительно расширяет возможности использования словаря как лингвокультурологического источника.

Так, в русско-китайском лингвоаксиологическом словаре, при разработке которого в качестве источника китайских паремий мы используем русско-китайский словарь пословиц и поговорок [Е Лайфан, 2005], в разделе «Коммуникативное поведение» (рубрика «Речевая деятельность», подрубрика «Говорящий») при интерпретации пословиц, характеризующих говорящую женщину (аксиологема ‘женщинам свойственно много и шумно разговаривать’), буквальный перевод на китайский язык получит русская паремия *Две бабы — базар, а три — ярмарка* (两个女人-市场, 三个女人-集市). В свою очередь на русский будет переведено отмеченное как «Сравни (+)» сходное по логической структуре выражение *一个妇女一面锣, 三个妇女一台戏* (буквально: *Одна женщина подобна звукам гонга, и три женщины — уже целый спектакль*), где перевод эксплицирует этнокультурную специфику образа. Аксиологема ‘внешне непривлекательные женщины хорошо владеют языком’ будет представлена параллелью *Сама никудышина, а языком-то вышла* (她一文不值, 但出门会用舌头). Ср. (+): *拙妇巧舌头* (буквально: *У неуклюжих женщин ловкие языки*). Прямо про-

типоволоженные умозаключения, отразившиеся в пословицах двух языков, могут быть объединены под знаком «Ср. (—)». Так, в разделе «Семья» (рубрика «Коммуникативное поведение в семье»), где собраны многочисленные русские паремии, отражающие главенствующую роль мужа в семейной речевой коммуникации, недопустимость участия женщины в обсуждении важных дел, отсутствие взаимопонимания между мужем и женой (*С бабой говорить — решетом воду носить; Всяк сверчок знай свой шесток, а баба — своё веретено; Мужик тянет в одну сторону, а баба в другую* и т. п.), при русской паремии, наиболее ярко отражающей аксиологему ‘муж не слушает советов жены’, может быть приведена китайская пословица, завершающая аксиологическую оппозицию: *Иван Марьи не слушает* (伊万没有听玛丽亚的话) Ср. (—): *妻是枕边人, 十事商量九事成* (буквально: *Жена — это та, что лежит на подушке рядом, обсуждаешь с ней десять дел, и девять из них сработают*).

Отдельные этноспецифические аксиологемы, представление русскими или китайскими паремиями, могут быть оформлены в отдельных статьях под знаком (#), например:

Женщине свойственно расхваливать то, что она имеет, что предлагает другим: *王婆卖瓜, 自卖自夸* (буквально: *Старуха Ван продаёт тыкву, сама продаёт и сама нахваливает*).

Приведенные примеры не передают всего многообразия нюансов коммуникативного поведения женщины в семье и более широком социуме. На материале данной сферы здесь показаны лишь основные приемы словарного оформления пословичных аналогов, аксиологических паремиологических противоположностей и уникалий.

В целом же предлагаемая концепция параметризации пословичного материала позволяет квалифицировать данный тип тематического словаря как лингвоаксиологический (однаязычный или двуязычный сопоставительный).

4. Заключение

Итак, развитие идей известных лексикографов XIX века позволило составителям современных словарей пословиц представить отображенное в них коммуникативное поведение русских в многообразии речевых формул и культурных традиций, нашедших свое место в детализированной тематической и тематико-идеографической систематизации материала. Усовершенствованные приемы семантико-прагматического и лингвокультурологического комментирования паремий позволили превратить словарь пословиц «объяснительного» типа в увлекательный лексикографический текст для познавательного чтения. И все же оптимальным вариантом

репрезентации аксиологического параметра лингвокультурной семантики паремий, отражающих коммуникативное поведение, как и других оценочно ориентированных тематических разрядов пословиц, является, по нашему мнению, лингвоаксиологический тематический словарь, где в рамках тематического раздела, в каждой из его рубрик и подрубрик пословицы объединяются в макростатьи под заголовками-аксиологемами, которые эксплицируют общий оценочный смысл паремий. Такая параметризация материала позволяет не только наглядно представить аксиологический вектор паремий, но и показать противоречивость и относительность оценок окружающего мира народным сознанием, а также эволюцию оценки вплоть до смены ее полюсов в паремиологических трансформах. Не менее продуктивен способ лингвоаксиологической тематической репрезентации пословичных параллелей и в двуязычном формате, даже в тех случаях, когда в разносистемных языках отсутствуют межязыковые генетически обусловленные паремиологические схождения.

Источники и принятые сокращения

1. *Даль В. И.* Пословицы русского народа / В. И. Даль. — Москва : Университетская типография, 1862. — 1095 с.
2. *Е Лайфан.* Русско-китайский словарь пословиц и поговорок / Е Лайфан. — Пекин : Коммерческое издательство, 2005. — 375 с. = 叶芳来 俄汉谚语俗语词典, 北 : 商务印书馆, 2005年, 375页.
3. *LiBRERIA.* Афоризмы. Пословицы. Интернет [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://libreria.ru/apophorismes/topics/337/> (дата обращения 23.06.2021).
4. *Мокиенко В. М.* Народная мудрость / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. — Москва : ОЛМА Медиа Групп, 2011. — 416 с.
5. *Мокиенко В. М.* Большой словарь русских пословиц / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина, Е. К. Николаева. — Москва : ОЛМА Медиа Групп, 2010. — 1024 с.
6. *Снегирев И. М.* Русские в своих пословицах : Рассуждения и исследования об отечественных пословицах и поговорках / И. М. Снегирев. — Кн. 1—4. — Москва : Университетская типография, 1831—1834.
7. *Фразы.ру.* Фразы про интернет [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://frazy.ru/pro-internet/page/3/> (дата обращения 12.07.2013).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Андрианова Д. В.* Пословицы восточных славян в сопоставительной лексикографической репрезентации / Д. В. Андрианова, Н. Д. Игнатьева, Т. Г. Никитина // Научный диалог. — 2020. — № 7. — С. 9—23. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-7-9-23.
2. *Ая У.* Русские пословицы на фоне эстонских: к концепции тематического лингвокультурологического словаря / Урве Ая // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. — 2011. — № 5 (59). — С. 43—47.
3. *Ван Вэньцзя.* Культурный сценарий «Супружеская ссора» в зеркале русских паремий / Ван Вэньцзя // Научный диалог. — 2017. — № 1. — С. 22—34.

4. *Грачев М. А.* «Несносно честный Даль» / М. А. Грачев. — Нижний Новгород : Книги, 2013. — 228 с.
5. *Дементьев В. В.* «Анкета речевого жанра» Т. В. Шмелёвой: прошлое, настоящее, будущее (К 30-летию жанроведческой модели) / В. В. Дементьев // *Жанры речи.* — 2020. — № 4 (28). — С. 252—262. — DOI: 10.18500/2311-0740-2020-4-28-252-262.
6. *Еремина С. А.* Стереотип «речевая деятельность» в народном языковом сознании (по данным пословиц, собранных В. И. Далем) / С. А. Еремина, А. П. Орлова // *Лингвокультуралогия.* — 2009. — № 3. — С. 68—83.
7. *Задачи* базы данных фразеологического словаря и стадии ее проектирования / В. В. Вакуленко, А. А. Гончаров, А. А. Дурново, М. И. Зацман // *Средства и системы информатики.* — 2020. — Т. 30, № 2. — С. 113—123.
8. *Зимин В. И.* Словарь-тезаурус русских пословиц, поговорок и метких выражений / В. И. Зимин. — Москва : АСТ-Пресс, 2019. — 736 с.
9. *Зимин В. И.* Пословицы и поговорки русского народа : объяснительный словарь / В. И. Зимин, А. С. Спириин. — Москва : Сюита, 1996. — 544 с.
10. *Коваль О. В.* Стратегии и тактики в рамках речевого жанра / О. В. Коваль, Ф. Михай // *Вестник Костанайского Государственного Педагогического Института.* — 2017. — № 2 (46). — С. 44—51.
11. *Куготова М. С.* Паремии русского и карачаево-балкарского языков о речевом поведении / М. С. Куготова // *Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН.* — 2012. — № 1 (45). — С. 174—179.
12. *Никитина Т. Г.* Фразеологические трансформации в лексикографическом отображении (Из песни слова не выкинешь) / Т. Г. Никитина // *Жизнь фразеологии — фразеология в жизни : сборник научных статей к юбилею профессора А. М. Мелерович.* — Кострома : КГУ, 2018. — С. 236—243.
13. *Прозоров В. В.* О надёжности и состоятельности речевжанровой коммуникации / В. В. Прозоров // *Жанры речи.* — 2020. — № 3 (27). — С. 195—204.
14. *Прохоров Ю. Е.* Русские: коммуникативное поведение / Ю. Е. Прохоров, И. А. Стернин. — Москва : Флинта; Наука, 2006. — 328 с.
15. *Соколова Л. В.* Русские пословицы и поговорки о языке и речевом этикете / Л. В. Соколова // *Инновационная наука.* — 2015. — Т. 2, № 6. — С. 162—166.
16. *Спивакова Е. М.* Стереотип о женщине в русской и китайской языковых картинах мира (на материале пословиц) / Е. М. Спивакова, Д. С. Абдуразакова // *Тенденции инновационного развития науки и практики : сборник научных статей по материалам Международной научно-практической конференции.* — Смоленск : НОВАЛЕНСО, 2017. — С. 136—141.
17. *Умирзакова З. А.* Об изучении коммуникативного поведения в лингвистике / З. А. Умирзакова // *Norwegian Journal of development of the International Science.* — 2018. — № 16. — С. 59—61.
18. *Федорова Н. Н.* Современные трансформации русских пословиц / Н. Н. Федорова. — Псков : Гименей, 2007. — 226 с.
19. *Черногрудова Е. П.* Правила коммуникации в русских паремиях и в постулатах современной риторики / Е. П. Черногрудова // *Вопросы филологии.* — 2012. — № 3. — С. 20—30.
20. *Щеглова И. В.* Комплекс анкет для исследования коммуникативного поведения естественных билингвов / И. В. Щеглова // *Филологические науки. Вопросы теории и практики.* — 2018. — № 9 (87), Ч. 2. — С. 410—414. — DOI: 10.30853/filnauki.2018-9-2.42.

MATERIAL RESOURCES

- Dal, V. I. (1862). *Russian proverbs*. Moscow: Universitetskaya tipografiya. 1095 p. (In Russ.).
- E Layfan. (2005). *Russian-Chinese Dictionary of Proverbs and Sayings*. Pekin: Kommercheskoe izdatelstvo. 375 p.
- Frazy.ru. *Phrases about the Internet*. Available at: <https://frazy.ru/pro-internet/page/3/> (accessed 12.07.2013). (In Russ.).
- LiBRERIA. *Aphorisms. Proverbs. Internet*. Available at: <https://libreria.ru/aphorismes/topics/337/> (accessed 23.06.2021). (In Russ.).
- Mokienko, V. M., Nikitina, T. G. (2011). *Folk wisdom*. Moscow: OLMA Media Grupp. 416 p. (In Russ.).
- Mokienko, V. M., Nikitina, T. G., Nikolaeva, E. K. (2010). *The Big Dictionary of Russian Proverbs*. Moscow: OLMA Media Grupp. 1024 p. (In Russ.).
- Snegirev, I. M. (1831—1834). *Russians in their Proverbs: Reasoning and Research on Russian Proverbs and Sayings*. 1—4. Moscow: Universitetskaya tipografiya. (In Russ.).

REFERENCES

- Andrianova, D. V., Ignatieva, N. D., Nikitina, T. G. (2020). Proverbs of the Eastern Slavs in a Comparative Lexicographic Representation. *Nauchnyi dialog*, 7: 9—23. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-7-9-23. (In Russ.).
- Aya, U. (2011). Russian proverbs against the background of Estonian: towards the concept of a thematic linguoculturological dictionary. *Bulletin of the Volgograd State Pedagogical University*, 5 (59): 43—47. (In Russ.).
- Chernogradova, E. P. (2012). The rules of communication in Russian paremias and in the postulates of modern rhetoric. *Philology issues*, 3: 20—30. (In Russ.).
- Dementyev, V. V. (2020). “Questionnaire of a speech genre” of T. V. Shmeleva: past, present, future (for the 30th anniversary of the genre model). *Speech genres*, 4 (28): 252—262. DOI: 10.18500/2311-0740-2020-4-28-252-262. (In Russ.).
- Eremina, S. A., Orlova, A. P. (2009). The stereotype of “speech activity” in the people’s linguistic consciousness (according to proverbs collected by V. I. Dal). *Linguoculturology*, 3: 68—83. (In Russ.).
- Fedorova, N. N. (2007). *Modern transformations of Russian proverbs*. Pskov: Gimenezy. 226 p. (In Russ.).
- Grachev, M. A. (2013). *«Unbearably honest Dahl»*. Nizhniy Novgorod: Knigi. 228 p. (In Russ.).
- Koval, O. V., Mikhay, F. (2017). Strategies and tactics within the speech genre. *Bulletin of the Kostanay State Pedagogical Institute*, 2 (46): 44—51. (In Russ.).
- Kugotova, M. S. (2012). Paremias of the Russian and Karachai-Balkarian languages about speech behavior. *Bulletin of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*, 1 (45): 174—179. (In Russ.).
- Nikitina, T. G. (2018). Phraseological transformations in lexicographic display (You cannot erase a word from a song). In: *The life of phraseology — phraseology in life: a collection of scientific articles for the anniversary of Professor A. M. Melerovich*. Kostroma: KGU. 236—243. (In Russ.).
- Prokhorov, Yu. E., Sternin, I. A. (2006). *Russians: communicative behavior*. Moscow: Flinta; Nauka. 328 p. (In Russ.).

- Prozorov, V. V. (2020). On the reliability and consistency of speech genre communication. *Genres of speech*, 3 (27): 195—204. (In Russ.).
- Sokolova, L. V. (2015). Russian proverbs and sayings about language and speech etiquette. *Innovative Science*, 2 (6): 162—166. (In Russ.).
- Spivakova, E. M., Abdurazakova, D. S. (2017). Stereotype about a woman in Russian and Chinese linguistic pictures of the world (based on proverbs). In: *Trends in the innovative development of science and practice: a collection of scientific articles based on the materials of the International Scientific and Practical Conference*. Smolensk: NOVALENKO. 136—141. (In Russ.).
- Shcheglova, I. V. (2018). Complex of questionnaires for natural bilinguals' communication behavior research. *Philology. Theory & Practice*, 9 (87)—2: 410—414. DOI: 10.30853/filnauki.2018-9-2.42. (In Russ.).
- Umirzakova, Z. A. (2018). On the study of communicative behavior in linguistics. *Norwegian Journal of development of the International Science*, 16: 59—61. (In Russ.).
- Vakulenko, V. V., Goncharov, A. A., Durnovo, A. A., Zatsman, M. I. (2020). The tasks of the phraseological dictionary database and the stages of its design. *Means and systems of informatics*, 30 (2): 113—123. (In Russ.).
- Van Ventszja. (2017). Cultural Scenario “Martial Quarrel” in Russian Proverbs. *Nauchnyi dialog*, 1: 22—34. (In Russ.).
- Zimin, V. I. (2019). *Dictionary-thesaurus of Russian proverbs, sayings and apt expressions*. Moscow: AST-Press. 736 p. (In Russ.).
- Zimin, V. I., Spirin, A. S. (1996). *Proverbs and sayings of the Russian people: about the explanatory dictionary*. Moscow: Syuita. 544 p. (In Russ.).

Смолина А. Н. Модель описания речевого жанра «духовное эссе»: основные параметры и реализация (теолингвистический аспект) / А. Н. Смолина // Научный диалог. — 2021. — № 10. — С. 134—152. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-10-134-152.

Smolina, A. N. (2021). Model for Describing of Speech Genre “Spiritual Essay”: Basic Parameters and Implementation (Theolinguistic Aspect). *Nauchnyi dialog*, 10: 134-152. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-10-134-152. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-10-134-152

Модель описания речевого жанра «духовное эссе»: основные параметры и реализация (теолингвистический аспект)

Смолина Анджелла Николаевна
orcid.org/0000-0003-0947-3763
кандидат филологических наук, доцент
angelic2009@mail.ru

Сибирский федеральный университет
(Красноярск, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-011-44099 «Разработка способов и моделей анализа религиозных текстов как один из путей развития теолингвистики»

Model for Describing of Speech Genre “Spiritual Essay”: Basic Parameters and Implementation (Theolinguistic Aspect)

Andzhella N. Smolina
orcid.org/0000-0003-0947-3763
PhD in Philology, Associate Professor
angelic2009@mail.ru

Siberian Federal University
(Krasnoyarsk, Russia)

Acknowledgments:

The reported study was funded by RFBR, project number 21-011-44099 “Development methods and models for the analysis of religious texts as one of the ways of theolinguistics development”

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Представлена параметрическая модель описания функционирующего в церковно-религиозном стиле речевого жанра «эссе», которое именуется *духовным* на основе его интенциональных, тематико-содержательных, элокутивных и иных особенностей. Автор предлагает использовать при анализе эссе, обладающего духовным (религиозно-христианским) содержанием, такие параметры: адресат, адресант, духовно-религиозные интенции автора, духовно-религиозная тематическая основа содержания, композиция, аргументация, используемые христианские образы, тактики и стратегии, репрезентативные лингвостилистические средства, интертекстуальное наполнение. На материале текста «“Эффект близости” в истории и повседневности», написанного архимандритом Макарием (Веретенниковым), показана реализация данной модели. Духовное эссе определяется как жанр церковно-религиозного стиля: создаваемый священнослужителем и адресованный представителю христианской культуры текст-рефлексия, отражающий личные переживания и впечатления автора. В завершающей части работы утверждается: духовное эссе реализуется как самостоятельный жанр и становится элементом структуры иного жанра, например, письма, дневника и др., то есть воплощается как интражанр. Для исследования привлекается сборник духовных эссе архимандрита Саввы (Мажуко) «Любовь и пустота». Сопоставительный анализ призван точно и убедительно показать специфику духовного эссе.

Ключевые слова:

теолингвистика; речевой жанр; эссе; духовное эссе; духовно-религиозные интенции; религионим.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

A parametric model for describing the “essay” speech genre functioning in the church-religious style, which is called *spiritual* on the basis of its intentional, thematic-content, illocutionary and other features, is presented. The author suggests using the following parameters in the analysis of an essay with spiritual (religious-Christian) content: addressee, addressee, spiritual and religious intentions of the author, spiritual and religious thematic basis of content, composition, argumentation, used Christian images, tactics and strategies, representative linguistic stylistic means, intertextual content. The implementation of this model is shown on the basis of the text «“The effect of proximity” in history and everyday life» written by Archimandrite Makarii (Veretennikov). A spiritual essay is defined as a genre of a church-religious style: a text-reflection created by a clergyman and addressed to a representative of Christian culture, reflecting the personal experiences and impressions of the author. In the final part of the work, it is stated: the spiritual essay is realized as an independent genre and becomes an element of the structure of another genre, for example, writing, diary, etc., that is, it is embodied as an intragenre. The collection of spiritual essays by Archimandrite Savva (Mazuko) “Love and Emptiness” is used for research. The comparative analysis is designed to accurately and convincingly show the specifics of a spiritual essay.

Key words:

theolinguistics; speech genre; essay; spiritual essay; spiritual and religious intentions; religiononym.

Модель описания речевого жанра «духовное эссе»: основные параметры и реализация (теолингвистический аспект)

© Смолина А. Н., 2021

1. Введение

Эссе — жанровая форма, отличающаяся такими признаками, как «малая форма, исходный тезис, его разработка и итоговое умозаключение» [Мильруд и др., 2020, с. 256], и представляющая собой развернутое письменное высказывание «с описанием, повествованием или рассуждением» [Там же] — активно изучается российскими филологами. Внимание исследователей направляется на особенности данного жанра (композиционные, лингвостилистические, риторические), его типы, способы обучения созданию текстов в форме эссе, а также на специфику оценки эссе как задания для учащихся.

Остановим внимание на нескольких современных исследованиях. В работе Р. П. Мильруда и И. Р. Максимовой отмечается, что специфическим признаком эссе «можно считать развитие авторского тезиса в цепи логически построенных суждений» [Там же, с. 255]. Кроме того, указывается на то, что «как методический прием эссе является сложно построенным предметом обучения» и овладение этой формой требует обеспеченности необходимым запасом слов, грамматических и пунктуационных навыков, развития интеллектуальных функций, высокого уровня критического мышления и логики [Там же]. Авторы также обращают внимание на проблемы оценивания эссе как задания, надежности оценки, четкости структуры требований, при этом указывая: «жестко заданная структура эссе повышает надежность экспертной оценки» [Там же, с. 270]; «сбалансированный подход к анализу эссе означает комплексную оценку коммуникативного содержания, языковой механики и формата развернутого письменного высказывания учащихся, где в центре внимания находится логически организованное содержание» [Там же, с. 271]. Проблемы обучения созданию текстов в жанре «эссе» давно интересуют и зарубежных ученых. Так, К. Хайленд отмечал, что трудности, с которыми сталкиваются студенты при написании текстов, связаны с непониманием того, как они организуются, и, чтобы обучить их созданию текстов, нужно познакомить учащихся с риторическими структурами, в частности — со структурами аргументативного эссе. Говоря об этом, исследователь рас-

смаатривает композиционное построение эссе, предлагает стратегии обучения, указывает на необходимость приобретения учащимися специальных лингвистических знаний [Hyland, 1990]. А. Л. Дмитрировский, рассуждая о возникновении и развитии жанра, его сущности, приходит к следующим выводам: жанр «эссе» в европейской традиции «восходит к библейской “Книге Екклесиаста” и берет оттуда не только элементы формы, но и содержательную, мотивационную, так сказать, философскую установку» [Дмитровский, 2013, с. 47]; «несмотря на все многообразие внешних форм, эссе ... мало изменилось за столетия своего существования ... это говорит о наличии в нем некоего “стержня”», удерживающего ... единство структуры жанра. <...> Этот стержень — содержание. А содержание эссе — личность автора. <...> Это не фиксация значимых событий, как в дневнике; это не рассказ о своей жизни, мыслях и поступках, как в автобиографии; это не покаяние, как в исповеди. Это экзистенциально окрашенные впечатления и размышления автора — результат личностного самоанализа в ситуации проблемы, выбора» [Там же, с. 48]; важнейший жанрообразующий элемент эссе — *жизненность* («связь между ... бытием личности и отражением ее переживаний в эссе») [Там же, с. 48]. Краткое определение, данное жанру «эссе» А. Л. Дмитриовским, звучит так: «произведение, отражающее экзистенциальную рефлексию автора» [Там же, с. 49]. Л. Г. Кайда, говоря о специфике эссе в художественной словесности и публицистике и обращаясь к целям его автора, пишет: «Важнее всего для автора — затронуть сознание читателя, заставить заглянуть в самого себя и самому осмыслить важную проблему “я и мир” во всех ее возможных вариантах» [Кайда, 2008, с. 23]. Е. В. Бузальская, создавая типологию русского эссе, указывает на то, что оно «включает 26 устойчивых моделей, из них публицистическое эссе имеет 10 устойчивых моделей; художественное — 5; научно-публицистическое эссе — 11 ... одной из наиболее распространенных моделей реализации является публицистическое эссе, являющееся рефлексией автора относительно концепта-фрейма ... стратегически направленное на интерпретацию факта культуры» [Бузальская, 2016, с. 12]. К важным выводам, сделанным исследователем, относятся такие: «для эссе возможна реализация трех типов стратегий: интерпретации, убеждения, трансляции фрагмента КМ» (КМ — картина мира) [Там же, с. 294]; о национально-специфических тенденциях реализации эссе говорится: «русские научно-публицистические эссе ориентированы на интерпретацию фактов, центрированную на гештальт-структуре при наличии сценарной и фреймовой интерпретации ... русское публицистическое эссе имеет сценарные варианты реализации всех стратегий; русское художественное эссе не имеет фрейм-структур, стратегически представленных убеждени-

ем и интерпретацией; частым является использование гештальт-структур в соединении со стратегией трансляции; отсутствуют эссе, основанные на гештальте, стратегически реализованном как убеждение» [Там же, с. 295—296]. Специфика эссе как особой жанровой формы также затрагивается в работах Н. Н. Козновой, А. Н. Тепляшиной, Г. В. Кукуевой и других авторов [Кознова, 2011; Тепляшина, 2013; Кукуева, 2015].

2. Методология

Исследование выполнено в русле теолингвистики и отвечает основным тенденциям ее изысканий: изучение взаимосвязи языка и религии [Постовалова, 2019, с. 37] и проявлений религии, «которые закрепились и отразились в языке» [Гадомский, 2018, с. 18]. Разработка модели описания религиозного жанра, презентация принципов работы с ней на примере конкретного текста, определение круга приемов и процедур, обеспечивающих эффективное изучение религиозного произведения, представленные в настоящей работе, хорошо коррелируют с постановкой проблем исследователями, ведущими изыскания в области теолингвистики. Е. Е. Анисимовой (исходя из отдельных положений работы И. В. Бугаевой «Теолингвистика: теология + лингвистика?») к числу таких проблем относятся: «описание языка религиозной коммуникации, генология религиозных текстов, терминология теолингвистики, язык ... проповедей, вопросы перевода религиозных текстов, язык Библии и библеизмы, язык молитвы, религиозная лексика и лексикография» [Анисимова, 2019, с. 11—12]. Автор обращает внимание и на стилистику религиозных текстов, язык церковных документов, проблемы типологизации религиозного дискурса и образа человека в религиозном дискурсе. В представляемой работе религиозное произведение изучается с помощью приемов и процедур, используемых в стилистике, жанроведении, риторике и с опорой на заданные теолингвистикой направления изучения языка. Применяются лингвостилистический метод, направленный «на установление закономерностей употребления языковых единиц в разных сферах и ситуациях общения, обусловленных экстралингвистическими факторами» [Комарова, 2016, с. 612], описательный метод, представленный такими приемами, как наблюдение, обобщение и интерпретация. При рассмотрении «реализации жанровой картины» [Bizior, 2016, s. 70] духовного эссе используется метод жанрового моделирования. Кроме того, применяются отдельные приемы интертекстуального анализа, в частности предложенные лингвистом В. П. Москвиным: выявление инотекстовых вкраплений, прецедентного текста, которому эти вкрапления принадлежат, определение фигуры, вводящей инотекстему, функций выявленных фигур, определение типа прецедентного текста [Москвин, 2015, с. 118].

3. Модель описания речевого жанра «духовное эссе»: основные параметры

В настоящее время сформировалась особая сфера научных изысканий, в фокусе которой находится разработка моделей описания речевых жанров. Мы остановим внимание на тех трудах, которые дали в свое время начало целому ряду исследований этой направленности. Одной из самых востребованных стала работа М. М. Бахтина «Проблема речевых жанров» [Бахтин, 2013]. В ней, в частности, представлены мысли о том, что «использование языка осуществляется в форме единичных конкретных высказываний (устных или письменных) ... эти высказывания отражают специфические условия и цели каждой такой области не только своим содержанием (тематическим) и языковым стилем, то есть отбором словарных, фразеологических и грамматических сфер языка, но прежде всего своим композиционным построением» [Бахтин, 2013, с. 250]. Указанные М. М. Бахтиным компоненты *тематическое содержание*, *стиль* и *композиционное построение* зачастую становятся основой анализа различных речевых жанров. Многие лингвисты обращаются к модели речевого жанра Т. В. Шмелевой: коммуникативная цель, автор, адресат, предшествующий и последующий эпизоды общения, диктумное содержание, языковое воплощение [Шмелева, 1997, с. 98]. Важно отметить и модель описания жанров, разработанную Н. Б. Лебедевой: автор (*кто?*); адресат (*кому?*); знак — диктумно-модусное содержание (*что?*); орудие и средство (*чем?*); субстрат — материальный носитель знака (*на чем?*); место расположения знака — носитель субстрата (*в чем?, на чем?*); цель — (*зачем?*); графико-пространственный параметр знака (*как?*); среда коммуникации (*где?*); коммуникативное время ... интервал между созданием ... знака и его восприятием (*когда?*); ход коммуникации; социальная оценка [Лебедева, 2001, с. 7]. Эта модель используется при анализе жанров естественной письменной речи.

При анализе речевых жанров, функционирующих в церковно-религиозном стиле, необходимо обращать внимание на идейно-тематическую основу, интенции, образы, лексику и фразеологию, элокутивы, обусловленные религиозно-христианским учением. Именно они определяют отличия текстов церковно-религиозного стиля от текстов, сферой функционирования которых являются иные стили. Ранее нами уже представлялись модели жанровых форм речевых произведений с религиозным содержанием (в статье «Духовное письмо-беседа: жанрово-стилистические особенности» [Смолина, 2019] и др.). Можно сказать о том, что ряд параметров модели описания жанров религиозной сферы применим для анализа разных религиозных текстов, также можно отметить, что целесообразно

создание инвариантной модели, которая могла бы использоваться при работе с религиозными текстами, имеющими что-то общее, например, такими, в которых присутствует аргументация. Однако в рамках данной статьи будет представлена модель, дающая возможность эффективно анализировать духовные произведения эссеистского свойства. Обозначим ее параметры: 1) адресат, 2) адресант, 3) духовно-религиозные интенции автора, 4) духовно-религиозная тематическая основа содержания, 5) композиция, 6) аргументация, 7) используемые христианские образы, 8) тактики и стратегии, 9) репрезентативные лингвостилистические средства, 10) интертекстуальное наполнение. Первые два параметра традиционно используются в современной лингвистике при работе с текстами различных функциональных стилей. Третий параметр целесообразно применять при описании жанровых форм, направленных на убеждение, воспитание, содержащих обмен мнениями по религиозным вопросам, авторскую рефлексию, связанную с духовной жизнью человека, рассказ о событиях в жизни Церкви и других. Четвертый параметр можно использовать при анализе житийных, литургических, проповеднических текстов (всех текстов, в которых присутствует проповедь веры в той или иной форме) и иных; этот параметр можно использовать весьма широко. Пятый параметр традиционен, однако обращение к нему при анализе речевого жанра «духовное эссе» позволяет успешно показать особенности изучаемых в данном исследовании текстов. Шестой параметр можно использовать при анализе всех аргументативных текстов и, несомненно, исследуемого нами эссе — произведения, в котором аргументация играет ключевую роль. Седьмой параметр следует включать в работу при анализе духовных писем, духовных дневников и автобиографий, воспоминаний духовного характера, проповедей, житий, акафистов, духовных травелогов, духовных бесед. Восьмой параметр актуален (хоть и факультативен) при анализе духовных текстов, содержащих в себе убеждение. Применение девятого параметра позволяет представить специфику жанров церковно-религиозного стиля весьма убедительно в том случае, если внимание будет сосредоточено на функционирующих в текстах религионимах, на содержащих религионимы элокутивах. Десятый параметр важен для работы с речевыми жанрами «духовное эссе», «духовный дневник», «духовные воспоминания», «житие» и рядом других, поскольку выявление интертекстуальных элементов в религиозных произведениях обычно обнаруживает направленность адресантов текстов в большей степени на христианские произведения (библейские и иные), что позволяет фиксировать внимание на значимых отличиях анализируемых жанров.

4. Модель описания речевого жанра «духовное эссе»: реализация

Использование разработанной модели на практике позволит выявить основные черты исследуемого речевого жанра, представить его образ. В данной статье внимание сосредоточено на произведении, которое с учетом его содержательной, композиционной, лингвостилистической специфики можно отнести к речевому жанру «духовное эссе». Далее на материале произведения «“Эффект близости” в истории и повседневности», написанного архимандритом Макарием (Веретенниковым), предлагаем показать специфику работы с моделью, рассмотреть воплощение жанра эссе в церковно-религиозном стиле, выявить его отличительные черты.

Автором исследуемого духовного эссе является священнослужитель Русской Православной Церкви, представитель монашествующего духовенства. Здесь отметим: авторами духовных (церковно-религиозных) текстов в подавляющем большинстве случаев являются священнослужители: монашествующие (иеромонахи, игумены, архимандриты и др.) и немонашествующие (диаконы, протоиереи и др.). Определяется это прежде всего тем, что реализовывать замыслы, которые связаны с церковно-религиозным содержанием, людям, не принадлежащим к церковной культуре, не имеющим духовного образования, достаточно сложно. Авторство при анализе текстов религиозно-христианского характера становится значимым параметром, поскольку может использоваться как одно из оснований отнесения произведения к духовным. Большая часть произведений, создаваемых священнослужителями (как показывает практика изучения письменной культуры православия), являются духовными по сути, в том числе и в тех случаях, когда мы имеем дело с личными письмами. Важно сказать, что, будучи людьми церковно-религиозной культуры, писатели-священнослужители обладают особым мировоззрением, основание которого составляют теоцентризм (принцип, согласно которому «Бог выступает в качестве истока бытия» [Душин, 2005]), христоцентризм (принцип, «принимающий центральность Христа как в космосе и истории, так и в онтологических основах бытия» [Бондарева, 2011, с. 17]), эсхатологизм (отношение к миру, связанное с представлениями о конечных судьбах мира и человека, бытия после земной жизни), провиденциализм (понимание происходящих событий как действия Промысла Божия), сотериологизм (представление о том, что главная цель человека — это спасение души). Итак, автор духовного эссе — священнослужитель, человек, обладающий особым религиозно-христианским мировоззрением.

Адресатом произведения «“Эффект близости” в истории и повседневности», написанного архимандритом Макарием (Веретенниковым), являются близкие православной культуре читатели журнала «Альфа и

Омега» — культурно-просветительского издания, ставящего одной из целей разъяснение основ православного учения. Рассматриваемый текст Макария (Веретенникова) был опубликован в журнале в 2006 году (№ 46). Отметим, что создающие духовные эссе церковные писатели всегда ориентируются на людей, принадлежащих христианской культуре (в том числе и тех, кто не является церковным человеком, но интересуется вопросами, которые ставятся в христианстве). В качестве примера мы можем, в частности, назвать тексты, написанные архимандритом Саввой (Мажуко) и вошедшие в книгу «Любовь и пустота» (2020 год). Их адресатом также является человек христианской культуры либо начинающий к ней приобщаться или интересоваться ей. Адресатом духовных эссеистских текстов протоиерея Валентина Свенщицкого также выступают христиане, это становится очевидным с первых же строк: *Впервые величайший смысл свободы был возведен миру Иисусом Христом («Стойте в свободе!»); В дни моей недавней ранней юности, когда я переживал период атеистического отрицания, во мне всегда сохранялось какое-то особенное чувство к этим двум словам: воистину воскрес! («Воистину воскрес!»).* Итак, адресат духовного эссе — человек, которому не чужда христианская культура (как церковный, так и нецерковный).

Духовно-религиозные интенции автора весьма разнообразны. Однако все они, так или иначе, связаны с донесением до адресата сути христианского вероучения, его роли в жизни людей: разъяснение учения Иисуса Христа; выражение мнения по вопросам обретения добродетелей, жизни по заповедям, нравственного и духовного совершенствования, миссионерской деятельности, внутрицерковной жизни, истории и современного состояния Церкви; толкование трудов церковных писателей. Одна из духовных интенций исследуемого текста связана с желанием автора привести читателей к размышлению о сущности христианской любви, показывая, что ею не является: *«Обостренное» чувство «справедливости» толкает нас на действия, не имеющие ничего общего с христианской любовью и потому не приносящие успеха и пользы.*

Духовно-религиозная тематическая основа содержания изучаемого жанрового явления уникальна тем, что круг ее ядерных, наиболее значимых в ценностном отношении, а также с позиций рассмотрения основ нравственного развития человека тем связан с восходящими к Евангелию духовными и нравственными постулатами, важными для христиан аксиологическими ориентирами. В анализируемом произведении одной из значимых является тема христианской любви. Для убедительности мысли, высказанной об особенностях содержания, указания на широту охвата тематики исследуемых текстов, можно обратиться к сборнику эссе

архимандрита Саввы (Мажуко) «Любовь и пустота», обозначив темы ряда текстов. В сборнике звучат темы молитвы, святости, христианского понимания красоты, борьбы с грехом, достижения спасения души, христианского подвижничества, воцерковления, христианкой аскезы, церковности, христианской любви, духовничества, единения верующих, библейской истории, богословия имени, монашества, церковной общины, христианских добродетелей, христианского понимания счастья, постничества, церковных песнопений, церковных праздников, духовного становления, служения Богу, надежды на Бога, веры и неверия, воспитания в себе любви к ближним, сострадания, важности покаяния, благодарности людям и Богу, стыда, совести, Великого поста, благочестия и другие.

Композиция духовного эссе, как и любого другого, включает в себя проблемный вопрос (или же несколько вопросов), утверждение, аргументацию (аргументов может быть несколько, причем они могут быть разными по своим свойствам), вывод(-ы) или побуждение к тому, чтобы читатель сделал вывод. Обычно в эссе присутствует особый зачин, содержащий вступление в тему; основная часть, в которой разворачивается аргументация (тезис и доказательство); концовка, которая может содержать выводы, обобщения, призывы, вопрошания (используются с целью заставить задуматься) и другие составляющие. В духовном эссе мы видим все указанные компоненты. Специфика же обусловлена присутствием компонентов с религиозным содержанием. Тем не менее следует сказать, что не все компоненты рассматриваемого жанра могут обладать христианским содержанием. Так, анализируемый нами текст начинается с вопроса, который может задать автор нецерковного текста: *Иногда возникает вопрос: почему отношения между самыми близкими людьми оставляют желать лучшего?* Однако все последующие составляющие, которые выводят на аргументацию, указывают на то, что текст можно относить к духовным: *Наглядный пример этому можно найти в Киево-Печерском Патерике, где говорится о Тите и Евагрии; Сложность взаимоотношений с ближними показана и в Евангелии.* Убеждая в том, что отношения с ближними зачастую намного сложнее, чем с дальними (чужими) людьми, автор использует иллюстрации из библейских текстов. Например: *Интересно отметить, что первыми в Вифлеем Иудейский к родившемуся Богомладенцу Христу пришли волхвы с востока (Мф. 2: 1), то есть иноземные мудрецы. Христа Спасителя руками римлян отправили на крестную смерть Его соплеменники, хотя в предшествующее время они хотели ... и сделать царем (Ин. 6: 15).* В завершающей части рассуждений автор пишет: *Но есть еще более высшая мудрость: увидел неладное — помолился.* Этими словами архимандрит Макарий (Веретенников) призывает: не осуждайте

других людей, а молитесь за них, что, конечно же, связано с интенциями разъяснения христианского вероучения, духовно-религиозного просвещения.

Аргументация, как уже было показано ранее, носит религиозный характер и обращает читателей к библейским текстам. Аргументы обращают читателей и к духовному опыту самого автора, а также к русской истории и литературе, часто — к житийным текстам, святоотеческим культурным источникам. Приведем примеры используемых архимандритом Макарием аргументов: 1) *Переходя к окружающей действительности, можно сказать, что всякая наша неприятность имеет первопричину в темной силе, а совершитель недостойного деяния — просто несчастный человек*; 2) *Можно привести интересный исторический пример. После Куликовской битвы в 1382 году последовало нашествие на Русь хана Тохтамыша, который разорил Москву. В летописях сохранилась повесть с описанием бедствия, постигшего стольный град. <...> Князь Димитрий Донской не выступил против хана, но и «не вышел ему навстречу с дарами, а бежал в недостижимые для татар заволжские края. <...> Ненависти «своих» опасался и Дмитрий Донской летом 1382 г. Сыновья Дмитрия Константиновича Суздальского, старинного недруга и соперника Москвы, по приказу отца присоединились к войску Тохтамыша и ждали своего часа*; 3) *Говоря о духовной природе данной проблемы, вспоминаешь мысль Ф. Достоевского, что душа человека — это поле, где диавол борется с Богом за обладание душой и властвование над ней*. Часто в духовных эссе используется аргумент к авторитету (ссылка на «высказывание или поступок авторитетного лица либо текст авторитетного источника (Священного Писания, закона ... известного автора, специалистов)» [Волков, 2013а, с. 183]). Кроме того, востребованным становится сравнительный аргумент («обоснование положения посредством сопоставления данных, смысл или строение которых неизвестны, с данными, которые признаются достоверными и понятными, при этом очевидность общности или сходства рядов данных выступает как основание аргумента, а свойства известных данных — как одна из посылок» [Волков, 2013а, с. 176]). Помимо этого, применяется аргумент к совести (обоснование положения путем апелляции к суждению совести ... указывает, каким именно должно быть это совестное суждение» [Волков, 2013а, с. 194]). Наблюдается использование аргументов к реальности («аргументы, послышки которых содержат апелляцию к принудительной силе обстоятельств, побуждающей принять решение об истинности и правильности положения» [Волков, 2013б, с. 289]). Весьма убедительными являются аргументы к реальности: *необходимо отметить ... следующее наблюдение. Должную оценку*

тем или иным событиям истории дают спустя определенное время, делая ее беспристрастно. Это понятно, так как хорошее лучше видится издали. Использование в качестве доказательства примера также обладает высоким потенциалом с точки зрения убедительности, поэтому в эссе примеры выступают как один из основных способов аргументации. Архимандрит Макарий (Веретенников), использует, в частности, такой пример: *Можно привести исторический пример, относящийся к XVII веку и свидетельствующий о плачевном завершении отношений некогда близких людей. Душевное общение царя Алексея Михайловича и его “собинного” друга, Патриарха Никона, первоначально может быть охарактеризовано как идеал личных отношений ... Но в отличие от предшествующего времени, когда на Первосвященническом престоле был Патриарх Филарет, а на царском — его сын Михаил, ситуация при его сыне, Алексее Михайловиче, не будучи скрепленной родственными узами, завершилась трагично в отечественной истории: по царской инициативе некогда желанный Глава Церкви был осужден соборно и сослан в заточение.*

Используемые христианские образы отличают духовное эссе как особую жанровую форму. Конечно же, эти образы могут встречаться и в иных воплощениях жанра эссе (библейские образы Божиего сада в Эдеме, Ноева ковчега, Вавилонской башни, Земли обетованной, дома, построенного на камне, обладают культуросносными смыслами и высоким стилистическим потенциалом, несут в себе множество ассоциативных приращений). Однако следует сказать, что в жанре «духовное эссе» христианские образы составляют основу круга образов, авторы в большей степени используют именно их. В произведении Макария (Веретенникова) важную роль играют образы Иисуса Христа, Тита и Евагрия, благодарного самарянина, иерусалимского правителя Седекии, милосердного самарянина, волхвов. Приведем пример: ***Христос** на пути в Иерусалим вошел в некую весь на границе между Самариею и Галилею, где Его встретило десять прокаженных мужей. Видя их мольбу, Господь исцелил их. Един же от них, видев, яко изцеле, возвратися, со гласом велиим славя Бога, и паде ниц при ногу Его, хвалу Ему воздая: и той бе **самарянин**. Отвещав же, Иисус рече: Не десять ли очистишася; да девять где? (Лк. 17: 15—17).* Таким образом, только «иноплеменник» пришел выразить **Христу Спасителю** благодарность. Тексты других авторов, например, духовные эссе архимандрита Саввы (Мажуко), также показывают нам представленность христианских образов. Важное текстообразующее значение в произведениях архимандрита Саввы приобретают образы Иисуса Христа, апостола Петра, апостола Павла, пророка Илии, святого Беды Достопочтенного (672—735), преподобного Сергия Радонежского (ок. 1314—1392) и других.

Обратимся к примеру: *Святой Илия несет совершенно исключительную миссию в священной истории. Он — грозный обличитель нечестивого царя Ахава, он же — собеседник Спасителя на горе Фавор, и он же, согласно пророчествам, мученик последних времен, ревнитель веры и истины, которому надлежит быть умерщвленным антихристом. Разве это судьба человека: стать участником истории Церкви в глубокой ветхозаветной древности, беседовать со Христом и увидеть последний эпизод нашей истории?* Христианские образы, представленные в жанре «духовное эссе», — эмблематичная текстовая составляющая, создающая специфику стиля этого вида эссеистского произведения, несущая в себе очень важную смысловую нагрузку, дающая автору возможность передать свои мысли в яркой, художественно насыщенной и понятной форме.

Тактики и стратегии. Основная стратегия, используемая в духовном эссе, — убеждение. Отличием ее использования является сущность и аксиологическая направленность: убеждают авторы в истинности основ христианского учения, необходимости соблюдения заповедей, верности выводов, сделанных христианскими подвижниками на основе своего личного духовного опыта, выводов, сделанных авторами на базе изучения религиозной литературы и анализа различных жизненных ситуаций. Тактики, которые при этом могут использоваться, — сопоставительного анализа, иллюстрирования, указания на перспективу, разъяснения, аргументированной оценки. При применении тактики сопоставительного анализа могут сопоставляться линии поведения людей (оказавшихся в одной ситуации героев литературных произведений (обычно — текстов с христианским содержанием) или исторических событий, знакомых писателю личностей). Так, в анализируемом нами тексте автор сопоставляет особенности поведения в сходной ситуации русского князя Дмитрия Донского и иерусалимского правителя Седекии. Сопоставление должно послужить обоснованию мысли о том, что люди часто претерпевают страдания из-за близких людей, не получают от них необходимых помощи и благодарности. Особенности тактики иллюстрирования связаны с использованием по преимуществу примеров из текстов Библии, житий, святоотеческой литературы. В духовном эссе архимандрита Макария (Веретенникова) мы видим примеры из Евангелия, книги пророка Иеремии, Киево-Печерского патерика. Тактика указания на перспективу обычно включает направление на принятие решений, связанных с духовной жизнью адресата текста. Архимандрит Макарий настраивает, «видя какие-то козни от своих ближних», молиться за них. Тактика разъяснения, используемая в духовном письме, специфична тем, что обычно разъяснением сопровождаются тексты (а также отдельные их части) Ветхого и Нового Заветов, житий свя-

тых, святоотеческой литературы; разъясняются вероучительные истины, духовные смыслы происходящих событий, поступков отдельных людей. Особенность тактики аргументированной оценки заключается в том, что все оценки даются с опорой на христианское понимание происходящего в мире и в жизни отдельного человека, на тексты Библии, работы церковных писателей. В оценке отсутствует так называемое личное мнение, вернее сказать, — *исключительно* личное мнение. В духовном эссе мнение автора полностью соотносится с истинами Евангелия. Иногда эта оценка включает в себя отрезок текста христианского содержания, то есть оценка дается буквально словами Евангелия или иного религиозного произведения христианской культуры: *в силу своей греховности мы хорошо видим в глазу ближнего даже сучок (Мф. 7: 3).*

Репрезентативными лингвостилистическими средствами, отличающими духовное эссе от иных текстов, написанных в жанре эссе, являются прежде всего религионимы (теонимы, агеоантропонимы, библионимы, еклезионимы, христианские геортонимы, языковые единицы, относящиеся к корпусу православной лексики духовно-нравственного содержания и другие). В исследуемом нами произведении встречаются теонимы: *Когда Христос Спаситель однажды пришел во отечествие Свое (Мф. 13: 54), то соотечественники, знавшие Его родственников, блаженяхуся о Нем. Иисус же рече им: Нестъ пророк без чести, токмо во отечествии своем и в дому своем (Мф. 13: 57);* еклезионимы (наименования местностей, названных в честь святых и иных религиозных деятелей, мест совершения таинств и обрядов, мест религиозного поклонения): *Христос на пути в Иерусалим вошел в некую весъ на границе между Самариєю и Галилеєю;* языковые единицы, относящиеся к корпусу православной лексики духовно-нравственного содержания: *в силу своей греховности мы хорошо видим в глазу ближнего даже сучок (Мф. 7: 3);* наименования ангелов: *Человеческие нестроения навеяны отнюдь не Ангелом-хранителем;* наименования евангельских героев: *Христос рассказал ему притчу о милосердном самарянине, с которым иудеи не сообщаются;* наименования ветхозаветных героев: *Аналогию русским событиям исследователь Н. Борисов усматривает в книге пророка Иеремии.* Религионимы создают особый стиль духовного эссе, участвуют в смыслообразовании, усиливают образность, могут служить созданию эмоциональности. Из средств, характерных для всех текстов, написанных в жанре эссе, в исследуемой форме встречаются глаголы речи и мысли, восприятия (а также их атрибутивные формы и образованные от них существительные): *Переходя к окружающей действительности, можно сказать; Говоря же об истории, необходимо отметить* также

следующее наблюдение; ...нужно, чтобы прошло время, необходимое для верного **понимания и осмысления** событий. Помимо того, часто встречаются причинно-следственные, целевые, условные, уступительные и другие подчинительные союзы: **Поэтому в истории нужно, чтобы прошло время, необходимое для верного понимания и осмысления событий, чтобы перестал работать эффект близости; если бы мы больше молились, то меньше бы было зла вокруг нас.** Наблюдается и использование вводных слов и сочетаний: **Кроме того, бывают такие внутренние состояния, когда один человек целыми днями мысленно спорит со своим близким человеком.** Синтаксические особенности духовного эссе, как и иных эссеистских текстов связаны с использованием предложений, осложненных определительными и обстоятельственными оборотами (особую роль здесь играют конструкции с причастными и деепричастными оборотами): **Иерусалимский правитель Седекия, посаженный на престол Иудеи вавилонским царем Навуходоносором, отказался повиноваться своему прежнему покровителю; Седекия не отдает себя на милость Навуходоносора, опасаясь своих соотечественников, которые уже перешли на службу к халдеям.** Помимо этого, синтаксические особенности проявляются в весьма активном применении сложносочиненных, сложноподчиненных и бессоюзных предложений, а также предложений с разными видами связи. Большое значение с точки зрения смыслообразования, убеждения (особенно в части представления аргументов), построения текста имеют сложноподчиненные предложения: **После Куликовской битвы в 1382 году последовало нашествие на Русь хана Тохтамыша, который разорил Москву.**

Интертекстуальное наполнение выделено как отдельный параметр, поскольку оно играет определяющую роль в смыслообразовании, зачастую становится основой аргументации, базой убеждения, утверждения авторской точки зрения, формирует стилистическое своеобразие, зачастую являясь стержнем выражения мнения по тому или иному религиозно-христианскому вопросу. Обычным является использование цитат из Евангелия и иных текстов Библии, а также трудов церковных писателей прошлого и современности. Например: **Седекия более всего боится не чужих, а своих: ...да не предадут мя (халдеи) в руке их, и поругаются ми (Иер. 38: 19).** Основная функция цитаты — аргументативная, однако она выполняет также эстетическую и синдикативную функции. О синдикативной функции важно сказать, что ее особенность связана с духовным сближением автора и адресата, прежде всего, потому что авторы, обращаясь к тем или иным отрезкам значимых религиозных текстов, надеются на

то, что текст будет узан, принят как общий для всех христиан, понятный и ценный.

5. Заключение

Проведенный анализ произведения, написанного архимандритом Макарием (Веретенниковым), позволяет сказать: основаниями для отнесения исследованного текста к жанру эссе являются такие признаки, как малая форма, выдвижение тезиса, который аргументируется в ходе изложения с предъявлением различных доводов, представленность повествования и рассуждения, выражение авторских впечатлений, отражение собственных переживаний, рефлексия по поводу представленных автором событий, постановка проблемы перед читателем, анализ фактов. Духовным данное эссе позволяют назвать такие признаки: религиозно-христианское мировоззрение автора; адресованность читателям, близким христианской культуре; наличие религиозных интенций; развитие тем, связанных с восходящими к Евангелию духовными и нравственными постулатами, важными для христиан ценностями; присутствие в композиции компонентов религиозного характера; аргументация, обращающая читателей к христианским культурным источникам; использование христианских образов; христианская аксиологическая направленность тактико-стратегических комплексов; использование теонимов, библионимов, экклезионимов и других единиц, входящих в комплекс слов религиозной культуры русского языка.

Подводя итоги, остановим внимание на сущности рассматриваемого явления. Духовное эссе — жанр церковно-религиозного стиля: создаваемый священнослужителем и адресованный представителю христианской культуры текст-рефлексия, отражающий личные переживания и впечатления автора. Основными чертами жанра являются: репрезентация интенций, связанных с донесением до адресата сути христианского вероучения; включенность в композицию элементов с христианским содержанием; аргументация, основанная на религиозно-христианских источниках (прежде всего — текстах Библии, житий, трудах христианских богословов); использование христианских образов библейского или агиографического происхождения; доминирование стратегии убеждения, направляющей адресата к христианской системе ценностей; использование репрезентирующих церковно-религиозное мировоззрение лингвостилистических средств — религионимов; наличие интертекстуальных связей с библейскими и иными культурно значимыми текстами христианства. Обращение к духовному наследию русских церковных писателей показывает: духовное эссе может реализовываться как самостоятельный жанр, а также функционировать

как компонент иного жанра. В частности, эссеистские составляющие характерны для духовных дневников (преподобного Никона Оптинского (Беляева), праведного Иоанна Кронштадтского (Сергиева), протоиерея Александра (Шмемана) и др.), биографий и биографических заметок (митрополита Вениамина (Федченкова), священника Сергея Петровского, епископа Арсения (Жадановского) и др.) и воспоминаний (архимандрита Иова (Гумерова), протоиерея Николая (Голубцова), протоиерея Олега (Стеняева) и др.).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Анисимова Е. Е.* Религиозный дискурс : функциональный и антропологический аспекты / Е. Е. Анисимова. — Москва : ФГБОУ ВО МГЛУ, 2019. — 240 с. — ISBN 978-5-00120-058-1.
2. *Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. — Москва : Книга по требованию, 2013. — 444 с. — ISBN 978-5-458-23202-9.
3. *Бондарева Я. В.* Теоретико-методологические основы русской религиозной философии : историко-философский анализ : автореферат диссертации ... доктора философских наук : 09.00.03 / Я. В. Бондарева. — Москва, 2011. — 51 с.
4. *Бузальская Е. В.* Типология русского эссе (лингвокогнитивный аспект) : диссертация ... доктора филологических наук : 10.02.19 / Е. В. Бузальская. — Санкт-Петербург, 2016. — 411 с.
5. *Волков А. А.* Курс русской риторики / А. А. Волков. — Изд. 3-е, исправленное и дополненное. — Москва : Русская панорама ; Кафедра, 2013а. — 416 с. — ISBN 978-5-93165-316-7.
6. *Волков А. А.* Теория риторической аргументации / А. А. Волков. — 2-е издание, испр. и доп. — Москва : Добросвет ; КДУ, 2013б. — 374 с. — ISBN 978-5-98227-836-4.
7. *Гадомский А. К.* Лексикографическое описание терминологии теолингвистики (на примере русского и польского языков) / А. К. Гадомский // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2 : Языкознание. — 2018. — Т. 17. — № 1. — С. 17—28. — DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.1.2>.
8. *Душин О. Э.* История культуры. Культура европейского Средневековья / О. Э. Душин. — Санкт-Петербург : СПбГУВК, 2005. — 93 с.
9. *Кайда Л. Г.* Эссе как жанр в литературе и публицистике / Л. Г. Кайда // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. — 2008. — № 4. — С. 19—24.
10. *Кознова Н. Н.* Жанр эссе в мемуарах писателей / Н. Н. Кознова // Вестник Челябинского государственного университета. — 2011. — № 8 (233). — С. 74—78.
11. *Комарова З. И.* Методология, метод, методика и технология научных исследований в лингвистике / З. И. Комарова. — Москва : ФЛИНТА : Наука, 2016. — 820 с.
12. *Кукуева Г. В.* Лингвопрагматическая модель речевого жанра эссе в интернет-коммуникации / Г. В. Кукуева // Филология и человек. — 2015. — № 3. — С. 29—37.
13. *Лебедева Н. Б.* Естественная письменная русская речь как объект лингвистического исследования / Н. Б. Лебедева // Вестник Барнаульского государственного педагогического университета. — 2001. — № 1—2. — С. 4—10.
14. *Мильруд Р. П.* Эссе как жанр, прием обучения и инструмент педагогического измерения / Р. П. Мильруд, И. Р. Максимова // Язык и культура. — 2020. — № 49. — С. 255—275. — DOI: [10.17223/19996195/49/17](https://doi.org/10.17223/19996195/49/17).

15. Москвин В. П. Методика интертекстуального анализа / В. П. Москвин // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. — 2015. — № 3 (98). — С. 116—121.
16. Постовалова В. И. Теолингвистика в современном гуманитарном познании : истоки и направления / В. И. Постовалова // Хрестоматия теолингвистики : сборник статей. — Ульяновск : Мастер Студия, 2019. — Т. 2. — С. 36—47. ISBN 978-5-6041747-4-6.
17. Смолина, А. Н. Духовное письмо-беседа : жанрово-стилистические особенности / А. Н. Смолина // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. — 2019. — № 9 (142). — С. 144—152.
18. Тепляшина А. Н. Художественно-эстетический эффект современной газетной публицистики / А. Н. Тепляшина // Вестник Санкт-петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. — 2013. — № 3. — С. 266—274.
19. Шмелева Т. В. Модель речевого жанра / Т. В. Шмелева // Жанры речи. — 1997. — Выпуск 1. — С. 88—98.
20. Bizior R. Obraz Boga Ojca w kazaniach 2 połowy XIX w. A kontekst kulturowy / R. Bizior // Język — Szkoła — Religia. — 2016. — Т. 11. — № 3. — С. 70—84.
21. Hyland K. A Genre Description of the Argumentative Essay / K. Hyland // RELC Journal. — 1990. — Vol. 21. — Issue 1. — Pp. 66—78.

REFERENCES

- Anisimova, E. E. (2019). *Religious discourse: functional and anthropological aspects*. Moscow: FGBOU V MGLU. 240 p. ISBN 978-5-00120-058-1. (In Russ.).
- Bakhtin, M. M. (2013). *Aesthetics of verbal creativity*. Moscow: Book on Demand. 444 p. ISBN 978-5-458-23202-9. (In Russ.).
- Bizior, R. (2016). Obraz Boga Ojca w kazaniach 2 połowy XIX w. a kontekst kulturowy. *Język — Szkoła — Religia*, 11 (3): 70—84. (In Pol.).
- Bondareva, Ya. V. (2011). *Theoretical and methodological foundations of Russian religious philosophy: historical and philosophical analysis*. Author's abstract of Doct. Diss. Moscow. 51 p. (In Russ.).
- Buzalskaya, E. V. (2016). *Typology of the Russian essay (linguocognitive aspect)*. Doct. Diss. St. Petersburg. 411 p. (In Russ.).
- Dushin, O. E. (2005). *History of culture. Culture of the European Middle Ages*. Saint-Petersburg. 93 p. (In Russ.).
- Gadomsky, A. K. (2018). Lexicographic description of the terminology of theolinguistics (on the example of the Russian and Polish languages). *Bulletin of the Volgograd State University. Series 2: Linguistics*, 17 (1): 17—28. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.1.2> 8. (In Russ.).
- Hyland, K. (1990). A Genre Description of the Argumentative Essay. *RELJ Journal*, 21 (1): 66—78.
- Kaida, L. G. (2008). Essay as a genre in literature and journalism. *Bulletin of the Moscow University. Series 10. Journalism*, 4: 19—24. (In Russ.).
- Komarova, Z. I. (2016). *Methodology, method, methodology and technology of scientific research in linguistics*. Moscow: FLINT: Nauka. 820 p. (In Russ.).
- Koznova, N. N. (2011). The genre of essays in the memoirs of writers. *Bulletin of the Chelyabinsk State University*, 8 (233): 74—78. (In Russ.).

- Kukueva, G. V. (2015). Linguopragmatic model of the speech genre of essays in Internet communication. *Philology and man*, 3: 29—37. (In Russ.).
- Lebedeva, N. B. (2001). Natural written Russian speech as an object of linguistic research. *Bulletin of the Barnaul State Pedagogical University*, 1—2: 4—10. (In Russ.).
- Milrud, R. P., Maksimova, I. R. (2020). Essay as a genre, a method of teaching and a tool of pedagogical measurement. *Language and culture*, 49. 255—275. DOI: 10.17223/19996195/49/17. (In Russ.).
- Moskvin, V. P. (2015). Methodology of intertextual analysis. *Bulletin of the Volgograd State Pedagogical University*, 3 (98): 116—121. (In Russ.).
- Postovalova, V. I. (2019). Theolinguistics in modern humanitarian cognition: origins and directions. *Anthology of theolinguistics: collection of articles*, 2. Ulyanovsk: Master Studio. 36—47. ISBN 978-5-6041747-4-6. (In Russ.).
- Shmeleva, T. V. (1997). Model of the speech genre. *Genres of speech*, 1: 88—98. (In Russ.).
- Smolina, A. N. (2019). Spiritual writing-conversation: genre and stylistic features. *Bulletin of the Volgograd State Pedagogical University*, 9 (142): 144—152. (In Russ.).
- Teplyashina, A. N. (2013). The artistic and aesthetic effect of modern newspaper journalism. *Bulletin of the St. Petersburg University. Series 9. Philology. Oriental studies. Journalism*, 3: 266—274. (In Russ.).
- Volkov, A. A. (2013a). *Course of Russian rhetoric*. Moscow: Russian panorama; Department. 416 p. ISBN 978-5-93165-316-7. (In Russ.).
- Volkov, A. A. (2013b). *Theory of rhetorical argumentation*. Moscow: Dobrosvet, KDU Publishing House. 374 p. ISBN 978-5-98227-836-4. (In Russ.).

Тюкаева Н. И. Системное моделирование образа автора в текстах одного речевого жанра / Н. И. Тюкаева, К. И. Бринев // Научный диалог. — 2021. — № 10. — С. 153—174. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-10-153-174.

Tyukaeva, N. I., Brinev, K. I. (2021). System Modeling of Author's Image in Texts of One Speech Genre. *Nauchnyi dialog*, 10: 153-174. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-10-153-174. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-10-153-174

Системное моделирование образа автора в текстах одного речевого жанра

Тюкаева Надежда Ивановна¹
orcid.org/0000-0003-3415-0405
кандидат филологических наук, доцент,
кафедра общего
и русского языкознания
tukaewa1@mail.ru

Бринев Константин Иванович²
orcid.org/0000-0001-8824-594X
доктор филологических наук,
профессор, кафедра русского языка
brinevk @yandex ru

¹ Алтайский государственный
педагогический университет
(Барнаул, Россия)

² Хэнаньский университет
(Кайфын, Китай)

System Modeling of Author's Image in Texts of One Speech Genre

Nadezhda I. Tyukaeva¹
orcid.org/0000-0003-3415-0405
PhD in Philology, Associate Professor
Department of General
and Russian Linguistics
tukaewa1@mail.ru

Konstantin I. Brinev²
orcid.org/0000-0001-8824-594X
Doctor of Philology, Professor
Department of Russian
brinevk @yandex ru

¹ Altai State
Pedagogical University
(Barnaul, Russia)

² Henan University
(Kaifeng, China)

© Тюкаева Н. И., Бринев К. И., 2021

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается вопрос о методике описания образа автора в текстах одного речевого жанра в современной лингвистике. Утверждается, что эта методика нуждается в проработке принципов, ориентированных на системное конструирование. Одной из проблем современного жанроведения авторы статьи называют то, что большое количество исследований в этой области в совокупности отражает разноаспектные подходы к описанию «образа автора» в текстах одного жанра. Для объективного описания образа автора выдвигается гипотеза «функционального моделирования автора жанра»: модель системы жанра в гносеологическом описании имеет сложную уровневую структуру. Авторы статьи разрабатывают собственную технологию описания образа автора в текстах одного жанра, определяя эту технологию как эффективную и соответствующую принципам системного подхода к жанровым явлениям. Для того чтобы решить проблему атрибутивного аспекта описания жанра, то есть определить его единицы, продуктивным представляется анализ жанра по так называемой коммуникативно-семиотической модели. В статье предложены пути решения возникающих проблем, касающихся принципов объективистского описания модели автора жанра.

Ключевые слова:

жанры речи; образ автора; автор жанра; моделирование; модель жанра; тип текста.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The question of the method of describing of Author's Image in Texts in modern linguistics is discussed in the article. It is argued that this technique requires the development of principles focused on systems engineering. The authors of the article note that one of the problems of modern genre studies is that a large amount of research in this area in aggregate reflects various approaches to the description of the "image of the author" in texts of the genre. The novelty of the research is seen in the fact that for an objective description of the author's image, the hypothesis of "Functional modeling of the author of the genre" is put forward: the model of the genre system in the epistemological description has a complex level structure. The authors of the article put forward their own development of the technology for describing the image of the author of the genre, defining this technology as effective and consistent with the principles of a systematic approach to genre phenomena. In order to solve the problem of the attributive aspect of describing a genre, that is, to determine its units, it seems productive to analyze the genre according to the so-called communicative-semiotic model. The article proposes ways of solving emerging problems concerning the principles of objectivist description of the author's model of the genre.

Key words:

genres of speech; the image of the author; genre author; modeling; genre model; type of text.

Системное моделирование образа автора в текстах одного речевого жанра и принципы их решения

© Тюкаева Н. И., Бринев К. И., 2021

1. Моделирование образа автора как принцип описания речевого жанра

В настоящей статье поднимается вопрос о сложившихся принципах и методах построения модели речевого жанра (далее — РЖ), определяются некоторые методологические проблемы построения модели «автор в текстах одного речевого жанра» и предлагается способ решения описанных проблем. Считаем важным подчеркнуть, что определение причин «застоя» теории жанроведения позволяет переосмыслить ряд вопросов и наметить пути развития направления.

Объектом нашего научного интереса является «образ автора» в жанроведческом аспекте, то есть признак жанра «автор» как характерный типовой элемент высказывания.

Функционирование РЖ связано с особенностями строения его модели. Коммуникация во многом зависит от того, освоены ли автором и адресатом механизм построения и структура жанра, заложенные в его функциональной модели. Сам выбор автором определенной жанровой конструкции предполагает ее распознавание адресатом и, в свою очередь, «верную» (согласно интенции автора) интерпретацию высказывания. Информативность и функциональность модели РЖ заключаются в расчете автора высказывания на то, что адресат может ориентироваться в речевом событии по небольшой части дискурса, следовательно, осуществить «активизацию соответствующей модели (сценария) и настройку на декодирование типичной формы речи (РЖ)» [Тюкаева, 2019б, с. 211].

Следовательно, описание высказывания в виде структуры позволяет придать предметную направленность типовым признакам текста. Моделирование РЖ нацелено на обнаружение типовой структуры жанра речи как результата естественного сложного взаимодействия автора и адресата высказывания. Установление кода, заложенного в модель РЖ, связано с соотношением стандартной формы текста с типовым (соответствующим форме) содержанием. Распаковывание в гносеологическом плане модели жанра позволяет исследователю конструировать и прогнозировать развитие речевых событий. Понимание детерминированности образования устойчивых связей в структуре жанра между компонентами, в том

числе образом автора и образом адресата [Бахтин, 1986; Болотнова, 2007; Дубровская, 2019; Иванова, 2018; Ким, 2019; Солганик, 2001; Шмелева, 1997 и др.], представляется важным в построении модели РЖ.

2. Методологические проблемы описания образа автора в текстах одного речевого жанра

Первые упоминания термина *образ автора* встречаются в литературоведческих исследованиях. Развитие лингвистической теории, описывающей автора текста, как правило, связывают с именами В. В. Виноградова и М. М. Бахтина [Бахтин, 1986; Виноградов, 1971]. Несмотря на «теоретическое первенство» В. В. Виноградова в использовании термина *образ автора* [Виноградов, 1971], в генристике решение проблем описания образа автора в большей степени связано с концепцией М. М. Бахтина, создавшего диалогическую теорию и обозначившего иерархическую структуру категории «Автор», состоящую из трех ипостасей автора: биографической, первичной и вторичной, где вершина иерархии образуется авторской позицией, воплощенной в сюжетно-композиционной, пространственно-временной и жанровой структуре текста (такого рода описания образа автора чаще касались текстов так называемой «искусственной речи» [Лебедева, 2001, с. 6], то есть художественной литературы, публицистики, деловых документов).

Количество работ, посвященных выявлению жанровых особенностей признака РЖ — «автор», осуществленных в последние десятилетия, свидетельствует о востребованности понятия «образ автора», которое сформировалось как конструктивный, иногда линейный, собирательный, признак текста. «Образ автора» в научных работах чаще представлен в виде очеркового описания (портретирования), где исследователь выявляет информацию об авторе, отраженную в тексте.

Необходимо уточнить вопрос о разведении лингвистической и филологической трактовки понятия «образ автора». Словосочетание *образ автора* как термин используется достаточно долго, что повлияло на «расширение» его значения и появление полисемичности. Важно отметить, что термин *образ автора* в большей степени применим к произведениям художественной литературы, где создается своя семиотика и семантика (в отличие от естественной речи), культура искусственного создания «образа», осмысленного и представленного на уровне героев произведения, что не свойственно естественной речи. Сущность художественного речевого произведения, понимание единиц которого выводимо из условных значимостей культуры, искусства, не может быть соотносима с природой естественной речи, базирующейся на отражательной семиотике повседневности. Таким

образом, возникает оппозиция условного и отражательного содержания противопоставляемых феноменов (искусственная и естественная речь) и их метаязыка, имеющих лишь формальное сходство. Более того, термин *образ автора*, получив широкое распространение в разных аспектах описания, приобрел статус многозначного. Так, термин *образ автора* может обозначать несколько понятий: конкретная личность писателя, повествователь в произведении, художественная личность создателя, автор высказывания и языковая личность, что в коммуникативном аспекте представляет разные явления в структуре высказывания.

Несмотря на сложившуюся традицию обозначать «всеобъемлющее авторское “я” и художественный образ говорящего» [Виноградов, 1971] термином *образ автора*, считаем необходимым развести понятия: «автор текста» и «типовой автор текстов речевого жанра» (ТАТ РЖ). В лингвистических исследованиях вслед за В. В. Виноградовым под термином *образ автора* понимается речевая структура, отражающая создателя произведения. Так, термин *образ автора* закрепился и в генристике. В настоящем исследовании является принципиальным признание того, что в жанроведении под этим термином понимается несколько иное. *Образ автора* в жанроведческом аспекте описания представляется как некий конструкт, который кодирует в жанровой модели информацию об авторе, но не о конкретном авторе текста, а о типовом авторе текстов одного жанра. Т. В. Шмелева в свое время определяла этот феномен так: информация об авторе жанра «как об участнике общения, которая “заложена” в **типовой проект РЖ** (выделено нами), обеспечивая ему успешное осуществление» [Шмелева, 1997, с. 93].

Исходя из этого, предлагаем использовать термин *типовой автор текстов речевого жанра* (ранее мы в своих работах употребляли также термин *автор жанра* (АЖ) и понимать под ним комплекс единиц (признаков жанра), характеризующих автора типового высказывания, выполняющих жанрообразующие функции (типизация, распознавание, идентификация, перевод, диагностика, прогнозирование, нормирование), системно организующих высказывание (моделирующих), детерминирующих единство формы и содержания жанра.

Типовой автор текстов в структуре РЖ выступает как «функционал», актуализированный при соотнесении коммуникативных результатов и названия жанра, ср.: жанр — «жалоба»: автор — «пострадавший»; жанр — «тост»: автор — «тостующий»; жанр — «благодарственное письмо»: автор — «некто благодарный». Важно, что «образы авторов» в перечисленных жанрах могут быть вариативны. В разработанной Н. Б. Лебедевой

коммуникативно-семиотической модели представлены списки признаков «автора жанра» [Лебедева, 2003, с. 98—100].

Анализ работ свидетельствует о том, что, во-первых, характеристика образа автора в РЖ производится методом наблюдения, идентификации, во-вторых, исследователи линейно отображают признаки авторов, но не нацелены на объемное конструирование типового автора, в чем видится основная методологическая проблема описания модели АЖ.

В контексте попыток объективистского моделирования высветилась проблема методологического характера: методика описания типового автора текстов одного РЖ в современном жанроведении нуждается в разработке и применении принципов, ориентированных на системное конструирование.

На методологическом уровне в структуре образа автора, типологически соотносимого с тем или иным РЖ, необходимо разводить два компонента: жанровый и индивидуальный. Индивидуальный компонент представляет тип поведения конкретного автора, его индивидуальные характеристики, проявленные в структуре определенного высказывания. Индивидуальный компонент — это тип поведения автора в различных жанрах (репертуаре жанров), «вытекает из ментально-психологических особенностей личности, данных ей от природы» [Голев, 2006, с. 348], иными словами, тип языковой личности в рамках избранного типа текстов (РЖ). Жанровый же компонент в структуре образа автора представлен как тип коммуникативного поведения, общий для ряда авторов, сформированный под влиянием социальных, культурных и собственно языковых факторов, в отличие от его индивидуальных проявлений.

Исследования, направленные на определение признаков, образующих категорию «автор» в РЖ (в нашей терминологии — ТАТ РЖ), осуществленные в течение последних десятилетий, посвящены изучению процессов формирования образа автора, типологически соотносимого с тем или иным РЖ, выявлению специфических свойств ТАТ определенного жанра. Такие исследования практически всегда предполагают анализ экстра- и интралингвистических факторов по общепризнанным моделям описания РЖ, принятым за образец и ставшим классическими [Вежбицка, 1997; Иссерс, 2008; Ким, 2019; Лебедева, 2001; Тюкаева, 2005; Шмелева, 1997 и др.].

Методика описания РЖ в генристике сложилась по принципу «паспортизации» или «анкетирования», при которых осуществляется определение свойств жанра путем вычленения множества признаков. В таком случае можно говорить, что паспортизация РЖ, реализуемая как описание его по устоявшимся моделям (Т. В. Шмелева, А. Вежбицка, Н. Б. Лебедева,

О. С. Иссерс и др.), основана на поисках соответствий между выделенным комплексом признаков РЖ и его именем, то есть на идентифицировании.

В модели РЖ естественных текстов категория «автор» является одним из важных структурных элементов, иными словами, жанрообразующим компонентом. К настоящему моменту сложившаяся традиция описания типового автора в РЖ [Кайда, 2008; Клушина, 2008; Кожин, 1978; Солганик, 2001; Шмелева, 1997 и др.] свидетельствует о том, что формальная, «формально-количественная паспортизация» [Голев и др., 2015, с. 76] достаточно продуктивна. Основная цель такой методики — выявление совокупности признаков, проявленных как на формальном уровне, так и в количественном показателе. Это отражается в тенденции современной генристики,двигающейся по пути эмпирического интуитивного (базирующегося на опыте, ощущениях) исследования образа автора текстов. Установка на то, что автор высказывания, относящегося к определенному жанру, в исследованиях описывается путем перечисления лингвистических и экстралингвистических характеристик, соотносящих имя жанра и особенности экспликации (иногда импликации) автора в пределах текстотипа (паспортизации), является причиной возникновения множества линейных описаний, не соотносимых между собой.

Примеры «обзорной паспортизации» (обзорного портретирования) автора в текстах того или иного РЖ довольно многочисленны, это, как правило, описания «конкретных» авторов текстов (профессий, возрастов, социо- и психотипов), участвующих в создании определенных РЖ [Болотнова, 2007; Вежбицка, 1997; Дубровская, 2019; Кайда, 2008; Ким, 2019; Клушина, 2008; Солганик, 2008]. Обзорная паспортизация ТАТ РЖ предполагает создание комплекса характеристик, свойственных определенному жанру при воплощении категории автора (лингвистических, экстралингвистических параметров, которые отражаются в языковых особенностях, тематической предрасположенности, социокультурных признаках и проч.). Признаки автора выводятся посредством применения эмпирических методов: интуитивного анализа, наблюдения, концептуального анализа, путем выделения типичного, частотного (формально, лексически выраженного) языкового материала.

Большое количество исследований в совокупности обусловлено различиями подходов к описанию образа автора в речевых жанрах. В этом случае исследователь, двигаясь от попыток выявления замысла автора к формам его реализации, сконцентрирован на определении жанровых конструктов, отраженных в сознании человека. Решение заявленных проблем связано с установлением такого понятия, как жанровое мышление, и поиском вербальных структур, ассоциирующихся с жанровыми признака-

ми [Долгина, 2018; Кремшюкалова, 2013; Тарасова, 2018; Токарева, 2016, Шаталова, 2018]. До настоящего момента не разработана имеющая объяснительную силу, объективная методика определения замысла говорящего / пишущего [Кайда, 2008; Каминская, 2009]. В связи с этим методика описания жанра, основу которой составляет целевой параметр, обречена на движение в сторону субъективного отражения знания, опору на опыт и интуицию исследователя или носителей языка. Так, исследователь (без выработанной объективной методики) определяет замысел автора на основе того, каким будет результат высказывания, реакция адресата или какой была бы цель высказывания у самого исследователя, если бы он обратился к описываемому жанру.

В данном отношении нужно отметить, что «два человека, принадлежащих к различным концептуальным схемам, не смогут поставить в истинное соответствие свои мнения, желания, надежды и фрагменты знания» [Дэвидсон, 2003, с. 263].

Так, возникая на конференции среди лингвистов дискуссия по поводу интерпретации интенции автора фразы «*Надя, я тебя люблю*» в студенческом граффити (хулиганство (так как в такой форме в истинных чувствах не объясняются) или возможность объясниться в истинных чувствах (так как текст «открыт» и автор надеется на то, что адресат прочтет иотреагирует)) наглядно демонстрирует субъективность опыта. Возможно, в случае типовой реализации жанра опыт исследователя может послужить опорой для объективного отражения фактов, но это требует дополнительных проверок.

Можно сделать вывод о том, что сложность изучаемого объекта (ТАТ РЖ), формирующих его факторов в онтологическом аспекте и разнообразие трактовок целевых установок автора, анализируемых в большей степени на основе интуитивного движения от результата коммуникации к установлению ее цели в области жанромоделирования, в гносеологическом аспекте, неизбежно приводит к множеству оснований для типологизации объекта.

Иными словами, результатом обзорной паспортизации является конгломерат атрибутов (поле признаков) автора текстов одного жанра, рассматриваемый изолированно от прочих. Современная методология описания образа автора не ориентирована на обнаружение соотношений выделенных признаков одного типового автора с признаками ТАТ других жанров, что влечет за собой появление множества описаний образа автора в том или ином РЖ, замкнутых на самих себе, не дающих нового импульса к развитию теории. Традиционно при определении пучка признаков категории автора в РЖ используются методы когнитивного, лексического, коммуни-

кативного анализом, в то время как сопоставительный метод не привлекается. Более того, часто при таком подходе исследователь в методическом плане не застрахован от включения в модель типового автора индивидуальных (нетипичных, но встречающихся в текстах определенного жанра) признаков текста. Среди признаков ТАТ РЖ могут оказаться признаки языковой личности (далее — ЯЛ), так как методика описания еще не выработала механизм разграничения этих признаков. Закономерным следствием разноаспектного изучения и разностороннего (неузконаправленного) описания категории автора в РЖ является создание множества не соотносимых между собой паспортов автора, что обусловлено онтологической сложностью изучаемого объекта. Онтологически РЖ представляет собой весьма сложную динамическую модель, включающую экстралингвистические и лингвистические признаки, разнообразные аттракторы, дискурсивные «дистрибуции», процессуальные парадигмы, функциональные признаки.

3. Принципы функционального моделирования типового автора текстов того или иного речевого жанра

Основанием настоящего исследования является теоретико-методологический подход в области теории речевых жанров, выработанный отечественными и зарубежными лингвистами (М. М. Бахтиным, А. Вежбицкой, Н. Д. Голевым, В. В. Дементьевым, Н. Б. Лебедевой, Т. В. Шмелевой и др.).

Методологическая основа исследования базируется на системно-функциональном подходе к построению модели речевого жанра, который дает возможность системно представить единицы жанра, в частности образ автора, сквозь призму систематических категорий (субстанция, функция, детерминированность и др.). Теоретическое обоснование принципов системного моделирования категории автора позволяет сформировать понятие ТАТ РЖ как совокупность языковых элементов, выступающих конструктивной единицей жанра, и разработать принципы определения этих элементов, а также методы их реконструкции на базе анализа текстовой субстанции.

Исходя из вышесказанного и придерживаясь логики объективного описания образа автора, необходимо осуществить попытку функционального моделирования ТАТ РЖ; где текст конструируется из ряда фациентов (признаков РЖ), которые, в свою очередь, представляют также конструкт, состоящий из комплекса единиц-признаков. Такая единица-признак, условно обозначенная нами как «модуль фациента» (конструкты фациента, в концепции Н. Б. Лебедевой — «параметры», один из которых «автор») или как инвариант модуля «автор», представлена семиотическими конструктами, в том числе речевыми фактами, имеющими значение и значимость

в пределах жанра (подробнее об этом [Тюкаева, 2019а, с. 195]). Попытки определения значения фациентов так называемой «естественной письменной речи» предпринимались нами ранее, они выстраивались в координатах «ядро — периферия» [Лебедева, 2003; Тюкаева, 2005; Лебедева, 2011], при этом выполнялись задачи опознавания ТАТ РЖ и поиск принципов выражения жанрового значения. Возможно, модель жанра целесообразно конструировать по принципу функционального поля, но этот момент требует отдельного размышления и выходит за рамки настоящей статьи.

4. Методика функционального моделирования ТАТ речевого жанра

В качестве продуктивной технологии описания типового автора РЖ разрабатывается универсальная методика «функционального моделирования», которая позволит конструировать естественные письменные РЖ и их модули на основании регулярности и обязательности. Универсализм разрабатываемой методики заключается в представлении категории автора в качестве знака (семиотический подход). Избранный аспект исследования позволяет описать РЖ и его модуль, ТАТ РЖ, в виде искусственно созданной модели, которая может быть помещена в определенную обстановку, с возможностью реконструкции функционирования по принципу действий «реального» автора в свойственной избранному жанру коммуникативной ситуации. Разрабатываемый нами метод моделирования категории «автор» может быть ориентирован на реализацию в виде программы искусственного интеллекта, способной к производству текстов определенного РЖ; подобная задача уже ставилась лингвистических кругах [Осипов, 2011; Панферов, 2014].

Функциональное моделирование РЖ предполагает множество этапов. Опишем некоторые из них.

Для решения проблем атрибутивного аспекта разработаны несколько востребованных в современной генристике схем-параметров описания РЖ [Шмелева, 1997; Вежицка, 1997; Иссерс, 2008]. Наиболее продуктивной представляется так называемая «коммуникативно-семиотическая модель» (далее КСМ) Н. Б. Лебедевой [Лебедева, 2001, с. 6—12], так как она освещает «большее количество признаков высказывания, учитывая максимальное число элементов ситуации, конституирующих РЖ» [Лебедева, 2001, с. 8]. Подробнее об этом см. в нашей работе [Тюкаева, 2019а, с. 198]. Подчеркнем, мы остановились на КСМ, которая перекликается с моделями Т. В. Шмелевой и А. Вежицкой, так как в ней более детально дается план описания образа автора в РЖ.

Для реализации метода функционального моделирования категории автора заслуживает внимания разработанная Н. Б. Лебедевой в КСМ схе-

ма фациента — «автор» как универсальный план описания автора текста в жанровом аспекте. Эффективность описания образа автора в РЖ по схеме Н. Б. Лебедевой заключается в использовании установленных схем и методик. Так, фациент «автор» предлагается описывать по следующей схеме: 1) количество; 2) эксплицированность; 3) пол; 4) возраст; 5) социологические характеристики; 6) психологические характеристики [Лебедева, 2001, с. 10].

Объективность репрезентации фациента «автор» достигается путем вписывания характеристик типового автора текста в том или ином РЖ в оппозицию значение / значимость [Тюкаева, 2019, с. 193].

Исследования в области генристики в аспекте описания параметра «автор» сводятся к тому, что изучение процессов формирования автора, выявление его конструктов и функционала в пределах РЖ, определение его речевых особенностей практически всегда предполагают анализ факторов, формирующих речеповеденческую деятельность автора текста на базе частотности, идентификации, портретирования, атрибуции, о чем говорилось выше.

С учетом вышесказанного представляется необходимой разработка параметров *системного моделирования* с целостной методологией описания и анализа структурных факторов типового автора текстов одного РЖ с целью выведения его функциональных особенностей. В этом отношении стремление к разработке объективистской методологии моделирования ТАТ РЖ приводит к движению в сторону лингвоэкспертной методологии: анализу по установленным схемам с минимальной опорой на опыт и интуитивные предположения исследователя. Истолкование и прогнозирование целей коммуникации и процессов дешифровки иллокуции ТАТ РЖ возможно в виде выявленного системным способом спектра функциональных возможностей жанра (в частности, вариантов возможных иллокуций, свойственных жанру).

Очевидно, анализ ТАТ РЖ, направленный на моделирование его объективной структуры как модуля РЖ, в основу которого заложено движение от цели высказывания, представляется крайне затруднительным. Это связано с тем, что спектр иллокуций стремится к бесконечности. Жанровый и индивидуальный аспекты коммуникативной цели трудно различимы в субстанции текста, иногда вектор коммуникативной цели оказывается разнонаправленным: так, предположительно, одной из причин коммуникативной неудачи может являться «неверно» (с точки зрения иллокуции) выбранный автором жанр высказывания. В связи с этим высвечивается одна из функций РЖ и его компонент ТАТ РЖ — узнавание и, как следствие, понимание.

Процесс моделирования жанра предполагает выяснение механизма стандартизации речи жанровыми конструктами, а значит — маркирование типовых языковых сегментов текста: семантики, содержащей стандартный набор «глубинных смыслов» [Бахтин, 1986, с. 364], единиц, выступающих в знаковой функции, фациентов, опредмеченных в тексте. Иными словами, РЖ и его структурный элемент ТАТ РЖ — структурное текстовое устройство, запускающее механизм распаковывания заложенного в него жанрового смысла в субстрате текста через соотнесение его со структурой, свойственной определенному типу высказываний.

В рамках нашего описания ТАТ РЖ рассматривается как комплекс рече-семиотических особенностей, на основе которых моделируется ТАТ конкретного РЖ.

Логика системного описания категории автора предполагает анализ его признаков сквозь призму системных категорий, применяемых в общей теории систем: единиц, систем, функций, субстанций, надсистем, детерминант, адаптаций [Голев, 2004, с. 6].

Следуя предложенной логике, определим первый шаг разрабатываемой методики описания ТАТ РЖ, который ориентирован на выявление всех элементов (единиц) системы автора текста (мы отталкиваемся от понимания ТАТ РЖ как системы семиотических признаков, оязыковленных в тексте). В этом случае можно говорить о применении метода формально-количественного обнаружения списка признаков ТАТ РЖ, который представляет наиболее частотные характеристики автора, свойственные описываемому жанру. Такая работа осуществлена на примере ряда жанров естественной письменной русской речи (далее ЕПРР) [Лебедева, 2011; Тюкаева, 2005].

Поясним принцип выбора материала исследования. Мы опираемся на тексты ЕПРР, что обусловлено фактом содержания в этой разновидности высказываний компонентов, реализующих «не профессиональные» (в отличие от жанров литературного, официально-делового, публицистического, научного стилей), но естественные нормы функционирования жанровых форм, экспликация которых позволяет извлечь информацию о структуре, функционале и генезисе естественных (созданных непрофессионально, искусственно) жанровых структур.

Заострим внимание на том факте, что анализ жанров ЕПРР показывает наличие норм, типов, устойчивых структур, которые находятся в процессе саморегуляции, самоидентификации, без вмешательства внешних факторов (нормативных актов, регламентирующих организаций и проч.). Иными словами, интерес к жанрам ЕПРР со стороны лингвистики вызван тем, что ЕПРР — это система, в которой без предписаний, обучений, ре-

гулирований существуют нормы, стандарты, отраженные в письменных высказываниях, чувствуются и регламентируются естественным образом носителями языка в онтологическом аспекте. Описание системы ЕПРР — задача лингвиста в гносеологическом плане. В стремлении к объективному отражению параметров жанра мы останавливаемся на объекте ЕПРР, где естественным образом сформированы и сохранены стандарты речи — РЖ. Письменная форма фиксации позволяет проводить исследование без учета дискурсивных наложений на структуру высказывания, так как факт отсутствия прямого взаимодействия между автором и адресатом в процессе создания высказывания позволяет квалифицировать «чистоту» (без помех или неожиданных изменений) коммуникативной ситуации в процессе кодировки, принципов декодирования информации и интерпретации жанровых данных, заложенных в модель РЖ.

Следующий этап моделирования ТАТ РЖ предполагает выявление значимых единиц в жанровой структуре.

Определение единицы «автор» в модели жанра связано с тем, что автор высказывания онтологически представлен в виде необходимой и неизбежной взаимосвязи «персональных» и «социальных» признаков в пространстве текста как носитель совокупной информации об особенностях как отдельной конкретной ЯЛ (персонологические, индивидуальные черты), так и типового автора применительно к данному РЖ. В этом случае термин *социальный* (*типовой, жанровый, коллективный*) использован для обозначения признаков, противопоставленных по параметру социальный / индивидуальный, таких как «персонологический», индивидуальный, авторский, личностный. Проблема заключается в том, что в каждом тексте имплицитно и эксплицитно содержится информация как о ЯЛ, так и о ТАТ РЖ, эти сведения тесно переплетены в ткани высказывания.

В гносеологическом аспекте необходимо разработать методику разграничения и разведения перечисленных структур.

В фокусе нашего внимания оказывается структура типового (понятие «типовой» в настоящем исследовании связано с понятием «жанровый», как признак проявленности некоего стандарта по отношению к высказыванию) автора (ТАТ, детерминированного «социальными» признаками), отображенного как специфический комплекс факторов текста, характеризующий его продуцента, воспроизводимый всякий раз в конкретном жанре. Важно отметить, что до настоящего момента такое понимание ТАТ РЖ явно не было сформулировано в жанроведении, в связи с этим среди множества описаний типового образа автора, реализованного в текстах одного жанра, не представлено какой-либо методики упорядочения характеристик автора текста по признаку индивидуальные (персональные) / «социаль-

ные» характеристики, что было бы важно с целью разведения двух диалектически совмещенных аспектов высказывания. В понимании онтологии объекта референция автора высказывания совмещает индивидуальные и типовые особенности речи, которые могут иметь изоморфную структуру, учитывая факт стремления типов ЯЛ к определенным РЖ, однако для построения объективной модели категории автора в РЖ необходимо провести процедуру разведения этих фактов на гносеологическом уровне. Для исследователя необходимо решить проблему разграничения фактов языка, характеризующих ЯЛ и ТАТ РЖ.

В соответствии с вышесказанным выдвигается гипотеза формально-трансформационного моделирования: текст определенного РЖ содержит типовую структуру автора, имеющую внутренний (глубинный) и внешний (поверхностный, формальный) модули, которые выражены контрастными данными по отношению к типовым структурам автора в текстах другого жанра и могут являться идентификаторами ТАТ РЖ как структурного компонента РЖ. Соответственно, полярное оппозиционное изменение типовой структуры автора в РЖ влечет деструктуризацию, разрушение РЖ. Иными словами, изменение модуля (в нашем случае категории «автор» в РЖ), состоящего из «закодированного» сочетания языковых и экстралингвистических компонентов, приведет к изменению значения, идентификации и функции жанра.

В этом случае можно говорить о применении метода идентификационной или функциональной проверки контрастно-опозиционным способом. Необходимо отметить, что такой метод в дальнейшем предполагается использовать с целью верификации полученных результатов.

Безусловно, возможно использование методики, основанной на другом принципе, например, дифференциация личностных и социальных характеристик высказывания путем вычленения персонологических признаков текста, если такие методики имеются. Здесь уместно вспомнить высказывание Н. Д. Голева, касающееся проблемы определения методики описания ЯЛ: «Очерковое представление ЯЛ предполагает ... создание “разовой” методики описания» [Голев, 2016, с. 79]. В соответствии с этим можно говорить, что вопрос о создании универсальной методики определения персонологического компонента текста в настоящий момент до конца не разработан, тем не менее анализ исследований в области лингвоперсонологии свидетельствует о том, что опыт изысканий в этом направлении имеется, см. работы: [Голев и др., 2015; Иванцова, 2010; Лебедева и др., 2015; Тюкаева, 2015].

Мы больше ориентированы на формально-трансформационное моделирование. Приведем пример апробации разрабатываемого метода. Выделенный признак ТАТ РЖ «студенческое граффити» — тип автора «молодой» (выделен нами [Тюкаева, 2005, с. 87]) соотносится с ТАТ РЖ: «девичий альбом», «девичий дневник», «армейский альбом», «армейское письмо», «чат», «в контакте» и др. субстанционально. В субстанциональном аспекте (реальный типовой автор в РЖ) эти жанры создают молодые люди в возрасте 15—22 лет. В языковом плане ТАТ РЖ «молодой» характеризуется комплексом признаков. Описывая жанр «студенческое граффити», мы их выразили формулами: «желающий», «отрицающий», «влюбленный», «играющий». Для доказательства наличия такого типа АТ РЖ необходимо соотнести языковые признаки перечисленных жанров.

Характеристика модуля «возраст автора» имеет относительную частотность в диапазоне «взрослый» (например, в жанре «мемуары»), отличаясь рядом признаков (тема, композиция, лексические средства, стиль, динамика и проч.) от контрастного типа «молодой» на субстанциональном и языковом уровнях. Типовые тематические характеристики ТАТ РЖ «пожилой»: «ключевые события жизни», архисема «время», выраженная частотными лексемами: год, время, месяц, время года.

Соответственно, тип автора «взрослый» будет входить в модуль ТАТ РЖ «мемуары», если: а) тип автора «взрослый» встречается в одном и том же «поле признаков» (тема, композиция, лексические средства и проч.) в других жанрах с подобным автором; б) замена его на оппозиционный (контрастный) тип, в частности «молодой», со свойственным ему «полем признаков» (тема, композиция, лексические средства, стиль, динамика и проч.) повлечет за собой изменение функции как ТАТ РЖ, так и РЖ в целом. Измерение или наблюдение за изменением функции автора предполагается проводить экспериментальным путем.

На первом этапе необходимо определить атрибутивный параметр ТАТ РЖ. При соотношении признаков среди жанров, характеризующихся ТАТ РЖ «молодой», наиболее частотным оказался признак темы — «любовь», выраженный частотной фразой *Я люблю* и лексемой *люблю*. Данные языковые признаки характеризуют ТАТ РЖ «граффити» (см. [Тюкаева, 2005]). Следующий этап — трансформационный: трансформируем признак ТАТ РЖ «молодой» на «взрослый» (ТАТ РЖ «взрослый» реализован в РЖ «мемуары», описан нами [Тюкаева, 2005]).

Первый путь: метод экстралингвистической замены. Этап экстралингвистической трансформации предполагает изменение дискурсивных, ситуативных характеристик ТАТ РЖ. Допустим, что за написанием текста (*Я люблю...*) на парте (типичное проявление признака — «на чем» для

жанра граффити) застигнут пожилой человек. Эксперимент предполагает выяснение значения фразы испытуемыми либо объяснение участниками эксперимента коммуникативной ситуации с участием «взрослого» ТАТ РЖ. Предполагается, что ответы, характеризующие в той или иной форме нестандартность ситуации, отхождение от норм, позволят квалифицировать закрепленность за РЖ «графффити» ТАТ РЖ — пишущий о любви на парте, на поверхностях, не предназначенных для написания.

Показатель реализации функций ТАТ РЖ «пожилой» может быть получен в результате эксперимента, проведенного в молодежной среде. Так, описанная выше ситуация задается испытуемым, который, отвечая на сформулированные вопросы, прогнозирует развитие коммуникативной ситуации, выявляя внешние признаки ТАТ РЖ. Предполагаемые вопросы испытуемым: Что будет написано (измерение параметра тема ТАТ РЖ «взрослый»)? Кому будет адресована надпись (измерение параметра адресат)? и под. Частотность совпадений / несовпадений позволит соотнести данный параметр по шкале типично / нетипично для ТАТ РЖ «пожилой». Гипотезой эксперимента является следующее утверждение: экстралингвистическая трансформация ТАТ РЖ влечет трансформацию цели РЖ (в настоящий момент производится экспериментальная работа на базе университетов Алтайского края).

Второй способ определения структуры ТАТ РЖ — трансформация лингвистической составляющей. Выделенные лингвистические признаки ТАТ РЖ «графффити» нужно попробовать заменить на лингвистические признаки оппозиционного ТАТ РЖ «мемуары». Так, если на стене гаража написать текст с сохранением признаков ТАТ РЖ «мемуары» (предположительно: тема, композиция, тип повествования, выделены нами, Тюкаева, 2005) и опросить прохожих об их реакции; записать тот же текст на бумаге и опросить испытуемых в следующем ключе: Где возможно встретить такой текст? Какого возраста автор текста? Какова цель автора текста? и под., — то частотность встречающихся в ответах «субстратов» и «возрастов», соотносимых с ТАТ РЖ «молодой», будет свидетельствовать о принадлежности этого содержания жанра к ТАТ РЖ «графффити». Подобный эксперимент проведен в рамках исследовательской работы, первичный результат подтвердил выдвигаемую гипотезу (подробнее об этом см. [Тюкаева, 2019]). Гипотеза такого эксперимента следующая: реконструкция трансформированных компонентов РЖ в текстовом субстрате способна верифицировать структурные компоненты ТАТ РЖ.

Согласно нашему предположению, в некоторых жанрах субстрат ТАТ РЖ (тип неязыкового автора, тяготеющего к использованию того или иного

РЖ) может входить в содержание характеристик ТАТ РЖ, так как его особенности напрямую коррелируют с признаками ТАТ РЖ.

5. Заключение

Необходимость предпринятого исследования обусловлена потребностью осознания возникающих противоречий при описании типового автора текстов одного речевого жанра. Одной из проблем современного жанроведения является то, что большое количество исследований в этой области в совокупности отражает разноаспектные подходы к описанию категории автора в РЖ, в результате чего жанроведение как направление лингвистики испытывает некую стагнацию, отмеченную рядом жанроведов.

В настоящей статье предпринята попытка описания методологических причин остановки развития направления на примере описания категории ТАТ РЖ. В качестве решения проблем предлагается использовать трансформационно-оппозиционный метод, который разрабатывается нами как продолжение дистрибутивных процедур с использованием принципа трансформационного метода З. Харриса в условиях жанровой конструкции. На настоящем этапе решается проблема поиска элементарной единицы жанра. Принцип трансформационно-оппозиционного анализа заключается в следующем: каждый признак, выделенный эмпирическим путем (обзорной паспортизацией), подвергается соотносительному и трансформационному типам анализа. Соотносительный анализ предполагается производить посредством сопоставления выделенного признака с подобными характеристиками, проявленными в других жанрах. Трансформационный анализ предлагаем проводить путем изменения выделенного признака на противоположный (экстралингвистический и языковой) и экспериментальным путем верифицировать результаты эмпирического исследования. Предполагается, что при трансформации инвариантного, типового признака образа автора РЖ изменяется вся модель ТАТ РЖ, что влечет перестройку и самого РЖ. Разрабатываемая нами методика была частично апробирована на описании жанра «студенческое граффити» [Тюкаева, 2005].

В основе трансформационно-оппозиционной методики лежит идея закрепленности за модулями ТАТ РЖ комбинаторной и контрастивной функций, отображаемых в процессе изменения контекста (жанра) и / или чередования модулей.

Считаем важным подчеркнуть, что определение причин возникновения теоретических и практических проблем в жанроведении и предложение методологических изменений в исследовательских практиках при описании РЖ (цель настоящей статьи) могут дать импульс к развитию теории

и методологии описания жанров. Предложенный принцип описания ТАТ РЖ постулируется как метод объективного моделирования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров / М. М. Бахтин // Эстетика словесного творчества изд. 2-е. — Москва : Искусство, 1986. — 430 с.
2. Болотнова Н. С. Филологический анализ текста / Н. С. Болотнова. — Москва : Флинта, 2007. — 502 с. — ISBN 978-5-9765-0053-2.
3. Вежибица А. Речевые жанры / А. Вежибица // Жанры речи : Сборник научных статей. — Саратов : Колледж, 1997. — Выпуск 1. — С. 99—112. — ISBN 5-900641-79-1.
4. Виноградов В. В. О теории художественной речи / В. В. Виноградов. — Москва : Высшая школа, 1971. — 233 с.
5. Голев Н. Д. Лингвоперсонологические аспекты русского метаязыкового сознания / Н. Д. Голев // Лингвоперсонология : типы языковых личностей и личностно-ориентированное обучение. — Барнаул : Издательство Алтайской педагогической академии, 2006. — С. 342—353. — ISBN 5-88210-360-6.
6. Голев Н. Д. Языковая личность, антропотекст и лингвоперсонологическая гипотеза языка / Н. Д. Голев // Филология : XXI в. (теория и методика преподавания). — Барнаул : Издательство Алтайской педагогической академии, 2004. — С. 4—9.
7. Голев Н. Д. Формально-количественное моделирование языковой личности : идентификационный аспект / Н. Д. Голев Г. В. Напреенко // Языковая личность : моделирование, типология, портретирование. Сибирская лингвоперсонология. — Москва : Ленанд, 2016. — С. 76—93.
8. Долгина Е. С. Проблема дефиниций «Утопия» и «Научная фантастика» в историческом дискурсе / Е. С. Долгина // Мир науки, культуры, образования. — 2018. — № 6 (37). — С. 32—33.
9. Дубровская Т. В. «Любови достойна только память и Гелендваген 5.5» : пацанская лирика как жанр молодёжного интернет-дискурса / Т. В. Дубровская // Жанры речи. — 2019. — № 1 (21). — С. 56—65. — DOI: 10.18500/2311-0740-2019-1-21-56-65.
10. Дэвидсон Д. Об идее концептуальной схемы / Д. Дэвидсон // Истина и интерпретация. — Москва : Праксис, 2003. — С. 258—277. — ISBN 5-901574-30-3.
11. Иванова М. В. Публицистика в истории русского литературного языка : от древнерусской словесности к интернет-коммуникации / М. В. Иванова, Н. И. Клушина // Вестник РУДН. Серия : русский и иностранные языки и методика их преподавания. — 2018. — Т. 16. — № 1. — С. 50—62. — DOI: 10.22363/2313-2264-2018-16-1-50-62.
12. Иванцова Е. В. Лингвоперсонология : Основы теории языковой личности : учебное пособие / Е. В. Иванцова. — Томск : Издательство Томского университета, 2010. — 160 с. — ISBN 978-5-7511-1935-5.
13. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. — Москва : Лки, 2008. — 284 с. — ISBN 978-5-382-00698-7.
14. Кайда Л. Г. Эссе как жанр в литературе и публицистике / Л. Г. Кайда // Вестник Московского университета. Серия «Журналистика». — 2008. — № 4. — С. 19—24.
15. Каминская Т. Л. Адресат в массовой коммуникации : монография / Т. Л. Каминская. — Великий Новгород : Новгородский университет, 2009. — 166 с. — ISBN 978-5-89896-343-9.

16. *Ким Л. Г.* Дотекстовые ожидания адресата как фактор вариативности интерпретации политического текста / Л. Г. Ким, Е. С. Беляева // Вестник Томского ун-та. Филология. — 2019. — № 57. — С. 48—62. — DOI: 10.17223/19986645/57/3.
17. *Клушина Н. И.* Интенциональные категории публицистического текста (на материале периодических изданий 2000—2008 гг.) : диссертация ... доктора филологических наук : 10.01.10 / Н. И. Клушина. — Москва, 2008. — 324 с.
18. *Кожин В. В.* Проблема автора и путь писателя (на материале двух повестей Юрия Трифонова) / В. В. Кожин // Контекст-1977 : Литературно-теоретические исследования. — Москва : Наука, 1978. — С. 23—47.
19. *Кремшокалова М. Ч.* Благопожелания и проклятия как малые жанры устной речи (когнитивно-дискурсивный анализ) / М. Ч. Кремшокалова. — Нальчик : К-Б университет, 2013. — 236 с. — ISBN 978-5-93680-702-2.
20. *Лебедева Н. Б.* Естественная письменная русская речь как объект лингвистического исследования / Н. Б. Лебедева // Вестник БГПУ. Серия. Гуманитарные Науки. — 2001. — № 1. — С. 6—12.
21. *Лебедева Н. Б.* «Жанры естественной письменной речи. Студенческое граффити, маргинальные страницы тетрадей, частная записка» / Н. Б. Лебедева, Е. Г. Зырянова, Н. Ю. Плакшина, Н. И. Тюкаева. — Москва : Красанд, 2011. — 256 с. — ISBN 978-5-396-00286-9.
22. *Лебедева Н. Б.* К построению жанровой типологии (на материале естественной письменной русской речи) / Н. Б. Лебедева // Естественная письменная русская речь : исследовательский и образовательный аспекты. — Барнаул : Издательство БГПУ, 2003. — Ч. II. — С. 91—100.
23. *Лебедева Н. Б.* Лингвоперсонологическое варьирование в жанре «медицинская карта амбулаторного больного» / Н. Б. Лебедева, Г. Ф. Галкина // Языковая личность : Моделирование, типология, портретирование. Сибирская лингвоперсонология / под ред. Н. Д. Голева, Н. В. Мельник и С. В. Оленева. — Москва : Ленанд, 2015. — Выпуск 2. — С. 271—281.
24. *Осипов Г. С.* Методы искусственного интеллекта / Г. С. Осипов. — Москва : Физматлит, 2011. — 296 с.
25. *Панферов В. Н.* Объективация психических явлений / В. Н. Панферов // Вестник Герценовского университета. — 2014. — № 2. — С. 76—87.
26. *Солганик Г. Я.* Автор как стилиобразующая категория публицистического текста / Г. Я. Солганик // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. — 2001. — № 3. — С. 74—83.
27. *Тарасова И. А.* Жанр в когнитивной перспективе / И. А. Тарасова // Жанры речи: сборник научных статей. — 2018. — № 2 (18). — С. 85—90. — DOI: 10.18500/2311-0740-2018-2-18-88-95.
28. *Токарева Г. А.* Жанровое мышление новейшего времени и проблема резонансного диалога в лирике / Г. А. Токарева // Международный научно-исследовательский журнал. — 2016. — № 8 (50) Часть 5. — С. 140—143. — DOI: 10.18454/IRJ.2016.50.200.
29. *Тюкаева Н. И.* Моделирование речевого жанра : формально-функциональный аспект (на примере текстов Естественной письменной русской речи) / Н. И. Тюкаева // Культура и текст. — 2019а. — № 2 (37). — С. 189—200.
30. *Тюкаева Н. И.* Обоснование принципов системного моделирования жанра (на примере текстов естественной письменной речи) / Н. И. Тюкаева // Культура и текст. — 2019б. — № 3 (38). — С. 206—224.

31. Тюкаева Н. И. Студенческое граффити как жанр естественной письменной русской речи : диссертация ... кандидата филологических наук / Н. И. Тюкаева. — Барнаул : АлтГПА, 2005. — 229 с.
32. Шаталова Л. С. Когнитивно-дискурсивные характеристики текстов информативно-аналитических жанров военной речи / Л. С. Шаталова, Н. С. Шаталова // Мир науки, культуры, образования. — 2018. — № 2 (69). — С. 641—646.
33. Шмелева Т. В. Модель речевого жанра / Т. В. Шмелева // Жанры речи : сборник научных статей. — 1997. — Выпуск 2. — С. 88—98.

REFERENCES

- Bakhtin, M. M. (1986). The problem of speech genres. In: *Aesthetics of verbal creativity*. Moscow: Art. 430 p. (In Russ).
- Bolotnova, N. S. (2007). *Philological analysis of the text*. Moscow: Flint. 502 p. ISBN 978-5-9765-0053-2. (In Russ).
- Davidson, D. (2003). About the idea of a conceptual scheme. In: *Truth and interpretation*. Moscow: Praxis. 258—277. ISBN 5-901574-30-3. (In Russ).
- Dolgina, E. S. (2018). The problem of definitions of “Utopia” and “Science fiction” in historical discourse. *The world of science, culture, and education*, 6 (37): 32—33. (In Russ).
- Dubrovskaya, T. V. (2019). “Only memory and Gelendvagen 5.5 are worthy of love”: boy lyrics as a genre of youth Internet discourse. *Genres of speech*, 1 (21): 56—65. DOI: 10.18500/2311-0740-2019-1-21-56-65. (In Russ).
- Golev, N. D. (2004). Linguistic personality, anthropotext and linguopersonological hypothesis of language. In: *Philology: XXI century (theory and methodology of teaching)*. Barnaul: Publishing House of the Altai Pedagogical Academy. 4—9. (In Russ).
- Golev, N. D. (2006). Linguopersonological aspects of Russian metalanguage consciousness. In: *Linguopersonology: types of language personalities and personality-oriented learning*. Barnaul: Publishing House of the Altai Pedagogical Academy. 342—353. ISBN 5-88210-360-6. (In Russ).
- Golev, N. D., Napreenko, G. V. (2016). Formal and quantitative modeling of a linguistic personality: an identification aspect. In: *Language personality: modeling, typology, portraiture. Siberian linguopersonology*. Moscow: Lenand. 76—93. (In Russ).
- Issers, O. S. (2008). *Communicative strategies and tactics of Russian speech*. Moscow: Lki. 284 p. ISBN 978-5-382-00698-7. (In Russ).
- Ivanova, M. V., Klushina, N. I. (2018). Journalism in the history of the Russian literary language: from Old Russian literature to Internet communication. *Bulletin of the RUDN. Series: Russian and foreign languages and methods of teaching them*, 16 (1): 50—62. DOI: 10.22363/2313-2264-2018-16-1-50-62. (In Russ).
- Ivantsova, E. V. (2010). *Linguopersonology: Fundamentals of the theory of linguistic personality: a textbook*. Tomsk: Tomsk University Press. 160 p. ISBN 978-5-7511-1935-5. (In Russ).
- Kaida, L. G. (2008). Essay as a genre in literature and journalism. *Bulletin of the Moscow University. The series “Journalism”*, 4: 19—24. (In Russ).
- Kaminskaya, T. L. (2009). *Addressee in mass communication: Monograph*. Veliky Novgorod: Novgorod University. 166 p. ISBN 978-5-89896-343-9. (In Russ).

- Kim, L. G., Belyaeva, E. S. (2019). Pre-text expectations of the addressee as a factor of variability in the interpretation of a political text. *Bulletin of the Tomsk University. Philology*, 57: 48—62. DOI: 10.17223/19986645/57/3. (In Russ).
- Klushina, N. I. (2008). *Intentional categories of journalistic text (based on the material of periodicals 2000—2008)*. Doct. Diss. Moscow. 324 p. (In Russ).
- Kozhinov, V. V. (1978). The author's problem and the writer's path (based on the material of two novels by Yuri Trifonov). In: *Context-1977: Literary and theoretical studies*. Moscow: The science. 23—47. (In Russ).
- Kremshokalova, M. Ch. (2013). *Good wishes and curses as small genres of oral speech (cognitive-discursive analysis)*. Nalchik: K-B University. 236 p. ISBN 978-5-93680-702-2. (In Russ).
- Lebedeva N. B., Galkina, G. F. (2015). Linguopersonological variation in the genre “medical card of an outpatient patient”. *Language personality: Modeling, typology, portraiture. Siberian linguopersonology*, 2. Moscow: Lenand. 271—281. (In Russ).
- Lebedeva, N. B. (2001). Natural written Russian speech as an object of linguistic research. *Bulletin of the BSPU. Series. Humanities*, 1: 6—12. (In Russ).
- Lebedeva, N. B., Zyryanova, E. G., Plaksina, N. Y., Tyukaeva, N. I. (2011). “*Genres of natural written speech. Student graffiti, marginal pages of notebooks, a private note*”. Moscow: Krasand. 256 p. ISBN 978-5-396-00286-9. (In Russ).
- Lebedeva, N. B. (2003). Towards the construction of genre typology (based on the material of natural written Russian speech). In: *Natural written Russian speech: research and educational aspects, II*. Barnaul: BSPU Publishing House. 91—100. (In Russ).
- Osipov, G. S. (2011). *Methods of artificial intelligence*. Moscow: Fizmatlit. 296 p. (In Russ).
- Panferov, V. N. (2014). Objectification of mental phenomena. *Bulletin of the Herzen University*, 2: 76—87. (In Russ).
- Shatalova, L. S., Shatalova, N. S. (2018). Cognitive-discursive characteristics of texts of informative and analytical genres of military speech. *The world of science, culture, and education*, 2 (69): 641—646. (In Russ).
- Shmeleva, T. V. (1997). Model of the speech genre. In: *Genres of speech: A collection of scientific articles*, 2: 88—98. (In Russ).
- Solganik, G. Ya. (2001). The author as a style-forming category of a journalistic text. *Bulletin of the Moscow University. Series 10. Journalism*, 3. 74—83. (In Russ).
- Tarasova, I. A. (2018). Genre in cognitive perspective. In: *Genres of speech: Collection of scientific articles*, 2 (18): 85—90. DOI: 10.18500/2311-0740-2018-2-18-88-95. (In Russ).
- Tokareva, G. A. (2016). Genre thinking of modern times and the problem of resonant dialogue in lyrics. *International Scientific Research Journal*, 8 (50) Part 5: 140—143. DOI: 10.18454/IRJ. 2016. 50. 200. (In Russ).
- Tyukaeva, N. I. (2005). *Student graffiti as a genre of natural written in Russian speech*. PhD Diss. Barnaul: AltGPA. 229 p. (In Russ).
- Tyukaeva, N. I. (2019a). Modeling of the speech genre: a formal and functional aspect (on the example of texts of Natural written Russian speech). *Culture and text*, 2 (37): 189—200. (In Russ).
- Tyukaeva, N. I. (2019b). Justification of the principles of system modeling of the genre (for example, texts written in natural speech). *Culture and text*, 3 (38): 206—224. (In Russ).

- Vezhbitska, A. (1997). Speech genres. *Genres of speech: A collection of scientific articles, I*. Saratov: College. 99—112. ISBN 5-900641-79-1. (In Russ).
- Vinogradov, V. V. (1971). *On the theory of artistic speech*. Moscow: Higher School. 233 p. (In Russ).

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ЖУРНАЛИСТИКА. ФОЛЬКЛОРИСТИКА LITERARY STUDIES. JOURNALISM. FOLKLORE

.....

Андрей Георгиевич Игумнов, д-р филол. наук (Улан-Удэ)
Анна Анатольевна Рябова, д-р филол. наук (Пенза)
Асият Руслановна Борова, д-р филол. наук (Нальчик)
Дарья Александровна Завельская, канд. филол. наук (Москва)
Дмитрий Михайлович Новожилов, канд. филол. наук (Москва)
Дмитрий Николаевич Жаткин, д-р филол. наук (Пенза)
Елена Леонардовна Тихонова, д-р филол. наук (Улан-Удэ)
Инна Анатольевна Кажарова, канд. филол. наук (Нальчик)
Марина Анатольевна Дубова, д-р филол. наук (Коломна)
Надежда Альбертовна Ларина, д-р филол. наук (Москва)
Николай Сергеевич Чижов, канд. филол. наук (Тюмень)
Павел Александрович Кротов, д-р истор. наук (Санкт-Петербург)
Юрий Петрович Борисов, канд. филол. наук (Якутск)

Борисов Ю. П. Экспликация концепта МЫСЛЬ в эпических формулах олонхо «Ала Бул-кун» Т. В. Захарова-Чээбий / Ю. П. Борисов // Научный диалог. — 2021. — № 10. — С. 176—190. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-10-176-190.

Borisov, Yu. P. (2021). Explication of Concept THOUGHT in Epic Formulas Olonkho “Ala Bulkun” T. V. Zakharova-Chebiy. *Nauchnyi dialog*, 10: 176-190. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-10-176-190. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-10-176-190

**Экспликация
концепта МЫСЛЬ
в эпических формулах
олонхо «Ала Булкун»
Т. В. Захарова-Чээбий**

Борисов Юрий Петрович
orcid.org/0000-0002-0265-373X
кандидат филологических наук
старший научный сотрудник
olonhoman@mail.ru

Северо-Восточный федеральный
университет им. М. К. Аммосова
(Якутск, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено в рамках
научно-исследовательского проекта
СВФУ «Эпический памятник
нематериальной культуры якутов:
текстологический, типологический,
когнитивный
и историко-генетический аспекты»

**Explication of Concept
THOUGHT in Epic Formulas
Olonkho “Ala Bulkun”
T. V. Zakharova-Chebiy**

Yuri P. Borisov
orcid.org/0000-0002-0265-373X
PhD in Philology
Senior Researcher
olonhoman@mail.ru

M. K. Ammosov North-Eastern
Federal University
(Yakutsk, Russia)

Acknowledgments:
The study was carried out within the
framework of research project
North-Eastern Federal University
“Epic Monument intangible culture
of the Yakuts: textological, typological,
cognitive and historical and genetic
aspects”

© Борисов Ю. П., 2021

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Проведено исследование эпических формул, эксплицирующих вариации концепта МЫСЛЬ в тексте олонхо сказителя Т. В. Захарова-Чээбий «Ала Булкун», относящемся к ранним (дореволюционным) записям якутского эпоса. Представлены результаты концептуального анализа вариаций концепта МЫСЛЬ, которые согласно наблюдениям автора, формируются при функционировании лексем *санаа* 'мысль' (39 формул) и *толкуй* 'мысль, идея, соображение, размышление' (7 формул) с учетом общего контекста эпических формул. Установлено, что концепт МЫСЛЬ, как прототип, обнаруживающий наибольшее число характеристик, лежит в основе формирования следующих производных от него концептов-вариаций: ГНЕВНЫЕ МЫСЛИ, СМЕЛЫЕ МЫСЛИ, РАЗМЫШЛЕНИЕ, УМЫСЕЛ, ЛЕГКОМЫСЛЕННОСТЬ, ДУРНЫЕ МЫСЛИ, ТЯГОСТНЫЕ МЫСЛИ, БЕСПОКОЙНЫЕ МЫСЛИ и МЫСЛИ О ЛЮБВИ. Установлено, что концептуальная информация может также исходить из общего контекста эпической формулы без лексемы-репрезентанта. Выявлено, что исследуемые концепты несут аксиологическую нагрузку и служат для раскрытия образов эпических персонажей. По мнению автора, оценочное значение рассматриваемых концептов, помимо собственно когнитивной функции, также является одним из факторов, способствующих устойчивости эпической формулы.

Ключевые слова:

ключевые слова: ритмико-синтаксический параллелизм; эпические формулы; типические места; концепт МЫСЛЬ; категоризация.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

A study of epic formulas that explicate variations of the concept THOUGHT in the olonkho text of the narrator T. V. Zakharova-Chebiy "Ala Bulkun", which refers to the early (pre-revolutionary) records of the Yakut epic, is carried out. The results of a conceptual analysis of variations of the concept THOUGHT, which, according to the author's observations, are formed during the functioning of the lexemes *sanaa* 'thought' (39 formulas) and *tolkuy* 'thought, idea, consideration, reflection' (7 formulas), taking into account the general context of epic formulas are presented in the article. It has been established that the concept THOUGHT, as a prototype that reveals the greatest number of characteristics, underlies the formation of the following concept-variations derived from it: ANGRY THOUGHTS, BOLD THOUGHTS, REFLECTION, INTENTION, LIGHTNESS, BAD THOUGHTS, HEAVY THOUGHTS, HURRY THOUGHTS and THOUGHTS ABOUT LOVE. It has been established that conceptual information can also come from the general context of an epic formula without a representative lexeme. It was revealed that the studied concepts carry an axiological load and serve to reveal the images of epic characters. According to the author, the estimated value of the concepts under consideration, in addition to the cognitive function itself, is also one of the factors contributing to the stability of the epic formula.

Key words:

rhythmic-syntactic parallelism; epic formulas; typical places; concept THOUGHT; categorization.

Экспликация концепта МЫСЛЬ в эпических формулах олонхо «Ала Булкун» Т. В. Захарова-Чээбий

© Борисов Ю. П., 2021

1. Введение

Для современной лингвофольклористики изучение языка эпоса в когнитивном аспекте, в частности выявление специфики национальной концептосферы и составляющих ее концептов, является важной и значимой задачей.

В настоящей статье осуществляется экспликация составляющих концепта МЫСЛЬ на материале эпических формул в ранней записи якутского олонхо «Ала Булкун», исполняемого олонхосутом Т. В. Захаровым-Чээбий.

Как справедливо отмечает М. В. Пименова, «воссоздать структуры концептов возможно, обратившись к фонду устного народного творчества. При этом особое внимание следует обращать на изменение категорий и форм мышления в разные эпохи, на смену верований и переходы в интерпретациях одних и тех же категорий» [Пименова, 2017, с. 20]. Если исходить из этого тезиса, привлечение в качестве материала для нашего исследования раннего текста олонхо, записанного в дореволюционное время, представляется весьма интересной задачей.

Текст олонхо «Ала Булкун» был записан в рамках этнографической экспедиции Кунст-Камеры Музея академии наук со слов выдающегося олонхосута Амгинского улуса Т. В. Захарова-Чээбий собирателем фольклора В. Н. Васильевым в 1906 году [АБ, с. 23]. Эпосовед В. В. Илларионов, исследовав сюжетные особенности и образы рассматриваемого олонхо, приходит к заключению, что в нем сохранен ранний, традиционный, архаический вид якутского олонхо, что подтверждается первостепенностью основной темы героического сватовства, свидетельствующей о жизнеутверждающей миссии урангхай-саха [Там же, с. 22].

По определению Н. Н. Болдырева, концепт — это оперативная единица осмысленного (осознанного) знания о предмете или событии, их отдельных свойствах, характеристиках, взаимосвязях с другими предметами и событиями, которой оперирует человек в процессе речемыслительной деятельности [Болдырев, 2009, с. 25]. С понятием концепта тесно связан процесс концептуализации, который направлен на выделение минимальных структур знаний, приводящих к образованию концепта [Черванева и др., 2004, с. 14].

В человеческом сознании концепты упорядочиваются по определенным разрядам и категориям: «Установление общности фрагментов действительности и выработка для этой общности мышлением обобщающего понятия, которое часто (но не обязательно) получает закрепление словом, представляет собой категоризацию как когнитивный процесс. Результатом категоризации как когнитивного процесса является формирование когнитивных классификационных признаков, которые выявляются в группах концептов и обнаруживаются в отдельных концептах. Когнитивные классификационные признаки упорядочивают концепты и их группы в единую концептосферу» [Попова и др., 2008, с. 89]. Необходимо отметить, что К. М. Абишевой были описаны основные пять принципов категоризации, позволяющие выделить когнитивные семантические категории: принцип прототипичности, принцип нестрогости категоризации, принцип континуальности, принцип градуированности, принцип множества и разнородности категоризации [Абишева, 2013, с. 29].

Н. Н. Болдырев, кроме когнитивной и коммуникативной функций, выделяет в языке его третье свойство — интерпретирующую функцию, которая реализуется не только на уровне отдельных языковых единиц и явлений, но и на уровне категорий. По его мнению, именно в реализации этой функции проявляется одна из главных характеристик языка — его антропоцентричность [Болдырев, 2015, с. 11].

2. Эпические формулы — основа концептуализации эпической картины мира

Известно, что в фольклоре, в частности в эпосе, одним из основных средств организации текста являются формулы. Формула рассматривается как стилистический стереотип (клише) и мнемотехнический прием, как средство высокого стиля эпического произведения, закрепляющее и обобщающее различные слагаемые поэтического текста.

Как справедливо отмечает Б. Н. Путилов, «именно благодаря наличию богатого фонда формул и гибкому владению ими певец мог воссоздавать эпос в ходе исполнения. При этом он должен был владеть “грамматикой” формульного языка, уметь создавать формулы как бы заново (а то и просто заново) на основе знания набора моделей и варьировать их в живом контексте» [Путилов, 1997, с. 150].

В. М. Жирмунский, исследуя тюркский героический эпос, обнаружил, что при повторном наблюдении над исполнением эпическим певцом одного и того же сюжета выявляются «текучесть текста» и наличие значительных различий, творческих вариантов — разных переложений одного и того же содержания: «Певец поет не заученный текст, он импровизирует,

по крайней мере частично, следуя определенному сценарию, в котором постоянными являются кроме последовательности эпизодов и ситуаций прежде всего традиционные общие места (седлание коня, богатырская скачка, описания битв и т. п.). Конечно, подобная импровизация возможна лишь в рамках определенной прочно сложившейся традиции — не только сюжетов, мотивов и образов, но и постоянных стилистических формул, эпитетов, сравнений, фразеологических оборотов и т. п., которыми поэтимпровизатор пользуется как своего рода готовым поэтическим языком» [Жирмунский, 1974, с. 635].

На другой, когнитивный аспект эпических формул указывает Е. Б. Артеменко: «Стабильность формулы как признак ее стилистической отмеченности и основа ее мнемотехнического использования зиждется на более глубоком фундаменте — на том, что формульные стереотипы служат в фольклоре языковым субстратом, материальной оболочкой культурных символических концептов» [Артеменко, 2006, с. 13]. По мнению Е. Б. Артеменко, формульная репрезентация звеньев концепта способствует установлению устойчивых парадигматических и синтагматических последовательностей, которые создают условия для формирования на базе комплексного концепта распространенных формульных образований — общих / типических мест (*loci communi*) и соответственно для приобретения планом выражения концепта или его частью признаков формульного стереотипа — трансформации его в типическое место [Артеменко, 2006, с. 17]. Это согласуется с утверждением Б. Н. Путилова о том, что формула является обязательным составляющим «поэтики тождества» фольклора и потому выступает способом выражения различных сторон мировоззрения среды, творящей и потребляющей эпос [Путилов, 1997, с. 150].

О применимости отмеченных фактов по отношению к тексту якутского олонхо свидетельствует работа М. Б. Сидоровой, где автор, исследуя особенности объективизации фрейма-сценария ЫСЫАХ эпическими формулами в дискурсе якутского олонхо, приходит к выводу о том, что «формулы на поверхностном уровне представлены преимущественно развернутыми формульными системами, относительно вариативными по своему лексическому составу, но стабильными в плане концептуального содержания. Семантическими опорными точками при развертывании дискурса являются формульные номинации, как правило, представляющие собой эпитетные двучлены» [Сидорова, 2013, с. 9].

Как утверждают В. А. Черванева и Е. Б. Артеменко, «лингвокогнитивный анализ фольклорных текстов позволяет выявить и описать содержание репрезентируемой ими фольклорной картины мира, которая представляет собой фрагмент концептуальной картины этноса, одну из ипо-

стасей картины мира носителей фольклорной традиции» [Черванева и др., 2004, с. 5].

Таким образом можно установить, что концептуализация в эпических текстах в основном производится на основе эпических формул, которые, будучи обязательными элементами эпической системы, также являются основными вербальными средствами объективизации эпических концептов.

3. Вариации концепта МЫСЛЬ в раннем тексте олонхо

Исследуемый в настоящей статье концепт МЫСЛЬ, по классификации М. В. Пименовой, входит в I категориальный класс «Базовых концептов», в частности, в группу «Психических (духовных) концептов» и его подгруппу «Ментальных концептов» [Пименова, 2013, с. 129]. При этом, согласно наблюдениям М. В. Пименовой, концепт МЫСЛЬ является первичным (основным) концептом, то есть он появился раньше и послужил базой для развития производных концептов — ЗАМЫСЕЛ, ПОМЫСЕЛ, УМЫСЕЛ, ВЫМЫСЕЛ, которые входили в состав основного концепта и позже стали развиваться самостоятельно, однако их структура до сих пор не достигла той степени развития, которая характеризует первичный концепт [Пименова, 2007, с. 84]. Концепт МЫСЛЬ также рассматривался в трудах Ю. В. Юровой, И. Ю. Шабоевой [Юрова и др., 2019, с. 27—30], Е. Е. Федотовой [Федотова, 2010, с. 69—73] и др.

В свете сказанного рассмотрим значения слова *санаа* ‘мысль’ — основного репрезентанта концепта МЫСЛЬ в якутском языке. В «Большом толковом словаре якутского языка» под редакцией П. А. Слепцова предложены следующие дефиниции: 1. Мышление, мысль, дума, память, ум. 2. Понятие, представление о чём-либо, размышление; мысль; убеждение, взгляды. 3. Чувство, восприятие. 4. Душевное состояние, то или иное расположение духа, настроение. 5. Стремление человека в мыслях к осуществлению чего-либо, желание, намерение. 6. Решимость в отстаивании своей правоты, своего убеждения, воли. 7. Скорбь, печаль, уныние [БТСЯЯ, т. 8, с. 214].

Основным методом проведенного нами исследования выступил метод концептуального анализа, который позволяет выявить структуру и содержание концепта (концептуальные характеристики) через значения языковых единиц, репрезентирующих данный концепт, их словарные толкования, контексты [Болдырев, 2004, с. 26].

В исследуемом тексте олонхо языковая единица *санаа* встречается 77 раз. Из этого количества 36 единиц употреблены в свободных (несвязанных) конструкциях в составе простого предложения, например: *Инбэ диһ санаан баран ...* (Так подумав) [АБ, с. 104—105]; *Кыһыра санаата*

маныха киһи (Тогда человек наш рассердился) [Там же, с. 132—133]; *Төһө хачча да айаннаабытын санаабата*. (Сколько ехал — не узнал) [Там же, с. 332—333] и др. Остальные 46 лексем использованы в составе эпических формул. Из этих формул проанализированы наиболее распространенные в исследуемом тексте примеры, репрезентирующие категории концепта МЫСЛЬ:

Концепт ГНЕВНЫЕ МЫСЛИ

1	<i>Уохтаах санаата</i> уолугунан киһрдэ, <i>Күүстээх санаата</i> күөмэйинэн киһрдэ [АБ, с. 62].	Мысли яростные душить начали, Мысли суровые давить начали [АБ, с. 63].
2	<i>Ол эрэри уохтаах санаам</i> уолукпунан киһрдэ, <i>Күүстээх санаам</i> күөмэйбинэн киһрдэ [Там же, с. 138].	Но меня мысли яростные одолевают, Мысли сильные сокрушают [Там же, с. 138].
3	<i>Уохтаах санаатын</i> уолугунан убарытта, <i>Күүстээх санаатын</i> күөмэйинэн көбүрэттэ [Там же, с. 206].	Гнев свой на милость сменил, Ярость свою через рот выпустил [Там же, с. 207].

В приведенных примерах рассматриваемый концепт эксплицирован эпической формулой (далее в тексте — ЭФ) «богатырь в гневе», которая образована посредством двучленного ритмико-синтаксического параллелизма. В последних в качестве ключевых слов применены устойчивые синонимические словосочетания: *уохтаах санаата* ‘яростные мысли’ / *күүстээх санаата* ‘сильные мысли’, которые в контексте с периферийными элементами, подобранными по принципу начальной аллитерации, описывают эмоциональное состояние богатыря айыы.

Семантическим ядром ЭФ является повтор существительного *санаа* в притяжательном склонении, которое в сочетании с определительными лексемами *уохтаах* ‘яростный’, *күүстээх* ‘сильный’ передает основное содержание концепта ГНЕВНЫЕ МЫСЛИ. Дословное повторение ЭФ в ходе эпического повествования несколько раз делает ее типическим местом, позволяет подчеркнуть значимые смыслы. При каждом упоминании этой ЭФ перед мысленным взором слушателей возникает образ богатыря в гневе.

При этом гнев в олонхо, как правило, олицетворяется, в результате чего рассматривается как явление, живущее собственной жизнью. По поверьям, гнев проникает в человека через дыхательные органы, то есть представляется результатом вхождения в человека инородных мыслей, которые изначально отсутствовали в его сознании. О сказанном свидетельствует следующая ЭФ:

Уоѳурбуѳ уохѳаах санаагын
Одон будан үүрэттээ,
Кыѳһырбыѳ кыѳдааннаах санааѳын
Кый мырах кыйдаа
[АБ, с. 328].

Яростную мысль крепкую
Прочь гони,
Гневную мысль морозную
Далеко прогони.
[АБ, с. 329].

Как видно из примера, ЭФ имеет в своей основе двучленный ритмико-синтаксический параллелизм, семантическим ядром также выступает существительное *санаа*. Отличие состоит лишь в том, что во втором члене вместо определительного *күүстээх* ‘сильный’ использовано словосочетание *кыѳһырбыѳ кыѳдааннаах* ‘гневная морозная’, которое призвано усилить экспрессию.

Концепт СМЕЛЫЕ МЫСЛИ

1 <i>Муора былас санаата</i> мултуйда, <i>Далай былас санаата</i> <i>татыарыйда ...</i> [АБ, с. 72].	Мысли с море смелые исчезли, Мысли с озеро дерзкие иссякли... [АБ, с. 73].
2 <i>Киэнг көхсө кыараата, уһун санаа-</i> <i>та</i> кылгаата, <i>Үрдүк таңарата</i> намтаата, өлүү бөѳө буолла [Там же, с. 370].	Спина широкая сужаться начала, мысли длинные короче стали, Небо высокое ее опустилось, небо широкое ее сузилось. [Там же, с. 370].

В рассматриваемых ЭФ, каждая из которых представляет собой двучленное ритмико-синтаксическое единство, построенное на приеме параллелизма, концепт эксплицирован при помощи ядерной лексемы *санаа* ‘мысль’.

В примере 1 семантическое ядро ЭФ составляет дословно повторяющееся словосочетание *былас санаата* ‘мысли с маховую сажень’, указывающее на смелость в мыслях, их грандиозность. Однако в данном случае это словосочетание включено в контексты с отрицаниями и под влиянием периферийных элементов формулы подчеркивает несбыточность ожиданий.

В примере 2 представлена схожая по семантике, но отличная по структуре ЭФ, в которой концептуальная информация выражена ядерными синонимическими словосочетаниями: *киэнг көхсө* ‘спина широкая’ / *уһун санаата* ‘мысли длинные’ / *үрдүк таңарата* ‘небо высокое’. Контекстное соединение этих словосочетаний с лексемами, выражающими значения изменения параметрических характеристик в отрицательную сторону (‘стать ўже’, ‘стать короче’, ‘стать ниже’), также указывают на несбыточность

ожиданий. Они, повторяясь в каждом члене ритмико-синтаксического параллелизма, дают ощутить эмоциональное состояние персонажа — поразительный настрой.

Концепт РАЗМЫШЛЕНИЕ

1 <i>Көрө сытан, туруору тутан толкуй-дуур.</i> <i>Сытыары санаан сыаналыыр,</i> <i>Ухаты тойонноон толкуйдуур ...</i> [АБ, с. 194]. 2 <i>Туруору тутан толкуйдаата,</i> <i>Сытыары тутан сыаналаата,</i> <i>Ухаты санаан ураттаата</i> [Там же, с. 236].	За всем наблюдает и думает, Все, что произошло, оценивает, На это со всех сторон смотрит ... [АБ, с. 195]. Так подумал, Так поразмыслил, Порассуждал-попредставлял [Там же, с. 237].

Одной из отличительных черт персонажа богатыря *айыы* является то, что он перед тем, как приступить к каким-либо действиям, оценивает ситуацию, размышляет о результатах своих предстоящих поступков или своего бездействия. Эти ментальные действия отражены ЭФ, основанными на трехчленном параллелизме. В каждом члене параллельных конструкций семантическим ядром концепта выступают синонимические лексемы: *толкуй* ‘мысль, идея, соображение, размышление’ / *сыана* ‘оценивание’ / *урат* ‘представление’. Различие заключается только в том, что если в ЭФ 2 применены все перечисленные ядерные лексемы, то в ЭФ 1 третий член параллелизма образован дословным повторением лексемы *толкуй* ‘мысль, идея, соображение, размышление’. Однако эти различия никак не влияют на семантику ЭФ, так как лексемы-репрезентанты являются полными синонимами.

Аналогичные ЭФ встречаются почти во всех текстах олонхо, что указывает на их типичность. На наш взгляд, обдумывание богатырем *айыы* своих поступков свидетельствует о том, что он, будучи идеалом человека племени *айыы амага*, демонстрирует поведенческую модель «человека думающего».

Концепт УМЫСЕЛ

<i>Үөһээ бөбө үс биһин ууһун</i> <i>Урут кубулуйатын кубулуйна,</i> <i>Орто дойду уон икки биһин ууһун</i> <i>Ордук хоһоон санаата санаалаах,</i> <i>Аллараа дойду алта биһин ууһун</i> <i>Алын албаһа албастаах эбит</i> [АБ, с. 232].	Трех родов верхних Колдовством владеет, Двенадцати родов мира среднего Хитрости знает, Шести родов мира нижнего С коварством знаком, оказывается [АБ, с. 233].

В приведенном примере ЭФ представляет собой трехчленную конструкцию, сформированную на основе ритмико-синтаксического параллелизма. Концептуальное содержание ЭФ отражено во втором члене конструкции: *Орто дойду уон икки биһин ууһун Ордук хоһоон санаата санаалаах* ‘Двенадцати родов мира среднего задние мысли имеет’, где семантическим ядром выступает словосочетание *ордук хоһоон санаа* букв. ‘дополнительные, задние мысли’. То есть здесь говорится о наличии у богатыря *айыы* Очуллаан Чочуллаана скрытых умыслов и тайных намерений, которые исходят от двенадцати родов племени *айыы*.

Аналоги и варианты анализируемой ЭФ в тексте встречаются довольно часто (7 единиц), в одном из них богатырь подобным образом признается в своих скрытых умыслах. На наш взгляд, данная ЭФ призвана описать общечеловеческий порок, свойственный людям по их природе.

Концепт ЛЕГКОМЫСЛЕННОСТЬ

1	Үрүҥ күнүн сырдыгын өйдөөбөт , Үгэр таһара айыытын санаабат ... [АБ, с. 258].	Дня светлого не понимающий, Свет ясный божеств не принимаю- щий ... [АБ, 259].
2	<i>Аан ийэ дойду кэскилин санаабатылар, Үрүҥ күн сырдыгын өйдөөбөтүлэр, Үгэр таһара айыытын толкуйдаабатылар, Бар дьон санаатын санаабатылар</i> [Там же, с. 266].	О будущем земли родной не подумали, О свете солнца белого не вспомнили, О грехе перед богами высшими не по- думали, О думах людских не вспомнили [Там же, с. 267].

Как видно из примеров, ЭФ может быть представлена как в упрощенном варианте, сконструированном на основе двучленного параллелизма (1), так и в полном — на основе четырехчленного параллелизма (2). В ЭФ концепт актуализируется посредством ядерных лексем: *санаа* ‘мысль’ / *өй* ‘ум, разум, рассудок’ / *толкуй* ‘мысль, идея, соображение, размышление’, которые в контексте периферийных элементов указывают на ЛЕГКОМЫСЛЕННОСТЬ персонажей. Первый пример содержится в бранной речи богатыря Алтан Амырыт, упрекающего богатыря Очуллаан Чочуллаана в легкомысленности его поступков, а второй — в описании битвы упомянутых богатырей. В рассматриваемых ЭФ аксиологические смыслы появляются за счет оценочных характеристик и выражения сказителем отношения к персонажу и к описываемому действию.

Концепт ДУРНЫЕ МЫСЛИ

1	<i>Сан бөжө куһабаннаах, санаа мөкүлээх</i> [АБ, с. 258].	С помыслами плохими ... [АБ, с. 259].
2	<i>Бука санан куһабан буолара, Бука санаан мөкү буолара</i> [Там же, с. 410].	Какой у тебя язык злой, Какой у тебя нрав дурной. [Там же, с. 411].
3	<i>Дьэ сон куһабаннаах, Санаа мөкүлээх киһиэхэ бардахпыт</i> [Там же, с. 430].	К злomu, Человеку свирепому идем... [Там же, с. 431].
4	<i>Сан куһабаннаах этинг, санаа мөкүлээх этинг</i> [Там же, с. 444].	Склонность плохую имел, помыслы скверные имел... [Там же, с. 445].

В представленных ЭФ, выраженных двучленными конструкциями на основе ритмико-синтаксического параллелизма, в качестве одного из семантических ядер использовано словосочетание *санаа мөкүлээх* ‘имеющий дурные мысли’, которое семантически соразмерно с другим ядерным словосочетанием *санг (сон) куһабаннаах* ‘с дурным характером’. Близость этих понятий объясняется тем, что человек совершает дурные поступки потому, что у него ДУРНЫЕ МЫСЛИ, что указывает на эксплицитную аксиологичность ЭФ.

Концепт ТЯГОСТНЫЕ МЫСЛИ

1	<i>Бар бөжө тыллаах, ыарахан бөжө Санаалаах</i> [АБ, с. 64].	С речью тяжелой, мыслями тягостными [АБ, с. 65].
2	<i>Ыарахан санаалаах, ынырык Дьүһүннээх ...</i> [Там же, с. 410].	С умыслом злым, с видом страшным... [Там же, с. 411].

В приведенных примерах представлены ЭФ, образованные на основе двучленного ритмико-синтаксического параллелизма. В них концептуальная семантика содержится в ключевом словосочетании *ыарахан санаалаах* ‘имеющий тягостные мысли’. Если в первой ЭФ описывается богатырь Очуллаан Чочуллаан, то во второй ЭФ — богатырь абаасы Тимир Суодуйа. Важно отметить, что обозначенный концепт иногда оформляется за счет контекстуальной семантики при отсутствии специализированных лексических репрезентантов — имен концепта:

<i>Куньус олорор дьүүлбун билбэт буоллум, Түүн утуйар дьабыбын санаабат буоллум ...</i> [АБ, с. 270].	Днем вздремнуть не могу, Ночью спать не могу ... [АБ, с. 271].

Как видно из аналогичной ЭФ, концепт ТЯГОСТНЫЕ МЫСЛИ раскрывается посредством описания повседневной жизни персонажа: *Куньус олорор дьүүлбун билбэт буоллум* ‘Днем не могу сидеть ровно’ / *Түүн утуйар дьабыбын санаабат буоллум* ‘Ночью не могу спать нормально’. Здесь — описание разлада в привычном распорядке дня служит для передачи эмоционального (подавленного) состояния персонажа — князя Верхнего мира Таас Хаантар, которого одолевают ТЯГОСТНЫЕ МЫСЛИ.

Концепт БЕСПОКОЙНЫЕ МЫСЛИ

*Үтүө киһи кэлбит буоллахкына,
Күтүр үтүө тылгын кэпсээнгин,
Көлбөхтөөх санаабын көнүүрт
Абыс айыы аймаҕа кэлбит буоллахкына,
Албаннаах үтүө тылгын этэнгин,
Санаарҕаабыт санаабын дьайҕарт*
[АБ, с. 76].

Если светлый человек добрый пришел,
Слово свое доброе скажи,
Мысли мои хмурые развей,
Если потомок рода айыы,
Речь свою славную начни
Мысли беспокойные уйми.
[АБ, с. 77].

В каждом члене конструкции ЭФ, основанной на ритмико-синтаксическом параллелизме, содержатся оппозиционные ключевые словосочетания с концептуальной информацией: *Күтүр үтүө тылгын кэпсээнгин — көлбөхтөөх санаабын көнүүрт* ‘Слово свое доброе сказав — Мысли мои грязные развей’ / *Албаннаах үтүө тылгын этэнгин — Санаарҕаабыт санаабын дьайҕарт* ‘Речь свою славную сказав — Мысли беспокойные развей’. Контекстно подчеркивается, что физическое речевое действие порождает ментальное действие, эмоциональный отклик, манифестирующий анализируемый концепт. Актуализируется оппозиция: *үтүө тыл* ‘доброе слово’ — *көлбөхтөөх (санаарҕаабыт) санаа* ‘беспокойные мысли’.

Концепт МЫСЛИ О ЛЮБВИ

- 1 *Сүрэххинэн сөбүлээ,
Хараххынан хайҕаа,
Санааҕынан таптаа,
Уоскунан оҕорбоо ...* [АБ, с. 120].
- 2 *Омук уола омук кыһын
сүрэжинэн сөбүлээтэ да,
Хараҕынан хайҕаата да, санаа-
тынан таптаата да ...*
[Там же, с. 262].

Сердцем своим полюби,
Глазами полюби,
Мыслями полюби,
Губами приласкай ... [АБ, с. 121].
Если чужеземец девушку сердцем
полюбил,
Глазами похвалил, мыслью полю-
бил... [Там же, с. 263].

Кроме реализации в варианте ДУРНЫЕ МЫСЛИ, концепт МЫСЛЬ в олонхо также воплощается посредством слов и выражений, передаю-

щих положительное, стилистически возвышенное значение (МЫСЛИ О ЛЮБВИ), о чем свидетельствуют приведенные примеры ЭФ. Если в первом примере ЭФ образована посредством четырехчленного параллелизма, то во втором примере — параллелизмом трехчленным. Содержательная связь между этими формулами реализуется дословно повторяющимися членами параллелизма, среди которых также обнаруживается сочетание *санаабынан таптаа* ‘мыслями возлюби’, актуализирующее концепт МЫСЛИ О ЛЮБВИ.

4. Заключение

Таким образом, проанализировав варианты текстового воплощения концепта МЫСЛЬ в тексте олонхо «Ала Булкун» сказителя Т. В. Захарова-Чээбий, можно утверждать, что концепт МЫСЛЬ, как прототип, обнаруживающий наибольшее число характеристик, лежит в основе следующих производных от него частных вариаций концепта: ГНЕВНЫЕ МЫСЛИ, СМЕЛЫЕ МЫСЛИ, РАЗМЫШЛЕНИЕ, УМЫСЕЛ, ЛЕГКОМЫСЛЕННОСТЬ, ДУРНЫЕ МЫСЛИ, ТЯГОСТНЫЕ МЫСЛИ, БЕСПОКОЙНЫЕ МЫСЛИ и МЫСЛИ О ЛЮБВИ.

Установлено, что в ранней записи олонхо вариации концепта МЫСЛЬ конструируются на основе включения лексем-репрезентантов *санаа* ‘мысль’ (39 формул) и *толкуй* ‘мысль, идея, соображение, размышление’ (7 формул) в общий контекст эпических формул.

Также обнаружен единичный случай репрезентации концепта ТЯГОСТНЫЕ МЫСЛИ общим содержанием эпической формулы без использования лексемы-репрезентанта (без имени концепта).

Интересно отметить, что в большинстве случаев концепты, эксплицированные эпическими формулами, используются как маркеры высокой аксиологической нагрузки, способствующей раскрытию образов эпических персонажей.

На наш взгляд, оценочное значение проанализированных концептов, помимо собственно когнитивной семантики, также является одним из факторов, обеспечивающих устойчивость эпической формулы. Об этом свидетельствуют эпические формулы, которые, повторяясь на протяжении всего эпического текста, перешли в категорию типических мест.

Источники и принятые сокращения

1. АБ — [Ала Булкун] — Захаров-Чээбий Т. В. Ала Булкун бухатыыр = Ала Булкун богатырь / Т. В. Захаров-Чээбий. — Якутск : Алаас, 2018. — 520 с. — ISBN 978-5-6041694-2-1.

2. БТСЯЯ — Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта : в 15 т. (Буква С — сөллөбөр) / Под редакцией

П. А. Слепцова. — Новосибирск : Наука, 2011. — Т. VIII. — 572 с. — ISBN 978-5-02-019043-6.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абишева К. М.* Категоризация и ее основные принципы / К. М. Абишева // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2013. — № 2 (035). — С. 21—30.
2. *Артеменко Е. Б.* Концептосфера и язык фольклора : характер и формы взаимодействия [Электронный ресурс] / Е. Б. Артеменко. — Режим доступа : http://folk.phil.vsu.ru/publ/sborniki/afanasiev_sb4/artemenko.pdf (дата обращения 24.04.2021).
3. *Болдырев Н. Н.* Концептуальное пространство когнитивной лингвистики / Н. Н. Болдырев // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2004. — № 1 (001). — С. 18—36.
4. *Болдырев Н. Н.* Концептуальная основа языка / Н. Н. Болдырев // Когнитивные исследования языка. Концептуализация мира в языке : коллективная монография. — Москва : Институт языкознания РАН ; Тамбов : Издательский дом ТГУ имени Г. Р. Державина, 2009. — Выпуск IV. — С. 25—77.
5. *Болдырев Н. Н.* Антропоцентрическая сущность языка в его функциях, единицах и категориях / Н. Н. Болдырев // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2015. — № 1 (042). — С. 5—12.
6. *Жирмунский В. М.* Тюркский героический эпос. Избранные труды / В. М. Жирмунский. — Ленинград : Наука, 1974. — 727 с.
7. *Пименова М. В.* Коды культуры и проблема классификации концептов / М. В. Пименова // Язык. текст. Дискурс. — 2007. — № 5. — С. 79—86.
8. *Пименова М. В.* Концептология на современном этапе (способы исследования концептуальных структур) / М. В. Пименова // Гуманитарный вектор. — 2017. — Т. 12. — № 5. — С. 13—22. — DOI: 10.21209/1996-7853-2017-12-5-13-22.
9. *Пименова М. В.* Типы концептов и этапы концептуального исследования / М. В. Пименова // Вестник Кемеровского государственного университета. — 2013. — № 2 (54). — Т. 2. — С. 127—131.
10. *Попова З. Д.* Когнитивная лингвистика : учебное пособие / З. Д. Попова, И. А. Стернин. — Москва : АСТ : «Восток-Запад», 2007. — 314 с.
11. *Путилов Б. Н.* Эпическое сказительство : Типология и этническая специфика / Б. Н. Путилов. — Москва : Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1997. — 295 с. — ISBN 5-02-018003-3.
12. *Сидорова М. Б.* Роль эпических формул в объективации фрейма-сценария «Ысыах» в дискурсе якутского олонхо [Электронный ресурс] / М. Б. Сидорова // Современные проблемы науки и образования. — 2013. — № 2. — Режим доступа : <https://science-education.ru/ru/article/view?id=8996> (дата обращения 24.04.2021).
13. *Федотова Е. Е.* Концепт «мысль» в произведениях Ф. М. Достоевского / Е. Е. Федотова // Вестник Майкопского государственного технологического университета. — 2010. — № 2. — С. 69—73.
14. *Черванева В. А.* Пространство и время в фольклорно-языковой картине мира : Монография / В. А. Черванева, Е. Б. Артеменко. — Воронеж : Воронежский госпедуниверситет, 2004. — 184 с. — ISBN 5-88519-284-7.
15. *Юрова Ю. В.* Репрезентация номинативного поля концепта «мысль» в русском языковом сознании / Ю. В. Юрова, И. Ю. Шабаетова // Гуманитарно-педагогическое образование. — 2019. — Т. 5. — № 3. — С. 27—30.

MATERIAL RESOURCES

- Sleptsov, P. A. (ed.). (2011). *A large explanatory dictionary of the Yakut language = Sakha tylyn byhaarylah ulakhan tyldy: in 15 volum, VIII. (The letter S is sollooor)*. Novosibirsk: Nauka. 572 p. ISBN 978-5-02-019043-6. (In Russ.).
- Zakharov-Chebiy, T. V. (2018). *Ala Bulkun bukhatyry = Ala Bulkun bogatyry*. Yakutsk: Alaas. 520 p. ISBN 978-5-6041694-2-1. (In Russ.).

REFERENCES

- Abisheva, K. M. (2013). Categorization and its basic principles. *Questions of cognitive linguistics*, 2 (035): 21—30. (In Russ.).
- Artemenko, E. B. *Conceptosphere and the language of folklore: the nature and forms of interaction*. Available at: http://folk.phil.vsu.ru/publ/sborniki/afanasiev_sb4/artemenko.pdf (accessed 24.04.2021). (In Russ.).
- Boldyrev, N. N. (2004). Conceptual space of cognitive linguistics. *Questions of cognitive linguistics*, 1 (001): 18—36. (In Russ.).
- Boldyrev, N. N. (2009). Conceptual basis of language. In: *Cognitive studies of language. Conceptualization of the world in language: a collective monograph, IV*. Moscow: Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences; Tambov: Publishing House of TSU named after G. R. Derzhavin. 25—77. (In Russ.).
- Boldyrev, N. N. (2015). The anthropocentric essence of language in its functions, units and category. *Questions of cognitive linguistics*, 1 (042): 5—12. (In Russ.).
- Chervaneva, V. A., Artemenko, E. B. (2004). *Space and time in the folklore-language picture of the world: Monograph*. Voronezh: Voronezh State University. 184 p. ISBN 5-88519-284-7. (In Russ.).
- Fedotova, E. E. (2010). The concept of “thought” in the works of F. M. Dostoevsky. *Bulletin of the Maikop State Technological University*, 2: 69—73. (In Russ.).
- Pimenova, M. V. (2007). Codes of culture and the problem of classification of concepts. *Language. text. Discourse*, 5: 79—86. (In Russ.).
- Pimenova, M. V. (2013). Types of concepts and stages of conceptual research. *Bulletin of the Kemerovo State University*, 2 (54) / 2: 127—131. (In Russ.).
- Pimenova, M. V. (2017). Present at the modern stage (methods of investigation of conceptual structures). *Humanitarian vector*, 12 (5): 13—22. DOI: 10.21209/1996-7853-2017-12-5-13-22. (In Russ.).
- Popova, Z. D., Sternin, I. A. (2007). *Cognitive linguistics. Textbook*. Moscow: AST: “East-West”. 314 p. (In Russ.).
- Putilov, B. N. (1997). *Epic storytelling: Typology and ethnic specificity*. Moscow: Publishing Company “Oriental Literature” of the Russian Academy of Sciences. 295 p. ISBN 5-02-018003-3. (In Russ.).
- Sidorova, M. B. (2013). The role of epic formulas in the objectification of the frame-scenario “Ysyakh” in the discourse of the Yakut olonkho. *Modern problems of science and education*, 2. Available at: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=8996> (accessed 24.04.2021). (In Russ.).
- Yurova, Yu. V., Shabaeva, I. Yu. (2019). Representation of the nominative field of the concept “thought” in the Russian language consciousness. *Humanitarian and pedagogical education*, 5 (3): 27—30. (In Russ.).
- Zhirmunsky, V. M. (1974). *The Turkic heroic epic. Selected works*. Leningrad: Nauka. 727 p. (In Russ.).

Дубова М. А. Средства лексической репрезентации пространственного континуума в ранних рассказах И. А. Бунина / М. А. Дубова, Н. А. Ларина // Научный диалог. — 2021. — № 10. — С. 191—212. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-10-191-212.

Dubova, M. A., Larina, N. A. (2021). Means of Lexical Representation of Spatial Continuum in Early Stories of I. A. Bunin. *Nauchnyi dialog*, 10: 191-212. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-10-191-212. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-10-191-212

Средства лексической репрезентации пространственного континуума в ранних рассказах И. А. Бунина

Дубова Марина Анатольевна ¹

orcid.org/0000-0001-6906-1002

доктор филологических наук, профессор
кафедры русского языка и литературы
dubovama@rambler.ru

Ларина Надежда Альбертовна ²

orcid.org/0000-0002-1965-8705

доктор филологических наук, профессор
кафедры теории и практики
периодической печати
larina-n-a@mail.ru

¹ Государственный социально-гуманитарный университет
(Коломна, Россия)

² Институт международного права и экономики имени А. С. Грибоедова
(Москва, Россия)

Means of Lexical Representation of Spatial Continuum in Early Stories of I. A. Bunin

Marina A. Dubova ¹

orcid.org/0000-0001-6906-1002

Doctor of Philology, Professor, Department
of Russian Language and Literature
dubovama@rambler.ru

Nadezhda A. Larina ²

orcid.org/0000-0002-1965-8705

Doctor of Philology, Professor, Department
of Theory and Practice of Periodicals
larina-n-a@mail.ru

¹ State University of Humanities
and Social Studies
(Kolomna, Russia)

² A. S. Griboedov Institute
of International Law and Economics
(Moscow, Russia)

© Дубова М. А., Ларина Н. А., 2021

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается вопрос о способах создания пространственного континуума в ранних рассказах И. А. Бунина «На чужой стороне», «На хуторе» и «На Донце», объединенных единым принципом номинации и вошедших в первую книгу прозы писателя «На край света» (1897 г.). Семантика заглавия актуализирует пространственную составляющую авторской языковой картины мира, что и определило путь лингвостилистического анализа языкового материала рассказов. Особое внимание авторами уделяется средствам лексической репрезентации пространства как одной из базовых лингвокогнитивных категорий. Новизна исследования состоит в том, что выявлен, систематизирован и описан языковой материал, позволяющий определить индивидуальные авторские особенности в создании пространственного континуума ранних рассказов И. А. Бунина. Актуальность исследования обусловлена обращением к проблемам когнитивной лингвистики. На основе статистического, описательного и лингвокогнитивного методов анализа авторы выявляют и описывают средства лексической репрезентации пространственной модели, созданной в рассказах И. А. Бунина, которую характеризует четкая структурированность и индивидуальность авторского подхода. В ходе проведенного исследования авторы приходят к выводам, позволяющим охарактеризовать особенности построения пространства в ранних рассказах писателя с учетом индивидуальных особенностей авторского миромоделирования, а также проанализировать лингвистические параметры идиостиля И. А. Бунина.

Ключевые слова:

пространственный континуум; языковая картина мира; И. А. Бунин; На чужой стороне; На хуторе; На Донце.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The question of ways of creating a spatial continuum in the early stories of I. A. Bunin “On the wrong side”, “On the farm” and “On the Donets”, united by a single principle of nomination and included in the first book of the writer’s prose “To the end of the world” (1897) is considered in the article. The semantics of the title actualizes the spatial component of the author’s linguistic picture of the world, which determined the path of linguistic and stylistic analysis of the linguistic material of stories. The authors pay special attention to the means of lexical representation of space as one of the basic linguo-cognitive categories. The novelty of the research lies in the fact that the language material has been identified, systematized and described, which makes it possible to determine the individual author’s characteristics in the creation of the spatial continuum of I. A. Bunin’s early stories. The relevance of the study is due to the appeal to the problems of cognitive linguistics. On the basis of statistical, descriptive and linguo-cognitive methods of analysis, the authors identify and describe the means of lexical representation of the spatial model created in the stories of I. A. Bunin, which is characterized by a clear structuredness and individuality of the author’s approach. In the course of the study, the authors come to conclusions that make it possible to characterize the features of the construction of space in the early stories of the writer, taking into account the individual characteristics of the author’s world modeling, and also to analyze the linguistic parameters of the idiosyncrasy of I. A. Bunin.

Key words:

spatial continuum; linguistic picture of the world; I. A. Bunin; On the wrong side; On the farm; On the Donets.

Средства лексической репрезентации пространственного континуума в ранних рассказах И. А. Бунина

© Дубова М. А., Ларина Н. А., 2021

1. Введение

Современное научное знание характеризуется антропоцентризмом, основу которого составляет принцип изучения языка как результата ментальной деятельности человека, с одной стороны, и как средства репрезентации его мыслительного дискурса — с другой, иными словами, по мнению Ю. С. Степанова, язык понимается как «семиотическая система, основные референционные точки которой непосредственно соотнесены с говорящим индивидом» [Степанов, 1998, с. 50]. Подобный подход, без сомнения, позволяет значительно расширить горизонты лингвистических исследований, что и было осуществлено, в частности, когнитивной лингвистикой — наукой, которая занимается изучением «когниции в ее языковом выражении» [Болдырев, 2015, с. 10]. К важнейшим принципам когнитивизма относится «трактовка человека как субъекта, ... активно воспринимающего и продуцирующего информацию» [Маслова, 2011, с. 7]. Именно следствием когнитивной деятельности человека является создание мыслеобразов, иллюстрирующих то, что индивид думает о мире. Исходя из сказанного, актуальность данного исследования определяется обращением к одному из базовых понятий когнитивной лингвистики — языковой картине мира и категории пространства как её компоненту. Как известно, модель мира в любой культуре состоит из набора универсальных концептов, соотношение которых и создает индивидуальную специфику. В самом общем смысле языковая картина мира понимается исследователями как «закрепленные в языке способы, процессы и результаты концептуализации действительности, совокупность знаний о мире, способов их получения и интерпретации» [Яковлев, 2017, с. 6].

Не вызывает сомнений тот факт, что «к числу наиболее универсальных языковых форм концептуализации и интерпретации знаний о мире ... следует отнести пространство и время» [Болдырев, 2018 с. 27]. По справедливому наблюдению В. А. Масловой, концепт «Пространство» «характеризует протяженность мира, его связность, непрерывность, структурность, многомерность ...» [Маслова, 2011, с. 88]. Выявление и анализ входящих в лексико-семантическую группу «Пространство» лексических единиц

«позволяет определить категорию пространства в качестве моделируемого компонента индивидуальной авторской картины мира» [Родина, 2021, с. 130]. Не вызывает сомнений тот факт, что «средства репрезентации данного концепта отражают субъективные особенности восприятия этого феномена автором и объективируют его индивидуальную картину мира» [Родина, 2020, с. 130], поскольку пространственные отношения в анализируемых рассказах первого прозаического сборника И. А. Бунина напрямую связаны с мироощущением автора.

В центре нашего научно-исследовательского интереса находятся ранние рассказы писателя-неореалиста И. А. Бунина, составившие «первую книгу его прозы «На край света»» [Афанасьев, 1966, с. 20], отличающиеся «лирической манерой повествования, ... мозаичностью, кадрированием картин действительности» [Роговер, 2005, с. 11]. В неё вошли произведения, объединенные общностью тематики, суровой и безрадостной по своему содержанию, раскрывающей специфику «жизни помещиков и крестьян» [Афанасьев, 1966, с. 20]: «Деревенский эскиз («Танька»», «Святая ночь» («На чужой стороне»», «Кастрюк», «Фантазер» («На хуторе»», «Неожиданность» («Вести с родины»»), «На край света», а также «Тарантелла» («Учитель»»), «На Донце» («Святые горы»)) и «На даче» [Афанасьев, 1966, с. 25]. Наше внимание акцентировано на трех из них, объединенных общностью принципа номинации, представляющей предположительно-падежную форму имени существительного в П. п. и полисемичного предлога «на», употребляющегося в соответствии со словарным значением «при обозначении места» [Ожегов, 1986, с. 316].

Как мы видим, семантика заглавия рассказов «На чужой стороне», «На хуторе» и «На Донце» актуализирует пространственный компонент авторской языковой картины мира, в дальнейшем в тексте произведений последовательно реализующийся в системе лексических средств репрезентации пространственного континуума, который и является объектом нашего исследования. Предмет научно-исследовательского интереса составляет лингвокогнитивная модель концепта «пространство» как компонента авторской языковой картины мира. Цель исследования состоит в выявлении и анализе средств лексической репрезентации пространственного континуума в ранних рассказах И. А. Бунина и поэтапно реализуется в совокупности задач, предполагающих исследование текстовых фрагментов, репрезентирующих пространственный континуум как компонент авторской языковой картины мира, выявление методом сплошной языковой выборки лексем с пространственной семантикой, их статистический подсчет и лингвостилистический и лингвокогнитивный анализ.

2. Пространственный континуум как компонент авторской языковой картины мира (на материале рассказа И. А. Бунина «На чужой стороне»)

Основным принципом построения пространственного континуума в рассказе «На чужой стороне» является антитеза, которая реализуется в ряде частных оппозиций. Перечислим их: беспорядочная жизнь (реальность) — небо (Вечность), чужая сторона — родина, здесь — там, вокзал — пространство за пределами вокзала (город). Безусловно, основное внимание в этом рассказе автор, исходя из семантики заглавия, уделяет раскрытию пространственной оппозиции «чужая сторона — родина».

В соответствии с сюжетом герои рассказа, проезжие мужики, в ожидании поезда вынуждены задержаться на вокзале накануне большого церковного праздника. Они в поисках заработка покинули *родные места* — *голодающую губернию*, чтобы найти работу *на чужой стороне, в неизвестных степных местах* [Бунин, 2018, с. 19], *в низах* [Бунин, 2018, с. 19], *на станции Харцызской* [Бунин, 2018, с. 19]. Данные пространственные номинации являются контекстуальными синонимами. Несмотря на актуализируемый заглавием топос «на чужой стороне», пространство чужой стороны лишь намечено пунктирно, что вполне понятно, поскольку это место, ещё неизвестное и оттого пугающее. Крестьяне, направляющиеся туда, робко надеются на то, что поездка не обманет их надежд. Примечательна характеристика Харцызской, которая дается через наречную лексему *впереди*, именное словосочетание *полная неизвестность* и систему вопросов: «... и где эта Харцызская, когда они приедут туда и какая будет работа ..?» [Бунин, 2018, с. 20]. Обращает на себя внимание атрибутивная характеристика *чужая* в первом словарном значении ‘не собственная, принадлежащая другим, не своя’ [Ожегов, 1986, с. 770], в тексте употребляемая еще дважды: в том же значении в словосочетании *под чужим небом* и во втором словарном значении ‘не родной, не из своей семьи, посторонний’ [Ожегов, 1986, с. 770] в словосочетании *среди чужих людей* [Бунин, 2018, с. 19]. Эта лексема одновременно передает тревожное ожидание будущего и робкую надежду мужиков на получение заработка. Вынужденная задержка в пути актуализирует пространство станции, которая соединяет два полярных, антонимичных по семантике топоса: родные места и чужую сторону — и репрезентируется в рассказе лексемой *вокзал* и обозначениями атрибутов этой реалии, а также лексемами *поезд, паровоз*, вводящими в повествование мотив дороги. Пространство станции, на которой мужики находятся, детализировано в тексте рассказа подробнее всего (именно на него смещается содержательный акцент), хотя в целом оно

вполне типично и создается за счет системы пространственных топов, традиционно характеризующих станцию.

Довольно детально воссоздается образ вокзала, который конкретизируется преимущественно предложно-падежными формами имен существительных с пространственным значением (лексемой *вокзал* (4) и производными от неё, а также словами *платформа* (3), *зала* (4), *паровоз* (2), *поезд* (2), *вагон* (2)): *на вокзале не было обычной суматохи* [Бунин, 2018, с. 18], *в окнах вокзала ... трепетали огни восковых свечей* [Бунин, 2018, с. 21], *контуры вокзальных крыш* [Бунин, 2018, с. 20], *вокзальные пристройки, где светились окна* [Бунин, 2018, с. 20], *полутемная зала третьего класса* [Бунин, 2018, с. 19], *зала третьего класса наполнялась служащими* [Бунин, 2018, с. 21], *и сразу стало светлее в зале* [Бунин, 2018, с. 21], *жадно и скорбно смотря в глубину освещенной залы* [Бунин, 2018, с. 21], *на конце длинной платформы* [Бунин, 2018, с. 19], *мужики стояли на платформе* [Бунин, 2018, с. 21], *прошел курьерский девятичасовой поезд* [Бунин, 2018, с. 18], *тянулся ... бесконечно длинный товарный поезд* [Бунин, 2018, с. 20], *лязгая колесами, прокатился мимо платформы паровоз* [Бунин, 2018, с. 20], *глядел на темную массу паровоза* [Бунин, 2018, с. 20], *вагоны дрогнули, подались назад* [Бунин, 2018, с. 20], *в темноте товарных вагонов* [Бунин, 2018, с. 20].

Несмотря на в целом мрачную тональность повествования, пространство станции наполнено звуками и красками, которые репрезентируются глагольными лексемами: *что-то завизжало, заскрипело* [Бунин, 2018, с. 20], *поезд ... сипел горячим паром* [Бунин, 2018, с. 20], — а также именными: *перекрещивались и мигали зеленые, синие и красные огоньки* [Бунин, 2018, с. 20], *паровоз осветил её красным отблеском растопленной печки* [Бунин, 2018, с. 20]. Семантически они также акцентируют мотив тревожного ожидания от поездки в *полную неизвестность* [Бунин, 2018, с. 20].

С образом поезда, как было отмечено выше, органично связан мотив дороги как некой пространственной скрепы, связывающей родные места с чужой стороной, а метафорически проецируемой на судьбы крестьян, героев рассказа и даже — в символически-обобщенном плане — на судьбу России, тревожные авторские рассуждения о её пути и плохо представляемом будущем.

В воспоминаниях мужиков, объединяющих их независимо от возраста и мировосприятия, возникает пространство родного села с его атрибутами: *мужичьи дворы* [Бунин, 2018, с. 21], *избы* [Бунин, 2018, с. 21], *церковь* [Бунин, 2018, с. 21]. Именно лексема *церковь* является определяющей в характеристике родного села. Она ассоциативно связывает родину му-

жиков со станцией, на которой они оказались в ожидании поезда в чужую сторону. Так в рассказ вступает пространство Вечности, которое вербализуется номинациями церковных праздников, Святых, атрибутов церкви и церковной службы (*свечи, воск и т. д.*). Это пространство несет важную семантическую нагрузку. Святая ночь дает героям (крестьянам) возможность на короткое время забыть о голоде и нищете, просветлеть духом и приобщиться к Богу: *«Они опустились на колени и торопливо крестились, то надолго припадая лбами к порогу, то жадно и скорбно смотря ... на огни и иконы, подняв свои худые лица с пепельными губами, свои голодные глаза ... — Воскресни, Боже, Суди земли!»* [Бунин, 2018, с. 21]. Обращает на себя внимание, что первоначальное название рассказа «Святая ночь» акцентировало пространство Вечности, связанное в сознании героев с верой в Бога, с почитанием христианских праздников.

Так, в произведении создан образ внешнего пространства, центральными топосами которого являются «родное село», «чужая сторона», «станция», репрезентируемые системой лексических средств, важное место среди которых принадлежит предложно-падежным формам имен существительных с пространственным значением и глагольным лексемам со значением движения и перемещения в пространстве.

Заданные в этом рассказе принципы и средства организации пространственного континуума найдут свою реализацию в других произведениях, где они будут расширены и детализированы автором. Особенностью изображения пространства в этом рассказе является его схематичность и максимальная обобщенность. Примечательно, что здесь намечается и внутреннее пространство, которое займет важное место в рассказах «На хуторе» и «На Донце», возникающее в воспоминаниях и мыслительном дискурсе героев и актуализирующее образ родного села.

Обобщая сказанное, считаем возможным графически изобразить пространственный континуум произведения в виде следующей схемы (рис. 1).

Традиционно родина ассоциируется с образом дома, который организует пространство микромира человека, защищающее его от внешней среды. Как нами было отмечено выше, лексема *изба* репрезентирует пространство родного села, но лишь схематично, в отличие, в частности, от рассказа «На хуторе», где лексема *дом* играет важную роль в создании топоса «усадьба», одного из ключевых в пространственной организации произведения. Важная роль в рассказе «На чужой стороне» принадлежит мотиву дороги, сквозному для всех анализируемых нами ранних рассказов писателя, имеющему как внешний, так и символически-обобщенный смысл и план выражения.

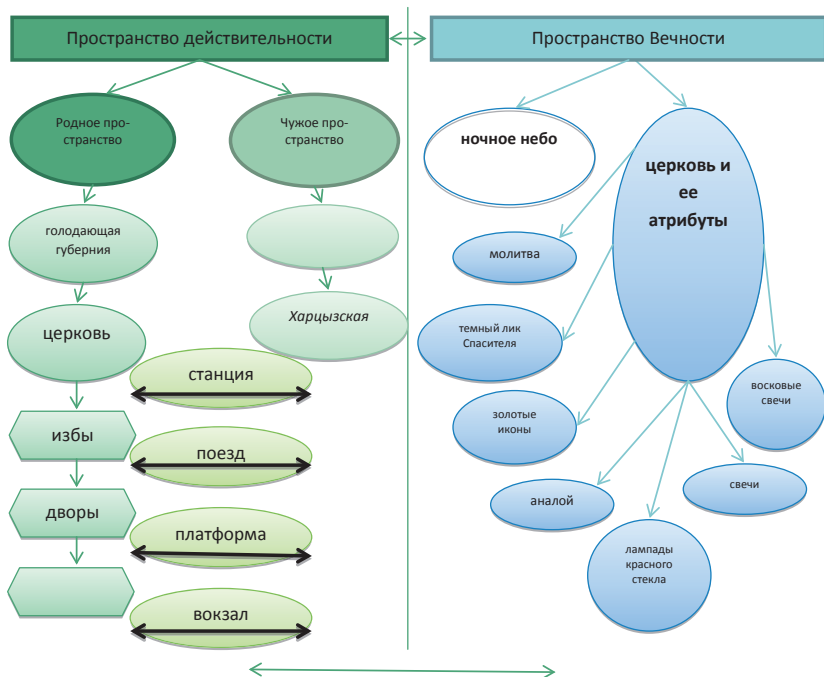

Рис. 1. Пространственный континуум рассказа И. А. Бунина «На чужой стороне»

3. Лингвокогнитивная модель пространства в рассказе И. А. Бунина «На хуторе»

Рассказ И. А. Бунина «На хуторе» эгоцентричен. Все повествование в нем стянуто к образу главного героя, мелкопоместного дворянина Капитона Иваныча. В основе создания пространственного континуума этого произведения, как и предыдущего, лежит принцип противопоставления, реализующийся в первую очередь в оппозиции «реальное (земное) пространство — Вечность, Космос». Автор, без сомнения, акцентирует внимание на описании первого компонента данной пространственной дихотомии, то есть пространства действительности, которое условно представляется возможным разделить на внешнее, окружающее героя, и внутреннее, присутствующее в его воспоминаниях и размышлениях. Сквозь призму мыслительного дискурса персонажа проступает пространство его детства, родное пространство, которое проецируется на современную Капитону Иванычу жизнь. Следуя тому же, что и в предыдущем рассказе, принципу изображения действительности, И. А. Бунин актуализирует из всего ху-

торского пространства топос «усадьба», раскрывающийся на пересечении двух временных осей: детства, когда герой приезжал сюда в гости к тетке, и современной действительности, в которой это «*именьице досталось ему*» [Бунин, 2018, с. 22] по наследству, в соединении двух пространственных локусов: внешнего, окружающего героя, и внутреннего, возникающего в его мыслительном дискурсе. Эти две проекции и актуализируют лексему *усадьба* как ядерную при концептуальном анализе пространства в данном рассказе: «*Усадьба его стояла на горе...*» [Бунин, 2018, с. 22]. Таким образом, выделяется местоположение усадьбы — на горе, внизу которой располагается деревня, что подчеркивает обособленность имения Капитона Ивановича. При этом писатель снова не дает никаких географических и топонимических ориентиров его расположения. Пространственные координаты максимально обобщены. Являясь ядром концепта «Пространство», «усадьба» довольно подробно прорисована автором. В создании её замкнутого пространства преимущественно участвуют предложно-падежные формы имен существительных, а также глаголы со значением движения и перемещения в пространстве, вербализуемые лексемами *идти* и производными от неё (7), *брести* (2), *ехать* (2): *Ему хотелось куда-то пойти* [Бунин, 2018, с. 23], *да и идти не с кем* [Бунин, 2018, с. 23], *никогда не приду и не сяду на этом бугре* [Бунин, 2018, с. 24], *а потом они вышли бы из дома и пошли рядом полевой дорожкой* [Бунин, 2018, с. 23], *вышел из дома*, [Бунин, 2018, с. 23], *не спеша пошел за каретный сарай* [Бунин, 2018, с. 24], *когда он приезжал домой из города* [Бунин, 2018, с. 23], *на дрожжах ехал по большой дороге* [Бунин, 2018, с. 24], *он бродил по залу* [Бунин, 2018, с. 23], *представляет себя как другого человека, шагающего в полусвете старинной залы, человека, который бродит один-однешенек* [Бунин, 2018, с. 23], а также немногочисленные наречные лексемы: *шел вниз* [Бунин, 2018, с. 22], *Там открыты окна* [Бунин, 2018, с. 23], *прямо туда, где далеко-далеко брезжит свет заката* [Бунин, 2018, с. 23] и под.

Топос «усадьба» детализируется автором преимущественно за счет использования лексем:

— *дом* (6) и производных от неё: *Детство и отрочество он провел в доме сумасшедшей тетки* [Бунин, 2018, с. 22], *А потом они вышли бы из дома* [Бунин, 2018, с. 23], *Капитон Иванович встал и пошел по дому* [Бунин, 2018, с. 23], *Восемьдесят лет домику!* — думал Капитон Иванович [Бунин, 2018, с. 23], *Он взял картуз и вышел из дому* [Бунин, 2018, с. 23], ... *когда он приезжал домой, из города* [Бунин, 2018, с. 23]. Пространство дома прорисовано в общих чертах упоминанием тех мест, которые до сих пор хранятся в памяти героя и имеют для него большое значение. Точнее, это одно место — *зала* (4), где стояло старинное фортепиано, на котором

тетка «с безумной страстью» играла «Полонез Огинского». Звуки этого музыкального произведения из памяти Капитона Ивановича не стерло время: в *зале стоят старинные фортепианы* [Бунин, 2018, с. 23], *Шагая по зале, он чувствовал себя как-то неловко* [Бунин, 2018, с. 23], *он бродил по залу* [Бунин, 2018, с. 23], в *полусвете старинной залы* [Бунин, 2018, с. 23]. Зала противопоставлена всем остальным комнатам: *Шаги его отдавались по комнатам* [Бунин, 2018, с. 23]. Примечательно, что в этом рассказе появляется пространство дома, которое традиционно считается продолжением внутреннего пространства человека [Маслова, 2011]. И, нужно подчеркнуть, в его изображении Бунин вполне традиционен, понимая это пространство как своё, родное, отгороженное от внешнего мира и выполняющее функцию защиты от него. В этом контексте актуализируется пространственная модель, в центре которой стоит человек; ближайшее к нему пространство можно назвать микрокосмом, органичной составляющей которого является дом, а по мере удаления от него формируется пространство макрокосма, внешнее, чужое, а иногда и враждебное.

Топос «усадьба» характеризуется совокупностью лексем с пространственным значением:

— сад (3): *из сада пахло лопухами* [Бунин, 2018, с. 23], *мягко благоухали сады* [Бунин, 2018, с. 23], *охваченной сочной свежестью сада* [Бунин, 2018, с. 23];

— двор (3): *на дворе было светлее* [Бунин, 2018, с. 23], *Свет зари ... слабо разливался по двору* [Бунин, 2018, с. 23], *он направился по двору к варку* [Бунин, 2018, с. 24];

— варок (2): *Капитон Иванович только постоял у варка* [Бунин, 2018, с. 24];

— сарай (1): *не спеша пошел за каретный сарай* [Бунин, 2018, с. 24].

Обращает на себя внимание, что автор, описывая пространство усадьбы, предпочитает не давать атрибутивных характеристик её объектам, а лишь номинирует их.

На разном расстоянии от ядра расположена система периферийных средств создания пространственного континуума в рассказе, репрезентируемая рядом лексем. По частоте употребления и роли в организации пространственного континуума рассказа на первом месте стоит лексема *деревня* (3): *Темнело и в деревне* [Бунин, 2018, с. 22], *Ни одного огонька не светилось на деревне* [Бунин, 2018, с. 23], *Свет зари, погасающей за деревней* [Бунин, 2018, с. 23]. Деревня противопоставлена усадьбе, таким образом, сформирована оппозиция «своё пространство — чужое», «микромир — макромир». Расположенная в противоположность усадьбе на равнине, деревня как пространственный топос детализируется автором

одной-единственной лексемой *избы*, а также лексемами, номинирующими ландшафтные особенности: *Одни оконца избы* *отсвечивали ... медным диском* [Бунин, 2018, с. 22], *поужинали на камнях перед избами* [Бунин, 2018, с. 22]. Примечательно, что автор не дает внешней характеристики избы, подчеркивая при их описании лишь одну деталь — «оконца» (3), которые выступают не только деталью избы, но и выполняют символическую роль границы дома, его связи с внешним миром: *Одни оконца избы* *отсвечивали* [Бунин, 2018, с. 22], *... сидя у поднятого окна* [Бунин, 2018, с. 22], *Там открыты окна* [Бунин, 2018, с. 23]. Окрестности деревни, репрезентируются лексемами *пруд*, *поле*, *равнины хлебов*, *лощины*, *степь*: *с забытого пруда* *долетал иногда крик цапли* [Бунин, 2018, с. 23], *лягушки заводили в прудах ... звенящую музыку* [Бунин, 2018, с. 23]; *Он долго смотрел в далекое поле* [Бунин, 2018, с. 24], *будут мужики с перевернутыми сохами ехать с поля* [Бунин, 2018, с. 24], *очертания полей* *едва-едва обозначились* [Бунин, 2018, с. 24], *Поле* *молчало* [Бунин, 2018, с. 22]; *свет и неуловимый сумрак мешались над равнинами хлебов* [Бунин, 2018, с. 22]; *в мутно-молочном тумане дальних лощин* [Бунин, 2018, с. 23], *в степи отчетливо выкрикивал ... перепел* [Бунин, 2018, с. 22]. Они характеризуют открытое пространство и представляют собой атрибутивные характеристики дороги от деревни до усадьбы, с равнины в гору.

Таким образом, в рассказе «На хуторе» автор акцентирует внимание на создании внешнего пространства, макрокосма, лингвокогнитивная модель которого была нами проанализирована. Пространству реальному в этом произведении так же, как и в предыдущем, противопоставлено пространство Вечности, которое репрезентируется лексемами *звезда* (7), *небо* (5) и *бесконечность* (1): *Звезды в небе* *трепетали скромно и таинственно* [Бунин, 2018, с. 22], *Звезды в небе* *светят так скромно и загадочно* [Бунин, 2018, с. 23], *Все спало под открытым звездным небом* [Бунин, 2018, с. 23], *... глядели целомудренные предутренние звезды* [Бунин, 2018, с. 23], *в темном небе* *вспыхнула и покатилась звезда* [Бунин, 2018, с. 24], *звезды, казалось, сияли выше* [Бунин, 2018, с. 24], *от ... мягкой темноты звездной бесконечности* [Бунин, 2018, с. 24], *долго смотрел в небо* [Бунин, 2018, с. 24]. Пространство Вечности ассоциативно связано с мыслительным дискурсом главного героя, вспоминающего быстро промчавшуюся жизнь, размышляющего о красоте природы, бесконечности звездного неба и скоротечности по сравнению с ней человеческой жизни: «Сколько лет представлялось, что вот там-то, впереди, будет что-то значительное, главное... И вот доходишь до такой поры, в которой, говорят, все кончается... долга или коротка жизнь? ... Тихо прожил, тихо и умру ... Как живо чувствовал он свое кровное родство с этой безмолвной

природой!» [Бунин, 2018, с. 24]. Таким образом, во внутренней речи персонажа Вечность и действительность, символизирующие противоположные полюсы центральной пространственной оппозиции рассказа, оказываются органично связанными.

Пространственный континуум рассказа «На хуторе» считаем возможным представить в виде схемы (рис. 2).

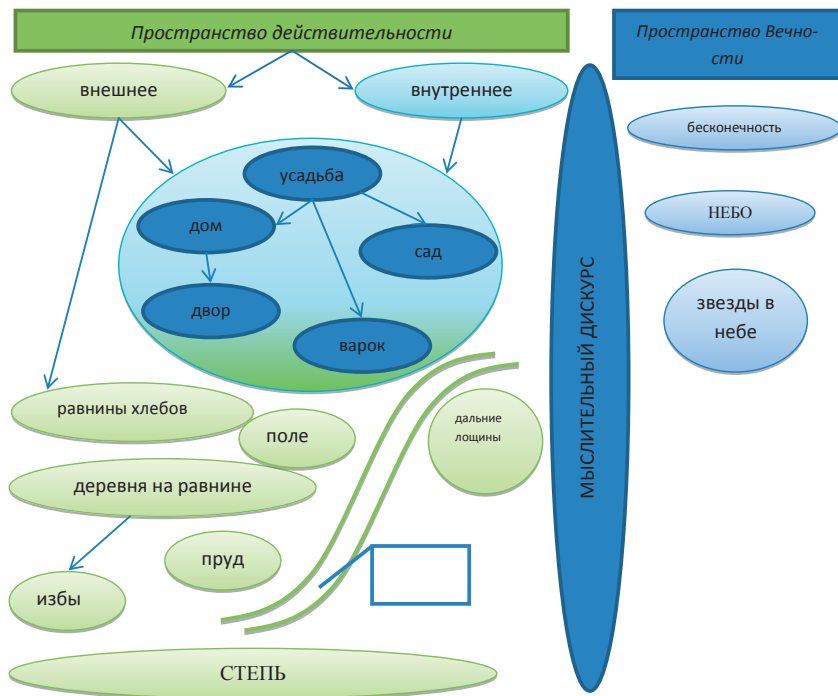

Рис. 2. Пространственный континуум рассказа И. А. Бунина «На хуторе»

4. Вербализация мотива пути в формате организации пространства в рассказе И. А. Бунина «На Донце»

Рассказ И. А. Бунина «На Донце» посвящен поездке писателя, состоявшейся весной 1895 года, в те места, которые были воспеты автором «Слова о полку Игореве». С начала этого произведения актуализируется мотив движения, пути, напрямую связанный с образом рассказчика, что является одной из особенностей изображения пространственного континуума рассказа. В отличие от двух предыдущих рассказов здесь четко прослеживается направление движения и даются его топонимические обозна-

чения: *Донец, Святые Горы, Славянск, Малый Тананс*. Одним словом, пространственные репрезентанты имеют географические и топонимические наименования, обозначая местонахождение предметов, рассказчика и его перемещения в пространстве. Большая их часть представлена составными наименованиями с предложно-падежными словоформами имен существительных. Конечная точка маршрута — Святогорский монастырь, в который рассказчик хочет попасть в Великую субботу и провести этот день там.

Центральным топосом произведения является упоминаемый в заглавии *Донец*, путь к которому и составляет основу сюжета рассказа. Данная лексема насчитывает 14 словоупотреблений: *Путь к Донцу ... пролегает на юго-восток* [Бунин, 2018, с. 33], *Побывать на Донце* [Бунин, 2018, с. 34], *Донец видел Игоря* [Бунин, 2018, с. 34], *откроется долина Донца* [Бунин, 2018, с. 34], *в голубой, огромной долине открылся Донец* [Бунин, 2018, с. 35], *Донец был в разливе* [Бунин, 2018, с. 35], *Донец скрылся за холмами* [Бунин, 2018, с. 35], *светлая полоса узкого Донца* [Бунин, 2018, с. 35], *Донец под Святыми Горами быстр и узок* [Бунин, 2018, с. 35], *Широкая тень стлалась по Донцу* [Бунин, 2018, с. 35], *вплавь переходят Донец люди* [Бунин, 2018, с. 36], *наперебой трезвонили над Донцом* [Бунин, 2018, с. 36], *как сверкали разливы Донца* [Бунин, 2018, с. 36], *по прозрачной воде Донца* [Бунин, 2018, с. 36]. Примечательно, что автор дает разностороннюю характеристику реке, вспоминая её славное историческое прошлое (*Донец видел князя Игоря и воспет «Словом о полку Игореве»*), местонахождение (*пролегает на юго-восток, под Святыми Горами*), размеры (*полоса Донца, узкий Донец*), качественную характеристику (*был в разливе, быстр, узок, прозрачная вода*). Вообще писатель неоднократно подчеркивает живописность данной местности, невольно притягивающей взоры. Сужая географические параметры, автор конкретизирует на Донце такой локус, как Святые Горы — монастырь, построенный здесь, на берегу реки, которая протекает внизу, под ним, и привлекающий к себе многочисленных паломников, одним из которых является и рассказчик. Важность этого топонима в пространственной организации произведения определяется уже тем фактом, что первоначальное заглавие рассказа «На Донце» было заменено И. А. Буниным на «Святые Горы», что явно сузило пространственную семантику заглавия и актуализировало иной топос. Топоним *Святые Горы* насчитывает в тексте 7 словоупотреблений: *к древнему монастырю на Святых Горах* [Бунин, 2018, с. 33], — *Да вы разве никогда не были на Святых Горах?* [Бунин, 2018, с. 34], *Донец под Святыми Горами быстр и узок* [Бунин, 2018, с. 35], *к ... монастырю на Святых Горах* [Бунин, 2018, с. 33], *до Святых Гор оставалось еще верст двадцать* [Бунин, 2018, с. 33], *откроется долина Донца и Горы* [Бунин,

2018, с. 34], — *Это дорога на Святые Горы?* — спросил я [Бунин, 2018, с. 34]. Синонимичными ему в рассказе выступают лексемы *монастырь* (10) и *обитель* (4): к *древнему монастырю* [Бунин, 2018, с. 33], *может быть, видел Игоря и Святогорский монастырь* [Бунин, 2018, с. 34], *Монастыря же все не было* [Бунин, 2018, с. 34], — в *монастырь*. — Який *монастырь?* [Бунин, 2018, с. 34], в самом *монастыре*, в *церкви* [Бунин, 2018, с. 34], — *А в монастыре?* [Бунин, 2018, с. 34], *монастырь ... не показывался* [Бунин, 2018, с. 35], *прибывало ... в монастырь все больше и больше людей* [Бунин, 2018, с. 36], *Путь ... к древнему монастырю* [Бунин, 2018, с. 33], *день мне хотелось провести в обители* [Бунин, 2018, с. 33], *стоит белокаменная обитель* [Бунин, 2018, с. 35], *по каменному двору обители* [Бунин, 2018, с. 35], *костры осады пылали под стенами обители* [Бунин, 2018, с. 36]. В описаниях монастыря автор подчеркивает его сопричастность историческому прошлому (*древний*), а также материал, из которого он построен (*каменный, белокаменный*). Территория Святогорского монастыря конкретизируется такими лексемами пространственного характера, как *церковка, собор, скиты, кельи, иноки, схимники*.

Особе внимание на пути следования к монастырю автор уделяет нескольким пространственным ориентирам: *кургану в поле, лесу, степи, горах, болоту*. Их важное место в пространственной модели рассказа определяется развернутыми описаниями, в которых, в отличие от предыдущих произведений, присутствуют атрибутивные характеристики этих топосов. Проанализируем текстовые фрагменты, включающие перечисленные номинации:

— *курган* (6) в *поле* (3): *Один сторожевой курган стоял вдалеке* [Бунин, 2018, с. 33], *За курганом блеснула круглая ложбина* [Бунин, 2018, с. 33], *Курган был дикий* [Бунин, 2018, с. 33], *Отдыхая, я долго лежал на кургане* [Бунин, 2018, с. 34], в *южных степях каждый курган кажется молчаливым памятником* [Бунин, 2018, с. 34], с *молчаливых курганов* [Бунин, 2018, с. 36], *Передо мной серело пустынное поле* [Бунин, 2018, с. 33], с *полей уже тянуло теплом* [Бунин, 2018, с. 34], *среди ровных бесконечных полей* [Бунин, 2018, с. 36]. При описании кургана автор акцентирует внимание на важном для него историческом аспекте, демонстрирующем связь времен, преемственность поколений. Курган предстает величественным памятником старины, свидетелем славных исторических событий, позволяющим рассказчику, как и любому другому человеку, стать сопричастным истории Родины, проникнуться значимостью своей судьбы и своего назначения по пути в монастырь.

— *лес* (14): *Темнея пятнами лесов* [Бунин, 2018, с. 33], *Полоса леса серовато чернела вдали* [Бунин, 2018, с. 34], *за лесом-то и откроется*

долина Донца и Горы [Бунин, 2018, с. 34], **Лес** оказался очень старым, заглохшим [Бунин, 2018, с. 34], над чащей **леса** сверкнул золотой купол церкви [Бунин, 2018, с. 35], залитых половодьем прибрежных **лесов** [Бунин, 2018, с. 35], мы въехали в **лес** [Бунин, 2018, с. 35], над сплошными луговыми **лесами** [Бунин, 2018, с. 35], белея в зелени **леса** [Бунин, 2018, с. 35]; Дико и глухо было тогда в первобытных **лесах** [Бунин, 2018, с. 35], **Лес** бесконечно синел [Бунин, 2018, с. 35], **Лес** глушил берега [Бунин, 2018, с. 35], все гулко отдавалось в **лесах** [Бунин, 2018, с. 36], темный бархат её **лесов** [Бунин, 2018, с. 36]. В описаниях леса акцентируется внимание на таких его характеристиках, как труднопроходимость (*чаща леса, сплошной, было дико*), цвет (*темнеет, синееет, чернеет, зелень, серовато*), местоположение (*прибрежный*), размер (*полоса*), древность (*старый*).

— **степь** и производные от этой лексемы (6): с утра в **степи** было по-весеннему холодно [Бунин, 2018, с. 33], в южных **степях** [Бунин, 2018, с. 34], в диких **степных** равнинах [Бунин, 2018, с. 34], Путь к Донцу ... пролегает ... на Азовские **степи** [Бунин, 2018, с. 33], в **степи** стало скучно [Бунин, 2018, с. 35], я уже опять шагал в **степи** [Бунин, 2018, с. 36]. Степь привлекает внимание рассказчика как топос по пути следования в монастырь, поэтому вполне оправданно подчеркивается географическое положение степи (*Азовские, южные*), а также состояние, испытываемое рассказчиком в степи (*холодно, скучно*).

— **горы** (10): рисовалась на горизонте гряда меловых **гор** [Бунин, 2018, с. 33], я пошел к крытым галереям, что ведут в **гору** [Бунин, 2018, с. 35], у подножия далеких меловых **гор** [Бунин, 2018, с. 35], И **горы** эти белели [Бунин, 2018, с. 35], у подошвы лесистой **горы** [Бунин, 2018, с. 35], стали спускаться **под гору** [Бунин, 2018, с. 35], Солнце медленно уходило **за горы** [Бунин, 2018, с. 35], первый человек этих **гор** [Бунин, 2018, с. 35], Я успел сходить на вершину **горы** [Бунин, 2018, с. 36], стал взбираться в **гору** [Бунин, 2018, с. 36]. Горы привлекают внимание рассказчика своей живописностью, органичной вписанностью в ландшафт местности.

В описании всех вышеперечисленных топосов важным принципом пространственной организации является соединение двух проекций: прошлого и настоящего, на пересечении которых и вписываются в пространственный континуум произведения эти образы, что напрямую связано с размышлениями рассказчика на протяжении пути об историческом прошлом Родины и связи с ним каждого человека. Этот повествовательный принцип значительно расширяет как временные, так и пространственные рамки произведения.

Ключевым в сюжете рассказа является мотив пути, который во внутреннем плане осмысливается в аспекте духовного движения челове-

ка к Богу, к вере, а во внешнем — репрезентируется лексемой *дорога* и языковыми единицами, представляющими её различные атрибутивные характеристики, акцентирующими трудность пути к монастырю. Так возникает «расширительный смысл произведения, усиливается подтекст» [Михайлова 2010, с. 41]. Лексема *дорога* является вербализатором концепта ПРОСТРАНСТВО, воплощающегося также в ряде других номинаций природно-предметного мира в пределах видимой рассказчиком картины. Отличительной чертой изображения пространственного континуума в рассказе являются географические координаты — номинации сторон света, важные, по мнению автора, для описания пути в монастырь: *Путь к Доницу ... пролегает на юго-восток ...* [Бунин, 2018, с. 33]; *Путь ... к древнему монастырю ... пролегает на юго-восток ...* [Бунин, 2018, с. 33]; *на западе, ... рисовалась ... гряда меловых гор* [Бунин, 2018, с. 33]; *к югу разливались еще шире* [Бунин, 2018, с. 35]; *с юга надвигалась туча* [Бунин, 2018, с. 35]. Лексема *дорога* насчитывает в тексте такого небольшого рассказа 11 употреблений: *ветер просушивал колеи грязной дороги* [Бунин, 2018, с. 33], *Иногда дорогу затопляло* [Бунин, 2018, с. 34], *в грязи глубоких рытвин дороги* [Бунин, 2018, с. 34], *в пролете лесной дороги* [Бунин, 2018, с. 34], *я подходил с расспросами о дороге* [Бунин, 2018, с. 34], — *Это дорога на Святые Горы? — спросил я* [Бунин, 2018, с. 34], — *Так это дорога* [Бунин, 2018, с. 34], *дорога круто завернула влево* [Бунин, 2018, с. 35], *ветер начал пылить по дороге* [Бунин, 2018, с. 35], *Все круче, отвеснее становилась горная дорога, каменистая, узкая, живописная* [Бунин, 2018, с. 35], *каменистые берега дороги* [Бунин, 2018, с. 35]. Как мы видим из приведенных текстовых фрагментов, автором подчеркивается сложность перемещения по дороге к монастырю, акцентируется внимание на её *грязных колеях, глубоких рытвинах, крутизне, каменистом характере*. Перемещения рассказчика вербализуются глаголами со значением движения, преимущественно лексемами *идти* и *ехать* и производными от них, а также единичными употреблениями глагольных лексем *пробираться, обгонять*: *Я зашагал еще поспешнее* [Бунин, 2018, с. 34], *и нужно было идти поспешно* [Бунин, 2018, с. 33], *я с трудом пробирался по хворосту* [Бунин, 2018, с. 34], *Потом я обгонял идущий на богомолье народ* [Бунин, 2018, с. 35], *мы въехали в лес* [Бунин, 2018, с. 35], *я пошел к крытым галереям* [Бунин, 2018, с. 35], *Я успел сходить на вершину горы* [Бунин, 2018, с. 36].

Путь в Святогорский монастырь изображается на фоне весенней природы, создающей позитивный настрой у рассказчика и пробуждающей в его душе положительные эмоции, «доминирующей из которых является радость» [Пастух, 2009, с. 112]: ... *степь увлекала, завладевала душой,*

наполняла её **чувством радости, свежести...** [Бунин, 2018, с. 33], *Есть что-то чистое и веселое в этих полевых апрельских болотцах* [Бунин, 2018, с. 33], ... я закрывал глаза, **чувствуя себя бесконечно счастливым** [Бунин, 2018, с. 34]. Так в произведении появляется концепт «природа»: *ложбина, налитая весенней водой* [Бунин, 2018, с. 33], *белые облака весеннего неба* [Бунин, 2018, с. 33], *Солнце согревало меня* [Бунин, 2018, с. 34], *в ярком весеннем небе* [Бунин, 2018, с. 34], *весенней душистой грозы* [Бунин, 2018, с. 34], объединяющий в себе информацию с базовым уровнем, представленным лексемами «весна», «небо», «гроза», «лес» и под., а также «субординатным уровнем» [Чернова, 2015, с. 6], репрезентируемым лексемами «ложбинка», «болотце», «курган» и под. Отметим, что природный и предметный мир в рассказе звучит и визуализируется, что передано соответствующими звуковыми и колоративными лексемами, по частеречной принадлежности по преимуществу относящимися к глаголам, отглагольным существительным и именам прилагательным: *вьются звонкоголосые чибисы* [Бунин, 2018, с. 33], *жаворонки ... заливались безотчетно-радостными трелями* [Бунин, 2018, с. 34], *Резкий крик птицы, треск сучьев ..., хриплый хохот кукушки и сумеречное уханье филина* [Бунин, 2018, с. 36], ... *по шороху и плеску воды* [Бунин, 2018, с. 36], *скрип телеги* [Бунин, 2018, с. 34], ... *шуршали по кустам* [Бунин, 2018, с. 36], *Птицы ... реяли вокруг, визжа, как старый флюгер* [Бунин, 2018, с. 36]; *в прозрачной воде отражается ясная лазурь* [Бунин, 2018, с. 33], *белые облака* [Бунин, 2018, с. 33], *седой ковыль ... покачивался* [Бунин, 2018, с. 33], *сверкал золотой купол церкви* [Бунин, 2018, с. 34], ... *серело пустынное поле* [Бунин, 2018, с. 33], *Темнея пятнами лесов, как старинное серебро чернью* [Бунин, 2018, с. 33] и т.д.

В этом рассказе так же, как и в предыдущих, представлено пространство Вечности, репрезентируемое лексемами *небо* (8), *облака* (2), *церковь* (4) и её атрибутами: *Белые облака весеннего неба* [Бунин, 2018, с. 33]; ... *в ярком весеннем небе белые облака* [Бунин, 2018, с. 34]; ... *делая даль бесконечной* [Бунин, 2018, с. 34]; ... *возносились зелеными кронами к голубому небу* [Бунин, 2018, с. 35]; *Небо ... казалось еще глубже и невиннее, и чистая, как это небо, радость наполняла душу* [Бунин, 2018, с. 35]; ... *рисуетя в небе другая* [Бунин, 2018, с. 35]; *Туча с юга заволокла все небо* [Бунин, 2018, с. 36]; *сверкал золотой купол церкви* [Бунин, 2018, с. 35], *ютится старинная церковь* [Бунин, 2018, с. 35], ... *под карнизами церковки* [Бунин, 2018, с. 36], ... *стремилась к небу белая церковка* [Бунин, 2018, с. 36]. Пространство Вечности актуализируется вторым названием рассказа «Святые Горы», органично переплетаясь с пространством действительности, как современной герою, воссоздающей его путешествие

в Святогорский монастырь, так и исторической перспективы, возникающей в его воспоминаниях.

Пространственную организацию рассказа «На Донце» представим в виде схемы (рис. 3).

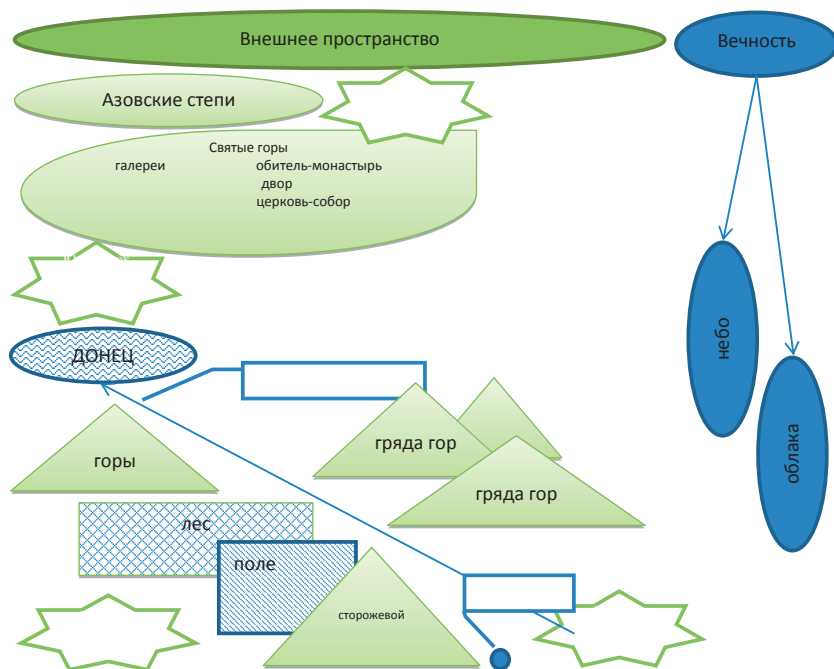

Рис. 3. Пространственный континуум рассказа И. А. Бунина «На Донце»

Таким образом, пространственный континуум произведения, в отличие от двух проанализированных выше, дает наиболее полное представление о принципах и способах создания концепта «Пространство» как компонента авторской языковой картины мира. В этом рассказе аккумулируются как уже типичные для писателя средства лексической репрезентации внешнего и внутреннего пространства, пространства действительности и Вечности, так и появляются новые, детализирующие пространственную модель.

5. Заключение

Таким образом, лексический анализ пространственного континуума как компонента авторской языковой картины мира трех рассказов

И. А. Бунина «На чужой стороне», «На хуторе» и «На Донце» позволил определить особенности и специфику создания пространственной модели в ранней прозе писателя. Выявляя общие универсалии в способах и средствах лексической репрезентации категории пространства, представляется возможным утверждать о лежащем в их основе принципе антитезы, реализующемся в ряде последовательных структурно-семантических оппозиций. Самой крупной из них является противопоставление действительности (реального, земного мира) и Вечности (Космоса). В свою очередь, мир земной делится на близкое героям (микрокосм) и далекое, чужое (макрокосм) пространство, каждое из которых имеет свои средства репрезентации. Так близкое пространство в рассказах вербализуется системой лексических средств, представленных преимущественно предложно-падежными формами имен существительных с пространственным значением и глаголами со значением движения, перемещения в пространстве, гораздо реже — наречными лексемами.

Важная роль в создании пространственного континуума принадлежит лексеме *дорога*, являющейся пространственной скрепой, соединяющей разнообразные топосы, а также метафорически проецируемой на судьбы героев рассказов и в символически-обобщенном плане — на судьбу, исторический путь России.

Пространству действительности противопоставлено пространство Вечности, репрезентируемое лексемами, номинирующими церковные праздники, Святых, а также небо, звезды, даль, бесконечность как довольно традиционные в русской литературе атрибуты Вечности.

Нельзя не отметить схематичность в построении пространственной модели, редкое употребление (пожалуй, за исключением последнего рассказа) топонимических единиц, отсутствие подробностей и прорисованных деталей.

В качестве пространственных репрезентантов в проанализированных рассказах выступают топонимические, географические номинации, физические и ментальные, создающие горизонтальную и вертикальную пространственные плоскости. Они обозначают объекты природно-предметного мира и местонахождение героев, их перемещения в пространстве и направление этого движения.

Результатом проведенного исследования явилась характеристика средств лексической репрезентации пространственного континуума как важного компонента авторской языковой картины мира, выявление их специфики и индивидуального своеобразия в ранних рассказах И. А. Бунина. Лингвостилистический и лингвокогнитивный анализ позволил обосновать уникальность авторской пространственной модели, воплотившей «объ-

ективно-субъективное представление автора о пространстве» [Бабенко, 2009, с. 96]. На основе проведенного анализа рассказов И. А. Бунина «На чужой стороне», «На хуторе», «На Донце» представим их пространственный континуум (рис. 4).

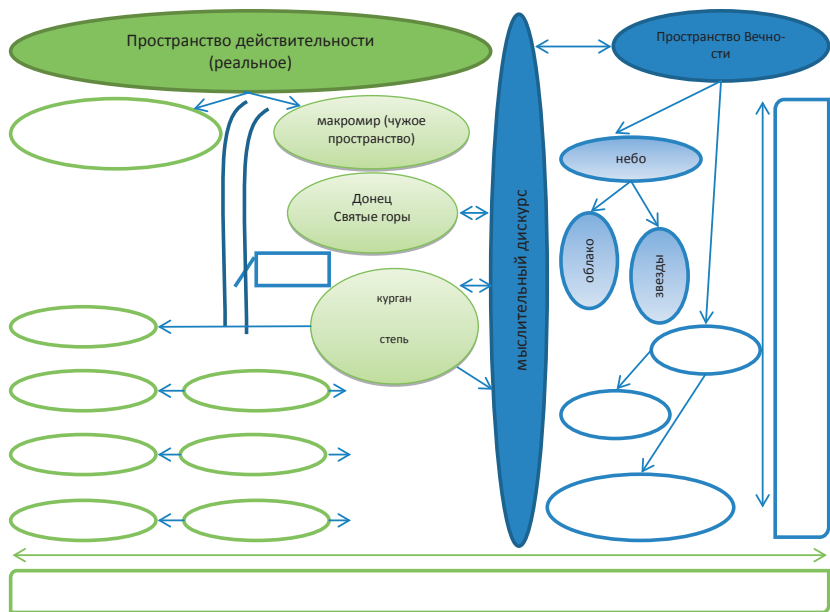

Рис. 4. Пространственный континуум рассказов И. А. Бунина

ЛИТЕРАТУРА

1. Афанасьев В. И. А. Бунин: Очерк творчества / В. Афанасьев. — Москва : Промсвещение, 1966. — 383 с.
2. Бабенко Л. Г. Лингвистический анализ художественного текста / Л. Г. Бабенко. — Москва : Флинта : Наука, 2009. — 496 с.
3. Болдырев Н. Н. Антропоцентрическая сущность языка в его функциях, единицах и категориях / Н. Н. Болдырев // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2015. — № 1 (42). — С. 5—12.
4. Болдырев Н. Н. Антропоцентризм пространства и времени как форм языкового сознания / Н. Н. Болдырев // Когнитивные исследования языка. — Вып. 32. — 2018. — С. 26—35.
5. Бунин И. А. Полное собрание рассказов в одном томе / И. А. Бунин. — Москва : АЛЬФА-КНИГА, 2018. — 117 с.
6. Дубова М. А. Концепт «Мыслительная деятельность» как компонент языковой личности героя в романе И. А. Бунина «Жизнь Арсеньева» / М. А. Дубова // Неофило-

логия. — 2021. — Т. 7, № 27. — С. 444—252. — DOI: 10.20310/2587-6953-2021-7-27-444-452.

7. *Краткий словарь когнитивных терминов* / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина. — Москва : Филол. фак. МГУ, 1996. — 245 с.

8. *Маслова В. А.* Введение в когнитивную лингвистику : учебное пособие / В. А. Маслова. — 5-е изд. — Москва : Флинта ; Наука, 2011. — 296 с.

9. *Михайлова М. В.* И. А. Бунин / М. В. Михайлова // *Русская литература XIX—XX веков* : в 2 т. Т. 2 : *Русская литература XX века. Литературоведческий словарь* / науч. ред. Б. С. Бугров, М. М. Голубков. — 10-е изд. — Москва : Изд-во Моск. ун-та, 2010. — С. 38—92.

10. *Ожегов С. И.* Словарь русского языка : ок. 57000 слов / С. И. Ожегов. — 18-е изд., стереотип. — Москва : Русский язык, 1986. — 797 с.

11. *Пастух А. А.* Эмоциональная сфера автора в рассказе И. А. Бунина «Святые Горы» / А. А. Пастух // *Вестник ВятГУ*. — 2009. — № 4. — С. 111—114. — Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/emotsionalnaya-sfera-avtora-v-rasskaze-i-a-bunina-svyatyie-gory> (дата обращения: 21.07.2021).

12. *Роговер Е. С.* Русская литература XX века : учебное пособие для студентов высш. пед. учеб. заведений / Е. С. Роговер. — Санкт-Петербург : САГА ; Москва : ФОРУМ, 2004. — 493 с.

13. *Родина Ю. Д.* Языковая личность персонажа в автобиографической прозе А. Белого (на материале романа «Котик Летаев») : дис. ... канд. филол. наук / Ю. Д. Родина. — Елец, 2020. — 230 с.

14. *Степанов Ю. С.* Язык и метод к современной философии языка. Языки русской культуры / Ю. С. Степанов. — Москва : Языки русской культуры, 1998. — 784 с.

15. *Чернова Л. А.* Концептуальное содержание рассказа А. П. Чехова «На подводе» / Л. А. Чернова // *Когнитивная лингвистика: мироощущение персонажа в русской прозе рубежа XIX—XX вв. : сборник статей, посвященный 75-летию доктора филологических наук, профессора Любви Афанасьевны Черновой*. — Коломна : Московский государственный областной социально-гуманитарный институт, 2015. — С. 4—10.

16. *Яковлев А. А.* Языковая картина мира как лингвистическое понятие : обзор российских публикаций последних лет / А. А. Яковлев // *Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. — 2017. — № 2. — С. 5—20.

REFERENCES

- Afanashev, V. I. (1966). *A. Bunin: Essays on creativity*. Moscow: Prosveshchenie. 383 p. (In Russ.).
- Babenko, L. G.m (2009). *Linguistic analysis of literary text*. Moscow: Flinta; Nauka. 496 p. (In Russ.).
- Boldyrev, N. N. (2015). Antropocentric nature of language in its functions, units, and categories. *Issues of cognitive linguistics*, 1 (42): 5—12. (In Russ.).
- Boldyrev, N. N. (2018). Anthropocentricity of space and time as forms of linguistic construal of the world. *Cognitive studies of language*, 32: 26—35. (In Russ.).
- Bunin, I. A. (2018). *Complete collection of stories in one volume*. Moscow: ALFA-KNIGA. 117 p. (In Russ.).
- Chernova, L. A. (2015). Conceptual content of the story of A. P. Chekhov “On the cart”. In: *Cognitive linguistics: a character's attitude in Russian prose at the turn of the*

- 20th century: a collection of articles dedicated to the 75th anniversary of Doctor of Philology, Professor Lyubov Afanasyevna Chernova.* Kolomna: Moskovskiy gosudarstvennyy oblastnoy sotsialno-gumanitarnyy institut. 4—10. (In Russ.).
- Dubova, M. A. (2021). The concept of “mental activity” as a component of the hero’s linguistic personality in the novel by I. A. Bunin’s “Life of Arseniev”. *Neophilology*, 7 (27): 444—252. DOI: 10.20310/2587-6953-2021-7-27-444-452. (In Russ.).
- Kubryakova, E. S., Dem’yankov, V. Z., Pankrats, Yu. G., Luzina, L. G. (1996). *A Concise Dictionary of Cognitive Terms*. Moscow: Faculty of Philology, Moscow State University. 245 p.
- Maslova, V. A. (2011). *Introduction to Cognitive Linguistics: A Study Guide*. (5th ed.). Moscow: Flinta; Nauka. 296 p. (In Russ.).
- Mikhaylova, M. V. (2010). I. A. Bunin. In: *Russian literature of the XX—XX centuries. Russian literature of the XX century. Literary Dictionary*. (10th ed.). Moscow: Moscow State University Publishing House. 2/2. 38—92. (In Russ.).
- Ozhegov, S. I. (1986). *Dictionary of the Russian language: 57000 words*. (18th ed.). Moscow: Russkiy yazyk. 797 p. (In Russ.).
- Pastukh, A. A. (2009). The emotional sphere of the author in the story of I. A. Bunin “The Holy Mountains”. *Herald of Vyatka State University*, 4: 111—114. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/emotsionalnaya-sfera-avtora-v-rasskaze-i-a-bunina-svyaty-e-gory> (accessed 21.07.2021). (In Russ.).
- Rodina, Yu. D. (2020). *The linguistic personality of the character in the autobiographical prose of A. Bely (based on the novel “Kotik Letaev”): PhD Diss.* Elets. 230 p. (In Russ.).
- Rogover, E. S. (2004). *Russian literature of the twentieth century: textbook*. St. Petersburg: SAGA; Moskva: FORUM. 493 p. (In Russ.).
- Stepanov, Yu. S. (1998). *Language and Method to Modern Philosophy of Language. Languages of Russian culture*. Moscow: Yazyki russkoy kultury. 784 p. (In Russ.).
- Yakovlev, A. A. (2017). Language worldview as a linguistic notion: review of recent Russian works. *NSU Vestnik. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2: 5—20. (In Russ.).

Жаткин Д. Н. Русская рецепция Джеймса Хогга (середина XIX — начало XX веков) / Д. Н. Жаткин, А. А. Рябова // Научный диалог. — 2021. — № 10. — С. 213—225. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-10-213-225.

Zhatkin, D. N., Ryabova, A. A. (2021). Russian Reception by James Hogg (Mid-19th — Early 20th Centuries). *Nauchnyi dialog*, 10: 213-225. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-10-213-225. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-10-213-225

Русская рецепция Джеймса Хогга (середина XIX — начало XX веков)

Жаткин Дмитрий Николаевич
orcid.org/0000-0003-4768-3518
доктор филологических наук,
профессор
ivb40@yandex.ru

Рябова Анна Анатольевна
orcid.org/0000-0001-7879-9957
доктор филологических наук,
профессор
sva00@yandex.ru

Пензенский государственный
технологический университет
(Пенза, Россия)

Благодарности:

Статья подготовлена по проекту
Российского научного фонда
№ 17-18-01006п
«Эволюция русского поэтического
перевода (XIX — начало XX в.)».

Russian Reception by James Hogg (Mid-19th — Early 20th Centuries)

Dmitry N. Zhatkin
orcid.org/0000-0003-4768-3518
Doctor of Philology, Professor
ivb40@yandex.ru

Anna A. Ryabova
orcid.org/0000-0001-7879-9957
Doctor of Philology, Professor
sva00@yandex.ru

Penza State Technological University
(Penza, Russia)

Acknowledgments:

The reported study was funded
by Russian Science Foundation,
project number 17-18-01006p
“Evolution of Russian poetic translation
(XIX — early XX centuries)”

© Жаткин Д. Н., Рябова А. А., 2021

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья продолжает цикл работ, посвященных русской рецепции шотландского писателя Джеймса Хогга (1770—1835), известного интерпретатора народных баллад и автора «Исповеди оправданного грешника» (“The Private Memoirs and Confessions of a Justified Sinner”, 1824). Собраны и обобщены факты и материалы, связанные с восприятием Дж. Хогга в России в середине XIX — начале XX века. Отмечается, что в рассматриваемый период не было создано новых переводов поэзии и прозы Дж. Хогга на русский язык, однако в статьях ведущих литературных критиков (Н. Г. Чернышевский, М. Л. Михайлов, А. В. Дружинин) при анализе произведений Н. В. Гоголя, Т. Гуда, переводческой деятельности И. С. Тургенева высказывались суждения, посвященные отдельным аспектам биографии и творчества шотландского автора. Установлено, что основным источником сведений о Дж. Хогге и его творчестве являлись для русского читателя второй половины XIX — начала XX века переводные издания по истории английской литературы и культуры, другие книги западноевропейских исследователей, изданные в России. Осмыслены проявления интереса отечественных исследователей и популяризаторов английской литературы к творчеству Дж. Хогга, причем особое внимание уделено статье Н. А. Соловьева-Несмелова «Джемс Хогг», представлявшей собой литературный этюд о детстве писателя, и очерку К. Ф. Тиандера об истории английского романа первой четверти XIX века, в котором предложена отличная от предшественников оценка деятельности шотландского автора как продолжателя традиций М. Эджуорт.

Ключевые слова:

Джеймс Хогг; Вальтер Скотт; Роберт Бернс; рецепция; традиция; литературная критика; балладное творчество; русско-английские литературные связи; межкультурная коммуникация.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article continues a series of works devoted to the Russian reception of the Scottish writer James Hogg (1770—1835), a famous interpreter of folk ballads and author of “The Private Memoirs and Confessions of a Justified Sinner” (1824). The facts and materials related to the perception of J. Hogg in Russia in the middle of the XIX — early XX century are collected and summarized. It is noted that during the period under review, no new translations of J. Hogg’s poetry and prose into Russian were created, however, in the articles of leading literary critics (N. G. Chernyshevsky, M. L. Mikhailov, A. V. Druzhinin) when analyzing the works of N. V. Gogol, T. Goode, the translation activity of I. S. Turgenev expressed opinions on certain aspects of the biography and work of the Scottish author. It has been established that the main source of information about J. Hogg and his work was for the Russian reader of the second half of the 19th — early 20th centuries translated publications on the history of English literature and culture, other books by Western European researchers published in Russia. The manifestations of interest of Russian researchers and popularizers of English literature in the work of J. Hogg are comprehended, with special attention paid to the article by N. A. Solovyov-Nesmelov “James Hogg”, which was a literary sketch about the childhood of the writer, and the essay by K. F. Tiander the novel of the first quarter of the 19th century, which offers a different assessment from the predecessors of the Scottish author’s activities as a continuer of the traditions of M. Edgeworth.

Key words:

James Hogg; Walter Scott; Robert Burns; reception; tradition; literary criticism; ballad creativity; Russian-English literary ties; intercultural communication.

Русская рецепция Джеймса Хогга (середина XIX — начало XX века)

© Жаткин Д. Н., Рябова А. А., 2021

1. Введение

Данное исследование продолжает разработку темы русской рецепции творчества шотландского писателя Джеймса Хогга (1770—1835), начатую нами в статье «Ранняя русская рецепция Джеймса Хогга (1830-е годы)», опубликованной в журнале «Научный диалог» в 2020 году [Жаткин, 2020]. Обращение к этой теме обусловлено участием авторов статьи в реализации научного и переводческого проекта, связанного с подготовкой первого русского издания наиболее значительного произведения Дж. Хогга — «Исповеди оправданного грешника» (“The Private Memoirs and Confessions of a Justified Sinner”, 1824) — в академической серии «Литературные памятники».

Русская рецепция Дж. Хогга характеризуется двумя «всплесками» переводческого, литературно-критического и исследовательского внимания к творчеству писателя, первый из которых пришелся на 1830-е годы, ставшие периодом знакомства с его произведениями в России, второй начался в 1990-е годы, когда после полуторавекового перерыва стали появляться переводы отдельных небольших по объему поэтических и прозаических текстов Дж. Хогга, заметно усилилось внимание исследователей к его литературному наследию. В данной статье скрупулезно собраны и обобщены факты и материалы, связанные с восприятием творчества Дж. Хогга в России середины XIX — начала XX веков, отмечены упоминания о нем в статьях русских литературных критиков, переводных изданиях по истории английской литературы и культуры, других книгах западноевропейских авторов, изданных в России, а также в отдельных работах отечественных исследователей и популяризаторов английской литературы.

2. Дж. Хогг в русской литературной критике середины XIX века

Суждения о Дж. Хогге можно встретить в статьях ведущих литературных критиков середины XIX века Н. Г. Чернышевского, М. Л. Михайлова, А. В. Дружинина, неоднократно обращавшихся к осмыслению произведений английской литературы и их переводов на русский язык, откликнувшихся и на текущий литературный процесс, и на сочинения классиков.

Н. Г. Чернышевский во второй статье цикла «Очерки гоголевского периода русской литературы», впервые опубликованной в № 1 «Современника» за 1856 год, пространно цитирует анонимную рецензию «Вечера на хуторе близ Диканьки. Повести, изданные пасечником Рудым Паньком. Издание второе. Санкт-Петербург, в тип. Д. внешней торговли, 1836», написанную Н. А. Полевым (атрибуцию текста см.: [Жаткин, 2020, с. 262]) и увидевшую свет в «Библиотеке для чтения» [Полевой, 1836, с. 3—4]. В цитируемой статье неподражаемый стиль ранней гоголевской прозы назван «особенным малороссийским забавничанием», «простодушной украинской насмешкой», «малороссийской потехой», далекой и от английского юмора (humour) Дж. Стерна, Ч. Лема, Дж. Хогга, и от французского зубоскальства (goguenardise), см.: [Полевой, 1836, с. 3; Чернышевский, 1947, с. 62—63]. Фрагмент из забытой рецензии приводился Н. Г. Чернышевским в качестве подтверждения высокой оценки Н. А. Полевым творческой индивидуальности Н. В. Гоголя как автора «Вечеров на хуторе близ Диканьки» и «Миргорода», сумевшего и в юморе сохранить уникальную малороссийскую самобытность; тем самым Н. Г. Чернышевский подчеркивал, что восприятие Н. А. Полевым гоголевского творчества не было враждебно-пристрастным и не ограничивалось широко известными критическими суждениями о «Ревизоре» и «Мертвых душах», см.: [Полевой, 1842a; Полевой, 1842b].

В статье «Юмор и поэзия в Англии. Томас Гуд» (1861) М. Л. Михайлов дает подстрочный перевод сонета Т. Гуда «Literary reminiscences» («Литературные реминисценции», 1833), в котором, в числе других английских авторов, упоминается и шотландец Дж. Хогг: «Было время, когда я восседал на высоком стуле, за высокою конторкой, с пером в руке, и каждое утро, как только пробьет десять часов, принимался писать в коммерческой школе Белля и комп. В Варнфорд-Корте, в темноватом и холодноватом углу, любимом убежище торговых людей. А всё же и тогда перо мое сбивалось с пути и урывками обмакивалось в Кастальский источник. Двойная бухгалтерия чередовалась с цветистыми риторическими фигурами; к коммерческому воску примешивался поэтический мед, — и шли вперевивку: Блогг, братья — Мильтон — Грот и Прескотт — Поп — щетина — Гогг — Глин-Милз и Галифакс — Рождерс — пакля — пенька — певец Надежды — поташ — Байрон — сало — Борнс — лен» [Михайлов, 1958, с. 142]. В отношении этого сонета русский критик делает всего два кратких наблюдения, отмечая, что его «вполне достаточно, чтобы почтить память <...> кратковременной коммерческой карьеры» Гуда и что «перечисление в подлиннике представляет <...> забавную игру слов» [Там же, 1958, с. 142]. Каламбурное перечисление фамилий поэтов, названий английских

промышленных городов и банков вызывало неожиданные ассоциации, создавало впечатление курьезного совмещения несовместимого. Щеточное производство в Британии XIX века было весьма развито, словосочетание “hog bristles” («щетина кабана») часто встречалось на вывесках компаний и магазинов, а потому, увидев в документах “Bristles”, Томас Гуд, как поэт и сотрудник коммерческой компании одновременно, не мог не вспомнить в своем шутилом сонете Дж. Хогга (Hogg), фамилия которого созвучна английской лексеме “hog” («кабан»).

А. В. Дружинин в рецензии «“Украинские народные рассказы”, Марка Вовчка. Перевод И. С. Тургенева. СПб. 1859», ставшей откликом на выход русского издания первой книги Марка Вовчка «Народні оповідання», оправдывал переводчика, нивелировавшего малороссийский колорит и отказавшегося от передачи специфики речи персонажей, при этом упоминая о писавшем на провансальском наречии французском поэте Жаку Жансемине (Жасмене; 1798—1864) и о «шотландском пастушке» Хогге: «У известного Жасмена или шотландского пастушка Гогга, по всей вероятности, найдутся сотни местных выражений, очень милых их соотечественникам и ничего не значащих для остальных ценителей» [Дружинин, 1865, с. 571]. Как видим, А. В. Дружинин подчеркивал этническую самобытность произведений Дж. Хогга, являвшуюся их несомненным достоинством, но при этом приводившую к ограниченности интереса к его наследию за пределами Шотландии.

3. Сведения о Дж. Хогге на страницах массовых изданий последней четверти XIX века

В № 9 еженедельного иллюстрированного журнала для детей «Игрушечка» за 1880 год увидела свет подборка материалов на шотландскую тему, включавшая в себя анонимный очерк истории и нравов шотландского народа «Шотландия» [Шотландия, 1880, с. 297—305] и небольшую статью Н. А. Соловьева-Несмелова (подпись под статьей — Несмелов) «Джемс Хогг», рассказывавшую о детских годах пастуха-поэта [Несмелов, 1880, с. 306—310]. В очерке «Шотландия» содержалось небольшое упоминание о Дж. Хогге, ничего не добавлявшее к представлениям о нем, сформировавшимся у русских читателей: «После Бернса большую известность получил в Шотландии и в чужих краях Джемс Хогг (1772—1835), называемый обыкновенно эттрикским пастухом-поэтом, потому что хижина-землянка, где он родился, лежала на берегу Эттрика» [Шотландия, 1880, с. 305].

Н. А. Соловьев-Несмелов в своей статье, ориентированной на юных читателей, представлял Дж. Хогга бедняком-сиротой, отучившимся в шко-

ле всего шесть месяцев и ставшим подпаском: «Вот он, обгоняя свое стадо, бежит, кажется, вперегонку с самим собой, сбрасывая на бегу в сторону плед, потом шапку, а там куртку, наконец, башмак с одной ноги, с другой, — и после ходит целые дни полунагим в какой-то серьезной задумчивости, что-то нашептывая про себя. <...> Но бывали дни и недели, когда маленький пастух каждую свободную минуту посвящал какой-нибудь любимой книге, и именно такой, где было много хороших стихов» [Несмелов, 1880, с. 306]. Станный мальчик, увлеченный синевой неба, пением птиц в кустах горных спусков, ландшафтом гор, прихотливыми образами и красками окружающего мира, под влиянием книг склонялся к творчеству, причем начинал с фиксации наиболее значимых, запомнившихся мыслей, содержащихся в книгах. Н. А. Соловьев-Несмелов представлял идиллическую жизнь молодого пастушка, который между каждодневных дел учился у книг и окружающей природы. В статье были приведены фрагменты из воспоминаний Дж. Хогга, рассказывавшего, что уже в девять лет ему поручили пасти не только овец, но и коров, а с ягнятами посылали семилетнюю девочку Бетси, которая любила шить и петь; иногда он клал голову на колени Бетси и притворялся спящим, а когда девочка его жалела, плакал; в четырнадцать лет на свои сбережения в пять шиллингов Дж. Хогг приобрел скрипку, на которой играл разные песни, см.: [Там же, 1880, с. 309—310]. Автор статьи рассуждал о том, что сама природа выводила Дж. Хогга на «широкий путь умственного труда», побуждая овладевать знаниями, указывая «на живые поэтические картины своих роскошных гор и ущелий, на извивы и журчание ручьев, трели птиц, напевы старинных горных песен родной, величавой страны» [Там же, 1880, с. 310], превращая обычного бедняка в эттрикского пастуха-поэта, чьи произведения близки и понятны соотечественникам: «Шотландцы гордятся им, распевая в минуты отдыха у своих хижин-землянок его прелестные баллады, рассказывая малюткам-детям его чудные сказки» [Там же, 1880, с. 310].

Статья Н. А. Соловьева-Несмелова, опубликованная с измененным названием в его книге «Из жизни великих и славных людей» [Соловьев-Несмелов, 1905a], близка появившимся в те же годы популярным работам о Бернсе, герой которых сочетал тяжелый крестьянский труд с саморазвитием, тягой к литературе и культуре. В частности, одна из таких работ принадлежит и Н. А. Соловьеву-Несмелову, старательно описывавшему, как, «ходя за телегой или за плугом», Бернс «не расставался со старым сборником песен, читал, изучал и пел их», «начал слагать и напевать свои чудные песни» [Соловьев-Несмелов, 1905b, с. 289]. Текстуальные совпадения значительных фрагментов очерка Н. А. Соловьева-Несмелова «Роберт

Борнс» и анонимного очерка «Шотландия» позволяют уверенно предполагать, что автором последнего также был Н. А. Соловьев-Несмелов.

А. Н. Паевская, автор биографического очерка «Вальтер Скотт. Его жизнь и литературная деятельность», опубликованного в 1891 году в серии художественно-биографических книг издательства Ф. Ф. Павленкова «Жизнь замечательных людей», называет «эттрикского пастуха» Дж. Хогга в числе друзей В. Скотта, помогавших ему в разыскании шотландских народных баллад и песен наряду с сыном пастуха Джоном Лейденом и сыном фермера Вильямом Ледлау, у которого Хогг был в услужении в течение десяти лет [Паевская, 1891, с. 40], а также упоминает, что при переезде В. Скотт намеревался передать ведение собственной фермы и присмотр за домом в зимнее время Дж. Хоггу, но в итоге на это место был взят Томас Пурди [Там же, 1891, с. 42]. А. Н. Паевская повторяет ставшую общим местом мысль о том, что В. Скотт постоянно заботился о Дж. Хогге, старался устроить его жизнь, но при этом отмечает неуживчивый и капризный характер самого Дж. Хогга, который «то преклонялся перед В. Скоттом, то писал ему письма, начинавшиеся словами “проклятый сэр” и подписанные “презирающий вас”» [Там же, 1891, с. 40]. В очерке А. Н. Паевской Дж. Хогг представлен человеком, «скрывавшим под грубой оболочкой простого мужика глубокий поэтический талант» и самонадеянно уверявшим, что «знает все баллады, легенды и песни пограничной Шотландии» [Там же, 1891, с. 40]. Самостоятельно выучившись грамоте, эттрикский поэт-пастух, по наблюдению А. Н. Паевской, «написал несколько коротеньких поэм так прекрасно, как не удалось бы сделать и самому В. Скотту» [Там же, 1891, с. 40].

4. У истоков литературоведческого осмысления творчества Дж. Хогга в России

Основным источником сведений о Дж. Хогге и его творчестве являлись для русского читателя второй половины XIX — начала XX веков переводные издания по истории английской литературы и культуры, другие книги западноевропейских исследователей, изданные в России. Наряду с ними в эти годы были опубликованы статьи российских авторов, содержавшие сведения о Дж. Хогге, почерпнутые из зарубежных источников.

Г. Г. Гервинус, получивший известность в России благодаря шекспироведческим разысканиям, также являлся автором многотомной «Истории девятнадцатого века от времени Венского конгресса», два издания которой в переводе под редакцией М. А. Антоновича увидели свет в 1860—1880-е годы (т. 1—6, 1863—1888; 2-е изд., т. 1—3 (не завершено), 1873—1887). В первом томе «Истории девятнадцатого века ...» Г. Г. Гервинус упоми-

нал Дж. Хогга как автора, творчество которого соответствовало одной из характерных тенденций литературной жизни эпохи, заключавшейся в пристальном внимании к народному поэтическому слову, которое заметно усилилось благодаря лирике Р. Бернса и публикации поэм Оссиана: «В Англии, как бы в соответствие его [Оссиана (Дж. Макферсона)] поэзии, явилось собрание старых народных баллад Перси, за которым последовал шотландский поэтический сборник В. Скотта; в Шотландии, казалось, воскресло старое время бардов, когда сын земледельца Роберт Бернс запел свои славные песни о природе, и по стопам его пошли пастух из Эттрика Гог (Hogg), каменщик Аллан Куннингам и др.» [Гервинус, 1863, с. 327].

В основу вавшемся на трудах И. Тэна, Т. Б. Маколея, И. Шерра, Г. Ульрици, Т. Карлейля, Ф. К. Шлоссера и других западноевропейских авторов компилятивным очерке П. И. Вейнберга «Английская поэзия», открывавшем составленную Н. В. Гербелем антологию «Английские поэты в биографиях и образцах» (1875), «вышедший из пастухов Джемс Гогг» [Вейнберг, 1875, с. XXVII; атрибуцию анонимной статьи см.: Жаткин, 2015, с. 14] назван в числе современников и последователей Бернса наряду с ткачами Джоном Уилсоном и Робертом Таннахиллом, купцом Гектором Макнейллом, приказчиком Уильямом Теннантом, сыном скобяного торговца Уильямом Мотервеллом, крестьянскими детьми Робертом Блумфильдом и Джоном Клэром. В качестве особой заслуги Дж. Хогга отмечено издание им в 1813 году «превосходного сборника романсов и баллад в народном духе» [Вейнберг, 1875, с. XXVII].

В «Иллюстрированной всеобщей истории литературы» И. Шерра, издававшейся в России в переводе под редакцией П. И. Вейнберга, появление Дж. Хогга, равно как и других менее известных «народных поэтов» (таких, как Джоанна Бэйли, Роберт Таннахилл, Аллан Каннингем, Уильям Мотервелл, Роберт Николь), обусловливается «необыкновенным сочувствием», которое сформировалось в шотландском обществе того времени к творчеству Р. Бернса, давшего «поэзии своей родины свежие соки» и во многом обусловившего «богатый расцвет народной песенной поэзии» [Шерр, 1898, с. 74]. Отмечая «большую плодovitость» эттрикского пастуха в стихах и в прозе, И. Шерр особо останавливался на лучшем, по его мнению, произведении писателя — «сборнике баллад и сказок, вставленных в изящную романтическую рамку», “The Queen’s Wake” («Бдение королевы», 1813): «Поэт влагает свои рассказы в уста различных менестрелей, которые, по случаю торжественного бдения накануне освещения одной церкви, поют перед королевой Марией, состязаясь за драгоценную арфу» [Шерр, 1898, с. 75]. В составе этого сборника И. Шерр считает «особенно превосходными» балладу “The Witch of Fife” («Ведьма из Файфа»,

1813) и «чудную» волшебную сказку “Kilmeny” («Килмени», 1813); из прочих произведений Дж. Хогга отдельно названо повествовательное стихотворение “The Pilgrims of the Sun” («Пилигримы солнца», 1814), которое «по достоинству всего ближе подходит к “Бдению королевы”» [Шерр, 1898, с. 75].

Иначе определял место Дж. Хогга в литературном процессе К. Ф. Тиандер, автор главы об истории английского романа первой четверти XIX века в «Истории западной литературы (1800—1910)» под редакцией Ф. Д. Батюшкова [Тиандер, 1912, с. 369—393]. К. Ф. Тиандер воспринимал Дж. Хогга как «единственного мужчину, примыкавшего к группе романистов» [Там же, 1912, с. 384], включавшей в себя Ханну Мор, Мэри Рассел Митфорд, продолживших, в свою очередь, традиции Марии Эджуорт. Основываясь на биографиях М. Р. Митфорд — дочери зажиточного помещика М. Эджуорт, жившей литературным трудом, и самоучки-пастуха Дж. Хогга, К. Ф. Тиандер констатировал быструю демократизацию английского романа. Литературная карьера Дж. Хогга развивалась при благосклонном участии В. Скотта, влияние которого было определяющим при создании сборника баллад “The Queen’s Wake”, состоявшего из произведений, исполнявшихся шотландскими бардами перед королевой Мэри, исторических книг “The Jacobite Relics of Scotland” («Якобитские реликвии Шотландии», 1819—1821) и “Tales of the Wars of Montrose” («Сказания о войнах Монтроуза», 1835), однако, по наблюдению исследователя, Дж. Хогг не утрачивал при этом собственной творческой самобытности: «Все эти сочинения доставили бы Гоггу только славу планеты, вращающейся вокруг своего солнца, если бы Гогг не был до того самобытен по своей натуре, что даже близость такого гения, как Вальтер Скотт, не могла превратить его в простого подражателя» [Там же, 1912, с. 384]. Написанная Дж. Хоггом после смерти покровителя мемуарная книга “The Domestic Manners and Private Life of Sir Walter Scott” («Сэр Вальтер Скотт в кругу семьи», 1834) остается одним из ярких свидетельств взаимоотношений В. Скотта и Дж. Хогга.

Наиболее значительными произведениями Дж. Хогга К. Ф. Тиандер называл те, в которых получили отражение изведенные на собственном опыте переживания «овечьего пастуха», трудовая повседневность шотландской деревни, — в частности, наполненную жанровыми картинками быта пастухов книгу «The Shepherd’s Guide» («Путеводитель пастуха», 1807), сборники рассказов “Winter Evening Tales” («Сказки зимних вечеров», 1820), “Shepherd’s Calendar” («Пастуший календарь», 1829). Дж. Гогг «стоит слишком близко к природе», а потому ему чужды обличение, морализаторство, доктринерство, ему не нужен особый импульс для сочинитель-

ства, не требуется какая-либо прагматическая цель: «Подобно тому, как деревенский парень поет для себя в одиночестве, а когда встречается земляка, охотно вступает с ними в разговор, не задумываясь о том, полезно ли ему новое знакомство или нет, — речь льется безостановочно, и рассказ следует за рассказом, — так увлекался бескорыстно и Гогг собственным даром рассказчика» [Там же, 1912, с. 385]. Получив, благодаря удачной женитьбе, состояние и статус обеспеченного фермера, Дж. Хогг обратился к созданию семейных романов “The Three Perils of Man” («Три опасности, грозящие мужчине», 1822) и “The Three Perils of Woman” («Три опасности, грозящие женщине», 1823), в которых читатели предостерегались от любовных увлечений.

5. Заключение

Как видим, в рассматриваемый период в России не отмечалось сколько-нибудь существенного интереса к Дж. Хоггу; большинство упоминаний о нем и его произведениях были обусловлены необходимостью рассмотрения творчества других авторов в контексте эпохи и тенденций литературного развития. Сведения о Дж. Хогге в русской литературной критике середины XIX века имели эпизодический характер и были связаны с характеристикой «малороссийского забавничанья» гоголевской прозы, отличного от английского юмора Дж. Хогга (Н. Г. Чернышевский), использованием каламбурной параллели фамилии Hogg и английской лексемы “hog” («кабан») в одном из сонетов Т. Гуда (М. Л. Михайлов), акцентировкой склонности Дж. Хогга к использованию в произведениях диалектной лексики (А. В. Дружинин). Единственная статья, непосредственно посвященная Дж. Хоггу, была написана Н. А. Соловьевым-Несмеловым и представляла собой литературный этюд о детстве писателя, ориентированный на юных читателей; не вникая в особенности формирования творческой индивидуальности шотландского автора в юные годы, Н. А. Соловьев-Несмелов создал лубочный образ творца-пастуха, формировавшегося под влиянием окружающей его природы и каждодневного стремления к саморазвитию. В целом интерес к Дж. Хоггу поддерживался благодаря его восприятию как талантливого, самобытного самоучки из народа и преемственности его произведений к творчеству авторов, хорошо известных в России второй половины XIX — начала XX веков, — Р. Бернса и В. Скотта. Оценочные суждения о Дж. Хогге с упоминаниями отдельных его произведений преобладали в переводных работах Г. Г. Гервинуса, И. Шерра, компилятивном очерке П. И. Вейнберга, открывавшем антологию Н. В. Гербеля «Английские поэты в биографиях и образцах». Первой попыткой аналитического исследования литературной судьбы Дж. Хогга стала работа

К. Ф. Тиандера по истории английского романа, в которой шотландский автор был представлен в качестве романиста, продолжателя традиций М. Эджуорт, сумевшего отразить в деталях трудовую деревенскую повседневность, воссоздать жанровые картины быта.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Вейнберг П. И.* Английская поэзия : очерк / П. И. Вейнберг // Английские поэты в биографиях и образцах / сост. Н. В. Гербель. — Санкт-Петербург : Типография А. М. Котомина, 1875. — С. VII—XXXII.
2. *Гервинус Г. Г.* История девятнадцатого века от времени Венского конгресса / Г. Г. Гервинус ; перевод под редакцией М. Антоновича. — Санкт-Петербург : Типография О. И. Бакста, 1863. — Т. I—IV. — 431 с.
3. *Дружинин А. В.* «Украинские народные рассказы», Марка Вовчка. Перевод И. С. Тургенева. СПб. 1859 / А. В. Дружинин // Дружинин А. В. Собрание сочинений : [в 8 т.] / редакция издания Н. В. Гербеля. — Санкт-Петербург : Типография Императорской Академии наук, 1865. — Т. VII. — С. 567—579.
4. *Жаткин Д. Н.* Литературно-критическая деятельность П. И. Вейнберга в контексте русско-английских литературных связей / Д. Н. Жаткин. Т. В. Корнаухова // Художественный перевод и сравнительное литературоведение : сборник научных трудов. — Москва : Флинта ; Наука, 2015. — Т. III. — С. 3—41.
5. *Жаткин Д. Н.* Ранняя русская рецепция Джеймса Хогга (1830-е годы) / Д. Н. Жаткин, А. А. Рябова // Научный диалог. — 2020. — № 10. — С. 255—267. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-10-255-267.
6. *Михайлов М. Л.* Юмор и поэзия в Англии. Томас Гуд / М. Л. Михайлов // Михайлов М. Л. Сочинения : в 3 т. — Москва : Государственное издательство художественной литературы, 1958. — Т. 3. Критика и библиография. <Записки>. — С. 129—202.
7. *Паевская А. Н.* Вальтер Скотт. Его жизнь и литературная деятельность : биографический очерк / А. Н. Паевская. — Санкт-Петербург : Типография Товарищества «Общественная польза», 1891. — 80 с.
8. *Полевой Н. А.* Вечера на хуторе близ Диканьки. Повести, изданные пасечником Рудым Паньком. Издание второе. Санкт-Петербург, в типографии Д[епартамента] внешней торговли, 1836 / Н. А. Полевой // Библиотека для чтения. — 1836. — Т. 15. — Раздел VI. Литературная летопись. — С. 3—4.
9. *Полевой Н. А.* Ревизор. Комедия в 5-ти действиях. Сочинения Н. Гоголя. Издание второе, исправленное, с приложениями в типографии Н. Степанова, 1841 г. / Н. А. Полевой // Русский вестник. — 1842а. — № 1. — Отделение III. — С. 60—62.
10. *Полевой Н. А.* Похождения Чичикова, или Мертвые души. Поэма Н. Гоголя. Москва, в Университетской типографии, 1842 г. / Н. А. Полевой // Русский вестник. — 1842б. — № 5—6. — Отделение III. — С. 33—57.
11. *Сенковский О. И.* Амброзианские ночи г. Гогга / О. И. Сенковский // Библиотека для чтения. — 1835. — Т. 10. — Раздел II. Иностранная словесность. — С. 121—137.
12. *Соловьев-Несмелов Н. А.* Джемс Хогг : (Из детства пастуха-поэта) / Н. А. Соловьев-Несмелов // Игрушечка. — 1880. — № 9 (30 марта). — С. 306—310.
13. *Соловьев-Несмелов Н. А.* Джемс Хогг : (из жизни пастуха-поэта) / Н. А. Соловьев-Несмелов // Соловьев-Несмелов Н. А. Из жизни великих и славных людей : сборник рассказов. — Москва : Товарищество И. Д. Сытина, 1905а. — С. 300—305.

14. Соловьев-Несмелов Н. А. Роберт Борнс : очерк / Н. А. Соловьев-Несмелов // Соловьев-Несмелов Н. А. Из жизни великих и славных людей : сборник рассказов. — Москва : Товарищество И. Д. Сытина, 1905b. — С. 276—299.
15. Тиандер К. Ф. Английский роман первой четверти XIX века / К. Ф. Тиандер // История западной литературы (1800—1910) / Под редакцией Ф. Д. Батюшкова. — Москва : Издание Товарищества «Мир», 1912. — Т. I. — С. 369—393.
16. Чернышевский Н. Г. Очерки гоголевского периода русской литературы / Н. Г. Чернышевский // Чернышевский Н. Г. Полное собрание сочинений : в 15 т. — Москва : Государственное издательство художественной литературы, 1947. — Т. III. — С. 5—309.
17. Шерр И. Иллюстрированная всеобщая история литературы : в 2 т. / И. Шерр ; перевод под редакцией П. И. Вейнберга. — Москва : Типолитография Товарищества И. Н. Кушнерев и К°, 1898. — Т. 2. — 612, LXI с.
18. Шотландия : (очерк) // Игрушечка. — 1880. — № 9 (30 марта). — С. 297—305.

REFERENCES

- Chernyshevsky, N. G. (1947). Essays of the Gogol period of Russian literature. In: *Complete works in 15 volumes, III*. Moscow: State Publishing House of Fiction. 5—309. (In Russ.).
- Druzhinin, A. V., Gerbel, N. V. (ed.). (1865). “Ukrainia folk stories”, Mark Vovchka. Translated by I. S. Turgenev. St. Petersburg. 1859. In: *Collected works in 8 volumes, VII*. St. Petersburg: Printing house of the Imperial Academy of Sciences. 567—579. (In Russ.).
- Gervinus, G. G. (1863). *History of the nineteenth century from the time of the Vienna Congress, I—IV*. St. Petersburg: O. I. Bakst Printing House. 431 p. (In Russ.).
- Mikhailov, M. L. (1958). Humor and poetry in England. Thomas Hood. In: *Essays: in 3 volumes, 3. Criticism and bibliography. < Notes>*. Moscow: State Publishing House of Fiction. 129—202. (In Russ.).
- Paevskaya, A. N. (1891). *Walter Scott. His life and literary activity: a biographical sketch*. St. Petersburg: Printing House of Partnership “Public benefit”. 80 p. (In Russ.).
- Polevoy, N. A. (1836). Evenings on a farm near Dikanka. Stories published by the beekeeper Rudy Pank. Second edition. St. Petersburg, in the printing house of the Department of Foreign Trade, 1836. *Library for reading, 15 (VI) Literary chronicle*: 3—4. (In Russ.).
- Polevoy, N. A. (1842a). Auditor. Comedy in 5 acts. The works of N. Gogol. The second edition, corrected, with appendices in the printing house of N. Stepanov, 1841. *Russian Bulletin, 1 (III)*: 60—62. (In Russ.).
- Polevoy, N. A. (1842b). Chichikov’s Adventures, or Dead Souls. A poem by N. Gogol. Moscow, in the University Printing House, 1842. *Russian Bulletin, 5—6 (III)*: 33—57. (In Russ.).
- Scotland: (essay). (1880). *Toy, 9 (March 30)*: 297—305. (In Russ.).
- Senkovsky, O. I. (1835). Ambrosian nights of G. Gogg. *Library for reading, 10 (II) Foreign literature*: 121—137. (In Russ.).
- Sherr, I. (1898). *The illustrated universal History of Literature: in 2 volumes, 2*. Moscow: Typolithography of Partnership of I. N. Kushnerev and Co. 612, LXI p. (In Russ.).
- Solovyov-Nesmelov, N. A. (1880). James Hogg: (From the childhood of the shepherd-poet). *Toy, 9 (March 30)*: 306—310. (In Russ.).

- Solovyov-Nesmelov, N. A. (1905a). James Hogg: (from the life of a shepherd-poet). In: *From the life of great and glorious people: a collection of short stories*. Moscow: Partnership of I. D. Sytin. 300—305. (In Russ.).
- Solovyov-Nesmelov, N. A. (1905b). Robert Burns: an essay. In: *From the life of great and glorious people: a collection of short stories*. Moscow: Partnership I. D. Sytina. 276—299. (In Russ.).
- Tiander, K. F., Batyushkov, F. D. (ed.). (1912). English novel of the first quarter of the XIX century. In: *History of Western literature (1800—1910), I*. Moscow: Publication of Partnership “Mir”. 369—393. (In Russ.).
- Weinberg, P. I. (1875). English poetry: an essay. In: *English poets in biographies and samples*. St. Petersburg: A. M. Kotomin Printing House. VII—XXXII. (In Russ.).
- Zhatkin, D. N., Karnaukhova, T. V. (2015). Literary-critical activity of P. I. Weinberg in the context of Russian-English literary relations. In: *Literary translation and comparative literature: collection of scientific works, III*. Moscow: Flinta; Nauka. 3—41. (In Russ.).
- Zhatkin, D. N., Ryabova, A. A. (2020). Early Russian Reception of James Hogg (1830s). *Nauchnyi dialog*, 10: 255—267. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-10-255-267. (In Russ.).

Завельская Д. А. «Фаустовская тема» в славянских литературных памятниках : проблематика мотивов / Д. А. Завельская, Д. М. Новожилов // Научный диалог. — 2021. — № 10. — С. 226—246. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-10-226-246.

Zavelskaya, D. A., Novozhilov, D. M. (2021). "Faustian Theme" in Slavic Literary Monuments: Problematics of Motives. *Nauchnyi dialog*, 10: 226-246. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-10-226-246. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-10-226-246

**«Фаустовская тема»
в славянских литературных
памятниках: проблематика
мотивов**

Завельская Дарья Александровна
orcid.org/0000-0002-1783-7080
кандидат филологических наук, доцент
кафедры общей и славянской филологии
Института славянской культуры
daralzav@gmail.com

Новожилов Дмитрий Михайлович
orcid.org/0000-0002-5578-1161
кандидат филологических наук, доцент
кафедры общей и славянской филологии
Института славянской культуры
grimuar@inbox.ru

Российский государственный
университет имени А. Н. Косыгина
(Технологии. Дизайн. Искусство)
(Москва, Россия)

**“Faustian Theme” in Slavic
Literary Monuments:
Problematics of Motives**

Daria A. Zavelskaya
orcid.org/0000-0002-1783-7080
PhD in Philology, Associate Professor,
Department of General and Slavic
Philology
of Slavic Culture Institute
daralzav@gmail.com

Dmitry M. Novozhilov
orcid.org/0000-0002-5578-1161
PhD in Philology, Associate Professor,
Department of General and Slavic
Philology
of Slavic Culture Institute
grimuar@inbox.ru

The Kosygin State University of Russia
(Moscow, Russia)

© Завельская Д. А., Новожилов Д. М., 2021

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается вопрос концептуального соотношения славянских сюжетов о Савве Грудцыне и пане Твардовском с понятиями «фаустовская тема», «фаустовская легенда» и «фаустовский сюжет». Поднимается вопрос о правомерности отнесения славянских вариантов мотива договора с бесом к общей группе подобных мотивов по аналогии с «фаустовским». Выполнен обзор отечественной и зарубежной научной литературы, посвященной отличию и сходству славянских сюжетов с легендой о Фаусте, а также общим источникам и типологическим характеристикам особенностей «фаустовской темы». Представлены результаты сопоставительного анализа текстов о Фаусте, Савве Грудцыне и пане Твардовском. Особое внимание уделяется сопоставлению анонимного произведения о Савве Грудцыне с романом норвежского писателя М. К. Хансена. Новизна исследования видится в том, что для решения данной проблемы предложена системная литературоведческая методология в ключе исторической поэтики, на основе разграничения анализа сюжетов, мотивов, системы персонажей и смысловых акцентов произведений. Актуальность исследования обусловлена введением в научный оборот малоизученных текстов литературы и фольклора, объединенных сюжетом договора с бесом. Приводятся определения специфических мотивов, позволяющих разграничить литературные памятники по принципу сюжетной модели и системе персонажей. Представлена авторская разработка в отношении источников указанного сюжетного типа.

Ключевые слова:

Фауст; пан Твардовский; Савва Грудцын; компаративистика; сюжет; источник; мотив; историческая поэтика.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The issue of conceptual correlation of Slavic stories about Savva Grudtsyn and Pan Tvardovsky with the concepts of “Faustian theme”, “Faustian legend” and “Faustian story” is considered. The question is raised about the legitimacy of referring the Slavic variants of the motive of the contract with the devil to the general group of similar motives by analogy with the “Faustian” one. A review of domestic and foreign scientific literature devoted to the difference and similarity of Slavic plots with the legend of Faust, as well as common sources and typological characteristics of the features of the “Faustian theme” is carried out. The results of a comparative analysis of texts about Faust, Savva Grudtsyn and Pan Tvardovsky are presented. Special attention is paid to the comparison of the anonymous work about Savva Grudtsyn with the novel by the Norwegian writer M. K. Hansen. The novelty of the research is seen in the fact that for solve this problem a systematic literary methodology is proposed in the key of historical poetics, based on the differentiation of the analysis of plots, motives, the system of characters and semantic accents of works. The relevance of the study is due to the introduction into scientific circulation of previously poorly studied texts of literature and folklore, in which the plot of a contract with a demon is seen. The definitions of specific motives are given, which make it possible to differentiate literary monuments according to the principle of a plot model and a system of characters. The author’s development in relation to the sources of the specified plot type is presented.

Key words:

Faust; Pan Tvardovsky; Savva Grudtsyn; comparative studies; plot; a source; motive; historical poetics.

«Фаустовская тема» в славянских литературных памятниках: проблематика мотивов

© Завельская Д. А., Новожилов Д. М., 2021

1. Введение, обзор проблематики

Тема Фауста, безусловно, является одной из вечных тем мировой литературы, а сам мотив договора человека с темными силами представлен в самых разных произведениях как европейской, так и русской литературы. Однако определить, какие произведения могут быть отнесены к фаустовской теме, а какие — нет, совсем не так легко, как представляется на первый взгляд. Безусловно, у многих исследователей возникает вполне понятный соблазн усматривать во всех историях, где ведется речь о договоре человека с сатаной, «фаустовские мотивы». И действительно, если мы проследим генезис легенды о Фаусте, которая была весьма подробно изучена уже в XIX и в XX веках (см., например: [Conrad et al., 1980; Düntzer, 1846; Engel, 1885; Henning, 1963; Kückler, 1893; Neubert, 1932; Peter, 1849 и пр.]) (мы не стремимся привести здесь сколько-нибудь полную библиографию исследований легенды о Фаусте, так как это составило бы сотни наименований, но указываем лишь некоторые из многочисленных работ на эту тему, написанных в 19—20 веках), то увидим, что легенда о Фаусте унаследовала черты множества сказаний о договоре человека с темными силами, бытовавших начиная с первых веков существования христианства как минимум [Жирмунский, 1978, с. 257].

Тем не менее, рассматривая эту легенду в её историческом развитии, мы можем видеть, что так называемые источники этой легенды, относящиеся к поздней античности, а также к временам средневековья, могут быть соотнесены с ней лишь условно, см., например: [Новожилов, 2020, с. 275]. Разумеется, в них наличествует мотив договора человека с сатаной, реже встречаются и некоторые отдельные сюжетные совпадения этих сказаний, но в целом легенда о Фаусте заметно отличается от позднеантичных и раннесредневековых легенд о договоре человека с тёмными силами, так как историко-культурный контекст и дух Нового времени, когда она и была создана, существенно разнится с культурным контекстом предыдущих исторических периодов.

Впрочем, по данному вопросу также не существует единого мнения, поскольку исследователи в своих воззрениях на фигуру самого Фауста часто не совпадают. Приведем лишь несколько характерных примеров из

истории исследований легенды о Фаусте. Так, для И. Шаховского Фауст был «лишь последним и самым ярким выразителем общей идеи о магах» [Шаховской, 1880, с. 396]. То есть для него легенда о Фаусте — по сути одна из характерных средневековых легенд. Для Ганса Хеннинга, одного из крупнейших немецких специалистов XX века по легенде о Фаусте, этот персонаж, наоборот, — типичный представитель Нового времени, во многом порожденный именно формирующимся капиталистическим, буржуазным обществом, так что он скорее противостоит средневековой культуре, чем примыкает к ней [Henning, 1963, с. 11] (здесь и далее перевод наш. — Д. Н.). Мы приводим эти мнения как пример наиболее популярных точек зрения, присутствующих в научной литературе. Полноценный библиографический обзор на тему «Восприятие образа Фауста в научных исследованиях» требует отдельной и достаточно обширной статьи и в данном случае не входит в задачи авторов.

Но и сам спор о том, является ли «фаустовская тема» порождением конкретного исторического периода или же это вечный сюжет, который мы можем встретить в литературе по крайней мере с начала существования христианства [Жирмунский, 1978, с. 257], а возможно, и авраамических религий вообще, не исчерпывает возможных проблем в определении данной темы, поскольку, помимо исторического, существует ещё и национальный фактор, по поводу которого тоже нет единой точки зрения. Например, один из первых отечественных исследователей легенды о Фаусте А. И. Белецкий полагал, что «Фауст, как и Гамлет, мог быть рожден только германской нацией. Ни в одном из гуманистов романского толка не найдем мы его подобия» [Белецкий, 1911, с. 75]. По мнению ученого, «типы Парацельса, Лютера, Гуттена, Агриппы Неттесгеймского нашли себе символический образ в Фаусте, смелом исследователе, забывшем о спасении души» [Там же, с. 76].

Впрочем, задолго до Белецкого о Фаусте как выразителе именно немецкого духа и порождении немецкой культуры говорили Лессинг и поэты «Бури и натиска», а в начале XX века Освальд Шпенглер увидел в образе Фауста представителя общеевропейской культуры как таковой, назвав сам европейский тип культуры «фаустовским»: «Душу античной культуры, которая избрала в качестве идеального типа протяженности чувственно-наличное отдельное тело, я буду называть аполлоновской. Со времени Ницше это наименование понятно каждому. Ей я противопоставляю фаустовскую душу, изначальным символом которой является чистое безграничное пространство, а “телом” — западноевропейская культура, расцветшая в X столетии вместе с рождением романского стиля на северных равнинах между Эльбой и Тахо». [Шпенглер, 57].

2. Типология мотивов и проблема источников

С другой стороны, как уже упоминалось выше, существует тенденция относить к художественным реализациям «фаустовского мотива» любые произведения, в которых присутствует мотив договора с сатаной (например, Цан, Радармахер). Часто можно услышать о «католическом Фаусте» применительно к пьесе Кальдерона «Маг-Чудотворец» и пьесам других испанских драматургов XVII века [Багно, 1985, с. 365] или про «славянских Фаустов» применительно к польской легенде о пане Твардовском или русских повестях «О Горе-злочасти» и «О Савве Грудцыне». Достаточно характерным представителем этой точки зрения являлся В. В. Кожин: «Художественная концепция повести о Фаусте (речь идет, конечно, о народной книге XVI века, а не о гениальном и уже совершенно ином воплощении этой фабулы в творении Гёте) наиболее полно и остро выражает ту стадию и то качество художественного сознания, которые выразились и в повестях о Савве и Горе-Злочасти. Дело не в буквальном сближении этих произведений как таковых, но именно в общности взгляда на нового героя, являющегося об руку с бесом. Правда, Фауст сам вступает в сделку с дьяволом, добрый молодец нашей поэмы «покорился Горю нечистому, поклонился Горю до сыры земли», а Савва даже долго не догадывается, что имеет дело с чертом, — и эти моменты характеризуют героев по-разному. Но главное не меняется, и в повести о Савве Грудцыне мы находим прямые совпадения с книгой о Фаусте, хотя о непосредственном влиянии здесь могут говорить лишь наиболее отважные компаративисты, сами, пожалуй, имеющие сверхъестественного спутника» [Кожин, 1963, с. 202].

Хотя В. В. Кожин в данном случае и отрицает прямое влияние легенды о Фаусте на русские повести, он видит в них много общего на основании того, что и легенда о Фаусте, и эти повести — порождение культуры Нового времени. Культурологически подобный подход может представляться оправданным (выше уже цитировалось мнение одного из крупнейших немецких специалистов XX века по истории фаустовской легенды, Ганса Хеннинга, о том, что эта легенда — именно порождение культуры Нового времени), и все же теория, основывающаяся на том, что «Повесть о Горе-злосчасти» и «Повесть о Савве Грудцыне» выражают именно европейский культурный менталитет Нового времени, на наш взгляд, выглядит сомнительной.

Однако дело даже не в оценке типа культуры. Говоря о возможности отнесения тех или иных произведений к «фаустовской теме», мы никак не можем игнорировать важнейший вопрос, а именно вопрос литературоведческой методологии. Его можно сформулировать следующим образом: какой конкретный критерий положен в основу данной классификации, что

именно позволяет называть какое-то произведение относящимся «фаустовской теме», а какое-то — нет?

Одно лишь наличие мотива договора с сатаной, на наш взгляд, таким критерием быть не может, ибо ему соответствует огромное количество произведений, в которых, при ближайшем рассмотрении, оказывается не так уж и много типологически общего, как мы и покажем это на примере легенды о Фаусте и её славянских воплощений.

Представляется необходимым конкретизировать эти критерии, так как, помимо основополагающего критерия самого наличия договора с сатаной, в фаустовской теме присутствуют и другие значимые мотивы. Например, чрезвычайно важным, на наш взгляд, является и мотив занятия героя магическими науками.

Обратившись к немецкой народной легенде, мы увидим, что доктор Фауст сначала много занимается магией и именно эти занятия, в конце концов, и позволяют ему вызвать злого духа из преисподней, чтобы заставить этого духа себе служить. Именно это увлечение магическими науками и является одним из признаков того, что легенда возникла в эпоху раннего Нового времени, а точнее — в эпоху Возрождения с её увлечением неоплатонизмом. Как отмечают Б. Глогер и В. Цёльнер «неоплатонизм, пришедший из Флоренции, населил мир магическими и демоническими силами <...> человек мог эти природные силы открыть и использовать» [Gloger et al., 1983, с. 192].

Но в большинстве средневековых европейских повестей и уж тем более в русских этот крайне важный мотив отсутствует, см., например: [Weber, 1966]. Безусловно, в ряде легенд он есть, как, например, в легендах о римских папах-чернокнижниках (заметим, что именно во времена Реформации они становятся особенно популярны); легендах о знаменитых средневековых ученых, таких как Роджер Бэкон, Агриппа Неттесгеймский, Альберт Великий, Парацельс и т. п. Но там этот мотив напрямую связан с самой научной деятельностью героя, которая нередко также рассматривается сама по себе, как один из признаков греховных устремлений. Впрочем, этот мотив встречается и в легендах другого рода, которые не повествуют об ученых, например, в той же легенде о Теофиле.

Впрочем, заметим, что в последней магом является не сам герой, а другое действующее лицо, которое в данном случае выступает в роли волшебного помощника, характерного для фольклорной традиции волшебных сказок, так что легенда о Теофиле может быть отнесена к художественным воплощениям «фаустовского мотива» тоже весьма и весьма условно, ибо, на наш взгляд, здесь отсутствует ещё один крайне важный для характе-

ристики этого сюжета элемент — мотив занятия главного героя науками, причём не только магическими, но и науками вообще.

Но именно он является значимым для характеристики доктора Фауста, который в европейской культуре прежде всего представляет собой олицетворение страсти к познанию. Даже в немецкой народной легенде, где Фауст прежде всего сластолюбец, который использует услуги злого духа для удовлетворения низменных потребностей, таких как похоть, тщеславие и так далее, в договоре значится следующее: «После того, как я положил себе исследовать первопричины всех вещей» [Народная книга ..., 1978, с. 43]. То есть в данном случае, пусть даже и этот мотив в немецкой народной легенде не очень ярко раскрыт, тем не менее сама страсть к познанию показана как причина грехопадения Фауста и его обращения к темным силам.

Если говорить о так называемых «славянских Фаустах», то ближе всего к фаустовской легенде стоит легенда о пане Твардовском, подробно о ней см.: [Kraszewski, 1987]. Как раз в этой легенде, помимо самого договора с дьяволом, присутствует и значимый мотив занятия магией. Пан Твардовский, как и Фауст, сам отчасти является магом. Более того, в некоторых моментах сюжетные линии обеих легенд очень близки. Так, например, и Фауст, и пан Твардовский обладали умением вызывать на потеху знатым людям тени давно умерших людей. Также любопытным обстоятельством является то, что родным городом пана Твардовского назван Краков. С этим городом может быть связан и исторический Фауст, так как, по одной из версий, он обучался именно в Краковском университете; к тому же там, по некоторым сведениям, изучали магию. Таким образом, легенда о пане Твардовском в самом деле близка к легенде о Фаусте, хотя сама степень и причина этой близости требуют более внимательного рассмотрения.

А вот в русских памятниках, таких как упоминаемые Кожинным «Повесть о Горе-злочастии» и «Повесть о Савве Грудцыне» [Кожин, 1963, с. 196], мотив научных занятий, равно как и мотив занятия магией, полностью отсутствует, поэтому они могут быть причислены к «фаустовским» легендам только на основе общего критерия договора человека с сатаной, что, как мы показали выше, явно недостаточно.

Помимо историко-культурного и национального, в происхождении легенды о Фаусте важную роль играет профессиональный фактор. По мнению многих исследователей, легенда о Фаусте — прежде всего порождение немецких протестантских кругов XVI века (о связях фигур Фауста и Лютера см. [Schmidt, 1896; Новожилов, 2020]), кроме того, протестантский характер легенды подчеркивал М. С. Корелин [Корелин, 1882, с. 732]. Так

что, если обратить внимание на важность конфессионального мотива, то даже образы «католических Фаустов» оказываются связаны с «фаустовской легендой» не так уж тесно, не говоря уже о православном Савве Грудцыне, весьма далеком как от протестантизма, так и от католичества. В данном случае мы можем говорить лишь о мотиве договора с сатаной, который присутствует во всех авраамических религиях, но этого недостаточно, так как иногда именно конфессиональные особенности могут являться определяющими.

В сюжете значим также любовный мотив. Именно он является движущим в одном из первых сказаний, которые относят к ранним источникам легенды о Фаусте, а именно — легенде о Киприане и Юстине (см. [Radermacher, 1927; Zahn, 1882]); ярко выражен этот момент и в ряде средневековых легенд, где договор с сатаной нужен, чтобы добиться расположения женщины или — чаще — получить доступ к обладанию любимыми женщинами вообще. И в «Повести о Савве Грудцыне» именно любовный мотив становится завязкой сюжета о договоре с бесом. В «фаустовском» же сюжете любовный мотив представлен очень слабо. Правда, в народной легенде неоднократно подчеркивается, что благодаря услугам адского духа Фауст пользовался благосклонностью самых разных женщин, а потом стал сожительствовать с вызванной из небытия тенью самой Еленой прекрасной (Елены Троянской), но это укладывается в его характеристику как ужасного и закоренелого грешника, который склонен к беспорядочным связям с женщинами, что для христианина любой конфессиональной принадлежности недопустимо. Но вот мотив его обращения к тёмным силам из-за любви здесь отсутствует.

Таким образом, мы видим ряд заметных отличий вышеназванных легенд от легенды о Фаусте. Резюмируем: Фауст одержим страстью к познанию, он учёный, имеет степень доктора наук; помимо официально признанных наук, он питает интерес к наукам не совсем законным, пытается овладеть магическими тайнами, в результате чего и вызывает злого духа, чтобы заставить его себе служить. После чего заключается договор, и дух начинает исполнять его желания. Во всех вышеназванных легендах общего с легендой Фаусте только сам мотив договора и то, что злой дух исполняет желания героя. Однако остальные значимые признаки отсутствуют. Таким образом, в основном сходство между всеми этими сказаниями основывается на их общем для христианства, или даже характерном для всех авраамических религий, мотиве договора человека с темными силами.

Однако в этом случае мы должны практически всю литературу, так или иначе связанную с христианским культурным кодом, выделять в некое единое целое и говорить о наличии одних и тех же сюжетных линий и мотивов.

вов. Разумеется, этот подход имеет под собой определенное основание, но, применительно к нашей теме, основанная на подобном признаке группа произведений представляется слишком широкой, с размытыми границами. Говоря же о близости легенды о Фаусте и вышеназванных сказаний, прежде всего «Повести о Савве Грудцыне», мы должны сделать вывод, что частности и отличия сюжетных моделей значительно важнее, нежели общий мотив договора с темными силами, что не позволяет говорить о наличии единого «фаустовского» мотива в этих сюжетах.

3. Полемика об источниках русской повести

Однако «Повесть» вполне обоснованно, именно с учетом этих частностей, следует рассматривать в сопоставлении с наиболее близкими вариантами воплощения указанного сюжета. Тем интереснее и глубже могут стать предположения о ее источниках и связях с широким контекстом европейских литератур.

Наиболее известны в отношении интерпретации «Повести о Савве Грудцыне» работы советского исследователя М. О. Скрипиля. Первая была опубликована в 1935 году в научном издании «Труды Отдела древнерусской литературы». Акцентируя на первых же страницах такое понятие, как классовая борьба [Скрипиль, 1935, с. 183], что вполне понятно в контексте эпохи, исследователь вводил произведение в ряд памятников, демонстрирующих общественные процессы, в определенной степени противопоставляя подобный подход предыдущим работам, сосредоточенным на установлении источников сюжета (А. Н. Пыпин, Н. С. Тихонравов, А. С. Мадуев, В. Сиповский, В. А. Розов, А. Н. Веселовский).

При этом и он подчеркивал невозможность безоговорочного решения данного вопроса по той же причине, которую отметил еще В. Розов — множественность элементов, соответствующих самым различным произведениям [Скрипиль, 1935, с. 189; Розов, 1905, с. 2].

В следующей своей работе, посвященной повести, Скрипиль продолжает рассматривать ее самостоятельность, настаивая на значительной идейной трансформации сравнительно с предполагаемыми источниками. Исследователь вновь рассматривает повесть преимущественно в аспекте культурно-социальных сдвигов, обнаруживая «настроения времени, когда для московского общества наступила пора критического пересмотра того, чем оно до сих пор жило, когда определялись отношения к старым устоям жизни» [Скрипиль, 1948, с. 222]. Ценно в контексте данного исследования, прежде всего, уяснение сложной жанровой природы литературного памятника, основанного на сюжетах, представленных как ранее, так и параллельно ему: «И тема и стиль “Повести о Савве Грудцыне” далеко

уводят ее от того жанра, с которым она связана генетически. Если когда-то академик А. Н. Веселовский в своем беглом обзоре истории русской повести (в “Истории русской словесности” А. Галахова) сказал о “Савве Грудцыне”, что “в сущности, это чудо Казанской богородицы”, то всестороннее изучение этой Повести заставляет нас в настоящее время видеть в ней одно из крупнейших произведений древнерусской беллетристики, начатки русского романа» [Скрипиль, 1948, с. 227]. При этом он интерпретирует отдельные эпизоды литературного памятника: стремление Саввы уйти из отчего дома, связь с замужней женщиной — преимущественно в ключе все тех же «социальных сдвигов», которые должны проявить себя в литературе [Скрипиль, 1948, с. 223].

Тем не менее и у Скрипиля, и в большинстве работ (Костомаров, Веселовский, Розов, Тихонравов и др.) утверждается генетическая сюжетная связь истории Саввы с легендой о Феофиле экономе и «Чудом святого Василия Кесарийского архиепископа о прельщенном отроце», «Словом о Месите Чародее», «Сказанием о Протерии» и др. [Скрипиль 1935, с. 184—188; Скрипиль 1948, с. 225].

Но наряду с византийскими источниками в древнерусской литературе обнаруживаются и другие произведения, посвященные сделке человека с темными силами. Сопоставлению их текстов и уяснению некоторых тенденций бытования данной сюжетной модели посвящена монография О. Д. Журавель «Сюжет о договоре человека с дьяволом в древнерусской литературе» (1996). Рассматривая «Повесть о Савве Грудцыне» в этом контексте, автор демонстрирует многообразие мотивов и образов, перекликающихся с данным памятником.

При сопоставлении их сюжетных моделей можно обнаружить существенное своеобразие истории Саввы, хотя сам текст исследователь вслед за предшественниками характеризует как «мозаику заимствований» [Журавель, 1996, с. 156]. Это, однако, и О. Д. Журавель расценивает как свидетельство знакомства автора с целым корпусом родственных в сюжетном отношении византийских, древнерусских и, возможно, европейских текстов, уточняя, что «не получил объяснения пока сам факт возникновения различных версий сюжета» [Журавель, 1996, с. 15]. Но стоит обратить внимание на несколько важных элементов, которые отличают «Савву».

Прежде всего, это своеобразие упомянутой выше любовной линии как мотива договора. В произведениях, рассмотренных как возможный источник, речь идет о женитьбе при помощи бесовского вмешательства. Савва же состоит в «блудодейной связи» с чужой супругой, более того — супругой своего покровителя с несколько странным для купца именем Бажень Второй. И сама эта связь начинается до встречи с посланником темных

сил. Неверная супруга соблазняет героя при помощи зелья, затем между любовниками возникает конфликт. И лишь после него юноша, изгнанный из дома Бажена Второго, в тоске и отчаянии призывает темные силы.

Бес, представший в человеческом обличье, заключает с Саввой договор, способствуя продолжению любовной связи. Далее бес помогает Савве в ратном деле. Практически ни в одном из указанных источников, включая сборник польского происхождения «Великое Зерцало», нет подобной сюжетной модели. И это могло бы указывать именно на «мозаичность» Саввы, на объединение автором повести мотивов из разных источников. Однако подобная модель просматривается в произведении гораздо более позднего периода — романе норвежского писателя М. К. Хансена («Othar av Bretagne», 1819).

4. Савва Грудцын и Отар из Бретани

Сюжет непосредственного договора с дьяволом в этом произведении трансформирован в традициях романтической литературы и представлен развернутой историей искушения героя зловещим колдуном Варлуном, который, не будучи демоном в буквальном смысле, по всем признакам, служит адским силам [Пешкова, 2015, с. 61—62] и увлекает к гибели души, недостаточно стойкие перед грехом. Роман не переведен на русский язык, однако сюжетная структура просматривается даже в кратком пересказе специалиста по норвежской литературе [Пешкова, 2015, с. 61—63]. Стоит обратить особое внимание на то, что М. К. Хансен был современником Гете, однако практически никакого влияния даже этой переработки «фаустовского сюжета», обозначенного ранее, в сказочном романе о рыцаре Отаре мы не обнаружим, тогда как совпадений с историей Саввы Грудцына очень много.

Конечно, подобные совпадения могут быть случайными, но не стоит отказываться от иной гипотезы — некоего источника, объединяющего «Савву» и «Отара».

Любопытно, что и Веселовский, и Розов рассматривали сюжетные мотивы повести о Савве не только в контексте сходства с византийскими и древнерусскими памятниками о договоре с дьяволом. Упоминают они «голландские духовные стихи» и «народную песню о св. Гертруде» [Веселовский, 1880, с. 491; Розов, 1905, с. 4]. И если голландские тексты остаются непроясненными, то сюжет о св. Гертруде кратко изложен Веселовским.

В его пересказе, впрочем, любовная линия ближе к «Чуду о прельщенном отроке», но не к «Савве». Рыцарь воспылал любовью к девушке, обещанной Богу, и после отказа решился заключить договор с дьяволом. Как

и в «Чуде о прельщенном отроке», и в «Легенде о Каруле», предмет любви недоступен, при этом можно предположить, что изначальный грех заключался именно в противлении святому обету. И эта же святость помешала нечистому исполнить договор. Среди сюжетов, которые были рассмотрены специалистами как параллель к «Савве», именно в варианте истории о св. Гертруде любовная связь так и не осуществляется [Веселовский, 1880, с. 491].

Казалось бы, данный пример стоит отбросить, однако торопиться не стоит, поскольку и с «Саввой», и с норвежским романом его объединяют два важных элемента: воинский статус героя и попечение праведницы о его душе. В романе таких праведниц двое: и прекрасная Ида — истинная любовь Отара, и его родная сестра [Пешкова, 2015, с. 63]. Сам мотив праведной молитвы, исходящей именно от женщины, присутствует в большинстве обсуждаемых источников, при этом лишь в сюжете о Савве героиня не связана с ним супружескими или любовными отношениями — это благочестивая жена сотника.

И все же само присутствие женского образа в тесной связи с историей спасения грешника необходимо учитывать как повторяющийся элемент сюжетной модели. Практически каждый вариант, упоминаемый в группе источников, сопоставляемых с «Повестью о Савве Грудцыне», отмечен спасительной ролью святого или Богородицы, то есть христианским чудом. Мы можем уверенно предположить, что в варианте сюжета о св. Гертруде происходит «стяжение» структуры: героиня молится как праведница и сама же спасает грешника как святая.

В романе о рыцаре Отаре не присутствуют непосредственно ни святой заступник, ни Дьявол. И это закономерно для жанра: светская литература в эпоху романтизма уже существенно дистанцирована от модели церковных произведений, хотя само противостояние Бога и Дьявола в их борьбе за душу человека отчетливо наблюдается, но в опосредованном контексте; и «Фауст» Гете не только с фигурой Мефистофеля, но и с «Прологом на небесах» — заметное исключение.

Интерпретируя в этом контексте близость произведений об Отаре и Савве, следует признать в злом чародее Варлуне не признак отличия, но закономерный жанровый эквивалент беса в авторской романтической литературе. При этом нельзя упускать присутствие в романе брата главного героя, Уллера, странного и амбивалентного во многих отношениях персонажа. Именно он становится «проводником» героя во владения Варлуна. Бес, искушающий Савву, называет себя его «братом», а потом помогает в ратном деле. В романе Хансена присутствует оруженосец рыцаря Герман — также

искуситель на службе у чародея [Пешкова, 2015, с. 62], способствующий при этом воинской карьере господина.

Но, пожалуй, главное, что сближает норвежский роман с «Повестью о Савве Грудцыне» — мотив связи героя с замужней женщиной, супругой императора, ко двору которого прибывает Отар. Очевидно, что подобный элемент не встречается более ни в одном из упоминаемых источников повести.

Таким образом, мы можем выделить следующие элементы, которые в совокупности представлены только в русской повести и норвежском романе:

- (1) представитель темных сил — брат / названный брат героя;
- (2) представитель темных сил помогает герою в ратном деле;
- (3) герой обретает славу на воинском поприще;
- (4) герой состоит в любовных отношениях с женой своего покровителя;
- (5) герой страдает от невозможности расторгнуть договор с нечистой силой, искренне кается;
- (6) о спасении души героя радеет праведница.

Можно ли сделать какой-либо вывод на основе данных совпадений? Окончательный — нет. Не исключено, что обнаруженная параллель демонстрирует некоторую архетипическую основу, общечеловеческие интенции в контексте религиозного мировосприятия, см.: [Журавель, 1996, с. 6]. Однако есть достаточно веские основания для того, чтобы предположить некий общий источник. Возможно — европейский источник, поскольку византийские тексты с родственным сюжетом в основном своем массиве известны, и подобной совокупности элементов в них не обнаружено. Так что мы можем уверенно говорить о данной совокупности элементов как о специфическом варианте сюжетной модели.

Наличие особого сюжетного источника у романа косвенно подтверждается как самим контекстом эпохи романтизма, повышенным интересом к фольклору, так и очевидными примерами национальных фольклорных мотивов у Хансена [Пешкова, 2016, с. 55]. Впрочем, в данном случае речь идет преимущественно о национальных норвежских мотивах, тогда как «Отар из Бретани» выглядит некой фантазией на средневековую тему без национальной конкретики. Однако это ни в малейшей степени не исключает фольклорные источники. Не стоит упускать из виду также убедительно продемонстрированные параллели, а порой и текстуальные совпадения «Саввы» с польским сборником «Великое зеркало», подразумевающие знакомство автора повести с польским оригиналом [Журавель, 1996, с. 191—193].

Впрочем, стоит вернуться к одной из уже упомянутых ранее статей о Савве Грудцыне и подробнее рассмотреть высказанную в ней гипотезу о родстве повести с целым компендиумом, включающим отдельные сюжеты [Розов, 1905, с. 1—6], — третьим разделом труда Агапия Критского «Грешных спасение» (1641). Сам этот раздел представляет собой собрание коротких притч о чудесах Богородицы, и Розов убедительно показывает соответствия разных сюжетных элементов повести разным притчам, вполне логично предполагая, что безымянный русский автор — один из братьев Чудова монастыря, где было переведено «Грешных спасение» [Розов, 1905, с. 6—7], что довольно категорично отрицал М. Скрипиль еще в первой своей статье, указывая в своей полемике с Розовым на идейные и стилистические различия памятников [Скрипиль, 1935, с. 117—119].

Розов, Впрочем, справедливо утверждает, что указанные им элементы повести более нигде не встречаются «собранными в одном фокусе» [Розов, 1905, с. 1], и в контексте мотивного сопоставления это куда более значимый фактор, нежели естественные, продиктованные культурным контекстом наслоения стиля анонимного автора русской повести. При этом любовную линию Розов считает в принципе специфичной лишь для истории Саввы, что лишний раз подтверждает высказанную ранее гипотезу оригинальности данной сюжетной модели. Впрочем, Розов не рассматривает как специфику повести воинскую службу героя, хотя в 55 «Чуде о солдате-разбойнике» мы обнаруживаем и этот элемент. То есть, за исключением греховной любви, совпадений еще больше. Но в том же 55 чуде мы видим элемент, безусловно объединяющий «Грешных спасение» не только с повестью, но и с норвежским романом: бес-слуга, притворяющийся человеком. В романе такому персонажу соответствует демонический оруженосец Герман, который в определенные моменты обнаруживает зловещие потусторонние свойства [Пешкова, 2015, с. 62], но стилистически это оформлено, разумеется, иначе — соответственно романтическому художественному принципу.

Однако самое интересное — совпадение одного из сюжетов Агапия Критского с романом Хансена, но не с повестью о Савве. Это чудо 39 «О чаде, преданном матерью при зачатии бесу». Одна из мистических тайн романа — договор не самого Отара, но его отца с силами тьмы именно в обмен на собственных детей. При этом автор статьи о романе мотивирует сюжетный элемент фольклорной основой: «Обе сделки, заключенные в романе, имеют фольклорную основу: сначала отец Отара, находясь в путешествии, обещает отдать незнакомцу половину того, чего у него еще нет» [Пешкова, 2015, с. 62]. Мотив, безусловно, весьма распространен в фольклоре. Но и героиня 39 чуда обрекает бесу еще даже не зачатого ребенка.

В обоих случаях родители «не ведают, что творят», а заложниками неосторожных слов становятся невинные дети, отданные во власть темной силы.

Может ли быть случайной такая параллель? Несомненно, как и все прочие совпадения. Однако в ключе сопоставления романа с повестью и с учетом гипотезы о возможном общем источнике подобное совпадение стоит принять во внимание, тем более что фольклорные тексты с подобным сюжетом не предполагают святого заступничества, которое присутствует в норвежском романе и в книге Агапия Критского.

Но о чем может свидетельствовать подобное совпадение? Возможно ли знакомство норвежского романтика с творением Агапия? Подобное предположение выглядит весьма сомнительно, хотя первое издание книги «Грешных спасение» состоялось в Европе. Но сами сюжеты Богородичных чудес третьего раздела вряд ли можно считать оригинальными [Скрипиль, 1935, с. 117—119]. О. Д. Журавель также указывает на западное происхождение некоторых сюжетов данного сборника [Журавель, 1996, с. 24].

Разумеется, факт издания книги в Венеции не должен подменять решение вопроса, который может оказаться без ответа и в ближайшем будущем. Одно несомненно: литературные связи формируются зачастую стихийно, и сюжет, и даже элементы текста могут кочевать из жанра в жанр, из книжной литературы в фольклор, из фольклора — в книгу. Один из знаменитейших примеров — «превращение» английского принца Бэва в лубочного Бову Королевича посредством прозаического переложения средневековой поэмы на русский язык. Также весьма ценны исследования, касающиеся проникновения народных верований в церковные книги Нового времени [Журавель, 2017, с. 44].

В данном случае задачей можно считать само обоснование гипотезы: возможности общего источника или цепочки источников. Наиболее достоверным вариантом следует признать знакомство Хансена с фольклорным текстом, в котором сюжет представлен моделью, идентичной «Повести о Савве Грудцыне», то есть совокупностью элементов, указанных для повести, но, возможно, и дополнительными составляющими, включая сюжет о невинном ребенке, обреченном аду.

При этом сам спектр возможных фольклорных жанров довольно широк. Заслуживают внимания упомянутые Веселовским духовные стихи, поскольку этот жанр можно считать «переходным» между сферой церковной книжности и фольклором. Замечательный пример демонстрирует в своей книге этнограф А. А. Коринфский — исполняемые на Васильев день тексты, в которых преломилось упомянутое здесь «Чудо о прелещенном отроке», при этом: «Евладий превратился, в устах убогих певцов, во “в ладью”, керасия-жена — в “Кесарию”, Люцифер — в “Ницыпора”

и т. д. Существуют разносказы-перепевы этого стиховного сказания и в Могилевской губернии, более законченные» [Коринфский, 1901, с. 112—113].

Важен в данном контексте и такой жанр, как миракль, представляющий по сути «народную» драматургическую обработку книжного чуда; особого внимания заслуживает подобная жанровая трансформация ранее упомянутого «Сказания о Теофиле» [Дживелегов и др., 2013, с. 35—37], и вряд ли такой пример единичен, тем более что среди мираклей выделяют особую группу текстов — *Miracles de Notre Dame*, то есть восходящих именно к Богородичным чудесам [Дживелегов, Бояджиев, 2013, с. 41]. Так что в данном жанре не исключены параллели и с сюжетами Агапия. Но все же принципиальная основа выдвигаемой здесь гипотезы — совокупность мотивов, включающая непременно *любовные отношения с супругой покровителя*. На этом остановимся подробнее, поскольку и в повести, и в романе мы видим очень близкое осмысление таких отношений в жизненном пути главного героя.

Практически все исследователи видели в отношениях Саввы и супруги Божена Второго аллюзию на библейский сюжет об Иосифе Прекрасном и жене Потифара [См. Скрипиль, 1948, с. 225], однако смысловые акценты в повести совсем иные. В Библии Иосиф становится жертвой навета, но преодолевает искушение, Савва впадает в грех прежде навета. История его любовных отношений обладает важным значением в сюжете духовного падения. Если это реминисценция библейского мотива, заимствованного непосредственно из Священного писания, то она серьезно переработана не только в деталях, но и концептуально. Можно лишь согласиться с мнением Скрипиля о приближении повести к романной прозе, и во многом способствует «романизации» именно любовная история Саввы.

Однако примерно теми же особенностям отличается в пересказе романа история отношений Отара с императрицей Ливией [Пешкова, 2015, с. 62]. Эмоциональный акцент греховой связи действительно позволяет сосредоточиться на психологическом состоянии героя, подготавливает его к падению, замедляя действие, углубляя повествование.

Здесь стоит привести важное суждение Е. Мелетинского о соотношении жанров в контексте исторической поэтики: «Волшебное в сказке стоит посередине между пониманием сверхъестественного как естественного (в мифе) и как все же удивительного (как в новелле). “Биографизм” сказки (рассказ о становлении героя) не вполне отвечает идее одного неслыханного события и, как это ни парадоксально, скорее приближает сказку к роману (особенно рыцарскому), чем к новелле, действительно ориентированной на воспроизведение удивительного случая на “пути” героя» [Мелетинский,

1990, с. 6]. В таком контексте притчевый жанр чуда, сопоставленный с повестью и романом, можно считать более «новеллистичным», а в «Повести о Савве Грудцыне» мы действительно видим сочетание элементов различных жанров.

5. Выводы

Таким образом, перед нами высвечивается более отчетливая исследовательская проблема, которой следует задаться при сопоставлении сходных сюжетов, восходящих к группе общих мотивов, иногда относимых к «фаустовской теме». Она состоит в уточнении не только структурных, но и ценностно значимых элементов, формирующих внутренний смысл, экспрессию и эмоциональную динамику повествования, особенно в аспекте жанровой поэтики.

В таком случае дальнейшими принципами литературоведческого исследования общности и различия в воплощении представленного здесь мотива договора с темными силами могут стать систематизированные методологические принципы анализа конкретных текстов по типологии не столько мотивов, сколько жанровых и сюжетных моделей, образной системы и смысловых акцентов — принципы исторической поэтики в комплексном понимании термина.

Представляется необходимым также согласовать эти принципы с более детальным изучением корпуса источников, что позволит, не объединяя указанные здесь памятники славянских литератур с «фаустовской легендой» по некоторому расплывчатому признаку, обнаружить более отчетливые их совпадения с иными западноевропейскими текстами, в том числе относящимися к позднейшим течениям и направлениям. На этой основе уже следует формировать частные гипотезы о вероятных текстовых прототипах и путях трансформации конкретного мотива и образа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Багно В. Е. Договор человека с дьяволом в «Повести о Савве Грудцыне» и в европейской литературной традиции / В. Е. Багно // Труды Отдела древнерусской литературы. — Ленинград : Наука, 1985. — Т. 40. — С. 364—372.
2. Белецкий А. И. Легенда о Фаусте в связи с историей демонологии / А. И. Белецкий // Записки неофилологического общества. — 1911. — Выпуск V. — С. 59—193.
3. Веселовский А. Н. § 27 Памятники литературы повествовательной : византийские и южнославянские повести ; повести западного происхождения ; начало русской повести / А. Н. Веселовский // История русской словесности древней и новой / под редакцией А. Д. Галахова. — Санкт-Петербург : Типография Морского министерства, 1880. — Т. 1. — С. 394—517.

4. *Дживелегов А. К.* История западноевропейского театра. От возникновения до 1789 года : учебник для театральных вузов / А. К. Дживелегов, Г. Н. Бояджиев. — Москва : ГИТИС, 2013. — 526 с. — ISBN 978-5-91328-084-8.
5. *Жирмунский В. М.* История легенды о Фаусте / В. М. Жирмунский // Легенда о докторе Фаусте / под редакцией В. М. Жирмунского. — Москва : Наука, 1978. — С. 257—363.
6. *Журавель О. Д.* Книжная демонология и народные магические верования в Сибири XVII—XVIII вв. / О. Д. Журавель // Гуманитарные науки в Сибири. — 2017. — № 3 (24). — С. 39—45. — DOI: 10.15372/HSS20170307.
7. *Журавель О. Д.* Сюжет о договоре человека с дьяволом в древнерусской литературе / О. Д. Журавель. — Новосибирск : Сибирский хронограф, 1996. — 235 с. — ISBN 5-87550-048-4.
8. *Кожин В. В.* Происхождение романа / В. В. Кожин. — Москва : Советский писатель, 1963. — 440 с.
9. *Корелин М. С.* Западная легенда о Фаусте / М. С. Корелин // Вестник Европы. — 1882. — Ч. 11. — С. 263—294 ; Ч. 12. — С. 699—734.
10. *Коринфский А. А.* Народная Русь. Круглый год сказаний, поверий, обычаев и пословиц русского народа / А. А. Коринфский. — Москва : Издание книгопродавца М. В. Клюкина, 1901. — 720 с.
11. *Мелетинский Е. М.* Историческая поэтика новеллы / Е. М. Мелетинский. — Москва : Наука. Главная редакция восточной литературы, 1990. — 275 с.
12. *Народная книга* : История о докторе Иоганне Фаусте, знаменитом чародее и чернокнижнике // Легенда о докторе Фаусте / подготовил В. М. Жирмунский. — Москва : Наука, 1978. — С. 35—109.
13. *Новожилов Д. М.* О ранних источниках легенды о Фаусте / Д. М. Новожилов // Слово. Текст. Источник : Методология современного гуманитарного исследования. Материалы Международной научной конференции. — Москва : ФГБОУ ВО «РГУ имени А. Н. Косыгина», 2020. — С. 265—275.
14. *Новожилов Д. М.* Фауст и Лютер : к вопросу о генезисе образа доктора Фауста / Д. М. Новожилов // Актуальные проблемы науки : ИГУМО И ИТ как исследовательский центр. — 2015. — № 18. — С. 91—98.
15. *Пешкова В. В.* Роман «Отар из Бретани» М. Хансена в контексте европейской литературной традиции первой половины XIX века / В. В. Пешкова // Вестник Костромского государственного университета. — 2015. — № 2. — С. 61—63.
16. *Пешкова В. В.* Роман М. К. Хансена «Сага о Хильде» в контексте традиции романтизма в XIX веке / В. В. Пешкова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2016. — № 8—1 (62). — С. 54—57.
17. *Розов В. О.* Повесть о Савве Грудцыне / В. О. Розов // Киевские университетские известия. — 1905. — № 3. — С. 1—7.
18. *Скрипиль М. О.* Повесть о Савве Грудцыне / М. О. Скрипиль // Труды Отдела древнерусской литературы. — Москва-Ленинград : Издательство АН СССР, 1935. — С. 99—152.
19. *Скрипиль М. О.* Повесть о Савве Грудцыне / М. О. Скрипиль // История русской литературы : в 10 тт. Литература 1590-х — 1690-х гг. / под. ред. — Москва-Ленинград : Издательство АН СССР, 1948. — Т. II. — Ч. 2. — С. 222—227.
20. *Шпенглер О.* Закат Европы. Т. 1. Гештальт и действительность [Электронный ресурс] / О. Шпенглер. — Режим доступа : https://mir-knig.com/read_222765-57 (дата обращения 21.04.2021).

21. Conrad M. Die Geschichte vom Doktor Faust / M. Conrad, F. Hubs. — München, [b. i.], 1980. — 276 s.
22. Düntzer H. Die Sage von Doktor Faust / H. Düntzer. — Stuttgart : Scheible, 1846. — 260 s.
23. Engel K. Zusammenstellung der Faust-Schriften von XVI Jahrhundert bis Mitt. 1884 / K. Engel. — Oldenburg : Schulze, 1885. — 764 s.
24. Gloger B. Teufelsglaube und Hexenwahn / B. Gloger, W. Zöllner. — Leipzig : Koehler & Amelang, 1983. — 252 s.
25. Henning H. Faust in fünf Jahrhundert / H. Henning // Ein Überblick zur Geschichte des Fauststoffes von 16. Jahrhundert zur Gegenwart. — Halle : [b. i.], 1963. — 128 s.
26. Henning H. Beiträge zur Druckgeschichte der Faust und Wagner-Bücher des 16. Und 18. Jahrhunderts / H. Henning. — Weimar : Arion Verlag, 1963. — 133 s.
27. Kraszewski Józef Ignacy: Mistrz Twardowski. Powieść z podań gminnych. — Warszawa : Ludowa Spółdzielnia Wydawnicza, 1987. — 255 s.
28. Küchler K. Die Faustsage und der Goetische Faust / K. Küchler. — Leipzig : G. Fock, 1893. — 55 s.
29. Neubert F. Von Doktor Faust zu Goethes Faust / F. Neuber. — Leipzig : Verlagsbuchhandlung von J. J. Weber, 1932. — 55 s.
30. Peter F. Die Literatur der Faustsage bis Ende des Jahres 1848 / F. Peter. — Leipzig : Verlag nicht ermittelbar, 1849. — 24 s.
31. Radermacher L. Griechische Quellen zur Faustsage. Der Zauberer Gyprianus. Die Erzählung des Helladius. Theophilus / L. Radermacher // Akademie der Wissenschaften in Wien. Philosophisch-historische Klasse. Sitzungsberichte 206. — Wien und Leipzig : [b. i.], 1927. — Bd 4. — S. 1—278.
32. Weber H.-H. Studien zur deutschen Marienlegenden des Mittelealters am Beispiel des Theophilus / H.-H. Weber. — Hamburg : [b. i.], 1966. — 191 s.
33. Zahn T. Cyprion von Antiochien und die deutsche Faustsage / T. Zahn. — Erlangen : A. Deichert, 1882. — 170 s.

REFERENCES

- Bagno, V. E. (1985). The contract of man with the devil in the “Tale of Savva Grudtsyn” and in the European literary tradition. In: *Proceedings of the Department of Old Russian Literature*, 40. Leningrad: Nauka. 364—372. (In Russ.).
- Beletsky, A. I. (1911). The Legend of Faust in connection with the history of demonology. *Notes of the Neophilological Society*, V: 59—193. (In Russ.).
- Conrad, M., Hubs, F. (1980). *Die Geschichte vom Doktor Faust*. München: [b. i.]. 276 s. (In Germ.).
- Düntzer, H. (1846). *Die Sage von Doktor Faust*. Stuttgart: Scheible. 260 s. (In Germ.).
- Dzhivelegov, A. K., Boyadzhiev, G. N. (2013). *History of the Western European theater. From the origin to 1789: textbook for theatrical universities*. Moscow: GITIS. 526 p. ISBN 978-5-91328-084-8. (In Russ.).
- Engel, K. (1885). *Zusammenstellung der Faust-Schriften von XVI Jahrhundert bis Mitt. 1884*. Oldenburg: Schulze. 764 s. (In Germ.).
- Gloger, B., Zöllner, W. (1983). *Teufelsglaube und Hexenwahn*. Leipzig: Koehler & Amelang. 252 s. (In Germ.).

- Henning, H. (1963). *Beitrage zur Druckeschichte der Faust und Wagner-Bücher des 16. Und 18. Jahrhunderts*. Weimar: Arion Verlag. 133 s. (In Germ.).
- Henning, H. (1963). Faust in fünf Jahrhundert. In: *Ein Überblick zur Geschichte des Fauststoffes von 16. Jahrhundert zur Gegenwart*. Halle: [b. i.]. 128 s. (In Germ.).
- Korelin, M. S. (1882). The Western legend of Faust. *Bulletin of Europe*, 11: 263—294; 12: 699—734. (In Russ.).
- Korinzhsky, A. A. (1901). *Narodnaya Rus. All year round of legends, beliefs, customs and proverbs of the Russian people*. Moscow: Publishing house of the bookseller M. V. Klyukin. 720 p. (In Russ.).
- Kozhinov, V. V. (1963). *The origin of the novel*. Moscow: Soviet Writer. 440 p. (In Russ.).
- Kraszewski Józef Ignacy: *Mistrz Twardowski. Powieść z podań gminnych*. (1987). Warszawa: Ludowa Spółdzielnia Wydawnicza. 255 s. (In Germ.).
- Küchler, K. (1893). *Die Faustsage und der Goetische Faust*. Leipzig: G. Fock. 55 s. (In Germ.).
- Meletinsky, E. M. (1990). *Historical poetics of short stories*. Moscow: Nauka. The main editorial office of Oriental literature. 275 p. (In Russ.).
- Neubert, F. (1932). *Von Doktor Faust zu Goethes Faust*. Leipzig: Verlagsbuchhandlung von J. J. Weber. 55 s. (In Germ.).
- Novozhilov, D. M. (2015). Faust and Luther: on the genesis of the image of Dr. Faust. *Actual problems of science: IGUMO and IT as a research center*, 18: 91—98. (In Russ.).
- Novozhilov, D. M. (2020). On the early sources of the legend of Faust. In: *Word. Text. Source: Methodology of modern humanitarian research. Materials of the International Scientific Conference*. Moscow: Kosygin Russian State University. 265—275. (In Russ.).
- Peshkova, V. V. (2015). The novel “Otar from Brittany” by M. Hansen in the context of the European literary tradition of the first half of the XIX century. *Bulletin of Kostroma State University*, 2: 61—63. (In Russ.).
- Peshkova, V. V. (2016). M. K. Hansen’s novel “The Saga of Hilda” in the context of the tradition of Romanticism in the XIX century. *Philological Sciences. Questions of theory and practice*, 8—1 (62): 54—57. (In Russ.).
- Peter, F. (1849). *Die Literatur der Faustsage bis Ende des Jahres 1848*. Leipzig: Verlag nicht ermittelbar. 24 s. (In Germ.).
- Radermacher, L. (1927). Griechische Quellen zur Faustsage. Der Zauberer Gyprianus. Die Erzählung des Helladius. Theophilus. In: *Akademie der Wissenschaften in Wien. Philosophisch-historische Klasse. Sitzungsberichte* 206, 4. Wien und Leipzig: [b. i.]. 1—278. (In Germ.).
- Rozov, V. O. (1905). The Tale of Savva Grudtsyn. *Kiev University News*, 3: 1—7. (In Russ.).
- Skripil, M. O. (1935). The Tale of Savva Grudtsyn. In: *Proceedings of the Department of Old Russian Literature*. Moscow-Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 99—152. (In Russ.).
- Skripil, M. O. (1948). The Tale of Savva Grudtsyn. In: *History of Russian Literature: In 10 II (2). Literature of the 1590s — 1690s*. Moscow-Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 222—227. (In Russ.).
- Spengler, O. *The Decline of Europe, I. Gestalt and Reality*. Available at: https://mir-knig.com/read_222765-57 (accessed 21.04.2021). (In Russ.).
- The People’s Book. The story of Dr. Johann Faust, the famous magician and warlock. (1978). In: *The Legend of Doctor Faust*. Moscow: Nauka. 35—109. (In Russ.).

- Veselovsky, A. N. (1880). § 27 Monuments of narrative literature: Byzantine and South Slavic stories; stories of Western origin; the beginning of the Russian story. In: Galakhova, A. D. (ed.). *History of Russian literature ancient and new, 1*. St. Petersburg: Printing House of the Maritime Ministry. 394—517. (In Russ.).
- Weber, H.–H. (1966). *Studien zur deutschen Marienlegenden des Mittekalters am Beispiel des Theophilus*. Hamburg: [b. i.]. 191 s. (In Germ.).
- Zahn, T. (1882). *Cyprian von Antiochien und die deutsche Faustsage*. Erlangen: A. Deichert. 170 s. (In Germ.).
- Zhirmunsky, V. M. (1978). The history of the legend of Faust. In: *The Legend of Dr. Faust*. Moscow: Nauka. 257—363. (In Russ.).
- Zhuravel, O. D. (1996). *The plot of a man's contract with the devil in Ancient Russian literature*. Novosibirsk: Siberian Chronograph. 235 p. ISBN 5-87550-048-4. (In Russ.).
- Zhuravel, O. D. (2017). Book demonology and folk magical beliefs in Siberia of the XVII—XVIII centuries. *Humanities in Siberia*, 3 (24): 39—45. DOI: 10.15372/HSS20170307. (In Russ.).

Игумнов А. Г. Материальное начало в фольклорных текстах преимущественно исторической тематики / А. Г. Игумнов, Е. Л. Тихонова // Научный диалог. — 2021. — № 10. — С. 247—264. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-10-247-264.

Igumnov, A. G., Tikhonova, E. L. (2021). Material Origin in Folklore Texts of Predominantly Historical Themes. *Nauchnyi dialog*, 10: 247-264. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-10-247-264. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-10-247-264

Материальное начало в фольклорных текстах преимущественно исторической тематики

Игумнов Андрей Георгиевич

orcid.org/0000-0003-3262-2042

доктор филологических наук, доцент,
старший научный сотрудник отдела
литературоведения и фольклористики
anigumnov@mail.ru

Тихонова Елена Леонардовна

orcid.org/0000-0001-8344-2709

доктор филологических наук, доцент,
старший научный сотрудник отдела
литературоведения и фольклористики
tipldk@yandex.ru

Институт монголоведения, буддологии
и тибетологии Сибирского отделения
Российской академии наук
(Улан-Удэ, Россия)

Благодарности:

Работа выполнена в рамках
государственного задания (проект
«Этнокультурная идентичность
в архитектонике фольклорных и
литературных текстов народов
Байкальского региона,
№ 121031000259-6»).

Material Origin in Folklore Texts of Predominantly Historical Themes

Andrey G. Igumnov

orcid.org/0000-0003-3262-2042

Doctor of Philology, Associate Professor,
Senior Researcher, Department of Literary
Studies and Folklore Studies
anigumnov@mail.ru

Elena L. Tikhonova

orcid.org/0000-0001-8344-2709

Doctor of Philology, Associate Professor,
Senior Researcher, Department of Literary
Studies and Folklore Studies
tipldk@yandex.ru

The Institute for Mongolian, Buddhist and
Tibetan Studies of the Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences
(Ulan-Ude, Russia)

Acknowledgments:

The work was carried out within
the framework of the state assignment
(the project “Ethnocultural identity in
the architectonics of folklore and literary
texts of the peoples of the Baikal region,
№ 121031000259-6”).

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматриваются вопросы архитектоники фольклорных текстов исторического содержания: русских и украинских исторических песен, исторических баллад, дум и былин. Актуальность исследования обусловлена поиском синхронного типологического сходства между фольклорными текстами различной этнической, родовой, жанровой, поэтической природы. Особое внимание уделяется трем аспектам организации песенной фабулы: ее композиционной многослойности, сочетанию в ней нескольких начал; фабульному значению алломотивов, эксплицирующих материальное начало; их стиливому оформлению. Приводятся определения материального и духовного начал. Показано объективное существование типологического сходства на уровне алломотивной организации русских и украинских текстов, относящихся к классическому, традиционному и стадильно позднему типам творчества в области историко-песенного фольклора. Показано, что это сходство объяснимо отражением в текстах жизненной, бытовой эмпирики и может приобретать различные стиливые воплощения: сниженное бытовое, констатирующее, идеализирующее. Поднимается вопрос о причинах аксиологических различий в русской и украинской фольклорных традициях. Доказано, что экспликации материального начала могут обладать различным значением в организации песенной фабулы: факультативным, значимым в пределах фрагмента текста, фабулообразующим.

Ключевые слова:

фольклор; материальное начало; фабульное значение алломотивов; аксиология; стиль.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article deals with the issues of architectonics of folklore texts of historical content: Russian and Ukrainian historical songs, historical ballads, dooms and epics. The relevance of the study is due to the search for a synchronous typological similarity between folklore texts of different ethnic, generic, genre, and poetic nature. Special attention is paid to three aspects of the organization of the song plot: its compositional layering, the combination of several principles in it; the plot meaning of allomotives, explicating the material principle; their styling. The definitions of the material and spiritual principles are given. The objective existence of typological similarities at the level of the allomotive organization of Russian and Ukrainian texts related to the classical, traditional and stage-by-stage types of creativity in the field of historical song folklore is shown. It is shown that this similarity can be explained by the reflection in the texts of vital, everyday empiricism and can acquire different stylistic incarnations: reduced everyday, ascertaining, idealizing. The question is raised about the reasons for the axiological differences in the Russian and Ukrainian folklore traditions. It is proved that the explication of the material principle can have different meanings in the organization of the song plot: optional, meaningful within a fragment of the text, plot-forming.

Key words:

folklore; material beginning; plot meaning of allomotives; axiology; style.

Материальное начало в фольклорных текстах преимущественно исторической тематики

© Игумнов А. Г., Тихонова Е. Л., 2021

1. Предварительные замечания

Слово *начало* для фольклористики совсем не ново, как и для литературоведения (см., например, [Хализев, 1999, с. 42, 53, 81]). Так, Б. Н. Путилов в таком качестве, характерном для позднего эпоса, выделял «привязанность содержания песен» «к известным местам» и датам действительной истории, «исторический биографизм» (эксплицированный в некоторых элементах), редукцию фантастики и мифологизма, способность песен «увидеть драматизм и трагичность истории», усиленную «реальность фона и деталей» [Путилов, 1988, с. 207], «обобщающее поэтическое начало» [Путилов, 1988, с. 209]. Конечно, это далеко не все начала, характерные для позднего песенного эпоса. Более того, в поисках некоторых именно начал, в той или иной степени определяющих архитектонику и содержание «песен», стоит обратиться также к «классическому» эпосу, думам и историческим песням (русским и украинским как минимум; причём независимо от их родовой принадлежности).

Так, можно уверенно говорить о и таких началах, как эмпирическое, витально-экзистенциальное, этикетно-церемониальное, социально-функциональное [Игумнов, 2019], архаически-мифологическое, фантастическое, героическое, поэтическое (в узком смысле; при его экспликации объектом анализа является не только «поэтический вымысел», но и поэтика как система «приемов»: стилевых, композиционных, повествовательных, языковых), бытовое и, наконец, духовное и материальное. Рассмотрение последнего начала и явилось целью нашего исследования.

А priori ясно, что найти строгие, однозначно понимаемые, не «пересекающиеся», верифицируемые дефиниции любого из названных выше начал принципиально невозможно. Допускать противное явно означает полагать, что фольклорный текст логичен и однозначен на всех уровнях, во всех аспектах и срезах своей организации. Этого очевидно не может быть. Однако, несмотря на заведомую нестрогость своих дефиниций, названные выше начала (и любые другие, достойные номинации именно этим словом) как таковые, как феномены, явно существуют (хотя понимание их и может быть различно).

Здесь рассматриваются тексты русских и украинских исторических песен (всех родовых типов), дум и, отчасти, былин (сплошной просмотр всех опубликованных былин не проводился; к тому же «материальное», или «бытовое», начало в былинах и вообще в песенных эпосе и лиро-эпике описано достаточно полно, см., напр., [Липец, 1951, с. 153—210; Путилов, 1988, с. 122—136; Селиванов, 1990]). Как следствие, структуро- или фабулообразующее (или любое иное) значение названных начал в текстах различно, от довлеющего до исчезающе малого, актуального лишь для заведомо факультативного фрагмента текста, совсем не важного для текста как целого во всём многообразии его смыслов. Но, даже будучи ничтожным, это значение всё же эксплицируется в текстах и, значит, тоже нуждается в рассмотрении.

Корректное определение какого-либо феномена предполагает его противопоставление какому-то другому (см., напр., [Философский энциклопедический словарь, 1983, с. 460—461]. В данном случае таковым объективно может послужить лишь начало «духовное», «над-материальное». Если принять во внимание средневековый по преимуществу характер взятых текстов, то под выражением в них «духовного» начала нужно, конечно, понимать в первую очередь частные детали или обобщающие констатации либо, напротив, пространные описания или ламентации, референтные к христианской атрибутике, обрядовой практике, догматике, аксиологии; к этой же тематической сфере относятся изображенные / подразумеваемые межконфессиональные конфликты. Тогда под экспликацией материального начала нужно понимать частные детали или обобщающие констатации, или же, напротив, пространные описания, референтные к прямо противоположной сфере действительности — в общем случае к сфере «реалистически» бытовой или идеализированно бытовой. Говоря о «бытовой» сфере, эксплицированной в наших текстах, придется не во всём согласиться с определением «эпической конструкции быта», принадлежащим Б. Н. Путилову. По его мнению, в эту конструкцию «непременным слагаемым входит более или менее устойчивый... набор типовых отношений между персонажами в социально-бытовой, домашней атмосфере, поведенческих, этикетных норм, элементов бытовой обстановки, предметов материальной культуры — всего того, что в совокупности составляет характерный бытовой фон, обязательный для любого эпического памятника» [Путилов, 1988, с. 122]. Однако не слишком ли разнородные и разнокачественные сущности объединены здесь в одну рубрику, особенно в нашем случае, если рассматривать разножанровые тексты? Да и в пределах строго эпических они всё равно выглядят разнокачественными. Но от слов *эпический быт* отказаться уже нельзя, равно как и невозможно, в на-

ших целях, их использовать. Поэтому мы и пользуемся словосочетанием *материальное начало* (в противопоставление началу над-материальному) и производными от него.

2. Материальное начало. Фабульное значение и стилевые различия

Итак, предметный диапазон материального начала оказывается достаточно широким (но заметно суженным по сравнению с предметным диапазоном «эпического быта», по Путилову). Под *материальным началом* в фольклорных текстах мы понимаем как непосредственно деньги («золотую казну» или «срібрані гроши»), так и элементы одежды, снаряжения, все действия персонажей, связанные с пищей и питьем, «хозяйственную деятельность», включая обзаведение работницами и служанками. Сами по себе деньги, одежда, пища, виды «хозяйственной деятельности» специальным предметом изображения могут быть, кажется, только в натюрмортах, а в фольклорных текстах они служат необходимыми или факультативными, «случайными», но всё же элементами фабулы. Например, в сказках и в переходных от предания к сказке формах материальное начало (одежда) может иметь принципиальный характер: трансформация героя происходит благодаря смене одежды (мотив переодевания) (см.: [Краюшкина, 2010, с. 25; Тихонова, 2018, с. 20—22]).

Нельзя поэтому игнорировать значение этих реалий для фабулы текстов («фабула» понимается здесь по Б. В. Томашевскому как «событие, развивающееся в жизни персонажей» (см.: [Томашевский, 1999]) или для создания некоторой фабульной ситуации (когда сколько-нибудь длительного «развития события» в тексте нет). Кроме того, стоит также уделить должное внимание и стилевому оформлению этих реалий.

2.1. Материальное начало: факультативное значение в организации песенной фабулы

При всей своей атрибутивной формульности фольклорные тексты не могут быть вовсе свободны от фиксации вполне обыденных деталей и обстоятельств изображаемых событий. В простейших случаях какое-либо значение для фабулы, большее, чем сугубо обстоятельственное, в этих обстоятельствах и деталях усмотреть трудно.

По словам «орла», «стрілці булахівці», взяв из гнізда соколєнка,

(1)

Та в город Цариград <его> заношали

Та Івану Богословцю на утіху продавали [Д., с. 116].

Больше «стрілці булахівці» никаких действий не совершают, и сам факт именно продажи соколенка никакого значения для певцов не

имеет и в фабуле текста совсем ничего не значит. Так в варианте думы «стрільці-булахівці» просто «понесли» соколёнка «до Івана Богословця» [Д., с. 114].

Далее в (1) Богословец «по ринку ходить», что дает возможность предположить, что соколенка он купил, но не более чем «предположить»: в тексте о покупке нет ни слова.

(2)

Отец с сыном на сенокос пошли,
А мила доченька им есть понесла... [НБ, с. 185].

(3)

У колодиза у холодного...
Красная девушка *воду черпала* [ИП XVI, № 34, с. 73].

(4)

Как пошли красные девушки в лес *по ягоды*...
А одна-то красная девушка ягод не нарвалась,
... она там оставалась... [ИП XVI, № 5, с. 54].

В текстах (2) — (4) затем появляются татары и полоняют / схватывают девушку. Применительно к текстам (3) и (4) напрашивается вывод об архаичности локусов, где начинается действие, и возникает соблазн безоговорочно согласиться с Г. И. Мальцевым, который решительно и весьма доказательно отрицает плодотворность анализа фольклорного текста с применением литературоведческой методики и особое внимание уделяет значению традиционных общих мест, или формул, для построения текста. Он утверждает: «Различные “места” в лирике связаны не с персонажем (хочет идти в лес, хочет в сад или рощу), но с определенным состоянием персонажа и со связанными с данным состоянием действиями. Эти состояния как бы отвлечены от персонажей и зафиксированы в формулах. Традиционная мотивация “мест” в народной лирике позволяет сформулировать такой тезис: скажи мне, где ты находишься, и я скажу, что с тобой происходит (и наоборот)» [Мальцев, 1989, с. 139]. Но нас сейчас интересует именно «хозяйственная деятельность» как особый предмет рассмотрения, а в каком локусе эта деятельность осуществляется — здесь совершенно не существенно.

К тому же Г. И. Мальцев ориентируется на «внешне бессвязные» тексты традиционной лирической песни, композиция которых действительно возникает в результате воспроизведения или перекодировки «архаических семантических комплексов», но никак не в результате стремления певцов к связному изложению некоторой цепи событий и / или изображения логически взаимно мотивированных состояний персонажей. Мы же имеем дело

с текстами, гипотетические создатели которых явно стремились именно к последнему — к связному, логически мотивированному повествованию, так что богатая архаическая семантика «колодиза холодного» (3) и леса (4) именно в этих текстах совершенно элиминирована и «не нужна» для создания и объяснения текстов. В самом деле: создавая связный текст, певцы должны же были указать на пространственное расположение персонажей; в иных случаях пленения — это «дом Никитинский» в Чернигове [ИП XVI, № 9, с. 55], или просто Чернигов [Там же], или неназванные «города» [ИП XVI, № 7, с. 54].

Но (1)—(4) — это относительно редкие случаи, когда детали или подробности незначимы для фабулы текста, не обусловлены никакими предыдущими событиями, не определяют последующих, не позволяют давать персонажам какие-либо оценки и освобождены от архаической семантики. В (1) факт *продажи* соколенка ничего не значит для дальнейшего; в (2)—(4) татары полонят девушку *не потому*, что она пошла в поле, к колодцу, в лес, а лишь благодаря тому.

2.1.1. Материальные ценности как способ избавления от пленения / рабства / наказания и их фабульное значение

Большого внимания заслуживают алломотивы, в которых даже лаконочное упоминание о ценностях «материального порядка» имеет пусть небольшое, факультативное, но все же значение для организации как фабулы текста, так и его аксиологии.

Девушка, которой угрожает пленение, просит матушку:

(5)

«Ах ты, матушка, выкупай меня!

Ты давай за меня *сто локоть полотна*» [ИП XVI, № 7, с. 55].

Девушка, увозимая татарами «в землю татарскую, землю басурманскую», просит татар написать «белу грамотку» к ее «родимому батеньке»:

(6)

«... Чтоб достал он свою *золотую казну*,

Чтоб ехал выкупать меня из чужой земли!» [ИП XVI, № 6, с. 54].

Тексты (5) и (6) приведенными строками и завершаются, но в них видна хотя бы потенциальная возможность дальнейшего развития действия за пределами реальности текстов: девушку, возможно, выкупят, причем явно за значительную цену.

Еще более красноречивы и значимы для фабулы, аксиологии текста и иногда для «образного целого», возникающего в тексте, «материальные»

детали и обстоятельства, когда они характеризуют нравственный облик персонажей, свойственные им «поведенческие стереотипы», ситуации, в которых персонажи оказались, или мотивирующие / объясняющие дальнейшие события, или подытоживающие произошедшее.

Начнем с простейших случаев, в которых «материальное» начало эксплицировано в самых обыденных предметах или видах «хозяйственной деятельности», но не совсем свободно от фабулы и «смысла» песен (точнее — их текстов или вариантов).

«Пан Перебийніс» немотивированно укоряет своего героического «джуру», схваченного «ляхами»:

(7)

— Ой, не схотів же ти міні, хлопку, хлопкувати, —
Й будеш же ти ляхам *стадо напувати* [Ант, т. 2, с. 45].

Несколько более идеализированы кони и возы в варианте песни о казачке Нечаете:

Будучи схвачен «ляшком, скурвим сыном», казак Нечай вынужден отвечать на вопросы:

(8)

— «А де ж твої, Нечаснько, *воронії коні?*»
— «А де ж твої, Нечаснько, *кованії вози?*»...
«Під містечком Берестечком заточені в лози» [Ант, т. 2, с. 57].

Далее следуют вопросы о жене и детях, что, разумеется, не означает, что семья Нечая менее важна, чем его материальное благополучие, но, тем не менее, кони и возы в тексте не просто упоминаются, но играют роль примет жизни, благополучной в материальном отношении, оставшейся в прошлом по вине «ляхов».

2.1.2. «Материальная» природа фольклорных пиров и угощений

Существенную роль в фольклорных текстах часто играют описания пиров, гуляний, предполагающих застолье с обильной пищей и хмельными напитками. Пирь не только выступают местом действия, но и служат необходимым условием дальнейшего. О былинных пирах сказано много. На них князь отдает поручения (приказывает отвезти в Орду «дани неплоченные» — «Добрыня и Василий Казимирович»; узнает важную информацию о единственной потенциальной невесте, достойной его внимания, с последующим решением, кто же за ней поедет — «Дунай-сват»; об «измене, сидящей с ним за одним столом», — «Гнев Ивана Грозного на сына»; о «вере» Кострюка «побороть всю каменну Москву» с последующим распоряжением найти достойных борцов — «Кострюк»), на пире же

Сухматий / Сухман в одноименных былинах берет на себя задачу привести князю Владимиру «белу лебедь живьем в руках, не ранену лебедку, не кровавлену» (что в конечном счете приводит его к гибели); наконец, на пиру «кума крестовая Малютиха» / «стерва Анютка» отравляет / пытается отравить Скопина, после чего развитие исторической по истокам фабулы может окончательно (собственно, эти песни уже с первых строк локализуют действие в Киеве) превратить историческую песню в былинную Киевского цикла: матушка Скопина расправляется с отравительницей почти как заправская былинная поляница, см.: [ИП XVII, № 42, 45, 46].

Но это былинны пиры, то есть, если идти в их трактовке вслед за Путиловым, пиры типические, нормализованные, формульные, идеальные [Путилов, 1988, с. 123—124], они изображают поедание *идеальной* пищи и употребление хмельных напитков часто в *идеальных*, то есть в огромных объёмах, но всё равно — это пища и напитки, то есть частные случаи экспликации все того же материального начала.

Интереснее поэтому обратиться к не-былинным, *не-идеальным* пирам и угощениям. В отличие от былинных, в исторических песнях и думах соответствующие алломотивы часто (но не всегда) носят заведомо сниженный характер, вплоть до сугубо бытового и эмпирически вполне достоверного.

Так, не принимая всерьёз предупреждение о подступающих «ляхах», молодой казак Нечай

(9)

... с кумою, с Хмельницькою мед-вино кружає;
Бо поставив козак Нечай три сторожі в місті,
А сам пішов до кумоньки *щукати рибу зісти* [Ант, с. 56].

Эта явная неосторожность оборачивается для него гибелью в сражении с многочисленным врагом; причем трудно утверждать, что такое поведение героя является для него типичным, однако оно является необходимым и, может быть, неслучайным (!) условием его последующей гибели. В отличие от девушек в (2)—(4) Нечай *знает* о подступающих «ляхах», но никак не предупреждает их последующих действий, и «ляхи» беспрепятственно оказываются вблизи от дома, где находится Нечай.

(10)

«Астраханска девка Маша» прельстила Стеньку Разина, заманила его к себе в гости, «*допьяна напоила*», «на кровать спать положила и начальству объявила» [ИП XVII, № 295, с. 254].

(11)

«Верного служителя государева» Ивана Краснощекова, захваченного шведами в плен, приводят «во палаты каменные», сажают «за дубовый стол», наливают ему «чару зелена вина», «напивают» его «пьяным-пьяна» и лишь после этого «пытают-спрашивают» его, в каком чине он служил «сваму царю белому» [ИП XVIII, № 95, с. 72].

(12)

Хмельницкий, чтобы заполучить некие очень важные «королевские листы», должен прежде всего как-то «нейтрализовать» их хранителя — Барабаша. Способ обыденный: Хмельницкий подает Барабашу «лучшие напитки», отчего тот «упився, на лижіку спати завалився». После этого Хмельницкий и отправляет своего «чуру» в Черкасск «питаті» у «пані Барабашовій» те самые листы, что тот и исполняет [Д., с. 262].

(13)

«Френцюз», под которым нужно разуместь Наполеона, не узнав «Платова-казака», захавшего к нему «в гости»,

За белые руки (Платова) брал,

За дубов стол посадил,

Рюмку водки наливал...

после чего и стал выпрашивать «гостя» о Платове, которого он, будучи в Москве, «не узнал». Дочь «френцюза» Ирина близка к тому, чтобы разоблачить Платова, но Платов спасается триумфальным бегством: насмехается над «френцюзом», не сумевшим «ясна сокола ловить» [ИП XIX, № 131, с. 89].

Но не всегда, конечно, угощение (осуществленное или предполагаемое) бывает в исторических песнях и думах таким сниженно-бытовым, обыденным.

(14)

Выяснив у тюремного старосты, что в его «темной темнице» сидит «донской казак Ермак Тимофеевич», турецкий царь Салтан Салтанович, приказав привести его в свои «палаты царские», «напоил, накормил доброго молодца и тожно стал его спрашивати», как тот в Азов попал. Ермак отвечает, что он был послан послом «из каменной Москвы» с «дорогими гостинцами», но на заставах его и его товарищей ограбили и всех рассадили по разным темницам. Турецкий царь исправляет это нарушение дипломатических норм: «снаряжает» Ермака и его товарищей обратно в Москву [ИП XVI, № 377, с. 548]. В тексте не сказано, какими блюдами и напитками Салтан угощал Ермака, но явно это не «щука рыба», как в (9), и не «рюмка водки», как в (13).

Вспоминая «напоила-накормила» из волшебной сказки, нужно сказать, что какие-либо архаические или мифопоэтические начала в (14) ус-

матривать вряд ли плодотворно. Гипотетические создатели этого текста слышали, вероятно, соответствующие сказки и порядок действий «турецкого царя» выстроили по готовой формуле — «напоил — накормил — стал спрашивать». Скорее, однако, эта формула служит здесь не более чем воплощению представлений певцов о некоем идеальном придворном этикете, то есть является экспликацией этикетно-церемониального начала.

(15)

«Граф Кутузов» успокаивает «православного царя» (под которым можно разуместь только Александра I), «крепко призадумавшегося» после письма Наполеона с неумеренными требованиями («расписать ему квартирушки на семьсот тысяч», а самому Наполеону уступить царские палаты). Кутузов обещает царю «гостеприимно» встретить его, «собаку» (Наполеона), посреди поля Можайского:

«... Мы поставим ему *столы* — пушки медные,
Как *скатерть* постелим ему — горнодерушков,
Закусочку ему положим — ядра чугунные,
Пойлице ему *нальем* — зелен порох» [ИП XIX, № 36, с. 44—45].

Вместе с тем заметим, что на приведенных строках текст заканчивается. То есть эти строки не только обращены в будущее, лежащее за пределами текста, но еще и подытоживают все предшествующее. Алломотивы, в которых манифестируется материальное (в указанном выше смысле) начало и которые обладают тем же фабульным значением, в нашем материале встречаются довольно редко, но всё же присутствуют:

(16)

«Бравославцы-небывалцы», отбившись от «турок-янычар» под предводительством «Атамана Матяша», прибывают на Сечь с добытым турецким золотом и серебром и делят его между собой [Д., с. 80].

(17)

Казаки, под предводительством Самойло Кошки вернувшиеся на Сечь с богатой добычей, «сребро-злато — на три часті паювали», первую часть — «на церкви покладали», вторую — «*помеж собою паювали*», а на третью — «*тили да гуляли*» [Д., с. 148—149].

В русских текстах тоже могут фигурировать совсем обыденные предметы и действия, да и богатыри могут вести себя вполне корыстным образом.

(18)

Татарин, полонивший свою неузнанную тещу, «заставил её три дела делать»: «гусей пасти», «бел кужель прясти», «дитя качать» [ИП XVI, № 25, с. 65].

(19)

«Маринка, дочь Колдаёвна», будучи «еретицей и безбожницей», и пошпины в своих гаванях брала соответствующим образом:

... *Паруса ронили* — брала пошпину,

Якори ти бросали — брала пошпину,

Шлюпки на воду спустили — брала пошпину... — [Б., 1986, с. 473].

Не стоит доказывать, что в (18), (19) «гуси», «кужель», «паруса», «якори», «шлюпки» — это самые «обыкновенные» гуси, кужель, паруса, якори и шлюпки (да и качание ребенка — тоже черта обыденного быта).

(20)

Илья Муромец, поев прежде «ествушек сахарниих» и попив «питьвицов медвянных», трижды призывает Самсона Колывановича и его «добрых молодцев» «постоять за веру й за отечество», «сохранить церкви божие» и т. д., но всякий раз получает отказ с замечательной мотивировкой: у князя Владимира «много есть господ да бояринов»,

... Он их кормит, поит, да он их жалует.

Ничего ведь мы от князя й не предвидели [Б., 1986, с. 114—115].

2.2. Значимость материального начала в пределах фрагмента текста

Всё предшествующее не имело бы большого смысла, если бы не возможность выделить особую группу текстов. Алломотивы, эксплицирующие материальное начало, являются в них не вкраплениями, оттеняющими смысловые нюансы. Материальное начало в них столь значимо, что их можно назвать даже *структуро-* или *фабулообразующими*.

(21)

Так обстоятельства и цели пленения девушки татаринном могут оказаться совсем не важными для певцов, как в тексте [ИП XVI, № 14, с. 59]; в противном случае певцы о них спели бы. В первых трех строках текста от первого лица сообщается о том, что виделось во сне лирической героине, а виделся ей разговор татарина и девушки-полонянки. Стоя перед татаринном в каких-то «палатах», девушка «слезно плачет». Татарин утешает ее посулами сшить ей «куню шубочку с дорогими соболями», отлить ей «золот перстень с дорогим алмазом». Полонянка отвечает:

«Ты не шей, не шей куню шубочку...

Ты не лей, не лей золот перстень...

Ты пусти, пусти девушку на волюшку,

На свою прежнюю сторонушку!» [ИП XVI, № 14].

Очевидно, что самое существенное из всего комплекса смыслов, какие выражены в этом тексте, — это мысль о том, что никакие самые дорогие материальные ценности не избавят полонянку от тоски по «своей сторо-нушке». Концентрацию внимания певцов на отказе полонянки от щедрых посулов полонителя проигнорировать здесь нельзя, но нужно отвести ему очень важное место в архитектонике текста. В иных песнях с той же базис-ной фабульной ситуацией — полонитель / полонители утешают плачущую полонянку богатыми посулами, она решительно отказывается — этот от-каз от материальных ценностей может быть дополнен «метафизически-ми» медитациями полонянки. Татарин угрожает бросить ее «в синия моря, в чистая поля», но полонянка, вспомнив матушку, «мамок-нянек», кото-рые ее «носили», «качали», «кормили», уповае на то, что «синия моря» ее «доносят», «докачают буйнаи ветры», «докормит белая рыбаца» [ИП XVI, № 16, с. 60]. Или же к полонянке ее батюшка «в гости едет», но она не может «ставати, рук поднимати» [ИП XVI, № 17, с. 17]. В последнем слу-чае показателен разномастный этнический состав полонителей: «пан да татарин, третей — воевода». Будучи маловероятным в действительности, такой этнический состав полонителей выводит фабулу песни в мир, по-строенный как заведомая условность, но «материальной» природы колли-зии эта условность не отменяет.

Не богатый на разум татарин пускается в погоню за казаком; цель свою он формулирует, обращаясь к казаку, так:

(22)

«Коли б я тебе поймав, я б тебе у Килиї-город *запродав*
І срібрані за тебе гроші побрав».

Казак сам расправляется с незадачливым татаринном и, стоя над его телом, насмехается над поверженным врагом, предвкушая:

«... От тепер твого коня вороного

Поведу до шинкарки *пропивати...*» [Д., с. 72—73].

2.3. Материальное начало как основа структуры текста

Наконец, нужно рассмотреть случаи, когда фабульная ситуация, изо-браженная в текстах, не только сама по себе носит все тот же «материаль-ный» характер, но заключает в себе едва ли не все смыслы текстов, то есть служит фактически порождающей структурой текста.

(23)

На «воровском стружочке», вмерзшем в лёд на «море Каспийском», «сидит атаман Степан Тимофеевич». Он распоряжается: «молодцы» долж-ны взять «еловчатые веселечки», разбить «тонкий осенний лёд», чтобы добраться «до тихих мест, до острова Кавалерского», и там дуван делить:

«Нам *атласу и бархату* по размеру всем,
Золотой парчи по достоинствам,
Жемчугу по молодечествам,
А золотой казны сколько надобно» [ИП XVII, № 162, с. 158].

(24)

«Середь площади» «бродит злой татарченко» и отдает полонянку — «красну девицу» — во постельницы; за нее он просит «пятьдесят золотниц». Единственный, кто «выбирается», — «удаленький добрый молодец». «Он, выдамши свои денежки, сам задумался»: «не пропали его денежки»:

«На девушке шолков пояс на тысячу,
На головушке ала ленточка в две тысячи,
На ручушке золот перстень — цены нет;
А мне красна девушка в барышах пришла!» [ИП XVI, № 18, с. 61].

Думается, очевидно, что никакие «драматические коллизии эпохи» певцов в этой песне не занимают, а занимает их неожиданный (и совершенно невероятный) поворот: девушка-полонянка вдруг оказывается баснословной богачкой.

В былинах, не только в героических, но во многих новеллистических и «сказочных», довлеет или, по меньшей мере, оказывается очень существенным героическое начало. Но, как ни кощунственно это прозвучит, даже Илья Муромец может быть втянут в конфликт, основа которого сугубо материальна, как в эпизоде столкновения Ильи Муромца с разбойниками или «станишниками». Как известно, этот эпизод бытовал как в составе сводной былины, повествующей о трех поездках Ильи, так и в качестве вполне автономной, отдельной былины; см., напр., [Липец, т. II, 1951, с. 757—758]. В. Я. Пропп определял этот эпизод как полусказочный и комический и, одновременно, полугероический [Пропп, 1955, с. 253—256]. Б. Н. Путилов, говоря о сводной былине, отмечал, что былина «обнаруживает связи не только со сказочной, но и с мифологической и архаической эпической традициями»; а «одну из главных идей былины» он же определил так: «судьба оказывается не властной над героем...» [Былины, 1986, с. 500.]. Илья Муромец, приехав к ростани из трех дорожек и прочитав на «Латырь-камешке» «подписи», одна из которых предвещает, что поехать по первой «дороженки» — «убиту быть», именно по ней и едет. Его видят «ночные тати-подорожники» и пытаются его ограбить. Илья Муромец над ними посмеивается: с него взять нечего, нет у него «золотой казны» и «платья цветного», только есть у него, в частности, «узdecka тесмяная», богато украшенная множеством «яфонтов». Разбойники «принимаются за дело ратное», и Илье Муромцу не остается ничего иного, как «шеломом помахивать» и «прибить-прирубить всю силу неверную». Затем он воз-

вращается «ко камешку ко Латырю» и «подписывает» на нем: «И что ли очищена тая дорожка прямоезжая» [Б., 1986, с. 67—68]. Конечно, Илья Муромец никаких меркантильных целей не преследует, но их преследуют хотя бы разбойники (за что и расплачиваются).

Говорить о материальном начале в былинах сложно. Причина тому — не только в количестве записей, но и в насыщенности былинного мира предельно идеализированными предметами «личного пользования» и бытового обихода. Достаточно упомянуть былинку о Дюке Степановиче. «Портомойница», «калачница» или «холуйка» его матушки одеты много лучше киевской княгини, «состояние» Киева погружает Дюка в глубокое недоумение своим убожеством, а для простого описания всех богатств Дюка нужно прежде продать весь Киев и Чернигов, на вырученные деньги купить «гербовой бумаги» и чернил, и только тогда можно будет приступить к описанию имения Дюка. Но в то же время эти и прочие абсолютно гиперболизированные материальные проявления богатства (см. их прекрасное описание [Пропп, 1955, с. 469 и далее]) для самого Дюка — *бытовая обыденность*, а для былинки — одно из структурообразующих начал.

3. Заключение

В статье были рассмотрены разножанровые тексты (былины, исторические песни, украинские думы) преимущественно исторического содержания, эксплицирующие материальное начало как элемент текста, обладающий различным фабульным значением — от факультативного до фабулообразующего. Установлено, что материальное начало (деньги, казна, золото-серебро, стада, полотна ткани и т. п.), как и действия, связанные с предметным миром, в текстах с историческим содержанием чаще имеют факультативное значение.

Однако существуют тексты, в которых алломотивы, эксплицирующие материальное начало, носят не факультативный, а значимый для определенного сегмента текста характер. Материальное начало в подобных текстах столь значимо, что его можно назвать структурообразующим: например, мотив «полонянка отказывается от богатых даров ради свободы».

Наконец, были рассмотрены тексты, в которых материальное начало имеет фабулообразующее значение — фабульная ситуация, изображенная в текстах, не только сама по себе носит все тот же «материальный» характер, но заключает в себе едва ли не все смыслы текстов, то есть служит фактически порождающей структурой текста (например, богатырское снаряжение, при помощи которого персонажи совершают свои богатырские подвиги).

Разумеется, нам не удалось рассмотреть все формы экспликации материального начала в русском и украинском историко-песенном фольклоре во всех их нюансах и различном композиционном значении. Но, надеемся, нам всё же удалось показать, что это начало может быть не только факультативным, но и во многом очень значимым для текстов.

Источники и принятые сокращения

1. Ант.-Др. — *Историческія пѣсни малорусскаго народа / с объясн.* Вл. Антоновича, М. Драгоманова. — Киев : тип. М. П. Фрица, 1875. — Т. 2, вып. 1. — 166 с.
2. Б — *Былины* / подгот. текста и примеч. Б. Н. Путилова. — Ленинград : Советский писатель, Ленинградское отделение, 1986. — 552 с.
3. Д — *Украинские народные думы* / изд. подгот. Б. П. Кирдан. — Москва : Главная редакция восточной литературы, 1972. — 560 с.
4. ИП XVI — *Исторические песни XIII — XVI веков* (Памятники русского фольклора) / изд. подг. Б. Н. Путилов [и др.]. — Москва ; Ленинград : Издательство АН СССР, 1960. — 695 с.
5. ИП XVII — *Исторические песни XVII века* (Памятники русского фольклора) / изд. подг. О. Б. Алексеева [и др.]. — Москва ; Ленинград : Наука, 1966. — 385 с.
6. ИП XVIII — *Исторические песни XVIII века* (Памятники русского фольклора) / изд. подг. О. Б. Алексеева [и др.]. — Ленинград : Наука, Ленинградское отделение, 1971. — 355 с.
7. ИП XIX — *Исторические песни XIX века* (Памятники русского фольклора) / изд. подг. Л. В. Домановский [и др.]. — Ленинград : Наука, Ленинградское отделение, 1971. — 284 с.
8. НБ — *Народные баллады* / вступ. ст. и прим. Д. М. Балашова. — Москва ; Ленинград : Советский писатель, 1963. — 447 с. — (Библиотека поэта. Большая серия).

ЛИТЕРАТУРА

1. Игумнов А. Г. Архитектоника фольклорного текста / А. Г. Игумнов. — Иркутск : Оттиск, 2019. — 163 с.
2. Краюшкина Т. В. Мотивы состояний персонажей в русских народных волшебных сказках: системный анализ : автореферат диссертации ... доктора филологических наук / Т. В. Краюшкина. — Улан-Удэ, 2010. — 46 с.
3. Липец Р. С. Былины у промыслового населения русского Севера XIX — начала XX века / Р. С. Липец // *Славянский фольклор : сборник научных трудов.* — Москва, 1951. — С. 153—210.
4. Мальцев Г. И. Традиционные формулы русской народной необрядовой лирики / Г. И. Мальцев. — Ленинград : Наука, Ленинградское отделение, 1989. — 168 с.
5. Пропп В. Я. Русский героический эпос / В. Я. Пропп. — Ленинград : Изд. Ленинградского университета, 1955. — 552 с.
6. Путилов Б. Н. Былины — русский классический эпос / Б. Н. Путилов // *Былины.* — Ленинград : Советский писатель, Ленинградское отделение, 1986. — С. 5—46.
7. Путилов Б. Н. Героический эпос и действительность / Б. Н. Путилов. — Ленинград : Наука, Ленинградское отделение, 1988. — 225 с.
8. Селиванов Ф. М. Художественные сравнения русского песенного эпоса: систематический указатель / Ф. М. Селиванов. — Москва : Наука, 1990. — 224 с.

9. Тихонова Е. Л. Семантика и прагматика фольклорной исторической прозы русских старожилов Байкальского региона : автореферат диссертации ... доктора филологических наук / Е. Л. Тихонова. — Улан-Удэ, 2018. — 62 с.

10. Томашевский Б. В. Теория литературы. Поэтика : учеб. пособие / вступ. ст. Н. Д. Тамарченко ; комм. С. Н. Бройзмана [и др.]. — Москва : Аспект Пресс, 1999. — 334 с.

11. *Философский энциклопедический словарь* / гл. ред. Л. Ф. Ильичев и др. — Москва : Советская энциклопедия, 1983. — 840 с.

12. Хализев В. Е. Теория литературы / В. Е. Хализев. — Москва : Высшая школа, 1999. — 398 с.

MATERIAL RESOURCES

Ant.-Dr. — Antonovicha, V.I., Dragomanova, M. (eds.). (1875). *Historical songs of the little-russian people*. Kiev: tip. M. P. Fritsa. 2 (1). 166 p. (In Russ.).

B — Putilov, B. N. (ed.). (1986). *Byliny*. Leningrad: Sovetskiy pisatel, Leningrad branch. 552 p. (In Russ.).

D — Kirdan, B. P. (1972). *Ukrainian People's Dumas*. Moscow: Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury. 560 p. (In Russ.).

NB — Balashov, D. M. (ed.). (1963). *Folk ballads*. Moscow; Leningrad: Sovetskiy pisatel. 447 p. (In Russ.).

HS XVI — Putilov, B. N. et al. (eds.). (1960). *Historical songs XIII — XVI centuries*. Moscow; Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR. 695 p. (In Russ.).

HS XVII — Alekseev, O. B. et al. (eds.). (1966). *Historical songs XVII centuries*. Moscow; Leningrad: Nauka. 385 p. (In Russ.).

HS XVIII — Alekseev, O. B. et al. (eds.). (1971). *Historical songs XVIII centuries*. Leningrad: Nauka, Leningrad branch. 355 p. (In Russ.).

HS XIX — Domanovskiy, L. V. et al. (eds.). (1971). *Historical songs XIX centuries*. Leningrad: Nauka, Leningrad branch. 284 p. (In Russ.).

REFERENCES

Igumnov, A. G. (2019). *The architectonics of folklore text*. Irkutsk: Ottisk. 163 p. (In Russ.).

Il'ichev, L. F. (ed.). (1983). *Philosophical Encyclopedic Dictionary*. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya. 840 p. (In Russ.).

Khalizev, V. E. (1999). *Literary theory*. Moscow: Vysshaya shkola. 398 p. (In Russ.).

Krayushkina, T. V. (2010). Motives of the states of characters in Russian folk fairy tales: a systems analysis: author's abstract of Doct. Diss. Ulan-Ude. 46 p. (In Russ.).

Lipets, R. S. (1951). Epics and the commercial population of the Russian North of the 19th — early 20th centuries. In: *Slavic folklore: collection of scientific papers*. Moscow. 153—210. (In Russ.).

Maltsev, G. I. (1989). *Traditional formulas of Russian folk non-ritual lyrics*. Leningrad: Nauka, Leningradskoe otделение. 168 p. (In Russ.).

Propp, V. Ya. (1955). *Russian heroic epic*. Leningrad: Publication of the Leningrad University. 552 p. (In Russ.).

Putilov, B. N. (1986). Epics — Russian classical epic. In: *Byliny*. Leningrad: Sovetskiy pisatel, Leningrad branch. 5—46. (In Russ.).

- Putilov, B. N. (1988). *Heroic epic and reality*. Leningrad: Nauka, Leningrad branch. 225 p. (In Russ.).
- Selivanov, F. M. (1990). Artistic comparisons of the Russian song epic: a systematic index. Moscow: Nauka. 224 p. (In Russ.).
- Tikhonova, E. L. (2018). Semantics and pragmatics of folklore historical prose of Russian old-timers of the Baikal region: author's abstract of Doct. Diss. Ulan-Ude. 62 p. (In Russ.).
- Tomashevskiy, B. V. (1999). *Literature theory. Poetics: textbook. allowance*. Moscow: Aspekt Press. 334 p. (In Russ.).

Кажарова И. А. Аксиология субъекта декларативно-публицистической поэзии (на материале первого сборника советских кабардинских поэтов «Первый шаг») / И. А. Кажарова, А. Р. Борова // Научный диалог. — 2021. — № 10. — С. 265—281. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-10-265-281.

Kazharova, I. A., Borova, A. R. (2021). Axiology of Subject of Declarative-Publicistic Poetry (First Collection of Soviet Kabardian Poets “First Step”). *Nauchnyi dialog*, 10: 265-281. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-10-265-281. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-10-265-281

**Аксиология субъекта
декларативно-
публицистической поэзии
(на материале первого
сборника советских
кабардинских поэтов
«Первый шаг»)**

Кажарова Инна Анатольевна¹

orcid.org/0000-0002-7431-0840

кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник
сектора кабардинской литературы
barsello@rambler.ru

Борова Асият Руслановна²

orcid.org/0000-0002-0079-6956

доктор филологических наук,
профессор кафедры русской и
зарубежной литературы
assbora@mail.ru

¹ Институт гуманитарных исследований —
филиал Федерального государственного
бюджетного научного учреждения
«Федеральный научный центр
«Кабардино-Балкарский научный центр
Российской академии наук»
(Нальчик, Россия)

**Axiology of Subject
of Declarative-Publicistic
Poetry (First Collection
of Soviet Kabardian Poets
“First Step”)**

Inna A. Kazharova¹

orcid.org/0000-0002-7431-0840

PhD in Philology, Senior Researcher,
Kabardian Literature Sector
barsello@rambler.ru

Asiyat R. Borova²

orcid.org/0000-0002-0079-6956

доктор филологических наук, профессор
кафедры русской и зарубежной
литературы
assbora@mail.ru

¹ The Institute for the Humanities
Research — Affiliated Federal State
Budgetary Scientific Establishment
“Federal Scientific Center
“Kabardian-Balkarian Scientific Center
of the Russian Academy of Sciences”
(Nalchik, Russia)

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

² Кабардино-Балкарский государственный
университет им. Х. М. Бербекова
(Нальчик, Россия)

² Kabardino-Balkarian State University
named after H. M. Berbekov
(Nalchik, Russia)

© Кажарова И. А., Борова А. Р., 2021

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается проблема аксиологии субъекта декларативно-публицистической поэзии. Прокомментированы понятия «публицистическая поэзия», «декларативно-публицистическая поэзия», «агитационная поэзия». На материале ряда произведений, посвященных актуальному в пролетарской поэзии 1920—30-х годов образу «новой женщины», выявляются элементы, определяющие аксиологию субъекта. Исследуется сборник советской кабардинской поэзии «Первый шаг». Цель статьи — выявить ценностные нюансы, которыми в национальных «вариантах» советской литературы дополнялись сложившиеся в русской агитационной поэзии каноны выражения типичного для нее субъекта. Уделяется внимание семантическому наполнению поэтического «мы», пространственным и временным аспектам репрезентации поэтического субъекта, характеру отношений субъекта поэтического высказывания к главному герою. Демонстрируется аксиологический подтекст деталей одежды в контексте актуального для агитационной поэзии противопоставления двух временных планов. Доказывается, что представленность субъекта агитационной поэзии на стыке двух временных планов является для авторов «Первого шага» наиболее функциональным аспектом его аксиологии. Актуальность исследования определяется в свете проблемы межкультурного взаимодействия, восприятия конкретной культурой нехарактерных для нее способов выразительности, формирования непривычного ей субъекта поэтического мышления.

Ключевые слова:

советская кабардинская поэзия; аксиология; поэтический субъект; декларативно-публицистическая поэзия; образ женщины.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The problem of the axiology of the subject of declarative-publicistic poetry is considered in the article. The concepts of “publicistic poetry”, “declarative-publicistic poetry”, “propaganda poetry” are commented on. On the basis of a number of works devoted to the image of the “new woman”, which was actual in the proletarian poetry of the 1920s and 1930s, the elements defining the axiology of the subject are revealed. The collection of Soviet Kabardian poetry “First step” is researched. The purpose of the article is to reveal the nuances of value, which in the national “variants” of Soviet literature supplemented the canons of expression of a typical subject that have developed in Russian propaganda poetry. Attention is paid to the semantic content of the poetic “we”, the spatial and temporal aspects of the representation of the poetic subject, the nature of the relationship of the poetic statement subject to the main character. The axiological subtext of the details of clothing is demonstrated in the context of the opposition of two temporal plans, which is relevant for agitation poetry. It is proved that the representation of the subject of agitation poetry at the junction of two time plans is for the authors of “The First Step” the most functional aspect of his axiology. The relevance of the study is determined in the light of the problem of intercultural interaction, the perception by a particular culture of ways of expressiveness that are uncharacteristic for it, the formation of an unusual subject of poetic thinking.

Key words:

Soviet Kabardian poetry; axiology; poetic subject; declarative-publicistic poetry; image of a woman.

Аксиология субъекта декларативно-публицистической поэзии (на материале первого сборника советских кабардинских поэтов «Первый шаг»)

© Кажарова И. А., Борова А. Р., 2021

1. Введение

Насыщенная смысловыми нюансами проблема выявления и конкретизации форм субъектной организации художественного текста породила в отечественном литературоведении устойчивую исследовательскую традицию [Тынянов, 1977, с. 118—123; Бахтин, 1979, с. 7—180; Корман, 1972; Гинзбург, 1974, с. 127—171; Бройтман, 1997; Чевтаев, 2016]. В тех случаях, когда речь заходит непосредственно о субъектной организации в поэтическом тексте, чаще всего наблюдается его сопряжение с лирическим началом: «лирический субъект», «лирический герой», «лирическое я» и т. д. Несомненно, это обосновано тем, что поэтическая форма выразительности наиболее органична лирике. Однако очевидно, что далеко не всякое поэтическое произведение можно назвать лирическим, а значит, нельзя называть таковым и связанного с ними субъекта. В этом плане одним из наиболее наглядных и в то же время пока не привлечшим к себе внимание исследователей видится субъект декларативно-публицистической поэзии, в особенности тех ее образцов, которые именуют поэзией агитационной. В предлагаемой работе мы постараемся выявить элементы, определяющие аксиологию субъекта декларативно-публицистической поэзии. В качестве иллюстративного материала будут привлечены отдельные образцы советской кабардинской поэзии 1920—30-х годов — времени ее расцвета в отечественной литературе. В целях сжатости анализа, предопределенного рамками статьи, мы сосредоточимся на произведениях, главным героем которых выступила женщина. Тема «женского равноправия», став одной из главных в культурно-политическом дискурсе первых советских десятилетий, обрела довольно отчетливые каноны своего претворения в литературе. Сформированные в творчестве русских пролетарских авторов, эти каноны в каждом из национальных «вариантов» советской литературы дополнялись собственными ценностными нюансами. Так, для многих северокавказских литератур «женская тема» индивидуализировалась в мотиве раскрепощения «закабаленной горянки», что, в свою очередь, настойчиво возводилось к образу «закабаленной женщины Востока» (с которой, по правде говоря, кавказская женщина соотносится лишь отчасти, однако

отвлекаться на культурологические аспекты мы не станем). Во всем этом нас интересует, с одной стороны, нормативность оформления нового субъекта, ведь изначально это было не столько преломление существующего, сколько его конструирование согласно идеологическим запросам времени, с другой — закономерности отражения этого субъекта в конкретных этнических вариациях.

2. Аксиологический подтекст интереса к агитационной поэзии

Сам по себе интерес к агитационной поэзии может показаться в ценностном отношении спорным, ведь в поле зрения литературоведения, как правило, попадают явления эстетически значимые. Основной же пласт агитационной литературы представлен произведениями нарочито упрощенными, нередко примитивными, совершенно не претендующими на долгую жизнь в искусстве. Еще в литературной энциклопедии 1930 года было объективно подмечено, что «поле воздействия агитационного художественного произведения ограничено и кончается там, где начинается новая классовая и политическая обстановка» [Лунин, 1930, с. 51]. Кстати говоря, определенную ценностную «симптоматику» можно усмотреть и в том, что понятие «агитационная литература» постепенно сошло на нет в словарно-энциклопедическом контексте литературоведения. Устойчивость и жизнеспособность в этом контексте остается за дефиницией «публицистика», в отношении которой «агитационная поэзия» выступает как частное. Ввиду такой устойчивости в нашей работе, помимо *агитационной*, используется также название *декларативно-публицистическая* поэзия. Примечательно, что, при всем многообразии относящихся к литературной публицистике явлений, ряд обобщающих ее характеристик вполне применим к описанию черт агитационной поэзии. К примеру: «Наряду с “прозрачностью” образов, в которых предпочтение отдается общему, а не индивидуальному, публицистике свойственна **максимальная редукция психологизма и детализации, сведение символизации и произвольных ассоциаций к необходимому минимуму**» (выделено нами. — И. К., А. Б) [ЛЭ, 2001, с. 837]. При всей бесспорности того, что мы имеем дело с публицистическим жанром, подчеркивание декларативного момента нам необходимо, поскольку в содержательном и жанровом многообразии литературной публицистики нас интересуют наиболее упрощенные, наиболее доступные массам (а на определенном этапе развития отечественной литературы они и были рассчитаны на восприятие малограмотных масс) образцы поэзии.

Что касается обоснованности подобного интереса, то утверждать, будто образцы эти не представляют особой ценности при изучении литературного процесса, было бы несколько опрометчиво. Здесь многое проясняет

аксиологический подход, обретающий все большее признание в трудах современных исследователей [Хализев, 2005; Султанов, 2018; Филатов, 2019]. Так, А. В. Филатов, рассуждая об аксиологии в теории литературы, перечисляет ряд характеристик, определяющих различные ценностные концепции [Филатов, 2019, с. 131—132], и выделяет три основных уровня, или направления аксиологического изучения литературы: 1) микроуровень отдельного произведения; 2) макроуровень литературного процесса; 3) мезоуровень системы ценностей писателя [Филатов, 2019, с. 133—137]. Подобный подход поможет избежать сбивчивости при выборе метода исследования и легче определить для себя доминантную точку зрения, с которой аксиологический потенциал того или иного литературного явления будет интерпретирован наиболее адекватно. В конкретном случае для нас актуальны *микроуровень* и *макроуровень* литературного процесса. Понятно, что разговор о субъекте поэтического текста наиболее органичен на первом уровне. Апелляция же к макроуровню для нас значима постольку, поскольку помогает не проглядеть индивидуальные вариации такого обширного явления, как «литературный процесс». Как поясняет А. В. Филатов, на макроуровне «в функции ценности выступает целостное художественное произведение, занимающее определенное место в литературной иерархии конкретной культуры» [Филатов, 2019, с. 135]. В свете нашего интереса эта мысль заставляет обратить внимание на следующие нюансы. Если агитационная поэзия 20—30-х годов минувшего столетия в русской литературе предстает на фоне многостилевого единства, характеризуемого как «... время бурного отрицания старых форм, поисков нового, стремления к свободе стиха» [Мысль..., 1983, с. 300], то в большинстве так называемых новописьменных литератур это всего лишь время литературной учебы. Если в первом случае нам открывается возможность построения ценностной иерархии или хотя бы осуществления выборки из многообразного поэтического контекста явлений более значимых, то во втором — ценностно значимым феноменом оказывается названный этап как таковой, независимо от качества его поэтической продукции. Аксиологическое измерение обретает в нем прежде всего сам факт восприятия инокультурных способов выразительности, и в том числе формирования нового (до той поры небывалого) субъекта поэтического мышления. Если же игнорировать подобные аспекты, в теоретическом изучении феноменов литературного процесса будет происходить редукция.

3. Аспекты интерпретации субъекта агитационной поэзии

Возвращаясь к затронутому еще в начале вопросу именования субъекта, отметим, что мы, конечно, вовсе не исключаем, что агитационная по-

эзия может нести в себе элементы лирического мироощущения. Однако доминантным здесь является не оно. Если точкой отсчета в лирике становится внутренний мир субъекта, то агитационная поэзия — это прежде всего отклик «на злобу дня, на политические события» [Лунин, 1930, с. 51]. Заложенное в ней требование к редукции индивидуального касается прежде всего субъекта, потому нам ничего не остается, кроме как именовать его обобщенно — *поэтический*.

Выявляя элементы, определяющие аксиологию субъекта агитационной поэзии, мы намерены привлечь ряд произведений советской кабардинской поэзии обозначенного времени. Как говорилось выше, то был период литературной учебы, а значит, в этих образцах можно увидеть наиболее характерное для русской пролетарской поэзии, пусть и позаимствованное иной раз спешно и безыскусно, в том числе некоторые клише, запечатлевшиеся в формах «субъектности» (Б. О. Корман) и способах ее выражения. Мы будем апеллировать главным образом к произведениям, вошедшим в первый сборник советских кабардинских поэтов «Первый шаг» (1933) [Архив ИГИ КБНЦ РАН, ф. 11, оп. 1, д. 13].

К моменту выхода этого сборника более ранние линии развития литературы — а это достигшая высокого мастерства проза русскоязычных просветителей и дидактические сочинения так называемых «арабистов» [Кажарова и др., 2020, с. 219] — давно отвергнуты как классово враждебные и не представляющие никакой ценности. Литература в этот период становится «одной из форм работы на идеологическом фронте» (Д. М. Налоев), а потому публицистика являет собой целый бытийный контекст, в котором формируется новое поколение авторов. Как замечает Е. М. Машитлова, почти все литераторы этого периода сотрудничают в партийной прессе [Машитлова, 1977, с. 30], «каждый поэт был одновременно бойцом и учителем, пропагандистом и агитатором, журналистом и организатором первых литературных и драматических кружков ...» [Машитлова, 1977, с. 18]. Ко времени появления упомянутого сборника в агитационном творчестве представителей различных творческих групп русской советской литературы уже вполне обозначились типовые образные и смысловые приемы освещения темы «новой женщины». И в большинстве произведений «Первого шага» естественным образом прослеживается восприимчивость к этим приемам.

Оглядываясь на критическую рецепцию, современную «Первому шагу», можно отметить, что речь шла прежде всего о конфликте формы и содержания его произведений. Первое виделось весьма далеким от совершенства, зато второе, «будучи хорошим» по своей «единой политической целеустремленности» [Налоев, 2004, с. 118], обуславливало их ценност-

ную составляющую. Удерживая в поле зрения эту ценностную составляющую, резонно проанализировать с позиции нынешнего литературоведения наиболее типичные способы ее презентации, и для этого первым делом обратиться к проблеме субъекта, поскольку, как замечает А. А. Чевтаев, «смысловая заданность художественного произведения обязательно предполагает субъектную позицию, в соответствии с которой происходит развертывание изображаемого мира и посредством которой транслируется определенная система ценностного отношения к миру» [Чевтаев, 2016, с. 41—42]. Осмелимся добавить, что данный принцип распространяется на все многообразие форм художественной словесности, в том числе на произведения, не отмеченные лирической углубленностью.

Пожалуй, самое очевидное, от чего можно отталкиваться, рассматривая субъект агитационной лирики, — это минимизация в нем индивидуального, стало быть, субъективного. Ни в идеологии нового создаваемого мира, ни, тем более, в его художественном отражении субъективность не приветствовалась. Простор поэтического «я» был ограничен. В более выгодной позиции оказывалось «мы». В контексте обозначенной поэзии оно доминировало. Как отмечает С. Г. Семенова, «это “мы” вошло в многочисленные названия стихов, стало главным их героем. На страницах пролетарских сборников чеканным шагом проходят “тысячи тысяч, миллионы миллионов, миллиарды”, биллионы и неисчислимые тьмы, пронизанные ощущением невероятной, титанической мощи такого гигантского всеземного коллектива людей труда, борцов и строителей» [Семенова, 2001, с. 15]. Литературы разных народов обращаются к новым темам и новым героям. Женщина — герой, на котором сосредоточено особое внимание новописьменных литератур. Логично, что далекая от всего субъективного множественность экстраполируется и на ее изображение: новая женщина не может предстать в своей единичности и неповторимости.

Итак, герой предстает в своей массовости, и в этом, согласно канону пролетарского творчества, сила его убедительности. Некоторая гипертрофия восприятия подобной установки ведет авторов «Первого шага» и их современников к предельной обобщенности образа женщины и обобщенности точки зрения на нее, что воплощается уже на уровне стихотворных заглавий. Их однообразие сложно не заметить: «Женское стихотворение» (Шаков Т.), «Женское стихотворение» (Афаунов М.), «Женщины!» (Карданов Х.), «Адыгские женщины!» (Мазуков Х.). Если в русской агитационной поэзии, из которой черпаются исходные установки воссоздания субъекта, образ новой женщины может быть представлен пусть не в своей единичности, но в единственном числе (к слову, стихотворения «Мария Голошубова» Д. Бедного [Бедный, 1954, с. 127], «В дождли-

вый день» И. Кузнецова [Пролетарские ..., 1959, с. 413], «Делегатка» М. Яншина [Болотова, 2018, с. 60]), то в преломлении его авторами «Первого шага» он предстает сугубо в своей массовости. Редким отступлением, тем не менее подтверждающим общее правило, видятся лишь стихотворения А. Шогенцукова. Причем его заглавия тоже красноречивы: «Лина-тракторист», «Несчастья империалистической войны, выпавшие на долю бедной женщины», «Жизнь Мадины». Но сразу подчеркнем, что индивидуализация оказалась возможной лишь там, где явственно проступило лирическое начало. (По этой причине названные произведения А. Шогенцукова остаются за пределами интересующего нас контекста агитационной поэзии).

Важно при этом заметить, что точка зрения, о которой идет речь, выражается авторами-мужчинами. Стало быть, доминирует мужской взгляд. И в тех случаях, когда поэтический субъект выступает выразителем женского «мы», перед нами не что иное, как смоделированная мужчиной точка зрения героини.

Согласно наблюдениям О. В. Барсуковой относительно женских образов в литературе, «эти образы формируются авторами в определенном социальном контексте и их содержание отражает и определяется обыденными представлениями о желательности и адекватности определенных характеристик женщины. <...> В художественных произведениях представлен тот образ женщины, который типичен для конкретного общества, желателен и необходим и отражает те черты, которые в данном обществе считаются свойственными женщине» [Барсукова, 2009, с. 170]. Надо сказать, что в данном случае создается женский образ, который далеко не типичен в конкретном обществе, однако ввиду категоричности господствующей идеологии желателен и необходим.

Как уже было сказано, претворение образа новой женщины в русской агитационной поэзии подчиняется определенному канону. Обусловленный идеологическими ожиданиями, с разной степенью полноты он воплощается в творчестве разных авторов первых советских десятилетий. Если выделять наиболее очевидное, то этот канон проступает в упоминаниях специфических деталей «костюмного облика» («На плечах из *черной кожи куртка*, / голова повязана *платком* ...» [Болотова, 2018, с. 60], «Мне милее девушка в *платочке* / *Алом* и со звездами в глазах [Пролетарские ..., 1959, с. 417], «Идут от станков, от земли и от кадок, / под *красный платок* заправляя прядь. / Сотни тысяч баб-делегаток» [Маяковский, 1958, с. 305]), в мотиве освобождения от привычного патриархального уклада и влияния религии («Кто, *нарушивши обычай*, / В зиму внес весенний шум? / Оказалось: не мужичий / А «короткий» бабий ум!» [Бедный, 1954,

с. 127], «*Перед мужем в страхе не трепещет, / Не несет попу свои грехи*» [Болотова, 2018, с. 60], «*Ленин вам — от станков и от кадок / велел прийти и вести государство*» [Маяковский, 1958, с. 306]), в сопряженном с ним мотиве овладения новыми социальными ролями и новыми профессиями («*Ты должна вспоминать почаще, / что избрана ты передовой. / Делом примерным, речью звучащей, / опыт отсталым передавай*» [Маяковский, 1958, с. 306], «*И в семье, на фабрике все резче / пробивает новые пути*» [Болотова, 2018, с. 60], «*С Катей, девушкой-ткачихой / Повстречался у ворот*» [Пролетарские ..., 1959, с. 413]). Разумеется, все перечисленное происходит на фоне сопоставления гнетущей картины прошлого и многообещающего настоящего. Все перечисленное выходит на субъектную сферу героя, или, по-другому — центрального образа. Что же касается субъекта поэтического сознания, от которого исходит оценка, то в абсолютной полноте своего совпадения с господствующей идеологией он подобен некоему выразителю высшей истины. Это субъект, которому доподлинно известно, что верно, а что нет и какой именно надлежит быть «новой женщине». При этом не имеет значения, в директивной или нейтральной манере он выражает свою оценку.

Поэты «Первого шага» также изображают этот образ в двух временных планах — в прошлом и настоящем. Во времени прошлом его также определяет мотив страдания, при этом фигура героини настойчиво подверстывается под образ угнетенной «женщины Востока». Можно заметить, как в определении временной протяженности ее страданий допускаются явные перехлесты. Период пребывания ее под царским и семейным гнетом исчисляется не веками, а тысячелетиями: «*Вы много тысячелетий в страданиях / Самодержавия эпоху проживали*» (Х. Мазуков) [Архив ИГИ КБНЦ РАН, ф. 11, оп. 1, д. 87, л. 21]; «*Подобно домашнему скоту вас отдавали, продавали / (Так было) много тысяч лет*» (Х. Карданов) [Архив ИГИ КБНЦ РАН, ф. 11, оп. 1, д. 13, л. 40]; «*Тысячелетий множество прожитых / К ремеслам никаким не приобщило нас*» (Т. Шаков) [Архив ИГИ КБНЦ РАН, ф. 11, оп. 1, д. 13, л. 16]. (Здесь и далее цитаты из поэтических текстов приводятся в нашем подстрочном переводе. — И. К., А. Б.). Помимо этой меры летоисчисления, упоминается такая менее определенная «хронология», как «исстари», «издревле», «издавна», однако вступлением к «теме» прошлого всегда оказываются *тысячелетия страданий*.

Если представить обобщенный перечень женских ролей в прошлом, то это — быть домашней прислугой, быть предметом торга, прозябать в сырой мгле жилища. Последнее мыслится как наиболее типичноеностранство ее былой жизни. Для того чтобы сгустить краски и произвести эффект большего соответствия угнетенной «женщины Востока», слагается

повторяющийся на разные лады мотив заточения в темном и тесном жилище: «Не выходя на свет, / В тесноте холодного жилища прозябали (вы)» (Х. Карданов) [Архив ИГИ КБНЦ РАН, ф. 11, оп. 1, д. 13, л. 40]; «Народа часть одну вторую, / Женщин наших, / Уж слишком долго в тьме томили их» (М. Афаунов) [Архив ИГИ КБНЦ РАН, ф. 11, оп. 1, д. 13, л. 19]; «Вы в сырости темного жилья / Всю жизнь свою влачили» (Х. Мазуков) [Архив ИГИ КБНЦ РАН, ф. 11, оп. 1, д. 87, л. 21]. Попытки представить эти страдания более убедительно выражаются через упоминания физической немощи, до которой довела такая жизнь (еле держались на ногах; заболели чахоткой, а то и умирали), и символов закабаления (кандалы, капкан). Разумеется, все эти попытки «психологизации» возникают поверх более стереотипных представлений, которые находят здесь место: патриархальный гнет, невозможность для женщины получить образование и профессию.

Любопытно, как в мотив страдания вплетаются детали одежды. Здесь не столько *появление* костюмных деталей с идеологической семантикой, сколько идеологически значимое *отсутствие* деталей национальной одежды. Как внешний элемент былой угнетенности Х. Карданов неоднократно упоминает головной платок — элемент женского национального костюма кабардинцев. Субъект «Женского стихотворения» Т. Шакова, высказываясь от имени женщин, также упоминает в негативном свете детали национальной одежды (с ношением которой, кстати говоря, велась активная борьба): «Нагрудник да пояс серебряным перевяслom / На себе мы таскали» [Архив ИГИ КБНЦ РАН, ф. 11, оп. 1, д. 13, л. 16]. Теперь же «их отсутствие выступает одним из символов свободы, которая завоевывается, в том числе, и через отвержение прошлого» [Кажарова, 2014, с. 109].

Примечательны аспекты преломления субъектом времени настоящего. Не считая только что процитированного «Женского стихотворения», в котором время настоящее обретает конкретику прав и свобод, дарованных «труженице советского Востока», во всех упомянутых произведениях настоящее представлено не столь отчетливо, как время прошедшее, которому оно противостоит. Если конкретику настоящего в тексте Т. Шакова можно рассматривать как попытку стихотворной констатации основных пунктов Постановления «О правах трудящихся женщин советского Востока» (а ответы здесь наглядны: «Мы оттолкнули шариат» — освобождение от бытовых и религиозных предрассудков; «Выращиваем шелкопрядов» — вовлечение в производственные артели; «С мужьями наравне / За государственные дела беремся мы» — право избрания во все органы государственной власти), то в остальных случаях настоящее либо весьма условно, либо опирается на побудительные призывы, устремленные в будущее и тем самым размывающие конкретику настоящего. Так, М. Афаунов из двадцати

девяти строк своего стихотворения посвящает времени настоящему лишь четыре заключительные, ограничиваясь при этом странным конгломератом мифологической образности и актуального политического события: «Неволивших нас драконов / Коммуна бесстрашная прогнала / Свободы солнечной лучи / 8 марта озарили нас» [Архив ИГИ КБНЦ РАН, ф. 11, оп. 1, д. 13, л. 20]. «Тема» прошлого и «тема» настоящего разделяют стихотворения Х. Карданова и Х. Мазукова на две условные части, при этом высказанное о прошлом, хоть и незначительно, но превосходит настоящее количественно и степенью детализации. Если у Х. Карданова будущее всего лишь «вкрапливается» в настоящее через категорию долженствования («Так преображайте ж это время, / Его достойными хозяйками должны вы стать» [Архив ИГИ КБНЦ РАН, ф. 11, оп. 1, д. 13, л. 41]), то у Х. Мазукова настоящее состоит из призывов, «нацеленных» на будущее («К строительству социализма / Все вместе мы приступим»; «Ударные темпы набирайте / Результаты больших достигайте»; «Айда, женщины! В образовательные учреждения (дружно) идите»; «Давайте же всех трудящихся народов / Родные языки освоим!») [Архив ИГИ КБНЦ РАН, ф. 11, оп. 1, д. 87, л. 23].

Как уже было отмечено выше, «мы», в форме которого представлен субъект «Женского стихотворения» Т. Шакова, подразумевает женщин. В стихотворениях Х. Карданова и Х. Мазукова множественный субъект обращается к женщинам (второе лицо множественного числа) и, по мере перехода в «тему» настоящего, подразумевает уже обобщенное «мы» всех трудящихся. В «Женском стихотворении» М. Афаунова субъект выражает себя несколько иначе. Сначала он говорит о женщинах в третьем лице («Народа часть одну вторую, / Женщин наших, / Уж слишком долго в тьме томили *их*, / Отнявши право слова, / Прислуге уподобив *их*» [Архив ИГИ КБНЦ РАН, ф. 11, оп. 1, д. 13, л. 19]), а затем высказывается от их лица («Для толстобрюхих тех прислужкой, / От века так держали *нас* // Жестокость (*их*) нас притеснила / Страданья поглотили *нас*» [Архив ИГИ КБНЦ РАН, ф. 11, оп. 1, д. 13, л. 20]). Здесь находит место, по выражению С. Н. Бройзмана, межличностность субъекта, которая «сохранилась в фольклоре разных народов, проявляясь, в частности, в таких формах высказывания, которые являются странными и «неправильными» с точки зрения более поздних эстетических критериев. Речь идет о спонтанных и немотивированных (не связанных с прямой речью) переходах высказываний от третьего лица к первому (и наоборот) либо о взаимных переходах голосов мужского и женского субъектов [Введение ..., с. 311].

Но, как бы вариативно ни было это «мы», еще раз вернемся к тому, что речь идет о произведениях, в которых авторы-мужчины пытаются актуализировать взгляд новой женщины. Если спроецировать на главную героиню-

нюю проблему «точки зрения субъекта», идеологический план воплощения которой, по наблюдениям А. А. Чевтаева, предполагает такие формы, как «временная перспектива, пространственное оформление позиции субъекта или персонажа, психологическое состояние и языковые характеристики говорящего...» [Чевтаев, 2016, с. 43], станет ясно, что во всех рассмотренных случаях доминирует лишь одна точка зрения — не героини, а субъекта, которому принадлежит поэтическое высказывание. Переход «мы» на точку зрения иного субъекта нигде и никак не отмечен. Помимо того, что не проявляется «внутренняя форма высказывания» (А. Чевтаев), в изображении женского «взгляда» каждый раз сохраняется абсолютная равномерность и даже монотонность «мы»: смысловая, эмоциональная, образная.

При довольно скупой образности рассмотренных произведений заметна установка на их клишированность. Характерно, что в данном случае образность проявляется прежде всего в описаниях темного прошлого: кандалы, драконы, серебряное перевязло, капкан и прочее подобное. Также стоит отметить, что эмоционально-экспрессивную функцию выполняют лишь фигуры речи. Экспрессия достигается за счет восклицаний, риторических вопросов. Интонацией призыва определено привычное для поэзии этого времени наличие восклицательных знаков в заглавиях поэтических произведений, что, конечно же, естественно: агитационная поэзия и создавалась с целью призыва.

4. Заключение

Как было отмечено еще в начале, сама по себе постановка вопроса «аксиология субъекта декларативно-публицистической поэзии» уже содержит некий ответ. Но при этом возникает опасность смешения содержательного и формального аспектов аксиологической интерпретации литературных феноменов. Эти аспекты принципиально важно удерживать в поле зрения при рассмотрении агитационной поэзии 1920—30-х годов, тем более что в критическом осмыслении тех лет отмечалась явная диспропорция художественного и содержательного. В рассмотренных примерах ценностный момент когда-то распознавался в новом содержании, стремлении представить новую реальность. Нынешний же аксиологический интерес перемещается к аспекту выразительному, сколь бы примитивным в иных случаях он не представлял. Потому мы старались проследить наиболее типичные пути выражения новой реальности и ее главных действующих лиц.

Основное, что обеспечивает аксиологию субъекта агитационной поэзии — это его стереотипность, идет ли речь непосредственно о лице, которому принадлежит высказывание, или о главном герое, на которого направлено сознание субъекта. В рассмотренных стихотворениях «Первого

шага» речь о женщине, но ее при этом никак не разглядеть. «Типизация образа, по сути, сведена здесь к отсутствию внешних черт» [Кажарова, 2014, с. 107]. Кроме того, женская точка зрения, вернее сказать, переход на точку зрения иного субъекта, никак не обнаруживается. Женщина — главный герой, но единственной остается точка зрения агитатора-мужчины: все то, что он «думает за нее» сообразно парадигме социально-политических ценностей времени. При том что в разных культурах имелись свои акценты освещения героев, установка на стереотипность, как можно убедиться на приведенных выше примерах, остается неизбежной вне зависимости от этнической конкретики. Однако, в отличие от русской агитационной поэзии, субъект поэтического сознания, с точки зрения которого оценивается «новая женщина», не столь устойчив, об этом свидетельствуют колебания точки зрения субъекта (1-е лицо, 3-е лицо), которые иной раз наблюдаются в пределах одного стихотворения. Кроме того, как было показано выше, собственные нюансы обнаруживает решение костюмного облика «новой женщины».

Судя по представленному в «Первом шаге», быстрее и легче всего воспринималось временное решение. Об этом заставляет думать единодушие разных авторов в принципах изображения времени прошедшего, детализация его негативного смысла и некоторый разнобой в манере изображения настоящего. Как можно было видеть, в наиболее развернутых вариантах настоящее воссоздается через ряд стереотипных для времени призывов. Призыв перенаправляет временной вектор в будущее. В итоге время настоящее, то есть новая реальность, предстает в чертах времени будущего. Таким образом, стихотворения, собранные в «Первом шаге», позволяют судить о том, что для их авторов представленность субъекта агитационной поэзии на стыке двух временных планов оказывается наиболее функциональным аспектом его аксиологии.

Источники и принятые сокращения

1. Архив ИГИ КБНЦ РАН — *Архив* Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук.
2. ЛЭ — *Литературная энциклопедия терминов и понятий* / ред. А. Н. Николюкин. — Москва : Интелвак, 2001. — 799 с. — ISBN 5-93264-026-X.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барсукова О. В. Женские образы в художественной литературе / О. В. Барсукова // *Гендерная психология* / ред. И. С. Клециной. — Санкт-Петербург : Питер, 2009. — С. 167—184. — ISBN 978-5-388-00541-0.
2. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. — Москва : Искусство, 1979. — 424 с.

3. *Бедный Д.* Собрание сочинений в 5 т. Стихотворения, эпиграммы, басни, поэмы, сказки 1921—1929 / Д. Бедный. — Москва : ГИХЛ, 1954. — Том 3. — 421 с.
4. *Болотова Е. В.* Формирование образа советской женщины в 20—30-е гг. XX в. (по материалам публикаций журнала «Работница») / Е. В. Болотова // Вестник гуманитарного образования. — 2018. — № 2. — С. 60—69. — DOI: 10.25730/VSU.2070.18.021.
5. *Бройтман С. Н.* Русская лирика XIX—XX века в свете исторической поэтики : субъектно-образная структура / С. Н. Бройтман. — Москва : РГГУ, 1997. — 307 с. — ISBN 5-7281-0140-2.
6. *Введение* в литературоведение : учебное пособие / редактор Л. В. Чернец. — Москва : Высшая школа, 2006. — 679 с. — ISBN 5-06-004233-2.
7. *Гинзбург Л. Я.* О лирике / Л. Я. Гинзбург. — Москва : Советский писатель, 1974. — 408 с.
8. *Кажарова И. А.* Авторская модальность дидактического текста и читательское восприятие (на материале «Адаба» А. Г. Дымова) / И. А. Кажарова, З. А. Кучукова, Л. Б. Берберова // Научный диалог. — 2020. — № 8. — С. 215—229. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-8-215229.
9. *Кажарова И. А.* «Костюмный облик» как способ конкретизации идеала / И. А. Кажарова // Обсерватория культуры. — 2014. — № 6. — С. 106—113.
10. *Корман Б. О.* Изучение текста художественного произведения / Б. О. Корман. — Москва : Просвещение, 1972. — 110 с.
11. *Лунин Э.* Агитационная литература / Э. Лунин // Литературная энциклопедия в 11 т. — Москва : Издательство Коммунистической Академии, 1930. — Том 1. — С. 45—54.
12. *Машитлова Е. М.* Становление и развитие социалистического реализма в кабардинской прозе / Е. М. Машитлова. — Нальчик : Эльбрус, 1977. — 130 с.
13. *Маяковский В.* Полное собрание сочинений в 13 т. / В. Маяковский. — Москва : ГИХЛ, 1958. — Том 9. — 611 с.
14. *Мысль*, вооруженная рифмами. Поэтическая антология по истории русского стиха / ред. В. Е. Холщевников. — Ленинград : Издательство Ленинградского университета, 1983. — 446 с.
15. *Налоев Д. М.* Литературное наследие / Д. М. Налоев. — Нальчик : Эль-Фа, 2005. — 225 с.
16. *Пролетарские поэты* первых лет советской эпохи. — Ленинград : Советский писатель, 1959. — 610 с.
17. *Семенова С. Г.* Русская поэзия и проза 1920—1930-х годов. Поэтика — Видение мира — Философия / С. Г. Семенова. — Москва : ИМЛИ РАН, «Наследие», 2001. — 590 с. — ISBN 5-9208-0092-5.
18. *Султанов К. К.* Национальная самобытность и художественная ценность : к вопросу о взаимодополняемости этнокультурного дискурса и аксиологического подхода / К. К. Султанов // Studia Litterarum. — 2018. — Том 3. — № 2. — С. 230—248. — DOI: 10.22455/2500-4247-2018-3-2-230-251.
19. *Тынянов Ю. Н.* Поэтика. История литературы. Кино / Ю. Н. Тынянов. — Москва : Наука, 1977. — 571 с.
20. *Филатов В. А.* Аксиология в теории литературы : основные направления ценностного анализа / В. А. Филатов // Сибирский филологический журнал. — 2019. — № 4. — С. 130—138. — DOI: 10.17223/18137083/69/11.
21. *Хализев В. Е.* Ценностные ориентации русской классики / В. Е. Хализев. — Москва : Гнозис, 2005. — 432 с. — ISBN 5-7333-0166-X.

22. Чевтаев А. А. «Точка зрения» и «интенция» в структуре лирического произведения (К вопросу соотношения понятий) / А. А. Чевтаев // Новый филологический вестник. — 2016. — № 1 (36). — С. 41—55.

MATERIAL RESOURCES

Nikolyukin, A. N. (ed.). (2001). *Literary encyclopedia of terms and concepts*. Moscow: Intellvak. 799 p. ISBN 5-93264-026-X. (In Russ.).

The archive of the IGI KBSC RAS is the Archive of the Institute for Humanitarian Studies of the Kabardino-Balkar Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. (In Russ.).

REFERENCES

- Bakhtin, M. M. (1979). *Aesthetics of verbal creativity*. Moscow: Iskustvo. 424 p. (In Russ.).
- Barsukova, O. V., Kletsina, I. S. (ed.). (2009). Female images in fiction. In: *Gender psychology*. St. Petersburg: Peter. 167—184. ISBN 978-5-388-00541-0. (In Russ.).
- Bedny, D. (1954). *Collected works in 5 volum, 3. Poems, epigrams, fables, poems, fairy tales 1921—1929*. Moscow: GIHL. 421 p. (In Russ.).
- Bolotova, E. V. (2018). Formation of the image of a Soviet woman in the 20—30s of the twentieth century (based on the materials of publications of the magazine “Worker”). *Bulletin of Humanitarian Education*, 2: 60—69. DOI: 10.25730/VSU.2070. 18. 021. (In Russ.).
- Broitman, S. N. (1997). *Russian lyrics of the XIX—XX century in the light of historical poetics: subject-figurative structure*. Moscow: RSUH. 307 p. ISBN 5-7281-0140-2. (In Russ.).
- Chernets, L. V. (ed.). (2006). *Introduction to literary studies: a textbook for students of higher educational institutions studying in the direction and specialty “Philology”*. Moscow: Higher School. 679 p. ISBN 5-06-004233-2. (In Russ.).
- Chevtayev, A. A. (2016). “Point of view” and “intention” in the structure of a lyrical work (On the question of the correlation of concepts). *New Philological Bulletin*, 1 (36): 41—55. (In Russ.).
- Filatov, V. A. (2019). Axiology in literary theory: the main areas of value analysis. *Siberian journal of Philology*, 4: 130—138. —DOI: 10.17223/18137083/69/11. (In Russ.).
- Ginzburg, L. Ya. (1974). *About lyrics*. Moscow: Soviet writer. 408 p. (In Russ.).
- Kazharova, I. A. (2014). “Costume appearance” as a way to concretize the ideal. *Observatory of Culture*, 6: 106—113. (In Russ.).
- Kazharova, I. A., Kuchukova, Z. A., Berberova, L. B. (2020). Author’s Modality of Didactic Text and Reader’s Perception (by Example of A. G. Dymov’s “Adab”). *Nauchnyi dialog*, 8: 215—229. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-8-215-229. (In Russ.).
- Khalizev, V. E. (2005). *Value orientations of Russian classics*. Moscow: “Gnosis”. 432 p. ISBN 5-7333-0166-X. (In Russ.).
- Kholshchevnikov, V. E. (ed.). (1983). *A thought armed with rhymes. Poetic anthology on the history of Russian verse*. Leningrad: Leningrad University Press. 446 p. (In Russ.).
- Korman, B. O. (1972). *Studying the text of a work of art*. Moscow: Prosveshchenie. 110 p. (In Russ.).

- Lunin, E. (1930). *Agitational literature. Literary encyclopedia in 11 volum, 1*. Moscow: Publishing House of the Communist Academy. 45—54. (In Russ.).
- Mashitlova, E. M. (1977). *The formation and development of socialist realism in Kabardian prose*. Nalchik: Elbrus. 130 p. (In Russ.).
- Mayakovsky, V. (1958). *The complete collection of works in 13 volumes, 9*. Moscow: GIHL. 611 p. (In Russ.).
- Naloyev, D. M. (2005). *Literary heritage*. Nalchik: El-Fa. 225 p. (In Russ.).
- Proletarian poets of the first years of the Soviet era*. (1959). Leningrad: Soviet writer. 610 p. (In Russ.).
- Semenova, S. G. (2001). *Russian poetry and prose of the 1920s—1930s. Poetics-Vision of the world-Philosophy*. Moscow: IMLI RAS, “Heritage”. 590 p. ISBN 5-9208-0092-5. (In Russ.).
- Sultanov, K. K. (2018). National identity and artistic value: on the issue of complementarity of ethno-cultural discourse and axiological approach. *Studia Litterarum*, 3 (2): 230—248. DOI: 10.22455/2500-4247-2018-3-2-230-251. (In Russ.).
- Tynyanov, Yu. N. (1977). *Poetics. The history of literature*. Kino. Moscow: Nauka. 571 p. (In Russ.).

Кротов П. А. «Подлинные анекдоты о Петре Великом» Я. Штелина (у истоков жанра исторического анекдота в России) / П. А. Кротов // Научный диалог. — 2021. — № 10. — С. 282—297. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-10-282-297.

Krotov, P. A. (2021). “Genuine Anecdotes about Peter the Great” by J. Shtelin (at the Origins of Historical Anecdote Genre in Russia). *Nauchnyi dialog*, 10: 282-297. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-10-282-297. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-10-282-297

**«Подлинные анекдоты
о Петре Великом»
Я. Штелина (у истоков
жанра исторического
анекдота в России)**

Кротов Павел Александрович
orcid.org/0000-0001-9465-4758
доктор исторических наук, профессор
кафедры истории России
с древнейших времён до XX века
p.krotov@spbu.ru

Санкт-Петербургский
государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено
при финансовой поддержке РФФИ
в рамках научного проекта
№ 19-012-00110

««Подлинные анекдоты о Петре
Великом»

Я. Штелина в переводе А. А. Нартова —
неизвестный памятник
русской словесности XVIII века»

**“Genuine Anecdotes about
Peter the Great” by J. Shtelin
(at the Origins of Historical
Anecdote Genre in Russia)**

Pavel A. Krotov
orcid.org/0000-0001-9465-4758
Doctor of History, Professor,
Department of History of Russia
from Ancient Times to the 20th Century
p.krotov@spbu.ru

St. Petersburg State University
(Saint Petersburg, Russia)

Acknowledgments:

The reported study was funded by RFBR,
project number 19-012-00110
“Genuine anecdotes about Peter the Great”
by J. Shtelin, translated
by A. A. Nartov — an unknown monument
of Russian literature of the 18th century”

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена изучению собрания исторических анекдотов о Петре Великом Я. Штелина (1709—1785), впервые напечатанных в 1785 году на немецком языке в Лейпциге. Доказывается, что исторические анекдоты (о Петре Великом) в качестве жанра литературы появились в России во второй половине 1730-х годов. По мнению автора, почва для их возникновения — это распространённые в обществе рассказы о Петре Великом. Сообщается, что первый созданный Яковом Штелиным сборник исторических анекдотов о Петре Великом — собрание из 34 анекдотов 1744 года. Отмечается, что в дальнейшем он создал сборники из 95, 110 и 117 анекдотов. Исследование показало, что исторические анекдоты Штелина — это итог глубокой литературной переработки услышанных им сообщений, преданий. Выявлено, что Яков Штелин работал над превращением записанных им набросков, сделанных по мотивам услышанных устных рассказов, в исторические анекдоты на протяжении более 40 лет. Утверждается, что в итоге публикация его исторических анекдотов в 1785 году имела оглушительный успех в Европе, включая и Россию, и положила начало расцвету этого жанра в России в конце XVIII — начале XIX веков.

Ключевые слова:

литературный жанр исторического анекдота; Пётр Великий; Яков Штелин.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article is devoted to the study of the collection of historical anecdotes about Peter the Great by J. Shtelin (1709—1785), first published in 1785 in German in Leipzig. It is proved that historical anecdotes (about Peter the Great) as a genre of literature appeared in Russia in the second half of the 1730s. According to the author, they appeared on the basis of the stories about Peter the Great that were widespread in society. It is reported that the first collection of historical anecdotes about Peter the Great created by Jakob Shtelin is a collection of 34 anecdotes from 1744. It is noted that later on he created collections of 95, 110 and 117 anecdotes. The study has shown that Shtelin's historical anecdotes are the result of a deep literary reworking of the messages and legends he heard. It is revealed that Jakob Shtelin worked on the transformation of the sketches written by him, based on the oral stories he heard, into historical anecdotes for over 40 years. It is argued that as a result, the publication of his historical anecdotes in 1785 was a resounding success in Europe, including Russia, and marked the beginning of the flourishing of this genre in Russia in the late 18th and early 19th centuries.

Key words:

literary genre of historical anecdote; Peter the Great; Jakob Shtelin.

«Подлинные анекдоты о Петре Великом» Я. Штелина (у истоков жанра исторического анекдота в России)

© Кротов П. А., 2021

1. Введение

Несмотря на подъём с 1990-х годов исследовательского интереса к проблематике малого литературного жанра исторического (не бытового!) анекдота, дискуссионным остается значительный круг вопросов. Среди них в тени пребывают вопросы, когда и как зародился в России этот жанр; по-прежнему злободневен вопрос о том, каково соотношение литературного вымысла и исторической «первоосновы» анекдота.

Автор кандидатской диссертации о значении «Подлинных анекдотов о Петре Великом» Я. Штелина как исторического источника Н. В. Смирнова так формулирует одно из ключевых положений своего исследования: «1) По происхождению анекдот ближе всего к мемуарам, в его основе — воспоминание о событии. 2) Предмет повествования указывает на близость анекдота к исторической прозе: как правило, героем анекдота является известное историческое лицо, его поступки и присущие ему качества, однако авторы устных воспоминаний обычно не ставят перед собой цели создать исторический труд. 3) Анекдот является литературным жанром, повествованием, заключённым в строгие рамки определённой формы» [Смирнова, 2006, с. 4]. Автор диссертации вскрывает сложность исторического анекдота как жанра. По существу, с одной стороны, он «теоретически» может являться историческим источником (в основе которого лежит воспоминание); с другой стороны, анекдот может представлять «воспоминание» как изначальный литературный вымысел, сочинение на некую историческую тему в художественно-литературной форме «воспоминания»; можно наблюдать развитие в конкретный анекдот некоего литературного мотива.

Настоящая статья продолжает и разворачивает тематику статьи, опубликованной нами ранее в журнале «Научный диалог» [Кротов, 2020, с. 235—249]. *Задачей* предыдущей статьи было показать значение сделанного известным деятелем российского века Просвещения А. А. Нартовым (1736/1737—1813) перевода первого немецкого издания анекдотов о Петре Великом, собранных Я. Штелиным [Stählin, 1785], для зарождения и реализации собственного писательского замысла Нартова создать свой авторский сборник исторических анекдотов о Петре Великом

(первая редакция его относится к 1786 году). **Задачи** настоящей статьи сводятся к тому, чтобы показать, как сложилось собрание исторических анекдотов о Петре Великом Я. Штелина — ключевое произведение литературного жанра исторических анекдотов (связанных с именем Петра Великого) в России XVIII века. На примере формирования собрания исторических анекдотов Штелина возможно показать процесс рождения жанра в России. Особая **актуальность** темы заключается в том, что новый литературный жанр вырывается на простор печатных изданий именно начиная с первой российской публикации исторических анекдотов Штелина (в переводе П. И. Богдановича, 1785 года) [Кротов, 2020, с. 239—241]. В конце XVIII — начале XIX столетий исторический анекдот становится действенной литературной формой патриотической пропаганды в стране.

2. Исторический анекдот как малый литературный жанр

В Европе Нового времени литературный жанр исторического анекдота возродился во многих странах, утвердившись в течение XVIII столетия и в России. Одно из ранних определений содержится во французском словаре Фюретьера (1690): «... слово, которым пользуются некоторые историки, чтобы озаглавить истории, посвящённые тайным ... делам монархов, то есть записки, которые вовсе не должны были увидеть свет ...». Энциклопедия Д. Дидро содержит определение анекдотов, весьма скептическое по отношению к их исторической достоверности: «Анекдоты — суть слово, относящееся к древней и новой истории, которым греки называли дела, впервые становящиеся известными публике ... Это слово употребляется в литературе для обозначения секретных историй о поступках, происходивших внутри кабинетов и при дворах монархов. Но кроме этих тайных историй, претендующих на истину, но в большинстве случаев ошибочных или, по крайней мере, подозрительных, критики именуют анекдотами все писания, какого бы они ни были жанра, которые ещё не были опубликованы» [Мезин, 2002. с. 19].

Жанр исторического анекдота возник в России вместе с появлением и развитием литературы классицизма. Для этого литературного направления главная проблема — личность человека. Век Просвещения выдвинул новые показатели для оценки человека, его дел. Историки литературы Г. Н. Моисеева и Ю. В. Стенник написали об этих критериях в следующих словах: «Главным среди них становится служение интересам государства. От обязанностей в выполнении общественного долга не мог быть свободен даже сам монарх. Неуклонное подтверждение верности подобному идеалу являла для русских людей XVIII века деятельность самого Петра I, ставшего своеобразным символом обновлённой России» [Моисеева и др.,

1980, с. 498—499]. Среди других малых жанров литературы исторический анекдот по происхождению и выполнению близких функций является родственным жанрам, возникшим и получившим классификацию ещё в античные времена: гнома — безличная сентенция, апофтегма — изречение, вложенное в уста названного человека, и хрия — высказывание конкретного лица в определённых обстоятельствах. Перечисленные жанры взаимосвязаны и легко переходят один в другой. В жанре исторического анекдота за неожиданным поступком нерядовой личности, необычным событием следует высказывание этого лица — так называемые «достопамятные слова», если придерживаться терминологии русской литературной традиции XVIII столетия (или апофтегма). Развертывание «достопамятных слов» в исторический анекдот выражается в усложнении ситуации, добавлении подробностей [Никанорова, 2001, с. 28].

3. Бытование в высоком обществе устных рассказов о Петре Великом в XVIII веке

Что Пётр Великий стал в XVIII столетии героем преданий, сказок и родившегося и уверенно развивавшегося в стране жанра исторического анекдота, — это вполне естественное явление. Что представляли собой такие рассказы о Петре Великом?

Рассказы о Петре Великом во второй половине XVIII века среди образованных слоев общества были признаком принадлежности (или же лишь претензией рассказчиков на это) к избранному высшему слою российского общества, на сопричастность в той или иной степени к столбовой линии развития Российского государства. В дневниковых записках С. А. Порошина (1741—1769), воспитателя и учителя наследника российского престола великого князя Павла Петровича, описан случай светской беседы в присутствии его 10-летнего подопечного за 6 января 1765 года: «Сели мы за стол. Обедали у нас граф Захар Григорьевич, граф Иван Григорьевич (Чернышевы. — *П. К.*), Иван Лукьянович Талызин, Алексей Иванович Нагаев, граф Иван Сергеевич Строганов <...> во все почти время стола разговаривали о государе Петре Великом с должными ему похвалами и о некоторых тогдашних анекдотах, о князе-цесаре Ромодановском и проч.» [Порошин, 2015, с. 205]. Спустя девять дней, 15 января, С. А. Порошин записал в дневнике: «Рассказывал я государю некоторые анекдоты, касающиеся до покойного его прадеда государя Петра Великого и до бабки его государыни императрицы Елисаветы Петровны» [Порошин, 2015, с. 214].

Или в феврале 1776 года французскому дипломату М.-Д. Корберону граф И. Г. Чернышев (1726—1797) во время ужина «много говорил о дво-

ре Петра Великого и знаменитом Лефорте, единственная заслуга которого, по его словам, заключается в том, что он представил царю некоего Циммермана (то есть Ф. Тиммермана. — *П. К.*), по ремеслу, кажется, булочника, работавшего в своё время в Голландии при постройке большого парусного судна, которое было прислано в Петербург (так! — *П. К.*), но возбудило там так мало интереса, что впоследствии оказалось на чердаке (так! — *П. К.*). Этот Циммерман исправил его и построил по его образцу другое, которое было предварительно испробовано на озере в Измайлове, отстоящем от Москвы на расстоянии нескольких вёрст, а затем в Ростове (так! — *П. К.*), куда Пётр I отправился под предлогом поклонения святым местам, так как в то время требовалось потратить три недели на то, что теперь можно совершить в пять дней. Это маленькое судно хранится теперь в одном доме, и кто желает видеть его, должен, из чувства уважения, снять шпагу, оставить трость и шляпу. Оно окружено оболочкой из белой жести, и, когда в торжественных случаях его пускают на воду, в него садится сама императрица, а на вёслах помещаются высшие сановники государства» [Корберон, 2003, с. 106]. Как видно, неточностей в этом «рассказе»-анекдоте было допущено немало (отмечены далеко не все), но героем светского ужина, безусловно, был Чернышев, что и засвидетельствовано французским дипломатом.

Я. Штелин (1709—1785) собирал рассказы о Петре Великом именно в образованных слоях общества в Санкт-Петербурге и в значительно меньшей степени в Москве.

4. Собираание исторических анекдотов в России Я. Штелиным

Я. фон Штелин, 26-летний выпускник Лейпцигского университета, немец, прибыл в Санкт-Петербург 25 июня 1735 года по приглашению директора Санкт-Петербургской академии наук барона И. А. Корфа для заключения договора о пребывании в течение пяти лет на должности адъюнкта в Академии наук. Прожил он, однако, в России ровно половину века, скончавшись день в день в Санкт-Петербурге же 25 июня 1785 года. Спустя некоторое время по прибытии его стали именовать Яковом Яковлевичем и без приставки фон. В 1737 году он был назначен профессором элоквенции (красноречия) в Императорской академии наук. В 1742—1745 годах Штелин являлся воспитателем наследника престола великого князя Петра Фёдоровича, потом его библиотекарем (1745—1747, 1754—1762). По приезде в Россию Штелин обратил внимание на бытование в обеих столицах устных преданий о Петре Великом и начал их целенаправленно собирать и записывать [Малиновский, 1990, с. 8—10]. Как написал Штелин в предисловии к первому немецкому изданию собранных им анекдотов

о Петре Великом, со временем он познакомился с генерал-фельдмаршалом И. Ю. Трубецким (1667—1750), «у которого часто при столе как им самим, так и прочими генералами, были говорены анекдоты о Петре Великом» [Штелин, 1787, с. II], и «со многими другими знатными домами в Петербурге и Москве и имел ... много случаев слышать ... достопамятные анекдоты о Петре Великом» [Там же, с. V—VI]. По словам Штелина, чтобы не забыть «сих, столь достопамятных и истинных анекдотов», услышанных «из уст знатных свидетелей», он решил их «мало по малу, имея в свежей еще памяти, вносить вкратце на бумагу». Штелин отметил, что «обыкновенно то исполнял в ночное время по возвращении домой или в следующее утро» [Там же, с. III].

Н. В. Смирнова заключила, что наиболее серьезное влияние на формирование собрания анекдотов Штелина оказали представители элиты российского общества середины — второй половины XVIII века. Среди них было немало людей из ближайшего окружения императрицы Елизаветы Петровны и придворных наследника престола — великого князя Петра Федоровича. Большинство рассказчиков Штелина были близко знакомы между собой, некоторые состояли в отношениях родства и свойства, и почти все являлись жителями столиц. Исследовательница сделала вывод, что анекдоты Штелина представляют собой «петербургскую версию» событий петровского времени, имевшую хождение среди не слишком широкого круга высоко образованных лиц [Смирнова, 2006, с. 45—46, 80—83, 207—208].

Успеху сбора анекдотов о Петре Великом способствовали личные качества Я. Штелина: общительность, умение располагать к себе людей открытостью своего стиля поведения, образованность, владение немецким, французским и русским языками. Вот как отозвался о Штелине в доверительном письме брату секретарь французского посла в Санкт-Петербурге М.-Д. Корберон (6 января 1776 года; н. ст.): «Сегодня вечером я был ... у Штелина, секретаря Академии, для передачи ему одной книги... Я был самого высокого мнения о Штелине ... он оказался ... большой говорун и порядочный человек. Ведь болтуны всегда хороший народ» [Корберон, 2003, с. 100].

Своим побудительным мотивом для благородного дела записывания рассказов о Петре Великом образованный немец назвал Корберону желание «многие достопамятные анекдоты о Петре Великом сохранить от забывания» [Корберон, 2003, с. 9]. Записи рассказов Штелин делал по-немецки. «Трогательные» ошибки при заверке рукописного перечня собранных им 95 анекдотов на немецком языке свидетельствуют, что даже в почтенном возрасте Штелин совершенным знанием русского языка не отличался:

«Диеиствителной статской советник Яков фон Штелин рука приложил» [ОР РНБ, ф. 871, № 18, л. 33 об.].

Автор статьи согласен с С. А. Мезиным, что «ранний этап работы» Штелина по подготовке сборника исторических анекдотов отражён в рукописи на французском языке, содержащей 34 анекдота, открывающейся посвящением И. И. Шувалову, датированным июнем 1744 года [Мезин, 2002, с. 27—28]. В предисловии к историческим анекдотам на французском языке Штелин писал так: «Пребывая в течение 9 лет в этой стране, я часто имел случай слышать рассказы почтенных стариков и других современников Петра Великого о вещах столь заслуживающих того, чтобы быть переданными самым отдалённым потомкам, что решил, что должен записать их, чтобы спасти от забвения» [ОР РНБ, ф. 871, № 18, л. 6]. Подборку из 34 анекдотов, относящуюся к 1744 году, можно считать первой редакцией сборника. Работа над этим первоначальным сборником продолжалась, в том числе выправлялось содержание анекдотов. С. А. Мезин заметил, что в последующем из рукописи были исключены два анекдота: о владельце бумажной мельницы под Москвой Кароткине (реально одном из братьев Коротких, Иване или Матвее), которого посетил царь, и об осмотре монархом анатомического кабинета в Лейдене. С. А. Мезин пишет, что ряд имевшихся в сборнике анекдотов подвергся в дальнейшем исправлению в «правильном» направлении. Так в первоначальном варианте анекдота о любви царя к медицине рассказывалось о том, что искусный лекарь Тирмонд «часто с царем до ночи пил венгерское вино», но в окончательном русском переводе сообщалось иначе: «долженствовал ... часто с Е. В. сидеть до полуночи, разговаривая ... о приятных и полезных вещах» [Мезин, 2002, с. 28—29].

5. Редакции сборника исторических анекдотов Я. фон Штелина

Высокую востребованность исторических анекдотов о Петре Великом показывает письмо И. И. Шувалова Штелину от 29 мая 1759 года из Петергофа на французском языке: «Уже некоторое время, как вы мне обещали перевести анекдоты о Петре Великом, которые у вас имеются, с немецкого на французский. Я также льщу себя надеждой вскоре их получить. Я желал бы послать все необходимые материалы господину Вольтеру, как можно быстрее ... и, если эти анекдоты ещё не все переведены, я прошу вас мне отсылать листы, как только они будут готовы» [ОР РНБ, ф. 871, № 792, л. 1]. Сам Штелин в издании 1785 года сообщил, что тогда к готовившимся для отправления Вольтеру материалам для написания «Истории Петра Великого» он добавил лишь «дюжины с две» своих анекдотов, поскольку остальные не были ещё переведены на французский язык и самому ему не

хотелось более посылать [Stählin, 1785, s. 376; Штелин, 1787, с. 524—525]. Как видно, нет оснований выделять особую редакцию анекдотов 1759 года, как это делает Н. В. Смирнова [Смирнова, 2006, с. 55, 59, 206] — текста её в бумагах Штелина нет, и он, касаясь этого вопроса, не пишет о том, что переработал всё своё собрание перед отправлением его части Вольтеру. Разрозненность и неполнота сохранившихся материалов, отсутствие важных датировок заставляют последующие редакции определять не по годам (как это сделала Н. В. Смирнова [Смирнова, 2006, с. 40, 48, 53, 59, 206]), но по числу включённых в них анекдотов — это явные рубежи в формировании сборника.

Среди бумаг Штелина сохранился нумерованный перечень заголовков анекдотов о Петре Великом на немецком языке, в котором уже 95 анекдотов. Перечень был собственноручно заверен Штелиным, но, к сожалению, дата не поставлена. В упомянутом перечне многократно менялась Штелиным нумерация анекдотов, переделывались их заглавия, делались приписки [ОР РНБ, ф. 871, № 18, лл. 31—33 об.]. Очевидно, по смыслу документа, что Штелин предполагал расположить имеющиеся анекдоты соответственно этому перечню, и, как можно думать, со временем он намеревался их опубликовать. Собрание из 95 анекдотов (сама рукопись этих анекдотов не приложена), невзирая на отрывочность имеющихся материалов, можно считать отдельной (второй) редакцией его собрания. Как бы то ни было, Штелин продолжал дорабатывать, дополнять свое собрание.

Спустя некоторое время Штелин подготовил новую (третью) редакцию сборника уже из 110 анекдотов. В 1780 году он писал историку М. М. Щербатову (1733—1790), что передал ему этот вариант рукописи «несколько лет назад» (*ques avois l'honneur de Vous communiquer, il y a quelques années*), и выражал надежду, что тот с ними ознакомился [ОР РНБ, ф. 871, № 283, л. 1]. Любопытно, что в лейпцигском издании (1785) Штелин сообщал иное: Щербатов брал у него перевод анекдотов на французский язык и, возвратив его через две недели (*nach ein paar Wochen*), «советовал и требовал», чтобы он их напечатал [Stählin, 1785, s. 381]. Там же Штелин привел и выдержку из письма М. М. Щербатова к нему на французском языке от 1 июня 1780 года с самой высокой оценкой проделанного им труда [Stählin, 1785, s. 381—382]. В бумагах Щербатова сохранилась написанная на французском языке «Подборка из нескольких анекдотов о жизни Петра Великого, сообщённых от людей, которые были тому свидетелями» — выписка тех анекдотов Штелина, которые особенно заинтересовали историка. В качестве эпиграфа подборку, имевшуюся у М. М. Щербатова, открывает латинское выражение из Плиния («Велик даже в малом»; *Etiam in minimus magnus*) с его более пространным пе-

реводом на французский: «Он велик даже в делах малого значения» [ОР РНБ, ф. 885, № 364, л. 73 об. — 84]. Эпиграф как нельзя лучше отражает свойство исторического анекдота как литературного жанра — раскрывать суть через второстепенные детали, подробности. Из содержания упомянутого письма 1780 года косвенно следует, что после передачи этой редакции сборника анекдотов М. М. Щербатову Штелин продолжал их «совершенствовать»: «Недавно я дал их переписать набело, поскольку есть несколько вельмож и других любопытствующих людей, среди которых ряд иностранцев, которые просят взглянуть на них и полистать у меня» [ОР РНБ, ф. 871, № 283, л. 1]. Иными словами, можно полагать, что версия анекдотов, отправленная за несколько лет до того М. М. Щербатову, снова была испещрена Штелиным правкой и требовала переписывания набело. В письме также шла речь о том, что несколько известных книготорговцев из Амстердама, Лейпцига и Берлина докучали Штелину просьбами издать его анекдоты за свой счёт, расплатившись с ним деньгами либо же напечатанными книгами. Штелин по поводу этих предложений писал: «Доныне вынужден я постоянно тянуть время с такой отговоркой, что этот труд ещё не переписан набело для напечатания» [Там же]. Трудно предполагать нечто, кроме того, что Штелин продолжал править свои записи, готовя их для обнародования в печати, и действительно в первом печатном издании анекдотов Штелина, появившемся в Лейпциге в 1785 году, пронумерованных частей ещё больше — 117. Однако несколько из них не являются историческими анекдотами. Работа над литературной «доработкой» собрания анекдотов о Петре Великом у Штелина продолжалась на протяжении более четырех десятилетий!

6. Место собрания Я. Штелина среди образцов литературного жанра русских исторических анекдотов XVIII века (о Петре Великом)

От устного хождения рассказов о Петре Великом в обществе до появления рукописных исторических анекдотов, по мысли автора статьи, один, но важный, шаг: записанные рассказы должны быть переработаны пером литератора (в большей или меньшей степени) в исторические анекдоты. Таков был путь рождения русских исторических анекдотов о Петре Великом, в том числе собрания Я. Штелина.

Основу сюжетов анекдотов составили короткие записи Штелиным существа устных рассказов современников, которые затем по памяти превращались им в развёрнутые повествования, сохраняя смысл и основное содержание обозначенных им сюжетов. Это уже литературное переложение. Штелин, естественно, фиксировал не всё рассказанное ему, а только то, что соответствовало критериям отбора для назидательного жанра

исторического анекдота в собственной словесной передаче. В записке директора Императорской Публичной библиотеки М. А. Корфа (1800—1876) о рукописных материалах Штелина, относящихся к его работе над анекдотами о Петре Великом, находившихся в обёртке, сказано, что там были «собраны писанные большею частию самим Штелином, частию же перебеленные писцом материалы на французском, латинском и русском, но преимущественно на немецком языке к изданным им впоследствии на последнем языке анекдотам о Петре Великом». М. А. Корф авторитетно засвидетельствовал, что в той обёртке текстов анекдотов было меньше, чем в немецком издании 1785 года, а главное, что он сообщает: «... все собственноручное Штелина писано большею частию на отдельных листах, иногда даже на лоскутках и *притом чрезвычайно им перемарано ...*» (курсив наш. — П. К.) [ОР РНБ, ф. 871, № 1033, л. 1]. Таким образом, рукописи анекдотов Штелина хранят следы его грандиозной и продолжавшейся более четырёх десятилетий литературной работы над собранными им текстами. Этот вывод делается вопреки утверждениям самого собирателя и тех исследователей, кто с доверием отнесся к этим его заверениям, например: [Смирнова, 2006, с. 47, 60, 206]. Предания и рассказы, записанные Штелиным, большим мастером пера, изначально перерабатывались им в исторические анекдоты, оттачивались с течением времени, от одной редакции к следующей.

7. Анекдот о вырванном у жены в наказание зубе

Как происходил «переход» от исторических фактов к литературному сюжету, к историческому анекдоту, можно показать на примере сюжета из анекдота Штелина о хирургических операциях Петра Великого. В нём изложен сюжет о вырванном монархом здоровом зубе у жены его камердинера А. П. Полубоярова, который, как сказано в переводе А. А. Нартова (1785), «был на нее сердит за ее распутства» и убедил венценосного зубодёра, что его супруга скрывает болезнь зуба, но страдает от этого нестерпимо [НИОР РГБ, колл. 68, оп. 1, № 325, л. 140 об.]. Рассказ был записан со слов царского кухмистра Яна Фельтена, скончавшегося в Санкт-Петербурге ещё в 1737 году. О расхождении реального и художественного в конструировании исторического анекдота свидетельствует уже то, что в полном списке чинов придворного ведомства Петра Великого на 28 декабря 1721 года в отличие от кухмистра Я. Фельтена Полубояров не числится [Нартов, 2001, с. 136—138].

Факты сводятся к тому, что А. П. Полубояров (Полубояринов) — реальное историческое лицо. В метрической книге Адмиралтейской стороны Санкт-Петербурга за 18 октября 1735 года сделана запись, что скончал-

ся «Кабинета Ея Императорскаго Величества секретарь Авраам Петров сын Полубояров сорока лет» [ЦГИА СПб, ф. 19, оп. 111, д. 1, л. 275 об.]. Любовь царя вырывать больные зубы — это тоже реальность, зафиксированная не только современниками и походными журналами монарха, но и объёмными мешочками вырванных Петром Великим зубов, которые ныне хранятся в Кунсткамере. Вот, к примеру, запись в походном журнале царя за 1715 год: «4 сентября Их Величества кушали на именинах Матвея Алсуфьева и выдернул зуб коренной» [Походный журнал, 1855, с. 67]. Или запись в дневнике Ф. В. Берхгольца, придворного голштинского герцога, за 20 января 1723 года: «Вечером здешний купец Тамсен рассказывал нам, что Его Величество был вчера у него и при этом случае по всем правилам и своими собственными инструментами выдернул зуб его долговязой голландской девке, потому что считает себя хорошим зубным врачом и всегда охотно берется вырвать кому-нибудь зуб. Он за несколько дней перед тем (услышав, что девка жалуется на зубную боль) обещал ей приехать сегодня и избавить ее от страдания» [Берхголец, 2018, с. 491]. Сама «история», записанная со слов Я. Фельтена, надо полагать, литературного происхождения, то есть выросла из разговоров в обществе о монархе, при этом она соответствует реалиям (монарх любил вырывать больные зубы у людей разного положения, имел для этого свои инструменты).

А. А. Нартов в своём не опубликованном тогда сборнике анекдотов (1786) развил этот заимствованный у Штелина сюжет, придав ему определенность формы в соответствии с жанром исторического анекдота: (1) необычные действия монарха; (2) его высказывания; (3) добавленные подробности и комментарий от имени автора. Событийный ряд Нартов изложил по-иному. Полубояров «жаловался государю, что жена его ослушается и с ним не спит, отговариваясь зубною болью». В комментарии к анекдоту Нартов даже вступил в заочный спор со Штелиным: «Сие было точно так, а не иначе, как прочие рассказывают, будто бы Полубояров о зубной боли, на жену свою сердясь, государю взвёл напрасно и будто Его Величество, узнав такую ложь, после за то наказал его дубиною» [Нартов, 2001, с. 79—80].

Сюжет исторического анекдота Штелина о необычном увлечении Петра I настолько полюбился публике, что оказался включенным в известное с 1830-х годов анонимное собрание анекдотов (тогда же сочинённых и постепенно пополнявшихся от издания к изданию), приписанных мнимому шути Петра Великого И. А. Балакиреву, но с незначительным изменением: шут проучил таким способом свою жену, оказывавшую ему непослушание, причем после наказания она «стала послушливее» [Избранные анекдоты, 1836, с. 13—14].

8. Заключение

Невозможно согласиться с утверждением Е. К. Никаноровой о том, что первая треть XVIII века является «временем возникновения и бытования анекдотов о Петре и его сподвижниках в устной традиции» [Никанорова, 2001, с. 154]. Подчеркнем, что тогда были распространены рассказы современников, появлялись печатные издания со сведениями о Петре Великом (почти исключительно на иностранных языках). На наш взгляд, это лишь почва для возникновения в будущем литературного жанра исторического анекдота. Время литературной переработки устных сообщений в исторические анекдоты наступило с известным запаздыванием по отношению к реальному событийному ряду: появление отдельных исторических анекдотов фиксируется во второй половине 1730-х годов. Первый сборник из 34 исторических анекдотов о Петре Великом Я. Штелин подготовил к 1744 году; второй состоял из 95 анекдотов, третий — из 110, и вышедшая из печати на немецком языке в 1785 году книга включала в себя 117 пронумерованных частей.

Несомненно, что, вопреки уверениям Штелина о простой записи им услышанного, его исторические анекдоты — это итог более чем 40-летней напряжённой литературской работы по отбору и переработке записанных им устных преданий в исторические анекдоты. Соответствующим образом следует подходить и к вопросу о ценности исторических анекдотов как исторического источника.

Жанр исторического анекдота в России XVIII столетия имел такую линию развития: во-первых, запись устных рассказов, преданий; во-вторых, переработка записанных устных свидетельств, отрывков из русских и иностранных книг, сочинение исторических анекдотов с учетом связанных с Петром Великим памятников (целый цикл анекдотов явно восходит к предметам, частично сохраняющимся поныне в Кунсткамере). Третий этап характеризуется выходом печатных сборников анекдотов о Петре Великом, начиная с публикации в 1785 году в Лейпциге на немецком языке анекдотов Штелина.

Литературный жанр исторического анекдота с этого времени быстро перемещается из рукописей на страницы печатных изданий. Ширится круг собирателей, сочинителей и переработчиков исторических анекдотов. Жанр исторического анекдота вступает в эпоху своего расцвета. Процесс имел начало за границей, он был открыт именно изданием книги анекдотов Я. фон Штелина. В том же 1785 году (!) жанр исторического анекдота буквально «прорвался» к слою образованных русских читателей в виде отечественных переводов и переизданий исторических анекдотов Я. Штелина (1785, 1786, 1787 гг. и др.). В 1796 и 1798 годах появляются из-

дания анекдотов о Петре Великом, собранных И. И. Голиковым [Голиков, 1796, 1798]. В 1798 году были опубликованы исторические анекдоты библиотекаря Академии наук О. П. Беляева [Беляев, 1798].

Источники и принятые сокращения

1. Беляев О. П. Дух Петра Великого, императора всероссийского, и соперника его Карла XII, короля шведского / О. П. Беляев. — Санкт-Петербург : при Императорской академии наук, 1798. — 250 с.
2. Берхгольц Ф. В. Дневник камер-юнкера Фридриха Вильгельма Берхгольца, 1721—1726 / Ф. В. Берхгольц. — Москва : Кучково поле, Ретроспектива, 2018. — 864 с.
3. Голиков И. И. Анекдоты, касающиеся до государя императора Петра Великого, собранные Иваном Голиковым / И. И. Голиков. — Москва : Университетская типография, у Ридигера и Клавдия, 1798. — 536 с.
4. Голиков И. И. Дополнение к Деяниям Петра Великого, содержащее анекдоты, касающиеся до сего великого государя / И. И. Голиков. — Москва : Университетская типография, 1796. — Том 17. — 464 с.
5. Избранные анекдоты придворного шута Балакирева, собранные из верных источников. — Москва : типография В. Кирилова, 1836. — 22 с.
6. Корберон М. -Д. Из записок / М. -Д. Корберон // Екатерина. Путь к власти. — Москва : Фонд Сергея Дубова, 2003. — С. 91—192.
7. Нартов А. А. Рассказы о Петре Великом (по авторской рукописи) / А. А. Нартов. — Санкт-Петербург : Историческая иллюстрация, 2001. — 160 с.
8. НИОР РГБ. — Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Колл. 68 (Генеральный штаб). Оп. 1. № 325. 260 л.
9. ОР РНБ. — Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 871 (Я. Я. Штелин). № 18, 283, 792, 1033.
10. ОР РНБ. — Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 885 (Эрмитажное собрание). № 364.
11. Порошин С. А. Записки, служащие к истории Его Императорского Высочества благоверного государя цесаревича и великого князя Павла Петровича / С. А. Порошин. — Москва : Кучково поле, 2015. — 592 с.
12. Походный журнал 1715 г. — Санкт-Петербург, 1855. — 80 с.
13. ЦГИА СПб. — Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 19 (Петроградская духовная консистория). Оп. 111. Д. 1.
14. Штелин Я. Подлинные анекдоты Петра Великого, слышанные из уст знатных особ в Москве и Санкт-Петербурге, изданные в свет Яковом фон Штелиным, а на российской язык переведенные к. Карлом Рембовским. — Москва : Вольная типография Пономарева, 1787. — 592 с.
15. Stählin J. Originalanekdoten von Peter dem Großen. Aus dem Munde angesehener Personen zu Moskau und Petersburg vernommen und der vergessenheit entrissen / J. Stählin. — Leipzig : J. G. I. Breitkopf, 1785. — Vol. 22. — 422 S.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кротов П. А. «Подлинные анекдоты о Петре Великом» Я. Штелина в переводе А. А. Нартова — неизвестный памятник русской словесности XVIII в. / П. А. Кротов //

Научный диалог. — 2020. — № 9. — С. 235—249. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-9-235—249.

2. Малиновский К. В. От составителя / К. В. Малиновский // Записки Якова Штели-на об изящных искусствах в России. — Москва : Искусство, 1990. — Том 1. — С. 7—15.

3. Мезин С. А. Анекдоты о Петре Великом как явление русской историогра-фии XVIII в. / С. А. Мезин // Историографический сборник. — 2002. — Вып. 20. — С. 18—54.

4. Моисеева Г. Н. Литературно-общественные движения 1730-х — начала 1760-х годов. Становление классицизма / Г. Н. Моисеева, Ю. В. Стенник // История русской литературы : в 4-х томах. — Ленинград : Наука, 1980. — Том 1. — С. 491—522.

5. Никанорова Е. К. Исторический анекдот в русской литературе XVIII века : анек-доты о Петре Великом / Е. К. Никанорова. — Новосибирск : Сибирский хронограф, 2001. — 376 с.

6. Смирнова Н. В. Подлинные анекдоты о Петре Великом Я. Я. Штели-на как ис-точник для изучения деятельности Петра I и его времени : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.09 / Н. В. Смирнова. — Москва, 2006. — 235 с.

MATERIAL RESOURCES

Belyaev, O. P. (1798). *Spirit of Peter the Great, Emperor of All Russia, and his rival Charles XII, King of Sweden*. St. Petersburg: at the Imperial Academy of Sci-ences. 250 p. (In Russ.).

Berkhgoitz, F. V. (2018). *Diary of the chamber-cadet Friedrich Wilhelm Berhgoitz, 1721—1726*. Moscow: Kuchkovo field, Retrospective. 864 p. (In Russ.).

Corberon, M. -D. (2003). From notes. In: *Ekaterina. The path to power*. Moscow: Sergei Dubov Foundation. 91—192. (In Russ.).

Golikov, I. I. (1796). *Supplement to the Acts of Peter the Great, containing anecdotes con-cerning the great sovereign, 17*. Moscow: University Printing House. 464 p. (In Russ.).

Golikov, I. I. (1798). *Anecdotes relating to the emperor Peter the Great, collected by Ivan Golikov*. Moscow: University Printing House, at Ridiger and Claudius. 536 p. (In Russ.).

Nartov, A. A. (2001). *Stories about Peter the Great (according to the author's manuscript)*. St. Petersburg: Historical illustration. 160 p. (In Russ.).

OR RNB. — *Department of Manuscripts of the Russian National Library*. F. 871 (J. Ya. Shtelin). (In Russ.).

OR RNB. — *Department of Manuscripts of the Russian National Library*. F. 885 (Hermitage collection). (In Russ.).

Poroshin, S. A. (2015). *Notes serving the history of His Imperial Highness, the faithful Tsarevich and Grand Duke Pavel Petrovich*. Moscow: Kuchkovo field. 592 p. (In Russ.).

Research and Development of the RSL — *Research Department of Manuscripts of the Rus-sian State Library*. Call. 68 (General Staff). (In Russ.).

Selected anecdotes of the court jester Balakirev, collected from reliable sources. (1836). Mos-cow: V. Kirilov's printing house. 22 p. (In Russ.).

Shtelin, J. (1787). *Genuine anecdotes of Peter the Great, heard from the mouths of noble persons in Moscow and St. Petersburg, published by Jacob von Shtelin, and*

translated into Russian by K. Karl Rembovsky. Moscow: free printing house of Ponomarev. 592 p. (In Russ.).

Stählin, J. (1785). Originalanekdoten von Peter dem Großen. Aus dem Munde angesehener Personen zu Moskau und Petersburg vernommen und der vergessenheit entris-sen, 22. Leipzig : J. G. I. Breitkopf. 422 S. (In Germ.).

Travel magazine 1715. (1855). St. Petersburg. 80 p. (In Russ.).

TsGIA SPb. — *Central State Historical Archive of St. Petersburg. F. 19 (Petrograd spiritual consistory). (In Russ.).*

REFERENCES

Krotov, P. A. (2020). “Genuine anecdotes about Peter the Great” by J. Shtelin, Translated by A. A. Nartov — an Unknown Monument of Russian Literature of 18th Century. *Nauchnyi dialog*, 9: 235—249. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-9-235-249. (In Russ.).

Malinovsky, K. V. (1990). From the compiler. In: *Notes of Yakov Shtelin on the fine arts in Russia, I. Moscow: Art. 7—15. (In Russ.).*

Mezin, S. A. (2002). Anecdotes about Peter the Great as a Phenomenon of Russian Historiography of the 18th Century. *Historiographic collection*, 20: 18—54. (In Russ.).

Moiseeva, G. N., Stennik, Yu. V. (1980). Literary and social movements of the 1730s — Early 1760s. The Formation of Classicism. In: *History of Russian Literature, 4/1. Leningrad: Nauka. 491—522*

Nikanorova, E. K. (2001). *Historical anecdote in Russian literature of the 18th century: anecdotes about Peter the Great. Novosibirsk: Siberian Chronograph. 376 p. (In Russ.).*

Smirnova, N. V. (2006). *Genuine anecdotes about Peter the Great by Ya. Ya. Shtelin as a source for studying the activities of Peter I and his time. PhD. Diss. Moscow. 235 p. (In Russ.).*

Чижов Н. С. Советский поэтический андеграунд в критическом и научном освещении (статья вторая) / Н. С. Чижов // Научный диалог. — 2021. — № 10. — С. 298—326. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-10-298-326.

Chizhov, N. S. (2021). Soviet Poetic Underground in Critical and Scientific Coverage (Article Two). *Nauchnyi dialog*, 10: 298-326. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-10-298-326. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-10-298-326

Советский поэтический андеграунд в критическом и научном освещении (статья вторая)

Чижов Николай Сергеевич
orcid.org/0000-0001-7636-0780
кандидат филологических наук
старший преподаватель
n.s.chizhov@utmn.ru

Тюменский
государственный университет
(Тюмень, Россия)

Благодарности:

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-112-50384 «Советский поэтический андеграунд в критическом и научном освещении»

Soviet Poetic Underground in Critical and Scientific Coverage (Article Two)

Nicolay S. Chizhov
orcid.org/0000-0001-7636-0780
PhD in Philology
Senior Lecturer
n.s.chizhov@utmn.ru

University of Tyumen
(Tyumen, Russia)

Acknowledgments:

The reported study was funded by RFBR, project number 20-112-50384 “Soviet poetic underground in critical and scientific coverage”

© Чижов Н. С., 2021

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Представлен обзор научно-критических работ, посвященных изучению советской неподцензурной поэзии как историко-литературного явления в целом и творчества ключевых ее персоналий, в частности. Актуальность работы обусловлена малоизученностью данного сегмента русской литературной критики XX века и необходимостью систематизации накопленного опыта оценки и интерпретации андеграундной поэтической культуры с целью выявления перспективных направлений дальнейшего ее научного освоения. В статье акцентировано внимание, во-первых, на оценке самиздастовской критикой творчества неподцензурных поэтов 1980-х годов. Охарактеризованы такие особенности их художественного письма, как культуроцентричность, имперсональность, автономность поэзии вследствие отказа от «аристотелевского мимесиса» и переориентации поэтического высказывания на «сам язык» и др. Во-вторых, рассмотрено формирование в научно-критическом дискурсе постмодернистской концепции развития русской литературы, в свете которой такие андеграундные стилевые течения, как «метареализм» и «концептуализм», представлены в качестве наиболее репрезентативных явлений поэтического постмодернизма. В-третьих, обозначено, что в литературоведении 2000—2010-х годов предложен ряд научных концепций, ограничивающих исследовательское поле применения постмодернистской теории к русской поэзии второй половины XX века («неомодернизм», «трансавангард», «постреализм»). В-четвертых, определяется, что освоение наследия советского поэтического андеграунда в современной науке о литературе происходит прежде всего с позиции системного изучения поэтики и аксиологии творчества nonconformistских поэтов и выявления генетических связей их поэзии с русской модернистской и авангардистской традицией начала XX века.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

An overview of scientific and critical works devoted to the study of Soviet uncensored poetry as a historical and literary phenomenon in general and the work of its key personalities, in particular is presented in the article. The relevance of the work is due to the lack of study of this segment of Russian literary criticism of the 20th century and the need to systematize the accumulated experience of evaluating and interpreting underground poetic culture in order to identify promising directions for its further scientific development. The article focuses, first, on the samizdat criticism of the uncensored poets of the 1980s. Such features of their artistic writing as culture-centricity, impersonality, autonomy of poetry due to the rejection of the “Aristotelian mimesis” and the reorientation of the poetic utterance to “the language itself”, etc. are characterized. Secondly, the author considers the formation in the scientific-critical discourse of the postmodernist concept of the development of Russian literature, in the light of which such underground style movements as “metarealism” and “conceptualism” are presented as the most representative phenomena of poetic postmodernism. Thirdly, it is indicated that in literary criticism of the 2000s-2010s, a number of scientific concepts were proposed that limit the research field of application of postmodern theory to Russian poetry of the second half of the 20th century (“neomodernism”, “transavant-garde”, “post-realism”). Fourth, it is determined that the development of the legacy of the Soviet poetic underground in modern literary science occurs primarily from the standpoint of a systematic study of the poetics and axiology of the work of nonconformist poets and the identification of the genetic links of their poetry with the Russian modernist and avant-garde tradition of the early 20th century.

Ключевые слова:

научный обзор; самиздат; неподцензурная поэзия; метареализм; концептуализм; постмодернизм; неомодернизм; трансавангард.

Key words:

scientific review; samizdat; uncensored poetry; meta-realism; conceptualism; postmodernism; neo-modernism; trans-avant-garde.

Советский поэтический андеграунд в критическом и научном освещении (статья вторая)

© Чижов Н. С., 2021

1. Введение

Основной целью нашего исследования, результаты которого излагаются в двух статьях, является научный обзор существующего дискурса о феномене советского поэтического андеграунда, его структурных и категориальных сторонах и особенностях. В первой статье были рассмотрены проблемы периодизации андеграундной поэзии, ее самоназвания и самосознания в литературно-критическом осмыслении, дано системное описание важнейших стратегий художественного развития и творческого поведения неконформистских поэтов в 1960—70-х годах.

Во второй статье в рецепции литературной критикой неподцензурной поэзии акцентированно выявляются основные тенденции творчества ее ключевых представителей в 1980-х годах, а также обозначаются научная рефлексия и развернувшиеся в 1990—2010-х годах дискуссии о роли и месте советского поэтического андеграунда в новейшей русской литературе.

2. Журнальная полемика по проблемам творчества неофициальных поэтов в контексте процесса плюрализации неподцензурной культуры

В 1980-х годах, наряду с концепцией «культурного движения», в неподцензурной поэзии получает развитие идея децентрализации и плюрализации культуры и общества [Эпштейн, 1988, с. 176]¹. Характерно, что на симпозиуме «Пути культуры 60—80-х годов» эта идея в процессе дискуссии была осмыслена Б. Ивановым как важнейшая характеристика 1980-х годов, обусловленная процессом формирования умения «относиться к различиям между людьми не как к непримиримым противоречиям, а как к богатству» [Иванов и др., 1986, с. 233]. Отметим, что одним из источников идеи плюрализма культуры и ее языка описания являются западные постструктуралистские учения, хорошо известные в неподцензурной среде [Эпштейн,

1 В более ранних публикациях Б. Иванов, преимущественно в 1970-х годах, подчеркивал неиерархичность культурного движения, отсутствие у него четко выраженной идеологии, открытость будущему, несхатологичность, стремление выйти в пространство мировой культуры. Данные характеристики призваны были обозначить важнейший этап свободного самовыражения андеграундных авторов в процессе обретения духовной и творческой идентичности.

2005, с. 183; Останин, 1988, с. 271]. В этом отношении показательна полемика, развернувшаяся в 32—33 номерах журнала «Транспонанс» (г. Ейск). В. Кривулин в интервью Д. Волчеку охарактеризовал творчество трансфуристов как сделанное «слишком или недостаточно плохо, чтобы выставлять» [Интервью ..., 1985]. Ры Никонова ответила следующим замечанием: «Можно сколько угодно повторять имена Деррида и Делеза, продолжая при этом мыслить в допотопных категориях» [Никонова и др., 1986, с. 94—95]. И дальше критик «Транспонанса» подчеркивает, что выражение «плохо сделано», применяемое В. Кривулиным к творческой продукции Никоновой и Сигея, «свидетельствует о господствующем в его сознании образе дерева, как необходимом основании механизма власти» [Там же]. Последнее указывает, по мнению Ры Никоновой, на наличие в ленинградской неподцензурной культуре словесного творчества «заградительных тенденций, и даже заградительной фразеологии, плавно соскользнувшей из официальной литературы <...> в неофициоз» [Никонова и др., 1986, с. 96]. Однако сам В. Кривулин, судя по представленным в самиздатовской периодике высказываниям, считал ситуацию идейного противостояния между различными литературными объединениями, отстаивающими «свои интересы как единственные», необходимым условием (по западному образцу) того, чтобы «жизнь в ее, так сказать, “броуновском движении”» стала «подлинной жизнью — цветением культуры» [Иванов и др., 1986, с. 220].

Обозначенные концепции и идеи, определяющие стратегии развития неофициальной культуры, получили в 1980-х годах реализацию в виде ряда общественных и творческих инициатив. Речь идет о публикации в издательстве «Советский писатель» (Ленинградское отделение) сборника нонконформистской прозы и поэзии «Круг» и об открытии в Ленинграде официальных творческих площадок «Клуб-81» и «ТЭИИ», в Москве клуба «Поэзия», где регулярно проводились дискуссии, семинары, конференции, выступления поэтов, джазовые и рок-н-рольные концерты, выставки современной живописи. По понятным причинам эти завоевания «культурного движения» сопровождались столкновением с бюрократической машиной советского государства, тормозящей процесс официальной регистрации и продвижения творческих инициатив [По материалам Регулярных ведомостей, 1985, с. 240—252].

На процесс плюрализации в 1980-х годах андеграундной словесности в форме ее критического осмысления вне границ исключительно локального существования указывает появление такого литературно-критического жанра в самиздатовской периодике, как рецензия в виде обзора нонконформистских журналов. Особое внимание в этих статьях, служив-

ших своеобразным «барометром» социогуманитарных процессов в андеграундной культуре, уделялось стихотворным подборкам и критическим статьям, посвященным ключевым персоналиям в ленинградской, московской и региональной поэзии. Например, в журнале «Транспонанс» было опубликовано больше всего таких обзоров, посвященных отдельным номерам следующих изданий: ленинградские «Грааль» [Никонова, 1984а, с. 121—154], «Обводной канал» [Никонова, 1984б, с. 155—186], «Часы» [Никонова, 1984г, с. 285—319], «Красный щедринец» [Никонова, 1986в, с. 83—86], свердловский «Номер» [Никонова, 1980, с. 55—57] и рижский «Зачем» [Никонова, 1986б, с. 88—92]. В свою очередь в «Часах» обзоревался двадцать пятый номер журнала «Транспонанс» [Фомин и др., 1985, с. 251—272], а также отдельные номера «Митина журнала» и «Вестника совета экологии культуры» [Абрамович, 1988, с. 255—266]. С той и другой стороны отмечались высокий уровень знания у поэтов и критиков русской и мировой литературы, большая эрудиция и способность к сложному теоретизированию. Основные претензии как ленинградских, так и ейских критиков относились к художественной практике поэтов, а именно к ее вторичности по отношению к предшествующей поэтической традиции (условно говоря, модернизму или авангарду), неспособности и нежеланию художников слова выйти из-под влияния последней, приверженности их «проверенным матрицам» [Никонова, 1984б, с. 159] версификации и текстопорождения. По этой причине А. Фомин и Т. Чудиновская предложили называть поэтов-трансфуристов «ретро-футуристами» [Фомин и др., 1985, с. 257], то есть теми, что строят поэтику своего творчества на основе опыта классического авангарда и используют разработанный более пятидесяти лет назад арсенал авангардистских приемов и техник. Такая оценка шла вразрез с представлениями Ры Никоновой и С. Сигея о собственных задачах художественного творчества, поскольку трансфуристы исходили из того, что любой поэт взаимодействует с традицией, но должен не эксплуатировать «изъезженную до дыр дорогу», а «пользоваться поэтическими конструкциями, едва намеченными в творчестве» разных поэтов, например, таких, «как Зданевич и Чичерин, Гнедов и Крученых, Хлебников и Туфанов, Вагинов и Терентьев и т. д.». В этом отношении они совершенно не были «против воскрешения символистов-акмеистов» в ленинградской поэзии, но только с учетом поиска в них «лакун, которые можно освоить» [Никонова, 1984б, с. 158].

Тенденциозность поэтической критики в «Часах» с акцентированием внимания на «несуществующих проблемах» [Б. Л., 1982, с. 224] отмечалась в полемическом обзоре ленинградской периодики на страницах журнала «Обводной канал» в 1982 году. Такой проблемой автор статьи считает

«религиозный ренессанс» в андеграундной культуре, поскольку, с его точки зрения, «если горстка интеллигентов и художников <...> вдруг обратилась к Богу Истинному, то это вовсе не дает оснований» [Б. Л., 1982, с. 231] для системных выводов и обобщений вне учета культурно-исторического развития русской литературы. Данная статья также интересна тем, что после нее в журнале опубликован комментарий редактора С. Стратановского. По мнению известного ленинградского поэта и издателя, «отсутствие воли к полемике, равнодушно-ироническое приятие (или неприятие, но без всяких культурных следствий) любого суждения, напечатанного на пишущей машинке, и создает ту стертую духовную атмосферу, которая грозит стать характерной чертой независимого культурного движения». Кроме того, отсутствие полемики, как видится им, «лишает культуру внутренней динамики, понижает ее интеллектуальный и художественный уровень» [От редакции, 1982, с. 232]¹.

3. Литературно-критическая рецепция неподцензурной поэзии 1980-х годов: новые горизонты художественного письма

С середины 1980-х годов в самиздатовской периодике также стал развиваться жанр дискуссии по проблемам современной поэзии в формате публичного группового обсуждения или эпистолярного взаимодействия участников. Под таким углом в журналах «Часы», «Митин журнал», «Обводной канал», «Транспонанс» рассматривались генезис и особенности поэтики творчества А. Драгомощенко [Кушев, 1982, с. 178—199], поэтов и прозаиков концептуализма Д. Пригова, Л. Рубинштейна [Переписка, 1982, с. 34—65], А. Бартова [Бутырин и др., с. 183—183, 145—157], поэта-метареалиста А. Парщикова [Споры о поэзии, 1987, с. 279—283.] и др. В данных обсуждениях обозначился разрыв между поэтической практикой и теорией оценки и интерпретации явлений в новейшей поэзии, базирующейся на установлении структурно-типологических закономерностей в русской поэтической культуре XIX—XX веков. Например, с точки зрения Ры Никоновой, концептуализм представляет собой «способ выражения, позволяющий сколлапсировать все художественные особенности какого-либо искусства до уровня схемы-идеи» [Никонова, 1983, с. 11]. Выявление

1 В соответствии с данным программным высказыванием С. Стратановский в восьмом номере «Обводного канала» в эпистолярной форме критически оценивает первый номер литературного тамиздатовского журнала «А-Я» в целом и представленную в нем прозу концептуалиста В. Сорокина, в частности: «Эстетическое кредо журнала декларировано в критических статьях, почти сплошь претенциозных и неумных. Критики наперебой внушают нам, что литература — это чистая игра, не имеющая ни-какого отношения ни к нравственности, ни к совести, ни к судьбе той нации, на языке которой писатель изъясняется» [Стратановский, 1985—86, с. 195].

технологической основы концептуального искусства в форме ключевого принципа-приема дало возможность критику определить его укорененность в авангардной традиции и сопоставить с «поэзотехникой» трансфуристов. С этой позиции поэт-футурист А. Чичерин воспринимается Ры Никоновой в качестве первого концептуалиста, который включает «подробнейшие разработки партитур своих романов в ткань самих романов» [Никонова, 1983, с. 13]. Однако, верно уловив генетическую связь с классическим авангардом, в том числе и на уровне отдельных приемов и технологий, Ры Никонова, по мнению Д. Пригова, не увидела, что концептуализм — «это прежде всего сознание языковое», втягивающее в «силовое поле» поэтического высказывания различные культурные языки. Причем каждый из них, отмечает Д. Пригов, «истинен в пределах своей аксиоматики». Соответственно если для трансфуристов, считает московский поэт, концепт выступает в качестве одного из приемов или суммы приемов, то для концептуалистов — одного из языков [Пригов, 1983, с. 95].

Остановимся еще на одном примере. Во время обсуждения поэмы А. Парщикова «Я жил на поле Полтавской битвы» Б. Иванов предложил рассматривать ее как явление модернистское, исполненное «самых различных стилевых ходов», в основе своей ориентированных на демонтаж ключевого события — «Полтавской битвы», насыщенного «культурным содержанием», с последующим собиранием нового мира «по принципу киндеркунст». Все это сложное построение, несмотря на очевидную «выразительность и чеканку», по мнению Б. Иванова, выглядит весьма эклектичным и оставляет «довольно смутное ощущение» [Споры о поэзии, 1987, с. 279—280]. На отсутствие цельности в поэме А. Парщикова в силу того, что в ней «нет конструктивного принципа, ее организующего», указывает еще один участник дискуссии, поэт С. Стратановский. Основными же конструктивными принципами лироэпического жанра в русской литературе он считает — повествовательность и симфонизм, не получившие выражения в произведении поэта-метареалиста [Споры о поэзии, 1987, с. 281].

Иную стратегию осмысления поэмы А. Парщикова предлагает поэт А. Драгомощенко. Он также отмечает разочарованность, даже раздраженность ленинградской читающей публики «ее “несвязностью”, “разорванностью” и произвольностью» [Споры о поэзии, 1987, с. 281]. Причину этого ленинградский поэт видит в том, что поэма «Я жил на поле Полтавской битвы» не строится по принципу «традиционной линейной структуры со всеми своими удобными сцеплениями, признаки которой как бы брезжат при первом знакомстве с текстом», не выражает привычные формы художественной репрезентации и соответствующие способы мышления и восприятия мира. Поэма представляет собой как в плане выраже-

ния, так и в плане содержания процесс разрушения их в сотворческом взаимодействии сознаний автора и читателя, обретающий формы сакрального (ритуального) расчленения, распремечивания «поля Полтавской битвы» как пространства Русской словесности — пространства «смерти и языко-рождения» [Споры о поэзии, 1987, с. 283]. Конечной целью представленной в поэме «космогонии», по мнению А. Драгомощенко, является воссоздание новых представлений об искусстве и мире, данных исключительно в горизонте языка, «новых описаний его механизмов и нового отношения к механизмам самого описания» [Споры о поэзии, 1987, с. 286]. Отсюда, с его позиции, барочная избыточность художественного языка, использование поэтом элементов научно-технической знаковости для «выделения новых признаков» [Споры о поэзии, 1987, с. 288] вещей, связей между ними, не опосредованных авторитетными или авторитарными моделями существования человека и культуры [Споры о поэзии, 1987, с. 283—284].

Неопосредованность проделанного А. Парщиковым «эксперимента» с известными представлениями о реальности, выраженными в грамматических конструкциях языка, указывает на разрушение автором характерных для традиционной поэзии связей художественного мира с миром объективной действительности. На данный феномен в московской андеграундной поэзии еще в 1970-х годах обратил внимание Б. Гройс. Он пришел к выводу, что читатель при восприятии произведений поэтов-концептуалистов «оказывается в полной растерянности при попытке соотнести с ними собственный “внелитературный” опыт» [Гройс, 1978, с. 55]. В результате, как считает философ, литература все больше становится автономной сферой «развития и функционирования языка» [Там же].

Обозначенная переориентация поэтического высказывания на «сам “язык”» и моделируемую им автономную реальность фиксировалась в других самиздатовских литературно-критических источниках в 1970—80-х годах [Иванов, 1981, с. 237; Кривулин, 1979а, с. 227; Таршис, 1981, с. 10; Эпштейн, 1988, с. 400; Споры о поэзии, 1986, с. 285—286]. При обсуждении ее генезиса обозначались авангард и западная поэтическая традиция. В частности, С. Стратановский рассматривал поэзию концептуализма в контексте поэтического «авангардизма», вступающего, в отличие от модернизма, в «схватку с мимесисом, с изображением действительности». Результатом отказа поэтов от «аристотелевского мимесиса» является актуализация самодостаточности литературного произведения, обращенного на самое себя, то есть на язык, и способного «быть частью природы», вне подражания ей, «частью жизни» как таковой [Стратановский, 1985, с. 295].

Все это, по мнению критиков, создавало возможность преодолеть традиционную для русской культуры установку словесного творчества на

выражение в произведении «особого высшего знания» [Суицидов, 1981, с. 216] и понимания самого поэтического высказывания как процесса, что «непосредственно воздействует на мир» [Кривулин, 1979б, с. 242]. С данным положением коррелируют два взаимосвязанных аспекта в художественной системе неподцензурной поэзии 1980-х годов. Первый — размывание границы (или, по крайней мере, фиксация ее относительности) между языком искусства, что «говорит о мире ином, о котором может сказать только он один» [Гройс, 1978, с. 64], и языком обыденности, выступающим традиционно в качестве профанного и непоэтического (поэзия «Лианозовской школы», трансфуристы и концептуалисты). Второй — «имперсональность» [Кобак и др., 1986, с. 334] поэтического высказывания, отказ от поэтики лирического героя, эмоционально-рефлексивного выражения интенции «поэта-пророка, громогласного оратора» [Кобак и др., 1986, с. 335].

В случае концептуализма имперсональность достигается изображением в поэтических текстах различных социальных и «культурных знаков, условных кодов» [Эпштейн, 1988, с. 145] и сохраняющейся в них памяти об исходных контекстах, которые выступают в некотором роде персонажами, которых сводит «в пределах одного действия» [Пригов, 1983, с. 96] поэт, словно драматург¹ или «составитель словаря» [Эпштейн, 1988, с. 159]. Поэты-трансфуристы лирический индивидуализм как основу традиционного поэтического языка растворяли в сумме приемов, манифестирующих различные способы текстопорождения с ориентацией на преемственность и развитие поэтики заумного языка, разработанного «тифлисскими авангардистами в 1918—20-х годах» [Никонова и др., 1983, с. 17].

Отмеченные особенности рельефно проявились на «левом краю» [Каломиров, 1982, с. 315] поэтической работы со словом, где происходит зарождение постмодернистской культуры, в основе которой «не трансляция скрытых от человека сил, не мистическое вдохновение, но лишь оперирование с образцами, заимствованными из традиций» [Барабанов, 1988, URL]. Но и в андеграундной московской и ленинградской поэзии 1980-х годов, не склонной к авангардистским экспериментам, критика отмечала отход авторов от личного самовыражения [Кривулин, 1979б, с. 252; Бережнов, 1983—84; с. 274; Кобак и др., 1986, с. 333], сдержанность «субъективной экспрессии в настроениях», тяготение «к объективной пластике формы» [Эпштейн, 1988, с. 149]. Причины этого виделись в замедленности самого хода времени 1970—80-х годов, лишенного в условиях застойных

1 М. Н. Эпштейн подчеркивал, что в мире объектов произведений концептуалистов сам «субъект, со всей своей шемящей экзистенциальной тоской, тоже попадает в ряд объектов» [Эпштейн, 1988, с. 155].

процессов в культуре и обществе системообразующего «жизненного обстоятельства», «осевого события» (например, война, «оттепель», противостояние власти), когда «ценности возникали и проверялись в горниле экзистенциальных испытаний, требований — в пределе — проявлений героизма» [Кобак и др., 1986, с. 332]. В результате на первый план выходят такие ценности и формы творческого поведения, как неторопливость, «постепенность, осторожность, надежность, вдумчивость», готовность «вникать в медленное течение жизни, ее трудно зреющий смысл» [Там же, с. 336]¹.

И. Кобак и Б. Останин в резонансной статье «Молния и Радуга» охарактеризовали радужное (соборное) своеобразие 1980-х годов, по сравнению с эмоционально-импульсивными, утопичными, эсхатологичными и молниеносными 1960-ми, с точки зрения господства интеллектуальных тенденций в поэзии. Поэта в 1980-х годах, — фиксируют они, — не увлекают ни «социальный и психологический бунт», ни пророческая миссия поэзии, ни перспектива ранней насильственной смерти за идеалы свободы, личностной и творческой реализации: «Поэт обозревает поле культуры и организует увиденное в композицию» [Кобак и др., 1986, с. 335]. Не случайно М. Эпштейн в качестве общей художественной идеи для всех «стилевых течений» в последнем десятилетии истории советской поэзии предлагает считать «идею культуры». Областью поэтического освоения становится не действительность, — обосновывает М. Эпштейн, — а такая «мощная система», объединяющая все ее стороны, «как культура», что «заново отражается и осмысливается поэзией, уже в претворенном виде» [Эпштейн, 1988, с. 143]. Исследователем выделяются две противоположные стратегии в новейшей поэзии по взаимодействию с культурой, образующие границы (полюсы) ее семиотического и стилового разнообразия: концептуализм и метареализм. Если первая нацелена на «важную работу по расчистке культуры и отсоединению ее мертвых, клишеобразных, китчевых слоев», то вторая направлена на раскрытие взаимосвязи различных пластов культуры, ее сложной структуры, архетипической глубины, просвечивающейся «сквозь быт и повседневность, слитых с органическими состояниями души и природы» [Эпштейн, 1988, с. 145].

Немаловажным фактором, как считает М. Эпштейн, культуроцентричной ориентации новейшей поэзии является возросший уровень гуманитарных исследований 1970—80-х годов, «в частности, идея Бахтина о том, что сущность культуры живет на границе с другими культурами — идея, нашедшая многостороннее подтверждение и развитие в работах Ю. Лотмана, С. Аверинцева, В. Иванова, В. Топорова» [Эпштейн, 1988, с. 149—150] и

1 С идентичных позиций рассматривал феномен «новой поэзии» 1980-х годов М. Н. Эпштейн, ср.: [Эпштейн, 1988, с. 140].

др.¹ Наконец, нужно отметить, что понимание самоценности и автономности искусства как сферы творческой реализации и самоидентификации художника слова также осмысливается в 1980-х годах в контексте чисто развлекательной функции литературы: «Мы уже давно забыли, как выглядят стихи ни для чего, ни о чем, стихи ради самих стихов, стихи, которые пишутся не за тем, чтобы исправить мир или же в чем-то убедить противника» [Иванов и др., 1986, с. 285].

Таким образом, к концу 1980-х годов андеграундная культура поэтического слова представляла собой сложное разнородное явление, включающее в свой состав различные художественные практики, стилевые течения, школы и использующее развитый инструментарий их оценки и интерпретации, сформировавшийся на базе разветвленной системы самиздатовской периодики. Как справедливо отметил М. Эпштейн, обращенность поэзии на самое себя и способность очищаться через саморефлексию в форме концептуальных практик указывает на высокий уровень ее самосознания и развития [Эпштейн, 1988, с. 158].

4. Советская андеграундная поэзия 1980-х годов в «интерьере» постмодернизма

Характерно, что для описания явлений в новейшей поэзии неофициальной критикой использовался либо традиционный понятийно-категориальный аппарат, типологически обозначающий историко-литературные направления, стилевые процессы и закономерности в XX веке (реализм, модернизм, авангардизм, пассаизм [Колкер, 1981, с. 268—273], метафоризм)²,

- 1 В этом отношении интересны наблюдения критиков над динамикой понятийно-категориального аппарата поэтики словесного творчества: в 1970-х годах на смену понятиям «стихи» [Кривулин, 1979б, с. 252] и «ситуация» [Кобак и др., 1986, с. 348] приходят понятия «текст» [Кривулин, 1979б, с. 252] и «структура» [Кобак и др., 1986, с. 348], обусловленные влиянием структурно-семиотического направления на все сферы научной и творческой деятельности [Иванов, 1976]. В 1980-е годы литературное произведение все чаще именуется вещью, а творческая работа — письмом. Это указывает, с одной стороны, на актуализацию открытий авангардистской культуры (в том числе в исследованиях В. Альфонсова, И. Смирнова, Н. Харджиева и других советских литературоведов) в 1980-х годах, ориентированной на создание вещей с точки зрения синтеза словесного и изобразительного видов искусства, а с другой стороны, на формирование методологического аппарата литературной критики под отчетливым влиянием западного структурализма и постструктурализма (Р. Барт, Ж. Деррида, М. Фуко) [Эпштейн, 1988, с. 173; Споры о поэзии, 1987, с. 291; Драгомощенко, 1989].
- 2 В советском литературоведении общепринятым было «называть модернизмом все то, что нельзя отнести к реализму, в результате в свалке под этой вывеской оказываются явления, противоположные и даже враждебные друг другу» [Стратановский, 1986, с. 293]. При этом академическое научное сообщество, осознавая искусственные лакуны в истории русской литературы XX века, пыталось через различные механизмы и доступные ухищрения научной рефлексии, позволяющие обойти принятые в официальном режиме идеологические стандарты, привлечь к хотя бы частичному и ракурсному исследованию

либо вводились новые понятия, в том числе по аналогии с известными в отечественном и западном литературоведении образцами: концептуализм, презентализм, метареализм, трансфуризм, иронизм, конкретизм [Лимонов, 1977, с. 43—46], «медный век» [Бетаки, 1977, с. 177] или «бронзовый век» [Лён, 1984, с. 43—46] русской литературы и др. Представленные данными понятиями стилевые течения в неподцензурной поэзии 1970—80-х годов еще не осмыслились с точки зрения развивающейся на Западе во второй половине XX века постмодернистской культуры и соответствующей методологии ее исследования, хотя и фиксировались их отличительные особенности на фоне общепринятых представлений о поэтике модернизма и авангарда¹. Прямая корреляция с постмодернизмом наблюдается в исследовании Б. Гройсом актуальных художественных практик в живописи и поэзии, атрибутированных аналитиком как московский «концептуализм» [Гройс, 1978, с. 50]: он использовал термин, заимствованный из западного искусствоведения².

ранее опускаемый материал о модернистской и авангардной культуре начала XX века. Можно выделить следующие научно-исследовательские ракурсы и проблемы в неклассической поэзии, рассматривавшиеся советской академической наукой и получившие преобладающую рефлексию в постсоветском литературоведении: «поэтический язык» («мотивы» и «образы») [Кожевникова, 1986], «звуковая организация текста» и «идиостиль» [Очерки истории языка, 1990, 1995], стиховедческое исследование языковых массивов через категории «метрика», «ритмика», «строфика» [Гаспаров, 1974] и др. Вниманием и влиянием пользовались внутри страны и публикации о феноменах неклассической поэтической культуры начала XX века, выходившие в западных славистских журналах типа «Russian Literature» [Левчин и др., 1974, с. 47—82],

- 1 Показательно, что С. Стратановский рассматривает творчество Д. Пригова и Л. Рубинштейна в контексте авангардистского игрового художественного сознания и «борьбы с мимесисом». Но опасность игрового сознания, по мнению С. Стратановского, заключается в том, что оно не имеет «иммунитета к злу, к “темному” началу» и поэтому «ока-зывается в опасной близости к сознанию циническому», как в случае Д. Пригова, спародировавшего «Розу мира» Д. Андреева в своих «Добавлениях» [Стратановский, 1986, с. 298—299]. М. Эпштейн в работах середины 1980-х годов, характеризует поэтику концептуализма и стоящего за ним художественного сознания, усматривает его укорененность не в западном авангарде, а в национальной литературной традиции: «из этого вот гнилого петербургского тумана и “навязчивой грезы” Достоевского» [Эпштейн, 2000, с. 119]. С. Сигей при анализе «Нового Антракта: программа работ» и «35 страниц» Л. Рубинштейна с точки зрения авангардистской методологии отмечает «оманитивность творческого процесса» московского автора, его энтропийность: «Литература умирает, автору это забавно, читателю — нет». Но в отличие от «прежних авангардистов», которые за «смертью искусства <...> непременно провозглашали здравницу искусству новому» как реализацию «идеи смерти-обновления», Л. Рубинштейн, по мнению поэта-трансфуриста, фиксирует «смерть искусства» не декларируемую, а фактическую [Сигей, 1982, с. 55—56].
- 2 Неслучайно М. Н. Эпштейн в книге «Постмодерн в России» (2000) разместил манифесты актуальной поэзии 1980-х годов с предупреждением: «Понятие “постмодернизм” в этих текстах не употребляется, это еще раз свидетельствует о том, что соответствующие движения и их программы возникали в российской словесности до того, как к ним была приложена западная модель и терминология» [Эпштейн, 2000, с. 106].

При этом нужно заметить, что, согласно А. А. Житеневу, в более широком «контексте изучения русской литературы», учитывающем публикации в зарубежной русской периодике, «слово “постмодернизм” как инструмент описания литературной ситуации появилось в середине 1980-х годов». Но изначально, как указывает исследователь, оно рассматривалось в качестве включенного «в ряд конкурирующих словообозначений» [Житенев, 2012, с. 7]. К последним относятся «трансавангард» [Алексеев, 1990, с. 102—110] и «постнигилизм» [Горичева, 1986, с. 84—97; Горичева, 1990, с. 38].

С начала 1990-х годов понятие «постмодернизм» и постструктуралистские подходы к оценке и интерпретации литературных произведений начинают применяться к русской поэзии. Литературно-критическая и научная рецепция была направлена преимущественно на поэзию концептуализма (или соц-арта¹) как наиболее репрезентативное стилевое течение в русском постмодернизме [Постникова, 1995]. Ближайшими предшественниками московских концептуалистов считались поэты-конкретисты [Васильев, 1999, с. 233], входящие в состав «Лианозовской школы» (прежде всего В. Некрасов, И. Холин): «Конкретизм 50—60-х стал общей основой послевоенной левой поэзии — поп-арта, соц-арта, концептуализма. Все это варианты “предметного” отношения к слову, различающиеся не столько по методу, сколько по материалу» [Кулаков, 1999, с. 106]. Критики и исследователи отмечают направленность концептуализма на сложную работу по демифологизации и деконструкции авторитетных (авторитарных и властных) социальных и культурных языков и стоящей за ними структуры сознания, представлений о мире и человеке [Лейдерман и др., 2003, т. 2, с. 423; Липовецкий, 2008, с. 66; Курицын, 2000; Васильев, 1999, с. 234; Эпштейн, 2000, с. 6], выявляя его нацеленность на метаописание собственной художественной практики [Берг, 2000, с. 86; Эпштейн, 1988, с. 158; Лейдерман и др., 2003, с. 429] и деиндивидуализацию художественного высказывания [Богданова, 2004, с. 33; Лейдерман и др., 2003, т. 2, с. 429; Курицын, 2000; Васильев, 1999, с. 235]. Однако, «расшищая идеологические завалы языка», лишая его дискурсивной власти над сознанием человека и возможности симулятивного обесценивания реальности, концептуалисты, как обосновывают исследователи литературного постмодернизма, открывают зияющую пустоту [Эпштейн, 1994, с. 58] либо, в формулировке

1 В постсоветской критике и литературоведении 1990—2000-х годов происходило сближение понятий «концептуализм» и «соц-арт», вплоть до полного их отождествления [Лейдерман и др., 2003, т. 2, с. 423], когда второй воспринимался как вариант первого, поскольку апеллировал только «к языку советской культуры» [Курицын, 2000]. Сами же поэты-концептуалисты отмечали, что они либо работают с различными культурными языками, либо вычлениют в «языке его разные пласты» [Пригов, 1983, с. 96].

М. Н. Липовецкого, выходят «непосредственно к мифологическому хаосу, принципиально не поддающемуся артикуляции, оставляющему лист бумаги белым». В этом игровом хаосе автор-творец должен, в соответствии с концепциями «смерти автора» (Р. Барт) и «децентрализации субъекта» (М. Фуко), раствориться и исчезнуть, «отказавшись от первоначальной “нераздельной и неслиянной” позиции по отношению к абсурду дискурса» [Липовецкий, 1997, с. 272—273].

Здесь фиксируется принципиальное отличие постмодернизма от авангарда, в котором воплощается «утопическая вера в то, что письмо, вобравшее в себя страшную подлинность смерти, способно выйти к “самостоятельному существованию”, к неподдельности культуры и жизни» [Липовецкий, 1997, с. 269]. Кроме того, как показал М. Эпштейн, постмодернизм, разрушая всякую иерархию, противопоставляет «авангардистскому вызову традиции» сосуществование «разных культурных моделей и канонов, самоценных, самодостаточных и несводимых друг другу» [Эпштейн, 2000, с. 5]. В то же время для научно-критических работ 1990—2000-х годов характерна актуализация генетической связи концептуализма с авангардистской традицией [Васильев, 1999, с. 233—263; Константинова, 2007, с. 83—85; Казарина, 2005, с. 320—424], однако уже осмысленной в «интерьере постмодернизма» [Васильев, 1999, с. 3; Айзенберг, 2005, с. 147; Руднев, 1999, с. 137; Зайцев, 2004, с. 403].

Вслед за М. Эпштейном в контекст постмодернистской словесности постсоветской критикой и литературоведением встраивается и метареализм (или метаметафоризм [Кедров] и необарокко [Лейдерман и др., 2003, т. 2, с. 451]), составляющий с концептуализмом дихотомическую пару¹. В 1990 — начале 2000-х годов практически не было ни одного учебного пособия о современной поэтической культуре и специального исследования, посвященного этой проблеме, не рассматривающего связку «метареализм-концептуализм» в составе ядерной структуры русского литературного постмодернизма [Малышева, 1996, с. 133—165; Багрецов, 2005, с. 20—67; Шайтанов, 2007, с. 85—110; Князева, 2000, с. 15—16; Лейдерман и др., 2003, т. 2, с. 422—466]. Зачастую последний становился мерилom всех процессов в словесном творчестве конца XX — начала XXI веков, под ко-

1 Заметим, что М. Н. Эпштейн, изначально будучи представителем московской литературной критики, создавал модель новейшей русской поэзии на основе творчества столичных неофициальных художников слова и соответственно выражал тенденции в поэтике и эстетике преимущественно этого территориального сегмента в русской литературе. Хотя и очевидно, что он с самого начала ставил задачу проецирования своего опыта рефлексии на сферу всей русской поэзии последней трети XX века, включив в «Каталог новых поэзий» творчество А. Драгомощенко, Е. Шварц, В. Кривулина [Эпштейн, 2005, с. 192—196].

торое подвергались все остальные художественные практики; в других случаях они выносились за границы научной рефлексии¹.

5. Методологические векторы исследования советского поэтического андеграунда в науке о литературе 2000—2010-х годов

В последние два десятилетия в литературоведении наблюдается процесс переосмысления методологических установок, предложенных теоретиками постмодернизма в отношении рассматриваемого периода в русской литературе². Поэзию метареализма и ленинградского литературного андеграунда специалисты всё чаще относят к модернистской ветви художественного развития в XX веке с характерным для них мифотворчеством, катастрофическим мироощущением и системообразующей связью с традицией Серебряного века [Рыбальченко, 2004, с. 208—209; Темиришина, 2012; Верина, 2019, с. 3—4; Русская поэзия Сибири, 2017; Сурикова, 2013; Плеханова, 2007; Дашевская, 2005, с. 106—127; Северская, 1995, с. 541—557]³. Показательно, что на конференции «“Вторая культура”. Неофициальная поэзия Ленинграда в 1970—1980-е годы» (2013) обсуждалось «предположение», что творчество поэтов советского андеграунда «предстает своего рода “мета-поэзией”, филологической поэзией, вновь

- 1 Обзор российских и европейских вузовских учебных пособий 2000—2010-х годов представлен в работах М. Рутц (Трир) и Ю. Орлицкого [Орлицкий, 2003]. Исследователь из Германии отмечает «неполноту и крайнюю противоречивость представленных картин современной поэзии» [Рутц (Трир), 2013, с. 47] в рассмотренных учебниках, зачастую ограниченных либо повышенным «интересом к постмодернизму», либо, наоборот, его презентацией в качестве «маргинального, малозначительного течения» [Рутц (Трир), 2013, с. 46].
- 2 Немаловажную роль в поддержке и сопровождении этого процесса в 2000—2010 годах играли проектные литературные институции, стимулирующие активность научно-исследовательских инициатив по изучению наследия андеграундной поэзии второй половины XX века. К ним относятся прежде всего такие толстые журналы поэзии и критики, как «НЛО», «Арион», «Воздух» и др., издательства, в том числе открытые при этих журналах, ориентированные на публикацию исследований в области современной гуманитарной аналитики [Кулаков, 1999; Самиздат Ленинграда, 2003; Берг, 2000; Неканонический классик, 2010], и различного уровня литературные премии, продолжающие традиции культуртрегерства в сам- и тамиздате (Премия Андрея Белого и Премия имени В. И. Даля [Карабчиевский, 1985]: «Поэт», «Антибукер» и др. Кроме того, отдельно хотелось бы отметить вклад европейских и североамериканских славистов в сохранение наследия и научное освоение советского поэтического андеграунда [Samizdat Journals ..., Sabbatini, 2008; Имидж ..., 2013; Вторая культура, 2013].
- 3 Собственно, возможность такой интерпретации была заложена в работах ведущих аналитиков литературного постмодернизма: М. Н. Липовецкий подчеркивал близость «необарокко» к «высокому модернизму» [Липовецкий, 2003, т. 2, с. 425], а И. С. Скоропанова отмечала, что «попытка синтеза различных культурных контекстов с целью создания своей собственной духовной реальности<...> приводит к появлению позднемодернистских произведений» [Скоропанова, 2007, с. 222].

актуализирующей культурные ценности “классического” модернизма» [Жаккар и др., 2013, с. 4].

На попытку пересмотра векторов развития новейшей русской словесности указывают такие понятия, как «постреализм» [Лейдерман и др., 2003, т. 2, с. 583], «новый реализм», «трансавангард» [Ермолин, 2011, с. 12], «трансметареализм» [Иванова, 1998], обозначающие стратегию художественного творчества в 1980—90-х годах, ориентированную на синтез и зоны мутации различных литературных направлений XX века (реализм, модернизм, постмодернизм). Заметим, что в синонимичных понятиях «постреализм», «новый реализм» фиксируется прежде всего ценностная альтернативность постмодернизму с позиции «системы художественного мышления», постулирующей «восстановление космоса <...> из хаоса», возвращение к «конкретному измерению личности» [Лейдерман и др., т. 1, 2003, с. 587—588]. Тогда как понятие «трансавангард», по мысли Е. А. Ермолина, обозначает «поставангардную» парадигму в русской литературе и включает постмодернизм в качестве ее маргинального явления, частного случая «(релятивно-игровая версия)» [Ермолин, 2011, с. 12—13].

А. А. Житенев, исследуя этапы становления неклассического художественного сознания в русской словесной культуре, также обосновывает ограниченность возможностей концепции постмодернизма для описания творческого опыта русских поэтов 1960—2000-х годов (в том числе и концептуалистов). Он предлагает для их родового обозначения использовать термин *неомодернизм*, смысловой потенциал которого включает «принципиальный отказ от “финализма”, от всех “готовых” форм самоидентификации и художественной практики». В поэзии неомодернизма, как показывает А. А. Житенев, «нелинейность высказывания» связана не с «фрагментарностью мира», что выражает «распад сознания» в постмодернистской интерпретации, а с «идеей его многомерности» [Житенев, 2012, с. 467—468]. В этом плане изучение в творчестве неподцензурных поэтов стратегий новой целостности, поиска тотальности, связанности «всех предметов, составляющих наш мир, друг с другом» [Корчагин, 2020, с. 8], становится актуальным методологическим ракурсом в современной критике и литературоведении.

Разработанные основания и аналитический инструментарий научно-го изучения андеграундной поэзии, а также сформировавшийся консенсус в рамках предложенных понятий дали возможность перейти к системному исследованию поэтики и аксиологии творчества отдельных авторов, определению интертекстуальных связей и основного контекста их поэзии: [Орлицкий, 2020, с. 577—973; Ямпольский, 2015; Медведева, 2007;

Скворцов, 2011; Двойнишникова, 2011; Воронцова, 2013; Бокарев, 2013; Рухлов, 2019; Панкратова, 2019; Чижов, 2017; Меркулова, 2017] и др.

6. Заключение

Систематизация представлений о новейшей русской поэзии 1980-х годов в неподцензурной критике позволила выделить ряд тенденций. Первая связана с концепцией децентрализации культурного пространства, плюральности позиций ее основных участников, отстаивание последних в условиях конкурентного противостояния и сотрудничества как необходимых факторов расцвета искусства в многообразии форм и средств. В этом плане обращение самиздатовской критики в 1980-х годах к жанру рецензии-обзора нонконформистских журналов высветило наличие в андеграундной культуре не только различных литературно-критических точек зрения, но и школ, идейно противостоящих друг другу, в том числе и внутри одной литературной традиции. Например, Ры Никонова в журнале «Транспонанс» неоднократно подчеркивала неспособность ленинградских поэтов выйти из-под парадигматического влияния традиции Серебряного века с точки зрения использования ими проверенных моделей версификации и тексто-рождения.

Вторая обусловлена тем, что в 1980-х годах поэзия все больше становится культуроцентричной, то есть ориентированной не на постижение различных сторон и проявлений действительности, но на ценностное и эстетическое осмысление культуры во всей протяженности и многообразии. Важнейшими формами выражения такой ориентации являются автономность поэзии, преодоление аристотелевского мимесиса, имперсональность, отказ от поэтики лирического героя, понимание произведения как поля взаимодействия и деконструкции различных социальных и культурных языков, метареалистическое постижение глубинных пластов культуры и архетипических ее оснований и др. Все это указывает на то, что русская андеграундная поэзия к концу 1980-х годов вышла на новый уровень своего развития, смогла преодолеть деструктивные тенденции, характерные для 1960-х годов, восстановить связь с традицией Серебряного века и в то же время выработать новые основания художественного письма, соответствующие модернизационным процессам в позднесоветской и постсоветской культуре и обществе.

Для их изучения в 1990—2010-х годах литературоведением был предложен ряд научных концепций, сформирован понятийный аппарат и наработан арсенал научно-исследовательских подходов. Во-первых, стала очевидна глубинная связь андеграундной поэзии с предшествующей модернистской и авангардистской культурой художественного слова. Ее

актуализация на уровне исследования отдельных элементов поэтики стихотворных текстов и аксиологии творчества ключевых персоналий неконформистской поэзии с выходом к широкому культурно-историческому контексту XIX—XX веков, начатая еще в рамках советского академического литературоведения, была продолжена в 1990—2010-х годах. Во-вторых, в первое постсоветское десятилетие активно применялись в исследовательской практике постмодернистская концепция развития современной литературы и постструктуралистские подходы к ее научному описанию. В свете постмодернистского проекта предпринималась попытка создания модели русской поэтической культуры последней трети XX — начала XXI веков со связкой «метареализм — концептуализм» как центра ядерной структуры. В-третьих, последние два десятилетия наблюдается тенденция к пересмотру означенных подходов и установок, определяющаяся общей направленностью гуманитарной науки на поиск «горизонтов преодоления» [Павлов, 2019, с. 7; Метамоде́рнизм, 2020] или ограничения поля исследовательского применения теории постмодернизма к русской культуре. Прямым следствием этого стало появление в отечественной науке о литературе таких альтернативных «постмодернизму» понятий, как «неомодернизм», «трансавангард» и «постреализм».

ЛИТЕРАТУРА

1. «Вторая культура». Неофициальная поэзия Ленинграда в 1970—1980-е годы : материалы международной конференции (Женева, 1—3 марта 2012 г.) / сост. и науч. ред. Ж.-Ф. Жаккар, В. Фридли, Й. Херльт. — Санкт-Петербург : Росток, 2013. — 479 с.
2. *Абрамович О.* Митин журнал; Вестник Совета по экологии культуры (обзор) / О. Абрамович // Часы. — 1988. — № 73. — С. 256—266.
3. *Алексеев Н.* Молчаливый кенозис / Н. Алексеев // Беседа. — 1990. — № 8. — С. 102—110.
4. *Б. Л.* Нечто о русской критике и публицистике начала 80-х годов XX века / Л. Б. // Обводной канал. — 1982. — № 3. — С. 224—232.
5. *Багрецов Д. Н.* Тимур Кибиров : интертекст и творческая индивидуальность / Д. Н. Багрецов. — Екатеринбург : Уральский университет, 2005. — 176 с.
6. *Барабанов В. Е.* Модернизм, авангардизм и постмодернизм [Электронный ресурс] / В. Е. Барабанов // Митин журнал. — 1988. — № 20. — Режим доступа: http://kolonna.mitin.com/archive/mj_20/barabanov.shtml (дата обращения: 08.08.2021).
7. *Берг М.* Литературократия. Проблема присвоения и перераспределения власти в литературе / М. Берг. — Москва : Новое литературное обозрение, 2000. — 352 с.
8. *Бережнов А.* В час тоски невыразимой... (И. Жданов. Портрет. Москва, 1982) / А. Бережнов // Обводной канал. — 1983/84. — № 5. — С. 272—279.
9. *Бетаки В.* Три спора. О поэзии Ивана Елагина / В. Бетаки // Грани. — 1977. — № 103. — С. 176—198.
10. *Богданова О. В.* Постмодернизм в контексте современной русской литературы (60—90-е годы XX века — начало XXI века) / О. В. Богданова. — Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский государственный университет, 2004. — 715 с.

11. *Бокарев А. С.* Творчество поэтов группы «Московское время» в контексте русской литературы 1970—1980-х годов: диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / А. С. Бокарев. — Ярославль, 2013. — 237 с.
12. *Бутырин К.* Разговор о творчестве Бартова / К. Бутырин, В. Кривулин // Обводной канал. — 1983/84. — № 5. — С. 145—157.
13. *Васильев И. Е.* Русский поэтический авангард XX века / И. Е. Васильев. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2000. — 320 с.
14. *Верина У. Ю.* Обновление жанровой системы русской поэзии конца XX — начала XXI в. : автореферат диссертации ... доктора филологических наук : 10.01.01 / У. Ю. Верина. — Екатеринбург, 2019. — 40 с.
15. *Воронцова К. В.* Модели пространства в поэзии Е. Шварц : автореферат диссертации ... доктора филологических наук : 10.01.01 / К. В. Воронцова. — Волгоград, 2013. — 24 с.
16. *Гаспаров М. Л.* Современный русский стих / М. Л. Гаспаров. — Москва : Наука, 1974. — 487 с.
17. *Горичева Т.* Эпоха постнигилизма / Т. Горичева // Беседа. — 1986. — № 4. — С. 84—97.
18. *Горичева Т. М.* Православие и постмодернизм / Т. М. Горичева. — Ленинград : Изд-во Ленинградского ун-та, 1991. — 67 с.
19. *Гройс Б.* Московский романтический концептуализм / Б. Гройс // Журнал «37». — 1978. — № 15. — С. 50—66.
20. *Дашевская О. А.* Мифотворчество В. Соловьева и «соловьевский текст» в поэзии XX века / О. А. Дашевская; под общ. ред. В. А. Суханова. — Томск : Изд-во Томского ун-та, 2005. — 150 с.
21. *Двойнишникова М. П.* Система жанров лирики Генриха Сапгира: специфика и поэтика: диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / М. П. Двойнишникова. — Самара, 2011. — 199 с.
22. *Драгомощенко А.* Белая премия. (Речь при вручении премии им. А. Белого Ивану Жданову) [Электронный ресурс] / А. Драгомощенко // Митин журнал. — 1989. — № 25. — Режим доступа: <http://kolonna.mitin.com/archive/mj25/dragomosh.shtml> (дата обращения: 08.08.2021).
23. *Ермолин Е. А.* Трансавангард как парадигма современной литературы / Е. А. Ермолин // Филологический класс. — 2011. — № 25. — С. 12—14.
24. *Жаккар Ж.-Ф.* Вместо предисловия / Ж.-Ф. Жаккар, В. Фридли, Й. Херльт // «Вторая культура» Неофициальная поэзия Ленинграда в 1970—1980-е годы : материалы международной конференции (Женева, 1—3 марта 2012 г.). — Санкт-Петербург : Росток, 2013. — С. 3—6.
25. *Житенев А. А.* Поэзия неомодернизма / А. А. Житенев. — Санкт-Петербург : ИНАПРЕСС, 2012. — 480 с.
26. *Зайцев В. А.* Поэзия середины 1980—90-х годов : учебник / В. А. Зайцев, А. П. Герасименко // История русской литературы второй половины XX века. — Москва : Высшая школа, 2004. — С. 384—419.
27. *Иванов Б.* Реализм и личность / Б. Иванов // Часы. — 1981. — № 32. — С. 208—240.
28. *Иванов В. В.* Очерки по истории семиотики в СССР / В. В. Иванов. — Москва : Наука, 1976. — 302 с.

29. *Иванова Н.* Преодолевшие постмодернизм [Электронный ресурс] / Н. Иванова // Знамья. — 1998. — № 4. — Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/znamia/1998/4/preodelevshie-postmodernizm.html> (дата обращения: 08.08.2021).
30. *Имидж, диалог, эксперимент* — поля современной русской поэзии : сборник научных работ / под ред. Х. Шталь, М. Рутц. — München, 2013. — 600 с.
31. *Интервью с Виктором Кривулиным* [Электронный ресурс] / записал Д. Волчек // Митин журнал. — 1985. — № 6. — Режим доступа: <http://kolonna.mitin.com/archive/mj06/krivulin.shtml> (дата обращения: 08.08.2021).
32. *Казарина Т. В.* Три эпохи русского литературного авангарда (эволюция эстетических принципов) : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / Т. В. Казарина. — Самара, 2005. — 455 с.
33. *Каломиров А.* Вечер московских поэтов в Клубе-81 / А. Каломиров // Часы. — 1982. — № 36. — С. 314—316.
34. *Карабчиевский Ю. А.* Воскресение Маяковского / Ю. А. Карабчиевский. — München : Страна и мир, 1985. — 280 с.
35. *Кедров К.* Метаметафора [Электронный ресурс] / К. Кедров. — Режим доступа: <http://ru.wikisource.org/wiki> (дата обращения: 08.08.2021).
36. *Князева Е. А.* Метареализм как направление: эстетические принципы и поэтика: диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / Е. А. Князева. — Пермь, 2000. — 209 с.
37. *Кобак А.* Молния и радуга: пути культуры 60—80-х годов / А. Кобак, Б. Останин // Часы. — 1986. — № 61. — С. 325—373.
38. *Кожевникова Н. А.* Словоупотребление в русской поэзии начала XX века / Н. А. Кожевникова. — Москва : Наука, 1986. — 256 с.
39. *Колкер Ю.* Пассеизм и гуманность / Ю. Колкер // Часы. — 1981. — № 31. — С. 268—273.
40. *Константинова С. Л.* Русская авангардная поэзия второй половины XX века: традиции и новаторство / С. Л. Константинова // Русский поэтический авангард: XX век: учебно-методическое пособие к спецкурсу. — Псков : ПГПУ, 2007. — С. 63—86.
41. *Корчагин К.* В поисках тотальности : статьи о новейшей поэзии / К. Корчагин. — Москва. — Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2020. — 384 с.
42. *Кривулин В.* Двадцать лет новейшей русской поэзии (предварительные заметки) / В. Кривулин // Часы. — 1979б. — № 22. — С. 240—263.
43. *Кривулин В.* Пять лет культурному движению : связь движения художников с движением поэтов / В. Кривулин // Часы. — 1979а. — № 21. — С. 221—229.
44. *Кулаков В. Г.* После катастрофы : Лирический стих «бронзового века» / В. Г. Кулаков // Поэзия как факт: статьи о стихах. — Москва : Новое литературное обозрение, 1999. — С. 241—274.
45. *Курицын В.* Русский литературный постмодернизм [Электронный ресурс] / В. Курицын. — Москва : ОГИ, 2000. — Режим доступа: <http://old.guelman.ru/slava/postmod/3.html> (дата обращения: 09.08.2021).
46. *Кушев В.* Лабиринт (разговоры о поэзии Аркадия Драгомощенко (записал В. Кушев) / В. Кушев // Часы. — 1982. — № 41. — С. 178—199.
47. *Лейдерман Н. Л.* Современная русская литература: 1950—1990-е годы : учебное пособие для студ. высш. учеб. заведений : в 2 томах / Н. Л. Лейдерман, М. Н. Липовецкий. — Москва : Академия, 2003. — Том 2: 1968—1990. — 688 с.
48. *Лён В.* Легенда к древу русской поэзии «бронзового века» / В. Лён // Транспонанс. — 1984. — № 24. — С. 9—11.

49. Лимонов Э. Группа «Конкрет» / Э. Лимонов // Апполон-77. — Париж, 1977. — С. 43—46.
50. Липовецкий М. Н. Паралогии: Трансформация (пост) модернистского дискурса в русской культуре 1920—2000-х годов / М. Н. Липовецкий. — Москва : Новое литературное обозрение, 2008. — 848 с.
51. Липовецкий М. Н. Русский постмодернизм. (Очерки исторической поэтики) : монография / М. Н. Липовецкий. — Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. пед. ун-т, 1997. — 317 с.
52. Малышева Г. Н. Альтернативная поэзия / Г. Н. Малышева // Очерки русской поэзии 1980-х годов. — Москва : Наследие, 1996. — С. 133—165.
53. Материалы симпозиума «Пути культуры 60—80-х годов» / Б. Иванов, В. Кривулин, Д. Волчек, В. Антонов, М. Иоссель и др. // Часы. — 1986. — № 62. — С. 198—233.
54. Медведева Н. Г. Поэтическая метафизика И. Бродского и О. Седаковой в контексте культурной традиции : автореферат диссертации ... доктора филологических наук: 10.01.01 / Н. Г. Медведева. — Ижевск, 2007. — 38 с.
55. Меркулова О. Н. Поэтическая версия всеединства в творчестве Ивана Жданова / О. Н. Меркулова. — Иркутск : Иркутский университет, 2017. — 163 с.
56. Постмодернизм. Историчность, Аффект и Глубина после постмодернизма / под ред. Р. Ван ден Аккер. — Москва : РИПОЛ классик, 2020. — 496 с.
57. Неканонический классик: Дмитрий Александрович Пригов (1940—2007): сборник статей и материалов / под ред. Е. Добренко. — Москва : Новое литературное обозрение, 2010. — 778 с.
58. Никонова Р. Амплиа новорожденного / Р. Никонова // Транспонанс. — 1986в. — № 33. — С. 83—86.
59. Никонова Р. Вени, Види, Видя / Р. Никонова, С. Сигей // Транспонанс. — 1986а. — № 33. — С. 94—98.
60. Никонова Р. Зачем «Зачем» / Р. Никонова // Транспонанс. — 1986б. — № 33. — С. 88—92.
61. Никонова Р. Иду на канал / Р. Никонова // Транспонанс. — 1984б. — № 23. — С. 155—186.
62. Никонова Р. Идут старинные часы / Р. Никонова // Транспонанс. — 1984г. — № 25. — С. 285—319.
63. Никонова Р. Манифест номер три / Р. Никонова, Б. М. Констриктор, С. Сигей // Транспонанс. — 1983. — № 18. — С. 17—18.
64. Никонова Р. На смерть Грааля / Р. Никонова // Транспонанс. — 1984а. — № 23. — С. 121—154.
65. Никонова Р. По-моему, я высказываю обычные вещи / Р. Никонова // Транспонанс. — 1983. — № 18. — С. 11—14.
66. Никонова Р. После пятого на третий / Р. Никонова // Транспонанс. — 1984в. — № 24. — С. 65—94.
67. Орлицкий Ю. Где начинается и где заканчивается современная русская поэзия? [Электронный ресурс] / Ю. Орлицкий // Новое литературное обозрение. — 2003. — № 4. — Режим доступа : <https://magazines.gorky.media/nlo/2003/4/gde-nachinaetsya-i-gde-zakanchivaetsya-sovremennaya-russkaya-poeziya.html> (дата обращения: 09.07.2021).
68. Орлицкий Ю. Б. Стихосложение новейшей русской поэзии : монография / Ю. Б. Орлицкий. — Москва : Издательский дом ЯСК, 2020. — 1015 с.
69. Останин Б. О трех родах поэзии (конспект-статья) / Б. Останин // Часы. — 1988. — № 74. — С. 271—277.

70. *От редакции* // Обводной канал. — 1982. — № 3. — С. 232—233.
71. *Очерки истории языка русской поэзии XX века: опыты описания идиостилей* / под ред. В. П. Григорьева. — Москва : Наследие, 1995. — 558 с.
72. *Очерки истории языка русской поэзии XX века: поэтический язык и идиостиль: общие вопросы* / под ред. В. П. Григорьева. — Москва : Наука, 1990. — 304 с.
73. *Павлов А. В. Философия культуры в постпостмодернизме: критический анализ : автореферат диссертации ... доктора философских наук : 09.00.13 / А. В. Павлов.* — Москва, 2019. — 28 с.
74. *Панкратова Е. В. Литературная стратегия самиздатского журнала «Часы»: концепция независимой литературы : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / Е. В. Панкратова.* — Санкт-Петербург, 2019. — 251 с.
75. *Переписка Д. Пригова и Ры Никоновой* // Транспонанс. — 1982. — № 12. — С. 34—65.
76. *Плеханова И. И. Русская поэзия рубежа XX—XXI веков* / И. И. Плеханова. — Иркутск : Иркутский университет, 2007. — 439 с.
77. *По материалам «Регулярных ведомостей» ведомостей № 7* — информационного бюллетеня Клуба-81 // Часы. — 1985. — № 53. — С. 240—252.
78. *Постникова Т. В. «Если ты носишь начало времен в ушах...»: (Авангардная поэзия 80-х — нач. 90-х гг.) : библиографический очерк* / Т. В. Постникова. — Москва : РГБ, 1995. — 126 с.
79. *Пригов Д. Не все ясно с первого взгляда / Д. Пригов* // Транспонанс. — 1983. — № 18. — С. 93—98.
80. *Руднев В. П. Словарь культуры XX века* / В. П. Руднев. — Москва : Аграф, 1999. — 384 с.
81. *Русская поэзия Сибири XX века: Иван Жданов : монография (литературные звезды Сибири; вып. 3) / отв. ред. С. А. Комаров.* — Тюмень : Тюменский университет, 2017. — 392 с.
82. *Русская семантическая поэтика как потенциальная культурная парадигма* / Ю. И. Левин, Д. М. Сегал, Р. Д. Тименчик, В. Н. Топоров, Т. В. Цивьян // Russian Literature. — 1974. — № 7/8. — С. 47—82.
83. *Рутц (Трип) М. «Каноны» современной русской поэзии. Наблюдения и перспективы* / М. Рутц (Трип) // Имидж, диалог, эксперимент — поля современной русской поэзии. — München, 2013. — С. 37—58.
84. *Рухлов А. В. «Холст 37 на 37...» Леонид Губанов: в поисках портрета: монография* / А. В. Рухлов. — Курган : Курганский государственный университет, 2019. — 178 с.
85. *Рыбальченко Т. Л. Поэзия второй половины XX века: хрестоматия практикум к курсу «История русской литературы XX века»* / Т. Л. Рыбальченко. — Томск : Томский университет, 2004. — 378 с.
86. *Северская О. И. Метареализм. Язык поэтической школы: социолект — идиолект/идиостиль* / О. И. Северская // Очерки истории русской поэзии XX века : опыты описания идиостилей. — Москва : Наследие, 1995. — С. 541—557.
87. *Сигей С. О сочинениях Л. С. Рубинштейна* / С. Сигей // Транспонанс. — 1982. — № 11. — С. 52—56.
88. *Скворцов А. Э. Рецепция и трансформация поэтической традиции в творчестве О. Чухонцева, А. Цветкова и С. Гандлевского : автореферат диссертации ... доктора филологических наук : 10.01.01 / А. Э. Скворцов.* — Казань, 2011. — 46 с.

89. *Скляр О. Н.* Неотрадиционализм в русской литературе XX века: философско-эстетические интенции и художественные стратегии : автореферат диссертации ... доктора филологических наук : 10.01.08 / О. Н. Скляр. — Москва, 2014. — 56 с.
90. *Скоропанова И. С.* Русская постмодернистская литература / И. С. Скоропанова. — Москва : Флинта, Наука, 2007. — 608 с.
91. *Споры о поэзии Алексея Парщикова* // Часы. — 1987. — № 68. — С. 279—283.
92. *Стратановский С.* Нечто об авангардизме / С. Стратановский // Обводной канал. — 1986. — № 10. — С. 293—300.
93. *Стратановский С.* Черные игры (Письмо другу о новом литературном журнале) / С. Стратановский // Обводной канал. — 1985/86. — № 8. — С. 195—198.
94. *Суицидов И.* Вещи, говорящие о самих себе / И. Суицидов // Часы. — 1981. — № 31. — С. 207—218.
95. *Сурикова О. А.* Русский самиздат 1960—1980-х годов: судьба поэзии модернистов и ее традиции: Московские творческие объединения и периодические издания : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / О. А. Сурикова. — Москва, 2013. — 25 с.
96. *Таршиш А.* Литература есть частица вселенной / А. Таршиш // Транспонанс. — 1981. — № 8. — С. 9—12.
97. *Таршиш А.* Об открытом и закрытом журнале «Номер» / А. Таршиш // Транспонанс. — 1980. — № 6. — С. 55—57.
98. *Темиришина О. Р.* Типология символизма: Андрей Белый и современная поэзия / О. Р. Темиришина. — Москва : Изд-во ин-та междун. права и экон. им. А. С. Грибоедова, 2012. — 290 с.
99. *Фомин А.* Архив Ретро-Футуризма (обзор журнала «Транспонанс» № 25) / А. Фомин, Т. Чудиновская // Часы. — 1985. — № 54. — С. 251—272.
100. *Чижов Н. С.* Поэзия Ивана Жданова: проблемы поэтики / Н. С. Чижов // Русская поэзия Сибири XX века: Иван Жданов : монография (Литературные звезды Сибири; вып. 3) / отв. ред. С. А. Комаров. — Тюмень : Изд-во Тюменского ун-та, 2017. — С. 158—349.
101. *Шайтанов И.* Метафизики и лирики / И. Шайтанов // Дело вкуса: Книга о современной поэзии. — Москва : Время, 2007. — С. 85—110.
102. *Эпштейн М.* Вера и образ. Религиозное бессознательное в русской культуре XX века / М. Эпштейн. — Tenaflu (N. J.) : Эрмитаж, 1994. — 269 с.
103. *Эпштейн М. Н.* Литературные движения. Метареализм. Концептуализм. Арьергард / М. Н. Эпштейн // Постмодерн в русской литературе. — Москва : Высшая школа, 2005. — С. 127—196.
104. *Эпштейн М. Н.* Парадоксы новизны: о литературном развитии XIX—XX веков / М. Н. Эпштейн. — Москва : Советский писатель, 1988. — 416 с.
105. *Эпштейн М. Н.* Постмодерн в России: литература и теория / М. Н. Эпштейн. — Москва : Издание Р. Элинина, 2000. — 368 с.
106. *Ямпольский М. Б.* Из хаоса (Драгомощенко: поэзия, фотография, философия) / М. Б. Ямпольский. — Санкт-Петербург : Сеанс, 2015. — 280 с.
107. *Sabbatini M.* «Quel che si metteva in rima»: cultura e poesia underground a Lenigrado / M. Sabbatini. — Salerno : Dip. di studi ling. e lett., Univ. di Salerno, 2008. — 466 p.
108. *Samizdat Journals* — Electronic Editions. Project for the Study of Dissidence and Samizdat [Electronic resource]. — Access mode: <https://samizdatcollections.library.utoronto.ca/islandora/object/samizdat%3Aroot> (accessed: 08.08.2021).

REFERENCES

- Abramovich, O. (1988). Mitin magazine; Bulletin of the Council for the Ecology of Culture (review). *Clock*, 73: 256—266. (In Russ.).
- Alekseev, N. (1990). Silent kenosis. *Conversation*, 8: 102—110. (In Russ.).
- B. L. (1982). Something about Russian criticism and journalism of the early 80 s of the XX century. *Obvodnoy Canal*, 3: 224—232. (In Russ.).
- Bagretsov, D. N. (2005). *Timur Kibirov: intertext and creative individuality*. Yekaterinburg: Ural University. 176 p. (In Russ.).
- Barabanov, V. E. (1988). Modernism, avant-garde and postmodernism. *Mitin journal*, 20. Available at: <http://kolonna.mitin.com/archive/mj20/barabanov.shtml> (accessed: 08.08.2021). (In Russ.).
- Based on the materials of the “Regular Gazette” of statements No. 7 — the information bulletin of the Club-81. (1985). *Hours*, 53: 240—252. (In Russ.).
- Berezhnov, A. (1983/84). In the hour of inexpressible longing ... (I. Zhdanov. Portrait. Moscow, 1982). *Obvodnoy Canal*, 5: 272—279. (In Russ.).
- Berg, M. (2000). *Literature. The problem of appropriation and redistribution of power in literature*. Moscow: New literary review. 352 p. (In Russ.).
- Betaki, V. (1977). Three disputes. On the poetry of Ivan Elagin. *Grani*, 103: 176—198. (In Russ.).
- Bogdanova, O. V. (2004). *Postmodernism in the context of modern Russian literature (60—90s of the XX century — the beginning of the XXI century)*. St. Petersburg: Saint Petersburg State University. 715 p. (In Russ.).
- Bokarev, A. S. (2013). Creativity of poets of the group “Moscow time” in the context of Russian literature of the 1970—1980s. PhD Diss. Yaroslavl. 237 p. (In Russ.).
- Butyrin, K., Krivulin, V. (1983/84). Conversation about Bartov’s work. *Obvodnoy Canal*, 5: 145—157. (In Russ.).
- Chizhov, N. S. (2017). *Poetry of Ivan Zhdanov: problems of poetics. Russian poetry of Siberia of the XX century: Ivan Zhdanov: monograph (Literary stars of Siberia; issue 3)*. Tyumen: Publishing house of Tyumen University. 158—349. (In Russ.).
- Correspondence, D. (1982). Correspondence between D. Prigov and Ry Nikonova. *Transponance*, 12: 34—65. (In Russ.).
- Dashevskaya, O. A. (2005). *Myth-making by V. Solovyov and the “Soloviev’s text” in the poetry of the twentieth century*. Tomsk: Publishing house of Tomsk University. 150 p. (In Russ.).
- Disputes about the poetry of Alexei Parshchikov. (1987). *Clock*, 68: 279—283. (In Russ.).
- Dobrenko, E. (ed.). (2010). *Non-canonical classic: Dmitry Alexandrovich Prigov (1940—2007): collection of articles and materials*. Moscow: New literary review. 778 p. (In Russ.).
- Dragomoshchenko, A. (1989). White Prize. (Speech at the presentation of the A. Bely Prize to Ivan Zhdanov). *Mitin magazine*, 25. Available at: <http://kolonna.mitin.com/archive/mj25/dragomosh.shtml> (accessed: 08.08.2021). (In Russ.).
- Dvoinishnikova, M. P. (2011). *The system of genres of lyrics by Heinrich Sapgir: specificity and poetics*. PhD Diss. Samara. 199 p. (In Russ.).
- Epshtein, M. (1994). Faith and Image. Religious unconsciousness in Russian culture of the XX century. Tenaflly (N. J.): Hermitage. 269 p. (In Russ.).

- Epshtein, M. N. (1988). *The paradoxes of novelty: about the literary development of the XIX—XX centuries*. Moscow: Soviet writer. 416 p. (In Russ.).
- Epshtein, M. N. (2000). *Postmodernity in Russia: literature and theory*. Moscow: R. Elinin's edition. 368 p. (In Russ.).
- Epshtein, M. N. (2005). Literary movements. Metarealism. Conceptualism. Rearguard. In: *Postmodernity in Russian literature*. Moscow: Higher school. 127—196. (In Russ.).
- Ermolin, E. A. (2011). Transavant-garde as a paradigm of modern literature. *Philological class*, 25: 12—14. (In Russ.).
- Fomin, A., Chudinovskaya, T. (1985). Archive of Retro-Futurism (review of the magazine "Transponance" No. 25). *Clock*, 54: 251—272. (In Russ.).
- From the editor (1982). *Bypass channel*, 3: 232—233. (In Russ.).
- Gasparov, M. L. (1974). *Modern Russian verse*. Moscow: Nauka. 487 p. (In Russ.).
- Goricheva, T. (1986). The era of post-nihilism. *Conversation*, 4: 84—97. (In Russ.).
- Goricheva, T. M. (1991). *Orthodoxy and postmodernism*. Leningrad: Publishing house of Leningrad University. 67 p. (In Russ.).
- Grigorieva, V. P. (ed.). (1990). *Essays on the history of the language of Russian poetry of the 20th century: poetic language and idiostyle: general issues*. Moscow: Nauka. 304 p. (In Russ.).
- Grigorieva, V. P. (ed.). (1995). *Essays on the History of the Language of Russian Poetry of the 20th Century: Experiments in the Description of Idiostyles*. Moscow: Heritage. 558 p. (In Russ.).
- Groys, B. (1978). Moscow romantic conceptualism. *Magazine "37"*, 15: 50—66. (In Russ.).
- Ivanov, B. (1981). Realism and personality. *Clock*, 32: 208—240. (In Russ.).
- Ivanov, B., Krivulin, V., Volchek, D., Antonov, V., Iossel, M. et. al. (1986). Materials of the symposium "Ways of culture of the 60s—80s". *Clock*, 62: 198—233. (In Russ.).
- Ivanov, V. V. (1976). *Essays on the history of semiotics in the USSR*. Moscow: Nauka. 302 p. (In Russ.).
- Ivanova, N. (1998). Overcome postmodernism. *Banner*, 4. Available at: <https://magazines.gorky.media/znamia/1998/4/preodolevshie-postmodernizm.html> (accessed: 08.08.2021). (In Russ.).
- Jacquard, J.-F., Fridli, V., Herlt, J. (2013). *Instead of a preface*. In: "Second Culture" Unofficial poetry of Leningrad in the 1970—1980s: materials of the international conference (Geneva, March 1—3, 2012). St. Petersburg: Rostok. 3—6. (In Russ.).
- Jacquard, J.-F., Fridli, V., Herlt, J. (eds.). (2013). "Second culture". *Unofficial poetry of Leningrad in the 1970—1980s: materials of the international conference (Geneva, March 1—3, 2012)*. St. Petersburg: Rostock. 479 p. (In Russ.).
- Kalomirov, A. (1982). Evening of Moscow poets in Club-81. *Clock*, 36: 314—316. (In Russ.).
- Karabchievsky, Yu. A. (1985). Resurrection of Mayakovsky. München: Country and World. 280 p. (In Russ.).
- Kazarina, T. V. (2005). *Three epochs of the Russian literary avant-garde (evolution of aesthetic principles)*. PhD Diss. Samara. 455 p. (In Russ.).
- Kedrov, K. *Metametapho*. Available at: <http://ru.wikisource.org/wiki> (accessed: 08.08.2021). (In Russ.).
- Knyazeva, E. A. (2000). *Metrealism as a direction: aesthetic principles and poetics*. PhD Diss. Perm. 209 p. (In Russ.).

- Kobak, A., Ostanin, B. (1986). Lightning and the rainbow: the cultural paths of the 60s—80s. *Hours*, 61: 325—373. (In Russ.).
- Kolker, Y. (1981). Passionism and humanity. *Hours*, 31: 268—273. (In Russ.).
- Komarov, S. A. (ed.). (2017). *Russian poetry of Siberia of the XX century: Ivan Zhdanov: monograph (literary stars of Siberia; issue 3)*. Tyumen: Tyumen University. 392 p. (In Russ.).
- Konstantinova, S. L. (2007). Russian avant-garde poetry of the second half of the 20th century: traditions and innovation In: *Russian poetic avant-garde: XX century: teaching aid for the special course*. Pskov: PGPU. 63—86. (In Russ.).
- Korchagin, K. (2020). *In search of totality: articles on the latest poetry*. Moscow. Yekaterinburg: Cabinet Scientist. 384 p. (In Russ.).
- Kozhevnikova, N. A. (1986). *Word usage in Russian poetry of the early XX century*. Moscow: Nauka. 256 p. (In Russ.).
- Krivulin, V. (1979a). Five years of the cultural movement: the connection between the movement of artists and the movement of poets. *Clock*, 21: 221—229. (In Russ.).
- Krivulin, V. (1979b). Twenty years of modern Russian poetry (preliminary notes). *Clock*, 22: 240—263. (In Russ.).
- Kulakov, V. G. (1999). After the catastrophe. Lyric verse of the “Bronze Age”. In: *Poetry as fact: articles about poetry*. Moscow: New Literary Review. 241—274. (In Russ.).
- Kuritsyn, V. (2000). *Russian literary postmodernism*. Moscow: OGI. Available at: <http://old.guelman.ru/slava/postmod/3.html> (accessed: 09.08.2021). (In Russ.).
- Kushev, V. (1982). Labyrinth (talk about the poetry of Arkady Dragomoshchenko (recorded by V. Kushev). *Clock*, 41: 178—199. (In Russ.).
- Leiderman, N. L., Lipovetsky, M. N. (2003). *Modern Russian Literature: 1950—1990s*, 2: 1968—1990. Moscow: Academy. 688 p. (In Russ.).
- Levin, Yu. I., Segal, D. M., Timenchik, R. D., Toporov, V. N., Tsivyan, T. V. (1974). Russian semantic poetics as a potential cultural paradigm. *Russian Literature*, 7/8: 47—82. (In Russ.).
- Limonov, E. (1977). Group “Concrete”. In: *Apollo-77*. Paris. 43—46. (In Russ.).
- Lipovetskiy, M. N. (1997). *Russian Postmodernism. (Essays on historical poetics)*. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University Publishing. 317 p. (In Russ.).
- Lipovetskiy, M. N. (2008). *Paralogy: Transformation of (post) modernist discourse in Russian culture of the 1920s—2000s*. Moscow: New literary review. 848 p. (In Russ.).
- Lyon, V. (1984). Legend to the tree of Russian poetry of the “Bronze Age”. *Transponance*, 24: 9—11. (In Russ.).
- Malysheva, G. N. (1996). Alternative poetry. In: *Essays on Russian poetry of the 1980s*. Moscow: Heritage. 133—165. (In Russ.).
- Medvedeva, N. G. (2007). *Poetic metaphysics of I. Brodsky and O. Sedakova in the context of cultural tradition: author’s abstract of Doct. Diss.* Izhevsk. 38 p. (In Russ.).
- Merkulova, O. N. (2017). *Poetic version of all-unity in the works of Ivan Zhdanov*. Irkutsk: Irkutsk University. 163 p. (In Russ.).
- Nikonova, R. (1983). In my opinion, I am expressing the usual things. *Transponance*, 18: 11—14. (In Russ.).
- Nikonova, R. (1984). An old clock is going. *Transponance*, 25: 285—319. (In Russ.).
- Nikonova, R. (1984a). On the death of the Grail. *Transponance*, 23: 121—154. (In Russ.).
- Nikonova, R. (1984b). I’m going to the channel. *Transponance*, 23: 155—186. (In Russ.).
- Nikonova, R. (1984c). After the fifth to the third. *Transponance*, 24: 65—94. (In Russ.).

- Nikonova, R. (1986b). Why “Why”. *Transponance*, 33: 88—92. (In Russ.).
- Nikonova, R. (1986c). Amplua of a newborn. *Transponance*, 33: 83—86. (In Russ.).
- Nikonova, R., Constrictor, B. M., Segay, S. (1983). Manifesto number three. *Transponance*, 18: 17—18. (In Russ.).
- Nikonova, R., Segay, S. (1986a). Veni, Vidi, Vidya. *Transponance*, 33: 94—98. (In Russ.).
- Orlitskiy, Yu. B. (2020). *Poetry of the latest Russian poetry: monograph*. Moscow: YASK Publishing House. 1015 p. (In Russ.).
- Orlitsky, Yu. (2003). Where does modern Russian poetry begin and where does it end? *New literary review*, 4. Available at: <https://magazines.gorky.media/nlo/2003/4/gdenachinaetsya-i-gde-zakanchivaetsya-sovremennaya-russkaya-poeziya.html> (accessed: 09.07.2021). (In Russ.).
- Ostanin, B. (1988). About three kinds of poetry (compendium-article). *Clock*, 74: 271—277. (In Russ.).
- Pankratova, E. V. (2019). *Literary strategy of the samizdat magazine “Clock”: the concept of independent literature*. PhD Diss. St. Petersburg. 251 p. (In Russ.).
- Pavlov, A. V. (2019). *Philosophy of culture in post-postmodernism: critical analysis*: author’s abstract of Doct. Diss. Moscow. 28 p. (In Russ.).
- Plekhanova, I. I. (2007). *Russian poetry at the turn of the XX—XXI centuries*. Irkutsk: Irkutsk University. 439 p. (In Russ.).
- Postnikova, T. V. (1995). “If you wear the beginning of time in your ears...”: (Avant-garde poetry of the 80s — early 90s): bibliographic sketch. Moscow: RSL. 126 p. (In Russ.).
- Prigov, D. (1983). Not everything is clear at first sight. *Transponance*, 18: 93—98. (In Russ.).
- Rudnev, V. P. (1999). *Dictionary of culture of the XX century*. Moscow: Agraf. 384 p. (In Russ.).
- Rukhlov, A. V. (2019). “Canvas 37 by 37...” Leonid Gubanov: in search of a portrait: monograph. Kurgan: Kurgan State University. 178 p. (In Russ.).
- Rutz (Trier), M. (2013). “Canons” of modern Russian poetry. Observations and Prospects. *Image, Dialogue, Experiment — Fields of Contemporary Russian Poetry*. München. 37—58. (In Russ.).
- Rybalchenko, T. L. (2004). *Poetry of the Second Half of the XX Century: Reader Workshop for the Course “History of Russian Literature of the XX Century”*. Tomsk: Tomsk University. 378 p. (In Russ.).
- Sabbatini, M. (2008). «*Quel che si metteva in rima*»: cultura e poesia underground a Lenin-grado. Salerno : Dip. di studi ling. e lett., Univ. di Salerno. 466 p.
- Samizdat Journals — Electronic Editions. Project for the Study of Dissidence and Samizdat. Available at: <https://samizdatcollections.library.utoronto.ca/islandora/object/samizdat%3Aroot> (accessed: 08.07.2021).
- Segay, S. (1982). About the works of L. Rubinstein. *Transponance*, 11: 52—56. (In Russ.).
- Severskaya, O. I. (1995). Metarealism. The language of the poetry school: sociolect — idiolect/ idiostyle. In: *Essays on the history of Russian poetry of the 20th century: experiences in describing idiostyle*. Moscow: Heritage. 541—557. (In Russ.).
- Shaitanov, I. (2007). Metaphysics and Lyrics. In: *A Matter of Taste: A Book about Modern Poetry*. Moscow: Time. 85—110. (In Russ.).
- Sklyarov, O. N. (2014). *Neo-traditionalism in Russian literature of the XX century: philosophical and aesthetic intentions and artistic strategies*: author’s abstract of Doct. Diss. Moscow. 56 p. (In Russ.).

- Skoropanova, I. S. (2007). *Russian postmodernist literature*. Moscow: Flinta, Nauka. 608 p. (In Russ.).
- Skvortsov, A. E. (2011). *Reception and transformation of the poetic tradition in the work of O. Chukhontsev, A. Tsvetkov and S. Gandlevsky*: author's abstract of Doct. Diss. Kazan. 46 p. (In Russ.).
- Stahl, H., Rutz, M. (eds.). (2013). *Image, dialogue, experiment — fields of modern Russian poetry: collection of scientific works*. München. 600 p. (In Russ.).
- Stratanovsky, S. (1985/86). Black games (Letter to a friend about a new literary magazine). *Obvodnoy Canal*, 8: 195—198. (In Russ.).
- Stratanovsky, S. (1986). Something about avant-garde. *Obvodnoy Canal*, 10: 293—300. (In Russ.).
- Suicidov, I. (1981). Things that speak about ourselves. *Clock*, 31: 207—218. (In Russ.).
- Surikova, O. A. (2013). *Russian samizdat 1960—1980-ies: the fate of modernist poetry and its traditions: Moscow creative associations and periodicals*: author's abstract of PhD. Diss. Moscow. 25 p. (In Russ.).
- Tarshis, A. (1980). About the open and closed magazine "Number". *Transponance*, 6: 55—57. (In Russ.).
- Tarshis, A. (1981). Literature is a particle of the universe. *Transponance*, 8: 9—12. (In Russ.).
- Temirshina, O. R. (2012). *Typology of symbolism: Andrei Bely and modern poetry*. Moscow: Publishing house of the Institute of International law and econom. them. A. S. Griboedova, 290 p. (In Russ.).
- Van den Acker, R. (ed.). (2020). *Metamodernism. Historicity, Affect and Depth after Postmodernism*. Moscow: RIPOL classic. 496 p. (In Russ.).
- Vasiliev, I. E. (2000). *Russian poetic avant-garde of the XX century*. Yekaterinburg: Ural Publishing House. University. 320 p. (In Russ.).
- Verina, U. Yu. (2019). *Renewal of the genre system of Russian poetry at the end of the 20th century and the beginning of the 21st century*: author's abstract of Doct. Diss. Yekaterinburg. 40 p. (In Russ.).
- Volchek, D. (ed.). (1985). Interview with Viktor Krivulin. *Mitin magazine*, 6. Available at: <http://kolonna.mitin.com/archive/mj06/krivulin.shtml> (accessed: 08.08.2021). (In Russ.).
- Vorontsova, K. V. (2013). *Models of space in E. Schwartz's poetry*: author's abstract of Doct. Diss. Volgograd. 24 p. (In Russ.).
- Yampolsky, M. B. (2015). *From chaos (Dragomoshchenko: poetry, photography, philosophy)*. St. Petersburg: Seans. 280 p. (In Russ.).
- Zaitsev, V. A., Gerasimenko, A. P. (2004). Poetry of the mid-1980s — 90s: textbook. In: *History of Russian literature of the second half of the XX century*. Moscow: Higher school. 384—419. (In Russ.).
- Zhitenev, A. A. (2012). *Poetry of neomodernism*. St. Petersburg: INAPRESS. 480 p. (In Russ.).

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

HISTORICAL SCIENCES

.....

Александр Юрьевич Давыдов, д-р истор. наук (Санкт-Петербург)
Александра Вячеславовна Чебаковская, младший научный сотрудник (Петрозаводск)
Андрей Владимирович Зимаков, канд. экон. наук (Москва)
Анна Сергеевна Столетова, канд. истор. наук (Вологда)
Берта Владимировна Туаева, д-р истор. наук (Москва)
Виктория Валерьевна Хуциева, канд. истор. наук (Санкт-Петербург)
Виктория Сергеевна Матющенко, канд. филос. наук (Благовещенск)
Владимир Николаевич Мамяченков, д-р истор. наук (Екатеринбург)
Елена Исааковна Кобахидзе, д-р истор. наук (Москва)
Елена Сергеевна Куликова, канд. экон. наук (Екатеринбург)
Илья Викторович Сидорчук, канд. истор. наук (Санкт-Петербург)
Майя Ивановна Львова, канд. экон. наук (Екатеринбург)
Максим Николаевич Крот, канд. истор. наук (Ростов-на-Дону)
Розалия Анатольевна Якушева, старший преподаватель (Мирный)
Татьяна Игоревна Морозова, канд. истор. наук (Новосибирск)
Эгнара Гайковна Вартаньян, д-р истор. наук (Краснодар)

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Вартаньян Э. Г. «Свободный Курдистан»: трудный путь к самоопределению (1970-е годы — XXI век) / Э. Г. Вартаньян // Научный диалог. — 2021. — № 10. — С. 328—342. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-10-328-342.

Vartanyan, E. G. (2021). “Free Kurdistan”: Difficult Road to Self-Determination (1970s — XXI Century). *Nauchnyi dialog*, 10: 328-342. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-10-328-342. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-10-328-342

**«Свободный Курдистан»:
трудный путь
к самоопределению
(1970-е годы — XXI век)**

Вартаньян Эгнара Гайковна

orcid.org/0000-0001-5030-8941

доктор исторических наук, профессор,
кафедра всеобщей истории
и международных отношений
vartaneg@yandex.ru

Кубанский государственный
университет
(Краснодар, Россия)

**“Free Kurdistan”: Difficult
Road to Self-Determination
(1970s — XXI Century)**

Egnara G. Vartanyan

orcid.org/0000-0001-5030-8941

Doctor of History, professor,
Department of World History and
International Relations
vartaneg@yandex.ru

Kuban State University
(Krasnodar, Russia)

© Вартаньян Э. Г., 2021

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается период борьбы Южного (Иракского) Курдистана за самоопределение, а именно такие события, как превращение его в центр курдского национального движения на Ближнем Востоке и провозглашение в 1974 году Курдского автономного района (КАР). Комментируется создание юридического прецедента, который приобрел международный характер. Признание правительством Ирака права курдов на территориальную автономию оценивается как несомненный успех национального движения курдского меньшинства. Отмечается, что выработке проекта временной конституции предшествовала длительная дискуссия между арабами-шиитами, арабами-суннитами и курдами по вопросу о будущем административном устройстве страны. Показано, что баасистский режим не собирался решать курдскую проблему в стране на подлинно демократической основе, а лишь создал видимость решения вопроса с целью снятия внутренней и международной напряженности. Автор останавливается на репрессивных мерах правительства Саддама Хусейна в отношении курдов. Подчеркивается массовый характер репрессивных мер в период ирано-иракской войны 1980—1988 годов.

Ключевые слова:

Ирак; Иракский Курдистан; самоопределение; автономия; блокада; конституция; демократия.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The period of the struggle of South (Iraqi) Kurdistan for self-determination, namely such events as its transformation into the center of the Kurdish national movement in the Middle East and the proclamation of the Kurdish Autonomous Region (KAR) in 1974 is considered. The creation of a legal precedent, which has acquired an international character, is commented on. The recognition by the Iraqi government of the right of the Kurds to territorial autonomy is assessed as an undoubted success of the national movement of the Kurdish minority. It is noted that the development of the draft of Interim Constitution was preceded by a long discussion between Shiite Arabs, Sunni Arabs and Kurds on the future administrative structure of the country. It is shown that the Baathist regime was not going to solve the Kurdish problem in the country on a truly democratic basis, but only created the appearance of a solution to the issue in order to remove internal and international tensions. The author dwells on the repressive measures of the government of Saddam Hussein against the Kurds. The mass character of repressive measures during the Iranian-Iraqi war of 1980—1988 is emphasized.

Key words:

Iraq; Iraqi Kurdistan; self-determination; autonomy; blockade; constitution; democracy.

«Свободный Курдистан»: трудный путь к самоопределению (1970-е годы — XXI век)

© Вартамян Э. Г., 2021

1. Введение

После Первой мировой войны курдская проблема стала интернационализироваться, превращаться в важный геополитический фактор региона Ближнего Востока. Превратности исторической судьбы, войны, нашествия, отсутствие государства, национальный гнет тормозили социальное и культурное развитие курдов и порождали естественный протест всех слоев населения.

После распада Османской империи и раздела региона появились такие понятия, как Иракский и Сирийский Курдистан (Антанта нарушила свое обещание создать независимый или автономный Курдистан, которое содержалось в первоначальном варианте Севрского договора 1920 года [Севрский мирный договор]). Иракский Курдистан по своим размерам и численности курдского населения (чуть более 5 млн) превосходит только Сирийский (Юго-Западный) Курдистан (1,5 млн) [Лазарев, 2007, с. 48]. Важный фактор, определивший повышенное внимание Запада к курдской проблеме — экономические интересы, возможность вплотную приблизиться к нефтяным источникам (регион располагает богатыми неосвоенными месторождениями нефти) [Шахбазян, 2012].

Курдское меньшинство в Ираке активно боролось против проанглийского монархического режима, а вскоре Иракский Курдистан превратился в центр курдского национального движения на Ближнем Востоке. Движение осуществлялось под руководством авангардной и авторитетной курдской политической партии — Демократической партии Курдистана — Ирак (ДПК; до 1953 года называлась «Курдская демократическая партия»), основанной в 1946 году Мустафой Барзани, выдающимся курдским политическим лидером XX века. В 1961 году, после того как конфликт с пришедшими к власти в Багдаде арабскими националистами стал необратимым, М. Барзани поднял вооруженное восстание, которое продолжалось с перерывами до 1975 года [Мгои, 1998, с. 11]. Военной силой Багдаду не удалось справиться с курдами. В горной части Иракского Курдистана была создана обширная освобожденная зона, охраняемая закаленными в боях отрядами курдских повстанцев — пешмерга («боец», «идущий на смерть»).

2. Методы и источниковая база

Статья основана на принципах историзма и объективности, а также на историко-системном, историко-типологическом, историко-генетическом методах. Источниковую базу исследования составляют документы, представленные в Приложении к работе «Геноцид в Иракском Курдистане», подготовленной под редакцией доктора юридических наук, профессора С. М. Кочои и опубликованной в Москве в 2003 году. Издание представляет текст доклада Комиссии международной правозащитной организации «Human Rights Watch» по правам человека на Ближнем Востоке «Преступление: геноцид Ирака. Кампания “Анфаль” в Иракском Курдистане» (опубликован в 1995 году издательством Йельского университета, переведен на русский язык в 2002 году Институтом Курдистана и Передней Азии в Москве). В статье представлены Резолюция Национальной Конференции 2001 года, проведенной по инициативе Национального конгресса Курдистана в Брюсселе, Резолюция 1546, принятая Советом Безопасности ООН в 2004 году, материалы Севрского договора 1920 года, записки российского дипломата в Ираке Мир Паши Зейналова, интервью с адвокатом Саддама Хусейна Иссаом Газзауи и др.

Теоретической основой статьи являются положения и выводы о сущности и специфике движения курдского меньшинства Ирака за самоопределение, об эволюции их положения, о трансформации роли Иракского Курдистана с созданием Курдского автономного района, представленные в исследованиях известных отечественных курдоведов Ш. Мгои, О. Жигалиной, М. Лазарева и др. [Жигалина, 2004; Лазарев, 1994; Мгои, 1998 и др.].

Цель статьи — реконструировать и целостно осмыслить комплекс факторов и обстоятельств, составляющих путь продвижения иракских курдов к созданию «Свободного Курдистана».

3. Провозглашение Курдского автономного района

11 марта 1970 года правительство Ирака выступило с декларацией о «мирном и демократическом» решении курдского вопроса в стране; было объявлено очередное перемирие. Четыре года спустя, 11 марта 1974 года, вышел закон об автономии населенных курдами территорий Ирака [Лазарев, 1994, с. 18], создан Курдский автономный район (КАР). Это был решающий сдвиг в решении курдской проблемы. Был создан юридический прецедент, который в силу специфики курдской проблемы приобретал международно-правовой характер. Автономия была признана со стороны ООН, стран Запада и ряда ближневосточных государств, поэтому статус «Свободного Курдистана» с международно-правовой точки зрения

обладает значительной легитимностью. С другой стороны, баасистский режим (БААС — Партия арабского социалистического возрождения, правящая партия Ирака в 1968—2003 годах) не собирался решать курдскую проблему в стране на подлинно демократической основе, а лишь создавал видимость решения вопроса с целью снятия внутренней и международной напряженности.

Временной столицей Курдской автономии стал город Эрбиль. Площадь автономии — 55 тыс. кв. км, население — около 3 млн человек (15 % населения страны). Курдский язык, наряду с арабским, был объявлен официальным языком региона. В своей деятельности органы власти региона подчинялись центральному ведомству. Президенту Ирака было предоставлено право роспуска Законодательного совета автономии [Вартаньян, 2006, с. 157]. КАР был «усечен» путем выведения округа Киркук с населением в 1 млн человек, площадью 19 тыс. кв. км, где находился один из основных центров нефтедобычи Ирака ($\frac{1}{3}$ всей добываемой нефти страны), за пределы автономии. Кроме того, вне досягаемости новообразованной курдской власти оставалось курдское население юго-восточной части Ирака (район Ханекина) и северо-западной (к северу от Мосула) [Сейранян, 1994, с. 61]. Все основные рычаги управления КАР находились в руках баасистов и курдских коллаборационистов из местной элиты.

4. Условия существования «Свободного Курдистана»

«Свободный Курдистан» начал свое существование в сложных политических и экономических условиях. Права, предоставленные курдам законом и закрепленные во Временной конституции, властями Ирака грубо нарушались. Курдский язык вытеснялся арабским, курдские чиновники были заменены арабами, закрывались курдские учебные и научные заведения, ликвидировались общественные и политические организации и т. д. [Вартаньян, 2016, с. 67]. В дальнейшем баасисты сделали ставку на раскол курдского движения и его изоляцию от внешнего мира и немало в этом преуспели. Баасисты использовали в антикурдских целях сближение с Советским Союзом после заключения советско-иракского Договора о дружбе и сотрудничестве в 1972 году. Тоталитарный режим в стране набирал силу, особенно после того, как все руководящие посты в 1979 году сосредоточил в своих руках Саддам Хусейн ат-Тикрити.

Но видимость Курдской автономии сохранялась. Время от времени проводились выборы в «представительные» органы автономии. Постепенно отбирались уступки, сделанные курдам в предыдущие годы, например, была закрыта Курдская академия наук. Наиболее активные деятели курдского движения преследовались, проводились карательные

операции против сохранившихся очагов курдского сопротивления (уничтожались селения, осуществлялись этнические чистки через переселение арабов на исконно курдские земли, особенно стратегически важные пункты, обрекая десятки тысяч курдов на положение беженцев в собственной стране). По данным курдских и западных источников, в 1970—1980-е годы в Ираке было уничтожено более 4 тыс. курдских сел и городов, жители которых насильственно выселялись на юг, в болотистые и пустынные районы страны [Геноцид ..., 2003, с. 316—318].

В ирано-иракской войне 1980—1988 годов обе стороны пытались разыграть «курдскую карту», выставляя себя защитниками интересов курдов, но это пользы им не принесло. Особенно досталось иракским курдам приграничной с Ираном зоны, когда в 1988 году город Халабджа и ряд других населенных пунктов были подвергнуты химической атаке [Геноцид ..., 2003, с. 312—315]. Поводом тому послужило наступление и углубление иранских войск на территорию Ирака, занятие ими Халабджи и других поселков. Иран связывал с этим районом далеко идущие планы создания сильно укрепленного плацдарма для дальнейшего продвижения вглубь Ирака. Чтобы выбить из Халабджи противника, иракские войска применили отравляющие вещества. По официальным данным, погибло пять тысяч курдов, семь тысяч получили отравление разной степени, стали инвалидами [«Химического Али» ...]. В результате развернутых боев Халабджа фактически была сравнена с землей. События в Иракском Курдистане вызвали большой международный резонанс и симпатии демократической общественности всего мира к борьбе курдского народа. Кстати, среди обвинений, предъявляемых судом экс-президенту Саддаму Хусейну в 2005 году — убийство 100 тысяч курдов в ходе карательной кампании «Анфал» с февраля по сентябрь 1988 года [Лазарев, 1994, с. 19—20]. После войны в 20 километрах от города построили новый поселок, который получил название *Саддамия Халабджа Джадида*, то есть *Новая Халабджа имени Саддама* [Попова, 2005а]. Бесчеловечные репрессии в Иракском Курдистане продолжались и позже. Меры иракских властей в отношении курдов приграничной зоны вызвали осуждение мировой общественности. Организация «Международная амнистия», ряд международных форумов подняли вопрос о нарушении прав и свобод человека в Ираке, расправах над курдами, бедственном положении беженцев [Касаткин, 1990. с. 21]. Стремясь нормализовать положение в Курдистане, правительство Ирака приняло декрет об амнистии иракских граждан, находящихся за границей. Амнистия не распространялась на членов запрещенных в стране курдских партий.

Политическое руководство автономией осуществлял образованный в 1988 году Фронт Иракского Курдистана. Руководителем Фронта был избран лидер Патриотического союза Курдистана (ПСК) Джаляль Талабани [Касаткин, 1990, с. 22]. Д. Талабани — генеральный секретарь Патриотического союза Курдистана, один из активных участников формирования в 1988 году Национального фронта Курдистана и Национального конгресса Ирака, автор многих статей, опубликованных в курдских и арабских газетах. Его перу принадлежит ряд книг о курдском освободительном движении («Кудрайти», 1959, «Восставший Курдистан», 1963, «Курдистан и курдское освободительное движение», 1969 и др.) [Абалян, 2019, с. 129].

Сигналом для всеобщего восстания курдов на севере Ирака стала операция многонациональных сил ООН «Буря в пустыне» в 1990 году. Ответом на это стал истребительный поход саддамовской Республиканской гвардии против курдов [Саид, 1998, с. 25]. Спасаясь от беспощадной мести карателей, около половины курдского населения Ирака превратились в беженцев (курды спасались бегством в Турцию, Иран, скрывались в горах Ирака).

Вследствие истребительного похода гвардии Саддама Хусейна против иракских курдов в августе 1991 года Совет Безопасности ООН по инициативе западных держав запретил полеты иракской авиации севернее 38 и южнее 32 параллели, тем самым курды были взяты под воздушный контроль («зонтик») НАТО [Лазарев, 2007, с. 53].

5. Создание основ будущего политического единства курдов

В 1991 году из Иракского Курдистана саддамовские войска были выведены, началось восстановление разрушенной экономики, возвращение беженцев, становление национальной власти в автономии. Однако этот процесс серьезно осложнялся не только торговым эмбарго, установленным в отношении Ирака Советом Безопасности ООН в августе 1990 года, но и внутренней блокадой, введенной Багдадом в октябре 1991 года в курдских районах. Правительство разрешило, например, продажу Курдистану только четверти необходимых ему нефтепродуктов, хотя в остальной части страны они имелись в изобилии и продавались по символическим ценам. Была сокращена продажа продовольствия и медикаментов в эти районы. Подлинным спасением для населения Курдистана была в этих условиях зарубежная гуманитарная помощь [Вартаньян, 2005, с. 48].

Распад Советского Союза, окончание холодной войны, появление новых факторов, существенно повлиявших на расстановку сил в ближневосточном регионе, актуализировали курдскую проблему, особенно для США и ведущих стран Европы.

После неудавшихся переговоров Национального фронта Иракского Курдистана с правительством Ирака об устранении экономической и административной блокады Курдистана в апреле 1991 года Масуд Барзани (сын Мустафы Барзани) в числе других курдских лидеров инициировал в 1992 году парламентские выборы в Южном Курдистане [Шахбазян, 1998, с. 19—20].

19 мая 1992 года состоялись первые в истории Курдистана выборы в Национальный совет (парламент) Иракского Курдистана (при участии наблюдателей ООН). На этих выборах состоялось объединение всех противоборствующих сил в лагере курдов, в первую очередь ведущих политических партий — Демократической партии Курдистана Масуда Барзани и Патриотического союза Курдистана (ПСК) Джеляля Талабани — в единый фронт. Обе партии получили равное количество мандатов в парламенте. В выборах приняло участие 972 тыс. человек. За Масуда Барзани было подано 44,5 процентов голосов, за ПСК — 44,3 процента. Вскоре на первой сессии Национального совета Свободного Курдистана его председателем был избран Масуд Барзани, а главой правительства — представитель ПСК Косрат Расул [Шахбазян, 2012]. Таким образом, иракские курды получили собственную представительную и исполнительную власть.

В октябре 1992 года Национальный совет Курдистана объявил о федеративном принципе построения административной системы курдского «государства» в составе Ирака. В нее вошли провинции Эрбиль, Сулеймания, Дохук и округ Киркук, не подвластный столице Эрбиллю. Таким образом, «Свободный Курдистан» в Северном Ираке — формально не «независимый» Курдистан. Военная и экономическая блокада населенных курдами северных районов страны продолжалась. Багдадские власти не скрывали своего намерения восстановить status quo в отношениях с КАР в том виде, в каком он существовал до кувейтского кризиса, сразу же после отмены санкций, наложенных Советом безопасности ООН [Зейналов, 2000, с. 49].

В 1993 году Демократическая партия Курдистана объединилась с Партией единства Курдистана и стала называться *Объединенная демократическая партия Курдистана* (ОДПК).

Стремление курдов с помощью объединения создать основу будущего политического единства, разработать демократическую программу для решения своей проблемы мирным путем отражено в резолюции Национальной Конференции, которая была проведена 13—15 декабря 2001 года по инициативе Национального конгресса Курдистана в Брюсселе. В работе Конференции принимали участие свыше 120 представителей от различных партий и общественных организаций Курдистана, США, ряда стран Европы. Участники Конференции обратились к правительствам

Ирака, Турции, Ирана, Сирии с требованием решить курдский вопрос в соответствии принципами прав человека. В резолюции Конференции отмечалось, что курдский народ будет добиваться осуществления своих законных прав, закрепленных в документах ООН, решения курдского вопроса на основе мира, демократии и справедливости [Национальная конференция ..., 2002].

6. Особый статус КАР

В ноябре 2002 года на сессии парламента Иракского Курдистана был утвержден принцип федерализма, основанный на предоставлении особого статуса курдскому региону. С точки зрения арабов, это выглядит как раздел государства по этническому критерию. Некоторые аналитики выразили мнение, что в таком случае логично было бы создать три региона — курдский на севере, арабский суннитский в центре и арабский шиитский на юге, — однако воплощение этих идей было воспринято как нереалистичное. Стремление курдов провозгласить Киркук главным городом своего региона также было не по душе арабам — как шиитам, так и суннитам.

Временная конституция, принятая в Багдаде 8 марта 2004 года, вселила иракскому народу надежду на ускорение процесса политического и экономического обустройства страны [Жигалина, 2004, с. 51]. Выработке проекта временной конституции предшествовала длительная дискуссия между арабами-шиитами, арабами-суннитами и курдами по вопросу о будущем административном устройстве страны, статусе Иракского Курдистана, силах самообороны и т. д. Согласно временной конституции система правления в Ираке была определена как республиканская, федеративная, демократическая и плюралистическая.

Многие в Курдистане начали думать о том, что США и ООН под давлением шиитского большинства страны дистанцировались от требований курдов Ирака, которые вправе были надеяться на американскую поддержку, поскольку были их главным союзником в борьбе против диктаторского режима Саддама Хусейна, ведь в военных действиях весной 2003 года участвовало 30 тыс. пешмерга [Мирский, 2004]. Между тем США рассматривали Южный Курдистан не как независимое государство, а только как широкую автономию.

В результате передачи власти в Ираке в июне 2004 года новому иракскому руководству президентом страны стал суннит Гази ал-Йавар, а премьер-министром — шиит Айяд Алауи. Логично, что на должность премьер-министра был избран представитель шиитской общины, составляющей 60 % населения. Шиитом является также один из двух вице-президентов — Ибрахим Джафари, другой вице-президент — курд Рож

Шавес. Курдам предоставлены были посты вице-премьера и министра иностранных дел. В сложной этноконфессиональной мозаике Ирака такой подход к формированию руководства был неизбежен. Однако сразу появилась первая трещина. В резолюцию ООН 1546 [Резолюция 1546], не были включены важные положения, содержащиеся во временной конституции Ирака, суть которых заключалась в фактическом признании федеративного устройства государства и в предоставлении курдам права накладывать вето на неприемлемые для них законы. Это было обойдено в резолюции ООН ввиду жесткой позиции духовного лидера шиитов аятоллы Али ас-Систани, без одобрения которого новое руководство вообще не могло быть сформировано. Оба лидера двух регионов Иракского Курдистана — Масуд Барзани и Джаляль Талабани — немедленно выразили свое возмущение и даже пригрозили отозвать представителей курдской общины из правительства [Мирский, 2004]. Вновь избранные лидеры Ирака должны создать такое правительство, чтобы шииты, сунниты, курды и малочисленные этнические и религиозные группы почувствовали, что оно заботится об их интересах.

В январе 2005 года в Ираке состоялись парламентские выборы. Среди ведущих политических сил, участвовавших в выборах и попавших в парламент страны, помимо Объединенного иракского альянса, представлявшего собой коалицию шиитских религиозных партий, «Иракского списка» или «Ал-Иракия» (возглавлял премьер-министр Айяд Алауи), был и Курдский альянс, объединяющий основные курдские партии [Шестернина, 2005]. По итогам выборов Объединенный альянс Ирака получил 140 мест и выдвинул кандидатуру Ибрахима ал-Джафари на пост нового премьер-министра страны, «Курдский альянс» — 75 мест, а партия «Ал-Иракия» — 40 мест [Премьер-министром Ирака ...]. Президентом страны стал Джаляль Талабани.

В августе 2005 года в Ираке был обнародован проект новой конституции, седьмой за 84-летнюю историю страны. В новом Основном законе отображено мнение и шиитов, и суннитов, и курдов. В Конституционном комитете участвовал 71 человек: 15 суннитов, 15 курдов, 28 шиитов, а также представители мелких партий, движений, этнических групп. Среди членов комитета было девять женщин. Уступки курдам по конституции были следующие: объявление страны Федеративной республикой Ирак, курдского языка — государственным на территории Курдистана (в остальной части Ирака государственный язык только арабский) [Попова, 2005б]. Оставались открытыми требования курдов о получении большей части доходов от нефтяных месторождений, расположенных в курдских провинциях, и узаконение статуса автономии.

До последнего момента сунниты отказывались поддержать проект конституции, мотивируя это тем, что она ведет к распаду страны, и высказывая недовольство потерей ряда своих привилегий периода саддамовского правления, но в итоге уступили, получив взамен права внесения поправок в конституцию и проведения нового референдума.

Референдум о независимости Иракского Курдистана, проведенный в 2017 году, не был признан центральным правительством Ирака, несмотря на то, что более 92 % населения проголосовало за независимость [Иракский Курдистан ...]. Не поддержали проведение референдума правительства сопредельных с Ираком стран, в первую очередь Турция. Идея проведения референдума не была поддержана также ООН из-за страха перед дестабилизацией обстановки в регионе.

7. Выводы

Длительная борьба народа Иракского Курдистана ознаменовалась победой: в Южном Курдистане был создан очаг независимости, начала реализовываться вековая мечта народа о самоопределении. Признание правительством Ирака права курдов на территориальную автономию было несомненным успехом национального движения курдского меньшинства. В настоящее время Иракский Курдистан — это благополучный регион, и на фоне всего остального Ирака он, безусловно, выделяется своей стабильностью и устойчивостью.

Баасистский режим не собирался решать курдскую проблему в стране на подлинно демократической основе, а лишь создал видимость решения вопроса с целью снятия внутренней и международной напряженности. Бесчеловечные репрессии в Иракском Курдистане усилили сопротивление курдского народа и его стремление к самоопределению.

Пост-саддамовский период можно охарактеризовать высокой степенью напряженности, экономическим спадом, разрухой в стране. Однако курдской автономии за счет объединения разрозненных политических сил удалось относительно быстро восстановиться и встать на путь борьбы за свои национальные права и свободы. Усиление автономии южнокурдистанской администрации зависит от совокупности политических, экономических и внешнеполитических факторов, ср. об этом: [Мосаки, 2016, с. 50].

Курдские пешмерга при поддержке сил США вели успешную борьбу против террористических групп ИГ[□] на территории Ирака в период так называемой «арабской весны» 2011—2013 годов, в то время как сама иракская армия вынуждена была отступать, сдавая территории. В ответ на оказанную ими помощь курды ожидали поддержки со стороны мирового

сообщества в их борьбе за свою независимость. Однако итоги референдума 2017 года, по которому большинство курдов Ирака проголосовали за отделение, так и остались лишь на бумаге и не нашли практической реализации. Это вполне закономерно, так как США и их союзники опасались того, что в случае приобретения независимости Курдистаном запыхает весь Ближний Восток.

Что касается Турции, Ирана и Сирии, то их позиция по курдскому вопросу очевидна. Это государства, на территории которых проживают миллионы курдов, ущемленных в своих правах, и если курдская автономия Ирака получила бы независимость, курды в сопредельных странах тоже потребовали бы независимости или как минимум автономии. Поэтому политическое усиление курдов будет вызывать жесткое противодействие со стороны соседних государств с компактно проживающим курдским меньшинством. Несомненно, курдская проблема в определенной мере стала разменной монетой в руках заинтересованных стран. Вопрос независимости будет и дальше периодически всплывать по мере того, насколько в этом будут заинтересованы третьи страны.

Автономия коснулась только иракских курдов, однако последующее воздействие этого процесса на судьбу всего курдского народа несомненно, ср. мнение Т. С. Авдои: «В анализе процессов, происходящих на Ближнем и Среднем Востоке, а тем более при принятии политических решений заинтересованными странами в этом регионе не принимать во внимание курдский фактор уже невозможно» [Авдои, 2009]. Как пишет в своей книге «Религия и мировая политика» бывший госсекретарь США Мадлен Олбрайт, «даже если курды на какое-то время удовлетворятся предложенной им автономией, все равно их конечной целью остается независимый Курдистан» [Олбрайт, 2007, с. 91].

Источники

1. *Геноцид в Иракском Курдистане* / под ред. С. М. Кочои. — Москва : Профобразование, 2003. — 360 с. — ISBN 5-94297-058-0.
2. *Зейналов Мир Паша*. Записки дипломата : Ноябрьский кризис. Эвакуация / Мир Паша Зейналов // Азия и Африка сегодня. — 2000. — № 12. — С. 47—51.
3. *Иракский Курдистан*. Досье [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://tass.ru/info/1311929> (дата обращения 16.04. 2021).
4. *Мирский Г.* Американцы передали власть иракцам на два дня раньше, чем обещали / Г. Мирский // Известия. — 2004. 29 июня.
5. *Национальная конференция по решению курдской проблемы мирным, демократическим путем // Дружба*. — 2002. — № 13. — С. 21—22.
6. *Попова Н.* «Мы участвуем в неполном судебном процессе». Интервью с адвокатом Саддама Хусейна Иссамом Газзауи / Н. Попова // Известия. — 2005а. 20 июля.

7. Попова Н. Составители иракской Конституции спорят об исламе, о правах женщин и о доходах от продажи нефти / Н. Попова // Известия. — 2005б. 11 августа. — № 140. — С. 4.

8. Резолюция 1546 (2004), принятая Советом Безопасности на его 4987-м заседании 8 июня 2004 года [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://docs.cntd.ru/document/902134338> (дата обращения 18 июня 2021).

9. Севрский мирный договор [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://doc20vek.ru/node/3429> (дата обращения 18.05.2021).

10. «Химического Али» приговорили к смерти // Известия. — 2007. 25 июня.

11. Шестернина Е. В Ираке прошли парламентские выборы / Е. В. Шестернина // Известия. — 2005. 31 января. — № 15М. — С. 1.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абалян А. И. Курдская проблема в Ираке : история и современность / А. И. Абалян // Вопросы этнологии. — 2019. — № 2. — С. 124—139. — DOI: 10.28995/2658-7041-2019-2-124-139.

2. Авдои Т. С. Курдский вопрос в современных международных отношениях : автореферат диссертации ... кандидата политических наук : 23.00.04 / Т. С. Авдои. — Москва, 2009. — 159 с.

3. Вартаньян Э. Г. Борьба иракских курдов за самоопределение (XX — начало XXI в.) / Э. Г. Вартаньян // Синергетика образования : межвузовский сборник. — 2005. — Выпуск 5. — С. 45—59.

4. Вартаньян Э. Г. Иракский Курдистан в геополитических условиях конца XX — начала XXI в. / Э. Г. Вартаньян // V Столыпинские чтения «Публичная политика и социальные науки» / Материалы научно-практической конференции с международным участием 15—16 апреля 2016 г. — Краснодар : КубГУ, 2016. — С. 65—73.

5. Вартаньян Э. Г. Курдская проблема в Ираке : прошлое и настоящее / Э. Г. Вартаньян // Безопасность в Европе и Азии : уроки истории и современные проблемы : сборник статей. — Краснодар : КубГУ, 2006. — С. 152—168.

6. Жигалина О. Иракский Курдистан : новая ситуация, новые проблемы / О. Жигалина // Азия и Африка сегодня. — 2004. — № 5. — С. 51—54.

7. Касаткин Д. Ирак. Когда рассеялся дым войны / Д. Касаткин // Азия и Африка сегодня. — 1990. — № 1. — С. 18—22.

8. Лазарев М. Иракский Курдистан — прообраз курдского государства? / М. Лазарев // Азия и Африка сегодня. — 2007. — № 4. — С. 46—49.

9. Лазарев М. Курды : дорога длиной в 2500 лет / М. Лазарев // Азия и Африка сегодня. — 1994. — № 5. — С. 16—23.

10. Лазарев М. Курды — народ гонимый / М. Лазарев // Азия и Африка сегодня. — 1991. — № 10. — С. 14—15.

12. Мгои Ш. Масуд Барзани — председатель Демократической партии Курдистана / Ш. Мгои // Азия и Африка сегодня. — 1998. — № 2. — С. 24.

13. Мгои Ш. Мустафа Барзани. Политический портрет / Ш. Мгои // Азия и Африка сегодня. — 1998. — № 2. — С. 10—12.

14. Мосаки Н. З. Электроэнергетика Иракского Курдистана / Н. З. Мосаки // Азия и Африка сегодня. — 2016. — № 11. — С. 50—53.

15. Олбрайт М. Ирак : непредвиденные последствия (глава из книги «Религия и мировая политика» / М. Олбрайт // Азия и Африка сегодня. — 2007. — № 7. — С. 85—92.

16. *Премьер-министром* Ирака может стать И. аль Джаффари [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://www.rbc.ru/politics/22/02/2005/5703ba739a7947afa08c7822> (дата обращения 24.05.2021).
17. Саид Ш. Джаляль Талабани — генеральный секретарь Патриотического союза Курдистана / Ш. Саид // *Азия и Африка сегодня*. — 1998. — № 2. — С. 25.
18. Сейранян Б. Звезда и жизнь диктатора / Б. Сейранян // *Азия и Африка сегодня*. — 1994. — № 2. — С. 57—61.
21. Шахбазян Г. На минном поле / Г. Шахбазян // *Азия и Африка сегодня*. — 1998. — № 2. — С. 19—20.
22. Шахбазян Г. Россия и проблема курдов. 2012 [Электронный ресурс] / Г. Шахбазян. — Режим доступа : <http://kurdist.ru/wp-login.php?action=register> (дата обращения 20.06.2021).

MATERIAL RESOURCES

- “Chemical Ali” was sentenced to death. (2007). *Izvestia. June 25*. (In Russ).
- Iraqi Kurdistan. Dossier*. Available at: <https://tass.ru/info/1311929> (accessed 16.04.2021). (In Russ).
- Kochoi, S. M. (ed.). (2003). *The genocide in Iraqi Kurdistan*. Moscow: Vocational Education. 360 p. ISBN 5-94297-058-0. (In Russ).
- Mirsky, G. (2004). The Americans handed over power to the Iraqis two days earlier than they promised. *Izvestia. June 29*. (In Russ).
- National Conference on solving the Kurdish problem in a Peaceful, democratic way. (2002). *Druzhba, 13*: 21—22. (In Russ).
- Popova, N. (2005). The drafters of the Iraqi Constitution are arguing about Islam, women’s rights and oil revenues. *Izvestia. August 11, 140*: 4. (In Russ).
- Popova, N. (2005). “We are participating in an incomplete trial”. Interview with Saddam Hussein’s lawyer Issam Gazzawi. *Izvestia. July 20*. (In Russ).
- Resolution 1546 (2004), adopted by the Security Council at its 4987th meeting on 8 June 2004*. Available at: <http://docs.cntd.ru/document/902134338> (accessed 18.06.2021). (In Russ).
- Sevres Peace Treaty*. Available at: <http://doc20vek.ru/node/3429> (accessed 18.05.2021). (In Russ).
- Shesternina, E. (2005). Parliamentary elections were held in Iraq. *Izvestia, 15m. January 31*: 1. (In Russ).
- Zeynalov Mir Pasha. (2000). Notes of a diplomat: The November crisis. Evacuation. *Asia and Africa today, 12*: 47—51. (In Russ).

REFERENCES

- Abalyan, A. I. (2019). The Kurdish problem in Iraq: history and modernity. *Questions of ethnology, 2*: 124—139. DOI: 10.28995/2658-7041-2019-2-124-139. (In Russ).
- Albright, M. (2007). Iraq: unforeseen consequences (chapter from the book “Religion and World Politics”. *Asia and Africa Today, 7*: 85—92. (In Russ).
- Avdoi, T. S. (2009). *The Kurdish question in modern international relations*. Author’s abstract of PhD Diss. Moscow. 159 p. (In Russ).
- Kasatkin, D. (1990). Iraq. When the smoke of war dissipated. *Asia and Africa today, 1*: 18—22. (In Russ).

- Lazarev, M. (1991). Kurds-the persecuted people. *Asia and Africa today*, 10: 14—15. (In Russ).
- Lazarev, M. (1994). Kurds: a road of 2500 years long. *Asia and Africa today*, 5: 16—23. (In Russ).
- Lazarev, M. (2007). Iraqi Kurdistan — the prototype of the Kurdish state? *Asia and Africa today*, 4: 46—49. (In Russ).
- Mgoi, Sh. (1998). Masoud Barzani-Chairman of the Democratic Party of Kurdistan. *Asia and Africa Today*, 2: 24. (In Russ).
- Mgoi, Sh. (1998). Mustafa Barzani. Political portrait. *Asia and Africa today*, 2: 10—12. (In Russ).
- Mosaki, N. Z. (2016). Electric power industry of Iraqi Kurdistan. *Asia and Africa today*, 11: 50—53. (In Russ).
- Said, Sh. (1998). Jalal Talabani — Secretary General of the Patriotic Union of Kurdistan. *Asia and Africa Today*, 2: P. 25. (In Russ).
- Seyranyan, B. (1994). The Star and the life of a dictator. *Asia and Africa today*, 2: 57—61. (In Russ).
- Shakhbazyan, G. (1998). On the minefield. *Asia and Africa today*, 2: 19—20. (In Russ).
- Shahbazyan, G. (2012). *Russia and the problem of the Kurds*. Available at: <http://kurdist.ru/wp-login.php?action=register> (accessed 20.06.2021). (In Russ).
- The Prime Minister of Iraq may become I. al Jaffari*. Available at: <https://www.rbc.ru/politics/22/02/2005/5703ba739a7947afa08c7822> (accessed 24.05.2021). (In Russ).
- Vartanyan, E. G. (2005). The struggle of the Iraqi Kurds for self-determination (XX — the beginning of the XXI century). In: *Synergetics of education: an interuniversity collection*, 5: 45—59. (In Russ).
- Vartanyan, E. G. (2006). The Kurdish problem in Iraq: past and present. In: *Security in Europe and Asia: history lessons and modern problems: collection of articles*. Krasnodar: KubGU. 152—168. (In Russ).
- Vartanyan, E. G. (2016). Iraqi Kurdistan in the geopolitical conditions of the late XX — early XXI century. In: *V Stolypin readings "Public policy and social sciences" / Materials of a scientific and practical conference with international participation on April 15—16, 2016*. Krasnodar: KubSU. 65—73. (In Russ).
- Zhigalina, O. (2004). Iraqi Kurdistan: a new situation, new problems. *Asia and Africa today*, 5: 51—54. (In Russ).

Давыдов А. Ю. «Льготнический» фактор экономической политики большевиков и Кронштадтский мятеж / А. Ю. Давыдов, В. В. Хуциева // Научный диалог. — 2021. — № 10. — С. 343—358. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-10-343-358.

Davydov, A. Yu., Khutsieva, V. V. (2021). “Privilege” Factor in Economic Policy of Bolsheviks and Kronstadt Rebellion. *Nauchnyi dialog*, 10: 343-358. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-10-343-358. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-10-343-358

«Льготнический» фактор экономической политики большевиков и Кронштадтский мятеж

Давыдов Александр Юрьевич

orcid.org/0000-0001-7232-4926

ResearcherID Y-4039-2018

доктор исторических наук,
профессор кафедры
русской истории (XIX—XXI вв.)
davydov.au@mail.ru

Хуциева Виктория Валерьевна

orcid.org/0000-0003-2533-7198

кандидат исторических наук,
доцент кафедры
русской истории (XIX—XXI вв.)
vkhutsieva@herzen.spb.ru

Российский государственный
педагогический университет
имени А. И. Герцена
(Санкт-Петербург, Россия)

“Privilege” Factor in Economic Policy of Bolsheviks and Kronstadt Rebellion

Alexander Yu. Davydov

orcid.org/0000-0001-7232-4926

ResearcherID Y-4039-2018

Doctor of History, Professor,
Department of Russian
History (XIX—XXI centuries)
davydov.au@mail.ru

Victoria V. Khutsieva

orcid.org/0000-0003-2533-7198

PhD in History, Associate Professor,
Department of Russian
History (XIX—XXI centuries)
vkhutsieva@herzen.spb.ru

The Herzen State Pedagogical
University of Russia
(St. Petersburg, Russia)

© Давыдов А. Ю., Хуциева В. В., 2021

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Анализируется влияние Кронштадтского мятежа (март 1921 года) на изменение экономического курса большевиков. Представлены результаты сопоставительного анализа разных концептуальных подходов к трактовке его как фактора влияния. Первоосновой военного коммунизма авторы считают продовольственную диктатуру, периодически смягчавшуюся кампаниями по наделению трудящихся «льготами» в виде права на провоз продуктов; современники говорили о «льготничестве». В работе выполнен обзор событий, позволяющий рассматривать «льготничество» в качестве основного фактора активизации нелегальных рыночных отношений в 1918—1921 годах. Новизна ее состоит в атрибутировании Кронштадтского мятежа как существенной причины перехода ленинского руководства не к НЭПу, а к очередной «льготнической» операции. Вместе с тем авторы статьи аргументируют суждение о том, что ускоренное мятежом накопление уступок («льгот») привело в августе 1921 года к легализации свободы торговли и к НЭПу. В статье уделяется внимание вопросу о социальной базе восстания, поскольку в том числе в этом обстоятельстве авторы усматривают истоки неустрашимости и отчаянности повстанцев. А. Давыдов и В. Хуциева доказывают, что восставшие в первую очередь выступали от имени той части крестьянства, которое сумело сберечь свой хлеб от большевистских реквизиций.

Ключевые слова:

большевики; военный коммунизм; крестьянство; Кронштадтский мятеж; льготничество; НЭП; продialog.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The influence of the Kronstadt mutiny (March 1921) on the change in the economic course of the Bolsheviks is analyzed. The results of a comparative analysis of different conceptual approaches to its interpretation as a factor of influence are presented. The authors consider the food dictatorship to be the fundamental principle of war communism, periodically softened by campaigns to endow workers with “privileges” in the form of the right to transport food; contemporaries talked about “benefits”. An overview of events, which allows us to consider “privileges” as the main factor in the activation of illegal market relations in 1918—1921 is provided in the article. Its novelty lies in the attribution of the Kronstadt mutiny as an essential reason for the transition of the Leninist leadership not to the NEP, but to the next “privileged” operation. At the same time, the authors of the article argue that the accumulation of concessions (“privileges”), accelerated by the rebellion, led in August 1921 to the legalization of freedom of trade and to the NEP. Great attention is paid to the issue of the social basis of the mutiny, since, among other things, the authors see the sources of fearlessness and despair of the insurgents in this circumstance. A. Davydov and V. Khutsieva prove that the rebels primarily acted on behalf of that part of the peasantry that managed to save their bread from the Bolshevik requisitions.

Key words:

Bolsheviks; war communism; peasantry; Kronstadt mutiny; privilege; NEP; tax in kind.

«Льготнический» фактор экономической политики большевиков и Кронштадтский мятеж

© Давыдов А. Ю., Хуциева В. В., 2021

1. Подходы к освещению темы, понятие «льготничество»

Место и роль Кронштадтского мятежа в политическом контексте 1921 года остается научной проблемой. Обнаруживались разные мнения по поводу толкования предпосылок этого события. Говорилось о том, что восстание было спровоцировано эсеровским и монархическим подпольем; главной причиной мятежа называли острую нехватку продовольствия на Балтийском флоте [Шишкин, 1963, с. 352—353; Юрченко и др., 2013, с. 214—217]. В этом отношении актуальность представляет тема «кронштадтские моряки как выразители воли и желаний крестьянской массы». Привлекает внимание вопрос о роли и месте восстания в переходе к желанному для сельских тружеников НЭПу. Вспомним: в советской историографии общим местом стало положение о завершении разработки Лениным нэповского курса еще до мятежа и без связи с ним; якобы соответствующий проект нашел воплощение в написанном 8 февраля 1921 года «Предварительном, черновом наброске тезисов насчет крестьян» [Ленин, 1970, с. XVII].

Прежде всего разберемся в вопросе: какую роль сыграло матросское восстание в смене политических парадигм первых месяцев 1921 года? Думается, Кронштадт подтолкнул Ленина к углублению «льготнического» комплекса мер, а не к НЭПу как системе принципиально других (не реквизиционных, а рыночных) взаимоотношений между государством и крестьянством. Термином *льготничество* (еще говорили: *полуторاپудничество*, *двухпудничество*, *отпусничество*) современники определяли временное допущение военно-коммунистическими властями одноразовых поездок изголодавшихся рабочих-отпускников в сельскую глубинку за полутора или двумя пудами хлеба; таким способом предполагалось смягчить болезненное воздействие продовольственной диктатуры на пролетариат. Ленинское руководство в 1918—1920 годах вынуждалось время от времени наделять пролетариев «льготами» в виде временных разрешений на провоз продуктов. Большевики шли на это скрепя сердце. В работе «О свободной торговле хлебом» (август 1919) Ленин называл указанную «свободу» «возвратом к капитализму», поскольку она обостряет «борьбу между людьми из-за наживы». В общем на проблему вождь

смотрел оптимистически и коллизию обнаруживал во временном «непонимании» трудящимися всей остроты угрозы, исходившей от свободного рынка [Ленин, 1970, с. 170]. Вместе с тем страхи большевистского руководителя не были напрасными, ибо даже мелкие уступки коммунистов нелегальный рынок каждый раз с успехом использовал в своих интересах. Можно сказать, власти приоткрывали узкую рыночную лазейку, а народ ее превращал в широкие ворота. Граждане раздобывали документы «на провоз» и не считались ни с какими заградительными препонами. Вместо налаженного механизма поощрения социально близких групп получалась фактическая легализация теневого рынка. После этого власть спохватывалась и незамедлительно поворачивала назад, восстанавливая продовольственную диктатуру [Давыдов, 2019, с. 434—459, 554—576].

2. Продналог и свобода торговли: в чем насущный интерес крестьян?

Особо подчеркнем, что весной 1921 года говорить о готовности центральной власти к переходу к НЭПу — несмотря на ее «кронштадтский» испуг — не стоит. Да, она пошла на продналог, однако крестьян интересовал не он, а свобода торговли. Зачем им излишки продукции, если нельзя торговать или торговать можно лишь с соседней деревней? Сельских тружеников жизненно интересовала реабилитация денежно-рыночных связей города с деревней. Однако как раз этого и не было дано им ни до, ни сразу после Кронштадтского мятежа. Впрочем, как видно, после него власть проявляла себя гораздо более уступчивой по отношению к крестьянству — в частности, начав сокращать заградотряды — и НЭП становился реальной перспективой (но отнюдь не реальностью).

Сравним два факта. 8 февраля 1921 года Ленин в указанном выше «черновом наброске» предлагал возможное введение «хлебного налога»; при этом он туманно пообещал полностью отчитавшимся о сдаче налога земледельцам «расширить свободу использования излишков... в местном хозяйственном обороте» [Ленин, 1970, с. 333]. Особо подчеркнем: местный оборот не предполагал восстановления денежного хозяйства; осуществлявшиеся в его рамках торговые сделки между соседними населенными пунктами следует рассматривать как эпизодические акции, а не систематические рыночные связи.

Вспыхнул Кронштадтский мятеж, и уже в принятом через три дня после него декрете ВЦИК о продналоге от 21 марта 1921 года обнаруживается формулировка: «Обмен допускается в пределах местного хозяйственного оборота как через кооперативные организации, так и на рынках и базарах» [Директивы ..., 1957, с. 227]. Признается разнообразие форм осуществления хозяйственного оборота — не только через государственные

органы (то есть национализированную кооперацию), но и на ярмарках. За первые три недели марта власть продвинулась по пути либерализации экономической жизни. Начавшийся 1 марта матросский бунт заставил коммунистическую верхушку усмирить свою гордыню. Он сильно перепугал большевиков. Не случайно тема Кронштадта стала самой обсуждаемой на продолжавшемся с 8 по 16 марта 1921 года X съезде РКП(б). В. И. Ленин, сравнивая восставших моряков с белыми генералами, назвал их самыми опасными врагами революции и требовал «кронштадтские уроки» выдвинуть в центр всей политической жизни [Протоколы ..., 1933, с. 35, 115, 310]. Показательно, что и по истечении ряда лет большевистские деятели вспоминали о Кронштадтском восстании именно как о причине политических изменений 1921 года [Сталин, 1947, с. 37].

3. Кронштадтский мятеж и проблема введения НЭПа

Однако и порядок, определенный 21 марта, называть НЭПом преждевременно. Полагаем, декрет расширял «льготничество», ибо торговля не стала свободной. По-прежнему предлагалось обмениваться продуктами, но только в своей местности. Причем сохранялся безденежный вариант товарообмена. Хозяйственная целесообразность в последний раз на этапе кризиса военно-коммунистической политики отступила перед идеологическим диктатом. Учтем, что В. И. Ленин с 1918 года стал получать телеграммы из губерний, в которых местные комиссары рассказывали о спасительной роли мешочничества и нелегального рынка для выживания большинства населения [Осипова, 2001, с. 85]. Взгляды Ленина на свободную торговлю эволюционировали по мере постижения им сложностей продовольственного дела, ранее абсолютно неизвестных ему. В январе 1918 года он требовал расстреливать мешочников. Между тем в августе 1918 года он предлагал «установить временно — скажем, на один месяц — льготный провоз по 1,5 пуда хлеба в голодные местности для рабочих при условии особого контроля»; при этом Владимир Ильич наивно надеялся на то, что с помощью «особых свидетельств» (расписок, квитанций, удостоверений) удастся пресечь спекуляцию [Ленинский ..., 1931, с. 75, 123]. В 1919 году Ленин уже публично признавал некоторые экономические выгоды свободной торговли, а на мешочников-рабочих рекомендовал повлиять «товарищеским воспитанием, товарищеским воздействием» [Ленин, 1969, т. 38, с. 356; Там же, т. 40, с. 297]. Однажды в частной беседе он даже назвал мешочников «честными тружениками» и настаивал на «осторожном подходе» к ним [Встречи ..., 1958, с. 142]. Тем не менее в декабре 1919 года вожьд твердо заявил: на «свободу продажи хлеба... мы не пойдем никогда, скорее костыми все ляжем, чем сделаем в этом уступки» [Ленин, 1970,

т. 39, с. 407]. Ленина, а также его многочисленных эпигонов не стоит относить к разряду последовательных ригористов и слепых фанатиков, неслучайно в конце концов они решились на переход к НЭПу. Однако убежденность в приоритетности передовой идеологии по отношению к экономике заставляла их цепляться за утопическую продовольственную политику.

На практике из «льготничества» образца марта 1921 года — как и из всех предшествовавших его разновидностей — фактически получилась новая легализация мешочничества. Постепенное (начавшееся с Петроградской и Московской губерний) ограничение сети заградительных отрядов стало условием расширения нелегального рынка. Летом 1921 года один из руководителей потребительской кооперации М. Хейсин писал: «Мешочник — хозяин своего товара, он его менял, перепродавал, комбинировал и ввремя, с необходимыми товарами являлся к владельцу хлебных излишков. И пока кооперация пыжится одной какой-нибудь товарной ценностью вроде мануфактуры, вольный добытчик хлеба переделывает в товар, который находит применение в данном месте. Худо, что все прикрывается кооперацией» [Хейсин, 1921, с. 20]. Согласимся с теми авторами, кто обнаруживает в НЭПе не просто развязывание рынка как такового. Исследователь С. А. Павлюченков справедливо увидел в новой экономической политике «средство восстановления разрушенной экономики России» постольку, поскольку она «предоставила относительный простор тем отношениям, которые были присущи самому большому и сильному сектору экономики страны — крестьянскому хозяйству» [Павлюченков, 2002, с. 10].

В любом случае нельзя говорить о том, что основы НЭПа были выработаны до Кронштадтского мятежа, а мятеж в таком контексте якобы не играл значимой роли. Кронштадт подтолкнул власть к углублению ставшей уже привычной «льготнической» политики периода военного коммунизма. Более того, «льготничество» послекронштадтских месяцев выступило важным условием подлинного НЭПа. Он и был провозглашен в Наказе СНК о проведении в жизнь начал новой экономической политики от 9 августа 1921 года. В Наказе Совнаркома фиксировалось: «Не следует ограничиваться рамками местного оборота и переходить, где это возможно и выгодно, к денежной форме обмена» [Декреты ..., 2009, с. 97]. Легализовывался широкий общероссийский рыночный оборот. Этого и добились крестьянские массы.

Кстати, именно за счет «льготнической» — по выражению современников изучаемого времени — «панамы», то есть маскировки, удалось Ленину преодолеть сопротивление сторонников военного коммунизма новым веяниям. То, что делалось в первые месяцы 1921 года, во многом походило на «льготнические» кампании 1918—1920 годов и не вовсе перепугало право-

верных большевиков. Большевистское руководство всеми силами старалось соблюсти идеологические приличия. Еще в апреле 1921 года на заседании Совета труда и обороны и в мае 1921 года на пленуме ЦК РКП(б) обсуждались вопросы искоренения мешочнической купли-продажи провизии [Хлеб ..., 1972, с. 209, 278].

Между тем надежды В. И. Ленина на то, что к трудящимся придет понимание истинности эгалитаристских большевистских принципов, в послекронштадтский период довольно быстро испарились; после снятия некоторой части заградотрядов народ ринулся не в огосударствленные кооперативы, а на толкучий рынок (вспомним М. Хейсина). В выступлениях Ленина на X Всероссийской партконференции (конец мая 1921 года) признавалось, что мешочники «осилили» государственную организацию; при этом подтверждался курс на государственно-кооперативный товарообмен, но уже была выдвинута задача дать «тому капитализму, который растет на почве мелкой собственности и мелкой торговли, некоторую свободу» [Ленин, 1970, т. 43, с. 313, 314, 329, 334]. Инспиратором перехода к НЭПу выступил именно Ленин, который встретил решительное противодействие со стороны влиятельного наркома продовольствия А. Д. Цюрупы. По воспоминаниям Александра Дмитриевича, конфликт между ним и «ленинским окружением» достиг такой остроты, что главе продовольственного ведомства было предложено уехать за границу для лечения; он это и сделал [Цюрупа, 1960, с. 102—103].

Кронштадтский мятеж был следствием военно-коммунистической политики, но также в конечном счете стал мотиватором ее свертывания. Подчеркнем: все сказанное относится к теме «Кронштадт и НЭП». Теперь обратимся к вопросу о кронштадтцах как выразителях интересов крестьянства или какой-то его части.

4. Приоритеты кронштадтских повстанцев

Присмотримся внимательно к требованиям мятежников. Оказывается, на первом месте среди экономических требований восставших стояло отнюдь не введение продналога (да и вообще ничего о продналоге в 15 пунктах их ультиматума не обнаруживается). Основным экономическим требованием (под цифрой 8) стало: «Немедленно снять все заградительные отряды». Современному историку В. В. Попову данный пункт документа представился противоречившим «здравому смыслу» по той причине, что матросы были заинтересованы в продовольственной диктатуре, от которой они получали продукты питания и которая держалась на заградотрядах [Попов, 2013, с. 66]. Тем не менее именно названное первоочередное положение выдвигалось в резолюции общего собрания команд 1-й и

2-й бригад линейных кораблей от 1 марта 1921 года [Известия ..., 1921]. Кронштадтцы настаивали не на отмене продразверстки и не на введении продналога, они добивались упразднения «заградов», ставших ко времени восстания непреодолимым барьером для нелегального рынка.

Сформированный 2 марта Временный революционный комитет восставшего Кронштадта подкорректировал текст указанного документа, заострив, в частности, внимание на требованиях освобождения рынка от диктатуры большевиков. Первомартовский ультиматум был расширен до 18 тезисов. После 12-пунктового политического блока обнаруживаем следующее положение: «(13) Свобода передвижения по железным дорогам и водным путям для всех граждан»; такую свободу в изучаемое время использовали в основном для мешочнических операций на нелегальном рынке. Ригористическая направленность «антизаградовского» пункта ультиматума была усилена; он стал таким: «(14) Право рабочим вести непосредственный товарообмен с крестьянами и снятие заградительных отрядов — этих новых дорожных разбойников». Далее в наказе стояло: «(15) Свобода закупок товаров за границей рабочими кооперациями, чтобы избежать посредничества правительственных спекулянтов, наживающих миллионы на рабочем поту» [ЦГАИПД, л. 23].

Примечательно, что Ленин в докладе на X съезде партии именно в нацеленности мятежников на достижение свободы торговли (а не в чем-то другом) увидел подлинную опасность неминуемой гибели советской власти и «полной реставрации» [Протоколы ..., 1933, с. 36]. Поэтому — как мы наблюдали — партия пошла на продналог, но до последней возможности цеплялась за свою торговую монополию и «льготничество». В то же время кронштадтцы смотрели в корень и добивались настоящей (вовсе не «льготнической») экономической свободы для народа. Неслучайно заявка на введение продналога отсутствует в том числе и в развернутом списке требований ревкома.

Нередко утверждается, что кронштадтцы выступали прямыми и последовательными выразителями интересов крестьян, возмущенных продразверсткой. Это можно объяснить: подавляющее большинство (80 % — по одним данным, 90 % — по другим) из 25 тыс. военнослужащих Кронштадта были выходцами из крестьянской среды [Шишкина, 1977, с. 75; Юрченко и др., 2013, с. 214]. В бюро жалоб политотдела Балтийского флота поступило с конца октября 1920 года до конца февраля 1921 года 211 жалоб личных и коллективных; из них в 156 заявлениях содержались жалобы не на личное положение адресанта, а на политику несправедливого изъятия крестьянского хлеба [Алешкин, 2008, с. 96].

Как видим, кронштадтцы оставались на деле активными выразителями интересов той среды, из которой они вышли. Тем не менее, исходя из основного «антизаградовского» требования балтийских моряков, они отнюдь не в равной степени выражали интересы отдельных категорий сельских трудящихся.

Причиной массового крестьянского недовольства называется крайнее истощение крестьянских запасов. Это происходило из-за грабительской продовольственной политики. Однако при чем здесь упомянутые заградительные отряды, деятельность которых сводилась к изъятию хлеба на дорогах? Ведь если у крестьян хлеб отобрали и они голодали, значит, перевозить им было нечего и заграды для них оказывались не страшными. Как представляется, все-таки моряки выступали от имени той — отнюдь не истощенной голодом — большей части крестьян, которая располагала хлебным фондом. Известно, что земледельцам удавалось утаить от учетчиков от 15 до 20 % посевных площадей [Пашин и др., 2008, с. 135]. «Крестьяне имели излишки продовольствия, образовавшиеся в результате утайки от продразверстки», — справедливо отмечает историк-аграрник В. А. Ильиных [Ильиных, 2010, с. 32]. Следовательно, сохранив серьезные запасы, сельские труженики не могли обойтись без купли-продажи тяжело доставшейся и с риском сбереженной ими части урожая. В этом смысле к 1921 году созрели по-настоящему острые противоречия между крестьянством и большевистской властью. Но почему они отчетливо выявились именно к 1921 году?

Кронштадтцы в полной мере были выразителями интересов уклонившихся от продразверстки крестьян хлебных районов. Показательно, что в 1920 году в Кронштадт прибыли 10 тыс. новобранцев — преимущественно с Дона, Кубани, Украины [Юрченко и др., 2013, с. 215]. В июле 1920 года Ф. Раскольников, став командующим Балтфлотом, попытался ограничить уход матросов на берег и их отпуска; однако моряки все равно ездили на родину, получали письма из дома и бывали в увольнительных [Христофоров, 2014, с. 75—85]. Связь между страной и военно-морской базой оставалась прочной.

5. «Антизаградовская» направленность мятежа

В то же время военнослужащие усваивали настроения миллионов сельских тружеников. Прежде всего они перенимали их ненависть к заградительным отрядам (их называли «заградами»), крайне обострившуюся к 1921 году. Известно, что продовольственная диктатура в продразверсточном варианте проводилась с января 1919 года. Вместе с тем, судя по содержанию документов, опубликованных в 2002 году В. Даниловым и

Т. Шаниным, крестьяне на первых порах — в 1918—1919 годах — освоились с проддикатурой. Вовсю действовал масштабный теневой рынок, и он в общем устраивал сельских тружеников. Однако с 1919 года реквизиционная армия неуклонно укрепляла свои ряды и на деле начинала контролировать дороги [Крестьянское движение ..., 2002, с. 182—187]. В 1920 году нелегальный рынок свертывался от месяца к месяцу. Вот тут крестьяне по-настоящему обиделись на власть, мешавшую им воспользоваться богом данным правом распорядиться с таким трудом произведенным продуктом.

Доведение к 1921 году проддикатуры до логического завершения (то есть до победы заградительной армии над вольным рынком) — вот важнейшая причина крестьянского недовольства, а поскольку балтийские моряки выступали выразителями интересов сельчан — то и Кронштадтского мятежа.

Не случайно, судя по текстам телеграмм с мест, обнаруженных в фонде Совнаркома [ГАРФ], Наркомат продовольствия считал «вчерашних мешочников», то есть недавно мобилизованных военнослужащих, в том числе моряков, самой большой угрозой для своих заградотрядов. На станциях, выбравшись из своих вагонов, новобранцы то и дело вступались за мешочников и расправлялись с реквизиционными частями. На всякий случай Наркомпрод даже добивался запрещения остановок воинских эшелонов в пунктах дислокации заградов. Поводов для расправы последние давали более чем достаточно, ибо злоупотреблениям реквизиционных подразделений не было числа. Крестьян и их служивших в армии сыновей бесконечно возмущала практика конфискации провизии на дорогах.

6. Маятниковая политика и ее результаты

Теперь — о «льготничестве». Негодование крестьян вызывали не только заградительные отряды, но еще и (по их убеждению) странные метания большевистского руководства. Имеется в виду неоднократно упоминавшееся нами «льготничество». Подобным способом власть пыталась задобрить пролетариев, позволяя им отправиться за хлебом. В зависимости от того, каким образом и в каких количествах разрешалось провезти хлеб, его именовали *полупролетарством*, *двухпролетарством*, *отпускничеством*. Однако неproлетарскому населению удавалось выдавать себя за рабочий класс, и целые эшелоны отправлялись по липовым документам за хлебом.

В конечном счете правом провоза продуктов начинали пользоваться все без исключения. В деревню устремлялись охотники за провизией. Крестьяне разворачивали свою торговлю. Маятник экономической политики двигался в сторону смягчения проддикатуры, которая в итоге стала

трещать по швам. На дорогах творилась вакханалия, командиры и бойцы заградотрядов находились в замешательстве: одни занимались реквизициями с еще большей жесточенностью, другие выжидали распоряжений и отправляли жалобы в Совнарком и Наркомпрод. Наконец, власть пугалась и принималась в очередной раз загонять в подполье «льготнического» джина. Через месяц-полтора государство возвращалось к исходному положению. Возникали бесчисленные конфликты. К 1921 году все это страшно разозлило крестьян. Народ усваивал: если нажать на большевиков, то они могут и уступить [Давыдов, 2018, с. 347—349; Давыдов, 2019, с. 384—386, 430—432, 487—577].

Что-то похожее происходило и перед Кронштадтским мятежом. Если в 1920 году власть взяла в ежовые рукавицы вольный рынок, то с начала 1921 года начинается «льготничество». Отменили разверстку в феврале в Тамбовской губернии. Центральная власть обсуждала вопрос о продналоге. Ленину на конференции металлургов (в середине февраля) задавали вопросы о сроках перехода к новой политике. В том же феврале стали снимать кое-где заградотряды в Петроградской губернии [Шишкин, 1963, с. 351; Яров, 2014, с. 123; Павлюченков, 2002, с. 19]. Думается, если бы не мятеж марта 1921 года, все и закончилось бы умеренным «льготничеством»; разверстку могли переименовать в продналог.

7. Заключение

Итак, Кронштадтское восстание подтолкнуло центральную власть к продолжению политики уступок, а не к радикальному политическому маневру. И. В. Сталин в декабре 1921 года, подводя итоги уходящего года, писал в статье «Перспективы» (опубликованной в газете «Правда»): «Кронштадт был предостережением, указывавшим, что старая форма союза (рабочих и крестьян. — *А. Д., В. Х.*) изжита, что нужна новая, хозяйственная форма союза» [Сталин, т. 5, с. 123]. Он определил последовательность «шагов», сделанных после Кронштадта в сторону такой «новой формы»; по его словам, первым шагом стало «снятие разверстки», а «вторым шагом нужно считать передачу продовольственных и сырьевых заготовок Центральному союзу потребительских кооперативов (Центросоюзу)» [Там же, с. 123—124].

Уже весной 1921 года стала создаваться система прямого продуктообмена между городом и деревней через огосударствленные потребительские общества. Это и был «второй шаг» к НЭПу. В письме ЦК РКП(б) ко всем партийным организациям «О кооперации» от 9 мая 1921 года заявлялось: «Задачей кооперации является вырвать мелкого производителя из цепких лап спекулянтов, освободить потребителей и производителей

от эксплуатации скупщиков, направить главный приток излишков мелкого хозяйства в руки Советской власти, а не в руки возрождающегося мелкого капиталиста» [Решения ..., 1967, с. 226]. 26 мая 1921 года между Наркомпродом и руководившим потребкооперацией Центросоюзом было заключено соглашение о возложении на последний централизованных заготовок сельскохозяйственной продукции. Перевозка продовольственных грузов по железным дорогам допускалась только с санкции двух этих органов и лишь в их адреса [О введении..., 1944]. По справедливому замечанию Л. Н. Юровского, упоминание в директивных документах апреля — июля 1921 года «свободного обмена» имело в виду обмен товара на товар без участия денег в этой операции [Юровский, 1996, с. 133].

Предполагалось, что сельчане, придя в кооперативные распределители, будут обменивать свои продукты на товары по неким эквивалентным таблицам. В них деньги заменялись счетными единицами: в одном месте это был пуд кожи или железа, в другом — аршин ситца и т. д. Продналог фактически представлял собой уменьшенный формат продразверстки, когда крестьян принуждали значительной частью своего урожая обмениваться с государством на его условиях. Однако Центросоюз потерпел полный крах, ибо труженики деревни не приняли навязанные сверху цены [Юровский, 1996, с. 135]. Перед потребительскими обществами ставилась задача до октября 1921 года собрать 32 млн пуд. хлеба, однако в июне они заготовили 30 тыс. пуд., в июле 58 тыс., в августе — больше, но все равно чрезвычайно недостаточно — 548 тыс. пуд. [Ильиных, 1992, с. 18—19]. Поэтому и масштабы мешочничества расширялись от месяца к месяцу, чему способствовало сокращение в большинстве районов числа заготовителей. Местные власти препятствовали их «снятию», тем не менее они — лишенные Наркомпродом жалования — возвращались в места формирования [ГАРФ, оп. 5, д. 796, л. 55, 57, 58, 89].

Не получая хлеба от Центросоюза, к августу 1921 года большевики еще раз убедились в бесперспективности безденежного хозяйства применительно к тому времени. Тогда-то и было отменено монопольное право кооперации на проведение товарообмена, отказались от нелепых попыток насаждения в деревне бартерных сделок. Примечательно, что Сталин в указанной статье «Перспективы» признал: гегемония Центросоюза в сфере заготовок выявила «нецелесообразность натуральной формы товарообмена и быстрое развитие денежной (мешочнической. — *А. Д., В. Х.*) его формы» [Сталин, т. 5, с. 125]. В конечном счете ленинцы сдали принципиальнейшие для них военно-коммунистические позиции, что в изучаемый период означало капитуляцию перед «мелкой буржуазией» и идеологический «термидор». Кронштадцы сыграли в этих процессах немалую роль в том

числе и потому, что выступили от имени крестьянства, которое на практике проявляло себя самым непримиримым и отчаянным противником большевиков. За ними стояли не голодные и обездоленные земледельцы, а сильные и энергичные труженики, сумевшие сохранить свой хлеб от реквизиций и противостоять несправедливой продовольственной политике.

Источники и принятые сокращения

1. *Встречи с Лениным* : воспоминания железнодорожников. — 2-е изд., доп. — Москва : Трансжелдориздат, 1962. — 311 с.
2. ГАРФ — *Государственный архив Российской Федерации*. Ф. 130 (Совет народных комиссаров). Оп. 2, 5.
3. *Декреты Советской власти*. Т. XVIII. Август 1921 г. / Ин-т рос. истории Рос. Академии наук, Рос. гос. архив соц.-полит. истории. — Москва : РОССПЭН, 2009. — 671 с. — ISBN 978-5-8243-1177-8.
4. *Десятый съезд РКП(б)*. Март. 1921 г. : [Протоколы] / под ред. Н. Н. Попова. — Москва : Парг. изд-во, 1933. — 954 с.
5. *Директивы КПСС и Советского Правительства по хозяйственным вопросам*. 1917—1957 гг. : сборник документов : в 4 т. Т. 1. 1917—1928-е годы. — Москва : Госполитиздат, 1957. — 879 с.
6. *Известия Временного революционного комитета матросов, красноармейцев и рабочих г. Кронштадта* : газета. — 1921. — № 1. — 3 марта.
7. *Крестьянское движение в Поволжье, 1919—1922* : док. и материалы / [сост. В. Данилов и др.]. — Москва : РОССПЭН, 2002. — 941 с. — ISBN 5-8243-0298-7.
8. *Ленинский сборник* : в 40 т. Т. 18 / [ред. В. В. Адоратский и др.]. — Москва : Соцгиз, 1931. — 305 с.
9. *О введении в действие правил перевозки по железным дорогам и водным путям продовольственных грузов* : Постановление Главного Управления Путей Сообщения : ст. 226 // *Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства* № 46 от 3 июля 1921. — Москва, 1944. — С. 453—457.
10. *Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам* : сб. документов / сост. К. У. Черненко, М. С. Смиртюкова. — Москва : Политиздат, 1967. — Т. 1: 1917—1928 годы. — 783 с.
11. *Хейсин М.* Отклики кооператора / М. Хейсин // *Производсоюз: кооперативный журнал*. — 1921. — № 20—24. — С. 20.
12. *Хлеб и революция. Продовольственная политика коммунистической партии и советского правительства в 1917—1922 годах* / сост. А. С. Изюмов, П. Я. Северин. — Москва : Советская Россия, 1972. — 328 с.
13. ЦГАИПД — *Центральный государственный архив историко-политических документов*. Ф. Р-16 (Ленинградский губернский комитет ВКП(б) (1917—1927) Ленинград). Оп. 4. Д. 4099.
14. *Цюрупа А. Д.* Хлебный фронт / А. Д. Цюрупа // *Ленинские страницы. Документы. Воспоминания. Очерки*. — Москва : Известия, 1960. — С. 102—103.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алешкин П.* Красный флаг над мятежным Кронштадтом: отражение протестного настроения крестьянства / П. Алешкин // *Власть*. — 2008. — № 9. — С. 96—100.

2. Давыдов А. Ю. Третий фронт Гражданской войны в России: мешочничество в прорыве большевистской осады деревни / А. Ю. Давыдов // Новейшая история России. — 2018. — Т. 8, № 2. — С. 347—349.
3. Давыдов А. Ю. Третий фронт гражданской войны в России: мешочничество / А. Ю. Давыдов. — Санкт-Петербург : Евразия, 2019. — 672 с. — ISBN 978-5-8071-0449-6.
4. Ильиных В. А. Коммерция на хлебном фронте (Государственное регулирование хлебного рынка в условиях нэпа. 1921—1927) / В. А. Ильиных. — Новосибирск: Наука. Сиб. отделение, 1992. — 224 с. — ISBN 5-02-029770-4.
5. Ильиных В. А. Хроники хлебного фронта: заготов. кампании конца 1920-х гг. в Сибири / В. А. Ильиных. — Москва : РОССПЭН, 2010. — 343 с. — ISBN 978-5-8243-1406-9.
6. Ленин В. И. Полное собрание сочинений / В. И. Ленин / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. — 5-е изд. — Москва : Госполитиздат, 1969—1974. — Т. 38: Март—июнь 1919 г. ; Т. 39: Июнь—декабрь 1919 г. — 623 с. ; Т. 40: Декабрь 1919 — апрель 1920 г. ; Т. 42: Ноябрь 1920 — март 1921 г. — 606 с.
7. Осипова Т. В. Российское крестьянство в революции и гражданской войне / Т. В. Осипова. — Москва : Стрелец, 2001. — 400 с. — ISBN 5-89409-023-7.
8. Павлюченков С. А. Введение / С. А. Павлюченков и др. // Россия нэповская. — Москва : Новый хронограф, 2002. — С. 10. — 468 с. — ISBN 5-94881-003-8.
9. Пашин В. П., Богданов С. В., Емельянов С. Г. Государственная алкогольная политика в России: от Витте до Сталина (власть, общество, нелегальный рынок) / В. П. Пашин, С. В. Богданов, С. Г. Емельянов. — Курск : КГТУ, 2008. — 258 с. — ISBN 978-5-7681-0404-7.
10. Попов В. В. Первоначальные версии причин кронштадтского мятежа в изложении самих восставших матросов и официальных советских властей во время разворачивавшихся событий 1921 г. / В. В. Попов // Историческая и социально-образовательная мысль. — 2013. — № 5. — С. 65—69.
11. Сталин И. В. Сочинения / И. В. Сталин. — Москва : ОГИЗ ; Государственное издательство политической литературы, 1947. — Т. 5. 1921—1923 ; Т. 6. 1924 г. — 430 с.
12. Христофоров В. С. Лидер Кронштадтского восстания / В. С. Христофоров // Морской сборник. — 2014. — № 9 (2010). — С. 75—85.
13. Шишкин В. А. Проблема перехода к новой экономической политике в освещении современной англо-американской буржуазной историографии / В. А. Шишкин // Рабочие Ленинграда в борьбе за победу социализма. Труды ЛОИИ. Вып. 6. — Москва ; Ленинград, 1963. — С. 352—353.
14. Шишкина И. М. Правда истории и домыслы советологов : против искажения роли партии в период перехода к мирному соц. строительству / И. М. Шишкина. — Ленинград : Лениздат, 1977. — 190 с.
15. Юровский Л. Н. Денежная политика Советской власти (1917—1927). Избранные статьи / Л. Н. Юровский. — Москва : Начала-Пресс, 1996. — 423 с.
16. Юрченко И. Ю., Попов В. В. «Дело снабжения продовольствием неудовлетворительное». Матросы, казаки, крестьяне-красноармейцы и городские маргиналы: голодные участники Кронштадтского мятежа 1921 г. / И. Ю. Юрченко, В. В. Попов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2013. — № 3—1 (29). — С. 214—217.
17. Яров С. В. X съезд РКП(б) и переход к НЭПу / С. В. Яров // Критический словарь русской революции: 1914—1921. — Санкт-Петербург : Нестор, 2014. — С. 116—126.

MATERIAL RESOURCES

- Adoratskiy, V. V. (ed.). (1931). *Lenin collection*. Moscow: Sotsekgiz. 40/18. 305 p. (In Russ.).
- Chernenko, K. U., Smirtyukova, M. S. (eds.). (1967). *Party and government decisions on economic issues: collection of articles. Documents 1917—1928*. Moscow: Politizdat. 783 p. (In Russ.).
- Danilov, V. (et al.). (eds.). (2002). *Peasant movement in the Volga region, 1919—1922: doc. and materials*. Moscow: ROSSPEN. 941 p. ISBN 5-8243-0298-7.
- Decrees of the Soviet government. Avgust 1921*. (2009). Moscow: ROSSPEN. 18. 671 p. ISBN 978-5-8243-1177-8. (In Russ.).
- Directives of the CPSU and the Soviet Government on economic issues. Collection of documents. 1917—1928*. (1957). Moscow: Gospolitizdat. 4/1. 879 p. (In Russ.).
- GARF — Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii. (*Sovet narodnykh komissarov*). (In Russ.).
- Izvestia of the Provisional Revolutionary Committee of sailors, Red Army men and workers of the city of Kronstadt: newspaper*. (1921). 1 (3 marta). (In Russ.).
- Izyumov, A. S., Severin, P. Ya. (eds.). (1972). *Bread and revolution. Food policy of the communist party and the Soviet government in 1917—1922*. Moscow: Sovetskaya Rossiya. 328 p. (In Russ.).
- Kheysin, M. (1921). Cooperator responses. *Proizvodsoyuz: cooperative magazine*, 20—24: 20. (In Russ.).
- Meetings with Lenin: Memories of Railwaymen*. (1962). (2nd ed.). Moscow: Transzheldorizdat. 311 p. (In Russ.).
- On the introduction of the rules for the carriage of food goods by rail and waterways: Resolution of the Main Directorate of Railways № 226 from July 3, 1921. (1944). In: *Collection of legalizations and orders of the workers 'and peasants' government № 46*. Moscow. 453—457. (In Russ.).
- Popov, N. N. (ed.). (1933). *Tenth Congress of the RCP (c). March 1921. Protocols*. Moscow: Part. izd-vo. 954 p. (In Russ.).
- TsGAIPD — Central State Archive of Historical and Political Documents. (In Russ.).
- Tsyurupa, A. D. (1960). Bread front. In: *Lenin's pages. The documents. Memories. Essays*. Moscow: Izvestiya. 102—103. (In Russ.).

REFERENCES

- Aleshkin, P. (2008). The red banner over Kronshtadt mutiny: reflection of peasants' protest. *Vlast'*, 9: 96—100. (In Russ.).
- Davydov, A. Yu. (2018). The third front of the Civil War in Russia: baggage in the breakthrough of the Bolshevik siege of the countryside. *Contemporary history of Russia*, 8 (2): 347—349. (In Russ.).
- Davydov, A. Yu. (2019). *The third front of the civil war in Russia: baggage*. St. Petersburg: Evraziya. 672 p. ISBN 978-5-8071-0449-6. (In Russ.).
- Il'inykh, V. A. (1992). *Commerce on the grain front (State regulation of the grain market under NEP conditions. 1921—1927)*. Novosibirsk: Nauka. Sib. otdelenie. 224 p. ISBN 5-02-029770-4. (In Russ.).
- Il'inykh, V. A. (2010). *Chronicles of the grain front: procurement. campaigns of the late 1920s. in Siberia*. Moscow: ROSSPEN. 343 p. ISBN 978-5-8243-1406-9. (In Russ.).

- Khristoforov, V. S. (2014). Leader of the Kronstadt uprising. *Marine collection*, 9 (2010): 75—85. (In Russ.).
- Lenin, V. I. (1969). *Full composition of writings. March—June 1919*. (5th ed.). Moscow: Gospolitizdat. 55/38. 579 p. (In Russ.).
- Lenin, V. I. (1970). *Full composition of writings. June—December 1919*. (5th ed.). Moscow: Gospolitizdat. 55/39. 623 p. (In Russ.).
- Lenin, V. I. (1974). *Full composition of writings. December 1919 — April 1920*. (5th ed.). Moscow: Gospolitizdat. 55/40. 506 p. (In Russ.).
- Lenin, V. I. (1970). *Full composition of writings. November 1920 — March 1921*. (5th ed.). Moscow: Gospolitizdat. 55/42. 606 p. (In Russ.).
- Osipova, T. V. (2001). *Russian peasantry in the revolution and Civil war*. Moscow: Strelets. 400 p. ISBN 5-89409-023-7. (In Russ.).
- Pashin, V. P., Bogdanov, S. V., Emel'yanov, S. G. (2008). *State alcohol policy in Russia: from Witte to Stalin (power, society, illegal market)*. Kursk: KGTU. 258 p. ISBN 978-5-7681-0404-7. (In Russ.).
- Pavlyuchenkov, S. A. et al. (2002). Introduction. In: *NEP Russia*. Moscow: Novyy khronograf. 10. ISBN 5-94881-003-8. (In Russ.).
- Popov, V. V. (2013). The initial versions of the reasons for the Kronstadt mutiny were presented by the insurgent sailors themselves and the official Soviet authorities during the unfolding events of 1921. *Historical and socio-educational thought*, 5: 65—69. (In Russ.).
- Stalin, I. V. (1947). *Essays. 1921—1923*. Moscow: OGIZ; Gosudarstvennoye izdatelstvo politicheskoy literatury. 18/5. (In Russ.).
- Stalin, I. V. (1947). *Essays. 1924*. Moscow: OGIZ; Gosudarstvennoye izdatelstvo politicheskoy literatury. 18/6. 430 p. (In Russ.).
- Shishkin, V. A. (1963). The problem of the transition to a new economic policy in the coverage of modern Anglo-American bourgeois historiography. In: *The workers of Leningrad in the struggle for the victory of socialism. LOII Proceedings*. Moscow; Leningrad. 6. 352—353. (In Russ.).
- Shishkina, I. M. (1977). *The truth of history and the speculation of Sovietologists: against the distortion of the role of the party during the transition to a peaceful social construction*. Leningrad: Lenizdat. 190 p. (In Russ.).
- Yarov, S. V. (2014). X Congress of the RCP (b) and the transition to NEP. In: *Critical Dictionary of the Russian Revolution: 1914—1921*. St. Petersburg: Nestor. 116—126. (In Russ.).
- Yurchenko, I. Yu., Popov, V. V. (2013). “The food supply business is unsatisfactory”. Sailors, Cossacks, Red Army peasants and urban marginals: hungry participants in the 1921 Kronstadt mutiny. *Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice*, 3—1 (29): 214—217. (In Russ.).
- Yurovskiy, L. N. (1996). *Monetary policy of the Soviet government (1917—1927). Featured Articles*. Moscow: Nachala-Press. 423 p. (In Russ.).

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Зимаков А. В. Политика отказа Германии от атомной энергетики : от конфликта к компромиссу / А. В. Зимаков // Научный диалог. — 2021. — № 10. — С. 359—377. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-10-359-377.

Zimakov, A. V. (2021). Germany's Nuclear Energy Refusal Policy: from Conflict to Compromise. *Nauchnyi dialog*, 10: 359-377. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-10-359-377. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-10-359-377

Политика отказа Германии от атомной энергетики: от конфликта к компромиссу

Зимаков Андрей Владимирович

orcid.org/0000-0001-6574-6258

Researcher ID F-7869-2017

кандидат экономических наук
научный сотрудник

Центра европейских исследований
zimakov@newmail.ru

Национальный исследовательский
институт мировой экономики и
международных отношений
имени Е. М. Примакова
Российской академии наук
(Москва, Россия)

Germany's Nuclear Energy Refusal Policy: from Conflict to Compromise

Andrey V. Zimakov

orcid.org/0000-0001-6574-6258

Researcher ID F-7869-2017

PhD in Economics, Researcher,
Center for European Studies
zimakov@newmail.ru

Primakov National Research Institute
of World Economy and
International Relations,
Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)

© Зимаков А. В., 2021

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена анализу политического процесса отказа Германии от атомной энергетики. Представлены результаты сопоставительного анализа решений правительства, принимавшихся в течение одного десятилетия, однако различных по своему характеру и имевших разные последствия для атомной отрасли. Уделяется особое внимание вопросу взаимодействия правительства и энергетических компаний в контексте решений 2002 и 2011 годов. Показано, что отказ от атомной энергетики в 2002 году был компромиссным решением, учитывающим как политическое стремление общества к прекращению работы АЭС, так и экономические интересы энергоконцернов. Анализируются последствия одностороннего решения правительства ФРГ 2011 года, ущемляющие интересы атомного лобби, что привело к многолетним судебным разбирательствам, закончившимся в пользу энергоконцернов. Выполнен обзор итоговых компромиссных соглашений между компаниями и правительством, регулирующих вопрос справедливых компенсаций за досрочную остановку АЭС. На основе сравнительного анализа двух решений о выходе Германии из атомной энергетики и их последствий делается вывод, что при закрытии целых отраслей по политическим причинам необходимы консультации с привлечением всех заинтересованных сторон для выработки приемлемого компромисса.

Ключевые слова:

Германия; отказ от атомной энергетики; ядерное лобби; антиядерное движение; АЭС.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article is devoted to the analysis of the political process of Germany's abandonment of nuclear energy. The results of a comparative analysis of government decisions taken over the course of one decade, but different in nature and having different consequences for the nuclear industry are presented in the paper. Special attention is paid to the issue of interaction between the government and energy companies in the context of the decisions of 2002 and 2011. It is shown that the abandonment of atomic energy in 2002 was a compromise solution, taking into account both the political desire of society to stop the operation of the nuclear power plant, and the economic interests of energy concerns. The author analyzes the consequences of the unilateral decision of the FRG government in 2011, infringing on the interests of the nuclear lobby, which led to many years of litigation that ended in favor of energy concerns. A review of the final compromise agreements between the companies and the government governing the issue of fair compensation for the early shutdown of nuclear power plants was carried out. Based on a comparative analysis of the two decisions on Germany's withdrawal from nuclear energy and their consequences, it is concluded that, when entire industries are closed for political reasons, consultations with the involvement of all interested parties are necessary to work out an acceptable compromise.

Key words:

Germany; rejection of nuclear energy; nuclear lobby; anti-nuclear movement; APS.

Политика отказа Германии от атомной энергетики: от конфликта к компромиссу

© Зимаков А. В., 2021

1. Введение

31 декабря 2022 года останавливаются последние реакторы германских АЭС. Эта дата знаменует завершение эры ядерной энергетики Германии. Решение об отказе от выработки электроэнергии на атомных электростанциях существенным образом предопределило дальнейшую модель развития электроэнергетики этой страны в контексте общеевропейский экологизации хозяйства. Нужно отметить, что сам процесс принятия этого непростого решения имел сложный и нелинейный характер. Фактически в Германии на протяжении одного десятилетия имели место два решения о выходе из атомной энергетики. Это объясняет то обстоятельство, что в современной экономической науке иногда встречаются разные суждения о периодизации данного события. Как правило, говоря об отказе Германии от атомной энергетики, имеют в виду решение, принятое правительством Ангелы Меркель в 2011 году после аварии на японской АЭС Фукусима-1 [Cho II Hyun, 2020]. Однако этому предшествовал закон 2002 года, который также предусматривал прекращение использования ядерной энергии в ФРГ. Несмотря на хронологическую близость, эти решения принимались различными действующими силами в разных политических контекстах и, в свою очередь, имели разные последствия для предприятий электроэнергетики.

Политическое решение о прекращении деятельности успешной и высокотехнологичной отрасли хозяйства неизбежно влечет за собой конфликт с представителями данной индустрии. В подобной ситуации необходим диалог между правительством и отраслевыми лобби для выработки взаимно приемлемого решения. При таком компромиссе правительство должно предложить компаниям какие-либо компенсационные мероприятия. В этом отношении отказ Германии от ядерной энергетики представляет собой крайне интересный феномен, так как в данном процессе имели место как консенсусные договоренности, так и конфликтные односторонние политические решения, ущемляющие интересы атомного лобби [Michaelowa, 2013]. В отечественной научной литературе изучению этих событий посвящены исследования, проводившиеся, как правило, непосредственно вскоре после принятия данных решений [Супян, 2011;

Торопчин, 2013; Глушкова, 2015], преимущественное внимание уделялось перспективам развития энергетического хозяйства Германии. Вопросам взаимодействия атомного лобби и политических сил ФРГ в контексте принятия решений о выходе из ядерной энергетики уделялось при этом мало внимания.

Вместе с тем проведение подобного исследования ранее осложнялось незавершенностью процесса, допускавшего варианты развития событий. В 2017 году автором подробно анализировались правовые последствия решения германского правительства 2011 года, повлекшего за собой многолетние разбирательства в судах разных уровней и юрисдикций [Зимаков, 2017]. Однако конкретные пути разрешения сложившейся конфликтной ситуации на тот момент не просматривались. Последствия конфликтного решения правительства ФРГ 2011 года в отношении атомной энергетики продолжали оказывать влияние на текущую политическую повестку правительства Германии на протяжении целого десятилетия. По сути, окончательное урегулирование всех конфликтных вопросов было достигнуто правительством и энергоконcernами лишь весной 2021 года. В этой связи появилась возможность полноценно проанализировать как политический процесс отказа Германии от атомной энергетики, так и последствия различных решений (конфликтных и консенсусных) в контексте взаимодействия правительства ФРГ и энергетических компаний, что является целью данного исследования. Германский опыт по решению вопроса закрытия успешно функционирующей отрасли приобретает особую актуальность в условиях экологизации экономики стран ЕС, что предполагает постепенный отказ от углеводородной энергетики, в первую очередь угольной. В условиях реализуемого в ЕС энергетического перехода следует ожидать возникновения схожих ситуаций в различных странах Евросоюза, которые могут быть решены на основе германского опыта.

2. Решение об отказе от АЭС кабинета Герхарда Шредера

Начало атомной энергетики ФРГ совпадает с общеевропейскими процессами в этой сфере конца 1950-х годов. 25 марта 1957 года ФРГ становится одним из государств-соучредителей Европейского сообщества по атомной энергии (Евратом), в этом же году в стране появляется первый исследовательский реактор. В 1959 году принимается закон «Закон о мирном использовании ядерной энергии» (сокращенно — «Закон об атомной энергии»), а первая атомная электростанция на территории Западной Германии вводится в эксплуатацию в 1960 году.

В последующие десятилетия атомная энергетика в Германии активно развивалась. К 1990 году доля вырабатываемой на АЭС электроэнергии

составляла 27,7 %, а к 2000 году атомные электростанции обеспечивали 29,5 % всей генерации электроэнергии. К этому моменту в стране находились в эксплуатации 19 АЭС.

Все эти годы параллельно с развитием атомной энергетики в Германии постепенно набирало силу антиядерное общественное движение. Если в самом начале, в 1960-е, это были локальные протесты против строительства АЭС в отдельных общинах и местностях, то к 1970-м антиядерное движение оформилось как концептуальный протест против использования атомной энергии для генерации электроэнергии. В 1970-е антиядерное движение вышло на уровень земель и общегерманских протестов [Vosse, 2010]. Несмотря на ряд отдельных успехов, например, предотвращение строительства АЭС в Вуле, эти движения оставались на уровне общественных инициатив, а идеи отказа от атомной энергетики не вошли в политическую повестку партий, представленных на тот момент в Бундестаге. Стоит отметить, что в соседней с Германией Австрии антиядерные общественные движения имели больше успеха, добившись победы на референдуме по вопросу запрета ядерной энергетики в 1978 году.

Вместе с тем идеи неприятия атомной энергетики постепенно получали все более широкое распространение в немецком обществе, особенно на фоне аварий на ядерных объектах, в частности, после аварии на Чернобыльской АЭС в 1986 году. Некоторые исследователи даже рассматривают аварию на Чернобыльской АЭС как поворотную точку в германской политике в отношении атомной энергетики [McCaughey et al., 2018]. Постепенно росло число сторонников отказа от атомной энергетики в немецких парламентских партиях. В первой половине 1980-х этот вопрос появляется в повестке социал-демократов, которые в результате развала коалиции СДПГ/СвДП с 1982 года перешли в оппозицию. А на выборах в Бундестаг 1983 года 5-процентный порог впервые удалось преодолеть партии «зеленых». Тема сокращения доли атомных электростанций в генерации становится полноправной частью немецкого политического дискурса, продвигается оппозиционными партиями. Одновременно с этим федеральное правительство, образованное коалицией ХДС/ХСС/СвДП (1982—1998), продолжало поддерживать атомную индустрию.

Ситуация поменялась в 1998 году, когда на осенних выборах в Бундестаг победу одержали социал-демократы, сформировавшие правительство на основе коалиции с партией «зеленых» / Союз 90. Герхард Шредер, возглавивший новый кабинет, и Йошка Фишер, ставший вице-канцлером, сделали отказ от атомной энергетики одним из основных вопросов политической повестки правительства. Для достижения этой цели был выбран путь поиска компромиссного решения с атомным лобби. Правительством были

начаты консультации, а затем и многосторонние переговоры с ведущими энергетическими компаниями, эксплуатирующими атомные электростанции. Их основной задачей был поиск взаимно приемлемого решения, которое, с одной стороны, предполагало прекращение работы АЭС в Германии, а с другой, позволяло бы компаниям вернуть инвестиции. Особенностью эксплуатации АЭС являются диспропорционально высокие капитальные затраты при первоначальном строительстве, в то время как последующие эксплуатационные затраты относительно невелики. Поэтому продолжительность эксплуатации АЭС является ключевым фактором для окупаемости первоначальных инвестиций. В связи с этим для атомного лобби было неприемлемым как немедленное закрытие АЭС, так и какое-либо ограничение по времени эксплуатации. По сути для правительства немедленный запрет АЭС тоже не был приоритетом, поскольку это было бы сопряжено с залповым выбытием 20 % генерации и значительными компенсационными выплатами. Взаимно приемлемым решением стало определение индивидуальных квот для АЭС на выработку электроэнергии. Исходя из полезного срока эксплуатации АЭС в 32 года и среднегодового значения пиковой нагрузки за последнее десятилетие плюс 5,5 % для каждого реактора были рассчитаны так называемые остаточные объемы электроэнергии, после выработки которых АЭС должна была быть выведена из эксплуатации. Таким образом, энергетические компании получали возможность вернуть инвестиции. Кроме того, концерны могли переносить квоты с одной своей АЭС на другую, но только более новую. Тем самым правительство добивалось досрочной остановки старых АЭС, а энергоконцерны при этом сохраняли возможность извлечения экономической выгоды за счет оставшихся квот на более эффективных электростанциях.

Это решение было закреплено сначала в «Соглашении Федерального правительства и предприятий по энергоснабжению от 14 июня 2000 года», а затем транслировано в «Закон о регулируемом прекращении использования ядерной энергии для промышленного производства электроэнергии» от 22 апреля 2002 года. Таким образом, консенсус предусматривал принципиальную договоренность о ликвидации АЭС, однако без фиксированных дат, а лишь по мере выработки установленных квот электроэнергии. Общая сумма остаточного количества электроэнергии составила 2623,31 ТВт*ч на 1 января 2000 года [Das Gesetz zur geordneten ..., 2002].

Необходимо подчеркнуть, что установленные квоты имели характер компенсаций, позволяющих вернуть инвестиции и получить прибыль. Как уже было сказано, они могли переноситься с одного объекта на другой. В пользу этого же свидетельствует выделение квоты в рамках закона на 2002 года для АЭС Мюльхайм-Керлих. Введенная в строй в 1986 году,

она была остановлена после чуть более года работы из-за несоблюдения формальностей при получении разрешения на строительство. С тех пор эта АЭС была предметом судебных разбирательств, продолжавшихся до 1998 года, итогом которых стал запрет на ее эксплуатацию. Как следствие, владелец электростанции концерн RWE потребовал компенсации убытков от земли Рейнланд-Пфальц, выдавшей некорректные документы. Этот спор был урегулирован в рамках закона 2002 года: концерну была выделена дополнительная квота электроэнергии.

Таким образом, отказ кабинета Герхарда Шредера от атомной энергетики имел сбалансированный характер. Это решение было сформировано на основе консенсусных договоренностей между правительством и отраслевым лобби и предусматривало необходимый энергоконцернам компенсационный механизм. При этом правительство обеспечило не просто отсроченное обязательство остановки АЭС в будущем, но и стимулированный досрочный вывод устаревших реакторов. Как результат, уже в 2003 году первая АЭС была выведена из эксплуатации согласно установленному механизму квот, а еще одна станция была остановлена два года спустя.

Вместе с тем компромиссный характер этого решения вызвал жесткую критику со стороны антиядерных общественных движений, добивавшихся немедленной остановки реакторов [Johnstone et al., 2020]. Отсутствие конкретных сроков вывода АЭС рассматривалось ими как «обманный маневр» атомного лобби, который не только позволял за счет переносов остаточных объемов электроэнергии эксплуатировать атомные электростанции максимально долго, но и оставлял возможность для продления сроков работы атомных реакторов [Marg, 2013]. Как показали дальнейшие события, их опасения оказались обоснованными.

3. Европейский атомный ренессанс: новые квоты для германских АЭС

В конце первого десятилетия XXI века в ряде стран ЕС наметилась тенденция по переосмыслению роли ядерной энергетики, получившая название «европейский атомный ренессанс». Так, в 2008—2010 годах были пересмотрены прежние решения об отказе от строительства или ограничении работы АЭС в Швеции, Испании и Бельгии [Зимаков, 2014]. В пользу атомной энергетики сыграли два фактора.

С одной стороны, сказался мировой финансовый кризис 2008 года, в условиях которого любая экономия стала значимой. С экономической точки зрения продление эксплуатации АЭС выгодно, что связано с низкими эксплуатационными затратами при существенных капитальных на стадии строительства. Кроме того, продление эксплуатации позволят ото-

двинуть по времени необходимость ликвидации АЭС после ее остановки, что также является достаточно затратным комплексом мероприятий.

С другой стороны, к концу первого десятилетия в Евросоюзе сформировалась комплексная концепция экологизации европейской экономики, которая предполагает поступательное сокращение выбросов парниковых газов в горизонте 2020, 2030 и 2050 годов. Наряду с развитием возобновляемой «зеленой» генерации, особая роль в декарбонизации европейской энергетики отводится атомной энергетике как низкоуглеродной технологии, при том условии, если в стране существует поддержка приемлемости АЭС.

Схожие процессы были характерны для Германии, где в 2005 году происходит смена правящей коалиции. В новое правительство под руководством Ангелы Меркель вошли традиционно поддерживающие атомную индустрию представители правых партий (ХДС/ХСС и СвДП). Новая правящая коалиция заявила о необходимости переосмысления роли АЭС в контексте экологизации экономики. В понимании правительства Меркель тех лет, атомная энергетика являлась переходной низкоуглеродной технологией, которая могла позволить «сгладить острые углы» при постепенном наращивании возобновляемой генерации при сокращении углеводородной. В 2010 году кабинет Ангелы Меркель предложил увеличить остаточные объемы электроэнергии АЭС. По сути, это предложение логичным образом означало продление их срока эксплуатации. Тем самым правительство обеспечивало сохранение надежного источника низкоуглеродной электроэнергии на время перехода от углеводородной генерации к энергетике ВИЭ, что в условиях высокой доли угольных электростанций в ФРГ представляет собой непростую задачу. При этом отказ от атомной энергетики оставался принципиально в силе. Дополнительные квоты для АЭС были рассчитаны исходя из условного продления срока эксплуатации новых реакторов (с 1980 года) еще на 14 лет, а старых — на 8 лет. Общая сумма дополнительных квот составила 1804,278 ТВт*ч, что означает их увеличение на 69 % [Elfes Gesetz ..., 2010].

«Одиннадцатый закон о внесении изменений в закон об атомной энергии» был принят 8 декабря 2010 года. Нужно отметить, что в этот же день был принят и другой закон, вводящий налог на ядерное топливо. Налогом облагалось топливо, используемое при выработке электроэнергии на АЭС в период с 1 января 2011 года до конца 2016 года из расчета 145 евро за грамм вещества. Этот налог был принят по инициативе СДПГ и был призван политически «уравновесить» фактическое продление сроков эксплуатации АЭС. Увеличивая квоты остаточных объемов электроэнергии, феде-

ральное правительство взамен получало дополнительное финансирование бюджета, в том числе для реализации задач по экологизации.

Таким образом, выделение дополнительных квот (а фактически — продление эксплуатации АЭС) было также политически выверенным решением, учитывающим интересы как противников атомной энергетики, так и ее сторонников. Несмотря на протесты экологических организаций и антиядерных движений, в целом эта инициатива правительства нашла понимание в обществе [Chassot, 2014].

4. Решение «об ускоренном выходе из атомной энергетики» кабинета Ангелы Меркель

Всего через три месяца после увеличения квот произошло событие, кардинально изменившее общественное восприятие атомной энергетики в Германии: авария на японской АЭС Фукусима-1 (11 марта 2011 года). Правительство Ангелы Меркель поначалу пыталось продолжать прежний политический курс, разясняя, что в Германии отсутствуют те риски и обстоятельства, которые привели к аварии в Японии. Однако давление оппозиции и различных общественных сил было настолько велико, что кабинету пришлось пойти на стремительный разворот своей позиции. 14.03.2011 было объявлено об остановке семи наиболее старых электростанций из соображений предосторожности. Мораторий на их эксплуатацию вводился на период проведения проверок безопасности. В это же время Комиссия по безопасности реакторов должна была проверить все остальные немецкие реакторы (без их остановки) на предмет устойчивости с учетом событий на японской АЭС. Еще одной инициативой правительства стала Комиссия по этике «Надежное энергоснабжение», чьей задачей стала оценка энергобезопасности в условиях отказа от атомной энергии. К середине мая 2016 года обе комиссии представили свои выводы. Однако если Комиссия по безопасности не нашла каких-либо явных угроз на действующих АЭС, то Комиссия по этике сосредоточилась на гипотетической возможности аварий и, основываясь на этом, вынесла рекомендацию вывести все реакторы из эксплуатации в течение ближайшего десятилетия.

Таким образом, как подтвердила Комиссия по безопасности, мораторий на эксплуатацию семи старейших АЭС был введен в отсутствие каких-либо реальных угроз [Rehner et al., 2016]. Дело в том, что кабинету Ангелы Меркель пришлось срочно демонстрировать населению Германии смену курса своей политики с поддержки атомной промышленности на ускоренный отказ от ядерной энергетики. Политическую ситуацию усугубляло то обстоятельство, что эти события пришлось на период регио-

нальных выборов. И в этих условиях очевидное преимущество получали оппозиционные партии как сторонники антиядерной политики, сумевшие провести закон об отказе от атомной энергии в 2002 году. В свете этого правительству были нужны срочные меры для демонстрации приверженности новому курсу [Wittneben, 2012]. Помимо этого, временная остановка старых реакторов для проверок была также шагом, позволяющим снизить градус напряженности в обществе [Huß, 2014]. Однако принятый через три месяца «Закон об ускоренном выходе из атомной энергетики» (тринадцатая новелла закона об атомной энергии) пошел намного дальше.

Прежде всего, были отменены квоты, дополнительно выделенные АЭС в конце 2010 года. Более того, вводились фиксированные предельные сроки эксплуатации для каждого энергоблока АЭС, по достижении которых они должны быть остановлены, вне зависимости от того, выработали они свою квоту электроэнергии или нет. Восемь энергоблоков (наиболее старые АЭС, остановленные в рамках моратория) при этом должны были быть выведены из эксплуатации немедленно [Dreizehntes Gesetz ..., 2011].

В отличие от предыдущих законов, при разработке законопроекта тринадцатой новеллы 2011 года не было диалога с энергетическими компаниями. По сути, новый закон принимался вопреки их возражениям. Достигнутые ранее договоренности, соблюдавшие баланс интересов, были во многих аспектах нарушены в ущерб энергоконцернам. Например, отменив дополнительные квоты 2010 года, правительство Меркель оставило в силе обременяющий компании другой элемент пакетного соглашения — взимание налога на ядерное топливо.

В конечном итоге, после безуспешных попыток достичь политическое урегулирование, энергоконцерны были вынуждены обратиться к судебной защите своих интересов. При этом ими были оспорены как обоснованность введения моратория на эксплуатацию старых АЭС, так и само решение «об ускоренном выходе из атомной энергетики». Более того, было оспорено введение налога на ядерное топливо.

5. Концерны против поспешных решений правительства

Первый иск был подан концерном RWE в административный суд земли Гессен о противозаконности распоряжения земельного министерства экологии (в рамках моратория на работу старых АЭС), в соответствии с которым концерн был вынужден остановить АЭС Библис. Концерн указывал на то, что распоряжение министерства ссылалось на «Закон об атомной энергии», в соответствии с которым надзорный орган имеет право дать распоряжение об устранении состояния, в результате которого возникают угроза жизни, здоровью или имуществу. Однако в качестве основания ми-

нистерство ссылалось на факт аварии на АЭС Фукусима в Японии. Таким образом, никакой фактической реальной угрозы не было¹.

В феврале 2013 года административный суд земли Гессен признал распоряжение министерства экологии противозаконным. Формально министерство было обязано провести консультации с концерном по данному вопросу, чего сделано не было. А по существу, суд признал, что для распоряжения отсутствовали необходимые основания, указанные в «Законо об атомной энергии». Таким образом, суд фактически подтвердил необоснованность действий кабинета Меркель в части объявления моратория для старых АЭС. Отметим, что после этого решения суда концерн подал иск о возмещении ущерба на сумму свыше 235 млн евро.

После принятия тринадцатой новеллы «Закона об атомной энергии» три концерна (E.ON, RWE и Vattenfall) подали конституционные жалобы в Конституционный суд Германии, в которых потребовали признать изменения «Закона об атомной энергии» противоречащими Основному закону. В качестве аргументов называлось прежде всего отсутствие реальных поводов для ускорения отказа от атомной энергетики. Авария на АЭС Фукусима-1 была использована кабинетом Ангелы Меркель как предлог, однако в Германии не произошло каких-либо изменений, которые могли бы негативно повлиять на безопасность работы АЭС. Во всяком случае, явно отсутствовали обстоятельства для принятия срочных решений, принятых в максимально сжатые сроки и без традиционных консультаций с представителями атомной промышленности.

Концерны также обращали внимание на то, что тринадцатая новелла изменяет договоренности, достигнутые на консенсусной основе в 2002 году. Ограничение сроков работы реакторов по времени фактически влияет на возможность энергоконцернов использовать выделенные квоты в полном объеме. Действительно, если АЭС не успевала выработать свою квоту к вновь установленной дате и при этом отсутствовал другой объект, на который можно перенести остатки, то компании теряли возможность получения возмещения, выделенного им в рамках консенсуса 2002 года. Такая ситуация, в частности, сложилась по ряду старых АЭС, остановленных в рамках моратория, но так и возобновивших работу по результатам принятия тринадцатой новеллы. Таким образом, правительство нарушило хорошо себя зарекомендовавший компенсационный механизм, ничего не предложив взамен.

Интересно отметить, что в качестве одного из аргументов энергоконцернами также называлось нарушение конституционной свободы выбора

1 Более подробно судебные разбирательства концернов рассмотрены в статье: [Зимаков, 2017].

профессии. В результате отказа от атомной энергетики атомная отрасль прекращала свое существование. Как следствие, специалисты, работающие на АЭС, теряют не только работу, но и возможность найти аналогичное рабочее место по специальности. Это не только ограничивает их свободу выбора профессии, но и ставит под угрозу перспективы дальнейшей трудовой деятельности, профессиональную карьеру, а также, что крайне немаловажно в условиях старения населения в ФРГ, пенсионные ожидания [Зимаков, 2016]. Эта проблематика, связанная с трудоустройством работников закрываемых предприятий в условиях прекращения деятельности целой отрасли, приобретает особое значение в контексте экологической трансформации экономики.

Решение Конституционного суда по жалобе энергоконцернов было принято 6 декабря 2016 года. Суд поддержал кабинет Ангелы Меркель, подтвердив обоснованность использования инцидента на иностранном реакторе для принятия внутривнутриполитических мер в интересах защиты здоровья населения. Однако при этом правительство действительно нарушило возможность компаний использовать остаточные объемы электроэнергии, выделенные в 2002 году. Тем самым Конституционный суд подтвердил важную роль квот как механизма компенсаций в консенсусном «Соглашении 2000 года» [Leidinger, 2017]. Суд также признал противоречащим Основному закону отсутствие компенсационных положений для потерянных инвестиций, осуществленных энергетическими компаниями после предоставления дополнительных квот в 2010 году. Эти положения, противоречащие законодательству, правительство обязывалось исправить в срок до 31 июля 2018 года [Bundesverfassungsgericht ..., 2016].

Еще одним поражением для правительства Меркель стало решение Конституционного суда в июне 2017 года в отношении правомерности налога на ядерное топливо. Принятый в 2010 году одновременно с увеличением квот остаточной электроэнергии, этот налог рассматривался концернами как часть пакетного соглашения. После отмены в 2011 году дополнительных квот и ограничения сроков эксплуатации АЭС отдельные положения этого закона были оспорены энергоконцернами в суде. Разбирательства продолжались вплоть до 2017 года, когда Конституционный суд Германии признал Закон о налоге на ядерное топливо противоречащим конституции и обязал федеральное правительство вернуть полученные от энергоконцернов средства, размер которых составил около 6,285 млрд евро [Bundesverfassungsgericht ..., 2017].

Наконец, еще одно судебное разбирательство в связи с решением об ускоренном выходе из атомной энергетики велось на международном уровне. Дело в том, что одним из совладельцев немецких АЭС, остановленных

в результате изменений законодательства в 2011 году, являлась шведская компания Vattenfall AB. Причем до момента остановки реакторов компания смогла выбрать свою квоту лишь на 44 %. Остальные объемы были для компании потеряны. Как иностранное юридическое лицо концерн имел право обратиться с иском к немецкому государству о нарушении гарантий инвестиций в рамках Энергетической хартии, что и было им реализовано в 2012 году. В международном арбитраже МЦУИС Vattenfall потребовал от ФРГ справедливой компенсации финансовых потерь, которые оценил почти в 4,7 млрд евро [Bernasconi-Osterwalder et al., 2014].

6. Правительство Ангелы Меркель: работа над ошибками

Решение правительства ФРГ об ускоренном выходе из атомной энергетики, принятое в спешке после радикальной смены политического курса и без обсуждения с компаниями энергетической отрасли, привело германское правительство в Конституционный суд, который признал по крайней мере частичную неправомерность поправок в законодательство 2011 года, обязав правительство выплатить энергоконцернам справедливые компенсации. Фактически это решение Конституционного суда Германии подтвердило необходимость тщательной проработки подобного рода политических решений с участием всех затронутых сторон для поиска компромисса.

Первым решением, принятым на основе консенсусных договоренностей между атомным лобби и федеральным правительством, можно назвать принятый в 2017 году закон «О новом определении ответственности за утилизацию радиоактивных отходов» (Gesetz zur Neuordnung der Verantwortung in der kerntechnischen Entsorgung). Закон принимался для того, чтобы частично застраховать государство от несения затрат по ликвидации АЭС после выхода Германии из ядерной энергетики. Опасения правительства были связаны с тем, смогут ли энергоконцерны профинансировать ликвидацию АЭС и утилизацию РАО в полном объеме: в ФРГ накопление средств производится компаниями самостоятельно на своих счетах и в случае частичной или полной нехватки средств, например, при банкротстве предприятия, финансировать ликвидацию придется германскому правительству. По достигнутому соглашению, энергетические компании передали из своих ликвидационных фондов фиксированную сумму в размере 24,1 млрд евро в создаваемый государственный фонд.

Вместе с тем кабинет Ангелы Меркель не стал спешить с исполнением решения Конституционного суда по определению компенсаций. Лишь в мае 2018 года, за два месяца до истечения предписанного Конституционным судом срока, правительство подготовило соответствующий проект шест-

надцатой поправки к «Закону об атомной энергии», который был принят Бундестагом 28 июня 2018 года. Однако это снова не было консенсусным решением. Мнения некоторых представителей индустрии запрашивались в ходе парламентских обсуждений, но их возражения не были приняты во внимание. По всей видимости, и на этот раз кабинет Ангелы Меркель также не был заинтересован в поиске взаимовыгодного решения, а настоящей целью являлось затягивание процесса выплаты компенсаций компаниям.

Предложенная правительством схема компенсаций за неиспользованные остаточные объемы электроэнергии АЭС больше вызывала вопросов, чем давала ответов. Не был четко определен размер выплат. Их размер был увязан со средней ценой на электроэнергию за период между 6 августа 2011 года и 31 декабря 2022 года. Таким образом, определить размер компенсации было возможно самое раннее лишь в 2023 году, то есть через пять лет (!) от момента принятия поправки. На этот же срок откладывались и выплаты. Вопросы вызывала процедура расчета и подачи заявления на компенсацию, содержавшая ряд ограничений, которые могли привести к отказу в получении. Наконец, вступление в силу данной поправки зависело от получения разрешения Еврокомиссии (либо подтверждения, что разрешение не требуется) [Sechzehntes Gesetz ..., 2018]. Получение подобного разрешения стало предметом правовой коллизии, из-за которой вступление шестнадцатой поправки в законную силу оказалось под вопросом.

Закономерным итогом этой односторонней инициативы правительства Ангелы Меркель стало новое разбирательство в Конституционном суде Германии, который 29 сентября 2020 года признал, что шестнадцатая поправка, во-первых, так и не вступила в законную силу, а во-вторых, не удовлетворяет требованиям о справедливой компенсации [Bundesverfassungsgericht ..., 2020]. На этом основании правительство обязывалось решить вопрос заново.

Таким образом, потерпев ряд поражений после односторонних действий, не учитывавших интересы атомной энергетики, правительство Ангелы Меркель было все же вынуждено начать переговоры с энергетическими компаниями по поводу определения размера компенсаций за ущерб, причиненный решением об ускоренном выходе 2011 года. Их итогом стало компромиссное решение, достигнутое 5 марта 2021 года. Соглашение между правительством и концернами предусматривает выплату компенсации за неиспользованные остаточные объемы электроэнергии на сумму 2,285 млрд евро. Кроме того, компенсация за потерянные инвестиции составит суммарно 142,5 млн евро [Bundesministerium ..., 2021]. Одновременно энергетические компании отказываются от дальнейших судебных разбирательств, в том числе в международном арбитраже МЦУИС.

Это соглашение, достигнутое на основе консенсуса между правительством и энергоконцернами, подводит итог многолетним тяжбам, спровоцированным односторонними политическими решениями 2011 года.

7. Заключение

Отказ Германии от атомной энергетики был изначально компромиссным решением, учитывающим как политическое стремление общества к прекращению работы АЭС, так и экономические интересы энергетических компаний. Основанный на «атомном консенсусе 2000 года», этот баланс был сохранен в 2010 году при решении увеличить квоты АЭС при одновременном ведении налога на ядерное топливо. Однако в 2011 году равновесие было нарушено, и для его восстановления потребовалось снова сесть за стол переговоров для выработки компромисса. Вместе с тем для осознания необходимости этого шага правительству Ангелы Меркель потребовалось целое десятилетие разбирательств в судах разных уровней, включая Конституционный суд и международный арбитраж.

История отказа Германии от атомной энергетики подтверждает тезис о необходимости широких консультаций с привлечением всех заинтересованных сторон при выработке сложных политических решений, особенно если при этом речь идет о судьбе целой отрасли. В этом случае необходимо предусмотреть механизмы компенсации ущерба, связанного с закрытием предприятий.

Можно отметить, что Германия достаточно хорошо усвоила этот урок. Подтверждением тому является решение о постепенном выходе ФРГ из угольной энергетики, принятое в 2020 году на основе компромиссных договоренностей, которые были закреплены в 2021 году особым договором между правительством и немецкими энергетическими компаниями, предусматривающим компенсации за закрытие угольных электростанций. Пройдя путь от компромисса к конфликту и обратно, Германия выработала механизм для эффективного решения сложного вопроса по закрытию целых отраслей. С учетом реализуемого в Евросоюзе энергетического перехода данный опыт приобретает особое значение для других стран ЕС, предлагая эффективный вариант решения схожих проблем.

Источники и принятые сокращения

1. *Bundesverfassungsgericht* Beschluss des Ersten Senats vom 29 September 2020. 1 BvR. 1550/19 [Electronic resource]. — Access mode: https://www.bundesverfassungsgericht.de/SharedDocs/Entscheidungen/DE/2020/09/rs20200929_1bvr155019.html (accessed 12.08.2021).

2. *Bundesverfassungsgericht* Beschluss des Zweiten Senats vom 13 April 2017. 2 BvL. 6/13 [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.bundesverfassungsgericht.de/>

SharedDocs/Entscheidungen/EN/2017/04/ls20170413_2bvl000613en.html (accessed 21.08.2021).

3. *Bundesverfassungsgericht* Beschluss vom 6 Dezember 2016. 1 BvR. 2821/11 ; 1 BvR 321/12 und 1 BvR 1456/12 [Electronic resource]. — Access mode : http://www.bgb1.de/Xaver/start.xav?startbk=Bundesanzeiger_BGBI&bk=Bundesanzeiger_BGBI&start=//%5B@attr_id=%27bgb116s3451.pdf%27%5D (accessed 17.08.2021).

4. Bundesministerium für Wirtschaft und Energie Wesentliche Ergebnisse der Gespräche mit den EVU. 05.03.2021 [Electronic resource]. — Access mode : https://www.bmu.de/fileadmin/Daten_BMU/Download_PDF/Nukleare_Sicherheit/ergebnisse_gespraech_evu_bmu_bmf_bmwi_bf.pdf (accessed 19.07.2021).

5. *Das Gesetz zur geordneten Beendigung der Kernenergienutzung zur gewerblichen Erzeugung von Elektrizität* vom 22 April 2002 [Electronic resource]. — BGBl I. — S. 1351. — Access mode : https://www.bgb1.de/xaver/bgb1/start.xav#__bgb1_%2F%2F%5B%40attr_id%3D%27bgb1102s1351.pdf%27%5D__1617627336012 (accessed 12.08.2021).

6. *Dreizehntes Gesetz zur Änderung des Atomgesetzes*. G. v. 31.07.2011 [Electronic resource]. — BGBl I. — S. 1704. — Access mode : http://www.bgb1.de/Xaver/start.xav?startbk=Bundesanzeiger_BGBI&bk=Bundesanzeiger_BGBI&start=//%5B@attr_id=%27bgb111s1704.pdf%27%5D (accessed 12.08.2021).

7. *Elftes Gesetz zur Änderung des Atomgesetzes* vom 08 Dezember 2010 [Electronic resource]. — BGBl I. — S. 1814. — Access mode : https://www.bgb1.de/xaver/bgb1/start.xav#__bgb1_%2F%2F%5B%40attr_id%3D%27bgb110s1814.pdf%27%5D__1617627252693 (accessed 12.08.2021).

8. *Sechzehntes Gesetz zur Änderung des Atomgesetzes*. 13.07.2018 (16 AtGÄndG) [Electronic resource]. — BGBl I. Nr. 25. — Access mode : https://www.bgb1.de/xaver/bgb1/start.xav?startbk=Bundesanzeiger_BGBI&jumpTo=bgb118s1122.pdf (accessed 1.08.2021).

ЛИТЕРАТУРА

1. Глушкова И. В. Перспективы энергетической стратегии в Германии / И. В. Глушкова // Известия высших учебных заведений. Проблемы энергетики. — 2015. — № 3—4. — С. 42—50.

2. Зимаков А. В. Атомная энергетика ЕС: экономика против экологии / А. В. Зимаков // Мировая экономика и международные отношения. — 2014. — № 9. — С. 16—19.

3. Зимаков А. В. Решение об ускоренном выходе Германии из атомной энергетики: Федеральный административный суд, Конституционный суд, международный арбитраж. Что дальше? / А. В. Зимаков // Международное экономическое право. — 2017. — № 2. — С. 42—56.

4. Зимаков А. В. Пенсионная система ФРГ : эволюция или революция? / А. В. Зимаков // Современная Европа. — 2016. — № 4 (70). — С. 94—103.

5. Сулян Н. В. Сужающийся мост: проблемы энергетической политики ФРГ / Н. В. Сулян // Современная Европа. — 2011. — № 3 (47). — С. 67—79.

6. Торопчин Г. В. Мирный атом в ФРГ в конце XX — начале XXI в. в контексте концепта *Energiewende* / Г. В. Торопчин // Европа. — 2013. — № 12. — С. 77—84.

7. *Bernasconi-Osterwalder N. The State of Play in Vattenfall v. Germany II: Leaving the German public in the dark* / N. Bernasconi-Osterwalder, M. D. Brauch // The International Institute for Sustainable Development Briefing Note. — December 2014.

8. *Chassot S. Sustainable? A cross-country analysis of the socio-political acceptance of the nuclear phase out in Germany and Switzerland focusing on opportunities for strategic*

influence / M. Chassot // Betriebswirtschaftliche Forschung Und Praxis. — 2014. — T. 66, № 3. — С. 247—265.

9. *Cho Il Hyun*. To escape or embrace reactors? The politics of nuclear phase-out in Germany and South Korea / I. H. Cho // The Pacific Review. — 2020. — C. 27. — DOI: 10.1080/09512748.2020.1806341.

10. *Huß C*. Energy transition by conviction or by surprise? Environmental policy from 2009 to 2013 / C. Huß // German Politics. — 2014. — № 23 (4). — С. 430—445. — DOI: 10.1080/09644008.2014.953068.

11. *Johnstone P*. Comparing nuclear trajectories in Germany and the United Kingdom: From regimes to democracies in sociotechnical transitions and discontinuities / P. Johnstone, A. Stirling // Energy Research & Social Science. — 2020. — T. 59. — C. 27. — DOI: 10.1016/j.erss.2019.101245.

12. *Leidinger T*. The Judgement of the Federal Constitutional Court on the Nuclear Phase-out in Germany: Every Light hat its Shadow [Electronic resource] / T. Leidinger // Atw-International Journal for Nuclear Power. — 2017. — T. 62, № 1. — С. 26—29.

13. *Matthes F. C*. Energy transition in Germany: a case study on a policy-driven structural change of the energy system / F. C. Matthes // Evolutionary and Institutional Economics Review. — 2017. — T. 14, № 1. — С. 141—169. — DOI: 10.1007/s40844-016-0066-x.

14. *Marg S*. Die neue Macht der Bürger / S. Marg, L. Geiges, F. Butzlaff, F. Walter. — Bonn : Rowohlt, 2013. — 342 c.

15. *McCauley D*. Energy justice and policy change: An historical political analysis of the German nuclear phase-out / D. McCauley, A. Brown, R. Rehner, R. Heffron, S. van de Graaff // Applied Energy. — 2018. — № 228. — С. 317—323. — DOI: 10.1016/j.apenrgy.2018.06.093.

16. *Michaelowa A*. The politics of climate change in Germany: ambition versus lobby power / A. Michaelowa // Wiley Interdisciplinary Reviews-Climate Change. — 2013. — T. 4, № 4. — С. 315—320.

17. *Rehner R*. Security, justice and the energy crossroads: Assessing the implications of the nuclear phase-out in Germany / R. Rehner, D. McCauley // Energy Policy. — 2016. — T. 88. — С. 289—298. — DOI: 10.1016/j.enpol.2015.10.038.

18. *Vosse W*. The German peace movement and its influence on German politics and political culture in the 1970s and 1980s / W. Vosse // The Cold War and the Regional Integration: Comparative Studies on the History of International Relations Between Europe and Asia. Aoyama Gakuin University. — 2010. — С. 275—302.

19. *Wittneben, B*. The impact of the Fukushima nuclear accident on European energy policy / B. Wittneben // Environmental Science & Policy. — 2012. — № 15 (1). — С. 1—3. — DOI: 10.1016/j.envsci.2011.09.002.

MATERIAL RESOURCES

Bundesverfassungsgericht Beschluss des Ersten Senats vom 29 September 2020. In: *1 BvR. 1550/19*. Available at: https://www.bundesverfassungsgericht.de/Shared-Docs/Entscheidungen/DE/2020/09/rs20200929_1bvr155019.html (accessed 12.08.2021).

Bundesverfassungsgericht Beschluss des Zweiten Senats vom 13 April 2017. In: *2 BvL. 6/13*. Available at: https://www.bundesverfassungsgericht.de/SharedDocs/Entscheidungen/EN/2017/04/l20170413_2bv1000613en.html (accessed 21.08.2021).

- Bundesverfassungsgericht Beschluss vom 6 Dezember 2016. In: *1 BvR. 2821/11; 1 BvR. 321/12 und 1 BvR. 1456/12*. Available at: http://www.bgb1.de/Xaver/start.xav?startbk=Bundesanzeiger_BGB1&bk=Bundesanzeiger_BGB1&start=//%5B@attr_id=%27bgb116s3451.pdf%27%5D (accessed 17.08.2021).
- Bundesministerium für Wirtschaft und Energie Wesentliche Ergebnisse der Gespräche mit den EVU. 05.03.2021. Available at: https://www.bmu.de/fileadmin/Daten_BMU/Download_PDF/Nukleare_Sicherheit/ergebnisse_gespraech_evu_bmu_bmf_bmwi_bf.pdf (accessed 19.07.2021).
- Das Gesetz zur geordneten Beendigung der Kernenergienutzung zur gewerblichen Erzeugung von Elektrizität vom 22 April 2002. In: *BGBI I*. 1351. Available at: https://www.bgb1.de/xaver/bgb1/start.xav#_bgb1_%2F%2F*%5B%40attr_id%3D%27bgb110s1351.pdf%27%5D_1617627336012 (accessed 12.08.2021).
- Dreizehtes Gesetz zur Änderung des Atomgesetzes. G. v. 31.07.2011. In: *BGBI I*. 1704. Available at: http://www.bgb1.de/Xaver/start.xav?startbk=Bundesanzeiger_BGB1&bk=Bundesanzeiger_BGB1&start=//%5B@attr_id=%27bgb111s1704.pdf%27%5D (accessed 12.08.2021).
- Elftes Gesetz* zur Änderung des Atomgesetzes vom 08 Dezember 2010. In: *BGBI I*. 1814. Available at: https://www.bgb1.de/xaver/bgb1/start.xav#_bgb1_%2F%2F*%5B%40attr_id%3D%27bgb110s1814.pdf%27%5D_1617627252693 (accessed 12.08.2021).
- Sechzehntes Gesetz zur Änderung des Atomgesetzes. 13.07.2018 (16 AtGÄndG). In: *BGBI I*. 25. Available at: https://www.bgb1.de/xaver/bgb1/start.xav?startbk=Bundesanzeiger_BGB1&jumpTo=bgb118s1122.pdf (accessed 1.08.2021).

REFERENCES

- Bernasconi-Osterwalder, N., Brauch, M. D. (2014). The State of Play in Vattenfall v. Germany II: Leaving the German public in the dark. In: *The International Institute for Sustainable Development Briefing Note. December 2014*.
- Chassot, S. (2014). Sustainable? A cross-country analysis of the socio-political acceptance of the nuclear phase out in Germany and Switzerland focusing on opportunities for strategic influence. *Betriebswirtschaftliche Forschung Und Praxis*, 66 (3): 247—265.
- Cho Il Hyun. (2020). To escape or embrace reactors? The politics of nuclear phase-out in Germany and South Korea In: *The Pacific Review*. 27. DOI: 10.1080/09512748.2020.1806341.
- Glushkova, I. V. (2015). Prospects for an energy strategy in Germany. *Proceedings of higher educational institutions. Energy problems*, 3—4: 42—50. (In Russ.).
- Huß, C. (2014). Energy transition by conviction or by surprise? Environmental policy from 2009 to 2013. *German Politics*, 23 (4): 430—445. DOI: 10.1080/09644008.2014.953068.
- Johnstone, P., Stirling, A. (2020). Comparing nuclear trajectories in Germany and the United Kingdom: From regimes to democracies in sociotechnical transitions and discontinuities. *Energy Research & Social Science*, 59: 27. DOI: 10.1016/j.erss.2019.101245.

- Leidinger, T. (2017). The Judgement of the Federal Constitutional Court on the Nuclear Phase-out in Germany: Every Light has its Shadow. *Atw-International Journal for Nuclear Power*, 62 (1): 26—29.
- Marg, S., Geiges, L., Butzlaff, F., Walter, F. (2013). *Die neue Macht der Bürger*. Bonn: Rowohlt. 342 c.
- Matthes, F. C. (2017). Energy transition in Germany: a case study on a policy-driven structural change of the energy system. *Evolutionary and Institutional Economics Review*, 14 (1): 141—169. DOI: 10.1007/s40844-016-0066-x.
- McCauley, D., Brown, A., Rehner, R., Heffron, R., Van de Graaff, S. (2018). Energy justice and policy change: An historical political analysis of the German nuclear phase-out. *Applied Energy*, 228: 317—323. DOI: 10.1016/j.apenergy.2018.06.093.
- Michaelowa, A. (2013). The politics of climate change in Germany: ambition versus lobby power. *Wiley Interdisciplinary Reviews-Climatic Change*, 4 (4): 315—320.
- Rehner, R., McCauley, D. (2016). Security, justice and the energy crossroads: Assessing the implications of the nuclear phase-out in Germany. *Energy Policy*, 88: 289—298. DOI: 10.1016/j.enpol.2015.10.038.
- Supyan, N. V. (2011). The Narrowing Bridge: Problems of the Federal Republic of Germany's Energy Policy. *Contemporary Europe*, 3 (47): 67—79. (In Russ.).
- Toropchin, G. V. (2013). Peaceful atom in the Federal Republic of Germany in the late XX — early XXI century. In the context of the concept *Energievend*. *Europe*, 12: 77—84. (In Russ.).
- Vosse, W. (2010). The German peace movement and its influence on German politics and political culture in the 1970s and 1980s. In: *The Cold War and the Regional Integration: Comparative Studies on the History of International Relations Between Europe and Asia*. Aoyama Gakuin University. 275—302.
- Wittneben, B. (2012). The impact of the Fukushima nuclear accident on European energy policy. *Environmental Science & Policy*, 15 (1): 1—3. DOI: 10.1016/j.envsci.2011.09.002.
- Zimakov, A. V. (2014). EU Nuclear energy: economics vs. Ecology. *World economy and international relations*, 9: 16—19. (In Russ.).
- Zimakov, A. V. (2016). German pension system: evolution or revolution? *Contemporary Europe*, 4 (70): 94—103. (In Russ.).
- Zimakov, A. V. (2017). Resolution on accelerated withdrawal of Germany from Nuclear energetics: Federal administrative court, Constitutional court, International arbitration. What next? *International economic law*, 2: 42—56. (In Russ.).

Кобахидзе Е. И. Эволюция института начальной церковной школы в Осетии (1860—1917 годы) / Е. И. Кобахидзе, Б. В. Туаева // Научный диалог. — 2021. — № 10. — С. 378—395. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-10-378-395.

Kobakhidze, E. I., Tuaeva, B. V. (2021). Evolution of Institution of Elementary Church School in Ossetia (1860—1917). *Nauchnyi dialog*, 10: 378-395. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-10-378-395. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-10-378-395

Эволюция института начальной церковной школы в Осетии (1860—1917 годы)

Кобахидзе Елена Исааковна

orcid.org/0000-0002-0535-6263

Scopus Author ID: 8254792600

ResearcherID: L-8402-2017

доктор исторических наук, профессор
кафедры теории и истории
государства и права
elena_k11@mail.ru

Туаева Берта Владимировна

orcid.org/0000-0001-9745-7776

доктор исторических наук, профессор
кафедры российской истории
ms.amaga@mail.ru

Северо-Осетинский
государственный университет
имени Коста Левановича Хетагурова
(Владикавказ, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено
при финансовой поддержке РФФИ
в рамках научного проекта
№ 20-09-00239

Evolution of Institution of Elementary Church School in Ossetia (1860—1917)

Elena I. Kobakhidze

orcid.org/0000-0002-0535-6263

Scopus Author ID: 8254792600

ResearcherID: L-8402-2017

Doctor of History, Professor
Department of Theory and History
of State and Law
elena_k11@mail.ru

Berta V. Tuaeva

orcid.org/0000-0001-9745-7776

Doctor of History, Professor
Department of Russian History
ms.amaga@mail.ru

North Ossetian State University
named after Kosta Levanovich Khetagurov
(Vladikavkaz, Russia)

Acknowledgments:

The reported study was funded by RFBR,
project number 20-09-00239

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассмотрен процесс развития начальной церковной школы в Осетии во второй половине XIX — начале XX века. Показано, что, находясь под эгидой духовного ведомства, церковная школа в Осетии эволюционировала в соответствии с ориентирами, задаваемыми правительственной политикой в сфере образования, однако процесс трансформаций имел и свою специфику. Сообщается, что учреждением и поддержкой церковных школ занималось исключительно Общество восстановления православного христианства на Кавказе. Выяснено, что церковные школы оказались востребованными в среде горского крестьянства, стремившегося получить хотя бы элементарное образование, выполнявшее важные адаптивные функции в условиях распада традиционного быта и формирования новой социальной реальности в пореформенный период. Подчеркивается, что отсутствие государственной поддержки со временем лишило приходскую школу стимулов и перспектив к развитию. Утверждается, что церковная школа в Осетии, не выдерживая конкуренции со светскими учебными заведениями, к 1917 году была уже практически неспособна выполнять свои образовательные задачи и потому перестала удовлетворять местное население, которое начало высказывать заинтересованность в светских учебных заведениях начального уровня, полнее отвечавших возросшим образовательным запросам.

Ключевые слова:

церковная школа; Осетия; Российская империя; Св. Синод; начальное образование; образовательная политика; образовательные реформы.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The process of development of an elementary church school in Ossetia in the second half of the 19th — early 20th centuries is considered. It is shown that, being under the auspices of the spiritual department, the church school in Ossetia evolved in accordance with the guidelines set by the government policy in the field of education, but the transformation process had its own specifics. It is reported that the establishment and support of church schools was exclusively concerned with the Society for the Restoration of Orthodox Christianity in the Caucasus. It was found that church schools were in demand among the mountain peasantry, who sought to get at least an elementary education that performed important adaptive functions in the context of the collapse of traditional life and the formation of a new social reality in the post-reform period. It is emphasized that the lack of state support over time deprived the parish school of incentives and prospects for development. It is argued that the church school in Ossetia, unable to withstand competition with secular educational institutions, by 1917 was already practically incapable of fulfilling its educational tasks and therefore ceased to satisfy the local population, which began to show interest in secular educational institutions of the elementary level, which more fully met the increased educational demands.

Key words:

church school; Ossetia; Russian empire; Holy Synod; elementary education; educational policy; educational reforms.

Эволюция института начальной церковной школы в Осетии (1860—1917 годы)

© Кобахидзе Е. И., Туаева Б. В., 2021

1. Введение

Пореформенные десятилетия в истории Российского государства отмечены не только бурным развитием капиталистического производства и крупными социальными сдвигами, но и заметным оживлением сферы народного просвещения. Стимулами к ее модернизации стали как либерально ориентированные настроения широкой общественности и высшего руководства страны, так и сугубо практическая надобность в грамотных специалистах, способных эффективно работать в изменившихся социально-экономических условиях. Эта потребность одинаково остро осознавалась и в центральных губерниях, и на быстро развивающейся периферии империи, где в той или иной мере успешно апробировались новые подходы к организации системы народного просвещения, адаптируемой к вызовам времени.

В крупных российских городах ощутимые подвижки произошли в системе среднего образования, представленной главным образом гимназиями и училищами, готовившими выпускников к продолжению обучения в высших учебных заведениях и овладению профессией. Однако сословный характер образования практически закрывал их для беднейших слоев сельского и городского населения, которые могли получить элементарные знания лишь в учебных заведениях низшего уровня. Их устройством занималось по преимуществу православное духовное ведомство, поэтому церковная школа была ориентирована не столько на образование, сколько на воспитание в духе православия. Миссионерские задачи начальной церковной школы чрезвычайно актуализировались на «инородческих» окраинах, население которых следовало как можно скорее подготовить к «слиянию в один русский народ» [НА СОИГСИ, ф. 10, оп. 1, д. 70, л. 24—25].

Церковная школа оказалась ведущей институциональной формой начального образования, доступной широким слоям населения, и на северокавказской периферии. Ввиду своей исключительной роли в формировании социокультурного ландшафта в регионе церковная школа заслуживает отдельного внимания. Пока же можно констатировать отсутствие целостного представления о динамике ее развития в регионе как самостоятельного института даже при наличии довольно обширной историогра-

фии проблемы становления образовательного пространства на Северном Кавказе в конце XVIII — начале XXI веков [Бзаров, 2005; Гатагова, 1993; Кобахидзе и др., 2017; Ткаченко, 2009; Туаева, 2008].

2. Начальный этап развития церковной школы

Началом процесса формирования школьного образования на Центральном Кавказе можно считать открытие Осетинской духовной комиссии в 1764 году осетинской школы в Моздоке. В течение первой половины XIX века просветительская деятельность Комиссии была сосредоточена главным образом в Осетии, основная часть населения которой считалась христианской. Там открылось порядка 10 школ. Однако говорить о систематической работе по организации приходской школы на Центральном Кавказе можно лишь с 1860-х годов. С этого времени начинается активная миссионерская и образовательная деятельность Общества восстановления православного христианства на Кавказе (ОВПХ), в число первоочередных задач которого входило устройство в сельских приходах школ для детей горцев [ПСЗ-П, т. 35, отд. 1, № 35897, с. 731]. Именно приходская школа стала для них основной организационной формой начального образования, что закреплялось в утвержденных кавказским наместником «Правилах о приходских школах ведомства Общества восстановления православного христианства на Кавказе» 1863 года [Материалы ..., 1942, с. 116—123]. Эти же «Правила...» декларировали и главные цели в работе школы — воспитание учеников «в духе православной христианской веры», а также «распространение необходимых по образу жизни горцев, нуждам и занятиям их сведений» [Материалы ..., 1942, с. 116]. Как и в России, школы в осетинских приходах устраивались по типу одноклассных, где обучение длилось два года, и двухклассных — с четырехлетним курсом.

Хотя образцом для приходской школы для горцев стала школа российская, чья деятельность регулировалась Положением о начальных народных училищах 1864 года, закреплявшим русский язык в статусе единственного языка преподавания [ПСЗ-П, т. 39, отд. 1, № 41068, с. 615], в школах ОВПХ обучение велось поначалу на родном для учеников языке («природном»), поскольку так детям было проще было усвоить азы грамотности, а преподавателям — вернее «образовать из горца человека и гражданина» [Материалы ..., 1942, с. 123]. Впрочем, русский язык не исключался из учебной программы, и к его изучению дети переходили, лишь достаточно освоившись в грамматике родного языка.

Как бы ни была ограничена учебная программа приходских школ, местное население быстро осознало их практическую пользу. О востребованности приходской школы свидетельствуют, например, ежегодные

отчеты начальника Владикавказского округа Терской области, фиксирующие число подведомственных ОВПХ школ и количество их учеников. И если в конце 1860-х годов здесь в 20 приходских школах обучалось около 400 учеников, то к началу 1874 года (при сокращении по объективным причинам числа школ до 16) численность учащихся достигла уже 650 (из них 160 девочек) [Материалы ..., 1942, с. 134]. Конечно, эти цифры можно считать мизерными, но и они дают представление о заинтересованности людей в получении начальных знаний.

В конце 1860-х годов церковная школа ведения ОВПХ стала полностью контролироваться профильным образовательным ведомством, а с апреля 1873 года приходские школы ОВПХ оказались поднадзорны кавказской учебной администрации, ведавшей педагогическими аспектами деятельности начальных училищ, открываемых в горских приходах. Дальнейшая их эволюция все более подчинялась основным направлениям правительственной образовательной политики, что дает основания говорить об интенсификации процессов интеграции кавказской начальной школы с российской.

3. Церковная школа в реформах 1870-х годов

1870-е годы ознаменовались проведением цикла образовательных реформ, ориентированных на создание в стране унифицированной многоступенчатой системы народного просвещения и на упорядочение самого учебного процесса. Низовой уровень в иерархии учебных заведений заняли начальные училища. Правовую основу их деятельности представляло принятое в мае 1874 года Положение о начальных народных училищах. В первом же пункте документа сообщалось, что «начальные народные училища имеют целью утверждать в народе религиозные и нравственные понятия и распространять первоначальные полезные знания» [ПСЗ-II, т. 49, отд. 1, № 53574, с. 836]. Для начальных учебных заведений на всей территории Российской империи в определенной мере унифицировались учебные планы, а обучение предписывалось вести на русском языке.

Положение вводилось в 33 «земских» губерниях. Оно устанавливало такой порядок в организации элементарного образования, при котором церковь становилась лишь одной, хотя и достаточно влиятельной, из действующих сил в этом процессе. С одной стороны, нововведения должны были ускорить интеграцию институтов начального образования в общегосударственную систему народного просвещения. С другой же стороны, начальная школа служила инструментом для распространения среди окраинного населения идей российской государственности и «гражданственности», транслируемых через государственный (русский) язык.

Но в Терской области распространение начального образования по-прежнему оставалось в исключительном ведении института духовного ведомства — ОВПХ. Заинтересованность в том, чтобы дети обучались грамоте, побуждала многие сельские общества Владикавказского округа активно включаться в процесс создания школ. Поощряемые администрацией, озабоченной увеличением числа начальных училищ, сельчане составляли общественные приговоры об открытии у них школ и даже брали на себя обязательства по постройке школьных зданий и содержанию (хотя бы половинному) приглашенных учителей и предоставлению им жилья [НА СОИГСИ, ф. 10, оп. 1, д. 69, л. 5—6].

Унификация образовательного пространства в Российской империи как основная посылка реформ МНП не оставляла места компромиссам, допускавшимся прежде в учебном процессе в приходской школе в Осетии (в частности, в отношении к языку обучения). И новые Правила начальных приходских школ Общества восстановления православного христианства на Кавказе, принятые в 1874 году, объявляли их целью «сообщение детям горских семейств религиозных и нравственных понятий, а также распространение русского языка и первоначальных полезных знаний» [Материалы ..., 1942, с. 132].

Однако, несмотря на трудности с обучением на незнакомом языке, горское крестьянство нуждалось даже в тех весьма скромных познаниях, которые давали приходские школы, и к концу 1870-х годов численность учеников 20-ти приходских школ Владикавказского округа превысила 800 человек [Материалы ..., 1942, с. 148].

Впрочем, деятельность администрации Кавказского учебного округа имела следствием рост лишь количественных показателей. Практика преподавания на русском языке, плохо приспособленные для занятий помещения (даже в специально выстроенных для этого зданиях), дефицит учебников, письменных принадлежностей, учебного оборудования наряду со слабой подготовкой учительского контингента значительно затрудняли процесс усвоения детьми учебного материала. Да и сами школы, несмотря на приток учащихся, тоже оставляли желать много лучшего. Отчеты инспектора школ ОВПХ пестрят указаниями на крайне неблагоприятное состояние помещений, предназначенных для занятий в селах Осетии: «удовлетворительное, но тесное» (в сел. Ольгинском), «плохое и тесное» (в Салугардане), «помещается в ветхом тесном и грязном здании» (в Дарг-Кохе), «помещение тесное, старое и неудобное» (в сел. Новохристиановском), «прекрасное, но тесное помещение в здании Садонского рудника» (в Садоне), «тесное, грязное, ветхое и холодное помещение» (в сел. Зарамаг), «помещается в тесном и неудобном здании, за-

нятия мастерствами происходят в турлuchном доме» (в Даргавсе) и т. д. и т. п. [НА СОИГСИ, ф. 10, оп. 1, д. 70, л. 13—21]

4. Курс на клерикализацию образования

В начале 1880-х годов, когда в стране изменился политический курс и официальная идеология, влияние церкви на начальную школу существенно возросло. Основное внимание в образовательной практике теперь уделялось искоренению из учебных заведений «крамолы» и «вольномыслия» путем усиления религиозно-воспитательной составляющей для укрепления в учащихся любви и уважения к Русской православной церкви, ее уставам и обрядам.

В центре реформ оказалась приходская школа как главный инструмент идеологического воздействия на население, что естественным образом обусловило приоритет Св. Синода в организации в стране начального образования. Правила о церковно-приходских школах 1884 года [ПСЗ-III, т. 4, № 2318] объявляли в качестве основного их воспитательное, а не образовательное, предназначение.

В начале 1885 года при Св. Синоде был создан Училищный совет по церковно-приходским школам, который занимался составлением и изданием соответствующих учебных программ. Надзорные функции на местах передавались епархиальным училищным советам, появившимся уже осенью 1884 года. Непосредственное заведование церковно-приходскими школами в каждой епархии переходило к епархиальному архиерею. Как и прежде, курс обучения рассчитывался на два года — в одноклассных школах и на четыре года — в двухклассных.

Всеобщая клерикализация образования определила развитие начальной школы и на Кавказе: здесь все церковно-приходские школы, в том числе ведения ОВПХ, были изъяты из управления Кавказского учебного округа и переданы в Св. Синод. В ходе реформы церковно-приходской школы были пересмотрены статус и функции самого ОВПХ — главного на Кавказе учреждения духовного ведомства, занимавшегося непосредственной организацией начальной школы в горских приходах. По инициативе обер-прокурора Св. Синода К. П. Победоносцева прежняя обособленность Общества от духовного ведомства ликвидировалась, и из ведения кавказской администрации оно перешло в подчинение духовным властям через экзарха Грузии, ставшего его председателем. Впрочем, светские власти от участия в делах Общества окончательно не устранились, так как вице-председатель Совета ОВПХ назначался высшим должностным лицом в крае — главноуправляющим гражданской частью на Кавказе.

В обновленном уставе ОВПХ, вступившем в силу в феврале 1885 года, в первую очередь формулировались миссионерские цели Общества. Но актуальными оставались и образовательные задачи, и Общество по-прежнему обязывалось открывать школы в горских приходах [ПСЗ-III, т. 5, № 2726, с. 45], к которым применялись общие Правила о церковно-приходских школах 1884 года.

Но в течение следующих десяти лет осетинские школы по-прежнему курировались одновременно и местным духовенством, и администрацией Владикавказского округа, поскольку епархиальный центр и штат инспекции располагались достаточно далеко — в Тифлисе. Удаленность Терской области от управляющего центра епархии затрудняла решение образовательных задач, но главное — мешала реализации миссионерских целей в крае, большую часть населения которого составляли «иноверцы» и мусульмане. Владикавказская епархия, подчинявшаяся Грузинскому экзархату, в 1894 году получает самостоятельность, и церковно-приходские школы оказываются в ведении Владикавказского епископа. А после преобразования в начале 1895—1896 учебного года Александровского осетинского духовного училища в Ардоне в Александровскую миссионерскую духовную семинарию заведовать всеми церковно-приходскими школами стало Ардонское отделение Владикавказского епархиального училищного совета под председательством ректора духовной семинарии.

То, что управление школами перешло к структуре, расположенной на подведомственной территории, несколько изменило общее состояние начального образования в крае. К содержанию церковно-приходских школ, как и к их устройству, помимо ОВПХ и сельских обществ, теперь подключилось и духовное ведомство. Но в целом положение как самих школ, так и работающих в них учителей оставалось бедственным, поскольку официально выделяемых средств не только на развитие школьного дела, но и на поддержку уже существующих учебных заведений не хватало: деньги шли главным образом на содержание учительского персонала. К примеру, на эти цели Советом ОВПХ для 16 подведомственных школ ежегодно отпускалось в среднем 6979 руб. 68 коп. [Габеев, 1942, с. 20]. И хотя Св. Синодом выделялись некоторые суммы на постройку новых школ (около 2,5 тыс. руб. в год), их было недостаточно даже для возведения одного здания. Основное бремя по содержанию школ ложилось на сельские общества.

Не все учебные заведения в осетинских приходах находились в одинаковом положении, и порой из-за отсутствия помещений для занятий, нехватки учеников для открытия классов, дефицита учительских кадров и, в особенности, бедности населения, неспособного содержать школы

и учителей, некоторые из них приходилось закрывать (как, например, в сел. Махческ и Галиат [Материалы, 1942, с. 150—154]).

Тем не менее к концу девятнадцатого столетия спрос на школу в Осетии чрезвычайно вырос. Ни скудость знаний, которые давала церковно-приходская школа, ни сложности материального плана не останавливали людей в их тяге хотя бы к элементарной грамотности, которая создавала определенный фундамент для получения более широкого, а в условиях Северного Кавказа — профессионального образования и, соответственно, овладения одной из востребованных на рынке профессий. Само же образование рассматривалось в качестве социального ресурса, обеспечивавшего относительно безболезненную социализацию в общеимперском пространстве и более или менее успешную адаптацию к изменившейся социальной среде. Стремление жителей осетинских сел к устройству школ и готовность поддерживать их всем самым необходимым поощрялось и окружной администрацией, и церковными властями [НА СОИГСИ, ф. 10, оп. 1, д. 74, л. 1].

Заинтересованность осетинского горского крестьянства в обучении детей привела к существенному превышению средней численности учеников в одной школе: во многих церковно-приходских школах она доходила до 100—150 человек, а в сел. Вольно-Христиановское в 1894 году было 269 учеников [Материалы ..., 1942, с. 154]. Этот факт даже был отмечен в отчете обер-прокурора Св. Синода Победоносцева за 1896—1897 годы, писавшего, что при средней численности учеников церковно-приходской школы в России в 40 человек школы Владикавказской епархии отличались «многолюдностью»: в среднем в каждой из них обучалось 64 ученика (а по числу учеников школ грамоты, также находившихся в синодальном ведомстве, Владикавказская епархия оказывалась даже на первом месте — 41 ученик при среднем показателе в 25 человек) [Всеподданнейший отчет ..., 1899, с. 225]. В 1894 году в 21 начальной церковной школе Осетии числилось уже 1986 учеников (среди них 379 девочек) [Материалы ..., 1942, с. 153—154].

Но школ по-прежнему не хватало. И столь же болезненной, требующей самостоятельного решения, оставалась проблема преподавательских кадров. С 1896 года по инициативе Училищного совета при Св. Синоде начинают действовать так называемые второклассные (или низшие учительские) церковно-приходские школы для подготовки учителей в школы грамоты [Всеподданнейший отчет ..., 1899, с. 221]. Школы эти задумывались в порядке эксперимента и получили распространение в основном в Европейской России, хотя единичные учебные заведения подобного типа устраивались и на Кавказе. Если в первый год была открыта 131 такая шко-

ла, то к 1 января 1898 года их число достигло 225 [Всепопданнейший отчет ..., 1899, с. 225]. Но возросшее число низших учительских школ все же не покрывало дефицита учителей. Потребности в учителях начальных приходских школ не удовлетворяли и существующие духовные семинарии.

Аналогичная ситуация сложилась и в Осетии. В местных школах преподавали в основном воспитанники Александровской учительской школы в Тифлисе и Владикавказского осетинского женского приюта, но их было недостаточно. Наличие Александровской миссионерской духовной семинарии в Ардоне также не решало проблему обеспечения церковных школ Владикавказской епархии квалифицированными учителями. Семинария выпускала не более 15 учеников в год, и далеко не все они желали связывать свою жизнь со служением церкви и школе. Поэтому значительная часть учителей в осетинской церковной школе не имела соответствующей подготовки. Так, к примеру, в 1901 году в местных церковно-приходских школах и школах грамоты преподавал 81 человек, и только 49 из них имели звание учителя [Габеев, 1942, с. 23]. Неспроста жители ряда осетинских селений требовали, чтобы в их приходах устраивали двухклассные школы, причем с тем условием, что «Ардонское отделение будет отпускать жалованье двум правоспособным учителям с образованием *не ниже учительской семинарии*» (курсив наш. — Е. К., Б. Т.) [НА СОИГСИ, ф. 10, оп. 1, д. 9, л. 24].

В несколько более выигрышном положении находились так называемые министерские школы, устраиваемые за казенный счет в городах и селах страны и комплектуемые профессиональными педагогами. К концу XIX века они уже составляли серьезную конкуренцию церковной школе. К тому же после 1897 года, когда последовали правительственные распоряжения о казенных вливаниях в народное образование, деятельность учебного ведомства активизировалась [Исторический обзор ..., 1902, с. 653].

5. Попытки преодоления кризиса начала XX века

Положение о церковно-приходских школах ведомства православного исповедания, принятое Св. Синодом в апреле 1902 года для преодоления кризиса церковно-приходской школы и снятия остроты кадровой проблемы [ПСЗ-III, т. 22, ч. 1, № 21290], предложило новую модель организации начального образования. Теперь церковная школа подразделялась на два типа: начальную и учительскую. Начальная (собственно церковно-приходские школы, школы грамоты и воскресные школы) предназначалась для детей и взрослых, а учительская (второклассные и церковно-учительские школы) — для подготовки учителей в начальную школу. Продолжительность учебных курсов возрастала до трех лет в однокласс-

ных школах и до пяти лет в двухклассных. В одноклассных школах для «детей инородцев» вводился четырехлетний курс обучения. Школам следовало «распространять образование в духе Православной веры и Церкви» [ПСЗ-III, т. 22, ч. 1, № 21290, с. 207].

Меры, принятые Синодом для поддержания своей школы, привели к желаемым результатам лишь отчасти. Судя по отчетам главы духовного ведомства, число церковно-приходских школ в России действительно постепенно увеличивалось. Но общая обстановка в стране, стоявшей накануне революционных преобразований, не лучшим образом отражалась на церковной школе. Реформаторские идеи проникали и на северокавказскую окраину, в том числе в Осетию. Под их влиянием здесь формулировались требования реорганизации начального образования, которые вылились в открытый протест со стороны учителей церковно-приходских школ [Кобахидзе, 2018].

Духовное ведомство вынуждено было отстаивать приоритет церковной школы перед начальными училищами МНП. Однако именно об их открытии все чаще просили жители Осетии, причем даже в тех селах, где уже действовали школы церковно-приходские. Общественные приговоры о постройке училищ МНП во Владикавказском округе выносились десятками. Мотивировалось это желание прежде всего тем, что если церковно-приходская школа была сосредоточена на обучении грамоте, то более широкая учебная программа «министерской» школы значительно облегчала ее выпускникам путь к продолжению образования в учебных заведениях высшего разряда [НА СОИГСИ, ф. 10, оп. 1, д. 9, л. 55—56] и, соответственно, полнее отвечала возросшим образовательным запросам местного населения.

И эти запросы приходилось удовлетворять. С 1904 по 1911 годы в Осетии открылось восемь двухклассных училищ МНП, в целом же к 1 января 1913 года на территории Владикавказского округа действовало 13 школ МНП, расположенных в основном в селах с преимущественно мусульманским населением [НА СОИГСИ, ф. 10, оп. 1, д. 18, л. 1].

Тот факт, что жители осетинских плоскостных селений «охладели к церковным школам», констатировал даже епархиальный наблюдатель церковно-приходских школ Осетии, признававший, что миссионерское значение церковных школ себя исчерпало [Материалы ..., 1942, с. 186]. И действительно, реальное число выпускников церковно-приходских школ из года в год оставалось крайне низким, что, по мнению учебной администрации, свидетельствовало об их «непроизводительности».

Сложившаяся ситуация не могла не вызывать неудовольствия епархиального начальства. Для ее улучшения были приняты административные

меры: Ардонское отделение Владикавказского епархиального училищного совета, действовавшее фактически автономно, в феврале 1906 года закрывается, а вместо него, на основании Положения об управлении церковными школами 1896 года, синодальным указом во Владикавказе учреждается Владикавказское окружное отделение с подчинением его местному епархиальному училищному совету [Материалы ..., 1942, с. 179].

В ведении окружного отделения к 1908—1909 годам состояло 16 церковно-приходских школ ОВПХ, среди которых значилось 5 двухклассных, расположенных в крупных плоскостных селениях Осетии: Ардоне, Владимировском (Батакюрте), Гизели, Дарг-Кохе, Хумалаге. Все они размещались в специально выстроенных каменных зданиях, на постройку которых пошли средства не только Совета ОВПХ и самих сельских обществ, но и Св. Синода. Несколько повысился и квалификационный уровень преподавательских кадров, среди которых были выпускники Ардонской и Тифлисской духовных семинарий, реального училища и женских прогимназии и гимназии во Владикавказе, а также учительских семинарий в Гори и Кутаиси. В среднем в осетинских церковно-приходских школах обучалось в те годы 1816 человек, из них 438 девочек [НА СОИГСИ, ф. 10, оп. 1, д. 16, л. 22—25].

Но в целом проблемы церковно-приходских школ Осетии решены не были, продолжая оставаться предметом обсуждения во Владикавказском епархиальном училищном совете. Претензии предъявлялись главным образом к двухклассным школам, которые в синодальном Училищном совете были признаны «не привившимися», так как среди их выпускников практически не было детей, окончивших полный курс второго класса. Поэтому часть школ с одним учителем на два отделения, именуемых двухклассными, была реорганизована в одноклассные (в Садоне, Тибе, Даллагкау). Сельским обществам предложили изыскать средства на содержание положенных для двухклассных школ штатов [НА СОИГСИ, ф. 10, оп. 1, д. 16, л. 18—19].

Но сам вопрос комплектации двухклассных осетинских школ квалифицированными кадрами оставался открытым. По признанию Владикавказского епархиального училищного совета, при понимании всей «необходимости, пользы и целесообразности» мер по обеспечению школ Осетии «надлежаще подготовленными постоянными учащими лицами», всё же выполнить их совет не в состоянии [НА СОИГСИ, ф. 10, оп. 1, д. 16, л. 19].

Частные проблемы осетинских церковно-приходских школ отражали общее состояние не только церковной школы, но и вообще начального образования в России в первом десятилетии XX века. По-прежнему не-

решенными оказывались вопросы как материального, так и кадрового обеспечения низшей ступени образовательной системы. Извечный российский дефицит средств лишал доступа даже к элементарному образованию огромное число детей школьного возраста. В Кавказском учебном округе в 1908—1909 годах, по свидетельству его попечителя Н. Ф. Рудольфа, «число обучающихся определится цифрой 471 231 человек, что при 1 000 000 населения Кавказа и при 880 000 детей школьного возраста далеко не удовлетворяет потребности в доступном начальном образовании, так как около 46 % детей школьного возраста остаются без обучения». И для того, чтобы с уверенностью говорить, что «школа приобщила эту окраину к русской государственности и внедрила в массу местного населения любовь к Церкви, Царю и Отечеству», необходимо было многократное увеличение наличного числа учебных заведений начального уровня [Рудольф, 1914, с. 48]. Все более насущной становилась необходимость коренного реформирования начальной школы.

В основу реформы легла правительственная идея о всеобщем начальном обучении в Российской империи, сформулированная в ноябре 1907 года в виде соответствующего законопроекта, внесенного в Государственную думу. Документ содержал ряд ключевых положений, определяющих модель всеобщего начального образования в стране, основанную на сети школьных учреждений, охватывающей детей в возрасте 8—11 лет. В разработке школьной сети широкие права предоставлялись местным администрациям и церковно-школьному начальству. Для включения в школьную сеть учебному заведению, рассчитанному на четыре возрастные группы, необходимо было соответствовать ряду критериев: «иметь законоучителя и учителя, обладающего законным правом на преподавание, быть обеспеченным соответствующим школьным и гигиеническим потребностям помещением, учебными книгами и пособиями и доставлять детям бесплатное обучение». Нормальной считалась четырехлетняя продолжительность обучения в начальной школе, а нормальным числом детей на одного учителя признавалось 50; одна школа должна была обслуживать «местность с трехверстным радиусом» [О введении всеобщего начального обучения...]. Включенные в школьную сеть церковно-приходские школы финансировались из казны на равных с училищами МНП основаниях; содержание церковно-приходских школ, не вошедших в школьную сеть, обеспечивалось из местных источников.

И хотя соответствующий закон так и не появился, реформа начального образования все же началась. Импульсом к ней послужил закон от 3 мая 1908 года о значительном увеличении казенных ассигнований (почти 7 млн руб. в год) на начальное образование. Документ намечал основные

направления реформы, касающиеся материального положения учителей, наполняемости школ учениками 8—11 лет, деятельности органов местного самоуправления по организации школьного образования. Особо подчеркивался бесплатный характер обучения в начальных училищах [ПСЗ-III, т. 28, ч. 1, № 30328].

В отношении же церковно-приходской школы Св. Синод пришел к заключению о необходимости приближения ее к современным условиям. Для обсуждения вопросов управления церковно-приходскими школами, их учебно-воспитательной деятельности, «особливо же ввиду участия церковных школ в осуществлении задачи всеобщего обучения в России» в мае 1910 года состоялось чрезвычайное собрание синодального Училищного совета [Всеподданнейший отчет ..., 1913, с. 305—315]. Епархиальному начальству предлагалось «принять под свое особое архипастырское попечение и покровительство» процесс включения церковных школ в формируемую школьную сеть [Всеподданнейший отчет ..., 1913, с. 308].

Переход к всеобщему обучению и государственное финансирование школьной сети существенно повышали требования к начальной школе. Конечно, не все учебные заведения, тем более церковно-приходские школы, материально-техническое состояние большинства которых было удручающим, могли им соответствовать, а следовательно — и рассчитывать на государственную поддержку. В Осетии, например, при некотором увеличении числа церковных школ во втором десятилетии XX века (с 53 — в 1912 году до 62 — в 1917 году [Материалы ..., 1942, с. 200—229]) ни одна из них в школьную сеть так и не попала. Это означало, что содержание школ полностью ложилось на «местные источники», то есть сельские общества и саму епархию, что заведомо лишало церковную школу всяких перспектив. Не выполняли свою роль и устроенные при церковно-приходских школах ремесленные классы, хотя именно за практическими навыками и шли в школу горские дети.

Проблема финансирования реформы начальной церковной школы в Осетии тесно связывалась с проблемой обеспечения самой школы учительскими кадрами. И дело было не только в том, что профессиональных педагогов катастрофически не хватало — многие из уже работавших в церковно-приходской школе просились перейти в школу ведомства МНП, где практиковались современные методы преподавания [НА СОИГСИ, ф. 10, оп. 1, д. 20, л. 1].

И материально-техническое состояние, и дефицит кадровых ресурсов вели к тому, что к 1917 году в осетинских школах, подведомственных Владикавказскому отделению епархиального училищного совета, обучалось всего 5130 человек (в том числе и воспитанники начальных учеб-

ных заведений духовного ведомства, расположенных во Владикавказе) [Кобахидзе, 2018, с. 152], из которых лишь 444 ученика считались окончившими полный курс, причем только десятая часть их (42 человека) окончили двухклассную школу [Материалы ..., 1942, с. 225—228]. Это означало, что церковная школа в Осетии неуклонно теряла лидирующие позиции в региональной системе народного просвещения.

В июне 1917 года Временное правительство определило почти все церковно-приходские школы, включенные в школьную сеть и пользующиеся государственной поддержкой, изъять из ведения Св. Синода и передать их образовательному ведомству. Однако осетинские церковно-приходские школы оставались в ведении епархиального училищного совета. Первый Всесоетинский учительский съезд, прошедший во Владикавказе в июле 1917 года, постановил все церковно-приходские школы Осетии преобразовать в общеобразовательные народные и управление всеми школами возложить на Северо-Осетинский Училищный Совет [Кобахидзе, 2018, с. 152]. Созданный Училищный совет обратился к епархиальному совету с требованием «по делам школ Северной Осетии сноситься с упомянутым училищным советом и ему же по примеру дирекции учебных заведений Терской области пересылать прошения о назначениях и др.». Все еще пытаясь отстоять свой приоритет в деле начального обучения, местные духовные власти не признали это требование правомочным. В сентябре того же года епархиальный училищный совет рекомендовал своему окружному отделению, чтобы оно «впредь до распоряжения о передаче церковно-приходских школ в ведение М. Н. просвещения руководствовалось существующими законоположениями и подчинялось подлежащей епархиальной власти и, в чем следует, епархиальному училищному совету» [Материалы, 1942, с. 233].

Октябрьская революция по-своему решила проблемы церковной школы, ликвидировав ее на основании Постановления СНК «О передаче дела воспитания и образования из духовного ведомства в ведение народного комиссариата по просвещению». Передаче подлежали «все церковно-приходские (начальные одноклассные, двухклассные) школы, учительские семинарии, духовные училища и семинарии, миссионерские школы, академии и все другие...» вместе с их штатами и имуществом [Декреты Советской власти, т. 1, с. 210—211].

6. Заключение

Представляя равноценную альтернативу школе светской, церковная школа в Осетии долгое время оставалась единственным типом учебных заведений начального уровня для горского крестьянства. Ее эволюция опре-

делялась правительственной политикой в области народного просвещения, но организацию самой школы государство фактически перепоручило духовному ведомству, устранившись при этом от целого комплекса проблем. Отсутствие государственной поддержки лишало церковную школу возможности эффективно конкурировать со светскими учебными заведениями. Даже в попытках адаптироваться к быстро меняющимся условиям пореформенной России Св. Синод стремился через школу реализовать прежде всего миссионерские цели и задачи, являвшиеся неотъемлемой частью государственной национальной и конфессиональной политики, что отодвигало просветительские функции школы на второй план. Кроме того, образовательные запросы осетин со временем оказались шире, чем предложенная церковной школой программа, что уже в начале XX века привело к падению ее авторитета и переориентации населения на школу «министерскую», то есть светскую.

Источники и принятые сокращения

1. *Всеподданнейший* отчет обер-прокурора Святейшего синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1896 и 1897 годы. — Санкт-Петербург : Синодальная типография, 1899. — 279 с.
2. *Всеподданнейший* отчет обер-прокурора Святейшего синода по ведомству православного исповедания за 1910 год. — Санкт-Петербург : Синодальная типография, 1913. — 338 с.
3. *Декреты* Советской власти. В 18 томах. Том 1. 25 октября 1917 г. — 16 марта 1918 г. — Москва : Политиздат, 1957. — 640 с.
4. *Материалы* по истории осетинского народа : сборник документов по истории народного образования в Осетии. — Орджоникидзе : Государственное издательство СО-АССР, 1942. — Том 5. — 296 с.
5. НА СОИГСИ — *Научный* архив Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований. Ф. 10. Оп. 1. Д. 9, 16, 18, 20, 69, 70, 74.
6. *О введении* всеобщего начального обучения в Российской империи [Электронный ресурс] // Документы XX в. — Режим доступа : <http://www.doc20vek.ru/node/1638> (дата обращения: 20.07.2021).
7. ПСЗ-II — *Полное* собрание законов Российской империи. Собрание 2. — Санкт-Петербург, 1862. — Том 35, Отд. 1. — № 35897; 1864. — Том 39, Отд. 1. — № 41068; 1876. — Том 49, Отд. 1. — № 53574.
8. ПСЗ-III — *Полное* собрание законов Российской империи. Собрание 3. — Санкт-Петербург, 1887. — Том 4, № 2318; Том 5, № 2726; 1904. — Том 22, Часть 1. — № 21290; 1911. — Том 28, Часть 1. — № 30328.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бзаров Р. С. Очерки истории осетинской школы / Р. С. Бзаров // Историко-филологический архив. — 2005. — № 3. — С. 30—77.
2. Габеев А. Я. Основные этапы развития народного образования в Осетии (1740—1917) / А. Я. Габеев // Материалы по истории осетинского народа : сборник документов

по истории народного образования в Осетии. — Орджоникидзе : Государственное издательство СОАССР, 1942. — Том 5. — С. 3—24.

3. Гатагова Л. С. Правительственная политика и народное образование на Кавказе в XIX в. / Л. С. Гатагова. — Москва : Россия молодая, 1993. — 143 с.

4. Кобахидзе Е. И. Первый Всеосетинский учительский съезд и задачи осетинской начальной школы / Е. И. Кобахидзе // Известия СОИГСИ. — 2018. — Выпуск 30 (69). — С. 147—174.

5. Кобахидзе Е. И. Развитие образовательного потенциала Осетии во второй половине XIX века / Е. И. Кобахидзе, Н. А. Ладонина. — Владикавказ : ИПО СОИГСИ, 2017. — 321 с.

6. Рождественский С. В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения, 1802—1902 / С. В. Рождественский. — Санкт-Петербург : Государственная типография, 1902. — 840 с.

7. Рудольф Н. Ф. Обзор деятельности Кавказского учебного округа за пятилетие 1908—1912 / Н. Ф. Рудольф. — Тифлис : Либерман и Ко, 1914. — 231 с.

8. Ткаченко Д. С. Школьное образование в этнокультурной политике на Северном Кавказе XIX — начала XX вв. / Д. С. Ткаченко. — Ставрополь : Альфа Принт, 2009. — 279 с.

9. Туаева Б. В. Особенности формирования северокавказского поликультурного общества в пореформенной России: народно-образовательный аспект / Б. В. Туаева // Известия Алтайского государственного университета. — 2008. — № 4/5. — С. 207—213.

MATERIAL RESOURCES

Decrees of the Soviet government, 18/1. October 25, 1917 — March 16, 1918. (1957). Moscow: Politizdat. 640 p. (In Russ.).

Materials on the history of the Ossetian people: a collection of documents on the history of public education in Ossetia, 5. (1942). Ordzhonikidze: State Publishing House SOASSR. 296 p. (In Russ.).

NA SOIGSI — *Scientific archive of the North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies. F. 10.* (In Russ.).

On the introduction of universal primary education in the Russian Empire. In: *Documents of the XX century.* Available at: <http://www.doc20vek.ru/node/1638> (accessed: 20.07.2021). (In Russ.).

PSZ-II — *Complete collection of laws of the Russian Empire, 2.* St. Petersburg. (In Russ.).

PSZ-III — *Complete collection of laws of the Russian Empire, 3.* St. Petersburg. (In Russ.).

The most submissive report of the Chief Prosecutor of the Holy Synod K. Pobedonostsev on the Department of the Orthodox Confession for 1896 and 1897. (1899). St. Petersburg: Synodal Printing House. 279 p. (In Russ.).

The most submissive report of the Chief Prosecutor of the Holy Synod for the Department of the Orthodox Confession for 1910. (1913). St. Petersburg: Synodal Printing House. 338 p. (In Russ.).

REFERENCES

Bzarov, R. S. (2005). Essays on the history of the Ossetian school. *Historical and philological archive, 3*: 30—77. (In Russ.).

- Gabeev, A. Ya. (1942). The main stages of the development of public education in Ossetia (1740—1917). In: *Materials on the history of the Ossetian people: a collection of documents on the history of public education in Ossetia*, 5. Ordzhonikidze: State Publishing House SOASSR. 3—24. (In Russ.).
- Gatagova, L. S. (1993). *Government policy and public education in the Caucasus in the 19th century*. Moscow: Young Russia. 143 p. (In Russ.).
- Kobakhidze, E. I. (2018). The First All-Ossetian Teachers' Congress and the Objectives of the Ossetian Primary School. *Izvestiya SOIGSI*, 30 (69): 147—174. (In Russ.).
- Kobakhidze, E. I., Ladonina, N. A. (2017). *Development of the educational potential of Ossetia in the second half of the XIX century*. Vladikavkaz: IPO SOIGSI. 321 p. (In Russ.).
- Rozhdestvensky, S. V. (1902). *Historical review of the activities of the Ministry of Public Education, 1802—1902*. St. Petersburg: State Printing House. 840 p. (In Russ.).
- Rudolph, N. F. (1914). *Review of the activities of the Caucasian educational district for the five years, 1908—1912*. Tiflis: Lieberman and Co. 231 p. (In Russ.).
- Tkachenko, D. S. (2009). *School education in ethnocultural politics in the North Caucasus in the 19th — early 20th centuries*. Stavropol: Alfa Print. 279 p. (In Russ.).
- Tuayeva, B. V. (2008). Features of the formation of the North Caucasian multicultural society in post-reform Russia: the people's educational aspect. *Bulletin of the Altai State University*, 4/5: 207—213. (In Russ.).

Крот М. Н. Деятельность В. В. фон Валя на посту главы Виленской губернии в 1901—1902 годах / М. Н. Крот // Научный диалог. — 2021. — № 10. — С. 396—411. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-10-396-411.

Krot, M. N. (2021). V. V. von Wal as Head of Vilnius Province in 1901—1902. *Nauchnyi dialog*, 10: 396-411. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-10-396-411. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-10-396-411

Деятельность В. В. фон Валя на посту главы Виленской губернии в 1901—1902 годах

Крот Максим Николаевич

orcid.org/0000-0001-5855-8160

кандидат исторических наук, доцент,

научный сотрудник¹;

доцент кафедры Отечественной истории
средних веков и нового времени²

konservator78@mail.ru

¹ Южный научный центр
Российской Академии наук
(Ростов-на-Дону, Россия)

² Южный федеральный университет
(Ростов-на-Дону, Россия)

Благодарности:

Публикация подготовлена
в рамках реализации проекта РНФ
№ 17-78-20117 «Национальные окраины
в политике Российской империи и
русской общественной мысли»

V. V. von Wal as Head of Vilnius Province in 1901—1902

Maxim N. Krot

orcid.org/0000-0001-5855-8160

PhD in History, Associate Professor,

Researcher¹;

Associate Professor,
Department of Patriotic History
of the Middle Ages and Modern Times²
konservator78@mail.ru

¹ Southern Scientific Center of the Russian
Academy of Sciences
(Rostov-on-Don, Russia)

² Southern Federal University
(Rostov-on-Don, Russia)

Acknowledgments:

The reported study was funded
by Russian Science Foundation,
project number 17-78-20117
“National outskirts in the policy
of the Russian Empire and
Russian public thought”

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается деятельность одного из типичных представителей российской региональной бюрократии второй половины XIX — начала XX веков — Виктора Вильгельмовича фон Валя на посту виленского губернатора, который он занимал в 1901—1902 годах. Особое внимание уделяется обстоятельствам назначения его на данную должность, которое было обусловлено попытками административной реорганизации в управлении северо-западными окраинами России. Дается краткий анализ общественно-политической обстановки, сложившейся к началу XX века в Виленской губернии, и указывается, что наиболее острой проблемой в этот период являлось активное рабочее движение, носившее в крае смешанный социально-этнический характер. Делается вывод о том, что реализуемая фон Валем управленческая модель, в основе которой лежала традиционная административно-силовая доминанта, не соответствовала сложившейся в крае обстановке и провоцировала повышение градуса насилия в губернии. Отмечается, что, несмотря на краткосрочность пребывания фон Валя на посту виленского губернатора, оно имело ряд важных последствий, продемонстрировав преждевременность ликвидации института генерал-губернаторства в крае и необходимость смягчения административной политики в отношении местного населения.

Ключевые слова:

Российская империя; Северо-Западный край; Виленская губерния; В. В. фон Валь; генерал-губернаторская власть; Д. С. Сипягин; рабочее движение; Х. Леккерт.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The activities of one of the typical representatives of the Russian regional bureaucracy of the second half of the 19th — early 20th centuries — Viktor Vilhelmovich von Wal as governor of Vilnius province, which he held from 1901 to 1902 is examined in the article. Particular attention is paid to the circumstances of his appointment to this position, which was due to attempts at administrative reorganization of the management of the north-western outskirts of Russia. A brief analysis of the socio-political situation that had developed by the beginning of the 20th century in the Vilnius province is given and it is indicated that the most acute problem during this period was the active labor movement, which had a mixed socio-ethnic character in the region. It is concluded that the management model implemented by von Wahl, which was based on the traditional administrative-power dominant, did not correspond to the situation in the region and provoked an increase in the degree of violence in the province. It is noted that, despite the short-term tenure of von Waal as governor of Vilna, it had a number of important consequences, demonstrating the premature liquidation of the institution of the governor-general in the region and the need to soften the administrative policy towards the local population.

Key words:

Russian empire; Northwest Territory; Vilnius province; V. V. von Wal; governor-general power; D. S. Sipyagin; labor movement; H. Leckert.

Деятельность В. В. фон Валя на посту главы Виленской губернии в 1901—1902 годах

© Крот М. Н., 2021

1. Введение

Содержание и характер управленческой деятельности имперской администрации на национальных окраинах на всем протяжении существования Российской империи определялись не только общим политическим курсом самодержавия и исходящими из центра распоряжениями и инструкциями, но, во многом, личностными качествами, представлениями и способностями крупных региональных чиновников, наделенных широкими властными полномочиями. От их личного опыта и свойств характера зачастую зависела успешность воплощения в жизнь политики, исходящей из имперского центра, установление благоприятных контактов с местным инородческим населением, погашение конфликтных ситуаций, которыми изобилывала управленческая практика на национальных окраинах.

Ключевыми фигурами регионального управления Российской империи являлись губернаторы, официально признаваемые законом «хозяевами губерний». На протяжении всей второй половины XIX века власть губернаторов постоянно расширялась, а их обязанности непрерывно усложнялись, что было обусловлено глобальными модернизационными процессами, охватившими все сферы жизни российского общества. Достаточно архаичная система регионального управления Российской империи, институциональная и правовая основа которой сложилась еще в XVIII — первой половине XIX веков во многом не соответствовала вызовам наступающей эпохи модерна.

Военно-служилая доминанта, господствовавшая в административном управлении России на всем протяжении имперского периода, особенно сильная на национальных окраинах, предполагала преобладание административно-силовых управленческих практик. В условиях обострения социальных противоречий подобная модель управления могла провоцировать общественное недовольство и вести к различным формам протестных проявлений: от жалоб и петиций до прямых вооруженных выступлений и террористических актов. На западных окраинах Российской империи в течение второй половины XIX — начала XX веков происходили постоянные колебания от строгой реализации репрессивных мер и жесткого проведения в жизнь русификаторских мероприятий до смягчения административ-

ного воздействия и поиска взаимовыгодного компромисса с местным населением. Данные колебания во многом зависели от личностных качеств местных администраторов, которые учитывались вышестоящими инстанциями при их назначении [Западные окраины ..., 2006, с. 264].

К началу XX века в Северо-Западном крае, включавшем в себя к этому времени Виленскую, Ковенскую и Гродненскую губернии, сохранялась генерал-губернаторская власть, являвшаяся своеобразным представительством верховной власти в регионе, что подчеркивало особый окраинный статус данной территории. Главы местных губерний должны были подчиняться решениям генерал-губернатора, определявшего общий курс управления окраиной и обладавшего обширными властными полномочиями. Одной из важнейших целей политики имперских властей на западных окраинах России являлась их полная инкорпорация в имперское пространство, что было связано с административно-территориальной унификацией, предполагавшей упразднение со временем института генерал-губернаторской власти. Первая попытка данной административной реформы, потерпевшая неудачу и приведшая к существенной трансформации характера имперской политики в отношении северо-западной окраины Российской империи, была связана с деятельностью Виктора Вильгельмовича фон Валя, возглавлявшего виленскую губернию в 1901—1902 годах.

2. «Терпимостью к чужим взглядам не отличался ...»: особенности служебной карьеры В. В. фон Валя

Отдельные аспекты служебной деятельности В. В. фон Валя на различных постах, занимаемых им в разное время, а также его эпистолярное наследие обращали на себя внимание отечественных исследователей [Шатохин, 2007, с. 60—65; Шатохин, 2018, с. 690—696; Радченко, 2018, с. 15—23; Радченко, 2020], однако его пребывание во главе Виленской губернии не становилось объектом специального изучения. Несмотря на краткость данного этапа в служебной карьере чиновника, период его губернаторства в Вильно был насыщен значимыми и драматическими событиями, став поворотным пунктом в системе управления ключевой губернией Северо-Западного края Российской империи и всем регионом в целом.

Карьера фон Валя представляла собой один из типичных вариантов развития служебной траектории крупного чиновника второй половины XIX — начала XX веков. Являясь выходцем из прибалтийских немцев и будучи лютеранином по вероисповеданию, он избрал для себя военное поприще как наиболее перспективное для начала продвижения по карьерной лестнице. В 1863—1864 годах фон Валь принимал активное участие в подавлении польского восстания, в ходе которого отличился личным му-

жеством и решительностью, за что получил ряд боевых наград [Список генералам ..., 1914, с. 27]. Там же, в Царстве Польском он приобрел и первый опыт управленческой деятельности в гражданской сфере, будучи назначенным на должность чиновника особых поручений при последнем польском наместнике графе Ф. Ф. фон Берге [Длуголевский, 2001, с. 365].

В 1870-е годы, сохранив воинские звания, фон Валь перешел на гражданскую службу. С 1878 по 1892 годы он возглавлял шесть губерний — Гродненскую, Харьковскую, Витебскую, Подольскую, Волынскую, Курскую, а с 1892 по 1895 годы занимал пост петербургского градоначальника. В столь частой смене мест службы не было ничего экстраординарного: большинство губернаторов Российской империи на всем протяжении XIX века занимали свой пост в среднем от трех до пяти лет, переводясь затем на новое место службы вне зависимости от степени эффективности своей деятельности [Зайончковский, 1978, с. 210].

Следует заметить, что современники давали фон Валью весьма нелицеприятные характеристики, указывая на отсутствие у него такта и гибкости, необходимых для успешного взаимодействия с подчиненными, сослуживцами и представителями региональной общественности.

Так, хозяйка известного петербургского салона, в котором собирались представители высшей имперской бюрократии, А. В. Богданович в своем дневнике описывала фон Валя в бытность того столичным градоначальником как «очень дерзкого, нахального, заносчивого и грубого» человека, который ловко «умел устроиться», пользуясь протекцией влиятельного и близкого ко двору консервативного издателя князя В. П. Мещерского [Богданович, 1990, с. 176, 267]. Государственный деятель и публицист В. И. Гурко, лично знавший многих представителей высшей российской бюрократии, характеризовал фон Валя как человека, не обладавшего «ни бойким, ни глубоким умом», крайнего консерватора, который «по воспитанию, теориям и идеям принадлежал к предыдущей эпохе и терпимостью к чужим взглядам не отличался» [Гурко, 2000, с. 355—356].

При этом отмечалось, что фон Валь был честным и требовательным руководителем, не пользовавшимся служебным положением в собственных интересах. Практически во всех губерниях, которые ему приходилось возглавлять, он снискал себе репутацию непримиримого борца со служебными злоупотреблениями и взяточничеством. Его настойчивые усилия по уничтожению «зла», прочно укоренившегося в аппарате губернского правления, привели к появлению у него многочисленных влиятельных недоброжелателей, что замедляло его карьерный рост [РНБ, ф. 127, оп. 96, д. 9, л. 10].

Одной из характерных особенностей чиновника было его крайне жесткое отношение к лицам, замешанным в политических преступлениях.

И в бытность его петербургским градоначальником, и позднее, на посту командира жандармского корпуса, он проявлял жесткость к политическим заключенным, стремясь всячески усилить их наказания и утяжелить условия заключения [Гурко, 2000, с. 356]. Причем преступление против государственного строя он трактовал весьма широко, относя к нему всякое противодействие властям.

Подобная практика не могла не оказать влияния на характер его управленческой деятельности в Виленской губернии, главой которой он был назначен по инициативе министра внутренних дел Д. С. Сипягина в октябре 1901 года.

3. «Губернатор с твердым характером ...»: назначение фон Валя на пост главы Виленской губернии

Следует отметить, что данное назначение во многом было связано с попыткой упразднения генерал-губернаторской власти в Северо-Западном крае, предпринятой имперскими властями в первые годы XX века.

Институт генерал-губернаторской власти был неотъемлемой частью административной структуры Российской империи с самого начала ее существования. Вхождение в состав государства новых окраинных территорий, которые должны были интегрироваться в единое имперское пространство, обусловило необходимость создания административной инстанции, являвшейся символом верховной власти, блюстителем ее интересов и проводником имперской идеологии. Отечественные и зарубежные исследователи выделяли множество причин, побуждавших центральную власть длительное время сохранять институт генерал-губернаторства. К ним относилось обеспечение внешней безопасности, делегирование части властных полномочий из центра на места, а также проведение единообразного комплекса мероприятий по унификации национальных окраин. Справиться со всем сложным комплексом данных задач могло только лицо, облеченное широкими властными полномочиями и контролирующее обширную территорию, далеко выходящую за пределы одной губернии [Becker, 2000, с. 339—340].

«Общая инструкция генерал-губернаторам», утвержденная императором Николаем I в мае 1853 года и в неизменном виде сохранявшаяся до начала XX века, определяла их как «главных блюстителей неприкосновенности верховных прав Самодержавия, пользы Государства и точного исполнения законов и распоряжений высшего Правительства по всем частям управления во вверенном им крае», которые были обязаны предупреждать «все противное безопасности и пользе общей, или же несообразное с видами Верховного Правительства». Все губернаторы и прочие должностные

лица были обязаны беспрекословно выполнять все законные распоряжения генерал-губернатора [Полное собрание законов ..., 1854, № 27293, с. 260—261, 264].

Однако на рубеже XIX—XX веков в высших административных кругах шла оживленная дискуссия о целесообразности сохранения данного института в ряде регионов.

О необходимости его постепенного упразднения на северо-западной окраине заявлял министр внутренних дел И. Л. Горемыкин, считавший генерал-губернаторство архаичной и излишней административной инстанцией, обремененной чрезвычайными правами, которая замедляет решение текущих дел и затрудняет применение государственных законов в отношении края [Дякин, 1998, с. 217—218].

Д. С. Сипягин, сменивший Горемыкина, также был сторонником упразднения института генерал-губернаторства и передачи значительной части его полномочий министерству внутренних дел. Аргументируя свою позицию, министр указывал на то, что генерал-губернаторы, обладая значительной властью, часто становились в оппозицию к министерству внутренних дел по многим вопросам, что препятствовало проведению единой правительственной линии в отношении национальных окраин. Помимо этого, Сипягин подчеркивал тот факт, что многие генерал-губернаторы, являясь людьми военными, сосредотачивались преимущественно на понятной и близкой им военной сфере, перепоручая гражданское управление своим управляющим канцелярией, которые по своему положению совершенно не соответствовали уровню решаемых ими вопросов. Немаловажными для Сипягина были и финансовые соображения, поскольку он рассчитывал, что с упразднением генерал-губернаторской власти значительные денежные средства, шедшие на ее содержание, перейдут бы в ведение Министерства внутренних дел [РГИА, ф. 916, оп. 1, д. 13, л. 1 об. — 2].

После скоропостижной смерти виленского генерал-губернатора В. Н. Троцкого в мае 1901 года Сипягин изложил все вышеприведенные доводы императору Николаю II, который, однако, согласился лишь на незамещение должности генерал-губернатора Северо-Западного края в течение трех лет. В особом распоряжении, вышедшем 21 июня 1901 года, указывалось, что в данный период «все права и обязанности генерал-губернатора по всем особым установлениям, изданным как для всего западного края, так и по трем губерниям, находившимся в ведении виленского генерал-губернатора (Виленской, Ковенской и Гродненской), возлагаются на министра внутренних дел». Денежные суммы, отпускаемые на содержание генерал-губернаторского управления, теперь должны были переда-

ваться в ведение министра внутренних дел [РГИА, ф. 1284, оп. 190, д. 91, л. 1 об. — 3].

Министра внутренних дел, по его собственному признанию, беспокоило лишь одно обстоятельство. Население Вильно, привыкшее к присутствию в городе главного начальника края, могло расценить отказ от его назначения как изменение существующей системы правления регионом, важнейшим элементом которого была политика деполонизации и русификации края, что породило бы нежелательные последствия. Отсутствие генерал-губернатора следовало «компенсировать» путем некоторого расширения полномочий виленского губернатора и назначения на этот пост опытного управленца, обладавшего «твердым характером» [РГИА, ф. 916, оп. 1, д. 13, л. 1 об.]. Выбор министра пал на фон Валя.

Однако сам фон Валь был далеко не в восторге от этого предложения. В личном разговоре он прямо заявил Сипягину, что после пребывания на посту петербургского градоначальника был вправе рассчитывать на генерал-губернаторство; он считал возвращение на должность губернатора унижительным для себя. Министр был вынужден уговаривать фон Валя, подчеркивая, что его положение в Вильно будет «совершенно исключительным», что ему будет подчинена генерал-губернаторская канцелярия, а также переданы некоторые полномочия генерал-губернатора [РГИА, ф. 916, оп. 1, д. 13, л. 2]. Кроме этого, немаловажным аргументом для фон Валя, состояние которого, по воспоминаниям современников, несмотря на его немецкую бережливость, было «ничтожным», являлось обещанное ему щедрое денежное жалование [Гурко, 2000, с. 355]. По инициативе Сипягина новому виленскому губернатору были единовременно выплачены 20 тыс. рублей подъемных и назначено годовое жалование в 18 тыс. рублей [РГИА, ф. 916, оп. 1, д. 13, л. 2 об.], что более чем в полтора раза превышало обычное на то время жалование губернаторов, составлявшее 10—12 тыс. рублей [Миронов, 2015, с. 212] и призвано было подчеркнуть его особый статус.

Несмотря на это, фон Валь в своих мемуарах признавался, что крайне неохотно ехал на место своей новой службы, не имея практически никакого представления об особенностях губернии, которой ему предстояло управлять [РГИА, ф. 916, оп. 1, д. 13, л. 4].

4. «Критическая масса революционного движения ...»: социально-политическая обстановка в Северо-Западном крае к началу XX века

Для беспокойства у фон Валя были все основания. Северо-Западный край, в состав которого к началу XX века входили Виленская, Ковенская и Гродненская губернии, представлял собой сложный узел национальных

и социально-экономических противоречий. В регионе укреплялось и усиливалось массовое протестное движение, вызванное экономическим кризисом начала столетия, а также долгосрочными факторами, связанными с неравноправием различных групп местного населения, бесправием и тяжелым экономическим положением рабочего класса, политикой русификации, проводимой имперскими властями. Ситуация усугублялась чрезвычайно пестрым этническим составом населения. Поляки, литовцы, белорусы, евреи, жившие вперемешку на ограниченной территории и находившиеся на различном уровне культурного и политического развития, активно сопротивлялись политике русификации, отстаивая свою национальную и культурную самобытность.

Новым явлением, характерным для северо-западных губерний, стало формирование на рубеже XIX—XX веков литовской идентичности, не вписывавшейся в традиционные имперские представления об этнополитической структуре края, как арены борьбы исключительно польского и русского начал. Длительное время имперские власти считали «литвинизм» менее опасным и более управляемым явлением, нежели «полонизм», что обусловило переход части имперской бюрократии на позицию поддержки региональных идентичностей в противовес польскому господству [Weeks, 2001, p. 96—114].

Наиболее острым и сложным для властей вызовом времени стало стремительно выросшее в начале XX века рабочее движение. Полицейские органы северо-западных губерний прослеживали в нем определенную эволюцию, отмечая, что если еще несколько лет назад выступления рабочих были чаще всего результатом внешней агитации, то теперь «рабочие в стачечной борьбе обходятся без воздействия интеллигенции, что указывает на рост самосознания самих рабочих, уже не нуждающихся в стороннем руководстве» [ГАРФ, ф. 102, оп. 101, (3-е делопроизводство), 1 ч. 41, л. А, л. 4]. Стачки виленских рабочих, которые еще в середине 1890-х годов были малочисленными и разрозненными, спустя всего несколько лет приобрели массовый и организованный характер [Суслова, 1964, с. 157]. Ситуацию усугубляла также и алчность местных предпринимателей, которые, пользуясь экономическим спадом и массовой безработицей, охватившей Вильно и другие города края, резко понизили заработную плату и увеличили продолжительность рабочего дня до 12 часов, нарушив установленную договоренность о 10-часовом рабочем дне, достигнутую в результате стачки виленских рабочих в 1897 году [ГАРФ, ф. 1729, оп. 1, д. 371, л. 1 об.]. Обстановка в Виленской губернии становилась все более напряженной, о чем наглядно свидетельствовало резкое увеличение числа государственных преступлений (с 41 в 1900 году до 226 в 1902 году) и слу-

чаев сопротивления властям (с 51 в 1900 году до 117 в 1902 году) [Обзор Виленской губернии ..., 1903, с. 47].

Следует заметить, что рабочее движение в Виленской губернии, как и во всем Северо-Западном крае, имело заметную этническую окраску, поскольку значительная часть его участников были представителями еврейского населения. Лица иудейского вероисповедания, составлявшие около 13 % населения Виленской губернии, в силу существовавших административных ограничений сосредотачивались преимущественно в городах, где их численность на рубеже XIX—XX веков достигала 40—50 % [Первая всеобщая перепись ..., 1904, с. 2—3]. Эта масса состояла преимущественно из беднейших городских слоев — кустарей, ремесленников, неквалифицированных рабочих, ограниченных в правах и лишенных всяческих социальных перспектив, что делало их крайне восприимчивыми к революционной агитации [РГИА, ф. 560, оп. 26, д. 352, л. 41 об.]. В конце XIX века евреи составляли более 40 % участников разного рода антиправительственных выступлений в России, представляя собой настоящую «критическую массу русского революционного движения» [Haberer, 1995, p. 257]. Смещение этноконфессиональных и социальных мотивов было характерной особенностью рабочего движения Северо-Западного края.

5. «Второй Муравьев ...»: фон Валь на посту виленского губернатора

Уже в первые недели своего пребывания на посту виленского губернатора фон Валь столкнулся с рядом проблем, затруднявших управление регионом в непростых социальных условиях.

Губернаторы Северо-Западного края лишились привычной вышестоящей инстанции в лице генерал-губернаторской власти, которая силой своего авторитета могла гасить многие конфликты и противоречия. Ожидаемого упрощения управленческой деятельности не произошло, поскольку раньше целый ряд местных вопросов мог быть решен на уровне генерал-губернатора, а теперь, когда его полномочия были переданы министерству внутренних дел, губернаторам приходилось по многим незначительным делам вступать в сношения с центральным ведомством, что существенно замедляло решение насущных проблем.

Помимо этого, в новых условиях стало намного труднее координировать деятельность трех губернаторов северо-западной окраины, имевших разные взгляды на местные национальные и религиозные вопросы. Сипягин обещал фон Валь, что потребует от ковенского и гродненского губернаторов по наиболее принципиальным вопросам согласовывать свои действия с Вильно, однако первенство виленского губернатора и его «исключительность» не имели никакого официального оформления, соседние

губернаторы были не обязаны ему подчиняться [РГИА, ф. 916, оп. 1. д. 13. л. 10 об.].

Главным направлением деятельности нового виленского губернатора было противодействие разраставшемуся рабочему движению, лидирующую роль в котором играли еврейские городские низы Вильно и других городов губернии. В этом вопросе фон Валь сразу сделал ставку на силовой вариант решения проблемы. Вскоре после прибытия на новое место службы он приказал провести многочисленные аресты среди бастовавших рабочих Вильно и Сморгони, что сразу снискало ему репутацию «сатрапа» и «взяточника», поскольку прекращение забастовок было на руку местным капиталистам [РГИА, ф. 916, оп. 1, д. 13, л. 9]. И в последующем любые попытки рабочих отстаивать свои права немедленно пресекались силовым путем по его приказу.

Как и в других возглавляемых им губерниях, фон Валь особое внимание уделял укреплению местной полиции. Он неоднократно направлял в департамент полиции при МВД прошения о расширении ее штата в Вильно, а также об улучшении материального содержания полицейских служащих, о совершенно недостаточном уровне которого уже неоднократно сообщалось местными властями [РГИА, ф. 560, оп. 22, д. 222, л. 16]. Не дожидаясь санкции сверху, губернатор начал проводить мероприятия по повышению эффективности полицейско-надзорной службы в Вильно, включавшие в себя регистрацию городских жителей, нумерацию домов, создание городской службы дворников (выполнявших функцию низовой надзорной инстанции), сокращение территорий, поднадзорной становым приставам [РГИА, ф. 916, оп. 1, д. 13, лл. 12—14].

Безусловно, помимо поддержания общественного порядка и выполнения ежедневных рутинных обязанностей, виленский губернатор по долгу своей службы решал множество иных вопросов. Он неоднократно встречался с главами местного православного, католического и иудейского духовенства, заботился о благоустройстве Вильно, наблюдал за деятельностью местного сельскохозяйственного общества, стремясь укрепить в нем положение русских землевладельцев, принимал активное участие в работе комитета по сооружению памятника Екатерине II, создателем которого стал знаменитый скульптор, уроженец Вильно, М. М. Антокольский [РГИА, ф. 916, оп. 1, д. 13, лл. 15—16 об.]. Имиджу губернатора сильно вредило его двойственное положение руководителя, «подменившего» собой верховного начальника края. Опасения Сипягина полностью оправдались: «незамещение» поста генерал-губернатора было расценено как удар по русскому делу в крае, вследствие чего любое действие губернатора рассматривалось через критическую призму [Из Вильны, 1902, с. 1]. Фон

Валь был вынужден отбиваться от нападок националистической прессы, обвинявшей его в пренебрежении русскими интересами [РГИА, ф. 1284, оп. 190, д. 100, лл. 3—7]. Еврейское население губернии вследствие жестких мер в отношении местных рабочих также крайне отрицательно относилось к губернатору, называя его «тираном» и «вторым Муравьевым» [Рафес, 1926, с. 93]. В этих условиях силовая модель управления, на которую опирался в своих действиях фон Валь, не могла не привести к обострению ситуации.

Кульминацией напряженности стал разгон первомайской демонстрации рабочих Вильно 18 апреля 1902 года (1 мая по нов. ст. — *М. К.*), который по приказу губернатора проводился полицией и казачьими частями максимально жестко. Помимо невиданных ранее в Вильно уличных беспорядков полиции, 28 арестованных демонстрантов (из которых 22 были евреями) в нарушение всех существовавших законов были подвергнуты жестокой порке, которая происходила в виленской тюрьме в присутствии губернатора [КЕЭ, т. 4, кол. 763].

Жестокая расправа над демонстрантами вызвала всплеск негодования в еврейской рабочей среде и привела к покушению на фон Валя, которое было подготовлено группой еврейских рабочих и осуществлено вечером 5 мая 1902 года активным членом Бунда Хиршем Леккертом [Рафес, 1926, с. 92—94]. Террористу удалось двумя выстрелами ранить губернатора, после чего нападавший был задержан полицией и публикой [В Вильне, 1902, с. 13]. Власти, не заинтересованные в том, чтобы придавать делу большую огласку, передали его в военный суд, который в ходе скоротечного следствия вынес Леккерту смертный приговор. Несмотря на это, покушение вызвало большой резонанс в обществе, симпатии которого были всецело на стороне еврейского рабочего. Покушение на фон Валя сравнивали с выстрелом В. Засулич, и даже принципиальные противники индивидуального террора в русских революционных кругах приветствовали этот «законнейший акт мщения за варварски погранные человеческие права» [Будницкий, 2000, с. 290].

6. Заключение

После майского покушения ненормальность обстановки в Вильно для имперских властей стала очевидной, тем более что у полиции имелись данные о возможности новых нападений на губернатора. В октябре 1902 года главой Виленской губернии стал опытный гражданский администратор К. К. Пален, придерживавшийся более умеренных взглядов, нежели его предшественник. Примечательно, что действия фон Валя не вызвали никакого осуждения во властных сферах и его карьера продолжилась

по восходящей траектории. Осенью 1902 года по инициативе В. К. Плеве он был назначен товарищем министра внутренних дел и командиром Жандармского корпуса. Администратору с «твердым характером» предстояло использовать свой богатый служебный опыт для сдерживания назревавшей в стране революции.

Несмотря на то, что пребывание фон Валя на посту виленского губернатора было краткосрочным, оно оказало значительное влияние на политику имперских властей в отношении всего Северо-Западного края.

В первую очередь стала очевидной преждевременность и непродуманность ликвидации генерал-губернаторской власти в регионе, которая осенью 1902 года была восстановлена и просуществует здесь еще десять лет. Помимо этого, стало ясно, что дальнейшее проведение жесткой репрессивной политики в отношении инородческого населения северо-западной окраины является бесперспективным и чреватым новыми протестными акциями и вспышками насилия. Был необходим переход к более мягкой, компромиссной политике, учитывавшей интересы различных слоев местного населения. Власть также постепенно приходила к осознанию вреда многочисленных правовых ограничений в отношении евреев, о снятии которых все громче заявляли наиболее дальновидные представители российской бюрократии.

Символом смены акцентов в управлении Северо-Западным краем стало назначение на пост генерал-губернатора князя П. Д. Святополк-Мирского, имевшего репутацию «либерального бюрократа». С его именем связано начало новой страницы в истории управления краем, содержанием которой стал отказ от насильственной доминанты в административной деятельности и поиск путей взаимодействия имперских властей с местной общественностью.

Источники и принятые сокращения

1. Богданович А. В. Три последних самодержца / А. В. Богданович. — Москва : Новости, 1990. — 608 с.
2. В Вильне // Судебная газета : газета. — 1902. — № 19. — С. 13.
3. ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации. Ф. 102 (3-е делопроизводство). 1903. 1 ч. 41 л. А ; Ф. 1729. Оп. 1. Д. 371.
5. Гурко В. И. Черты и силуэты прошлого / В. И. Гурко. — Москва : Новое литературное обозрение, 2000. — 810 с. — ISBN 5-86793-109-9.
6. Из Вильны // Свет : газета. — 1902. — № 23. — С. 1.
7. КЕЭ — Краткая еврейская энциклопедия. В 11 т. / под редакцией Орен (Надель) И., Прат Н. — Иерусалим : Кетер, 1988. — Т. 4. — 527 с.
8. Обзор Виленской губернии за 1902 год. — Вильно : Губернская Типография, 1903. — 93 с.

9. *Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года*. Виленская губерния. — Санкт-Петербург : Издан Центральным Статистическим комитетом Министерства внутренних Дел, 1904. — Выпуск IV. — 179 с.

10 *Полное собрание законов Российской империи*. Собрание второе. 1825—1881 гг. (в 55 томах). — Санкт-Петербург : Типография II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1854. — Т. 28. — 704 с.

11. *Рафес М.* Гирш Лекерт и его покушение / М. Рафес // Красный архив. — 1926. — Т. 2 (15). — С. 86—103.

12. РГИА — *Российский* государственный исторический архив. Ф. 560. Оп. 26. Д. 352 ; Оп. 22. Д. 222 ; Ф. 916. Оп. 1. Д. 13 ; Ф. 1284. Оп. 190. Д. 91, 100.

13. РНБ — *Российская* национальная библиотека. Ф. 127. Оп. 96. Д. 9.

14. *Список генералам по старшинству*. Составлен по 15-е апреля 1914 года. — Петроград : Военная типография Императрицы Екатерины Великой, 1914. — 980 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Будницкий О. В.* Терроризм в российском освободительном движении : идеология, этика, психология (вторая половина XIX — начало XX вв.). / О. В. Будницкий. — Москва : РОССПЭН, 2000. — 399 с.

2. *Друговевский Я. Н.* Военно-гражданская и полицейская власть Санкт-Петербурга — Петрограда. 1703—1917 / Я. Н. Друговевский. — Санкт-Петербург : Журнал «Нева», 2001. — 414 с. — ISBN 5-87516-215-5.

3. *Дякин В. С.* Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX — XX вв.) / В. С. Дякин. — Санкт-Петербург : ЛИСС, 1998. — 1000 с. — ISBN 5-87050-109-1.

4. *Зайончковский П. А.* Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. / П. А. Зайончковский. — Москва : Мысль, 1978. — 288 с.

5. *Западные окраины Российской империи* / под редакцией И. Долбилова, А. Миллера. — Москва : Новое литературное обозрение, 2006. — 608 с. — ISBN 5-86793-425-X.

6. *Миронов Б. Н.* Российская империя : от традиции к модерну / Б. Н. Миронов. — Санкт-Петербург : ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2015. — Т. 3. — 992 с. — ISBN 978-5-86007-725-6.

7. *Радченко Л.* «Кадровая чехарда» в курской полиции при губернаторе В. В. фон Вале [Электронный ресурс] / Л. Радченко // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. — 2018. — № 3 (47). — С. 15—23. — Режим доступа : <http://www.scientific-notes.ru/index.php?page=6&new=52> (дата обращения 13.04.2021).

8. *Радченко Л.* Ярославское вице-губернаторство в карьере В. В. фон Валя [Электронный ресурс] / Л. Радченко // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. — 2020. — № 1 (53). — Режим доступа : https://api-mag.kursksu.ru/api/v1/get_pdf/3552/ (дата обращения 21.04.2021).

9. *Суслова Ф. М.* Новые материалы о влиянии петербургских стачек на рабочее движение Литвы 1897 г. / Ф. М. Суслова // Исследования по отечественному источниковедению. Сборник статей, посвященных 75-летию профессора С. Н. Валка. — Москва-Ленинград : Наука, 1964. — С. 156—160.

10. *Шатохин И. Т.* Курские губернаторы середины — второй половины XIX века в воспоминаниях современников / И. Т. Шатохин // Научные ведомости БелГУ. История. Политология. Экономика. — 2007. — № 3 (34). — С. 60—65.

11. Шатохин И. Т. Эпистолярное наследие В. В. фон Валя / И. Т. Шатохин, М. Л. Радченко // Научные ведомости БелГУ. Серия : История. Политология. — 2018. — Том 45. — № 4. — С. 690—696. — DOI: 10.18413/2075-4458-2018-45-4-690-696.
12. Becker S. Russia and the concept of empire / S. Becker // *Ab imperio*. — 2000. — № 3/4. — С. 329—343.
13. Haberer E. Jews and revolution in nineteenth-century Russia / E. Haberer. — Cambridge : Cambridge University Press, 1995. — 346 p. — ISBN 0-521-46009-3.
14. Weeks T. Russification and the Lithuanians 1863—1905 / T. Weeks // *Slavic Review*. — 2001. — Vol. 60. — № 1. — Pp. 96—114. DOI: 10.2307/2697645.

MATERIAL RESOURCES

- Bogdanovich, A. V. (1990). *The Three last autocrats*. Moscow: Novosti. 608 p. (In Russ.).
- From Vilna. (1902). *Light: newspaper*, 23: P. 1. (In Russ.).
- Gurko, V. I. (2000). *Features and silhouettes of the past*. Moscow: New Literary Review. 810 p. ISBN 5-86793-109-9. (In Russ.).
- In Vilna. (1902). *Judicial newspaper: newspaper*, 19: S. 13. (In Russ.).
- List of generals by seniority. Compiled on April 15th, 1914*. (1914). Petrograd: Military Printing House of Empress Catherine the Great. 980 p. (In Russ.).
- Oren (Nadel), I., Prat, N. (eds.). (1988). *A short Jewish encyclopedia. In 11 volumes, 4*. Jerusalem: Keter. 527 p. (In Russ.).
- Review of the Vilna province for 1902*. (1903). Vilna: Provincial Printing House. 93 p. (In Russ.).
- State Archive of the Russian Federation. F. 102 (3rd office work). 1903. 1 h. 41 L. A; F. 1729. Op. 1. D. 371*. (In Russ.).
- The complete collection of laws of the Russian Empire. The second meeting. 1825—1881: In 55 volumes, 28*. (1854). St. Petersburg: Printing House of the II Department of Its Own E. I. V. Chancellery. 704 p. (In Russ.).
- The first general population census of the Russian Empire in 1897. Vilna province, IV*. (1904). St. Petersburg: Published by the Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs. 179 p. (In Russ.).
- Rafes, M. (1926). Hirsch Lekert and his attempt. *Red Archive*, 2 (15): 86—103. (In Russ.).
- Russian National Library. F. 127. Op. 96. d. 9*. (In Russ.).
- Russian state historical archive. F. 560. Op. 26. D. 352; Op. 22. D. 222; F. 916. Op. 1. D. 13; F. 1284. Op. 190. D. 91, 100*. (In Russ.).

REFERENCES

- Becker, S. (2000). Russia and the concept of empire. *Ab imperio*, 3/4: 329—343.
- Budnitsky, O. V. (2000). *Terrorism in the Russian liberation movement: ideology, ethics, psychology (the second half of the XIX — early XX centuries)*. Moscow: ROSSPEN. 399 p. (In Russ.).
- Dlugolevsky, Ya. N. (2001). *Military-civil and police power of St. Petersburg — Petrograd. 1703—1917*. St. Petersburg: Neva Magazine. 414 p. ISBN 5-87516-215-5. (In Russ.).
- Dolbilov, I., Miller, A. (eds.). (2006). *The Western outskirts of the Russian Empire*. Moscow: New Literary Review. 608 p. ISBN 5-86793-425-X. (In Russ.).

- Dyakin, V. S. (1998). *The national question in the internal policy of Tsarism (XIX—XX centuries)*. Saint Petersburg: LISS. 1000 p. ISBN 5-87050-109-1. (In Russ.).
- Haberer, E. (1995). *Jews and revolution in nineteenth-century Russia*. Cambridge: Cambridge University Press. 346 p. ISBN 0-521-46009-3.
- Mironov, B. N. (2015). *The Russian Empire: from tradition to Modernity*, 3. St. Petersburg: DMITRY BULANIN. 992 p. ISBN 978-5-86007-725-6. (In Russ.).
- Radchenko, L. (2018). “Personnel leapfrog” in the Kursk police under Governor V. V. von Vale. *Scientific notes. Electronic scientific journal of Kursk State University*, 3 (47): 15—23. Available at: <http://www.scientific-notes.ru/index.php?page=6&new=52> (accessed 13.04.2021). (In Russ.).
- Radchenko, L. (2020). Yaroslavl Vice-governorship in the career of V. V. von Val. *Scientific notes. Electronic scientific journal of Kursk State University*, 1 (53). Available at: https://api-mag.kursksu.ru/api/v1/get_pdf/3552 / (accessed 21.04.2021). (In Russ.).
- Shatokhin, I. T. (2007). Kursk governors of the mid — second half of the XIX century in the memoirs of contemporaries. *Scientific Bulletin of BelSU. History. Political science. Economy*, 3 (34): 60—65. (In Russ.).
- Shatokhin, I. T., Radchenko, M. L. (2018). Epistolary heritage of V. V. von Val. *Scientific Bulletin of BelSU. Series: History. Political science*, 45 (4): 690—696. DOI: 10.18413/2075-4458-2018-45-4-690-696. (In Russ.).
- Suslova, F. M. (1964). New materials on the impact of the St. Petersburg strikes on the Lithuanian labor movement of 1897. In: *Research on domestic source studies. Collection of articles dedicated to the 75th anniversary of Professor S. N. Valka*. Moscow-Leningrad: Nauka. 156—160. (In Russ.).
- Weeks, T. (2001). Russification and the Lithuanians 1863—1905. *Slavic Review*, 60 (1): 96—114. DOI: 10.2307/2697645.
- Zaionchkovsky, P. A. (1978). *The government apparatus of autocratic Russia in the XIX century*. Moscow: Mysl. 288 p. (In Russ.).

Мамяченков В. Н. Уровень потребления продуктов питания населением Свердловской области (по данным бюджетных обследований в 1986—1990 годы) / В. Н. Мамяченков, Е. С. Куликова, М. И. Львова // Научный диалог. — 2021. — № 10. — С. 412—424. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-10-412-424.

Mamyachenkov, V. N., Kulikova, E. S., Lvova, M. I. (2021). Level of Food Consumption by Population of Sverdlovsk Region (Budget Surveys in 1986—1990). *Nauchnyi dialog*, 10: 412-424. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-10-412-424. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-10-412-424

Уровень потребления продуктов питания населением Свердловской области (по данным бюджетных обследований в 1986—1990 годы)

Мамяченков Владимир Николаевич

orcid.org/0000-0001-6070-8746

доктор исторических наук, профессор
кафедры государственного и
муниципального управления
mamyachenkov@mail.ru

Куликова Елена Сергеевна

orcid.org/0000-0002-2280-8700

кандидат экономических наук, доцент
кафедры государственного и
муниципального управления
e.s.kulikova@mail.ru

Львова Майя Ивановна

orcid.org/0000-0002-8695-6737

кандидат экономических наук, доцент
кафедры государственного и
муниципального управления
minlvova@mail.ru

Уральский государственный
экономический университет
(Екатеринбург, Россия)

Level of Food Consumption by Population of Sverdlovsk Region (Budget Surveys in 1986—1990)

Vladimir N. Mamyachenkov

orcid.org/0000-0001-6070-8746

Doctor of History, Professor,
Department of State and
Municipal Administration
mamyachenkov@mail.ru

Elena S. Kulikova

orcid.org/0000-0002-2280-8700

PhD in Economics, associate professor,
Department of State and
Municipal Administration
e.s.kulikova@mail.ru

Mayya I. Lvova

orcid.org/0000-0002-8695-6737

PhD in Economics, associate professor,
Department of State and
Municipal Administration
minlvova@mail.ru

Ural State University of Economics
(Yekaterinburg, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматриваются вопросы, связанные с уровнем потребления населения СССР в «перестроечный» период его истории. В целях проведения объективного исторического анализа проблемы авторы использовали материалы фондов трех архивов, часть из которых впервые вводится в научный оборот. Подчеркивается, что вторая половина 1980-х годов явилась судьбоносной для Советского Союза, став последней пятилеткой в его непростой истории. Представлены результаты сопоставительного анализа потребления продовольствия населением Свердловской области в исследуемом периоде. Констатируется явное несоответствие уровня потребления населением Среднего Урала ряда продуктов питания нормам их научно обоснованного рационального потребления. Делается акцент на том, что в пищевом рационе советских граждан всегда очень не хватало овощей, бахчевых, фруктов и в некоторой степени — рыбпродуктов. Доказывается, что хроническое недопотребление данных продуктов в известной мере «компенсировалось» повышенным потреблением сахара, кондитерских изделий и молокопродуктов, а в тяжелые 1940—1950-е годы — хлебпродуктов и картофеля. Сделан вывод о том, что не стоит излишне драматизировать «материальный» фактор в развитии дезинтеграционных процессов, приведших к распаду Советского Союза.

Ключевые слова:

перестройка; Свердловская область; потребление; продукты питания.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

Issues related to the level of consumption by the population of the USSR in the “perestroika” period of its history are considered. In order to conduct an objective historical analysis of the problem, the authors used materials from the funds of three archives, some of which are introduced into scientific circulation for the first time. It is emphasized that the second half of the 1980s was crucial for the Soviet Union, becoming the last five years in its difficult history. The results of a comparative analysis of food consumption by the population of the Sverdlovsk region in the study period are presented. A clear discrepancy between the level of consumption of a number of food products by the population of the Middle Urals and the norms of their scientifically grounded rational consumption is determined. The emphasis is made on the fact that in the diet of Soviet citizens there was always a very shortage of vegetables, melons, fruits and, to some extent, fish products. It is proved that the chronic underconsumption of these products was to a certain extent “compensated” by the increased consumption of sugar, confectionery and dairy products, and in the difficult 1940s–1950s — bakery products and potatoes. It is concluded that it is not necessary to overly dramatize the “material” factor in the development of disintegration processes that led to the collapse of the Soviet Union.

Key words:

restructuring; Sverdlovsk region; consumption; food.

УДК 94:330.567.222(470.54)“1986/1959”

Уровень потребления продуктов питания населением Свердловской области (по данным бюджетных обследований в 1986—1990 годы)

© Мамяченков В. Н., Куликова Е. С., Львова М. И., 2021

1. Введение

Думается, нет нужды особо останавливаться том, чтобы комментировать годы, вынесенные в название нашей статьи. Действительно, это были, без всякого преувеличения, судьбоносные для Советского Союза годы, последние в его непростой истории. Именно в этот период руководство СССР (прежде всего глава страны М. С. Горбачев, сначала генеральный секретарь ЦК КПСС, а затем — первый ее Президент) предприняло попытки радикально реформировать устоявшуюся к тому времени социально-политическую систему государства. Вся совокупность проводимых тогда реформ ослалась в истории под названием «перестройка».

Мы сознательно выбрали для своего исследования пять полных лет, исключив 1985-й и 1991-й как нерепрезентативные: в апреле первого из упомянутых лет «перестройка», собственно, была только провозглашена, а второй был завершающе-провальным ее годом, когда рухнуло буквально все, включая само государство.

Основу источниковой базы настоящей статьи составили *данные бюджетных обследований* населения, ежегодно проводившиеся в нашей стране Центральным статистическим управлением (ЦСУ) на протяжении почти всей ее истории — с 1919 года. Причем эту традицию советская статистика унаследовала от Российской империи, в которой данные обследования начались уже в последней трети XIX века.

В то же время эти данные, хранящиеся в фондах региональных и федеральных архивов, до сих пор сравнительно мало востребованы. Что касается Свердловской области, то материалы бюджетных обследований можно обнаружить в двух архивах: Государственном архиве Свердловской области (ГАСО) и Текущем архиве Территориального органа Федеральной службы статистики по Свердловской области (ТОФСГССОО).

В результате на сегодня мы имеем все-таки некоторую историографию работ *бюджетно-регионального характера*, но посвященных периоду либо до 1986, либо после 1991 годов. Характерным примером служит, например, сборник научных работ «Урал в преддверии перестройки»

[Урал ..., 2007]. Аналогичных же исследований, посвященных именно «перестроечному» периоду нашей истории (то есть второй половине 1980-х годов), очень мало: абсолютное большинство таких исследований носят достаточно общий характер, чаще всего — общегосударственного уровня. В качестве примера сошлемся на ряд работ Г. А. Тимофеева [Тимофеев, 2005; Тимофеев, 2006].

Из работ же уральских авторов, основанных на *архивных материалах бюджетных обследований*, отметим наши предшествующие исследования [Мамяченков, 2012; Мамяченков, 2018].

Как нам представляется, настоящая статья послужит еще одним вкладом в разработку сформулированной нами проблемы.

2. Потребление продуктов питания: серьезная дифференциация и деформированная структура

В исследуемом нами периоде прекратились статистические обследования колхозников, чему причиной был тотальный кризис самого института колхозов. Впрочем, тружеников села не оставили надолго без внимания: в начале 1990-х начались обследования такой непонятной категории советских граждан, как «жители села». В то же время не прекращались обследования других категорий граждан, в том числе двух самых массовых на Среднем Урале — рабочих и служащих промышленности (таблица 1).

Указанная таблица наглядно демонстрирует количественные и качественные особенности питания этих двух категорий населения промышленно развитой Свердловской области в годы «перестройки». Первое, что бросается в глаза при ее изучении, — явное несоответствие уровня потребления семьями рабочих и служащих некоторых продуктов питания нормам их рационального потребления. Конечно, надо учесть то обстоятельство, что три с лишним десятилетия назад упомянутые нормы были несколько другими (а, например, по сахару — совсем другими), но следует согласиться с тем, что в рационе советских граждан всегда очень не хватало овощей, бахчевых, фруктов и в некоторой степени — рыбопродуктов.

Правда, хроническое недопотребление данных продуктов в известной мере «компенсировалось» повышенным потреблением сахара, кондитерских изделий и молокопродуктов (а, добавим, в тяжелые 1940-е — 1950-е годы — хлебопродуктов и картофеля). Конечно, такая деформация структуры потребления продуктов питания неблагоприятно сказывалась на здоровье советских граждан, но, с другой стороны, создавала некое подобие благополучия и сытости.

Таблица 1

Потребление продуктов питания в семьях рабочих и служащих промышленности Свердловской области в 1986—1990 годах, кг/душу

Годы	Наименование продуктов										
	хлебопродукты	картофель	овощи и бахчевые	фрукты, ягоды и цитрусовые свежие (кроме винограда и консервов)	фрукты и ягоды сушеные	сахар	кондитерские изделия (включая мед)	мясопродукты	рыбопродукты	молокопродукты	яйца, шт.
1976*	103	107	87	24	1,6	25	22	75	20	438	289
1986	85	85	84	31	1,3	22	24	72	17	386	241
1987	80	80	88	28	1,4	22	26	73	16	395	237
1988	78	82	91	26	1,0	24	27	74	17	411	253
1989	81	77	92	28	0,9	22	27	74	17	404	239
1990	81	81	93	27	1,3	21	27	66	19	392	240
1991*	94	90	92	24	1,1	20	28	71	17	337	253
1992*	100	89	74	18	1,0	19	23	59	15	264	258
Научно обоснованные нормы потребления	96	90	140	84	10**	8	—	73	22	325	260

* Для справки.

** В пересчете на свежие фрукты.

Источники: [О внесении изменений ..., 2020; ТОФСГССО, 1969—1978, табл. 7; 1979—1993, табл. 21] (расчеты авторов).

Второе, на что нельзя не обратить внимание, — это то, что по таблице не видно никакого *катастрофического* снижения уровня потребления в исследуемые нами «перестроечные» годы. Единственное, что по ней просматривается, — некоторое снижение уровня потребления хлебопродуктов и картофеля по сравнению с «застойными» 1970-ми годами (кстати, уже в следующем, 1990-м, году оба эти показателя вернулись к нормальным значениям). Кроме того, в 1990 году несколько «просело» потребление мясопродуктов. Наконец, если посмотреть на цифры даже 1991 и 1992 годов, мы увидим, что резкое снижение потребления произошло, пожалуй, только по молокопродуктам, не более того.

Данный факт не может не вызывать удивления: ведь вторая половина 1980-х годов прочно осталась в памяти населения как время жесткого дефицита большинства товаров, бесконечных очередей за ними и возврата к нормированному распределению продуктов питания (практически во всех регионах на какие-то годы на них были даже введены карточки). Конечно, и первое, и второе, и третье из перечисленного было знакомо советским гражданам не понаслышке, но общепринятым считается то, что в годы «перестройки» снабжение населения продовольствием резко ухудшилось. Между тем по таблице 1, то есть по цифрам потребления *рабочих и служащих промышленности*, этого не видно.

Чтобы наш анализ был полностью объективным, скажем, что потребление продуктов питания в семьях *рабочих служащих всех отраслей* экономики области было примерно тем же. Так, в 1988 году эти цифры у указанной категории граждан составили: по хлебопродуктам — 79, картофелю — 80, овощам и бахчевым — 86, мясопродуктам — 72, рыбопродуктам — 16, молокопродуктам — 398 кг (сравним эти данные с таблицей 1) [Бюджеты ..., с. 12].

Но, помимо рабочих и служащих, в регионе проживало немало представителей и других категорий населения, доходы, расходы и потребление у которых порой довольно значительно уступали аналогичным показателям упомянутых привилегированных категорий. Опять же смешивать потребление в категории «рабочие промышленности» с категорией «служащие промышленности» тоже не совсем правильно. Поэтому выделим потребление конкретно в *семьях рабочих промышленности* и сравним с менее обеспеченной категорией населения.

К сожалению, как мы уже отметили, в исследуемые нами годы бюджетные обследования семей колхозников не проводились, но зато мы смогли найти в архивных фондах данные о среднедушевом потреблении продуктов питания *семьями работников совхозов*. Это позволило нам сформировать таблицу (табл. 2).

По представленной таблице хорошо просматривается существенная разница в потреблении продуктов питания упомянутых категорий населения. Вывод здесь однозначен: семьи работников совхозов питались явно хуже семей рабочих промышленности. При этом, что интересно, калорийность питания совхозных семей в 1990 году составила 2684 ккал в сутки против 2523 ккал у семей рабочих промышленности [ГАСО, ф. р1813, оп. 20, д. 1463, лл. 34—35, 49—50]. Причиной же, как нетрудно догадаться, было явно завышенное потребление хлебопродуктов и картофеля. С большой долей вероятности можно утверждать, что уровень питания колхозников — другой важной категории жителей села — вряд ли существенно отличался в лучшую сторону по сравнению с работниками совхозов.

Таблица 2

Потребление продуктов питания в семьях рабочих промышленности и работников совхозов Свердловской области в 1990 году, кг/душу

Категории населения	Наименование продуктов									
	хлебпродукты	картофель	овощи и бахчевые	фрукты, ягоды, цитрусовые и виноград (включая сушеные в пересчете на свежие)	сахар	кондитерские изделия (включая мед)	мясопродукты	рыбопродукты	молокопродукты	яйца, шт.
Рабочие промышленности	62	82	91	47	21	8,2	68	19	386	241
Работники совхозов	112	128	70	27	19	7,0	64	11	347	208

Источники: [ГАСО, ф. р1813, оп. 20, д. 1463, лл. 34—35] (расчеты авторов).

Кроме жителей деревни, в непростом положении находились так называемые «бюджетники», то есть категории населения, получающие фиксированные зарплаты из государственного бюджета. При этом главным минусом работы в бюджетной структуре было то, что темпы повышения заработной платы всегда отставали от темпов роста инфляции. Выберем одну из категорий бюджетников — работников сфер науки, культуры и искусства — и составим таблицу (табл. 3).

Из приведенной таблицы очевидно следует, что уровень потребления продуктов питания вышеупомянутых категорий работников был существенно ниже, чем у рабочих и служащих промышленности, главным образом по таким позициям, как картофель, овощи и бахчевые и молокопродукты. При этом особенно низким выглядит потребление молокопродуктов, которых представители «интеллигентных» сфер потребляли в три с лишним раза меньше рабочих и служащих.

Наконец, не следует забывать, что существовали еще менее обеспеченные категории населения (например, МОП — младший обслуживающий персонал), которые не обследовались статистическими органами. Их положение в исследуемые нами годы было особенно драматичным. Впрочем, и в лучшие годы уровень их потребления никак не соответствовал нормам нормального питания.

Таблица 3

Потребление продуктов питания в семьях работников культуры, искусства и науки Свердловской области в 1988 году, кг / души

Наименование продуктов										
хлебпродукты	картофель	овощи и бахчевые	фрукты, ягоды и цитрусовые свежие (кроме винограда и консервов)	фрукты и ягоды сушеные	сахар	кондитерские изделия (включая мед)	мясопродукты	рыбопродукты	молокопродукты	яйца, шт.
82	57	65	26	0,7	21	0,8	62	14	130	220

Источники: [ГАСО, ф. р1813, оп. 20, д. 1463, лл. 73, 75, 77] (расчеты авторов).

3. Дефицит продовольствия в годы «перестройки»: миф или реальность?

Из предыдущего параграфа можно сделать вывод о том, что *катастрофического* снижения уровня потребления продуктов питания во второй половине 1980-х годов все-таки не произошло. Почему же дефицит продуктов питания (к которому советские граждане за несколько десятилетий должны были уже привыкнуть) в 1980-х годах воспринимался более остро, чем раньше, хотя уровень их потребления если и понизился, то незначительно? Это отнюдь не риторический вопрос, так как все возрастающее недовольство населения продовольственным обеспечением многие авторы научных и публицистических работ склонны считать чуть ли не важнейшим детонатором процесса развала Советского Союза.

Как нам представляется, тому было несколько причин.

Во-первых, это различные ухищрения советской статистики. Например, статорганы СССР относили к «мясопродуктам» не только сало, но и субпродукты первой (печень, почки, язык, вымя, мозги) и даже второй категории (легкие, рубец, головы, губы, уши). По оценкам некоторых исследователей удельный вес таких «мясопродуктов» в общем объеме мясных фондов составлял до 30 %. При этом субпродукты «переводили» в «чистое» мясо с коэффициентом 3 : 1 [Назаров и др., 1959, с. 35].

Действительно, по данным тех же бюджетных обследований, например, в 1986 году из 72 кг мясопродуктов, обозначенных в таблице 1, соб-

ственно мяса семьями рабочих и служащих было потреблено: говядины — 14,8, свинины — 7,5 и баранины — 1,6, то есть в сумме всего лишь 23,9 кг [Бюджеты ..., с. 12]. Что собой представляли остальные 48 кг мясопродуктов, так и осталось тайной советской статистики. Не исключено, что в годы «перестройки» проблема «пересортицы» продуктов питания была доведена до абсурда, что, конечно, не могло не сказаться на качестве потребляемого населением продовольствия.

Кстати, надо сказать, что замена одних продуктов другими (так называемая «пересортица») — давнее увлечение советских продовольственных органов. Для ее реализации даже составлялись специальные таблицы «перевода» одного продукта в другой с рассчитанными для этого коэффициентами. В этой связи в мемуарной литературе упоминается просто анекдотический случай: оказывается, в тяжелые годы Великой Отечественной войны работникам продовольственных служб рекомендовалось в случае нехватки мяса заменять его... яичным порошком из расчета 17 г порошка на 100 г мяса. Обоснованием же для такой «пересортицы» служило примерное равенство упомянутых количеств этих продуктов по калорийности [Саушин, 1980, с. 49].

Во-вторых, это резко возросший потребительский спрос населения, спровоцированный скоплением у населения большой денежной массы. Надо сказать, что население СССР в массовом порядке стало увеличивать свои сбережения после отмены в 1957 году системы недобровольного государственного заимствования. При этом темпы данного процесса постепенно нарастали и достигли максимума именно во второй половине 1980-х годов. Этому способствовали и постепенный рост качества жизни, и отсутствие конфискационных денежных реформ напоподобие печально знаменитой реформы декабря 1947 года.

Для иллюстрации мы приводим таблицу (табл. 4), из которой явствует, что за исследуемое нами пятилетие общая сумма вкладов населения в сберкассах Свердловской области возросла более чем в 1,5 раза, то есть примерно так же, как и за все 1970-е годы. Между тем за предыдущее пятилетие (1981—1985 годы) эта цифра составила 1,3 раза [Свердловская ..., 1981—1985, с. 18—19; Свердловская ..., 1986—1990, с. 34—35; ЦДООСО, ф. 4, оп. 83, д. 264, л. 2; оп. 89, д. 212, л. 53; оп. 113, д. 649, л. 217]. И это только безналичные деньги, а ведь на руках у граждан тоже были огромные суммы наличных денег. В результате население просто «сметало» с полок магазинов практически любые товары.

В-третьих, это возросшие (в известной корреляции с предыдущей причиной) инфляционные ожидания населения. Другими словами, потребительский спрос населения явно превышал его разумные потребности:

люди формировали товарные запасы в расчете на их возможный еще более глубокий дефицит в будущем, а также на быстрый рост их рыночной (читай — реальной) стоимости.

Таблица 4

**Динамика сбережений населения Свердловской области
в сберегательных кассах в 1986—1990 годы (на конец года)**

Годы	1986	1987	1988	1989	1990
Число вкладов, млн	2,9	3,0	3,1	3,3	3,4
Сумма вкладов, млрд руб.	3,4	3,8	4,3	4,9	5,4
Средний размер одного вклада, руб.	1 198	1 279	1 386	1 478	1 552
Среднедушевой размер одного вклада, руб.	730	803	911	1 036	1 131

Источники: [Свердловская ..., 1986—1990, с. 34—35; ЦДООСО, ф. 4, оп. 83, д. 264, л. 2; оп. 89, д. 212, л. 53; оп. 113, д. 649, л. 217] (расчеты авторов).

В-четвертых, это, как ни странно, процесс спонтанной либерализации социально-экономической жизни, запущенный руководством страны в 1985 году. Действительно, в эпоху правления Сталина населению разрешалось только славить правящий режим, а малейшие попытки выражения недовольства наличием хронического тотального дефицита почти всех товаров беспощадно подавлялись. Приход же к власти новых, значительно более гуманистично мыслящих политических сил во главе с М. С. Горбачевым дали населению страны возможность открыто выражать свое недовольство, в том числе и дефицитом продуктов питания. Именно это обстоятельство, как нам представляется, и способствовало в значительной мере формированию мифа о «катастрофическом» снижении потребления продуктов питания в годы «перестройки».

4. Выводы

Подводя итоги, нам представляется возможным сформулировать несколько основных выводов.

Безусловно, исследованное нами пятилетие, которое часто именуют «перестроечным», явилось судьбоносным в истории нашего государства. Судьбоносным хотя бы потому, что уже в 1991 году Советский Союз прекратил свое существование.

Свердловская область (или Средний Урал), будучи типичным старо-промышленным регионом, с уродливо разросшимся военно-промышленным комплексом, находясь в не самом благоприятном для развития сельского хозяйства географическом положении, в отношении продовольственного обеспечения всегда была дотационной. Поэтому все возраставшие

продовольственные трудности в годы «перестройки» отразились на нашем регионе в полной мере.

В то же время не стоит, на наш взгляд, излишне драматизировать «материальный» фактор в развитии тех дезинтеграционных процессов, которые сотрясали страну во второй половине 1980-х. Действительно, значительное снижение уровня потребления продуктов питания имело место, но далеко не у всех категорий населения. Как нам представляется, гораздо более значимую роль в крушении советского режима сыграли причины социально-политического характера, рассмотрение которых не входило в задачи написания нашей статьи.

Что же касается «затратной» и «неэффективной» советской экономики (а она, действительно, без всяких кавычек, была таковой), то ей, как ни странно, удалось не допустить резкого падения потребления продуктов питания вплоть до своего логического конца. Если, конечно, верить советской статистике...

Источники и принятые сокращения

1. *Бюджеты* семей рабочих и служащих Свердловской области, Уральского района, РСФСР за 1980, 1985—1989 гг. — Свердловск : Свердловблстат, 1990. — 18 с.
2. ГАСО — *Государственный архив* Свердловской области. Ф. Р1813 (Облстатуправление). Оп. 20. Д. 1463. Лл. 34—35, 49—50, 73, 75, 77.
3. *Динамические ряды* по рабочим и служащим промышленности 1969—1978 гг.; *Динамические ряды* по рабочим и служащим промышленности 1979—1993 гг.
4. *О внесении изменений* в приложение к Рекомендациям по рациональным нормам потребления пищевых продуктов, отвечающих современным требованиям здорового питания, утвержденным приказом Министерства здравоохранения Российской Федерации от 19 августа 2016 г. № 614 : приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 1 декабря 2020 года № 1276 [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. — Режим доступа : <https://docs.cntd.ru/document/573103551?marker=6500IL> (дата обращения: 20.06.2021).
5. *Свердловская область в цифрах. 1981—1985* : статистический сборник. — Свердловск : Средне-Уральское книжное издательство, 1987. — 128 с.
6. *Свердловская область в цифрах. 1986—1990*. — Екатеринбург : Средне-Уральское книжное издательство, 1991. — 145 с.
7. ТОФСГССО — *Текущий архив* Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Свердловской области.
8. ЦДОСО — *Центр* документации общественных организаций Свердловской области. Ф. 4 (Обком КПСС). Ф. 4. Оп. 83. Д. 264. Л. 2. Оп. 89. Д. 212. Л. 53. Оп. 113. Д. 649. Л. 217.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Мамяченков В. Н.* Потребление продуктов питания в семьях рабочих и служащих промышленности Свердловской области в 1946—1991 гг. / В. Н. Мамяченков // Деся-

тые Татищевские чтения : материалы всероссийской научно-практической конференции (Екатеринбург, 19—20 апреля 2012 года). — Екатеринбург : Издательство УМЦ УПИ, 2012. — С. 299—303.

2. Мамяченков В. Н. Кризисные явления на рынке непродовольственных товаров Свердловской области в 1989—1991 годах / В. Н. Мамяченков // Научные труды Вольного экономического общества России. — 2018. — Том 210. — С. 331—341.

3. Назаров Р. С. Потребление в СССР и методика его исчисления / Р. С. Назаров, В. М. Синютин, Ю. Л. Шнирлин. — Москва : Госторгиздат, 1959. — 336 с.

4. Саушин Ф. С. Хлеб наш солдатский / Ф. С. Саушин. — Москва : Воениздат, 1980. — 224 с.

5. Тимофеев Г. А. На переломе «перестройки»: экономика и общество СССР в 1989 году / Г. А. Тимофеев // Вестник Чувашского университета. Гуманитарные науки. — 2006. — № 6. — С. 102—108.

6. Тимофеев Г. А. Попытки экономической трансформации социализма в СССР в конце 1980-х гг. / Г. А. Тимофеев // Актуальні проблеми сучасних наук: теорія та практика : матеріали Міжнародної науково-практичної конференції. — Дніпропетровськ : Наука і освіта, 2005. — Том 5. Історія.

7. Урал в преддверии перестройки : [сборник научных статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции (Екатеринбург, 3 ноября 2006 г.)] / [отв. ред.], Р. Г. Пихоя, В. Д. Камынин]. — Екатеринбург : Уральский центр Б. Н. Ельцина, 2007. — 190 с.

MATERIAL RESOURCES

GASO — *State Archives of the Sverdlovsk Region. F. R1813 (Regional Statistical Office)*. (In Russ.).

Ministry of Health of the Russian Federation: order of December 1, 2020 No. 1276. “On amendments to the annex to the Recommendations on rational norms of food consumption that meet modern requirements for healthy nutrition, approved by order of the Ministry of Health of the Russian Federation No. 614 of August 19, 2016”. *Electronic fund of legal and normative-technical documents*. Available at: <https://docs.cntd.ru/document/573103551?marker=6500IL> (accessed: 20.06.2021). (In Russ.).

Sverdlovsk region in figures. 1981—1985: statistical collection. (1987). Sverdlovsk: Central Ural Book Publishing House. 128 p. (In Russ.).

Sverdlovsk region in figures. 1986—1990. (1991). Yekaterinburg: Middle Ural Book Publishing House. 145 p. (In Russ.).

The budgets of families of workers and employees of the Sverdlovsk region, the Ural region, the RSFSR for 1980, 1985—1989. (1990). Sverdlovsk: Sverdloblstat. 18 p. (In Russ.).

Time series for industrial workers and employees 1969—1978; Time series for industrial workers and employees 1979—1993. (In Russ.).

TOFSGSSO — *Current archive of the Territorial Body of the Federal State Statistics Service for the Sverdlovsk Region*. (In Russ.).

TsDOOSO — *Center for Documentation of Public Organizations of the Sverdlovsk Region. F. 4 (Regional Committee of the CPSU)*. (In Russ.).

REFERENCES

- Mamyachenkov, V. N. (2012.). Consumption of food products in the families of industrial workers and employees of the Sverdlovsk region in 1946—1991. In: *Ninth Tatishchev Readings: Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference (Yekaterinburg, April 19—20, 2012)*. Yekaterinburg: UMC UPI Publishing House. 299—303. (In Russ.).
- Mamyachenkov, V. N. (2018). Crisis phenomena in the market of non-food products of the Sverdlovsk region in 1989—1991. *Scientific works of the Free Economic Society of Russia*, 210: 331-341. (In Russ.).
- Nazarov, R. S., Sinyutin, V. M., Shnirlin, Yu. L. (1959). *Consumption in the USSR and the method of calculating it*. Moscow: Gostorgizdat. 336 p. (In Russ.).
- Pikhoya, R. G. Kamynin, V. D. (eds.). (2007). *The Urals on the eve of perestroika: [collection of scientific articles based on the materials of the All-Russian scientific-practical conference (Yekaterinburg, November 3, 2006)]*. Yekaterinburg: Boris N. Yeltsin Ural Center. 190 p. (In Russ.).
- Saushin, F. S. (1980). *Our soldier's bread*. Moscow: Military Publishing. 224 p. (In Russ.).
- Timofeev, G. A. (2005). Attempts to economic transformation of socialism in the USSR in the late 1980s. In: *Actual problems of modern sciences: theory and practice: materials of the International Scientific and Practical Conference, 5. History*. Dnipropetrovsk: Science I ovita. (In Russ.).
- Timofeev, G. A. (2006). At the turn of perestroika: economy and society of the USSR in 1989. *Bulletin of the Chuvash University. Humanitarian sciences*, 6: 102—108. (In Russ.).

Матюшенко В. С. Скопцы Якутской области на страницах региональной периодической печати в конце XIX — начале XX веков / В. С. Матюшенко, Р. А. Якушева // Научный диалог. — 2021. — № 10. — С. 425—441. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-10-425-441.

Matyushchenko, V. S., Yakusheva, R. A. (2021). Eunuchs of Yakutsk Region on Pages of Regional Periodicals in Late 19th — Early 20th Centuries. *Nauchnyi dialog*, 10: 425-441. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-10-425-441. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-10-425-441

Скопцы Якутской области на страницах региональной периодической печати в конце XIX — начале XX веков

Матюшенко Виктория Сергеевна¹

orcid.org/0000-0001-5009-1279

кандидат философских наук, доцент
v89246728625@yandex.ru

Якушева Розалия Анатольевна²

orcid.org/0000-0003-0952-6853

старший преподаватель
rozaliya.yakusheva.84@mail.ru

¹ Амурская государственная
медицинская академия
(Благовещенск, Россия)

² Политехнический институт (филиал)
федерального государственного
автономного образовательного
учреждения высшего образования
«Северо-Восточный федеральный
университет имени М. К. Аммосова»
в г. Мирном (Мирный, Россия)

Eunuchs of Yakutsk Region on Pages of Regional Periodicals in Late 19th — Early 20th Centuries

Victoria S. Matyushchenko¹

orcid.org/0000-0001-5009-1279

PhD in Philosophy, Associate Professor
v89246728625@yandex.ru

Rosalia A. Yakusheva²

orcid.org/0000-0003-0952-6853

Senior Lecturer
rozaliya.yakusheva.84@mail.ru

¹ Amur State Medical Academy
(Blagoveshchensk, Russia)

² Polytechnic Institute (branch)
of the Federal State Autonomous
Educational
Institution of Higher Education
“The Ammosov North-Eastern
Federal University” in Mirny
(Mirny, Russia)

© Матюшенко В. С., Якушева Р. А., 2021

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Анализируются материалы дореволюционных периодических изданий Якутии конца XIX — начала XX веков, содержащие сведения о жизнедеятельности сектантско-скопцов в области. Обращение к данным источникам необходимо в целях реконструирования истории скопчества в связи с актуальным в современной науке интересом к публикациям региональной печатной прессы, которые не были ранее приняты исследователями во внимание. Новизна исследования состоит в пополнении знаний об истории скопчества в Якутии благодаря введению в научный оборот новых исторических источников. Анализ материалов якутской прессы позволяет сделать вывод, что роль скопцов в развитии хлебопашества и огородничества в Якутии оставалась актуальной темой спустя годы после их освобождения из ссылки. Особое внимание авторы уделяют освещению бытовой стороны скопческой жизни на страницах периодической печати. Схожесть новостных сюжетов о сектантах формирует устойчивое представление о взаимоотношениях скопцов с местным населением, образе жизни и моделях поведения в условиях якутской действительности конца XIX — XX веков.

Ключевые слова:

Якутская область; религиозная ссылка; сектанты; скопцы; скопческие поселения; периодическая печать; благотворительная деятельность; земледелие.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The materials of pre-revolutionary periodicals of Yakutia of the late 19th — early 20th centuries, containing information about the life of sectarian Eunuchs in the region are analyzed in the article. The reference to these sources is necessary in order to reconstruct the history of the scavenger in connection with the current interest in modern science in the publications of the regional print press, which were not previously taken into account by the researchers. The novelty of the research lies in the replenishment of knowledge of the history of skopstvo in Yakutia due to the introduction of new historical sources into scientific circulation. An analysis of the materials of the Yakut press allows us to conclude that the role of Eunuchs in the development of arable and truck farming in Yakutia remained an urgent topic years after their release from exile. The authors pay special attention to the coverage of the everyday side of skopic life on the pages of periodicals. The similarity of news stories about sectarians form a stable idea of the relationship of Eunuchs with the local population, lifestyle and models of behavior in the Yakut reality of the late 19th — 20th centuries.

Key words:

Yakutsk region; religious link; sectarians; Eunuchs; skopic settlements; periodicals; charity; agriculture.

Скопцы Якутской области на страницах региональной периодической печати в конце XIX — начале XX веков

© Матюшенко В. С., Якушева Р. А., 2021

1. Введение

Среди религиозного меньшинства, представленного во всем поликонфессиональном пространстве Якутии во второй половине XIX — начале XX веков, особенно выделялись скопцы. Во-первых, их высылка с 60-х годов XIX века, практиковавшаяся десятилетиями, была самой продолжительной: ослабление государственного давления коснулось скопцов Якутии в последнюю очередь. Во-вторых, в Якутии из всех «отпавших от православия» раскольников и сектантов скопцы составляли самую многочисленную группу. В-третьих, успехи скопцов в развитии аграрного хозяйства Якутии, высоко оцененные областным начальством, интересовали современников, вызывали широкие дискуссии в обществе.

Секта скопцов, возникавшая в XVIII веке в центральных губерниях Российской империи в русле хлыстовщины, отличалась радикальным аскетизмом, который выразился в практике оскотления [Кобызов, 2006, с. 1177]. За короткое время существования секты случаи кастрации особенно проявились в Орловской, Тульской и Тамбовской губерниях, что не могло не обратить на себя внимание правительства [Буткевич, 1910, с. 174]. В дальнейшем скопчество распространяется в Москве, Петербурге, Костроме, Саратове, Самаре, Томске, других городах [Никольский, 1983, с. 355]. Одной из мер борьбы с религиозным движением стала практика выдворения сектантов за пределы Центральной России, в отдаленный край Восточной Сибири с «поручением их строжайшему надзору тамошнего гражданского начальства» [Ольминский, 1905, с. 156]. С 1847 года местом поселения скопцов стал заполярный Туруханский край, тундровые условия которого не позволяли ссыльным сектантам вести сельское хозяйство [Майнов, 1912, с. 297]. В 1859 году генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Муравьев «указал для водворения скопцов другое место, не менее отдаленное, чем Туруханский край, и тоже в достаточной мере “гиблое”, <...>, в восточной части Якутского округа» [Там же]. Первая партия из 595 сектантов прибыла в Якутию в 1860—1861 годах [Сафронов, 1987, с. 35]. В числе прибывших ссыльных скопцов были «уроженцы всех концов России, от Петербурга до Шемахи, и от Бессарабии до Тобольской губернии» [Ольминский, 1905, с. 157]. Историография якутского скопчества

достаточно разнообразна и рассмотрена одним из авторов представленной работы [Якушева, 2020]. Мы полагаем, что процесс изучения истории скопчества в Якутии не завершен, поскольку широкий круг публикаций сводится к рассмотрению роли ссыльных в становлении и развитии земледелия в Якутии. Предмет исследования, на наш взгляд, многоаспектен и требует поиска новых информативных источников, которые ранее не были приняты во внимание. Возросший в научных кругах интерес к периодической печати как историческому источнику, выразителю общественного мнения, зеркалу социальной действительности прошедшей эпохи определяет актуальность нашего исследования, поскольку материал, представленный на страницах областной прессы конца XIX — начала XX веков, позволяет нам всесторонне подойти к изучению якутского скопчества. Внимание властей к скопцам после Манифеста 1905 года значительно ослабилось, в частности, это сказалось на качестве ежегодных статистических отчетов. Большое значение якутских областных газет и журналов объясняется сохранившимся интересом прессы к дальнейшей судьбе оставшихся в Якутии скопцов.

2. Региональная периодическая печать как исторический источник по скопчеству Якутской области

В середине XIX века экономические, социально-политические и общественные условия Восточной Сибири требовали появления местных печатных изданий, в которых особенно нуждались православное духовенство, общественность, местная администрация [Якимов, 2012, с. 69].

С разрешения Святейшего Синода епископом Якутским и Вилюйским Иаковом в 1884 году был учрежден печатный орган епархии — «Якутские епархиальные ведомости» [Юрганова, 2007, с. 8]. Таким образом, свое начало периодическая печать Якутии берет с выпуска в 1887 году первого номера епархиальной газеты [Андреев, 2015, № 2, с. 124]. Отметим, что к этому времени большинство епархий уже обрели собственный печатный орган [Нетужилов, 2006].

Скопцы появились в области за несколько десятилетий до становления региональной печати. Единичная высылка скопцов в Якутию имела место в первой половине XIX века, в 1861 году ссылка становится массовой [Башарин, 1989, с. 131—132].

С изданием в 1892 году первого номера газеты «Якутские Областные ведомости» связано оформление официальной периодической печати в Якутии.

Оба печатных издания по структуре были схожи и состояли из официальной и неофициальной частей с той разницей, что неофициальные части в большей степени различались в своем содержании. Сведения о скоп-

цах мы можем обнаружить в обеих частях епархиального журнала и областной официальной газеты. Разнообразны и информативны материалы о скопцах на страницах частных газет, берущих свое начало в 1907 году с выходом первого номера политической, общественной и литературной газеты «Якутский край» [Горохов, 2021]. Отражение скопческой жизни мы находим в публикациях таких газет и журналов, как «Якутский край», «Якутская жизнь», «Якутская мысль», «Якутские вопросы», «Ленские волны» и др.

3. Скопцы на страницах церковного печатного издания «Якутские епархиальные ведомости»

Анализируя содержание журнала, отметим, что скопцы появлялись на страницах церковного издания нечасто. В разделах официальной части — извещениях, позже — епархиальных хрониках, отмечались случаи перехода лиц в православие из католичества, ислама, иудаизма, старообрядчества и сектантства, включавшие редкие «присоединения к православию» скопцов. Извещение о том, что 6 июня 1887 года 28-летняя Евдокия Беленкова «присоединена по чиноположению церковному из скопческой ереси к святой православной церкви», мы принимаем за начало отражения скопчества Якутии на страницах региональной периодической печати [ЯЕВ, 1887, с. 85]. В неофициальной части журнала публиковались статьи по истории православия на инкорпорированных территориях Якутии и Северо-Востока, материалы научных экспедиций, этнографические заметки, статьи о болезнях, распространенных среди инородцев, мерах борьбы с ними и т. д. Условия, в которых оказались сосланные в Якутию скопцы, не позволили секте развиваться в масштабы многочисленного скопческого движения, как это было, например, в центральных губерниях империи. Это обстоятельство позволило якутскому духовенству не использовать журнал как средство активной борьбы с расколом и сектами, а уделить больше внимания просвещению инородцев, их приобщению к общехристианским ценностям и культуре. Тем не менее отдельные публикации в епархиальном журнале о якутских скопцах имеются. Один из номеров журнала содержит письмо 30-летнего Диомида Холодного по факту его «обращения из скопчества». Оскопленный в детстве Диомид, испытывая радость по случаю перехода в официальное православие, пишет: «Сохрани Бог всякого крещенного человека от этой ереси, даже грех про эту срамоту и толковать. Я бы сейчас желал всем заблудшим воротиться назад и принять обряд православного христианина <...>. Желаю окончить жизнь свою в православной вере» [ЯЕВ, 1890, № 2, с. 26]. Также в одном из выпусков журнала за авторством М. Д. опубликован разговор с проживавшим в Якутске

скопцом Яковом Зосимовичем. Автор публикации был наслышан, что «эта изуверная мистическая секта погребается в Якутской области» [ЯЕВ, 1899, № 10, с. 140]. Отметим, что если большая часть публикаций неофициальной части «Якутских епархиальных ведомостей» была ориентирована на широкую читательскую аудиторию, то письмо Диомиды Холодной и откровения Якова Зосимовича сложны для обывательского понимания, поскольку затрагивают, хоть и весьма поверхностно, суть скопческого верования, мировоззрение и мышление человека, убежденного в своей праведности.

4. Завещания скопцов

Первыми сведениями о сектантах стали опубликованные в местном отделе официальной части газеты «Якутские областные ведомости» духовные завещания имущества жителей области, включая завещания «крестьян из скопцов». Так, Якутским Областным Правлением засвидетельствованы крепостным порядком духовные завещания имущества скопцов Мархинского селения Якутского округа Фридриха Линдстрема и Марии Козюк друг другу [ЯОВ, 1894, № 5, с. 2]. Имущество скопца Кильдемского скопческого селения Якова Захарова было завещано скопчиче-односельчанке Анне Резниковой. Скопцы того же селения Лукьян Кудлов и скопчича Ксения Древлева завещали имущество друг другу. Мархинский крестьянин из скопцов Емельян Трифонов — скопцу-односельчанину Трофиму Чакову, тот, соответственно, — Емельяну Трифонову. Скопец Хатын-Аринского селения Прокопий Онуфриев — крестьянину Василию Кузнецову [ЯОВ, 1894, № 12, с. 4].

5. Обзор жизни в скопческих селениях

В Якутии скопцы образовали 12 селений: Мархинское, Новониколаевское, Кильдемское, Хатын-Арынское, Петропавловское, Троицкое — в Якутском округе, Спасское, Усть-Чаринское, Иллонское и Троицкое — в Олекминском округе, Антоновское скопческое селение — в Вилюйском округе [Сафронов, 1987, с. 34]. Селения Мархинское и Спасское с момента своего основания считались центрами скопческого хозяйства [Попов, 2005, с. 215]. До применения к скопцам Манифеста 1905 года скопческие селения в Якутии функционировали в строгих границах, что облегчало местным властям осуществлять надзор за поведением ссыльных, пресекать отлучки с мест, вести учет сектантов в области. М. Ольминский пишет: «Алалайское селение, впоследствии переименованное в Спасское, непосредственно примыкало к городу (Олекминску. — В. М., Р. Я.): его улица — продолжение городской улицы. Но поселение

скопцов под городом было, можно сказать, вопиющим нарушением воли высшего начальства <...> поэтому официальное Алалайское (Спасское) селение всегда числилось и, кажется, числится до сих пор лежащим в одной версте от города» [Ольминский, 1905, с. 160].

Таким образом, жизнь сектантов отличалась изолированностью поселений, намеренно созданной властями в целях нераспространения сектантских учений среди местных жителей [Петрова, 2004, с. 72].

В ближайшие города на заработки и сбыт своей продукции могли отлучаться с мест причисления скопцы-мастера и ремесленники, отличавшиеся примерным поведением [Макаров, 2005, с. 67].

Отток из области бывших религиозных ссыльных после 1905 года поставил перед местными властями вопрос сохранения образцовых скопческих хозяйств. «Скопческие селения очень важны, так как это — рассадники земледелия, поставщики необходимых жизненных продуктов городскому населению. Сохранить села можно только путем причисления к ним лиц свободного состояния» [НА РС(Я), ф. И-12, оп. 4, д. 375, л. 87—90]. Возвращавшиеся на родину из якутской ссылки скопцы рассказывали крестьянам о своих успехах, подтверждая рассказы денежным и имущественным благосостоянием [Сафронов, 1987, с. 35]. Так, селения, ранее состоявшие исключительно из скопцов, постепенно стали обживаться крестьянами-переселенцами и ссыльнопоселенцами. Обзорение местных газет и журналов, изданных после 1905 года, говорит нам о сохранении только двух селений, в которых компактно проживали оставшиеся в области сектанты, — Мархинского и Спасского.

Внимание прессы обратило на себя непростое отношение скопцов-старожилов с новоселами. Освободившиеся в Мархинском селении земли, на которые рассчитывали переселенцы, принадлежали скопческому обществу, таким образом, оставшиеся скопцы расширяли свои наделы за счет покинувших Якутию единоверцев и не принимали в общество желавших в него вступить новоселов, предпочитая подселить к себе скопцов из отдаленных поселений. Новоселы в свою очередь решили создать свое общество и обратились к администрации с просьбой выделить им земли из запасов. Скопцы, боясь в дальнейшем конкуренции, решили выделить новоселам непригодные и брошенные участки, а на встречное предложение поделить все годные и негодные участки между двумя обществами скопцы не согласились. Корреспондент, подписавшийся как Дар, пишет: «Мы присутствуем при самом начале борьбы, обостренной еще глубоким различием религиозных взглядов и сложившихся привычек, и кто знает, когда и чем она кончится?» [ЯК, 1907, № 39, с. 3].

На страницах четырех выпусков газеты «Ленский край» корреспондент М. А. достаточно подробно осветил громкое судебное дело по факту убийства в сентябре 1914 года двух пожилых скопчих Хавьяловой и Мухачевой. «Дело привлекло в зал судебного заседания чуть ли не все Мархинское скопческое население. Восемидесятилетние братцы и столько же преклонных лет сестрицы послезали со своих жарко натопленных печей и явились на суд для дачи свидетельских показаний» [ЛК, 1915, № 19, с. 2]. Дело считалось уникальным и редким, так как половина свидетелей не обладала правоспособностью вследствие лишения прав по суду за принадлежность к скопчеству. «На вопрос председателя — приемлют ли они присягу от православного священника, один из них ответил: “да, приму, если только священник не побрезгует”» [Там же]. В совершении преступления мархинские скопцы подозревали старообрядцев Тихоновых (соседей убитых) и двух ссыльнопоселенцев Малышенко и Хохладжиева. Свидетелю Мерзлякову Тихонов рассказывал, что у его соседок-скопчих «в каждой заплата по сотенной» [ЛК, 1915, № 21, с. 2]. Свидетели Лопатины, отец и сын, рассказали суду о подслушанном разговоре Малышенко с неизвестным человеком: «Лето прошло, настает зима, а мы ничего не заработали. У скопчих денег до черта, только вот старовер не соглашается» [Там же, с. 3]. Корреспондент заметил, что скопцы-свидетели, упорно обвиняя Тихоновых, путались в показаниях, потом отказывались от них. Нам интересна произнесенная в суде речь Ксенофонтова, который объяснил, что «на Мархе столкнулись два различных мира: с одой стороны скопцы, живущие обособленной, замкнутой жизнью и быстро вымирающие, с другой — новоселы, смелые пришельцы, которые властно заявляют свои права на жизнь. Между двумя этими мирами существует антагонизм» [ЛК, 1915, № 22, с. 2—3]. В ходе следствия выяснилось, что были похищены хорошо спрятанные сбережения, о которых знать обвиняемые не могли. Таким образом, все четверо были судом оправданы [ЛК, 1915, № 20, с. 2].

Печатная пресса следила за судьбой бывших скопческих селений. Так, в мае 1907 года по инициативе якутского губернатора в Хатын-Арынском селении была образована богадельня для призрения престарелых и неспособных к труду ссыльных. Под богадельню было выкуплено у скопцов 6 домов [ЯК, 1907, № 7, с. 2].

Не остались без внимания прессы итоги политики властей по заселению бывших сектантских селений. Спустя годы корреспондент Ст., представляя удручающую картину села Хатын-Арынское, пишет: «Когда-то оно было цветущим. Скопцы, первые его жители, завоевали тайгу, расчистили большие поля, понастроили просторные дома, амбары и заводни, сняли много хлеба. Теперь прежних жителей нет, их места заняли пере-

селенцы <...> или поселившиеся невольно. От прежнего процветания не осталось и следа» [ЯО, 1913, № 151, с. 4].

Принцип веротерпимости и свободы вероисповедания позволил нивелировать существовавшие ранее границы населенных пунктов. Уже в 1910 году корреспондент газеты «Якутская окраина», подписавшийся как «Изгой», сообщает о присоединении Спасского скопческого селения к городу Олекминску на тех условиях, что усадебные земли остаются в пользовании селян пожизненно [ЯО, 1910, № 10, с. 2].

В летне-осеннее время пресса интересовалась ходом сельскохозяйственных работ у скопцов. Так, постоянный обозреватель жизни в Мархинском селении Недавший пишет: «Марха вступила в период самой усиленной напряженной работы» [ЯО, 1913, № 162, с. 3]. Здесь же он говорит о распределении между землевладельцами 45 жатвенных машин, из которых 27 принадлежали скопцам. Также сравнительно больше скопцы посеяли зерна: «у старожилов (скопцов) 6157 пуд. 20 ф., у крестьян-новоселов 3024 пуд. 20 ф., у ссыльнопоселенцев — 183 пуд., иногородных — 591 пуд.» [Там же].

Содержание нескольких заметок из местной жизни указывает на монопольное производство скопцами ряда жизненно необходимых продуктов и на возможность их приобретения исключительно у скопцов. Так, отсутствие в областном центре ржаной муки вынудило статского советника областного правления Березкина отправиться в Мархинское селение для определения количества муки у сектантов. Те, в свою очередь, ответили, что «муки у них имеется достаточный запас, отсутствие же муки в продаже, по объяснению скопцов, проистекает вследствие невозможности, из-за сплошных полевых работ и непролазной грязи доставлять муку в город» [ЛК, 1915, № 5, с. 2]. Из-за сложившейся ситуации жители Якутска стали отправляться в Марху за мукой самостоятельно. «Безлошадным» горожанам остается сидеть без муки или пешим порядком шествовать по грязи 8 верст и тащить на себе купленную муку» [ЛК, 1915, № 11, с. 2].

Такое положение дел нашло отражение в еженедельном литературно-политическом журнале «Ленские волны» в стихотворении, опубликованном за авторством Северова:

«Скажи-ка, дядя, ведь не даром
Марха объявлена базаром,
Мукой полным-полна?»
«Да, брат, дела совсем плохие
Ведь сам недавно из Мархи я.
Уж были сделки там лихие —

И все насчет зерна.
Эх, брат, к скопцам в золотое чрево
Посыпался хлеб справа-слева;
Откуда, что взялось!
В Якутск везли хлеб из наслегов —
От зорких глаз мучных «стратегов»,
От их бессовестных набегов,
Нам есть не довелось.
Мархою нам объявлен голод,
Стал наш Якутск бесхлебный город...
Как скот кормись трухой!
Придется за мукой с мешочком
В Марху плестись к скопцам пешочком —
Зимой, не дай Бог, под кусточком
Замерзнешь под Мархой» [ЛБ, 1915, № 2—26, с. 16].

Называя сектантов *мучными стратегами*, автор выражает устойчивое недовольство всего населения тем, что скопцы всегда имели способы самостоятельно регулировать цены на хлеб, искусственно создавать условия дефицита хлебных продуктов, чтобы сбывать свою продукцию в несколько раз дороже.

6. Преступления против скопцов

Распространенная практика наследования имущества привела к формированию у населения стереотипа о богатых, но бездетных скопцах, а «их зажиточность колола глаза обывательской бедноте» [Майнов, 1912, с. 307]. Обзорение местной жизни и хроники происшествий на страницах местных газет позволяют нам убедиться в том, что скопцы становились беспомощными жертвами преступлений, в том числе тяжких.

Так, 12 апреля 1894 года в Мархинском селении Якутского округа была убита одиноко жившая в своем доме скопчиха Елизавета Меркульева, в июне — скопец того же селения Егор Леонов [ЯОВ, 1894, № 12, с. 5—6].

В октябре 1899 года ссыльнопоселенцем Иваном Захаровым была совершена кража со взломом у скопца Мархинского селения Семена Наумова. Злоумышленника обнаружил и пытался задержать другой скопец — Федор Лихачев, которому Захаров нанес смертельную рану выстрелом из револьвера, в результате чего Лихачев скончался через несколько дней [ЯОВ, 1899, № 21, с. 5].

В апреле 1900 года был обнаружен зарезанный скопец Ново-Николаевского селения Иван Елеазаров. Как пишет издатель, «убийство

Елеазарова, слывшего за денежного, совершено с целью ограбления...» [ЯОВ, 1900, № 8, с. 3].

12 октября 1909 года в Мархинском селении с целью грабежа ссыльно-поселенцем Николаев Стрельниковым была убита тупым орудием скопчиха Матрена Икрянникова [ЯОВ, 1909, № 48—49, с. 7].

В сентябре 1913 года ударом тупым орудием по голове было совершено двойное убийство скопцов Спасского селения Ивана Кириллова и его родственницы Анастасии Кирилловой. «Оба преклонных лет. Вещи в сундуках перерыты, что доказывает убийство с целью грабежа» [ЯО, 1913, № 210, с. 3]. По подозрению в убийстве был арестован работник Кириллова. Поводом к подозрению работника стало то обстоятельство, что спущенная на ночь с цепи собака, увидев знакомого человека, спокойно пропустила его в дом [Там же, 1913, № 212, с. 2].

Впрочем, попытки поживиться за счет сектантов не всегда оканчивались смертью последних. К одиноко живущему в Кильдямском скопческом селении скопцу Савищеву ночью во двор вошли неизвестные. Услышав шум, Савищев, вооружившись копьем и выйдя во двор, попытался подойти к неизвестному. Тот, в свою очередь, ударил скопца палкой по голове, за что получил рану щеки копьем. После этого неизвестный сумел скрыться, но характер раны уже на следующий день позволил поймать злоумышленника, которого скопец Савищев узнал. Им оказался ссыльнопоселенец Хатын-Арынского селения Сафа-Мусин, прибывший в Якутскую область тем же летом с первой партией ссыльных [ЯО, 1913, № 219, с. 3].

Покидавший Якутию мархинский скопец продал своему однообщественнику Балабанову дом со всеми постройками, сараями, хлебным амбаром. Баню под снос у скопца купил переселившийся из с. Доброго крестьянин Бровкин. Постепенно Бровкин стал разрушать усадьбные постройки Балабанова, в частности, амбар, в котором последний хранил хлеб. Жалобы на соседа во все инстанции не давали результатов, так как мархинское общество боялось Бровкина и никаких действий не предпринимало. Бровкин стал грозиться, что убьет соседа и сожжет усадьбу. Он запер ворота, через которые Балабанов ездил на гумно, и запретил ему ходить по прилегающему к бане дворику. Балабанов, нарушив этот запрет, был убит Бровкиным выстрелом в голову [ЯЖ, 1908, № 6, с. 5].

Желание улучшить свое материальное состояние за счет одиноких и пожилых скопцов возникало также у местных чиновников. Так, 17 июля 1912 года Якутским Окружным судом слушалось уголовное дело отставного чиновника Безносова, бывшего исполняющего должность пристава городской полиции Бородина, бывшего полицейского надзирателя Терского. Узнав, что на Мархе умирает богатый скопец Дроздов, «имеющий более

100 000 денег, а наследник его Черенков — личность темная <...>, оскотливший многих...», обвиняемые стали требовать у Черенкова 10 000 рублей в обмен на молчание об оскотлении людей [ЯО, 1912, № 2, с. 2]. Черенков, в свою очередь, обратился в прокуратуру. Всех троих суд счел виновными и приговорил «лишить их всех особенных и по состоянию приобретенных прав и преимуществ и отдать в исправительный арестантский отдел на один год и три месяца каждого» [Там же].

7. Участие скопцов в благотворительной деятельности

Публикуемые местными печатными изданиями подробные отчеты о ходе и итогах сбора денежных и материальных средств свидетельствуют об участии скопцов в благотворительной деятельности. Интересен тот факт, что первые сведения о пожертвованиях сектантов мы находим в журнале «Якутские епархиальные ведомости». Это объясняется тем, что епархиальный журнал в отсутствие светского областного печатного органа по соглашению с якутским губернатором публиковал в официальной части информацию, предоставляемую областным начальством [Якимов, 2012, с. 74]. Так, епархиальные ведомости сообщают, что скопцы Мархинского селения пожертвовали 500 рублей в Комитет попечения бедных для организации дешевой столовой [ЯЕВ, 1890, № 17, с. 260]. Для постройки в Якутске здания для общественного собрания, приспособленного для сценических представлений, жители скопческого Спасского селения пожертвовали 425 рублей [ЯОВ, 1894, № 19, с. 3]. В пользу приюта арестантских детей было пожертвовано 5 рублей скопцом Мархинского селения Я. И. Иовлевым [ЯОВ, 1902, № 5, с. 5]. В 1907 году недостаток рыбы в реке Колыма и падеж скота от сибирской язвы стали причиной массового голода в Колымском крае. На помощь голодающим откликнулись скопцы Мархинского селения, пожертвовав 165 пудов муки, зерна и 30 рублей [ЯК, 1907, № 38, с. 3].

В годы Первой мировой войны якутская печатная пресса активно освещала ход военных действий, публикуя телеграммы Петербургского телеграфного агентства о событиях на фронте, заметки о судьбе жителей области, ушедших на фронт. Решение острых социальных вопросов в условиях военного времени требовало привлечения общественной инициативы в оказании помощи раненым бойцам, родным и близким погибших.

Задавшись вопросом, «для кого копят олекминские скопцы деньги», корреспондент выразил свое возмущение в отношении того, что «скопцы, которые играют ценами на хлеб, мясо, масло, как ребенок мячом <...> имея много денег, не пожертвовали в пользу раненых бойцов и их семейств ни одного ломаного гроша, в то время как беднота несет “на алтарь отече-

ства» свои последние крохи» (орфография автора заметки сохранена) [ЯО, 1915, № 8, с. 3]. Предположим, что данная заметка повлияла на сектантов, потому как в феврале 1915 года на страницах того же издания была опубликовано известие, что скопцы Спасского селения Олекминского округа с начала войны по текущий месяц пожертвовали в пользу раненых и семейств запасных более 500 рублей [ЯО, 1915, № 39, с. 2]. Также скопцы Мархинского селения (48 фамилий) пожертвовали в пользу русских военнопленных, находившихся во вражеских странах, 229 р. 50 коп [ЯОВ, 1915, № 38, с. 4].

8. Образ скопцов и оценка их деятельности на страницах региональной периодической печати

Вероучение и духовная жизнь якутских сектантов мало интересовали местных жителей и областных начальников. Анализируя содержание якутских газет и журналов, отметим, что и периодические издания не касались в оценке жизнедеятельности скопцов их религиозных воззрений. Все внимание сводилось к способности сектантов в суровых условиях якутского края возделывать землю, развивать хлебопашество и огородничество.

Епархиальный журнал также обошел вниманием суть скопческого вероучения, его истоки и другие аспекты сектантского феномена. Само якутское духовенство тоже не рисовало обличительных образов скопцов на страницах церковного печатного издания, предоставляя эту возможность лицам «со стороны».

Ранее упомянутый М. Д., направляясь в Якутск на должность учителя, впервые встретил скопцов в Олекминске, где они вывезли к причалившему пароходу овощи и фрукты на продажу. Делясь впечатлениями о первой встрече со скопцами, он отмечает: «изможденные, дряблые лица произвели на меня отталкивающее впечатление», а «жажда и алчность наживы их совесть совсем уже затмили» [ЯЕВ, 1899, № 10, с. 140].

По завершении высылки скопцов в Якутию и после того, как им была дарована свобода региональные газеты и журналы не переставали писать о положительном влиянии сектантов на развитие хлебопашества в области [ЯЖ, 1908, № 23—24, с. 3]. «Они явились культуртрегерами края и сыграли замечательную роль в развитии земледелия. Они не только доказали теоретическую возможность земледелия, но и превратили свое хозяйство из потребительного замкнутого в меновое промышленное» [ЛВ, 1914, № 11, с. 22].

В одном из номеров журнала «Ленские волны» был подведен итог полувекового пребывания скопцов в Якутской области. В большой статье «Скопцы-завоеватели» за авторством Н. Н. З. сектанты сравниваются

с казаками-первопроходцами, с той разницей, что «они при тех же самых климатических и природных условиях, ограниченные во всех гражданских правах, без звона и бряцания оружием, мирно завоевали эту самую, казалось, непобедимую природу и продвинули границу произрастания злаков до пределов, о которых ранее приходилось лишь мечтать» [ЛВ, 1915, № 9—21, с. 7].

Продолжая искать корни скопческой зажиточности, газеты указывают на то обстоятельство, что ссыльные скопцы, не имевшие права покидать свои селения и на первых порах вести торговлю, вынуждены были заниматься земледелием, и это было «единственным исходом энергии, которую должен обнаружить каждый здоровый человек» [ЯЖ, 1908, № 27—28, с. 3].

Местная пресса затрагивает злободневную тему причины зажиточности скопцов и роста скопческого капитала: «Во время же неурожая скопцы <...> набивали цены на хлеб до фантастических размеров, пользуясь своими запасами от урожайных лет. Скопческое богатство имеет своим источником именно эти голодные годы, когда карманы “братцев” разбухали с особенной интенсивностью» [ЛВ, 1915, № 27—28, с. 8].

Также плохой отпечаток на оценку деятельности сектантов населением наложил принцип выделения властями земель ссыльным. Ежегодная высылка способных к земледелию сектантов требовала для них поиска лучших земельных наделов и чаще вопрос решался в ущерб якутам [Макаров, 2005, с. 63].

«А чего легче было согнать якутов с насиженных мест и отдать их переселенцам (тут не надо было много возиться) <...> темный, забитый якут должен был уступить, затаив глубоко обиду...» [ЯК, 1907, № 39, с. 3].

Подобная практика способствовала неприятию инородческим населением чуждого им ссыльного элемента.

9. Заключение

Анализ содержания якутских газет и журналов позволил выделить две группы публикаций о скопцах. Статьи первой группы носят событийный, новостной характер, они описывают повседневную сторону жизни сектантов в области. Чаще всего читатель мог получить информацию о них из постоянных рубрик «Обозрение местной жизни», «Корреспонденции», «Хроника происшествий» и т. д. Вторая группа публикаций — отдельные заметки об истории появления, роли и успехах сектантов в Якутии. Отметим, что религиозные убеждения скопцов не становились объектом внимания со стороны местных изданий. В региональной прессе сложился устойчивый образ зажиточного алчного скопца, не погнушавшегося

в целях материального обогащения продемонстрировать свои худшие качества. С другой стороны, денежное благополучие сектантов (часто преклонных лет) ставило их в опасное положение беспомощных, одиноких жертв преступлений.

Материалы региональных печатных изданий доказывают высокую степень интереса к скопцам Якутии, несмотря на постепенный отток их из области в начале XX века.

Источники и принятые сокращения

1. ЛВ — *Ленские* волны. — Якутск, 1914—1915.
2. ЛК — *Ленский* край. — Якутск. — 1915.
3. НА РС(Я) — *Национальный архив Республики Саха (Якутия)*: Ф. И-12 (Якутское областное управление). Оп. 4. Д. 37. Л. 87—90.
4. ЯЕВ — *Якутские* епархиальные ведомости. — Якутск, 1887, 1890, 1899.
5. ЯЖ — *Якутская* жизнь. — Якутск. — 1908.
6. ЯК — *Якутский* край. — Якутск. — 1907. — 22 июля.
7. ЯОВ — *Якутские* областные ведомости. — Якутск, 1894, 1899—1902, 1909.
8. ЯО — *Якутская* окраина. — Якутск, 1910, 1912—1913, 1915.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев А. А. «Якутские епархиальные ведомости» — источник по истории православия в Якутии / А. А. Андреев // Сборник трудов Якутской духовной семинарии. — 2015. — № 2. — С. 124—126.
2. Башарин Г. П. История земледелия в Якутии (XVII — начало 1917 г.) / Г. П. Башарин. — Якутск, 1989. — Т. 1. — 346 с.
3. Буткевич Т. И. Обзор русских сект и их толков / Т. И. Буткевич. — Харьков : Типография Губернского правления, 1910. — 634 с.
4. Горохов П. П. О первых независимых общественно-политических газетах Якутии [Электронный ресурс] / П. Горохов. — Режим доступа : <https://nlrs.ru/exhibitions/national-press/> (дата обращения 02.07.2021).
5. Кобызов Р. А. Скопцы / Р. А. Кобызов // Энциклопедия религий / под ред. А. П. Забияко, А. Н. Красникова, Е. С. Элбакян. — Москва : Академ.проект ; Гаудеамус, 2008. — 1520 с.
6. Майнов И. И. Русские крестьяне и оседлые инородцы Якутской области / И. И. Майнов // Записки императорского РГО по отделению статистики. Т. 12. — Санкт-Петербург : Типография В. О. Киришбаума, 1912. — 307 с.
7. Макаров И. Г. Уголовная, религиозная и политическая ссылка в Якутии: вторая половина XIX в. / И. Г. Макаров. — Новосибирск : Наука, 2005. — 259 с. — ISBN 5-02-032354-3.
8. Нетужилов К. Е. Епархиальная периодическая печать в дореволюционной России / К. Нетужилов // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. — 2006. — № 21(1). — С. 174—182.
9. Никольский Н. М. История русской церкви / Н. М. Никольский. — 3-е изд. — Москва : Политиздат, 1983. — 448 с.

10. *Ольминский М.* Из истории сектантства в Якутской области [подборка материалов из журнала «Правда». 1905 год, август, сентябрь / октябрь] / М. Ольминский // Правда. — 1905. — № 8—9. — С. 155—181.
11. *Петрова Т. П.* Русское население Якутии: проблемы этнокультурной адаптации : сборник научных трудов / Т. П. Петрова. — Якутск : Издательство СО РАН, Якутский филиал, 2004. — 199 с.
12. *Попов Г. А.* Сочинения. Т. 1. История хозяйственного просвещения якутов и других инородцев Якутской области. Очерки по истории Якутии / Г. А. Попов ; сост. и отв. ред. Л. Н. Жукова, Е. П. Антонов. — Якутск : ЯГУ ; ИГИ АН РС(Я), 2005. — 280 с.
13. *Сафронов Ф. Г.* Распространение земледелия на Северо-востоке Сибири в XII — начале XX вв. / Ф. Г. Сафронов // Исторические связи народов Якутии с русским народом : сб. научных статей. — Якутск : Якутское книжное издательство, 1987. — С. 34—35.
14. *Юрганова И. И.* История Якутской епархии. 1870—1919 гг. (деятельность духовной консистории) : монография / И. И. Юрганова. — Якутск : Академия, 2007. — 148 с.
15. *Якимов О. Д.* Печать Якутии на весах времени : монография / О. Д. Якимов. — Якутск : Издательский дом СВФУ, 2012. — 216 с. — ISBN 978-5-7513-1693-8.
16. *Якушева Р. А.* Русское сектантство в Якутии (середина XIX — начало XX вв.): этапы изучения / Р. А. Якушева, В. В. Иванова // Достижения науки и образования. — 2020. — № 17 (71), — С. 43—46. — DOI: 10.24411/2413-2071-2020-11701.

MATERIAL RESOURCES

- LV — *Lena waves*. (1914—1915). Yakutsk. (In Russ.).
- LK — *Lena region*. (1915). Yakutsk. (In Russ.).
- NA RS(Ya) — *National Archives of the Republic of Sakha (Yakutia)*. (*Yakutsk regional administration*). (In Russ.).
- YaEV — *Yakutsk Diocesan Gazette*. (1887, 1890, 1899). Yakutsk. (In Russ.).
- YaK — *Yakutsk Territory*. (1907). Yakutsk. 22 July. (In Russ.).
- YaOV — *Yakutsk regional statements*. (1894, 1899—1902, 1909). Yakutsk. (In Russ.).
- YaO — *Yakutskaya okraina*. (1910, 1912—1913, 1915). Yakutsk. (In Russ.).
- YaZh — *Yakut life*. (1908). Yakutsk. (In Russ.).

REFERENCES

- Andreev, A. A. (2015). “Yakutsk Eparkhiya Gazette” — a source on the history of Orthodoxy in Yakutia. In: *Collection of works of the Yakut Theological Seminary*. 2. 124—126. (In Russ.).
- Basharin, G. P. (1989). *The history of agriculture in Yakutia (XVII — early 1917)*. Yakutsk. 346 p. (In Russ.).
- Butkevich, T. I. (1910). *Overview of Russian sects and their interpretations*. Kharkov: Tipografiya Gubernskogo pravleniya. 634 p. (In Russ.).
- Gorokhov, P. P. *On the first independent socio-political newspapers in Yakutia*. Available at: <https://nlrs.ru/exhibitions/national-press/> (accessed 02.07.2021). (In Russ.).
- Kobysov, R. A. (2008). Eunuchs. In: Zabiakova, A. P., Krasnikov, A. N., Elbakyan, E. S. (eds.). *Encyclopedia of religions*. Moscow: Akadem. proekt; Gaudeamus. 1520 p. (In Russ.).

- Maynov, I. I. (1912). Russian peasants and sedentary foreigners of the Yakutsk region. In: *Notes of the Imperial Russian Geographical Society on the Department of Statistics*. St. Petersburg: Tipografiya V. O. Kirshbauma. 12. 307 p. (In Russ.).
- Makarov, I. G. (2005). *Criminal, religious and political exile in Yakutia: the second half of the 19th century*. Novosibirsk: Nauka. 259 p. ISBN 5-02-032354-3. (In Russ.).
- Netuzhilov, K. E. (2006). Eparchial periodicals in pre-revolutionary Russia. *Izvestia RGPU im. A. I. Herzen*, 21(1): 174—182. (In Russ.).
- Nikolskiy, N. M. (1983). *History of the Russian Church*. (3rd ed.). Moscow: Politizdat. 448 p. (In Russ.).
- Olminskiy, M. (1905). From the history of sectarianism in the Yakutsk region a collection of materials from the magazine “Pravda”. 1905, August, September / October. *Pravda*, 8—9: 155—181. (In Russ.).
- Petrova, T. P. (2004). *Russian population in Yakutia: the problems of the ethnic cultural adaptation*. Yakutsk: Publisher SO RAN, Yakutsk branch. 199 p. (In Russ.).
- Popov, G. A. (2005). *Compositions. History of economic education of the Yakuts and other foreigners of the Yakutsk region. Essays on the history of Yakutia*. Yakutsk: YaGU; IGI AN RS(Ya). 1. 280 p. (In Russ.).
- Safronov, F. G. (1987). The spread of agriculture in the North-East of Siberia in the XII — the beginning of the twentieth centuries. In: *Historical ties of the peoples of Yakutia with the Russian people: collection of articles. scientific articles*. Yakutsk: Yakutskoe knizhnoe izdatelstvo. 34—35. (In Russ.).
- Yurganova, I. I. (2007). *History of the Yakut eparkhiya. 1870—1919 (activity of the theological consistory): monograph*. Yakutsk: Akademiya. 148 p. (In Russ.).
- Yakimov, O. D. (2012). *Printed editions of Yakutia on the scales of time: monograph*. Yakutsk: Publisher SVFU. 216 p. ISBN 978-5-7513-1693-8. (In Russ.).
- Yakusheva, R. A., Ivanova, V. V. (2020). Russian sectarianism in Yakutia (mid-19th — early 20th centuries): stages of study. *Achievements of science and education*, 17 (71): 43—46. DOI: 10.24411/2413-2071-2020-11701. (In Russ.).

Морозова Т. И. Институт сочувствующих ВКП(б) в Западно-Сибирском крае : возрождение, функционирование, значение (февраль 1934 — сентябрь 1937) / Т. И. Морозова // Научный диалог. — 2021. — № 10. — С. 442—461. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-10-442-461.

Morozova, T. I. (2021). Institute of Sympathizers of AUCP(b) in West Siberian Territory: Revival, Functioning, Significance (February 1934 — September 1937). *Nauchnyi dialog*, 10: 442-461. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-10-442-461. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-10-442-461

**Институт сочувствующих
ВКП(б) в Западно-
Сибирском крае:
возрождение,
функционирование,
значение
(февраль 1934 —
сентябрь 1937)**

Морозова Татьяна Игоревна
orcid.org/0000-0002-8601-1290
кандидат исторических наук,
научный сотрудник сектора истории
общественно-политического развития
mti137@yandex.ru

Институт истории Сибирского
отделения
Российской академии наук
(Новосибирск, Россия)

**Institute of Sympathizers
of AUCP(b) in West
Siberian Territory: Revival,
Functioning, Significance
(February 1934 —
September 1937)**

Tatiana I. Morozova
orcid.org/0000-0002-8601-1290
PhD in History, Researcher,
Sector of the History of Social and
Political Development
mti137@yandex.ru

Institute of History of the Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences
(Novosibirsk, Russia)

© Морозова Т. И., 2021

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена созданию и функционированию института сочувствующих ВКП(б) в Западно-Сибирском крае в феврале 1934 — сентябре 1937 годов. На основе широкого круга источников, в том числе впервые вводимых в научный оборот, рассмотрены причины, предпосылки и обстоятельства возрождения данного института. В том числе установлено, что формирование групп сочувствующих в Западной Сибири началось позже, чем в других регионах СССР, и только после того, как их существование было официально закреплено Уставом ВКП(б). Выявлены основные способы комплектования групп сочувствующих, прослежена динамика их численности в Западно-Сибирском крае, выяснен количественный и качественный состав. Показано, что институт сочувствующих обладал серьезным потенциалом, который, тем не менее, оказался не реализован в силу таких субъективных факторов, как слабость организационной и идеологической работы местных партийных организаций. Сделан вывод о том, что ни в Западно-Сибирском крае, ни в СССР в целом институт сочувствующих не справился с отведенной ему ролью основного кадрового резерва ВКП(б).

Ключевые слова:

сочувствующие; группы сочувствующих; Всероссийская коммунистическая партия большевиков; Западно-Сибирская партийная организация.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article is devoted to the creation and functioning of the institute of sympathizers of the AUCP(b) in the West Siberian Territory in February 1934 — September 1937. On the basis of a wide range of sources, including those introduced into scientific circulation for the first time, the reasons, prerequisites and circumstances of the revival of this institute are considered. Among other things, it was established that the formation of groups of sympathizers in Western Siberia began later than in other regions of the USSR, and only after their existence was officially enshrined in the Charter of the AUCP(b). The article reveals the main ways of recruiting groups of sympathizers, traces the dynamics of their number in the West Siberian region, clarifies the quantitative and qualitative composition. It is shown that the institution of sympathizers had serious potential, which, nevertheless, was not realized due to such subjective factors as the weakness of the organizational and ideological work of local party organizations. It was concluded that neither in the West Siberian Territory, nor in the USSR as a whole, the institution of sympathizers did not cope with the role assigned to it as the main personnel reserve of the AUCP(b).

Key words:

sympathizers; groups of sympathizers; All-Russian Communist Party of Bolsheviks; West Siberian Party Organization.

Институт сочувствующих ВКП(б) в Западно-Сибирском крае: возрождение, функционирование, значение (февраль 1934 — сентябрь 1937)

© Морозова Т. И., 2021

1. Введение

Структура и механизмы функционирования большинства политических партий противоречат принципам и нормам демократии. Как утверждал один из самых известных политологов второй половины XX века М. Дюверже, устройство партий изначально олигархично и неизбежно ведет к господству меньшинства над массой [Дюверже, 2007, с. 493]. Но в то же время любая политическая партия стремится к укреплению и расширению своей социальной базы, которая, с одной стороны, обеспечивает ей поддержку в обществе, а с другой — является важнейшим источником рекрутирования новых кадров.

Большевистская партия после взятия власти в России провозгласила своей главной опорой пролетариев и беднейших крестьян-полупролетариев [Программы и уставы ..., 1969, с. 36], то есть преимущественно рабочих и батраков. Упомянутые категории населения отличались низким уровнем не только политической, но и общей грамотности, что заметно осложняло задачу приема в партию новых членов. Поэтому Российская (с декабря 1925 года — Всесоюзная) коммунистическая партия большевиков нередко использовала в качестве источника пополнения своих рядов другие органы и организации, в которых рабочие и крестьяне получали первый опыт общественно-политической активности: советы, комсомол, профсоюзы или кооперацию.

Однако в истории большевистской партии было как минимум два уникальных периода, когда подготовка беспартийных к вступлению в РКП(б)–ВКП(б) осуществлялась не попутно другими организациями, а целенаправленно в рамках специально созданного для этого института. Первый период охватывает время с конца 1917 до осени 1920 года, когда сначала в Московской, а затем в ряде других партийных организаций были созданы так называемые группы сочувствующих. Тринадцать лет спустя, во второй половине 1933 — начале 1934 года, институт сочувствующих был возрожден и просуществовал в большинстве регионов СССР вплоть до весны 1939 года.

Процесс создания и функционирования групп сочувствующих РКП(б) в годы гражданской войны был относительно подробно изучен советскими историками. В обобщающих и в специальных публикациях они описали обстоятельства создания этого института, проследили динамику численности сочувствующих в 1917—1919 годах и высоко оценили роль и значение групп сочувствующих в пополнении большевистской партии [Заикина, 1968; История Коммунистической ..., 1970, т. 2; Китаев, 1974 и др.]. В постсоветской историографии институт сочувствующих РКП(б) был проанализирован с точки зрения теории социальной мобильности. В том числе было доказано, что в конце 1917 — конце 1919 годов в Центральной России и в конце 1919 — середине 1920 годов в Сибири он «обеспечивал повышение социального статуса той части трудящихся, которые хотели связать свою судьбу с коммунистической партией» [Сафронова, 2015, с. 133].

Совсем иначе обстоит дело с изучением института сочувствующих ВКП(б) в 1930-е годы. Сначала советские, а затем российские исследователи ограничились в своих публикациях констатацией нескольких ключевых фактов: институт был воссоздан в ходе партийной чистки 1933—1934 годов, его основная задача сводилась к ликвидации политической неграмотности среди беспартийных и их подготовке к вступлению в ВКП(б), в феврале 1934 года существование групп сочувствующих было официально закреплено в новой редакции партийного Устава [Бондарь, 2017; Жарков, 2008; Ткачев, 2006]. Но почему высшее партийное руководство решило вернуться к методам, ранее использовавшимся только в годы гражданской войны? Кого, на каком основании и как принимали в сочувствующие? Имел ли этот институт региональную специфику? Исследователи до сих пор не только не ответили на эти и другие важные вопросы, но даже не поставили их. В настоящей статье предпринимается первая попытка ликвидировать указанный пробел, исследовав институт сочувствующих ВКП(б) в Западно-Сибирском крае.

2. Институт сочувствующих: первый опыт и предпосылки возрождения

Впервые группы сочувствующих большевистской партии были учреждены в Московской парторганизации в конце 1917 года. Их основной целью являлась подготовка беспартийных к вступлению в РСДРП(б). Для этого сочувствующие должны были изучать Программу и Устав партии и выполнять различные ее поручения. 16 августа 1918 года на заседании Московского комитета РКП(б) В. И. Ленин объяснил необходимость существования института сочувствующих уходом значительной части большевиков на фронт [Ленин, 1969, т. 37, с. 46]. В конце августа того же года

Московская общегородская партийная конференция утвердила специальный устав, согласно которому в ряды сочувствующих надлежало принимать всех, кто «поддерживает РКП(б) в ее борьбе за освобождение пролетариата и всего трудового народа от политического и экономического рабства» [Китаев, 1974, с. 75]. Желая вступить в ряды сочувствующих для подтверждения лояльности большевикам должен был предоставить рекомендацию другого сочувствующего или члена РКП(б). В соответствии с вышеупомянутым уставом, сочувствующие, оставаясь беспартийными, были обязаны тем не менее выполнять постановления РКП(б) и имели право участвовать в открытых партийных собраниях с правом совещательного голоса по общим вопросам и с правом решающего — по местным [Сафронова, 2015, с. 132]. По данным на ноябрь 1918 года, в 34 губерниях Советской России насчитывалось 12 678 сочувствующих, еще 9190 человек состояли в группах сочувствующих в Москве и около 5000 — в Петрограде [Китаев, 1974, с. 76].

В условиях гражданской войны, когда вступление в РКП(б) было связано со значительными рисками, институт сочувствующих стал эффективным инструментом для консолидации сторонников и формирования партийного резерва. Однако уже в декабре 1919 года VIII конференция РКП(б) признала, что этот институт выполнил поставленные перед ним задачи, и приняла решение о его упразднении [Восьмая конференция ..., 1934, с. 138]. Вместо этого партконференция внесла в Устав РКП(б) пункт, согласно которому для вступления в члены коммунистической партии необходимо было отныне проходить так называемый кандидатский стаж. Кандидаты в члены партии, как и сочувствующие ей, имели право участвовать в открытых партийных собраниях, однако всегда лишь с правом совещательного голоса. При этом вступить в ряды кандидатов в члены РКП(б) было намного сложнее, чем в группу сочувствующих: для этого требовалось признавать все пункты партийной Программы и предоставить рекомендации по меньшей мере двух коммунистов с шестимесячным партийным стажем. Еще одним заметным отличием стало установление минимального срока пребывания в статусе кандидатов: не менее двух месяцев для рабочих и крестьян и не менее шести месяцев для других категорий населения [Программы и уставы ..., 1969, с. 246].

В Сибири, полностью освобожденной от белогвардейцев и интервентов только весной 1920 года, партийное строительство сопровождалось существенными трудностями. Малочисленность Сибирской партийной организации и недостаток членов РКП(б) с шестимесячным партийным стажем в случае строгого применения там уставных норм стали бы серьезным препятствием для дальнейшего роста партийных рядов. В результате

в Сибири институт сочувствующих РКП(б) продолжал функционировать до начала августа 1920 года, когда решением Второго всесибирского совещания РКП(б) был все-таки официально ликвидирован [Сафронова, 2015, с. 133].

В августе 1922 года XII Всероссийская партконференция, а в декабре 1925 года XIV съезд РКП(б) дважды вносили изменения в партийный Устав, каждый раз всё более ужесточая условия приема в РКП(б). С середины 1920-х годов рабочие и красноармейцы могли быть приняты в члены партии только после прохождения шестимесячного кандидатского стажа. Для крестьян и кустарей, не эксплуатировавших чужого труда, испытательный срок составлял не менее одного года, а для остальных категорий населения — не менее двух лет. Эти и другие предусмотренные Уставом ограничения наглядно свидетельствовали о том, что высшее партийное руководство не планировало возвращаться к практике приема в партию через группы сочувствующих.

Однако, как часто бывает, реальное положение дел на местах заметно отличалось от официальных установок и деклараций. Так, в конце января 1926 года Красноярский окружной комитет ВКП(б) направил в вышестоящие партийные органы — Сибирский краевой и Центральный комитеты — уникальный доклад, в котором сообщалось, что в сельской местности Красноярского округа имелись как минимум пять групп сочувствующих ВКП(б). Четыре из них подверглись специальному обследованию, показавшему, что группы сформировались преимущественно в 1924—1925 годах там, где коммунистические ячейки изначально отсутствовали или в силу различных причин распались, что существенно затрудняло беспартийным получение необходимых по Уставу рекомендаций. Средняя численность групп сочувствующих составляла от пяти до семи человек. Автор доклада — инструктор Красноярского окружкома А. Г. Опарин — назвал рост числа таких объединений в деревне «новым явлением» и пришел к выводу, что «партия должна выявить свое отношение к возникающим группам и взять над ними руководство» [ГАНУ, ф. П-2, оп. 1, д. 1208, л. 24—35].

Сведений о том, отреагировали ли Сибкрайком и ЦК ВКП(б) на доклад А. Г. Опарина, нет. Как не известно и то, создавались ли в годы новой экономической политики группы сочувствующих в других округах, краях или республиках СССР. Однако появление таких групп явочным порядком пусть даже в одном Красноярском округе и постановка этого вопроса окружкомом перед вышестоящими партийными органами свидетельствуют о наличии предпосылок для возрождения ликвидированного института. Их суть заключалась в том, что в наиболее отдаленных от столицы районах, особенно в сельской местности, значительная часть беспартий-

ных, симпатизировавших РКП(б)–ВКП(б), не удовлетворяла требованиям, предъявляемым к вступающим в эту партию.

3. Чистка ВКП(б) 1933—1934 годов и ее роль в реанимации института сочувствующих

Несмотря на то, что на протяжении 1920-х годов высшее партийное руководство последовательно ужесточало условия приема в РКП(б)–ВКП(б) и неоднократно проводило чистки партийных рядов, численность последних, тем не менее, продолжала уверенно расти. В начале 1930-х годов главным фактором этого стала систематическая работа партийных комитетов по вовлечению в ВКП(б) представителей тех категорий населения, которые должны были обеспечить успех форсированной индустриализации и массовой коллективизации, то есть рабочих, батраков, крестьян и специалистов. В результате только за 1930—1932 годы численность ВКП(б) выросла с 1,6 млн до 3,2 млн человек [РГАСПИ. ф. 17, оп. 7, д. 150, л. 263 об.; д. 186, л. 4]. Столь интенсивный прием в партию людей, основным занятием которых был физический труд, привел к тому, что ВКП(б) превратилась в огромную «армию» малограмотных коммунистов, в большинстве своем не понимавших стоявших перед ними задач и не проявлявших никакой активности для проведения генеральной линии партии в жизнь.

Признав сложившуюся ситуацию неудовлетворительной, 10 декабря 1932 года Политбюро ЦК ВКП(б) постановило провести очередную чистку партии [Постановление ЦК ..., 1932, с. 77]. Со дня опубликования постановления в «Правде», то есть с 11 декабря, прием кандидатов и перевод из кандидатов в члены ВКП(б) были временно приостановлены, а местные партийные организации начали подготовку к кампании. Состоявшийся 7—12 января 1933 года пленум ЦК ВКП(б) предписывал очистить партию «от всех ненадежных, неустойчивых и примазавшихся элементов» [Правда, 1933, 13 января].

Судя по всему, высшее партийное руководство осознавало, что под данные характеристики могут попасть тысячи «молодых» коммунистов, в результате чего правящая партия, с одной стороны, повысит внутрипартийную дисциплину, с другой — оттолкнет от себя значительную часть своих сторонников. Во всяком случае это обстоятельство было учтено в постановлении Центрального комитета и Центральной контрольной комиссии ВКП(б) «О чистке партии», принятом в апреле 1933 года [Правда, 1933, 29 апреля]. В документе устанавливалось не только то, кого и на каком основании необходимо исключать из ВКП(б), но и то, к кому можно применить более мягкие меры. Так, коммунистов, продемонстрировавших свою преданность ВКП(б), но «не усвоивших самых элементарных политических

знаний», следовало не исключать из партии, а только понижать до статуса кандидатов в члены ВКП(б). В том же случае, если политически неграмотным или неустойчивым был признан кандидат в члены партии, то его ЦК и ЦКК ВКП(б) рекомендовали переводить «в разряд сочувствующих с тем, чтобы через год поставить вопрос об их обратном переводе в кандидаты или о приеме в члены партии, если проверка покажет, что они вполне созрели для этого» [Там же].

Начало чистки ВКП(б) было намечено на 1 июня 1933 года, а саму кампанию планировалось реализовать в два самостоятельных этапа. На первом из них к проведению чистки приступили партийные организации Белоруссии, Восточно-Сибирского и Дальневосточного краев, Винницкой, Донецкой, Киевской, Ленинградской, Московской, Одесской и Уральской областей. На состоявшемся 26 января — 10 февраля 1934 года XVII съезде ВКП(б) секретарь ЦК Л.М. Каганович сообщил, что с июля по декабрь 1933 года из партии были исключены примерно 182,5 тыс. человек [Каганович, 1934, с. 51]. Еще как минимум 64,6 тыс. человек, по данным статистического отдела ЦК, были переведены в категорию сочувствующих ВКП(б) [РГАСПИ. ф. 17, оп. 7, д. 186, л. 6], существование которой не предусматривалось партийным Уставом, но было санкционировано вышеупомянутым постановлением ЦК и ЦКК ВКП(б).

Возникшее таким образом противоречие было устранено XVII съездом ВКП(б), утвердившим новую редакцию партийного Устава. Это был первый и единственный за всю историю коммунистической партии Устав, официально закрепивший существование института сочувствующих. Основная функция последнего заключалась в объединении беспартийных активистов, продемонстрировавших на практике свою преданность ВКП(б), но по тем или иным причинам не готовых к вступлению в ее ряды. Прием в группы сочувствующих ВКП(б), создававшиеся при первичных партийных организациях, должен был производиться «решениями заводских, учрежденческих и прочих партийных комитетов, политотделов МТС (машинно-тракторных станций. — *Т. М.*), совхозов и железнодорожного транспорта, с рекомендацией двух членов партии». В обязанности сочувствующим вменялись посещение всех открытых партсобраний, на которых им предоставлялось право совещательного голоса, активная борьба за «выполнение решений партии и правительства», а также систематическая работа над повышением своего идейно-политического уровня [Программы и уставы ..., 1969, с. 304—305].

При вступлении в ВКП(б) сочувствующие не получали каких-либо привилегий: все беспартийные без исключения были обязаны накопить определенный кандидатский стаж. Однако членство в группах сочувствую-

ющих ВКП(б) позволяло беспартийным добиться соответствия новым, заметно более строгим, чем прежде, условиям вступления в коммунистические ряды. Согласно новому Уставу ВКП(б), для того, чтобы быть принятым в члены партии, следовало не только знать и поддерживать ее Программу и Устав, но и пройти «школу политической грамоты» и так или иначе проявить себя «на работе в группах сочувствующих, в советах, профсоюзах, комсомоле, кооперации, делегатских собраниях» [Там же, с. 300—301]. Вскоре после завершения съезда член бюро Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) Е. М. Ярославский со страниц журнала «Большевик» объяснял: «Группы сочувствующих явятся резервом для вступления в партию, резервом проверяемым, резервом, который на протяжении определенного времени работает под руководством партийной организации, резервом, воспитанным в духе партийности» [Ярославский, 1934, с. 117].

Описанная хронология событий наглядно свидетельствует, что принятое XVII съездом ВКП(б) решение о возрождении института сочувствующих носило вынужденный характер. Изменения, внесенные в партийный Устав, закрепляли, уточняли и формально регламентировали практику, реально введенную ЦК ВКП(б) еще в 1933 году для того, чтобы минимизировать негативные последствия партийной чистки.

4. Источники формирования и динамика численности групп сочувствующих ВКП(б) в Западно-Сибирском крае

В соответствии с планами высшего партийного руководства чистка ВКП(б) в Западно-Сибирском крае должна была пройти во вторую очередь. Поэтому до 1934 года ни массовые исключения из ВКП(б), ни перевод из коммунистов в сочувствующие там не практиковались. Только 23 февраля 1934 года бюро Западно-Сибирского крайкома ВКП(б) постановило «развернуть работу по организации при низовых парторганизациях групп сочувствующих», причем делать это предписывалось «в строгом соответствии с решениями [XVIII] с[ъ]езда по организационным вопросам, уставом партии и указаниями, данными в речи т[ов]. Кагановича» [Цит. по: ГАНО, ф. П-3, оп. 1, д. 583, л. 140].

Первыми к этой работе приступили Омская, Новосибирская и Сталинская районные партийные организации. В остальных районах края создание групп сочувствующих ВКП(б) было развернуто только одновременно с началом партийной чистки, то есть в мае–июне 1934 года. С этого времени институт сочувствующих ВКП(б) в Западно-Сибирском крае, как и в других регионах СССР, стал формироваться параллельно из двух источников: идеологически близких большевикам беспартийных и бывших

членов и кандидатов в члены ВКП(б), признанных комиссиями по чистке партии недостаточно грамотными или устойчивыми в политическом отношении. О примерном соотношении этих источников на начальном этапе возрождения института свидетельствуют данные Западно-Сибирского краевого комитета ВКП(б). Согласно докладной записке, подготовленной его сельскохозяйственным отделом для ЦК партии, к августу 1934 года при 128 политотделах МТС в Западной Сибири были созданы 356 групп, объединявших 1981 сочувствующего. Из них 1877 человек были приняты в соответствии с партийным Уставом и только 104 — переведены в процессе чистки [ГАНУ, ф. П-3, оп. 7, д. 34, л. 165].

Благодаря дальнейшему росту к 1 октября 1934 года, по данным организационно-распределительного подотдела Запсибкрайкома ВКП(б), в крае насчитывалось уже 637 групп сочувствовавших, в которых состояли в общей сложности 3567 человек [ГАНУ, ф. П-3, оп. 9, д. 37, л. 203]. Иными сведениями располагал ЦК ВКП(б), по официальной статистике которого число сочувствующих в Западно-Сибирском крае к тому времени достигло 4828, а в СССР в целом — 157 862 человек [РГАСПИ, ф. 17, оп. 7, д. 235, л. 73]. Сопоставление приведенных цифр показывает, что к осени 1934 года в Западной Сибири находились по разным оценкам от 2,3 до 3,1 % всех сочувствующих в стране.

В декабре 1934 года Западная Сибирь подверглась административно-территориальным преобразованиям. В соответствии с постановлением ЦИК СССР Тарский округ и 13 западных районов Западно-Сибирского края были переданы в состав только что образованной Омской области, а Хакасская автономная область и 11 восточных районов — Красноярскому краю [Административно-территориальное деление ..., 1966, с. 120—121]. В результате к началу 1935 года заметно сократилась не только площадь Западно-Сибирского края, но и численность Западно-Сибирской партийной организации, составившая не более 50 тыс. человек [РГАСПИ, ф. 17, оп. 7, д. 208, л. 300]. Но количество сочувствовавших при этом продолжало расти. Согласно отчету краевой комиссии по чистке Западно-Сибирской партийной организации, к 1 марта 1935 года 5065 человек были переведены в сочувствующие из кандидатов и 685 — из членов ВКП(б) [ГАНУ, ф. П-3, оп. 7, д. 812, л. 173].

После окончания чистки ВКП(б) в Западно-Сибирском крае, как и в других регионах СССР, была развернута кампания проверки и обмена партийных документов, осуществлявшаяся парторганизациями совместно с НКВД. Поводом для срочного проведения проверки стали выявившиеся в ходе чистки 1933—1934 годов расхождения между данными официальной статистики и подлинным составом партийных организаций.

Выдача новых партийных билетов рассматривалась высшим партийным руководством как средство для сверки наличного состава парторганизаций с материалами текущего партийного учета. В качестве дополнительного аргумента для срочного проведения этой кампании стало также то, что в используемых партбилетах место для отметок о выплате членских взносов было отведено только по 1934 год [Об обмене ..., 1934, с. 45].

Техническая на первый взгляд процедура обмена партийных документов на практике быстро переросла в очередную чистку. Уже к 1 июля 1936 года численность Западно-Сибирской партийной организации сократилась до 44 502 человек, а ее доля в составе ВКП(б) — до 2,5 % [Подсчитано по: РГАСПИ, ф. 17, оп. 7, д. 208, л. 294, 300]. В рамках этой проверки и параллельно с ней партийные организации продолжали практиковать перевод членов и кандидатов в члены ВКП(б) в сочувствующие. Причинами этого служили, как правило, азбучная и / или политическая неграмотность, недостаточная дисциплинированность, «отрыв от первичной парторганизации» [ГАНУ, ф. П-3, оп. 10, д. 218, л. 1—5]. Основанием же для применения именно этой меры партвзыскания являлось принятие членом или кандидатом в члены партии обязательства исправить выявленные недостатки. В случае отказа дать такое обещание проверяемому грозил не перевод в сочувствующие, а исключение из ВКП(б).

Одновременно парторганизации продолжали работу по формированию групп сочувствующих за счет приема в них беспартийных. Протоколы заседаний партийных комитетов свидетельствуют, что при обсуждении кандидатур желавших вступить в ряды сочувствующих обязательно обсуждались социальное положение претендента, его профессия и должность, чаще всего — настоящая и прошлая общественно-политическая активность, в отдельных случаях — морально-этические качества и даже политический облик ближайших родственников. Особое внимание при приеме в сочувствующие, как ни странно, уделялось производительности труда.

Такой подход являлся практической реализацией установок, данных первичным партийным организациям вышестоящим руководством. Так, в январе 1936 года секретарь Шипуновского райкома ВКП(б) Е. Шокин писал: «В каждой машинно-тракторной станции есть десятки ударников, трактористов и комбайнеров, показывающих образцы социалистического отношения к труду. Эти люди должны быть выдвинуты в группу сочувствующих» [Советская Сибирь, 1936, 4 января]. В феврале того же года «задача дальнейшего роста групп сочувствующих из среды стахановцев» была поставлена перед парторганизацией Дзержинского района Новосибирска [Советская Сибирь, 1936, 8 февраля].

Такой же курс приняло партийное руководство большинства других районов Западно-Сибирского края, что соответствующим образом сказалось на составе групп сочувствующих. Например, летом 1936 года из 19 человек, являвшихся членами такой группы при Чернореченском цементном заводе Искитимского района, десять (52,6 %) были ударниками и четверо (21,0 %) — стахановцами [ГАНО, ф. П-49, оп. 1, д. 21, л. 49]. При расположенном в том же районе Бердском зерносовхозе среди 17 сочувствующих числились восемь (47,1 %) ударников и пять (29,4 %) стахановцев [Там же, л. 48]. Аналогичное соотношение было зафиксировано в зерносовхозе имени К. Е. Ворошилова: 46,2 % и 23,0 % соответственно [Там же, л. 37]. Большинство сочувствующих являлись рабочими или крестьянами, имели низшее образование и были политически неграмотны.

Благодаря параллельной работе проверочных комиссий и партийных комитетов к 1 июля 1936 года численность сочувствующих ВКП(б) в Западно-Сибирском крае достигла 13 487, а к 1 декабря того же года — 14 388 человек [ГАНО, ф. П-3, оп. 2, д. 759, л. 33]. То есть за девять месяцев, прошедших с октября 1934 года, количество сочувствующих в крае увеличилось как минимум в четыре раза. Столь быстрый рост происходил, с одной стороны, за счет создания новых групп, численность которых на указанные даты составляла 1587 и 1776 соответственно [Там же], с другой стороны — благодаря их заметному укрупнению. Так, если в 1934 году на одну группу сочувствующих приходилось в среднем 5,5 человек, то в 1936 году — от 8,1 до 8,5. В результате уже к середине 1936 года в Западно-Сибирском крае находилось 3,4 % всех сочувствующих в СССР, что позволяет выдвинуть гипотезу о повышении потенциала этого института в указанном регионе.

5. Роль и значение групп сочувствующих ВКП(б) в Западно-Сибирском крае

Основной целью возрождения института сочувствующих ВКП(б) являлось создание вокруг партии надежного резерва для дальнейшего пополнения ее рядов. Этим определялись основные функции групп сочувствующих, члены которых должны были изучить Программу и Устав ВКП(б), проявить себя на общественно-политическом поприще, научиться быстро и точно выполнять директивы правящей партии. Ответственность за решение всех перечисленных задач возлагалась не только и не столько на сами группы, сколько на первичные партийные организации, при которых они были созданы. Работа с сочувствующими должна была способствовать укреплению авторитета ВКП(б) среди населения и в перспективе — восстановлению численности партии после чистки.

Однако на практике местное партийное руководство часто не справлялось с поставленными задачами. 23 сентября 1934 года бюро Запсибкрайкома ВКП(б) констатировало, что первичные партийные организации в Западно-Сибирском крае «не уделяют группам сочувствующих необходимого внимания и не ведут среди них идейно-политической работы» [ГАНО, ф. П-3, оп. 1, д. 583, л. 6]. Чтобы исправить ситуацию, бюро крайкома приняло решение обязать горкомы, райкомы, а также политотделы МТС и совхозов провести тщательный инструктаж всех первичных организаций по работе с сочувствующими так, чтобы обеспечить идейно-политический рост последних и активное выполнение ими решений партии. Особое внимание предлагалось уделить сочувствующим, переведенным из членов или кандидатов в члены ВКП(б). Кроме общих установок, в постановлении бюро крайкома содержались также конкретные рекомендации: «С этой целью необходимо добиться обязательного посещения каждым сочувствующим открытых партийных собраний, выполнения партийных заданий, участия в политкружках и т. д.» [Там же].

Хотя постановление бюро Запсибкрайкома ВКП(б), по всей видимости, было оперативно доведено до нижестоящих партийных организаций, зафиксированные в нем проблемы еще долгое время сохраняли свою актуальность. Предоставляемые местными партийными комитетами справки и отчеты, а также материалы, публикуемые на страницах краевой газеты «Советская Сибирь», свидетельствуют о том, что многие беспартийные после приема в группы сочувствующих по сути оставались предоставлены сами себе. Вполне типичным для большинства районов Западно-Сибирского края стал пример разъездного механика машинно-тракторной станции «Гигант» Леуткина, который на протяжении четырех месяцев после перевода из кандидатов в сочувствующие был почти полностью оторван от партийной жизни: «Никто с ним об его обязанностях как сочувствующего не разговаривал, никаких партийных поручений ему не давал. Не везет ему и в партийной учебе. Партийный кружок после трех занятий распался — нет руководителя» [Советская Сибирь, 1935, 12 января].

Первые успехи в работе с сочувствующими наметились только к концу 1935 года, но даже тогда они фиксировались преимущественно в крупных городах и отдельных районах. Например, секретарь Новосибирского горкома ВКП(б) И. М. Миллер в начале января 1936 года сообщал: «Большинство сочувствующих по первичным парторганизациям закончило изучение устава и программы партии. В некоторых парторганизациях закончена программа по учебнику политграмоты. На основе учебы и дачи отдельных поручений выросла активность сочувствующих, и многие из них показывают образцы работы на производстве. <...> Заслуживает вни-

мания опыт партийцев Власова и Герасимова (мылзавод), которые рекомендовали в сочувствующие т[ов]. Зырянова и <...> теперь помогают ему в учебе и выполнении партийных поручений» [Советская Сибирь, 1936, 3 января].

Весной 1936 года некоторые партийные организации в качестве пособия стали получать «Примерный список бесед для кандидатов и сочувствующих, не учившихся в кружках политграмоты». Предлагаемые темы были посвящены программе и истории коммунистической партии, В. И. Ленину и И. В. Сталину, противопоставлению СССР капиталистическим странам, задачам второй пятилетки [Примерный список ..., 1936]. Перечень при этом носил рекомендательный характер, а право определять тематику, формы и методы идейно-пропагандистской работы оставалось за местными партийными организациями.

Важную работу в этом направлении на протяжении 1936 года вел Шабалинский райком ВКП(б), который ежемесячно собирал сочувствующих на одно- или двухдневные совещания с отрывом от производства. Согласно докладной записке инструктора Ойротского обкома ВКП(б) Коршунова, только за август — ноябрь 1936 года в рамках таких совещаний были проведены беседы как минимум по шести темам: Устав ВКП(б), постановление ЦК о возобновлении приема в партию, инструкция ЦК об учете членов и кандидатов в члены ВКП(б), «путь троцкистско-зиновьевской банды», проект «сталинской конституции», «фашистский мятеж в Испании» [ГА РА, ф. П-1, оп. 1, д. 884, л. 23].

Вместе с тем большинство городских и районных парторганизаций Западно-Сибирского края в 1935 и в 1936 году были вынуждены констатировать, что подготовка сочувствующих к вступлению в ВКП(б) по-прежнему ведется неудовлетворительно. Хуже всего обстояло дело с вовлечением сочувствующих в практическую общественно-политическую работу, о чем регулярно сообщала «Советская Сибирь». Например, 17 марта 1936 года на страницах этой газеты было опубликовано письмо сочувствующего Антипова, работавшего на новосибирском заводе «Труд». Автор писал: «В нашей группе сочувствующих 8 человек. Работают с нами плохо. Группа в 1935 году почти не собиралась. Только на днях мы побеседовали с секретарем парткома тов. Запорощенко. Для нас не создано обстановки, чтобы мы чувствовали ответственность за свое звание. <...> Хотелось бы побыть на партийных собраниях, но с июня 1935 года все партийные собрания у нас на заводе закрытые. Партком нас не информирует ни о своих решениях, ни о решениях райкома» [Советская Сибирь, 1936, 17 марта].

Подтверждением того, что описанный Антиповым случай был далеко не единичным, стало постановление «О работе с группами сочувствующих», 28 декабря 1936 года принятое совещанием секретарей райкомов и горкомов Западно-Сибирского края. В документе утверждалось, что Коченевский, Чулымский и некоторые другие райкомы ВКП(б) «забыли о необходимости проводить наряду с закрытыми также и открытые партийные собрания», тем самым подрывая работу с сочувствующими [ГАНУ, ф. П-3, оп. 2, д. 779, л. 208]. В конечном счете совещание поручило местным партийным организациям «улучшить организационную и воспитательную работу с сочувствующими», «давать им конкретные, умело подобранные поручения по общественно-политической работе, оказывать <...> помощь в выполнении этих поручений, проверять исполнение и повседневно руководить работой каждого сочувствующего» [Там же].

Задачи, поставленные совещанием, в общем и целом совпадали с решениями, принятыми Запсибкрайкомом ВКП(б) еще в сентябре 1934 года, однако контекст, в котором это было сделано, заметно изменился. Еще 29 сентября 1936 года ЦК ВКП(б) направил в подотчетные ему организации циркулярное письмо, в котором рекомендовал уже с 1 ноября возобновить прием в партию новых членов [О возобновлении ..., 1985]. Это обстоятельство заметно актуализировало вопрос об уровне идейно-политической подготовки сочувствующих, поскольку теперь они являлись резервом ВКП(б) уже не в отдаленной, а в ближайшей перспективе. В связи с этим в ряде партийных организаций выявились серьезные проблемы. Например, пленум Барнаульского городского комитета ВКП(б) в середине октября 1936 года признал, что из 535 сочувствующих, состоявших на учете горкома, к вступлению в партию удалось подготовить только 135 человек [Советская Сибирь, 1936, 17 октября].

В августе 1937 года «Советская Сибирь» в очередной раз напоминала своим читателям о том, что сочувствующие являются важнейшим резервом ВКП(б): «Значение групп сочувствующих особо велико сейчас, когда возобновлен прием в партию». Через краевую газету Запсибкрайком ВКП(б) потребовал от партийных работников «умножать связи партии с массами, воспитывать стойкие и проверенные резервы» [Советская Сибирь, 1937, 20 августа].

Несмотря на многочисленные указания высшего и краевого партийного руководства, большинство парторганизаций Западно-Сибирского края не сумело после длительного перерыва быстро наладить работу по приему в ВКП(б). Так, на состоявшемся 20 августа 1937 года пленуме Новосибирского горкома выяснилось, что со времени публикации циркулярного письма ЦК ВКП(б) от 29 сентября 1936 года по 1 июля 1937 года

первичные партийные организации Новосибирска рассмотрели только 55 заявлений, на основе которых приняли кандидатами в члены ВКП(б) 51 человека. При этом резерв партии в Новосибирске оценивался руководством горкома в одну тысячу сочувствующих. В то же время в городе насчитывалось почти 10 тыс. комсомольцев, также рассматривавшихся горкомом как кадровый резерв ВКП(б) [Советская Сибирь, 1937, 22 августа]. Аналогичным образом обстоили дела в других партийных организациях Западно-Сибирского края. Это означало, что как минимум на протяжении полугода после официального возобновления приема в ВКП(б) условия для использования института сочувствующих в качестве партийного резерва практически отсутствовали.

В течение нескольких последующих лет партийные организации различных краев и областей СССР постепенно смогли наладить работу по приему в ВКП(б). Но в административно-территориальном устройстве Западной Сибири к этому времени произошли очередные серьезные изменения. В соответствии с постановлением ЦИК СССР от 28 сентября 1937 года Западно-Сибирский край был разделен на две самостоятельные единицы: Новосибирскую область и Алтайский край. В результате задача подготовки сочувствующих к вступлению в ВКП(б) сначала временно отошла на второй план, а затем стала проблемой двух новых партийных организаций.

Официально итоги эксперимента по возрождению института сочувствующих были подведены на XVIII съезде ВКП(б), состоявшемся в марте 1939 года, то есть спустя почти 1,5 года после ликвидации Западно-Сибирского края. Выступивший с докладом об изменении партийного Устава секретарь ЦК ВКП(б) А. А. Жданов утверждал, что «прием в партию идет в основном помимо групп сочувствующих». В качестве подтверждения своего тезиса А. А. Жданов привел сведения, согласно которым среди всех принятых кандидатами в члены ВКП(б) за два предшествующих съезду года сочувствующие составляли только 21 % [XVIII съезд ..., 1939, с. 541]. Исходя из этого партийный съезд принял единогласное решение о ликвидации института сочувствующих, что было закреплено в принятой им новой редакции Устава ВКП(б).

6. Заключение

Учреждение групп сочувствующих ВКП(б) в 1930-е годы опиралось на позитивный опыт времен гражданской войны. В условиях масштабной чистки ВКП(б) 1933—1934 годов высшее партийное руководство решило прибегнуть к проверенной форме организации беспартийного актива, чтобы снизить негативный эффект проводимой кампании. Группы со-

чувствующих задумывались как один из важнейших источников для последующего восстановления численности ВКП(б) за счет наиболее подготовленных для этого кадров. Партийное руководство разных уровней полагало, что сочувствующим, которые благодаря участию в открытых партийных собраниях установили связи в коммунистической среде, будет легче, чем другим беспартийным, получить необходимые для вступления в ВКП(б) рекомендации. Прохождение сочувствующими школы политграмоты и выполнение ими партийных поручений должны были не только повысить общественно-политическую активность социально близких большевикам слоев населения, но и приучить их к внутрипартийной дисциплине.

Возрождение института сочувствующих ВКП(б) в Западно-Сибирском крае преследовало те же цели, что и по стране в целом, однако на начальном этапе имело свои особенности. Во-первых, местные партийные организации приступили к формированию групп сочувствующих только весной 1934 года, то есть позже, чем в большинстве других регионов СССР, и после того, как существование этого института было официально закреплено Уставом ВКП(б). Во-вторых, изначально группы сочувствующих в Западной Сибири формировались исключительно путем приема в них беспартийных, и лишь после того, как летом 1934 года в крае, наконец, стартовала кампания по чистке ВКП(б), стали комплектоваться в том числе за счет не прошедших проверку членов и кандидатов в члены партии.

К концу 1936 года количество сочувствующих в Западно-Сибирском крае превысило 14 тыс. человек, что втрое уступало численности краевой парторганизации. Особое внимание партийное руководство разных уровней уделяло приему в сочувствующие передовиков производства, то есть людей авторитетных и дисциплинированных. Количественный и качественный состав сочувствующих свидетельствует о том, что воссозданный институт обладал серьезным потенциалом, который, однако, в силу субъективных факторов оказался не реализован. Вопреки ожиданиям высшего руководства местные парторганизации не смогли наладить среди сочувствующих организационную и идеологическую работу. Поэтому даже после нескольких лет членства в группах сочувствующих многие из них по-прежнему характеризовались низким уровнем политической грамотности и зачастую не проявляли должной активности для вступления в ВКП(б). В результате ни в Западно-Сибирском крае, ни в СССР в целом институт сочувствующих не справился с возложенной на него функцией основного кадрового резерва ВКП(б), что привело к его повсеместному упразднению и окончательному отказу высшего партийного руководства от такой формы подготовки будущих коммунистов.

Источники и принятые сокращения

1. *Восьмая конференция РКП(б). Декабрь 1919 г.* — Москва : Партийное издательство, 1934. — 293 с.
2. ГА РА — *Государственный архив Республики Алтай.* — Ф. П-1. Оп. 1. Д. 884. Л. 23.
3. ГАНО — *Государственный архив Новосибирской области.* — Ф. П-2. Оп. 1. Д. 1208. Л. 24—35 ; Ф. П-3. Оп. 1. Д. 583. Л. 6, 140 ; Оп. 2. Д. 759. Л. 33 ; Д. 779. Л. 208 ; Оп. 7. Д. 34. Л. 165 ; Д. 812. Л. 173 ; Оп. 9. Д. 37. Л. 203 ; Оп. 10. Д. 218. Л. 1—5 ; Ф. П-49. Оп. 1. Д. 21. Л. 49.
4. *Каганович Л. М.* Организационные вопросы (партийное и советское строительство). Доклад на XVII съезде ВКП(б) 6 февраля 1934 г. / Л. М. Каганович. — Москва : Партиздат, 1934. — 128 с.
5. *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений / В. И. Ленин. — Москва : Издательство политической литературы, 1969. — Т. 37. — 747 с.
6. *О возобновлении приема новых членов в ВКП(б) // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК.* — 1985. — Т. 6. — С. 369—372.
7. *Об обмене партбилетов образца 1926 г. на новые // Партийное строительство.* — 1934. — № 19. — С. 45.
8. *Постановление ЦК ВКП(б) от 10 декабря 1932 г. // Партийное строительство.* — 1932. — № 23—24. — С. 77.
9. *Правда* (Москва). 1933. 13 января, 29 апреля.
10. *Примерный список бесед для кандидатов и сочувствующих, не учившихся в кружках поллитграмоты.* — Ст. Славянск, 1936. — 3 с.
11. *Программы и уставы КПСС.* — Москва : Политиздат, 1969. — 423 с.
12. РГАСПИ — *Российский государственный архив социально-политической истории.* — Ф. 17. Оп. 7. Д. 150. Л. 263 об. ; Д. 186. Л. 4, 6 ; Д. 208. Л. 294, 300 ; Д. 235. Л. 73.
13. *Советская Сибирь* (Новосибирск). 1935. 12 января ; 1936. 3 января, 4 января, 8 февраля, 17 марта, 17 октября ; 1937. 20 августа, 22 августа.
14. *Ярославский Е. М.* О группах сочувствующих / Е. М. Ярославский // *Большевик.* — 1934. — № 3—4. — С. 113—117.
15. *XVIII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б) (10—21 марта 1939 г.) : stenографический отчет.* — Москва : ОГИЗ, 1939. — 744 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Административно-территориальное деление Сибири* (август 1920 г. — июль 1930 г.), Западной Сибири (июль 1930 г. — сентябрь 1937 г.), Новосибирской области (с сентября 1937 г.) : справочник. — Новосибирск : Западно-Сибирское книжное издательство, 1966. — 220 с.
2. *Бондарь В. А.* Конструирование партии большевиков как инструмента власти в раннесоветском обществе : идеи и их реализация / В. А. Бондарь // *Эпоха социалистической реконструкции : идеи, мифы и программы социальных преобразований : сборник научных трудов / главный редактор Л. Н. Мазур.* — Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2017. — С. 160—167. — ISBN 978-5-7996-2273-2.
3. *Дюверже М.* Политические партии / М. Дюверже ; перевод с французского Л.А. Зиминой ; изд. 4-е. — Москва : Академический проект ; Трикта, 2007. — 544 с.

4. Жарков В. В. Партийные организации в Красной армии в 30-е гг. XX века / В. В. Жарков // Ярославский педагогический вестник. — 2008. — № 2 (55). — С. 109—116.
5. Заикина Ф. Г. О работе большевиков среди сочувствующих партии в первый год Советской власти / Ф. Г. Заикина // Сборник трудов кафедры истории КПСС. — 1968. — № 58. — С. 17—27.
6. История Коммунистической партии Советского Союза : в 6 т. / главный редактор П. Н. Поспелов. — Москва : Политиздат, 1970. — Т. 3 : Коммунистическая партия — организатор победы Великой октябрьской социалистической революции и обороны советской республики, март 1917—1920 г. : Книга 2 : март 1918—1920 г. — 607 с.
7. Китаев М. А. Из истории групп сочувствующих РКП(б) (конец 1917—1919 г.) / М. А. Китаев // Вопросы истории КПСС. — 1974. — № 3. — С. 72—82.
8. Сафронова Ю. А. Институт сочувствующих РКП(б) как лифт социальной мобильности / Ю. А. Сафронова // Материалы 53-й Международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс» : История. — Новосибирск : Новосибирский государственный университет, 2015. — С. 132—133.
9. Ткачев В. И. Формирование механизма партийной власти в советской политической системе. Октябрь 1917—1930-е годы (на материалах Поволжья) : автореферат диссертации ... доктора исторических наук : 07.00.02 / В. И. Ткачев. — Саратов, 2006. — 763 с.

MATERIAL RESOURCES

- An approximate list of conversations for candidates and sympathizers who did not study in political literacy circles.* (1936). St. Slavyansk. 3 p. (In Russ.).
- Kaganovich, L. M. (1934). *Organizational matters (party and Soviet construction). Report at the XVII Congress of the AUCP(b) on February 6, 1934.* Moscow: Partizdat. 128 p. (In Russ.).
- Lenin, V. I. (1969). *Complete works*, 37. Moscow: Publishing House of Political Literature. 747 p. (In Russ.).
- On the resumption of the admission of new members to the AUCP(b). (1985). In: *CPSU in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee*, 6: 369—372. (In Russ.).
- On the exchange of party cards of the sample of 1926 for new ones. (1934). *Party construction*, 19: 45. (In Russ.).
- Pravda*. January 13, April 29. (Moscow). (1933). (In Russ.).
- Programs and statutes of the CPSU*. (1969). Moscow: Politizdat. 423 p. (In Russ.).
- Resolution of the Central Committee of the AUCP(b) of December 10. (1932). *Party construction*, 23—24: 77. (In Russ.).
- Russian State Archive of Socio-Political History*. (In Russ.).
- Soviet Siberia (Novosibirsk)*. 1935. January 12; 1936. January 3, January 4, February 8, March 17, October 17; 1937. August 20, August 22. (In Russ.).
- State Archive of the Altai Republic*. (In Russ.).
- State archive of the Novosibirsk region*. (In Russ.).
- The Eighth Conference of the RCP(b). December 1919.* (1934). Moscow: Party Publishing House. 293 p. (In Russ.).
- Yaroslavsky, E. M. (1934). About groups of sympathizers. *Bolshevik*, 3—4: 113—117. (In Russ.).

XVIII Congress of the All-Union Communist Party (b) (March 10—21, 1939): verbatim report. (1939). Moscow: OGIZ. 744 p. (In Russ.).

REFERENCES

- Administrative-territorial division of Siberia (August 1920 — July 1930), Western Siberia (July 1930 — September 1937), Novosibirsk region (since September 1937): handbook.* (1966). Novosibirsk: West Siberian Book Publishing House. 220 p. (In Russ.).
- Bondar, V. A., Mazur, L. N. (ed.). (2017). Design of the Bolshevik party as a tool of power in early Soviet society: the ideas and their implementation. In: *The Era of socialist reconstruction: ideas, myths and programs of social change: a collection of scientific papers.* Ekaterinburg: Publishing house of the Ural University. 160—167. ISBN 978-5-7996-2273-2. (In Russ.).
- Duverger, M. (2007). *Political parties. ed. 4-E.* Moscow: Academic Project; Triksa. 544 p. (In Russ.).
- Kitayev, M. A. (1974). From the history of groups of sympathizers of the RCP(b) (late 1917—1919). *Questions of the history of the CPSU*, 3: 72—82. (In Russ.).
- Pospelov, P. N. (ed.). (1970). *History of the Communist Party of the Soviet Union: in 6 volumes, 3: The Communist Party — organizer of the victory of the Great October Socialist Revolution and the Defense of the Soviet Republic, March 1917—1920: Book 2.* Moscow: Politizdat. 607 p. (In Russ.).
- Safronova, Yu. A. (2015). Institute of sympathizers of the RCP(b) as an elevator of social mobility. In: *Materials of the 53rd International Scientific Student Conference “Student and scientific and technological progress”: History.* Novosibirsk: Novosibirsk State University. 132—133. (In Russ.).
- Tkachev, V. I. (2006). *Formation of the mechanism of party power in the Soviet political system. October 1917—1930s (based on the materials of the Volga region).* Author’s abstract of Doct. Diss. Saratov. 763 p. (In Russ.).
- Zaikina, F. G. (1968). On the work of the Bolsheviks among sympathizers of the party in the first year of Soviet power. *Proceedings of the Department of History of the CPSU*, 58: 17—27. (In Russ.).
- Zharkov, V. V. (2008). Party organizations in the Red Army in the 30s of the XX century. *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, 2 (55): 109—116. (In Russ.).

Сидорчук И. В. Досуг в бюджетах времени советских горожан (по материалам исследований 1920-х — начала 1930-х годов) / И. В. Сидорчук // Научный диалог. — 2021. — № 10. — С. 462—480. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-10-462-480.

Sidorchuk, I. V. (2021). Leisure in Time Budgets of Soviet Citizens in 1920s — Early 1930s. *Nauchnyi dialog*, 10: 462-480. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-10-462-480. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-10-462-480

Досуг в бюджетах времени советских горожан (по материалам исследований 1920-х — начала 1930-х годов)

Сидорчук Илья Викторович^{1,2}
orcid.org/0000-0001-9760-2443
кандидат исторических наук, доцент
sidorchuk_iv@spbstu.ru

¹ Санкт-Петербургский
политехнический университет
Петра Великого
(Санкт-Петербург, Россия)

² Санкт-Петербургский
государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)

Благодарности:

Работа подготовлена при поддержке
гранта Президента РФ для молодых
ученых — кандидатов наук, проект
МК-1636.2020.6

Leisure in Time Budgets of Soviet Citizens in 1920s — Early 1930s

Ilia V. Sidorchuk^{1,2}
orcid.org/0000-0001-9760-2443
PhD in History, Associate Professor
sidorchuk_iv@spbstu.ru

¹ Peter the Great St. Petersburg
Polytechnic University
(Saint Petersburg, Russia)

² St. Petersburg State University
(Saint Petersburg, Russia)

Acknowledgments:

This article was prepared with the support
of the grant of the President of the Russian
Federation for young scientists-PhD,
project MK-1636.2020.6

© Сидорчук И. В., 2021

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматриваются вопросы исследования бюджетов времени различных категорий советского населения в 1920-х — начале 1930-х гг. Уделяется внимание роли досуга в повседневности советского человека. Представлены результаты сопоставительного анализа материалов по обследованию роли досуга в бюджетах времени рабочих, учащейся молодежи, инженеров, партийных работников. Поднимается вопрос о том, что досуг имеет разную значимость в бюджетах времени мужчин и женщин, а также жителей столиц и провинции. В работе использовались положения и методы исторической антропологии, истории повседневности и досуга, проблемно-хронологический и сравнительно-исторический методы. Выполнен обзор общих и особенных для различных категорий населения черт в трате времени на досуг. Дана оценка степени репрезентативности результатов проводившихся в рассматриваемый период исследований бюджетов времени. Сделан вывод о том, что полагавшееся законодательством время на отдых на практике либо занималось работой, либо тратилось непродуктивно. Было доказано, что основными причинами этого была ненормированность рабочего дня, дополнительная работа и нерациональная организация свободного времени.

Ключевые слова:

история повседневности; история досуга; бюджеты времени; отдых; развлечения; история труда.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The issues of studying the time budgets of various categories of the Soviet population in the 1920s — early 1930s is examined in the article. Special attention is paid to the role of leisure in the everyday life of the Soviet person and the reasons for its insufficient prevalence. The results of a comparative analysis of materials on the study of the role of leisure in the time budgets of workers, students, engineers, party workers are presented. The question is raised about the difference in the place of leisure in the time budgets between men and women, as well as residents of capitals and provinces. The provisions and methods of historical anthropology, the history of everyday life and leisure, problem-chronological and comparative-historical methods are used in the article. A review of the general and specific features for various categories of the population in the time spent on leisure has been carried out. An assessment of the degree of representativeness of the results of the studies of time budgets carried out in the period under consideration is given. It is concluded that the time that the legislation relied on for rest in practice was either engaged in work or wasted unproductively. It was proved that the main reasons for this were the irregularity of the working day, additional work and irrational organization of free time.

Key words:

history of everyday life; leisure history; time budgets; recreation; entertainment; labor history.

Досуг в бюджетах времени советских горожан по материалам исследований 1920-х — начала 1930-х годов

© Сидорчук И. В., 2021

1. Введение

В послереволюционные годы в трудовом законодательстве были закреплены новые нормы, регулировавшие время труда и отдыха. Одним из первых постановлений новой власти стал декрет СНК от 11 ноября (29 октября) 1917 года «О восьмичасовом рабочем дне», законодательно утвердивший многолетнее требование социалистов всего мира и рабочих. Согласно ему рабочее время «не должно превышать 8 рабочих часов в сутки и 48 часов в неделю». Также «не более как через 6 часов от начала работ» устанавливался «свободный перерыв в работе для отдыха и для принятия пищи», который не должен быть короче 1 часа. Допускалась сверхурочная работа, которая должна была оплачиваться в двойном размере [Декрет СНК ..., 1942]. На практике эти нормы, особенно в первые годы, не всегда соблюдались, однако проводилось их последовательное утверждение, что должно было стать реальным символом улучшения жизни трудящихся.

Сокращение рабочего дня и необходимость развития промышленности остро поставили вопрос целесообразного использования времени труда, его рационализации, улучшения и удешевления работы. В связи с этим широкое развитие получили исследования бюджетов времени, ставшие важным и оригинальным достижением молодой советской социологии [Патрушев и др., 2001, с. 115]. Их проведение организовывалось различными структурами, в частности, региональными отделениями профсоюзов, научными институтами, Народным комиссариатом труда, отдельными учеными (педологами, экономистами и пр.). Внимание было обращено на те категории населения, в воспитании и «улучшении» которых власть была заинтересована: учащиеся, рабочие, инженеры, служащие, крестьяне и др. Таким образом, вне фокуса исследований оказывались понимаемые как априори враждебные новому строю группы, например, нэпманы или служители культа. Применялось два основных способа сбора данных: опрос и анкетирование, в ходе которого участвующим раздавались карточки обследования (хронокарты), где были напечатаны основные разделы обычного нормального распорядка трудового дня [Артемов и др., 2008, с. 93—98].

Целью настоящей работы является рассмотрение роли досуга в структуре бюджетов времени на материале исследований 1920-х — начала 1930-

х годов. Сам термин *досуг* тогда практически не использовался, в связи с чем мы предлагаем понимать под ним то, что в исследованиях описывалось как свободное от обязательств время, в которое включались отдых и развлечения. Также к нему можно отнести то, что могло пониматься как «свободный труд» — самообразование, слушание лекций и пр., то есть следствие добровольного выбора человека.

Главная сложность при анализе полученных в результате исследований данных состоит во множестве подходов к отнесению тех или иных практик к труду или досугу. Например, С. Г. Струмилин, автор первого демографо-социологического обследования бюджетов времени, ставшего во многом ориентиром для последующих работ, разделял труд на обязательный (оплачиваемый и неоплачиваемый (домашнее хозяйство, путь на работу, Всеобуч и пр.)) и свободный (самовоспитание и общественная деятельность). К отдыху он относил не только развлечения, «бездеятельный отдых» и нераспределенное время, но и еду [Струмилин, 1924, с. 11], за что некоторые коллеги его критиковали [Бурдянский и др., 1926, с. 8]. Самообразование и общественная работа могли интерпретироваться как «свободный труд» [Председатель правления ..., 1928, с. 19]. Иногда предлагался просто термин *отдых*, без каких-либо уточнений [Труд, отдых, сон ..., 1926, с. 13]. Чтение могло относиться как к трудовой нагрузке, так и к «свободным занятиям» [Бернштейн, 1927, с. 123]. Универсальной идеальной формулой распределения времени при этом провозглашалась формула «8+8+8» («восемь часов для труда, восемь — для сна, восемь — свободных») [Струмилин, 1982а, с. 178]. Именно с опорой на нее делались выводы о переработках, нехватке сна или отдыха.

Внимание к рациональному и продуктивному устройству свободного времени объяснялось несколькими причинами. В первую очередь, его пониманием как часов восстановления, подготовки к труду. Рабочий с трясущимися после праздника руками или работница после ночных танцев просто не могли качественно и продуктивно выполнять свои обязанности. Для занятых умственной деятельностью актуальной была задача «освежить» мозг [Семашко, 1926] и заниматься правильно организованным физическим трудом, чтобы избежать болезней, связанных с малоподвижностью [Ромм и др., 1927, с. 3]. Кроме этого, именно досуговое время власть могла использовать для агитационно-пропагандистской и воспитательной работы, то есть прививания новой системы ценностей и жизненных ориентиров. Праздничные демонстрации, работа заводских клубов, «вылазки» на природу, всевозможные зрелища должны были включать в себя идеологическую составляющую, не только развлекая, но и разъясняя политическую линию партии и задачи пролетарской диктатуры, организуя воспитатель-

но-политический контроль [Барышева, 2020, с. 132, 137]. Власть осуждала бесцельный отдых и поощряла посвящать свое свободное время политическому просвещению, обучению, превращению себя в физически и интеллектуально совершенных личностей [Vronskaya, 2013, p. 15]. Кроме этого, на официальном уровне декларировалось принципиально иное понимание дихотомии «труд — досуг». Если в капиталистических странах рабочее время и время рабочего (свободное время) — две антагонистические части целого, то в социалистических условиях, когда рабочий класс является господствующим классом, они дополняют друг друга и «первое становится основой второго» [Иткинд и др., 1933, с. 23—24].

При всей ценности результатов проведенных опросов и анкетирования многие данные, вероятно, требуют уточнения. В частности, они абсолютно не учитывали неэффективное использование самого рабочего времени: перерывы на перекуры, разговоры, шутки, «волынки», перекусы, прогулы, бездельничанье, опоздания и пр. Ситуация была более чем актуальной — трудовая дисциплина оставляла желать лучшего, а фактическое потраченное непосредственно на труд время могло быть существенно ниже 8 часов [Нежигай, 2012, с. 130; Ульянова, 2014]. Об этом косвенно свидетельствуют правила внутреннего распорядка предприятий, которые включали в себя такие пункты, как запрет игры в карты, ругань, пьянство, «всякое озорство» и даже чтение в рабочее время газет и книг [ЦГА СПб, ф. Р-3299, оп. 1, д. 2174, лл. 53—53 об., 96; ф. Р-1428, оп. 5, д. 27, л. 21—26]. Другим обстоятельством, сказывавшимся на результатах анкетирования, могло быть желание представить себя в лучшем свете, даже несмотря на анонимность опроса. Например, среди молодежи наблюдалось стремление исключить или снизить до минимума время на потребление спиртного, «бузовство» и «всякого рода занятия предосудительного порядка» [Бернштейн, 1927а, с. 12]. Также непросто было убедить опрашиваемых аккуратно и добросовестно в течение длительного времени ежедневно вести записи, так как «в противном случае вся работа может быть сорвана» [ЦГА СПб, ф. 4591, оп. 11, д. 397, л. 5].

2. Досуг в бюджетах времени учащейся молодежи

Среди обследованных категорий населения можно выявить как общие черты, связанные с местом и ролью досуга в их бюджетах времени, так и уникальные. То же можно сказать и о причинах внимания к различным слоям общества. Применительно к учащейся молодежи вопрос организации отдыха остро встал в связи с распространением в середине 1920-х годов нездоровых тенденций — аполитичности, бездеятельности, нервных заболеваний и даже самоубийств [Сидорчук, 2018, с. 10—12; Neumann,

2012]. Отсутствие времени на отдых не давало «возможности студенту глубже прорабатывать материал, необходимый для будущей его работы», подрывало здоровье и сводило «до минимума его культурные потребности и общественные навыки» [Колесникова и др., 1927, с. 102]. Исследования утверждали, что молодые люди страдали от перегрузок, и это было связано не столько со сложностью самих учебных программ, сколько с общим недостаточно высоким уровнем подготовки выходцев из рабочих и крестьянских семей. В связи с этим они были вынуждены много времени тратить на занятия вне аудиторий. Например, студенты Татарского коммунистического университета ежедневно были перегружены работой примерно на 1 час в день [Бурдянский и др., 1926, с. 32].

У студентов старших курсов 2-го Московского государственного университета (созданного путем преобразования Московских высших женских курсов) свободное время составляло от 0,5 до 3,75 ч в день. Определенной его частью были незапланированные перерывы в учебе — «окна» в расписании, неявка преподавателя и т. п., то есть неорганизованный и бесполезный простой [Семенов, 1927, с. 70]. На работу уходило более 9 ч, а на вспомогательный труд — более 3,5 ч [Семенов, 1927, с. 68]. В поисках средств некоторые учащиеся стремились найти какой-либо заработок, на что могла уходить существенная часть свободного от занятий времени. Нагрузка увеличивалась у занятых общественной работой.

Возможности активного отдыха ограничивались отсутствием не только времени, но и финансов, которые у подавляющего большинства студенчества традиционно были весьма скромные. Их нехватка приводила к минимизации культурных развлечений — кино, театра, спорта. Вместо этого приходилось довольствоваться бездеятельным отдыхом в общепитии, разговорами с товарищами и чтением («словом, дни отдыха, по-видимому, оправдывают свою терминологию» [Новиков, 1927, с. 79]). Психолог, сотрудник Научно-педагогического института методов школьной работы Наркомпроса РСФСР М. С. Бернштейн, комментируя полученные в ходе исследования бюджетов московской учащейся молодежи данные, отметил: «Вместо того, чтобы побольше быть на воздухе, совершать прогулки за город, немного отвлечься от своей умственной работы, наши обследуемые ухлопывают и то небольшое свободное время, которое остается у них после трудового дня, на занятия, опять-таки связанные с тем или другим умственным напряжением. Организованного, рационально поставленного же отдыха у них почти совсем нет. Немалая часть их “свободного времени” составляется из случайных отрезков времени, оказавшихся почему-либо ничем не заполненными каким-либо делом [Бернштейн, 1927б, с. 133]. Исследование быта студентов Пермского университета, проведенное уче-

ным-экономистом М. И. Альтшуллером, показало, что 53,89 % времени «растрачиваются преимущественно на потребности, которые могут быть сокращены до минимума при большей материальной обеспеченности студентов», а именно на необходимость стирать, чинить и приводить в порядок одежду, готовить и т. п. [Альтшуллер, 1924, с. 9]. Праздничные дни также не были днями отдыха в полном смысле слова. Во-первых, они использовались для того, чтобы выспаться, а во-вторых, для домашних дел и подготовки к занятиям. Исследователи указывали на чрезвычайно малые затраты времени на физкультуру и спорт, несмотря на всю его поддержку и пропаганду, особенно среди молодежи: «... мы прямо можем сказать, что и здесь дело обстоит совсем неблагоприятно. И в самом деле: на самом низком месте стоят занятия по физкультуре, спорту и развлечениям. Большей частью в среднем на человеко-день приходится всего несколько минут таких занятий, причем большей частью это время уходит на разного рода развлечения в виде посещения кино, театра или даже общественной лекции. Для физкультуры и спорта в непосредственном смысле слова, конечно, времени не хватает» [Бернштейн, 1927б, с. 132; Grant, 2011]. Обращает также на себя внимание отсутствие в исследованиях специального внимания к досуговым практикам, связанным с тем, что можно назвать выстраиванием отношений, в частности, свиданиям, интимным встречам и пр. Пункты анкеты подразумевали растворение этого времени в неорганизованном досуге, демонстрируя тем самым его нежелательность.

3. Досуг в бюджетах времени рабочих

Не менее актуальной задача рациональной организации досуга была и для рабочих. Исследователи обращали внимание на то, что неправильное использование ими гарантированного законодательством времени на отдых напрямую сказывается на работе: «Мероприятия, содействующие повышению производительности труда, также отнюдь не исчерпываются вопросами организации труда в самом производстве, а определяются в известной степени также условиями бытовыми. Если вместо отдыха, восстанавливающего силы после производственной работы, вместо спорта, укрепляющего здоровье, или вместо культурных развлечений и учебы рабочий будет тратить свое свободное время на беготню по магазинам, а женщина-работница сверх основной производственной работы по 5—6 часов ежедневно работать в своем домашнем хозяйстве, — все это конечно не может не отражаться самым отрицательным образом также и на производительности их труда. Мероприятия по улучшению рабочего быта, а также по рациональной организации рабочего отдыха занимают, следовательно, далеко не последнее место в системе мероприятий по повышению произ-

водительности труда» [Михеев, 1932, с. 7]. Как показало обследование, организованное С. Г. Струмилиным в 1922—1923 годах среди 76-ти рабочих семей из Москвы, Петрограда и Иваново-Вознесенска, на свободный труд и на развлечения в будний день работающие мужчины и женщины тратили примерно по одному часу. При этом на бездеятельный отдых мужчины также тратили около часа в день, тогда как работавшие женщины лишь 3 мин. Свободный труд (чтение, кружки, курсы, общественная работа, митинги, манифестации) занимал около 25 ч в месяц на каждого работника, включая домашних хозяек [Струмилин, 1924, с. 23—25]. Из него почти половина (47,2 %) тратилась на чтение книг, а около четверти (24,1 %) — газет [Струмилин, 1924, с. 23—25]. Рабочая молодежь много времени уделяла танцам и прогулкам, тогда как у взрослых мужчин и женщин, работающих на фабрике, активные физические развлечения отнимали в три раза меньше времени, у домохозяек — в 10 раз. Такие виды отдыха, как физкультура, спортивные игры (футбол и городки), охота, занимали 7,6 ч в месяц у мужчин, 7,2 ч у работниц и 2 ч у домохозяек. Из других видов активного отдыха у женщин преобладали музыка и пение. Мужчины отдавали предпочтение «умственным» видам досуга — шахматам и шашкам, в которые женщины, если верить полученным данным, не играли. Примерно 1—2 ч в месяц тратилось на карты и лото. Пассивный отдых состоял в приеме и посещении гостей (9,8 ч в месяц у мужчин, 15,8 ч — у работниц, 7,7 ч — у домохозяек), зрелищ в виде кино и театра (4,5 ч у мужчин, 2,6 ч у работниц, 2,3 ч у домохозяек), посещения храмов (1,5 ч у мужчин, 3,7 ч у работниц и 3,1 ч у домохозяек). Чайные и трактиры были исключительно мужским досугом — 2,1 ч в месяц. Несравнимо больше времени тратилось на бездеятельный отдых и нераспределенное время — 60,2 ч у рабочих, 17,7 ч у работниц, 62,4 ч у домохозяек. Таким образом, пассивный досуг существенно превышал активный, а меньше всего отдыхали работающие женщины, которым приходилось после фабрики или завода тратить много времени на домашний труд. В связи с этим С. Г. Струмилин заявлял: «Досуги эти, увы, пока очень невелики. Но, если из них вытеснить целый ряд весьма сомнительных затрат времени на картежный азарт, пустую болтовню и пересуды с кумушками, на угарный разгул пивных и трактиров, на борьбу с зевотой в атмосфере гугниво-сусального благолепия наших храмов и тому подобные “удовольствия”, то несомненно осталось бы время и для живых споров и бесед в рабочих клубах, и для художественных экскурсий в наши лучшие картинные галереи, и на многое другое» [Струмилин, 1924, с. 36].

Исследования более позднего времени показали отсутствие конструктивных изменений в структуре досуга рабочих. Материалы, собранные

Ленинградским научно-исследовательским институтом коммунального и жилищного хозяйства и строительства в начале 1930-х годов, также демонстрировали существенную разницу в трате времени на домашний труд: у мужчин она составляла 1 ч в день, тогда как у женщин 4 ч. Бездеятельный, то есть неорганизованный отдых все так же занимал более значительное место, чем активный: от 1 ч у работницы до 7 ч у престарелых членов семьи и детей. В свободный день одинокий мужчина тратил на активный отдых 1,76 ч, на бездеятельный — 4,8 ч; семейный с детьми мужчина тратил 1,5 ч на активный, на бездеятельный — 4,56 ч. На самовоспитание одинокие тратили 1,33 ч, семейные — 1,41 ч [Лебедев-Патрейко и др., 1933, с. 67]. Постепенно начавшийся с 1927 года переход на 7-часовой рабочий день привел к тому, что рабочие стали больше времени тратить на учебные занятия в школах и кружках (с 0,45 до 0,71 ч), развлечения (с 1,14 до 1,23 ч), сон и бездеятельный отдых (с 8,16 до 8,33 ч). При этом спорту все еще уделялось недостаточное внимание. Исследователи обратили внимание и на различия в структуре досуга между высококвалифицированными рабочими, которые больше времени тратили на учебу и общественную работу, и менее квалифицированными, предпочитавшими бездеятельный отдых. В частности, выделялись строители, недавно осевшие в городе, у которых «нет еще достаточных навыков заводского рабочего» [Лебедев-Патрейко и др., 1933, с. 62]. Культурные расходы моментально сокращались с уменьшением дохода, а кроме этого, признавалось, что культурная сеть «еще не вполне приспособилась к тем несомненным излишкам времени, которые имеются у значительной части обследованных» [Лебедев-Патрейко и др., 1933, с. 75].

Изучение бюджетов времени рабочих Москвы и Московской области, проведенное Московским областным советом профессиональных союзов в начале 1930 года, было одним из немногих, где использовался термин *досуг* применительно ко времени, которым трудящийся «может располагать свободно» [Михеев, 1932, с. 5]. К нему относились развлечения, спорт, бездеятельный отдых, на который в течение буднего дня рабочий-мужчина тратил 1,85 ч, домашняя хозяйка — 1,26 ч и женщина-работница, вынужденная заниматься домашним трудом, — всего лишь 0,55 ч [Михеев, 1932, с. 24]. В выходные возрастало время, уделяемое активному отдыху и развлечениям, но это не в полной мере относилось к физкультуре: «Следует в то же время здесь отметить, что время, уделяемое другому виду активного отдыха — физкультуре и спорту, хотя и повышается в выходной день, но само по себе остается весьма незначительным, особенно у женщины. Рабочие-мужчины в среднем затрачивали на физкультуру и спорт в рабочий день 0,13 ч, в выходной день 0,62 ч, женщины-работницы соответ-

ственно 0,02 и 0,05 ч, а домохозяйка совершенно не знает этого вида отдыха» [Михеев, 1932, с. 29]. Всего физкультурой и спортом занималось 34,1 % московских рабочих. Наиболее популярными являлись гимнастика и зарядка — 10,6 %, охота и рыбная ловля — 13 %, лыжи и коньки — 5,9 %, футбол, волейбол, баскетбол — 10,6 %, прочие игры в мяч (лапта, теннис и пр.) — 1,2 %, гребной спорт — 8,2 %, городки и прочие физические игры — 11,8 %, катание на велосипеде и верховая езда — 3,3 %. В отличие от начала 1920-х годов резко снизилось время на исполнение религиозных церемоний. Только 2 % мужчин, 10 % зарабатывающих женщин и 13 % домохозяек тратили на это свое время.

В Москве самообразованием в той или иной степени занимались все мужчины-рабочие, 71,2 % работниц и 56,7 % домохозяек. Всего на него у мужчин уходило 64,8 ч в месяц, из которых на чтение газет — 21,4 ч, книг и журналов — 18,5 ч, посещение лекций и докладов — 2,5 ч, экскурсии — 0,8 ч, подготовку к учебным занятиям — 6 ч, посещение школ и курсов — 12,7 ч, технических и художественных кружков — 0,2 ч, школ политграмоты — 2,7 ч. У работающих женщин почти все показатели были ниже: чтение газет — 7,6 ч, книг и журналов — 8 ч, посещение лекций и докладов — 0,6 ч, однако они активней посещали экскурсии (музеи, выставки) — 1,6 ч. Всего у работающих женщин на самообразование в месяц уходило 23,6 ч [Михеев, 1932, с. 49—50].

На развлечения мужчины-рабочие Москвы всего тратили 69,1 ч в месяц, из них на прогулки — 19,4 ч, танцы — 0,1 ч, пение и игру на музыкальных инструментах — 1,2 ч, слушание радио — 16,2 ч, шахматы и шашки — 4,9 ч, игру в карты, лото и пр. игры — 3 ч, прием и посещение товарищей, знакомых и родных — 15,6 ч, посещение кино — 4,8 ч, театров — 1,4 ч, концертов — 1,2 ч, цирков — 0,4 ч, чайных и пивных — 0,3 ч, посещение семейных вечеров и вечеров самодеятельности — 0,6 ч. У работающих женщин всего на развлечение тратилось 27,5 ч в месяц, из которых на прогулки — 9 ч, радио — 3,4 ч, гадание — 0,1 ч (у мужчин трат на него не было зафиксировано), прием и посещение товарищей и родных — 8,8 ч, кино — 2,9 ч, театры — 0,9 ч, концерты — 0,4 ч, цирки — 0,1 ч, семейные вечера и вечера самодеятельности — 0,4 ч, карты, лото и подобные игры — 0,6 ч, шахматы и шашки — 0,2 ч, пение и игру на музыкальных инструментах — 0,6 ч, танцы — 0,1 ч, при этом они не посещали чайные и пивные [Михеев, 1932, с. 56]. С удовлетворением авторы исследования отмечали, что такие «пережитки дореволюционного прошлого», как карты и гадание «мало-помалу изживаются и уступают место в рабочем быту новым культурным формам развлечений — радио, кино, театру и пр. Правда, процесс внедрения в рабочий быт всех этих культур-

ных форм развлечений идет, может быть, недостаточно быстрыми темпами» [Михеев, 1932, с. 58]. Распространению культурного отдыха мешала не только несознательность рабочих, но и его недоступность, особенно для жителей области, где не было ни театров, ни цирка. Если в Москве пивные посещало 10,6 % рабочих, то в области — 29,3 %. В целом цифры потребления алкоголя рабочими, представленные в исследованиях, нам представляются достаточно спорными. Например, в ряде изданий конца 1920-х годов можно встретить данные о том, что доля пьющих промышленных рабочих после отмены сухого закона непрерывно росла, и к концу 1920-х годов около 90 % промышленных рабочих были пьющими [Ларин, 1929, с. 7—8; Ульянова, 2008, с. 85].

Г. Иткинд и Б. Горчаков, проводившие исследование бюджетов времени рабочих в начале 1930-х годов, стремились указать на улучшение их положения, произошедшее в советское время. В частности, на то, что повысились траты свободного времени на учебу, общественную работу и самовоспитание. Немного снизилось время на домашний труд: у работающих женщин с 5 ч до 4,79 ч (хотя у домохозяек оно даже выросло — с 9,94 ч до 9,97 ч), у мужчин — с 1,79 ч до 1,65 ч в день [Иткинд и др., 1933, с. 28—29]. При этом большую трату времени на уборку авторы объясняли увеличением жилищной площади. Траты на отдых и досуг (еда, развлечения, физкультура, спорт и бездеятельный отдых) у мужчин выросли с 4,15 ч до 4,99 ч, у работниц — с 3,07 ч до 3,24 ч, а у домохозяек этот показатель снизился — с 3,61 ч до 3,30 ч. Был зафиксирован рост траты времени на физкультуру у мужчин — с 0,05 ч в 1923 году до 0,19 ч в 1930 году. Несмотря на позитивную тенденцию, он был не таким уж и значительным, что не помешало авторам сделать вывод об «огромных и весьма внушительных» сдвигах [Иткинд и др., 1933, с. 31].

4. Бюджеты времени и досуг служащих

Можно было предположить, что намного больше времени на досуг будут тратить работники умственного труда, тем более что значительная часть служащих работала 6 ч в день. Однако на практике ситуация была иной. Как показало исследование С. Г. Струмилина, проведенное в конце 1923 года, у служащих временные затраты на производственный труд фактически были «много больше» шести часов: у мужчин — 7,68 ч, у женщин — 7,39 ч. Вместе с домашним трудом в будние дни это составляло 10,5 ч, а у женщин — 12—13 ч. В эти цифры не входил свободный труд — чтение и общественная деятельность: в будний день — 2,7 ч у мужчин, 1,46 ч у женщин, 0,54 ч у домохозяек [Струмилин, 1982б, с. 215—217]. Рабочий день служащего был не нормирован, наполнен «канцелярской во-

локитой» и сверхурочной работой или суетливой спешкой: «всякого рода задания свыше, всегда совершенно “секретные” и необыкновенно “срочные”» [Струмилин, 1982б, с. 222].

На развлечения мужчины-служащие в будние тратили 0,65 ч, женщины — 0,61 ч, домохозяйки — 0,96 ч. Бездеятельный отдых занимал соответственно 0,56 ч, 0,31 ч и 0,65 ч. Существенно ниже, чем у рабочих, были религиозные потребности — 0,04 ч, 0,05 ч и 0,1 ч в будние дни. В праздничные дни временные траты на отдых увеличивались. На развлечения тратилось 3,45 ч, 3,27 ч и 2,53 ч, на бездеятельный отдых — 1,28 ч, 1,18 ч и 0,81 ч. Многие были вынуждены в праздничные дни выполнять урочную и сверхурочную работу, то есть даже переработок в будние дни для них было недостаточно. Женщины, как и в рабочих семьях, много времени тратили на домашний труд — 4,88 ч. Соответственно они не могли достаточно заниматься самовоспитанием и общественной деятельностью: у мужчин в выходной этот показатель составлял 3,25 ч, у работающих женщин — 2,08 ч, у домохозяек — 0,73 ч [Струмилин, 1982б, с. 223].

Материалы по бюджетам времени специалистов-мужчин (заведующих отделами и подотделами, экономистов, инженеров, консультантов и пр.), собранные Московским областным отделом союза совторгслужащих в 1930 году, показали, что при 7-часовом рабочем дне в будни на развлечения (посещение зрелищ, игру на музыкальных инструментах) тратилось 37 мин, а в праздники — 1 ч 58 мин. При этом они присутствовали в бюджетах времени только 60,7 % опрошенных. Отдых (в основном чтение) занимал соответственно 1 ч 44 мин и 4 ч 1 мин. При этом ежедневно они вынуждены были тратить на выполнение служебной работы 1 ч 20 мин (на подготовку к докладам, проверку материалов и пр.). В будни 1 ч 17 мин тратилось на литературную и научную работу на дому, в выходные — 2 ч 25 мин [Видревич, 1930, с. 22—23]. Комментируя эти цифры, авторы задавались вопросом: «Где тот 42-часовой непрерывный еженедельный отдых, существования которого мы так долго добивались?» [Видревич, 1930, с. 31]. А ведь от специалиста требовалась «помимо его специальных познаний совершенно четкая политическая установка во всех вопросах нашей экономической политики и хозяйственного строительства, во всех вопросах реализации той суммы мероприятий, которая именуется “генеральной линией партии”». Техническая подготовка должна сочетаться с общественно-политическим кругозором» [Видревич, 1930, с. 4]. Спорт и физкультура также не занимали должного места в бюджетах времени — в среднем им уделяли 4 мин в будние и 26 мин в праздничные дни. Всего же ими занималось только 14,3 % опрошенных [Видревич, 1930, с. 31].

5. Досуг инженерно-технических специалистов и общественников

С началом индустриализации повышенное внимание стало обращать на инженерно-технические кадры, в продуктивности работы которых государство было крайне заинтересовано. Исследование бюджетов их времени, проведенное в начале 1928 года по опросам более 3200 человек, показало «явное неблагополучие»: «... обилие всякой канторской, не производственной работы отнимает у каждого специалиста ежедневно в среднем свыше 3 часов» [Киржнер и др., 1929, с. 42; Киржнер и др., 1928, с. 545—547]. У высшего персонала эта цифра составляла 4 ч 5 мин («канцелярщина заедает»). Подавляющее большинство инженерно-технического персонала прибегало к сверхурочным работам. Такое же распространение имела, и работа в воскресные и праздничные дни, работа на дому. Среди форм досуга наиболее распространенным являлось чтение книг — 80,5 % обследованных, газет и журналов — 95 % [Киржнер и др., 1929, с. 63, 65]. Эти показатели были характерны для всех промышленных районов страны. Высший персонал на отдых и развлечения тратил в среднем 2 ч 28 мин в день, саморазвитие — 1 ч 39 мин, средний персонал — 2 ч 30 мин и 1 ч 58 мин, младший — 2 ч 47 мин и 2 ч 8 мин. Таким образом, высший персонал, несмотря на более высокий доход и комфортные жилищные условия, тратил на досуг меньше времени [Киржнер и др., 1929, с. 43]. Отпуск в натуре (без замены денежной компенсацией) получили в 1927 году 67,5 % всех инжтехработников. При этом их заработок позволял более чем четверти отпускников проводить свой отпуск на курортах Крыма и Кавказа.

Из всех обследовавшихся категорий населения меньше всего возможностей тратить время на досуг было у занимавшихся организаторской и общественной работой. Так, комсомолец-активист взамен полагающегося ему восьмичасового отдыха уделял большую часть такового на трудовые затраты, а воскресенье у всех без исключения являлось лишь обычным, более или менее нормальным, рабочим днем. В раздел «работа» входила работа в учреждениях и вне их, в ячейках, на дому, руководство кружком, участие в заседаниях и собраниях. Из-за этого у них не хватало времени на столь важное и актуальное самовоспитание, в основном ограничивавшееся чтением газет [Труд, отдых, сон ..., 1926, с. 65]. На отдых в целом тратилось примерно 3—4 ч в будний день и около 7 ч в выходной, и это при том, что в данном обследовании в него включали туалет, еду, развлечения, бездеятельный отдых и нераспределенное время, а также болезни [Труд, отдых, сон ..., 1926, с. 13, 81]. Из них на развлечения тратилось в будний день 1—1,5 ч (3 ч 49 мин в выходной). На бездеятельный отдых и нераспределенное время в будни в среднем уходило 35 мин (1 ч 14 мин в выходной). По причине усталости преобладали пассивные развлечения: беседы с то-

вариантами (на дому, в гостях) и зрелища (кино, театр, клуб и т. д.). Плохо обстояли дела с физкультурой: гимнастикой на дому в среднем занималось только 8,8 % опрошенных, посещали спорткружки — 6,4 %, эстетическим развлечениям (пение, музыка) предавалось 7,2 %, умственным (это шашки и шахматы) — 23,2 %. Более распространенными были прогулки — их устраивали для себя 64 % обследованных. Резюмируя изложенное, авторы исследования пришли к следующему выводу: «Комсомолец-активист в первую очередь использует свой отдых на зрелища. На втором месте идут прогулки, на третьем — беседа с товарищами, на четвертом — шашки и шахматы и на последнем — физкультура. Ближайшей задачей для комсомольца-активиста должно являться перенесение физкультуры с последнего места на первое» [Труд, отдых, сон ..., 1926, с. 96].

Обследование бюджетов времени председателей правлений московских клубов, проведенное культурно-просветительным отделом Московского губернского совета в 1928 году, показало, что их производственный труд достигает в среднем 11 ч 21 мин, включая праздничные дни. Такая перегрузка приводила к понижению продуктивности работы, а ведь председатели правления клубов — «это созданный революцией кадровый состав для организации культурно-просветительной работы среди членов профсоюзов» [Председатель правления ..., 1928, с. 9—10]. Много времени уходило на финансово-хозяйственную работу, заседания, поездки и ожидания — то есть то, что было следствием нерациональной организации и постановки работы. На чтение руководящих материалов и литературы по культработе тратилось лишь по 5 мин ежедневно. На прогулки / физкультуру в среднем в день — всего 7 мин, а на развлечения и бездельный отдых — 43 мин. На свободный труд (самообразование и общественную работу) — 1 ч 44 мин [Председатель правления ..., 1928, с. 19]. В итоге получалось, что после напряжений и нервной работы председатель отдыхал всего лишь 2 ч, естественно, не восстанавливал затраченной им трудовой энергии и быстро «изнашивался» [Председатель правления ..., 1928, с. 43].

Весьма примечательно, что у всех категорий обследованных повышение временных затрат на работу происходило за счет часов отдыха, а не сна. Средняя продолжительность последнего у различных категорий городского населения была около 7,5 ч, то есть не критично ниже установленных в качестве желательных для здоровья 8 ч. Показательно при этом, что если исследователи 1920-х годов интерпретировали эту цифру как свидетельство хронического недосыпа, то в начале 1930-х годов они могли быть не столь категоричны. Например, Г. Иткинд и Б. Горчаков, желая продемонстрировать качественное улучшение положения рабочего,

сделали вывод, что это вовсе не недосып, а «вполне соответствует физиологической норме сна». Более того, его снижение у мужчин связано с ростом культурных запросов, что и приводило к желанию на нем экономить [Иткинд и др., 1933, с. 31].

6. Заключение

В результате общим для всех исследуемых категорий населения оказывалось то, что желательный здоровый режим не соблюдался, и время, отведенное на отдых, либо занималось работой, либо тратилось непродуктивно. Основными причинами этого была ненормированность рабочего дня, дополнительная работа (общественная, домашняя), нерациональная организация свободного времени. За рассматриваемый период ситуация незначительно изменилась в лучшую сторону. Также не удалось преодолеть пропасть в разнице трат на домашний труд между представителями различных полов: в то время как мужчина после работы отдыхал, работница была вынуждена заниматься домашним хозяйством, что резко ограничивало возможности ее самообразования и общественной деятельности. Структура и форма досуга домохозяек также принципиально не поменялась. Отсутствие качественного досуга вело к «изнашиванию» кадров, особенно заметное среди активистов, занятых общественной работой. Это не могло не тревожить власти, ведь от их труда зависела реализация партийной политики. Не менее важной представлялась проблема тотального невнимания к физкультуре и спорту, понимавшихся как лучшее средство восстановления не только физических, но и душевных сил. Усталость на работе, отсутствие финансовых возможностей или досуговых пространств вели к превалированию пассивного отдыха над активным: бездеятельный отдых, разговоры с друзьями и соседями, кино, чтение. Особенно это негативно сказывалось на учащих и работниках умственного труда, которым требовался подвижный отдых. Исходя из результатов исследований, можно сделать вывод о нераспространенности девиантных практик. Предположим, что это может объясняться как возможным умышленным искажением информации анкетирруемыми, так и тем, что несознательные элементы (пьяницы, хулиганы, прогульщики и пр.) вряд ли бы стали терпеливо заполнять хронокарты в течение нескольких недель, поэтому их просто не было среди обследуемых. При развитии досуговой инфраструктуры, росте доходов и уровня образования временные траты на «разумный» досуг увеличивались, что видно по инженерно-техническим специалистам. Также больше возможностей было у жителей крупных городов: их досуг был насыщенней благодаря широкому спектру развлечений.

Источники и принятые сокращения

1. *Альтшуллер М. И.* Бюджет времени пролетарского студента Пермского университета / М. И. Альтшуллер. — Пермь : Пермполиграф, 1924. — 36 с.
2. *Бернштейн М.* Зачем и как мы изучаем бюджет времени молодняка? / М. Бернштейн // Бюджеты времени нашего молодняка. — Москва ; Ленинград : Государственное издательство, 1927а. — С. 4—30.
3. *Бернштейн М.* О чем говорят наши цифры / М. Бернштейн // Бюджеты времени нашего молодняка. — Москва ; Ленинград : Государственное издательство, 1927б. — С. 111—136.
4. *Бурдянский И. М.* Рабочая нагрузка студента Татарского коммунистического университета / М. И. Бурдянский, М. А. Юровская. — Казань : [б. и.], 1926. — 77 с.
5. *Видревич Я. В.* Бюджет времени и заработная плата специалистов. Статистико-экономические очерки / Я. В. Видревич — Москва : Гострудиздат, 1930. — 116 с.
6. *Декрет СНК от 11 ноября (29 октября) 1917 года «О восьмичасовом рабочем дне»* // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917—1918 гг. — Москва : Управление делами Совнаркома СССР, 1942. — С. 10—13.
7. *Иткинд Г.* Бюджет времени рабочего в СССР / Г. Иткинд, Б. Горчаков // Вопросы профдвижения. — 1933. — № 7. — С. 23—31.
8. *Киржнер Д.* Рабочее время горняцкого инжтехперсонала / Д. Киржнер, Б. Турубинер // Инженерный труд. — 1928. — № 12. — С. 545—547.
9. *Киржнер Д.* Труд и быт инженерно-технического персонала в горной промышленности / Д. Киржнер, Б. Турубинер. — Москва : Издание ЦК Союза горнорабочих СССР, 1929. — 93 с.
10. *Колесникова А.* Бюджет времени студентов педагогического техникума имени Профинтерна (Опыт длительного учета) / А. Колесникова, Т. Первова // Бюджеты времени нашего молодняка. — Москва ; Ленинград : Государственное издательство, 1927. — С. 86—102.
11. *Ларин Ю.* Алкоголизм промышленных рабочих, и борьба с ним / Ю. Ларин. — Москва : Общество борьбы с алкоголизмом, 1929. — 47 с.
12. *Лебедев-Патрейко В.* Бюджет времени рабочей семьи. (По материалам ленинградского обследования) / В. Лебедев-Патрейко, Г. Рабинович, Д. Родин. — Ленинград : ЛНИИКХ, 1933. — 156 с.
13. *Михеев В.* Бюджет времени рабочих и служащих Москвы и Московской области / В. Михеев. — Москва ; Ленинград : Экономгиз, 1932. — 102 с.
14. *Новиков В.* Бюджет времени слушателей педтехникума имени товарища Троцкого / В. Новиков // Бюджеты времени нашего молодняка. — Москва ; Ленинград : Государственное издательство, 1927. — С. 73—85.
15. *Председатель правления клуба (На основе изучения бюджета времени)* / предисловие : С. Дулин. — Москва : Труд и книга, 1928. — 60 с.
16. *Ромм М. Д.* Баскетбол / М. Д. Ромм, С. В. Сысоев. — Москва ; Ленинград : Центральная типография Наркомвоенмора, 1927. — 112 с.
17. *Семашко Н. А.* Ленин и физкультура / Н. А. Семашко // Смена. — 1926. — № 2. — С. 14.
18. *Семенов М.* Бюджет времени московского педфаковца / М. Семенов // Бюджеты времени нашего молодняка. — Москва ; Ленинград : Государственное издательство, 1927. — С. 57—72.

19. Струмилин С. Бюджет времени русского рабочего и крестьянина в 1922—1923 году. Статистико-экономические очерки / С. Струмилин. — Москва ; Ленинград : Вопросы труда, 1924. — 155 с.
20. Струмилин С. Г. Бюджет времени русского рабочего в 1922 г. / С. Г. Струмилин // Проблемы экономики труда. — Москва : Наука, 1982а. — С. 178—189.
21. Струмилин С. Г. Бюджет времени служащих / С. Г. Струмилин // Проблемы экономики труда. — Москва : Наука, 1982б. — С. 215—229.
22. Труд, отдых, сон комсомольца-активиста (По материалам выборочного обследования бюджетов времени активных работников РЛКСМ) / составитель М. Масунин. — Москва ; Ленинград : Молодая гвардия, 1926. — 111 с.
23. ЦГА СПб — Центральный государственный архив Санкт-Петербурга. Ф. Р-3299. Оп. 1. Д. 2174. Л. 53—55 об., 96 ; Ф. Р-1428. Оп. 5. Д. 27. Л. 21—26 ; Ф. Р-4591. Оп. 11. Д. 397. Л. 5.

ЛИТЕРАТУРА

1. Артемов В. А. Эмпирические исследования затрат времени в СССР (1920—1930-е гг.) / В. А. Артемов, О. В. Новохацкая // Социологические исследования. — 2008. — № 4 (228). — С. 92—104.
2. Барышева Е. В. «В веселом грохоте, в огнях и звонах» : советский праздник в социальном конструировании нового общества / Е. В. Барышева. — Москва : РГГУ, 2020. — 192 с. — ISBN 978-5-7281-2587-7.
3. Нежигай Э. Н. Бюджет времени кубанских горожан в 20-е годы XX века / Э. Н. Нежигай // Экономика. Право. Печать. Вестник Кубанского социально-экономического института. — 2012. — № 3—4 (55—56). — С. 129—136.
4. Патрушев В. Д. Изучение бюджетов времени в России XX в. / В. Д. Патрушев, В. А. Артемов, О. В. Новохацкая // Социологические исследования. — 2001. — № 6. — С. 112—120.
5. Сидорчук И. В. Борьба за «новую» мораль в Ленинградском политехническом институте в 1920-х годах / И. В. Сидорчук // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. — 2018. — Т. 9. — № 3. — С. 7—15. — DOI: 10.18721/JHSS.9301.
6. Ульянова С. Б. Потребление алкоголя рабочими промышленных предприятий в 1920-е гг. / С. Б. Ульянова // История в подробностях. — 2014. — № 4 (46). — С. 82—87.
7. Ульянова С. Б. «То на скаку, то на боку» : Массовые хозяйственно-политические кампании в петроградской / ленинградской промышленности в 1921—1928 гг. / С. Б. Ульянова. — Санкт-Петербург : Издательство Политехнического университета, 2006. — 530 с. — ISBN 5-7422-1380-8.
8. Grant S. The Politics and Organization of Physical Culture in the USSR during the 1920s / S. Gran // The Slavonic and East European Review. — 2011. — № 89 (3). — Pp. 494—515. — DOI: 10.5699/slaveasteurev2.89.3.0494.
9. Neumann M. “Youth, it’s your turn!” : generations and the fate of the Russian Revolution (1917—1932) / M. Neumann // Journal of Social History. — 2012. — № 46 (2). — Pp. 273—304. — DOI: 10.1093/jsh/shs098.
10. Vronskaya A. From Socialist Culture to Capitalist Leisure / A. Vronskaya // Historic Gardens Review. — 2013. — № 28. — Pp. 15—19.

MATERIAL RESOURCES

- Altshuller, M. I. (1924). *Budget time of the proletarian student of Perm University*. Perm: School "Permpoligraf". 36 p. (In Russ.).
- Bernstein, M. (1927a). Why and how do we study the time budget of young? In: *Budget and time young*. Moscow; Leningrad: Imperious Publishing House. 4—30. (In Russ.).
- Bernstein, M. (1927b). About how to use numbers. In: *Budget and time young*. Moscow; Leningrad: Imperious Publishing House. 111—136. (In Russ.).
- Burdansky, I. M., Yurovskaya, M. A. (1926). *Workload studio of the Tatar Communist University*. Kazan: [b. i.]. 77 P. (In Russ.).
- Central Flagship Archive of St. Mary. F. R-3299. Op. 1. d. 2174. L. 53—55 vol., 96; F. R-1428. Op. 5. D. 27. L. 21—26; F. R-4591. Op. 11. D. 397. L. 5.* (In Russ.).
- Itkind, G., Gorchakov, B. (1933). Budget time worker in the USSR. *Questions of professional movement*, 7: 23—31. (In Russ.).
- Kirzhner, D., Turubiner, B. (1928). Working hours of the Goretsky engineering staff. *Engineering work*, 12: 545—547. (In Russ.).
- Kirzhner, D., Turubiner, B. (1929). *Labor and fast engineering and technical teams in the mining industry*. Moscow: Exile of the Central Committee of Miners of the USSR. 93 p. (In Russ.).
- Kolesnikova, A., Peretova, T. (1927). Budget time of the studios of the pedagogical college named after the profile (decimal site). In: *Budget and time young*. Moscow; Leningrad: Imperious Publishing House. 86—102. (In Russ.).
- Labor, individual, Ron Komsomolets-activist (according to the mothers of the elective survey of the budgets of the time of active work of VLADKM).* (1926). Moscow; Leningrad: Youth Guard. 111 p. (In Russ.).
- Larin, Yu. (1929). *Industrial Alcoholism, and the board with it*. Moscow: Society for the Fight against Alcoholism. 47 p. (In Russ.).
- Lebedev-Patreiko, V., Rabinovich, G., Rodin, D. (1933). *Budget time of the labor force. (Based on the materials of the Leningrad survey)*. Leningrad: LNICH. 156 p. (In Russ.).
- Mikheev, V. (1932). *Time budget of workers and employees of Moscow and the Moscow region*. Moscow; Leningrad: Economy. 102 p. (In Russ.).
- Novikov, V. (1927). The time budget of the students of the pedagogical college named after Comrade Trotsky. In: *Budget and time young*. Moscow; Leningrad: imperious publishing House. 73—85. (In Russ.).
- Preliminary effect of the club (based on the study of documentation).* (1928). Moscow: Publishing House MGSPS "Work and book". 60 p. (In Russ.).
- Romm, M. D., Sysoev, S. C. (1927). *Basketball. 2nd ed.* Moscow; Leningrad: Centralized printing house of People's Commissariat for Military and Naval Affairs of the USSR. 112 p. (In Russ.).
- Semashko, N. A. (1926). Bolshevik and physical culture. *Shifts*, 2: S. 14. (In Russ.).
- Semenov, M. (1927). Budget time of the Moscow student of the pedagogical faculty. In: *Budget and time young*. Moscow; Leningrad: Imperious Publishing House. 57—72. (In Russ.).
- SNIK Decree of November 11 (October 29), 1917 "On an eight-hour working day". (1942). In: *Meeting of configurations and configurations for 1917—1918*. Moscow: Department of Affairs of the USSR Council of People's Commissars. 10—13. (In Russ.).

- Strumilin, S. (1924). *The budget of the time of the Russian worker and peasant in 1922—1923. Statistics-economy essays*. Moscow; Leningrad: interrogations of labor. 155 p. (In Russ.).
- Strumilin, S. G. (1982a). Budget time of the Russian worker in 1922. In: *Problems of economical stocks of the court*. Moscow: Nauka. 178—189. (In Russ.).
- Strumilin, S. G. (1982b). Budget service time. In: *Problems of economical stocks of the court*. Moscow: Nauka. 215—229. (In Russ.).
- Well-known, Ya. C. (1930). *Budget, time and salary special. Statistics-economy essays*. Moscow: Gostudizizm. 116 p. (In Russ.).

REFERENCES

- Artemov, V. A., Novokhatskaya, O. V. (2008). Empirical studies of time expenditure in the USSR (1920—1930s). *Sociological research*, 4 (228): 92—104. (In Russ.).
- Barysheva, E. V. (2020). “In a cheerful roar, in lights and bells”: a Soviet holiday in the social construction of a new society. Moscow: RSUH. 192 p. ISBN 978-5-7281-2587-7. (In Russ.).
- Grant, S. (2011). The Politics and Organization of Physical Culture in the USSR during the 1920s. *The Slavonic and East European Review*, 89 (3): 494—515. DOI: 10.5699/slaveasteurev.2.89.3.0494.
- Neumann, M. (2012). “Youth, it’s your turn!”: generations and the fate of the Russian Revolution (1917—1932). *Journal of Social History*, 46 (2): 273—304. DOI: 10.1093/jsh/shs098.
- Nezhigai, E. N. (2012). The time budget of the Kuban citizens in the 20s of the XX century. *Economy. Right. Print. Bulletin of the Kuban Socio-Economic Institute*, 3—4 (55—56): 129—136. (In Russ.).
- Patrushev, V. D., Artemov, V. A., Novokhatskaya, O. V. (2001). The study of time budgets in Russia of the XX century. *Sociological research*, 6: 112—120. (In Russ.).
- Sidorchuk, I. V. (2018). The struggle for a “new” morality at the Leningrad Polytechnic Institute in the 1920s. *Scientific and Technical Bulletin of the St. Petersburg State Polytechnic University. Humanities and social sciences*, 9 (3): 7—15. DOI: 10.18721/JHSS.9301. (In Russ.).
- Ulyanova, S. B. (2006). “Then on the gallop, then on the side”: Mass economic and political campaigns in the Petrograd / Leningrad industry in 1921—1928. St. Petersburg: Polytechnic University Publishing House. 530 p. ISBN 5-7422-1380-8. (In Russ.).
- Ulyanova, S. B. (2014). Alcohol consumption by workers of industrial enterprises in the 1920s. *The story in detail*, 4 (46): 82—87. (In Russ.).
- Vronskeya, A. (2013). From Socialist Culture to Capitalist Leisure. *Historic Gardens Review*, 28: 15—19.

Столетова А. С. Ментальность и стереотипы общественного поведения в условиях обыденности 1950—1980-х годов (документальные свидетельства эволюции) / А. С. Столетова // Научный диалог. — 2021. — № 10. — С. 481—498. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-10-481-498.

Stoletova, A. S. (2021). Mentality and Stereotypes of Social Behavior in Everyday Life of 1950—1980s (Documentary Evidence of Evolution). *Nauchnyi dialog*, 10: 481-498. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-10-481-498. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-10-481-498

Ментальность и стереотипы общественного поведения в условиях обыденности 1950—1980-х годов (документальные свидетельства эволюции)

Столетова Анна Сергеевна
orcid.org/0000-0002-2167-072X
ResearcherID P-1507-2017
кандидат исторических наук, доцент
кафедры отечественной истории
Института социальных и
гуманитарных наук
Stoletowa-A-S@yandex.ru

Вологодский
государственный университет
(Вологда, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено
при финансовой поддержке РНФ,
проект № 19-18-00269
«Трансформация российского общества
1950—1990-х гг.: классовый генезис и
эволюция экономического устройства»

Mentality and Stereotypes of Social Behavior in Everyday Life of 1950—1980s (Documentary Evidence of Evolution)

Anna S. Stoletova
orcid.org/0000-0002-2167-072X
ResearcherID P-1507-2017
PhD in History, Associate Professor,
Department of National History,
Institute of Social and
Humanitarian Sciences
Stoletowa-A-S@yandex.ru

Vologda State University
(Vologda, Russia)

Acknowledgments:
The reported study was funded by Russian
Science Foundation,
project number 19-18-00269
“Transformation of Russian society
in the 1950–1990s: class genesis and
evolution of the economic structure”

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

На основе впервые вводимых в научный оборот архивных источников, извлеченных из фонда Российского государственного архива новейшей истории, освещается вопрос общественного восприятия социально-материальных условий жизни 1950—1980-х годов. В тексте поднимается проблема утверждения новых социальных архетипов, формирование которых становится возможным в условиях утверждения новоприобретенных ценностных основ экономического поведения, приемлемости неформальной хозяйственной практики, а также деятельности, направленной на укрепление материального достатка. Комментируются обстоятельства метаморфоз в мировоззренческих установках и стереотипах мышления представителей партийной номенклатуры, руководителей производств, управленцев, рабочих и сельских тружеников. Уделяется внимание вопросу традиций коммуналности, коллективизма, советской трудовой идеологии. Охарактеризована реакция власти на перемены в мироустановлении, выражающиеся в трансформации идеологических конструктов и патерналистских менталитетообразующих констант сознания русского народа. Автор приходит к выводу, что на протяжении 1950—1980-х годов изменения в повседневных общественных представлениях и традициях, ментальности, мышлении свидетельствовали о нарастании социального размежевания, что в конечном итоге стало основой кризиса 1990-х годов.

Ключевые слова:

общественное сознание; менталитет; мировоззрение; повседневность; быт; труд; социальная жизнь; экономические факторы.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

On the basis of archival sources brought into scientific circulation for the first time, extracted from the fund of the Russian State Archive of Contemporary History, the issue of public perception of the social and material conditions of life in the 1950—1980s is highlighted in the article. The problem of establishing new social archetypes, the formation of which becomes possible in the context of the approval of the newly acquired value foundations of economic behavior, the acceptability of informal economic practices, as well as activities aimed at strengthening material wealth is raised. The circumstances of the metamorphosis in the ideological attitudes and stereotypes of thinking of representatives of the party nomenclature, production managers, top managers, workers and rural workers are commented on. Attention is paid to the issue of traditions of communality, collectivism, Soviet labor ideology. The author describes the reaction of the authorities to changes in the world order, which are expressed in the transformation of ideological constructs and paternalistic mentality-forming constants of the consciousness of the Russian people. The author comes to the conclusion that during the 1950—1980s, changes in everyday social ideas and traditions, mentality, thinking testified to the growing social division, which ultimately became the basis of the crisis of the 1990s.

Key words:

public consciousness; mentality; worldview; lifestyle; everyday life; work; social life; economic forces.

Ментальность и стереотипы общественного поведения в условиях обыденности 1950—1980-х годов (документальные свидетельства эволюции)

© Столетова А. С., 2021

1. Постановка проблемы изучения ментальности российского общества

Ценностные ориентации, образ мышления, коллективистские установки, мировоззренческие основы культурных традиций, повседневные бытовые представления, трудовая идеология как важнейшие составляющие элементы русской ментальности на протяжении 1950—1980-х годов претерпевали серьезные трансформационные процессы. Экономическая часть социальной системы (воспроизводственный и распределительный процессы, рыночные механизмы, материальные потребности) оказывала прямое влияние на формирование особенностей традиционалистских черт сознания населения России. Нет оснований отрицать тот факт, что истоки обыденных практик советских граждан так или иначе связаны с крестьянской ментальностью. Групповое сознание, поведение в коллективе, общественный выбор под воздействием политических факторов, рыночных механизмов и экономических реалий, безусловно, испытывали видоизменения. Однако крестьянское мировидение все же выступало системообразующим фактором [Бабашкин, 1996]. Социальная память и сельское мировосприятие — явления, знакомые даже современному старшему поколению постсоветской России. Ментальное народное наследие так или иначе во многом определяло мировоззренческие формы, проявляющиеся в виде ощущений, пристрастий, в том числе неосознаваемых принципов устройства общества, отношения к власти, земле, собственности. В данной связи нельзя не упомянуть, что проблема сопоставления категории собственности и других составляющих системы ценностей в менталитете крестьянства была поставлена в науке О. Ю. Яхшияном [Яхшиян, 1996].

Итак, важнейшие будничные каноны, устои и воззрения советских граждан, их понятия о бытии сосредоточены и берут свое начало в деревенских образах и складе ума. В данном контексте представляется целесообразным рассуждение об устоявшихся идеологемах, царивших некогда в корпорации людей, и их эволюции на протяжении интересующего нас периода. Как писали Л. В. Данилова, В. П. Данилов, в традиционной

общинной ментальности заключены непреходящие ценности, характеризующие сущностную природу социальности: коллективизм, демократизм, взаимопомощь, социальная справедливость, равенство [Данилова и др., 1996]. В контексте явлений культурной, социально-экономической динамики советского общества, обновления религиозной стороны жизни, обозначившихся в первой половине 1950-х годов и продолжавшихся в течение второй половины XX века, крестьянский менталитет испытывал разного рода трансформации и деформации в индустриальную сторону. Этому способствовал процесс орабочивания крестьянства. Перечень базовых стереотипов, стандарты поведения испытывали некий слом, капитализировались. Так, общинные связи и интересы на протяжении длительного периода времени испытывали распад (в частности, об этом рассуждали писатели: В. Ф. Тендряков в очерке «Падение Ивана Чупрова» [Столетова, 2020в], В. Г. Распутин в повести «Пожар» [Столетова, 2019а], С. Т. Алексеев в романе «Рой» и др.). Постепенно утверждалась психология абсолютизации личностных интересов. Нет необходимости опровергать факт о том, что *групповое, коллективное, общинное сознание* принадлежит пройденным стадиям общественного развития. Историческая ограниченность данного явления бесспорна. Не менее очевидно изменение соотношения позиций личности и коллектива ввиду дальнейшего и глубокого социально-экономического расслоения, размежевания, укрепления частного начала (истоками которого являлось мелкокрестьянское производство) в новых рыночных реалиях второй половины XX века, а также дискредитация понятия о взаимопомощи (товарно-денежные, рыночные отношения вытеснили общинную взаимопомощь). Одновременно изменялось соотношение и содержание таких категорий, как «деньги», «товар», «труд», «собственность». Сословное самосознание и отождествление себя с особой принадлежностью «мы — крестьяне», «мы — рабочие», описанное С. Г. Кордонским [Кордонский, 2008, с. 56], теснили новые жизненные стереотипы и моральные нормы. На смену коллективизму как мировоззренческой основе российского этноса пришел *индивидуализм*.

Что касается теоретического наследия, то нельзя не отметить, что аспекты формирования российской экономической ментальности и ее влияние на экономическое поведение граждан в современной России проследила Е. С. Балабанова [Балабанова, 2001]. Вопрос о взаимосвязи экономической ментальности и неформальной экономики поставила С. Ю. Барсукова [Барсукова, 2001].

В настоящем исследовании мы попытаемся сконцентрироваться на «менталеобразующих» факторах и свойствах общественного сознания, трансформационных особенностях мировоззрения, постепенно дистанци-

рующих мировидение советских граждан от социалистических эталонов. Безусловно, государственное политическое устройство и экономические модернизации утвердили плюрализм ментальностей и многообразие культурно-ментальных систем. Осознавая эти аспекты на основе источникового материала, в том числе регионального, все же предпримем усилия для обозначения важных, каркасных, однотипных черт мировосприятия обывателей, относящихся к категориям сельскохозяйственного и производственного социума, а также руководящей ими элиты и управленцев. При этом в рамках данной статьи мы не ставим задачу отслеживания четкой социальной стратификации рассматриваемого сообщества, что является предметом дальнейших изысканий.

2. Утверждение новых социальных архетипов и моделей восприятия, мышления, действия

2.1. Стратегия к обособленности: статус категории руководящих работников

Представители руководящего звена в деревенском сообществе и номенклатуры в городе являлись носителями особых идеологических, социально-психологических и ментальных установок. Социально-экономический статус и место в управленческой системе слоя высших управленцев свидетельствовали о буржуазных тенденциях и их включении в процесс накопления капитала. Функция собственника данной категории лиц стояла на первом месте, тогда как управление носило второстепенный характер. Материальное положение имело в основном легитимное происхождение, однако представителями других классов обнаруживались в их поведении негативные для общественного движения стороны [Безнин и др., 2019, с. 180—181, 188]. В данном случае специфика публичного отношения к институту жилой собственности и жилищно-бытовым вопросам выражалась в критике стремления к обогащению. Отметим, что крестьянские представления об имущественном и социальном расслоении, понятиях «богатство» и «сытость», о нравственных качествах лиц, владеющих достатком, несомненно, накладывали отпечаток на суждения советских обывателей, связанные с видением жизненных ориентиров и устремлений. Происхождение и рост благосостояния, как и ранее, ассоциировались не с трудовой деятельностью, а с несправедливыми, не соответствовавшими христианской морали делами и прямым обманом [Слепнев, 1996, с. 222]. Отсутствие бедности и богатства выступало одним из идеалов социальной справедливости. Отметим, что дифференцированный подход к базовым составляющим материального благополучия граждан во второй половине XX века — заработной плате и жилплощади, а

также сопряженной с ними индивидуализации жизни вызывали неудовлетворенность, раздражение и гневные отклики. Так, в письме за 1963 год от жителя Ленинграда П. М. Пашкова к Н. С. Хрущеву докладывается о председателе Ленгорсовета, поощрявшем строительство индивидуальных «хлебов-гаражей» для автомашин, владельцы которых именовались капиталохранителями и единоличниками [Столетова, 2020б, с. 414; РГАНИ, ф. 100, оп. 5, д. 1, л. 15—15 об.]. В письмах в ЦК КПСС за 1964 год из Ростова и Белгорода ставится вопрос о глубокой дифференциации общества и назревающим на этой почве конфликте между рабочими и руководителями. Авторы документов повествуют об усечении социального братства, установлении общественного неравенства. Обращаясь к представителям государственно-партийного аппарата, они пишут: «Вы живете в шикарных квартирах, получаете огромные оклады, и ваши жены не стоят в тысячных очередях за перловкой» [РГАНИ, ф. 100, оп. 5, д. 1, л. 57]. «Я как честный советский человек, больше не могу терпеть и решил написать о Ваших не честных, несправедливых делах. Вы обижаете советских рабочих. Вы довели до того, что мужчина не в состоянии прокормить самую малую семью из 3-х человек. Рабочие получают 70—100 руб. Вы подсчитали, чтобы хватало на хлеб да на воду, да кое-как одеться, а все остальное забираете, получается что-то вроде продразверстки. Сейчас люди боятся иметь своих детей, т. к. лишний рот ведет к нищенству. Вы хотели отнять у женщин кастрюлю, но сунули им в руки кувалду и кастрюлю в придачу. Зачем нужно было строить дворец съездов, когда многие еще без квартир живут, на земле без полов. Королям дарят миллионы, а с советского рабочего стараются высосать последнюю копейку. На заводе за один нерабочий день отрезают на одну копейку мыло! Это уже не экономия, а крохоборство», — сообщал в письме от 15 февраля 1964 года ростовчанин Е. М. Гусев [Там же, 56—56 об.].

Кроме того, в источниках встречается обозначение незаконных способов обеспечения комфортной жизни [Там же, л. 102—103]. В письмах за 1970-е годы материальное обособление чиновников встречало наибольшую критику. Крайне резко осуждалось стремление к чрезмерному расширению жилой площади. Обнародование компрометирующего материала на страницах газет связывалось с воспитательными стимулами. Добавим, что тенденции развития советской России дополняются однотипными сведениями о положении дел в республиках. «Власть дается людям не для того, чтобы они ей злоупотребляли, а для того, чтобы они проявляли заботу о простых тружениках», — писали П. З. Магомедов и К. С. Османов из Махачкалы в «Правду» в середине 1970-х годов [РГАНИ, ф. 5, оп. 68, д. 267, л. 60—61]. Нескромное поведение и изолирование первых лиц

партии от трудового населения обозначало все большую разрозненность мировоззрений. Так, А. И. Серегин в письме в адрес газеты «Тамбовская правда» 25 ноября 1975 года упоминал о жилье трудового населения, сравнивая его с полуподвальными помещениями, тогда как для первого секретаря Тамбовского обкома партии было выстроено двухэтажное здание-дворец. «Объем его полтора — два десятка комнат с внутренней отделкой по типу старинных царских чертогов. Не ведомо и то, как малочисленная семья осваивает жилплощадь, которая вместила бы десяток больших семей» [Там же, л. 172—173], — озадачивался автор. Юрист райсельхозуправления П. Ф. Нестеркин из поселка Байкалово Свердловской области в письме за 1975 год указывал на то, что, используя государственные средства совхоза, госстраха и промкомбината, «руководители на виду у всех строили себе особняки», в то время как объекты социальной инфраструктуры размещались в непригодных зданиях [Там же, л. 119]. В сознании людей власть стала ассоциироваться с благами, недоступными простым гражданам. Как писал анонимный автор в письме, датированном началом 1960-х годов, «власть, а с ней благо жизни, чины, казенный авторитет, путевки в Карловы Вары, летние дачи, лучшие квартиры, детишкам выбор карьеры и больше тепла под солнцем» [РГАНИ, ф. 100, оп. 5, д. 1, л. 20 об.] стали явлением, сращенным со взяточничеством.

В письмах в «Правду» за 1980-е годы читатели выражали протесты против фактов обуржуазивания руководителей среднего звена и колхозной «верхушки». И. Б. Геворкян из Еревана приводил в пример личность директора объединения № 2 райобщепита, имевшего 70 кв. м. жилой площади в центре Еревана, автомашину «ГАЗ-24» и гараж во дворе дома [РГАНИ, ф. 5, оп. 77, д. 68, л. 6]. Рабочие Арабатского цементно-шиферного комбината в том же году выступили против председателя завкома. «Он превратил детсады, пионерский лагерь, дома отдыха «Золотой ключик», «Дом культуры» в собственную вотчину, откуда качает деньги. Квартиры и машины распределяет сам лично», — обозначали очевидцы событий [Там же, л. 7]. Колхозники из села Ходжабек Богдановского района Грузинской ССР в 1980 году декларировали: «Первый секретарь Богдановского райкома партии, работавший ранее председателем колхоза, буквально ограбил район. В течение года он обеспечил своего личного шофера квартирой, импортной мебелью и автомашиной “Жигули”, в то время как труженики района стоят в очереди десятки лет» [Там же, л. 27]. Таким образом, действия по сосредоточению в руках правящего класса все большего объема жилой собственности и движимого имущества, нередко осуществляемые в понятиях иных социальных категорий за счет государственных средств и ресурсов, вызывали стойкое недовольство и неприятие.

2.2. Особое положение в обществе: социальные роли, психологические черты и ориентации управленцев

Менеджеры села (управленцы, распорядители ресурсов) и лица, представляющие городской административно-управленческий аппарат, также являлись носителями особой роли в отправлении права собственности, характеризовались специфическими особенностями правового и экономического статуса, социального поведения, менталитета. Социальная трансформация общества вела к возрастанию роли управленцев в производстве, сообразно этому формировались их групповые интересы. Организаторская функция данного класса имела приоритет, однако велики были и собственнические проявления [Безнин и др., с. 181, 188]. Примечательно свидетельство анонимного автора в письме начала 1960-х годов: «Люди, достигшие определенной высоты в сферах управления и распределения, дрожат за эти места и пойдут на все, чтобы держаться, имея ввиду подхалимство, лесть, угодничество. Среднее чиновничество живет надеждами на выдвижение и отдельными разовыми доплатами, иногда взятки берут, легко мошенничают» [РГАНИ, ф. 100, оп. 5, д. 1, л. 21 об.—22]. Сведения о фактах корыстных побуждений, все более распространявшихся среди членов характеризуемой общественной страты, превалируют в письмах за 1975 год. В них фигурируют имена заводских директоров, начальников по распределению жилья, начальников стройучастков. «Все строится из ворованного. Везде одна болтовня», — обозначено в анонимном письме от 1975 года, направленном в ЦК КПСС из Саратова [РГАНИ, ф. 5, оп. 68, д. 267, л. 149—150]. В анонимном письме из Красноуральска Свердловской области от 1987 года, адресованном М. С. Горбачеву, указывалось, что свободных мест для отдыха трудящихся не осталось, так как «везде “царствуют” руководители предприятий» [РГАНИ, ф. 100, оп. 5, д. 228, л. 2]. Кроме того, в анализируемых отзывах фигурируют экспрессивные термины, отражающие эмоциональное отношение к действительности. Выражения «хлева-гаражи», «царские чертоги», «дачи-дворцы», «царствуют руководители» показательны в плане анализа факта дифференциации и глубины общественной поляризации. Интересно, что факт социального расслоения и неравенства в СССР, как писал Ю. С. Никифоров, отчасти был признан во властно-партийных структурах [Никифоров, 2020, с. 409].

Если рассуждать о вопросе обеспеченности жильем рядовых граждан, то нельзя не отметить, что к 1980-м годам сохранялись ситуации ущемлённой жизни в коммунальных квартирах, недостаточности благоустройства дворовой территории и комфортабельности жилья [Столетова, 2020a]. Отметим, что постепенный рост доходов и запросов населения пороже-

дал требования усиления качества жизни, материально-технологической среды, но и сохранения коллективистских форм бытия, общинной этики. Новые черты экономической ментальности не шли вразрез с идеями социальной общности, принадлежности и зависимости человека от социальной организации, приоритета уравнительности, совместного управления хозяйством [Столетова, 2020б, с. 409]. Практика консервации коллективистских форм жизни формировала особые обычаи и в том числе создавала основу для развития неформальной экономики.

2.3. Мироощущение рядовых тружеников и рабочих: ментальные характеристики, общественные стратегии и стремления

Сообразно изменениям, протекавшим в управленческих стратах, новые ментальные черты зарождались и закреплялись в сознании представителей деревенской рабочей аристократии, сельского пролетариата, городского рабочего класса, служащих. В данном контексте на первый план, согласно нашим изысканиям, касающимся анализа общезначимых институтов собственности, рынка, семьи, выводится категория «обычай». Традиции родства, вызревшие из крестьянского мировоззрения, а также поиск возможностей «выживания» со стороны «низших» классов рабочих и сельскохозяйственных тружеников, оказали прямое влияние на развитие явлений организации перепродаж товара и найма. Примечательно, что если руководящее звено критиковало «низы», то и, наоборот, «верхи» обозначали мировоззренческие свойства, подлежащие в их понимании искоренению. Здесь важно сказать о принципах жизни, их метаморфозах. Еще в пореформенный период малотоварность крестьянского хозяйства, отдаленность рынков, неразвитость путей сообщения, кредита и кооперации неизбежно порождали существование института скупщиков и торговых посредников. Их деятельность порой носила характер своеобразного «рэкета» [Слепнев, 1996, с. 219]. Привычный, не закрепленный законом, стереотипный способ действий был актуализирован в советском обществе. В особенности это проявилось при реализации права пользования в экономической системе второй половины XX века. Отметим, что в этот период обычай в явлениях советской действительности (а именно в экономической отрасли) все чаще приобретал негативный окрас, развивались модели отклоняющегося поведения. В восприятии, мышлении и действиях людей реалии, связанные с растратами и хищениями, превращались в стандартные способы организации жизни. При этом упомянем, что сознательное стремление ограничить свое участие в коллективном труде, а также массовое отправление традиционных религиозных праздников с оставлением работы в объединенном хозяйстве, получившее развитие в предвоенный период, являлось предвестником и

истоком умозрений, распространяющихся в народной среде во второй половине XX века [Безнин и др., 1996, с. 162—163]. Так, по документальным свидетельствам за 1960 год (согласно информационной записке отдела пропаганды и агитации по РСФСР «О недостатках в работе партийных организаций Пермской области по воспитанию коммунистического отношения к труду»), на многих региональных промышленных предприятиях, стройках, в колхозах и совхозах царила низкая трудовая дисциплина. В 1959 и 1960 годах на промышленных предприятиях Пермской области каждый восьмой рабочий являлся прогульщиком. В колхозах Кунгурского района той же области каждый десятый колхозник не вырабатывал минимума трудодней. Много рабочего времени терялось в связи с праздником «престола». В эти дни, как правило, работа прекращалась на три и более дней. Председатель колхоза им. Чапаева товарищ Уланов рассказывал: «На территории колхоза расположено 25 населенных пунктов и в каждом из них свой “престол”». Документ фиксирует, что в области имелось немало тунеядцев, спекулянтов, стяжателей, о них знали суды, но мер не принимали. Так, инженер Кочев и учитель Бондаренко по три года нигде не работали, занимались ловлей рыбы и продажей ее на рынке. Серьезные недостатки, имеющие место в бытовом обслуживании, вынуждали многих людей иметь дело с любителями легкого заработка. Многие граждане вынуждены были обращаться к «левакам» для того, чтобы подвезти дрова, мебель. Чтобы отремонтировать обувь, одежду, квартиру, также нередко приходилось обращаться к частнику. Отсутствие достаточного количества скупочных магазинов приводило к расширению так называемых «толкучек», где орудовали спекулянты. Недостатки в системе закупок излишков сельскохозяйственной продукции у колхозников также использовались спекулянтами, которые перекупали фрукты, овощи, мясо, масло, а затем продавали их на колхозном рынке [РГАНИ, ф. 5, оп. 34, д. 76, л. 1, 9, 12]. В том же документе «О недостатках в работе партийных организаций Пермской области...» указывалось, что в ряде учреждений притупилась острота неприятия к таким отрицательным явлениям, как использование в целях личной наживы машин, механизмов, оборудования. В источнике обозначено: «На рабочем собрании предприятия п/я 210 при обсуждении вопроса “Кто такие тунеядцы и есть ли они среди нас” выяснилось, что Жуков организовал частную лавочку — принимает заказы от частных лиц на изготовление бачков, тазов, леек, железных печей и других предметов. Немало фактов, когда в целях личной наживы используется государственный автотранспорт, особенно такси. Партийные организации, советские органы недостаточно ведут борьбу с фактами проявлений частнособственных интересов, не вскрывают и не анализируют причин, способству-

ющих и развивающих дух стяжательства у отдельных людей. Так, в колхозе им. Ленина Большесосновского района (Пермская область) работал гражданин Григорьев. Работал всего 2—3 месяца в году. Тем временем он расширил свое хозяйство: у него 2 коровы, 4 телка, 10 овец, 20 ульев. На рынке он сбывал овощи, мясо, молоко, мед. Когда о нем вспомнили в партийной организации и в райкоме КПСС, было уже поздно. Григорьев заявил: “Да я, пожалуй, не подхожу для партии”» [Там же, л. 4—5]. Схожие процессы наметились в лесозаготовительной отрасли: «Покупатели колхозного леса для заготовки, трелевки и вывозки древесины нанимали местных жителей, колхозников, а нередко и рабочих лесозаготовительных предприятий. Все это разлагающе действовало на отдельных трудящихся, создавало почву для любителей легкого заработка. Многие колхозники Краснокамского района Пермской области, имея хорошие добротные дома и достаточную жилую площадь, строили вторые дома. Всю свободную жилплощадь они сдавали в аренду под детские учреждения и дачи, получая от этого доход до 5 тыс. рублей за сезон» [Там же, л. 6]. Таким образом, среди социальных групп рабочих и колхозников множились стремления к усилению своего заработка, в том числе для создания комфортных условий своего проживания. Для воплощения в жизнь подобных целей требовалось оставить коллективную колхозную работу и обратиться к частной деятельности, перекупке продукции, присвоению части государственного имущества. При этом ценность, связанная с возможностью прекращения ежедневной государственной работы, имела высокую степень приоритетности.

Как было отмечено выше, центральная власть редко оставляла подобные ситуации без внимания, истоки данных процессов подлежали оценке и критике. Так, информационная записка отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС о недостатках в работе партийных организаций Пермской области за 1960 год содержала следующие сведения: «Известно, что в нашем обществе нет и не может быть никаких экономических причин, порождающих эти явления, само существо социалистического общества отрицает их. Но отдельные недостатки в распределении продуктов труда, снабжения, упущения в бытовом обслуживании трудящихся приводят нередко к этим отрицательным явлениям. Недостатки, допускаемые советскими органами и торговыми организациями, создают почву для деятельности спекулянтов. Перебои с продажей товаров в государственной торговле приводят к расширению сбыта продукции на колхозных рынках, где в настоящее время главенствующую роль захватил частник» [Там же, л. 60—61]. Анализируемый аспект требует следующего пояснения: индивидуализация трудовой деятельности рознила классово-однородную рабочую пира-

миду, созданную посредством массового создания производственных коллективов — бригад. В ходе социальной эволюции открылись и ниши открытой предпринимательской инициативы, проявившейся в деятельности «шабашников» или колхозников, продающих продукты питания собственного производства [Безнин и др., 2020, с. 79, 80]. В художественной литературе отражена негативная сторона их личности. Так, в повести «Пожар» В. Распутина интерпретируются беды сибирского поселка, где некоторые из жителей стали приспосабливаться, перенимать худшее, появились лица, прибывшие в леспромхоз за «длинным рублем». Началось пьянство, чертой времени стали убийства и кражи. Так называемые архаровцы — сезонные неместные рабочие, сформировали силу, противостоящую местным жителям. Это были «новые люди» — беспринципные, жаждущие наживы, бандиты [Столетова, 2019а, с. 141].

Другой стороной процесса выступили наблюдения рабочих и сельского пролетариата за ситуацией обуржуазивания руководящего звена власти. По сути параллельно с критикой положения данные явления вызвали однотипные порывы. Как писал Д. Г. Сельцер, личные злоупотребления партийной номенклатуры были объектом ненависти и зависти одновременно [Сельцер, 2007]. В свою очередь модель преодоления этих чувств выразилась в стяжательстве, обличия которого представлены выше. Сложившиеся условия подталкивали людей к реализации приобретательских навыков, к получению дохода через разные виды подработок, так называемых «халтур». Уместно обратить внимание на то, что руководящие органы путем массовой пропаганды настаивали на поддержании и развитии общественного духа коллективизма. Известны и формы работы в данном направлении. Так, в докладе Ленинградской городской партийной организации за 1960 год обозначено, что результатом деятельности партийных, комсомольских и профсоюзных организаций являлось «неуклонное повышение сознательности рабочих и служащих, их повседневная честность на производстве и в быту». К примеру, в Ленинграде работали 491 магазин самообслуживания, по примеру москвичей около 280 трамвайных вагонов были переведены на работу без кондукторов, широкое распространение в городе получили библиотеки и книжные магазины со свободным доступом к книжным полкам, а «доверие рабочих и служащих друг к другу сделало ненужным замки на гардеробах». Кроме того, опыт бригады коммунистического труда товарища Ромашова с Ленинградского Металлического завода объявлялся полезным и необходимым к внедрению в жизнь других производственных коллективов. Он заключался в том, что члены бригады по очереди в течение определенного времени работали в качестве бригадира, что обеспечило показательные успехи группы

[РГАНИ, ф. 5, оп. 34, д. 78, л. 4—5, 9]. Положительные результаты, с точки зрения все той же Ленинградской городской партийной организации, давала работа народных дружин. Об этом свидетельствует, к примеру, письмо от жителя Дзержинского района Беляковского (бывшего студента ЛЭТИ). В 1960 году он сообщал: «Все, что произошло после того, как задержали меня дружинники, перевернуло всю мою жизнь, заставило о многом подумать и многое переоценить. Больше месяца на Литейном проспекте висела карикатура на меня, как на барахольщика. Я видел с каким пренебрежением относится народ к таким “героям”, как я. Сейчас я работаю грузчиком. Постоянное общение с рабочим коллективом заставляет меня вновь и вновь осудить свой поступок» [Там же, л. 28—29].

Безусловно, работа партийных организаций в борьбе с туеядством имела свои плоды. В крестьянском миропонимании, в особенности среди старшего поколения, труду достаточно долгий период отводилась перво-степенная роль. Так, в повести В. Распутина «Прощание с Матерой» обозначен страх перед отсутствием работы, дел и деревенских забот. В диалоге двух героинь продемонстрирована обеспокоенность устройства нового городского быта: «Зато никакой тебе работушки, — не то успокаивая, не то насмехаясь, говорила Настасья Дарья. — Я у дочери в городе-то гостевала — дивля: тут тебе, с места не сходя, и Ангара, и лес, и уборна-баня, хошь год на улицу не показывайся. От и будешь ты, Настасья, как барыня, полеживать, все на дому, все есть, руки подымать не надо. А ишо этот... телехон займей. Он тебе: дрын-дрын, а ты ему: ле-ле, поговорела, и опеть на боковую. — Ой, не трави ты мое сердце! — обмирала Настасья и прижимала к груди дряблые руки, закрывала глаза. — Я там в одну неделю с тоски помру» [Распутин, 2020]. Однако сильны были и другие социальные мотивы. Как пишет С. Ю. Барсукова, рейтинг понятия «труд» в постсоветский период стал достаточно низким. Он не вошел в число распространенных ценностей. Исследователь связывает это с тем, что идеологизация понятия в советский период прочно утвердила «труд» как «работу не на себя». «Масштаб неформальной экономики, занятость в подсобных хозяйствах и обороты теневого капитала фиксируют желание работать, но в специфическом институциональном формате. Культура “вкалывания” как узкоисполнительская ориентация вытеснялась ориентацией на инициативную трудовую активность», — отмечает социолог [Барсукова, 2001, с. 60].

3. Заключение

Результаты проведенного нами анализа позволяют сделать некоторые частные выводы. В общественном сознании в 1950—1980-е годы формиро-

вались новые представления и тренды, в жизненном пространстве обновлялись повседневные практики, преломлялись традиции и утверждались альтернативные обычаи. Мировоззренческие установки и самосознание номенклатурных работников, управленцев, руководящего звена предприятий и производств, трудовой интеллигенции, производственных интеллектуалов и специалистов, крестьянства, рабочих приобретали видоизмененные черты. Преобразования призмы взглядов групп и классов российского социума ввиду прохождения этапов социально-экономического разобщения базировались на аспектах изменения соотношения позиций личности и коллектива, укреплении частного начала, обособлении буржуазных стремлений и идеалов накопительства. На протяжении 1950—1980-х годов зрел раскол в эталонах, фундаментальных концептах жизни, укреплялись позиции разочарования во власти, падения доверия к ней, сформировался принцип бездеятельности как способа протеста. К концу 1980-х — началу 1990-х годов обозначился качественный сдвиг в общественном сознании на всех его уровнях — социально-психологическом, нравственном и идеологическом. Реформирование жизненного уклада и размежевание российского социума стало важнейшими маркерами кризиса 1990-х годов.

Следует подчеркнуть, что через приведенные документальные свидетельства вполне четко просматривается ставшее злободневным социальное противостояние между тружениками и чиновниками. При этом крестьянские представления наложили серьезный отпечаток на диапазон умозрений российских граждан. Они лежали в основе ментальных характеристик советского социума. Однако по мере складывания новых классов вызревали их специфические поведенческие характеристики. К примеру, у представителей производственных коллективов формировалась совершенно новая психология, где собственность носила характер сторонней единицы, а суждения о социальной общности отличались глубиной устоев и идеалов. При этом в данном общественном модуле (параллельно наблюдениям, ведущимся за властвующим блоком) утверждалась мысль о том, что мелкие хищения не наносят вреда социалистическому имуществу [Столетова, 2019б, с. 380—381]. В свою очередь партноменклатура все больше отходила от традиционных воззрений о материальном достатке. При этом определяющее значение имел вектор, направленный в сторону овладения капиталами. Выкристаллизовывался и слагался классовый менталитет нового госкапиталистического уровня. Такие менталитетообразующие константы, как сдержанность в накопительстве и овладении имуществом, коллективизм как определяющий принцип форм организации общественной жизни, общественная собственность, ценность труда, духовно-нравственные потребности, претерпевали разложение, чему способствовала социально-

экономическая неустойчивость, институциональные условия, ценностная нестабильность, распад привычных хозяйственных практик.

Из сказанного становится очевидным, что во второй половине XX века в государственном экономическом устройстве обозначилась генерация двух типов поведения. Один из них тяготел к сохранению традиций и их воспроизводству. Это касалось «низов» общества — городских и сельских тружеников, пролетариев. Они настаивали на коллективизме, уравнительности, справедливости, считая значимыми категориями и условиями органичной жизни землю и труд на земле. Иной тип образа жизни был связан с частью социума, которая подверглась обуржуазиванию и омещаниванию. В это социальное поле входили средние и высшие классы: партноменклатура, протобуржуазия, интеллектуалы, менеджеры [Безнин и др., 2019]. Они выстраивали свою ось поведения, которая и отражена в многочисленных письмах рядовых обывателей о так называемых «злоупотреблениях». Однако двойственные реалии времени, партийная линия, государственные рычаги и механизмы, которые двигали людей к проявлению предпринимательства, и сама капитализация жизни меняли ее философию и траекторию. Эти маршруты нередко соседствовали и оказались охваченными конструкцией теневой экономики.

Источники и принятые сокращения

РГАНИ — *Российский государственный архив новейшей истории*. Ф. 5. Оп. 34. Д. 76, Д. 78; Оп. 68. Д. 267; Оп. 77. Д. 68; Ф. 100. Оп. 5. Д. 1.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бабашкин В. В.* Крестьянский менталитет как системообразующий фактор советского общества / В. В. Бабашкин // *Менталитет и аграрное развитие России (XIX—XX вв.) : материалы международной конференции 14—15 июня 1994 г.* — Москва : РОССПЭН, 1996. — С. 276—284.
2. *Балабанова Е. С.* Особенности российской экономической ментальности / Е. С. Балабанова // *Мир России*. — 2001. — № 3. — С. 67—77.
3. *Барсукова С. Ю.* Неформальная экономика и система ценностей россиян / С. Ю. Барсукова // *Социологические исследования*. — 2001. — № 1. — С. 57—62.
4. *Безнин М. А.* Аграрный строй России 1930—1980-х годов / М. А. Безнин, Т. М. Димони. — Москва : ЛЕНАНД, 2019. — 608 с.
5. *Безнин М. А.* Буржуазные тенденции в социальной жизни и менталитете советского общества 1950—1980-х гг. / М. А. Безнин, Т. М. Димони, А. С. Столетова // *Вестник Костромского государственного университета*. — 2020. — Т. 26, № 1. — С. 77—86. — DOI: 10.34216/1998-0817-2020-26-1-77-86.
6. *Безнин М. А.* Крестьянство и власть в России в конце 1930-х — 1950-е годы / М. А. Безнин, Т. М. Димони // *Менталитет и аграрное развитие России (XIX—XX вв.) : материалы международной конференции 14—15 июня 1994 г.* — Москва : РОССПЭН, 1996. — С. 155—166.

7. Данилова Л. В. Крестьянская ментальность и община / Л. В. Данилова, В. П. Данилов // Менталитет и аграрное развитие России (XIX—XX вв.) : материалы международной конференции 14—15 июня 1994 г. — Москва : РОССПЭН, 1996. — С. 22—39.
8. Кордонский С. Г. Сословная структура постсоветской России / С. Г. Кордонский // Мир России. Социология. Этнология. — 2008. — Т. 17, № 4. — С. 3—36.
9. Никифоров Ю. С. «В народном хозяйстве обостряются процессы, на которые мы не можем закрывать глаза»: проблемы СССР первой половины 1980-х годов (по материалам фонда Н. И. Рыжкова) / Ю. С. Никифоров // Научный диалог. — 2020. — № 9. — С. 405—419. — DOI 10.24224/2227-1295-2020-9-405-419.
10. Распутин В. Г. Прощание с Матерой [Электронный ресурс] / В. Г. Распутин. — Москва : Художественная литература, 2020. — Режим доступа : <https://azbyka.ru/fiction/proshhanie-s-maturoj/> (дата обращения 23.07.2021).
11. Сельцер Д. Г. Региональная номенклатура КПСС : размышления о границах дозволенного / Т. Г. Сельцер // КПСС и номенклатура в советском обществе : материалы конференции (декабрь 2005 — февраль 2006 г.). — Пермь : ПГТУ, 2007. — С. 21—32.
12. Слепнев И. Н. Новые рыночные реалии и их преломление в менталитете пореформенного крестьянства / И. Н. Слепнев // Менталитет и аграрное развитие России (XIX—XX вв.) : материалы международной конференции 14—15 июня 1994 г. — Москва : РОССПЭН, 1996. — С. 215—227.
13. Столетова А. С. Жилищный вопрос середины 1970-х гг. как проблема социального обустройства в СССР / А. С. Столетова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. — 2020 (а). — Т. 20, № 4. — С. 475—481. — DOI: 10.18500/1819-4907-2020-20-4-475-481.
14. Столетова А. С. Крах крестьянских идеалов эпохи позднего советского общества (на примере повести «Пожар» писателя В. Г. Распутина) / А. С. Столетова // История социальных процессов в России (XX век) : сборник научных статей. — Вологда : ВоГУ, 2019 (а). — С. 138—145.
15. Столетова А. С. Материальное положение советских граждан в зеркале общественного мнения 1960—1980-х годов (по данным писем в центральные органы власти и СМИ) / А. С. Столетова // Научный диалог. — 2020 (б). — № 3. — С. 402—422. — DOI 10.24224/2227-1295-2020-3-402-422.
16. Столетова А. С. Общественные горизонты и мировоззренческие позиции писателя В. Ф. Тендрякова (на примере очерка «Падение Ивана Чупрова») / А. С. Столетова // Новые исторические перспективы. — 2020 (в). — № 3. — С. 99—106.
17. Столетова А. С. Особенности хищений государственной собственности в РСФСР 1960—1980-х годов / А. С. Столетова // Научный диалог. — 2019 (б). — № 12. — С. 379—391. — DOI 10.24224/2227-1295-2019-12-379-391.
18. Яхшиян О. Ю. Собственность в менталитете русских крестьян / О. Ю. Яхшиян // Менталитет и аграрное развитие России (XIX—XX вв.) : материалы международной конференции 14—15 июня 1994 г. — Москва : РОССПЭН, 1996. — С. 92—105.

MATERIAL RESOURCES

RGANI — *Russian State Archives of Contemporary History*. (In Russ.).

REFERENCES

- Babashkin, V. V. (1996). Peasant mentality as a system-forming factor of Soviet society. In: *Mentality and agrarian development of Russia (XIX—XX centuries): materials of the international conference*. Moscow: ROSSPEN. 276—284. (In Russ.).
- Balabanova, E. S. (2001). Features of the Russian economic mentality. *Universe of Russia*, 3: 67—77. (In Russ.).
- Barsukova, S. Yu. (2001). The informal economy and the value system of Russians. *Sociological Studies*, 1: 57—62. (In Russ.).
- Beznin, M. A., Dimoni, T. M. (1996). Peasantry and power in Russia in the late 1930s — 1950s. In: *Mentality and agrarian development of Russia (XIX—XX centuries): materials of the international conference*. Moscow: ROSSPEN. 155—166. (In Russ.).
- Beznin, M. A., Dimoni, T. M. (2019). *The agrarian system of Russia in the 1930—1980s*. Moscow: LENAND. 608 p. (In Russ.).
- Beznin, M. A., Dimoni, T. M., Stoletova, A. S. (2020). Bourgeois tendencies in social life and mentality of Soviet society in the 1950—1980s. *Bulletin of Kostroma State University*, 26 (1): 77—86. DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-1-77-86. (In Russ.).
- Danilova, L. V., Danilov, V. P. (1996). Peasant mentality and community. In: *Mentality and agrarian development of Russia (XIX—XX centuries): materials of the international conference*. Moscow: ROSSPEN. 22—39. (In Russ.).
- Kordonskiy, S. G. (2008). Estate structure of post-soviet Russia. *Universe of Russia. Sociology. Ethnology*, 17 (4): 3—36. (In Russ.).
- Nikiforov, Yu. S. (2020). “In the National Economy, Processes, to which we Cannot Close Our Eyes, are Aggravated”: Problems of USSR in the First Half of the 1980s (Materials of the N. I. Ryzhkov Foundation). *Nauchnyi dialog*, 9: 405—419. DOI 10.24224/2227-1295-2020-9-405-419. (In Russ.).
- Rasputin, V. G. (2020). *Farewell to Matyora*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. Available at: <https://azbyka.ru/fiction/proshhanie-s-matyoroj/> (accessed 23.07.2021). (In Russ.).
- Seltser, D. G. (2007). Regional nomenclature of the Communist Party of the Soviet Union: reflections on the boundaries of what is permitted. In: *The CPSU and the nomenclature in Soviet society: conference proceedings*. Perm: PGU. 21—32. (In Russ.).
- Slepnev, I. N. (1996). New market realities and their refraction in the mentality of the post-reform peasantry. In: *Mentality and agrarian development of Russia (XIX—XX centuries): materials of the international conference*. Moscow: ROSSPEN. 215—227. (In Russ.).
- Stoletova, A. S. (2019a). The collapse of the peasant ideals of the era of late Soviet society (on the example of the story “Fire” by the writer V. G. Rasputin). In: *History of social processes in Russia (XX century): collection of scientific articles*. Vologda: VoGU. 138—145. (In Russ.).
- Stoletova, A. S. (2019b). Specifics of theft of state property in the RSFSR of 1960s — 1980s. *Nauchnyi dialog*, 12: 379—391. DOI 10.24224/2227-1295-2019-12-379-391. (In Russ.).

- Stoletova, A. S. (2020a) Housing issue mid-1970s as a problem of social arrangement in the USSR. *Izvestiya of Saratov university. New series. Series: History. International relations*, 4: 475—481. DOI 10.18500/1819-4907-2020-20-4-475-481. (In Russ.).
- Stoletova, A. S. (2020 b). Financial situation of soviet citizens in the mirror of public opinion of 1960—1980s (according to letters to the central authorities and the media). *Nauchnyi dialog*, 3: 402—422. DOI 10.24224/2227-1295-2020-3-402-422. (In Russ.).
- Stoletova, A. S. (2020c). Public horizons and worldview positions of the writer V. F. Tondryakov (on the example of the essay “The Fall of Ivan Chuprov”). *The New Historical Perspectives*, 3: 99—106. (In Russ.).
- Yakhshiyani, O. Yu. (1996). Property in the mentality of Russian peasants. In: *Mentality and agrarian development of Russia (XIX—XX centuries): materials of the international conference*. Moscow: ROSSPEN. 92—105. (In Russ.).

Чебаковская А. В. Эвакуация «детей Севера»: попытка смягчения социальных проблем в условиях Гражданской войны / А. В. Чебаковская // Научный диалог. — 2021. — № 10. — С. 499—518. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-10-499-518.

Chebakovskaya, A. V. (2021). Evacuation of “Children of North”: an Attempt to Mitigate Social Problems during Civil War. *Nauchnyi dialog*, 10: 499-518. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-10-499-518. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-10-499-518

Эвакуация «детей Севера»: попытка смягчения социальных проблем в условиях Гражданской войны

Чебаковская Александра Вячеславовна
orcid.org/0000-0001-5750-956X
младший научный сотрудник
сектора истории
chebakovskaja@yandex.ru

Институт языка, литературы и истории — обособленное подразделение
Федерального государственного
бюджетного учреждения науки
Федерального исследовательского
центра «Карельский научный центр
Российской академии наук»
(Петрозаводск, Россия)

Благодарности:
Финансовое обеспечение исследования
осуществлялось из средств
федерального бюджета на выполнение
государственного задания
Карельского научного центра
Российской академии наук
(121070700117-1)

Evacuation of “Children of North”: an Attempt to Mitigate Social Problems during Civil War

Alexandra V. Chebakovskaya
orcid.org/0000-0001-5750-956X
Junior Researcher
History Sector
chebakovskaja@yandex.ru

Institute of Linguistics,
Literature and History
of the Karelian Research Centre
of the Russian Academy of Sciences
(Petrozavodsk, Russia)

Acknowledgments:
The research was financed
from the federal budget
for the fulfillment of the state assignment
of the Karelian Scientific Center
of the Russian Academy of Sciences
(121070700117-1)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

На основе архивных источников раскрывается опыт эвакуации социально неблагополучных детей Карелии в Харьковскую губернию в 1919—1920 гг., анализируется система жизнеобеспечения «государственного ребенка» в Гиевской колонии. Изучение этого специфического способа оказания социальной помощи детям, применявшегося в экстремальных условиях Гражданской войны, позволило раскрыть сложность и рискованность такого рода мероприятий. Центральное место в статье отведено исследованию продовольственного вопроса, снабжения обмундированием и других проблем обеспечения колонистов. Охарактеризована организационная составляющая процесса эвакуации и реэвакуации детей, показаны изменения в материальной базе колонии, выявлены проблемы в осуществлении учебно-воспитательной работы внутри учреждения. Особое внимание уделяется характеристике медико-санитарного обслуживания воспитанников Гиевской колонии с определением санитарно-гигиенических условий жизни в учреждении, наличия у детей предметов личной гигиены, а также обследование их врачами. В статье показано, что дело снабжения продуктами и одеждой воспитанников колонии практически полностью легло на плечи ее сотрудников, которым приходилось самостоятельно привлекать дополнительное финансирование, улучшать материальные условия проживания детей, искать необходимые ресурсы для развития подсобного хозяйства и мастерских.

Ключевые слова:

охрана детства; детская колония; система жизнеобеспечения; эвакуация; Карелия.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

On the basis of archival sources, the experience of the evacuation of socially disadvantaged children of Karelia to the Kharkov province in 1919—1920 is revealed, the life support system of the “state child” in the Giev colony is analyzed. The study of this specific method of providing social assistance to children, used in the extreme conditions of the Civil War, made it possible to reveal the complexity and riskiness of such activities. The central place in the article is devoted to the study of the food issue, the supply of uniforms and other problems of providing for the colonists. The organizational component of the process of evacuation and re-evacuation of children is characterized, changes in the material base of the colony are shown, problems in the implementation of educational work within the institution are identified. Particular attention is paid to the characteristics of the medical and sanitary services for the inmates of the Giev colony with the definition of the sanitary and hygienic conditions of life in the institution, the availability of personal hygiene items for the children, as well as their examination by doctors. It is shown in the article that the supply of food and clothing for the inmates of the colony almost completely fell on the shoulders of its employees, who had to independently attract additional funding, improve the material living conditions of children, and look for the necessary resources for the development of subsidiary farming and workshops.

Key words:

child protection; children's colony; life supporting system; evacuation; Karelia.

Эвакуация «детей Севера» : попытка смягчения социальных проблем в условиях Гражданской войны

© Чебаковская А. В., 2021

1. Введение

В условиях революции и Гражданской войны в России произошло резкое увеличение количества социально неблагополучных детей, которым требовалось оказание помощи со стороны государства или общественности. Прежде всего в помощи нуждались дети-сироты, беспризорные, дети-инвалиды и др. В начале 1920-х годов государство объявило своей главной задачей заботу о детях и различными способами стало предоставлять им помощь и поддержку. Одним из вариантов временной помощи являлась эвакуация детей в благоприятные районы в целях спасения их от голода. Ответственность за реализацию эвакуационной кампании возлагалась на Народный комиссариат просвещения, а сама организация эвакуации детей — на плечи местных сотрудников отделов народного образования. Сверху на места спускались подробные инструкции о ходе эвакуации, предоставлялись сведения о системе обеспечения и снабжения детей, однако в реальности выполнение разработанных документов осложнялось объективными экономическими трудностями. По стране за 1921—1922 годы из голодающих губерний было вывезено 121 018 детей, всего эвакуация охватила примерно 1 млн человек [Население России ..., 2000, с. 133]. Эта практика затронула и неблагополучных детей из Карелии, которых еще в мае 1919 года эвакуировали в хлеботорные местности Харьковской губернии. Ситуация примечательна тем, что вновь образованной колонии пришлось продолжительное время самостоятельно решать организационные, хозяйственные и другие вопросы при постоянной смене действующей власти в Харьковской губернии. Предполагаемое время нахождения детей вдали от дома значительно увеличилось, что осложнило обеспечение воспитанников и сотрудников необходимыми ресурсами.

Практику эвакуации детей в хлеботорные местности современники событий изучали в контексте деятельности санаторных учреждений, летних школьных колоний [Детский санаторий ..., 1910; Евсеев, 1926]. Современные исследователи анализируют исторический опыт эвакуации голодающих детей за границу [Смирнова, 2003; Смирнова, 2015], изучают детский отдых в летних и оздоровительных лагерях [Абашкина, 2018; Дейч, 2016; Дорохова, 2017; Коротаева, 2017; Куприянов, 2018; Ладченко, 2018]. Применительно к Карелии данный вопрос остается неизученным.

Цель данной статьи — охарактеризовать опыт эвакуации социально неблагополучных детей из Карелии в благоприятные районы страны, раскрыть систему жизнеобеспечения воспитанников образованной колонии и учебно-воспитательную работу с ними. Для написания статьи использовались материалы Национального архива Республики Карелия. Анализ источников по исследуемой теме позволил выделить ряд кейсов, которые составили разделы данной статьи: организация и состав колонии, управление колонией, ее материальное и медико-санитарное состояние, учебно-воспитательная работа, решение вопроса о реэвакуации колонии.

2. Организация и состав колонии

В мае 1919 года воспитанники пяти детских приютов Карелии были эвакуированы в Харьковскую губернию [НА РК, ф. Р-2, оп. 1, д. 673, л. 7]. Там была организована «Гиевская колония детей Севера», размещавшаяся в имении бывшего князя Святополка-Мирского в селе Гиевка Харьковского уезда. Дети вместе с педагогическим и техническим персоналом отправились в г. Харьков на поезде, заняв несколько вагонов, и находились в дороге около двух недель. Из г. Петрозаводска выехали 252 воспитанника (120 мальчиков, 132 девочки) в возрасте от 1 до 16 лет [НА РК, ф. Р-2, оп. 1, д. 673, л. 7], на место прибыли лишь 243 ребенка, поскольку одна девочка умерла в дороге, 7 мальчиков заболели корью и другими болезнями, их пришлось оставить в больницах г. Москвы. Там же одного ребенка воспитатели передали матери по ее просьбе.

В Харьковской губернии подопечные поступили под контроль уполномоченного Всероссийского Совета защиты детей Н. С. Арефьева. Изначально предполагалось, что воспитанники проведут на юге лишь летние месяцы, однако вернуться назад оказалось непросто, и дети находились вдали от дома почти год.

Вместе с детьми в Гиевскую колонию прибыл персонал (36 человек): пять прачек, три няни, три дворника, три кухарки, две сиделки, экономка, кастелянша, портниха, а также 16 воспитателей и врач [НА РК, ф. Р-2, оп. 1, д. 673, л. 8]. Этого оказалось недостаточно, потребовалось пополнение персонала из местных жителей. В колонию были приглашены еще один заведующий учреждением, «две кухарки, посудомойка, ночной сторож, садовник и сестра милосердия» [НА РК, ф. Р-2, оп. 1, д. 673, л. 8]. Вслед за детьми в Харьковскую губернию были также отправлены заведующий детскими домами и заведующая подотделом Охраны детства при Олонецком губернском отделе социального обеспечения. В первое время существования колонии в ней трудилось 43 человека, однако к июню 1920 года число служащих уменьшилось до 28 человек.

3. Управление Гиевской колонией

Практика создания летних колоний для слабых и больных детей существовала в дореволюционный период [Дризо, 1903; Зеленецкий, 1908; Летние детские ..., 1911; Летние колонии ..., 1912]. Летние колонии, чаще всего функционировавшие два месяца, решали задачу оздоровления детей [Детский санаторий ..., 1910, с. 1]. В феврале 1919 года всем Губернским и уездным отделам народного образования было разослано письмо Наркомата просвещения, в котором констатировалось, что «летние трудовые колонии, площадки, экскурсии должны заменить школу» [НА РК, ф. Р-2, оп. 1, д. 403, л. 12]. Это диктовалось не только педагогическими соображениями, но и тяжелым продовольственным и санитарно-гигиеническим положением детей в городских и фабрично-заводских центрах, голодом в северных и центральных губерниях РСФСР в условиях Гражданской войны. Использование летнего времени для отправки детей в трудовые летние колонии стало в этот период востребованной мерой помощи. Например, в 1920 году из г. Петрограда было вывезено в колонии 18 000 человек, из г. Москвы — 20 000 [Радин, 1921, с. 6]. Считалось, что необходимо дать возможность детям отдохнуть «на лоне природы», поддержать и восстановить их здоровье, спасти их от голода и эпидемических заболеваний [НА РК, ф. Р-2, оп. 1, д. 403, л. 12].

Летние колонии строились по тем же принципам, как и детские дома, от которых они отличались лишь тем, что последние являлись постоянным местообитанием, а колонии функционировали в течение 3—4 месяцев [НА РК, ф. Р-2, оп. 1, д. 457, л. 101]. Перед колониями ставились следующие задачи: дать отдых детям на природе; обеспечить правильное питание; обогатить духовный мир ребенка широким и всесторонним знакомством с явлениями природы, особенностями сельского быта; привлечь детей к непосредственному участию в трудовых процессах в целях приобретения социальных и трудовых навыков [НА РК, ф. Р-2, оп. 1, д. 457, л. 101].

При организации Гиевской колонии в ее основу был положен регламент о летних трудовых колониях. Во главе учреждения стоял Совет колонии, в состав которого входили все педагоги, врач, представители технического персонала и детского коллектива. Возглавлял Совет председатель в лице заведующего Бобловского, который был приглашен уполномоченным Н. С. Арефьевым «как знающий условия местной жизни» [НА РК, ф. Р-2, оп. 1, д. 673, л. 8]. Для регулирования практической жизни колонии была создана Хозяйственная комиссия из четырех лиц (два руководителя и двое детей), её роль сводилась к приему и распределению приобретенных продуктов и материалов. Никаких планов для улучшения хозяйства колонии комиссия не разрабатывала. Позже Совет колонии распался; был орга-

низован Педагогический совет во главе с председателем, на которого было возложено руководство всей жизнью учреждения. Для руководства хозяйством была приглашена женщина, которая активно привлекала к деятельности колонистов [НА РК, ф. Р-2, оп. 1, д. 673, л. 8]. С приходом Красной армии Педагогический совет был расширен представителями технического персонала и детей. Совет Гиевской колонии обсуждал внутренние вопросы учреждения и проводил специальные заседания. Например, заседание от 26 июля 1919 года было посвящено решению вопроса о самовольном уходе в Добровольческую армию воспитанника колонии [НА РК, ф. Р-2, оп. 1, д. 673, л. 15]. Совет рассмотрел личное дело колониста, отметил, что данный подросток являлся «крайне опасным для окружающих», и постановил довести факт ухода до сведения уполномоченного Н. С. Арёфьева [НА РК, ф. Р-2, оп. 1, д. 673, л. 15].

В докладе председателя о жизни “детей Севера”, представленном в мае 1920 года Губернскому отделу народного образования, отмечалось, что жизнь колонии вначале напоминала «столкновение вавилонское», главным виновником которого был определен Н. С. Арёфьев: «Он с первого же дня придавил колонию своим деспотизмом, своей диктатурой. Убрал всякую инициативу и энергию служащих, попирали их человеческое достоинство, обращаясь с ними как с рабами, подрывал в глазах детей авторитет педагогов» [НА РК, ф. Р-2, оп. 1, д. 673, л. 36]. Председатель подчеркивал, что именно назначение Н. С. Арёфьева на столь важный и ответственный пост явилось большой ошибкой для жизни учреждения.

4. Материальное и медико-санитарное состояние колонии

Гиевская колония с момента организации и до прихода Добровольческой армии (Доброармии) финансировалась Всероссийским Советом защиты детей, во время пребывания Доброармии — Лигой Спасения детей, Харьковским комитетом. С приходом Красной армии колония субсидировалась Харьковским губернским отделом социального обеспечения. Для воспитанников было выделено имение бывшего князя Святополка-Мирского в селе Гиевка, близ станции Люботин Харьковского уезда. Председатель Совета колонии не был уверен в законном закреплении за учреждением занятого здания и в ожидании перевода ее в другую местность не разворачивал активную деятельность внутри учреждения. В инструкции об организации летних колоний говорилось, что для ее создания требовались «здоровая местность, хорошее купание, возможность получать достаточное количество молока, возможность развести огород и близость врачебной помощи» [НА РК, ф. Р-2, оп. 1, д. 457, л. 101]. В помещениях заранее должны быть произведены все необходимые приспособо-

бления, а именно: приведены в порядок или установлены плиты, уборные, заготовлены кровати, обеденные столы, скамьи, табуреты и т. д. [НА РК, ф. Р-2, оп. 1, д. 457, л. 101].

Систему жизнеобеспечения воспитанников колонии можно рассмотреть по нескольким составляющим: продовольствие, обмундирование и медико-санитарное обслуживание. Остановимся на анализе каждого параметра обеспечения, уделив особое внимание продовольственному вопросу, поскольку проблема детского питания являлась основополагающей при попадании ребенка в детское учреждение.

Вопрос о детском питании стоял в стране очень остро, что повлияло и на обеспечение колонии. Недостаток продовольственных ресурсов, с одной стороны, стихийный рост детских учреждений, с другой стороны, различные организационные «дефекты» в области распределения и целый ряд других причин создали такие условия, что и в хлебородных местностях дети получали питание не по установленной норме [Краткий обзор ..., 1921, с. 6]. Врач В. М. Бонч-Бруевич обращала особое внимание на проведение в жизнь декретов о питании. Она указывала на необходимость приложить все усилия к тому, чтобы каждый грудной ребенок в Советской России имел молоко и кашу, единственное возможное для него питание [Арборе-Ралли, 1920, с. 21]. 26 сентября 1918 года был издан декрет «О фонде детского питания», на основе которого местные органы Советской власти были обязаны создавать на местах специальные фонды детского питания [Мананникова, 1973, с. 17]. В мае 1919 года в целях улучшения детского питания и облегчения материального положения трудящихся был издан Декрет СНК РСФСР «О бесплатном питании», по которому все продукты питания выдавались детям в возрасте до 14 лет за счет государства [НА РК, ф. Р-446, оп. 1, д. 61, л. 79]. Автор труда «Мать и дитя в Советской России» Е. Арборе-Ралли считала, что ребенку, который находился в любом учреждении, государство должно было дать не только воспитание и обучение, но и «лучшее питание и одежду» [Арборе-Ралли, 1920, с. 29].

Вопрос снабжения продовольствием являлся напряженным на протяжении всего существования колонии. До приезда детей в колонию было заготовлено только около 410 кг (25 пудов) крупы и 1 тыс. кг (61 пуд) сахарного песка [НА РК, ф. Р-2, оп. 1, д. 673, л. 10 об.]. С собой в колонию из Олонецкой губернии сотрудники привезли продукты, которые позволили некоторое время поддерживать питание воспитанников на должном уровне (1230 кг (75 пудов) ржаной и 164 кг (10 пудов) белой муки, более 1640 кг (100 пудов) крупы и др.). В отчетах председателя колонии фиксировалось, что норма питания с самого прибытия детей в хлебородные края

была недостаточна: «дети прибыли из голодающей губернии истощенные и, следовательно, нуждались в усиленном питании» [НА РК, ф. Р-2, оп. 1, д. 673, л. 11]. Максимальный объем хлеба, который могли получать колонисты, составлял 453 грамма (1 фунт) в день, «молоко от своих коров и яйца» выдавались только для слабых и больных детей [НА РК, ф. Р-2, оп. 1, д. 673, л. 10 об.]. Находясь в благоприятном климате, воспитанники недополучали установленной нормы питания.

В начале 1920-х годов не было единых общегосударственных норм продовольственного пайка. Для каждой губернии в зависимости от ее местных условий были разработаны свои суточные нормы пищевого обеспечения [Чебаковская, 2020, с. 154]. В 1920 году Отделом охраны здоровья Наркомпроса РСФСР были разосланы на места таблицы для детских учреждений: «Суточная норма питания», «Замена одних продуктов другими по их питательной (калорийной) ценности» [НА РК, ф. Р-2, оп. 1, д. 479, л. 8]. В них определялось не только необходимое количество продуктов для детей возраста от 3 до 15 лет, но и желательные продукты с их калорийной ценностью. Сотрудники отдела охраны здоровья подробно останавливались на количестве необходимых элементов питания для детей в зависимости от возраста, а также определяли возможные замены продуктов в случае их отсутствия. Данные сведения не просто служили рекомендациями по питанию воспитанников, а определялись как обязательные нормы для всех учреждений Наркомпроса РСФСР [Чебаковская, 2020, с. 155].

После прихода Доброй армии питание воспитанников ухудшилось не только из-за недостаточного выделения средств на обеспечение колонии, но и из-за отсутствия продуктов на рынке. Связь с Советом защиты детей прервалась, никакой помощи от уполномоченного не поступало. Именно в этот период для колонии создалось «скверное положение»: норма питания упала («хлебная норма понизилась до половины фунта» (226 граммов)), помощь от Лиги спасения отсутствовала. Как отмечал председатель учреждения, «не будь своих продуктов, оставшихся к этому времени, в незначительных, правда, размерах, колония могла бы оказаться в состоянии голодовки» [НА РК, ф. Р-2, оп. 1, д. 673, л. 11]. Только через две недели удалось улучшить положение колонии за счет привлечения помощи местного крестьянства, особенно оказало поддержку местное сельское потребительское общество [НА РК, ф. Р-2, оп. 1, д. 673, л. 11 об.].

С приходом Красной армии колония старалась войти в сферу влияния конкретного ведомства, после некоторых усилий ей удалось наладить связь с Харьковским губсобесом (губернским отделом социального обеспечения), который с 31 декабря 1919 года стал систематически субсидировать колонию, а через пару недель стал снабжать по возможности и продуктами

ми. По отчетам фиксировалось, что период январь — февраль 1920 года для колонии являлся наиболее удачным в плане обеспеченности за все время существования учреждения. В подтверждение факта улучшения состояния приводилась норма продовольственного пайка на одного колониста. Данные нормы продуктового пайка можно сравнить с нормативами, разработанными Отделом охраны здоровья Наркомпроса РСФСР. В нормах питания детей в Гиевской колонии отсутствовала дифференциация по возрасту, поэтому возможно их примерное сопоставление. По некоторым позициям нормативов заметны совпадения: хлеб, крупа, картофель, сахар определялись в равных пропорциях. По ряду продуктов различимы их объемы, так, например, в колонии мяса предусматривалось в два раза больше, картофельной муки — аналогично, муки — в два раза меньше. В детском учреждении выдавался паек, в который определялись продукты, не обозначенные Отделом охраны здоровья: макароны, огурец, капуста, бурак, кофе, чай, сало и др. Данные позиции могли определяться спецификой местных условий края. По установленным нормам и рекомендациям врачей в пайке воспитанника детского учреждения обязательно должны были быть такие продукты, как молоко и яйцо. По разработанным нормативам ребенку полагалось два стакана молока в день, однако увидеть его в рационе колонистов можно было крайне редко. В инструкции об организации летних колоний фиксировалось, что суточный объем потребления молока воспитанником должен составлять две бутылки (предполагая, что из этого количества четверть будет употреблена в состав блюд, а остальное будет выпито ребенком в течение дня) [НА РК, ф. Р-2, оп. 1, д. 457, л. 104].

В отчетах председателя колонии отмечалось, что в учреждении норму продовольственного пайка не удавалось обеспечить, например, из-за невозможности приобрести необходимые продукты [НА РК, ф. Р-2, оп. 1, д. 673, л. 12]. За время существования колонии фактический суточный паек не соответствовал норме полностью, что было связано, в частности, и с большим количеством подопечных. Развитие подсобного хозяйства могло облегчить положение детей и сотрудников, однако отсутствие четкого плана резвакуации, необходимых ресурсов для создания огородного участка и выращивания скота отодвигали данное решение.

Следующим важным вопросом жизнеобеспечения колонистов являлось снабжение их верхней одеждой, обувью, нижним бельем, верхними костюмами (платьями), головными уборами, чулками и др. С обмундированием воспитанников дело обстояло намного лучше, потому что дети привезли с собой достаточное количество белья, одежды и мануфактуры. Однако за 10 месяцев существования колонии оно изнашивалось, требовалось его пополнение. Иногда вопрос снабжения одеждой и обувью стара-

лись решить в детском учреждении собственными силами, для этого использовали мастерские. Еще в сентябре 1919 года Американский комитет помощи русским детям предоставил колонии материал для шитья белья: 9 кусков тонкой бязи на 136 аршин и серого сукна 20 аршин [НА РК, ф. Р-2, оп. 1, д. 673, л. 12]¹. Только часть материала удалось переработать на белье, дальнейшая работа была приостановлена из-за отсутствия ниток. Труднее дело обстояло с обувью, которая за осень-зиму износилась совершенно. Обувь быстро портилась в связи с сушкой у печи или на открытой плите. Колонисты ходили в одной и той же обуви в лес, на огород, занятия и прогулки. Производства детской обуви как отдельной самостоятельной отрасли в стране на тот момент не было, обувь для детей делали из остатков от производства взрослой обуви, что соответствующим образом сказывалось как на ее качестве, так и на количестве [Смирнова, 2015, с. 247]. В марте 1920 года общее собрание воспитанников отправило просьбу в Совет защиты детей о снабжении их обувью и мануфактурой: «Так как дети очень обносились, почти все не имеют обуви, даже некоторые дежурные по пилке дров и по зданию приюта ходят в вязанных из шпагата туфлях, и за недостатком обуви большинство детей принуждены сидеть дома и лишены прогулок на свежем воздухе» [НА РК, ф. Р-2, оп. 1, д. 673, л. 14]. В докладе председателя колонии в мае 1920 года говорилось, что дети не имели обуви и ходили в веревочных туфлях, изготавливаемых самими воспитанниками.

Решить вопрос нехватки одежды пытались собственными силами через организованные при колонии мастерские. Так в рукодельном классе за 115 рабочих дней было сшито «239 штук разного белья, починено 432 платья, надвязан 221 чулок» [НА РК, ф. Р-2, оп. 1, д. 673, л. 9]. Также воспитанниками было изготовлено «40 пар новых русских сапог и починено 186 пар старых» [НА РК, ф. Р-2, оп. 1, д. 673, л. 9]. Дело снабжения обмундированием детей зачастую являлось заботой сотрудников учреждения, которые могли решить этот вопрос только при условии увеличения финансирования данной статьи расходов.

Еще одним вопросом обеспеченности воспитанников Гиевской колонии являлось медико-санитарное обслуживание, под которым подразумевались санитарно-гигиенические условия в учреждении, наличие у подопечных предметов личной гигиены и обследование детей врачами. С первых же дней своего существования советское государство приняло ряд законодательных актов и разработало специальные мероприятия по охране здоровья матери и ребенка [Гришина, 1958, с. 21]. Руководство страны ставило перед собой задачу «социализировать, сделать достоянием государ-

1 1 аршин – 0,71 метр. Тонкой бязи – 96,5 м в одном куске ткани, серое сукно — 14,2 м.

ства заботу о здоровье детей всех возрастов от колыбели до полного созревания» [Радин, 1921, с. 4]. Считалось, что охрана здоровья детей является важнейшим условием воспитания «нового человека», «создания сильных духовно и физически граждан» [Альбицкий и др., 2018, с. 61]. Система охраны детства в стране осуществлялась в основном за государственный счет, однако средств у государства на реализацию всех запланированных проектов в области здоровья детей не хватало, и многие замыслы остались не реализованными.

По прибытию детей в Харьковскую губернию было обнаружено, что санитарное состояние колонии являлось неудовлетворительным: «Здание холодное и сырое. Некоторые помещения совершенно не пригодны для зимнего жилья» [НА РК, ф. Р-2, оп. 1, д. 673, л. 37]. С ноября по февраль в колонии ощущался острый недостаток топлива, в связи с чем некоторые комнаты были закрыты на зиму и не использовались. Все большие комнаты были отведены под спальни, где температура воздуха поддерживалась на необходимом уровне. Столовая колонии совершенно не отапливалась из-за непригодности печей. Лишь одна гостиная была предоставлена воспитанникам для постановки спектаклей и устройства детских вечеров, именно в этой комнате колонисты могли находиться в дождливую или морозную погоду. Отсутствие необходимого количества помещений стало причиной «скученности» детей. В отношении бани вопрос стоял также остро: учреждение не имело собственной бани, ванна не функционировала из-за порчи водопровода, для мытья детей приходилось использовать прачечную. Не всегда у воспитанников колонии была возможность надеть свежее белье и вытереться чистым сухим полотенцем. «Зимой дети мылись и меняли белье крайне редко» [НА РК, ф. Р-2, оп. 1, д. 673, л. 37].

Из инструкции об организации летних колоний следовало, что перед отправлением детей для руководителей учреждения должны были проводиться «кратковременные курсы подачи скорой помощи для ухода за больными» [НА РК, ф. Р-2, оп. 1, д. 457, л. 103]. В Гиевскую колонию из Олонецкой губернии вместе с детьми прибыл врач, которому приходилось обслуживать не только воспитанников учреждения, но и сотрудников. Для оказания помощи в деле охраны здоровья детей на месте была принята на работу сестра милосердия. При колонии был организован лазарет на 25—30 мест. Для данного помещения отводилось пять изоляционных комнат, в них содержались слабые дети и дети с легкими заболеваниями. В случае обнаружения заразных заболеваний воспитанников колонии направляли в Люботинскую железнодорожную больницу, за время функционирования учреждения к данной мере прибегали только два раза [НА РК, ф. Р-2, оп. 1,

д. 673, л. 10]. В мае 1920 года штат сотрудников лазарета колонии расширился за счет приема на работу двух сиделок.

Нездоровые санитарно-гигиенические и жилищные условия жизни, плохое питание способствовали быстрому распространению болезней, особенно инфекционных. Самыми распространенными болезнями среди детей являлись «чесотка, трахома, фурункулы, тиф» [Лившиц, 1925, с. 131]. Весной 1920 года фиксировалось, что все воспитанники колонии были заражены чесоткой, которая к концу марта «приняла ужасающие формы» [НА РК, ф. Р-2, оп. 1, д. 673, л. 37]. Наличие вшей и чесотка стали настолько привычным явлением, что их перестали считать заболеваниями [Смирнова, 2003, с. 253]. В то время считалось, что кожные болезни не опасны для жизни, но очень тягостны для больных и представляют угрозу для окружающих, так как легко передаются от больного к здоровому, если больные со здоровыми детьми пользуются одной постелью, головными уборами, полотенцами и т. п. [Бекарюков, 1923, с. 70] Именно это мешало вести борьбу с эпидемией чесотки. Возможность заражений уменьшалась при соблюдении чистоты тела и белья, чего можно было достичь путем частых омовений и тщательной стирки, но и это осложнялось отсутствием мыльных принадлежностей, личных полотенец и недоступностью систематического посещения бани.

Малочисленность медицинского персонала, слабость санитарной организации были причинами возникновения эпидемических заболеваний и смертности детей. Даже во время транспортировки детей в колонию среди воспитанников вспыхивали инфекционные заболевания. За время существования Гиевской колонии умерло 17 воспитанников преимущественно младшего возраста, в том числе двое детей руководителей. Смерть колонистов была вызвана такими заболеваниями, как туберкулез (6 случаев), корь, вызвавшая осложнение — воспаление легких (4 случая), дизентерия (3 случая), воспаление легких (2 случая), оспа (1 случай), остро желудочно-кишечный катар (1 случай) [НА РК, ф. Р-2, оп. 1, д. 673, л. 37].

Итак, плохое питание приводило к болезням детей, некоторые заболевания не было возможности предотвратить из-за отсутствия мыла, аптек. Обеспечение медикаментами было недостаточным, санитарное состояние колонии оценивалось сотрудниками как неудовлетворительное. Таким образом, жизнеобеспечение воспитанника Гиевской колонии крайне редко организовывалось на местах в соответствии с нормативами из центра. Это было связано с множеством проблем, с которыми сталкивались детские учреждения в ходе обеспечения «государственного ребенка»: недостаток финансирования, неудовлетворительная материальная база учреждения, отсутствие необходимого сырья, некачественное продовольствие, нехватка медицинских кадров и др.

5. Учебно-воспитательный процесс в колонии

На протяжении функционирования Гиевской колонии учебно-воспитательная работа учреждения тормозилась отсутствием необходимой педагогической подготовки кадров, многочисленным и смешанным составом детей, отсутствием школьных пособий и материалов и др. Все воспитанники были поделены на группы: первая — дети дошкольного возраста, вторая — дети младшего возраста (8—10 лет), третья — дети среднего школьного возраста (11—13 лет), четвертая — старшие дети (14—16 лет) [НА РК, ф. Р-2, оп. 1, д. 673, л. 8об.]. Каждая группа со своим руководителем вела самостоятельные занятия, поддерживая связь со всем коллективом колонии. Педагогическая работа в учреждении осуществлялась в форме беседы, подвижных игр, прогулок, спектаклей, хорового пения, экскурсий и т. д. [НА РК, ф. Р-2, оп. 1, д. 673, л. 9]. Во время экскурсий и прогулок колонисты изучали природу, сельское хозяйство, знакомились с крестьянским бытом и пр. Дети узнавали различные новые факты о мире природы через общение и беседу, а также закрепляли эти знания при личном наблюдении, приобщаясь к природе [Ладченко, 2018, с. 186]. В основу трудового воспитания колонистов были положены принципы самообслуживания, самостоятельности и взаимопомощи. Дети старшего возраста принимали активное участие в жизни колонии: «работали на огороде, в питомнике, по дворовому хозяйству, ухаживали за домашними животными, занимались уборкой помещений, изготавливали, стирали и чинили белье, одежду, обувь, готовили пищу» [НА РК, ф. Р-2, оп. 1, д. 673, л. 9] и др. Также воспитанников привлекали для помощи в уходе за маленькими и больными детьми. Считалось, что, как и в детских домах, в жизни летних колоний должен проводиться принцип трудового начала без наемного труда, когда работа делается детьми [НА РК, ф. Р-2, оп. 1, д. 457, л. 103 об.]. К приглашению технического персонала прибегали только в случае, когда хозяйственная работа не могла быть осуществлена подопечными.

Председатель Совета колонии отмечал, что проводимая в учреждении учебно-педагогическая работа не носила «характер строго выдержанной системы» [НА РК, ф. Р-2, оп. 1, д. 673, л. 9]. Планомерные педагогические занятия были связаны, например, с трудовой деятельностью. Для этого при учреждении функционировали сапожная мастерская и рукодельный класс, организованные к концу лета и работавшие с перерывами из-за отсутствия необходимого материала. В сапожной мастерской мальчики трудились самостоятельно по 3—4 часа в день: изготавливали новую обувь и чинили старую. В рукодельном классе дети работали под руководством воспитательницы, имевшей специальную подготовку. Девочки обучались шитью, кройке белья, одежды, вязанию и вышиванию.

Поскольку дети вовремя не вернулись обратно на родину, было решено начать школьные занятия. Однако осуществить это удалось только в ноябре, так как сотрудники колонии столкнулись с рядом бытовых проблем: «вместо класса — голые стены и буквально полное отсутствие школьных пособий» [НА РК, ф. Р-2, оп. 1, д. 673, л. 9]. Взрослые вместе с детьми нашли доски и сколотили простые скамейки и столы. Часть учебников и тетрадей достали бесплатно, и немного было приобретено — на «весьма незначительную сумму». Все, что удалось сделать своими силами, совсем не удовлетворяло потребностей колонии. Тем не менее школьные занятия старались проводить: обучали письму и новой орфографии. Нехватку пособий и книг обсуждали и на собраниях детей старшей группы, в марте 1920 года воспитанники колонии просили Совет защиты детей прислать им все необходимое для обучения грамоте и для чтения [НА РК, ф. Р-2, оп. 1, д. 673, л. 14].

Председатель колонии отмечал, что педагогические цели и задачи в данном учреждении отодвигались на второй план из-за необходимости удовлетворить в первую очередь физиологические потребности детей: «накормить, одеть, обуть и поддержать здоровье» [НА РК, ф. Р-2, оп. 1, д. 673, л. 12]. Руководитель считал, что вместо такой многочисленной колонии следовало устраивать отдельные небольшие колонии по 40—50 человек: с ними значительно легче справиться как с хозяйственной, так и с педагогической точки зрения. О данной практике говорилось и в инструкции для руководства по организации летних колоний от 1 июля 1919 года, а именно отмечалось, что «опыт устройства больших по численности детских колоний привел к отрицательным результатам» [НА РК, ф. Р-2, оп. 1, д. 457, л. 102 об.]. Рекомендовалось организовывать небольшие «колонии-семьи в 24—30 человек со смешанным составом мальчиков и девочек» [НА РК, ф. Р-2, оп. 1, д. 457, л. 102 об.]. Дети дошкольного возраста должны были составлять не более трети всего состава, чтобы их обслуживание не осложняло работу сотрудников и не ложилось на плечи других воспитанников. Данные семейные колонии могли помочь руководителям ближе узнавать детей, индивидуализировать наблюдение за ними, иметь большее воспитательное влияние, чем в многолюдных колониях.

6. Решение вопроса о реэвакуации колонии

Урегулирование вопроса реэвакуации “детей Севера” происходило на протяжении всего времени существования колонии. Председатель Педагогического совета учреждения отмечал «сильное стремление детей вернуться обратно домой на север», объясняя это оторванностью от родных, пережитыми в колонии трудностями, неизвестностью будущего,

неблагоприятными местными условиями, непригодностью здания для такой многочисленной колонии и др. причинами [НА РК, ф. Р-2, оп. 1, д. 673, л. 13]. Неоднократно воспитанники колонии вместе с сотрудниками отправляли телеграммы в Олонецкую губернию с просьбой вернуть их домой. Телеграмма от января 1920 года имела следующее содержание: «Олонецкие детские дома шлют привет. Находятся в прежнем месте Люботин, Гиевка. Пережили много, стремятся домой, просьба сообщить о жизни Олонии и эвакуировать» [НА РК, ф. Р-2, оп. 1, д. 673, л. 3].

Возвращение детей обратно на родину осложнялось происходившим в 1919—1920 годах процессом передачи учреждений из ведения Народного комиссариата социального обеспечения в ведение Народного комиссариата просвещения. Отделы народного образования первоначально не создали особую комиссию, решающую проблемы детских домов, что осложнялось имевшейся внутренней неразберихой между ведомствами.

В марте 1920 года на общем собрании детей было решено отправить в Карелию делегатов для решения вопроса о возвращении воспитанников колонии на родину. 15 апреля 1920 года в г. Петрозаводск прибыла делегатка от колонии София Дмитриевна Куклич с просьбой о немедленном возвращении детских приютов в Карелию из-за крайне тяжелых жизненных условий в Харьковской губернии. Она предоставила доклад о жизни «детей Севера» в селе Гиевка, отметив, что сложные условия жизни колонии висят «над головой, как дамоклов меч, они не дают свободно дышать, гнут к земле, леденят душу» [НА РК, ф. Р-2, оп. 1, д. 673, л. 37об.]. Воспитанники и сотрудники колонии сильно тосковали «по милой Олонии» [НА РК, ф. Р-2, оп. 1, д. 673, л. 38]. Особенно тоска по дому усилилась после возобновления почтового сообщения юга с севером и приезда некоторых родителей за детьми.

В конце апреля 1920 года было получено разрешение от Совета защиты детей об отправке на родину только тех подопечных, кто имел родителей или родственников [НА РК, ф. Р-2, оп. 1, д. 673, л. 17]. Детей-сирот оставляли в Харьковской губернии ввиду их одинакового материального положения как на родине, так и в колонии. После данного разрешения началось постепенное возвращение воспитанников домой [НА РК, ф. Р-2, оп. 1, д. 673, л. 19—20]. В июне 1920 года в колонии остались только дети-сироты, их возвращение затянулось еще на месяц, поскольку в г. Петрозаводске долго согласовывался вопрос о предоставлении помещений и необходимого инвентаря для эвакуированных детей.

Условия, в которых оказывались дети во время эвакуации, были не менее тяжелыми, чем на родине (массовые эпидемии, отсутствие полноценного питания, обмундирования, санитарно-гигиенических условий),

поэтому к концу 1921 года представители некоторых местных комиссий по улучшению жизни детей выступали за немедленное прекращение эвакуации как меры, не только не спасающей детей, но и представляющей серьезную опасность для их жизни [Смирнова, 2015, с. 165].

7. Заключение

Опыт эвакуации социально неблагополучных детей Олонецкой губернии в «хлебородную» губернию оказался единичным для данного края. Идея использования летнего времени для эвакуации детей в колонию являлась востребованной, но сложно осуществимой мерой помощи в условиях Гражданской войны. Отправка детей в Харьковскую губернию определялась необходимостью срочного улучшения продовольственного и санитарно-гигиенического положения детей. Хотя перед руководством колонии ставилась задача организации здорового отдыха на природе с духовным обогащением мира ребенка, в реальности персоналу учреждения приходилось концентрироваться на решении вопросов, прежде всего связанных с жизнью и здоровьем подопечных. Прибывшим воспитанникам из Олонецкой губернии необходимо было вместе с воспитателями обустроить для себя место предполагаемого отдыха и оздоровления в селе Гиевка, что демонстрировало отсутствие планомерной подготовки к приезду детей со стороны местных ведомств. Анализ системы жизнеобеспечения детей и воспитательного процесса внутри учреждения показал многочисленные проблемы, с которыми сотрудникам колонии приходилось справляться самостоятельно. С момента прибытия детей и до их реэвакуации имелись проблемы по снабжению продуктами, обеспечению одеждой и обувью, организации медико-санитарного обслуживания. Возвращение в родные края в условиях войны оказалось крайне сложным делом. Организаторы эвакуации не могли предусмотреть все ее последствия, поскольку события разворачивались непредсказуемо. Попытка применения в годы Гражданской войны апробированного в условиях мирной жизни опыта создания колонии для детей в далеком крае оказалась неудачной.

Тем не менее в колонии, вопреки трудностям, были налажены условия для жизни и развития детей. Привлечение колонистов к трудовой деятельности благодаря организации мастерских и подсобных хозяйств позволяло не только приобрести социальные и трудовые навыки воспитанникам, но и частично облегчить положение колонии в деле обеспечения продуктами и одеждой. Форма управления колонией не менялась, внутренние изменения были связаны с расширением состава Совета и сменой заведующих. Изучение данного специфического способа социальной помощи детям позволило продемонстрировать сложность и рискованность такого рода ме-

роприятий в экстремальных условиях Гражданской войны. Создание необходимых условий для жизни и поддержания здоровья детей ложилось целиком на плечи сотрудников колонии.

Источники и принятые сокращения

1. *Арборе-Ралли Е.* Мать и дитя в Советской России / Е. Арборе-Ралли. — Москва : Гос. изд-во, 1920. — 31 с.
2. *Бекарюков Д.* Что такое заразные болезни и как вести против них борьбу / Д. Бекарюков // Здоровые дети — светоч будущего. — Москва ; Петроград : Гос. изд-во, 1923. — С. 66—70.
3. *Декреты Советской власти* : в 18 т. Т. 4 : 10 ноября 1918 г. — 31 марта 1919 г. — Москва : Политиздат, 1968. — 744 с.
4. *Детский санаторий имени С. Н. Коломенкина и летняя школьная колония.* — Воронеж : Типо-Лит. т-ва Печатник, 1910. — 6 с.
5. *Дризо Л.* Летние колонии в Европе и других частях света : очерк развития первой летней колонии в Одессе. (К 10-летию ее существования) / Л. Дризо. — Одесса : Тип. торг. д. Г. М. Левинсон, 1903. — 116 с.
6. *Евсеев.* Работа Пермской трудовой колонии / Евсеев // Беспризорные в трудовых коммунах. Практика работы с трудными детьми : сборник статей и материалов под ред. В. Л. Швейцер, С. М. Шабалова. — Москва : Издание Главсоцвоса НКП, 1926. — С. 18—28.
7. *Зеленецкий А. М.* О заграничных и русских летних школьных колониях / А. М. Зеленецкий. — Санкт-Петербург : Тип. И. В. Леонтьева, 1908. — 179 с.
8. *Краткий обзор о работе Комиссии ВЦИКа по улучшению жизни детей.* — Москва : Б. и., 1921. — 74 с.
9. *Летние детские колонии, подвижные игры и загородные экскурсии, организованные московским обществом борьбы с детской смертностью в 1910 году.* — Москва : Изд. О-ва борьбы с детской смертностью, 1911. — 33 с.
10. *Летние колонии для московских школьников за двадцатипятилетие. 1888—1912.* — Москва : Кружок летних колоний для учащихся в моск. гор. уч-щах, 1912. — 265 с.
11. *Лившиц Е.* Социальные корни беспризорности / Е. Лившиц. — Москва : Работник просвещения, 1925. — 206 с.
12. НА РК — *Национальный архив Республики Карелия.* Ф. Р-2 (Олонецкий губернский отдел народного образования). Оп. 1. Д. 403. Л. 12; Д. 457. Л. 8; Д. 457. Лл. 101, 102 об., 103, 103 об., 104; Д. 673. Лл. 3, 7, 8, 8 об., 9, 10, 10 об., 11, 11 об., 12, 13, 14, 15, 17, 19—20, 36, 37, 37 об., 38; Ф. Р-446 (Олонецкий губернский отдел социального обеспечения). Оп. 1. Д. 61. Л. 76.
13. *Радин Е. П.* Что делает советская власть для охраны здоровья детей? / Е. П. Радин. — Вятка : 1-я Гос. тип., 1921. — 16 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абашкина Е. В.* Советский пионерский лагерь: от послевоенного к позднесоветскому (опыт качественного исследования) / Е. В. Абашкина // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. — 2013. — Т. 13, № 4. —

С. 55—59. Soviet pioneer camp: from the post-war to the late (experience of qualitative research). *Izvestia of saratov university. New series. Series: Sociology. Politology*

2. Альбицкий В. Ю. Истоки и становление государственной системы охраны здоровья детей в Советской России / В. Ю. Альбицкий, С. А. Шер. — Москва : Союз педиатров России, 2018. — 207 с.

3. Гришина Т. А. Развитие охраны здоровья детей в Московской области (1868—1957 гг.) / Т. А. Гришина. — Москва : Гос. изд-во медицин. лит-ры, 1958. — 107 с.

4. Дейч Б. А. Детские лагеря в России как ресурс социального воспитания: становление, развитие, современный потенциал / Б. А. Дейч // Вестник педагогических инноваций. — 2016. — № 1 (41). — С. 90—96.

5. Дорохова Т. С. Организация детского летнего отдыха в Пермской губернии конца XIX — начала XX вв. / Т. С. Дорохова // Педагогическое образование в России. — 2017. — № 5. — С. 33—39.

6. Коротаева Е. В. Педагогика уральских каникул: история и современность / Е. В. Коротаева // Педагогическое образование в России. — 2017. — № 5. — С. 40—47.

7. Куприянов Б. В. Загородный детский лагерь в исторической ретроспективе / Б. В. Куприянов // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Педагогика и психология. — 2018. — № 1 (43). — С. 86—97.

8. Ладченко К. В. Российские летние детские колонии второй половины XIX — начала XX века / К. В. Ладченко // Проблемы современного образования. — 2018. — № 1. — С. 180—188.

9. Мананникова Н. В. Охрана здоровья детей в СССР / Н. В. Мананникова. — Москва : Медицина, 1973. — 280 с.

10. Население России в XX веке : Исторические очерки. 1900—1939 : в 3 т. Т. 1 / отв. ред. Ю. А. Поляков. — Москва : РОССПЭН, 2000. — 463 с.

11. Смирнова Т. М. «Лучше вывести и расстрелять»: Советская власть и голодные дети (1917—1923 гг.) / Т. М. Смирнова // Ежегодник историко-антропологических исследований, 2003. — Москва, 2003. — С. 226—245.

12. Смирнова Т. М. Дети страны Советов: от государственной политики к реалиям повседневной жизни. 1917—1940 гг. / Т. М. Смирнова. — Москва : Ин-т российской истории РАН ; Санкт-Петербург : Центр гуманитарных инициатив, 2015. — 384 с.

13. Чебаковская А. В. Продовольственное обеспечение воспитанников детских домов Карелии в 1920-х — первой половине 1930-х гг. / А. В. Чебаковская // Вестник Удмуртского университета. Серия : История и Филология. — 2020. — Т. 30, № 1. — С. 153—164. — DOI: 10.35634/2412-9534-2020-30-1-153-164.

MATERIAL RESOURCES

A brief overview of the work of the All-Russian Central Executive Committee Commission to improve the lives of children. (1921). Moscow: B. i. 74 p. (In Russ.).

Arbore-Ralli, E. (1920). *Mother and child in Soviet Russia*. Moscow: Gos. izd-vo. 31 p. (In Russ.).

Bekaryukov, D. (1923). What are infectious diseases and how to fight them. In: *Healthy children are the beacon of the future*. Moscow; Petrograd: Gos. izd-vo. 66—70. (In Russ.).

Gubsobes — *Provincial Department of Social Security*. (In Russ.).

- Children's sanatorium named after S. N. Kolomenkin and summer school colony.* (1910). Voronezh: Tipo-Lit. t-va Pechatnik. 6 p. (In Russ.).
- Drizo, L. (1903). *Summer colonies in Europe and other parts of the world: an outline of the development of the first summer colony in Odessa. (To the 10th anniversary of its existence).* Odessa: Tip. trgovogo doma G. M. Levinson. 116 p. (In Russ.).
- Evseev. (1926). *Work of the Perm labor colony.* In: Schweitzer, V. L., Shabalova, S. M. (eds.) *Homeless in labor communes. Practice of working with difficult children.* Moscow: Izdanie Glavsotsvosa NKP. 18—28. (In Russ.).
- Summer children's colonies, outdoor games and out-of-town excursions organized by the Moscow Society for the Fight against Child Mortality in 1910.* (1911). Moscow: Izd. O-va bor'by s detskoy smertnostyu. 33 p. (In Russ.).
- Summer colonies for Moscow schoolchildren for the 25th anniversary. 1888—1912.* (1912). Moscow: Kruzhok letnikh koloniy dlya uchaschikh v mosk. gor. uchshchakh. 265 p. (In Russ.).
- Livshits, E. (1925). *The social roots of homelessness.* Moscow: Rabotnik prosveshcheniya. 206 p. (In Russ.).
- NA RK — *National Archives of the Republic of Karelia. (Olonets provincial department of public education).* (In Russ.).
- Radin, E. P. (1921). *What is the Soviet government doing to protect children's health?* Vyatka: 1 Gos. tip. 16 p. (In Russ.).
- Soviet decrees. 10 November 1918 — 31 March 1919.* (1968). Moscow: Politizdat. 18 (4). 744 p. (In Russ.).
- Zelenetskiy, A. M. (1908). *About foreign and Russian summer school colonies.* St. Petersburg: Tip. I. V. Leontyeva. 179 p. (In Russ.).

REFERENCES

- Abashkina, E. V. (2013). Soviet pioneer camp: from post-war to the late soviet (experience of qualitative research). *Izvestia of saratov university. New series. Series: Sociology. Politology*, 13 (4): 55—59. (In Russ.).
- Albitskiy, V. Yu., Sher, S. A. (2018). *The origins and formation of the state system of child health protection in Soviet Russia.* Moscow: Soyuz pediatrov Rossii. 207 p. (In Russ.).
- Chebakovskaja, A. V. (2020). Food rations for children in orphanages of Karelia in the 1920s and the first half of the 1930s. *Bulletin of Udmurt University. History and Philology Series*, 30 (1): 153—164. DOI: 10.35634/2412-9534-2020-30-1-153-164. (In Russ.).
- Deych, B. A. (2016). Children's camps in Russia as a resource of social education: formation, development, modern potential. *Bulletin of pedagogical innovations*, 1 (41): 90—96. (In Russ.).
- Dorokhova, T. S. (2017). Organization of children's summer holidays in the Perm province of the late XX — early XX centuries. *Pedagogical education in Russia*, 5: 33—39. (In Russ.).
- Grishina, T. A. (1958). *Development of children's health care in the Moscow region (1868—1957).* Moscow: Gos. izd-vo meditsin. lit-ry. 107 p. (In Russ.).
- Korotaeva, E. V. (2017). Pedagogy of the Ural Vacations: Past and Present. *Pedagogical education in Russia*, 5: 40—47. (In Russ.).

- Kupriyanov, B. V. (2018). Country children's camp in a historical retrospective. *Bulletin of the Moscow City Pedagogical University. Series: Pedagogy and Psychology, 1 (43)*: 86—97. (In Russ.).
- Ladchenko, K. V. (2018). Russian summer colonies for children in the second half of the 20th — early 20th century. *Problems of modern education, 1*: 180—188. (In Russ.).
- Manannikova, N. V. (1973). *Child health protection in the USSR*. Moscow: Meditsina. 280 p. (In Russ.).
- Polyakov, Yu. A. (ed.). (2000). *The population of Russia in the twentieth century. Historical sketches. 1900—1939*. Moskva: ROSSPEN. 3/1. 463 p. (In Russ.).
- Smirnova, T. M. (2003). “Better to take out and shoot”: Soviet power and hungry children (1917—1923). In: *Yearbook of Historical and Anthropological Research, 2003*. Moskva. 226—245. (In Russ.).
- Smirnova, T. M. (2015). *Children of the Land of Soviets: From State Policy to the Realities of Everyday Life. 1917—1940*. Moskva: In-t rossiyskoy istorii RAN; St. Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ. 384 p. (In Russ.).

АВТОРАМ

Журнал «Научный диалог». ISSN 2225-756X, e-ISSN 2227-1295
Включен в Перечень ВАК с 1 декабря 2015 года
Индексируется в WoS <Emerging Sources Citation Index>
Индексируется в Google Академия
Индексируется в РИНЦ (Российский индекс научного цитирования)
Десятилетний индекс Хирша 2019 = 22
Включен в международную базу ERIN с 11 июня 2015 года.
Идентификационный номер журнала в ERIN – 485900.
Включен в Международный реестр периодических изданий Global Serials Directory Ulrichs Web
Размещается на платформах EBSCO, НЭБ-РИНЦ (eLibrary), на сайте журнала и др.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-47018 от 18.10.2011
Подписной индекс 29255 в Объединенном каталоге «Пресса России»
Обязательные экземпляры журнала отправляются в ИТАР-ТАСС (Российскую книжную палату), Российскую государственную библиотеку, Роспечать и др.
Электронный адрес: nauka-dialog@mail.ru
Сайт: <http://www.nauka-dialog.ru/>

Группы научных специальностей, по которым издание входит в Перечень ВАК	Научные специальности в рамках групп научных специальностей, по которым издание входит в Перечень ВАК
10.01.00 Литературоведение	10.01.01 Русская литература 10.01.03 Литература народов стран зарубежья (с указанием конкретной литературы) 10.01.08 Теория литературы. Текстология 10.01.09 Фольклористика 10.01.10 Журналистика
10.02.00 Языкознание	10.02.01 Русский язык 10.02.03 Славянские языки 10.02.04 Германские языки 10.02.19 Теория языка 10.02.20 Сравнительно-историческое типологическое и сопоставительное языкознание
07.00.00 Исторические науки и археология	07.00.02 Отечественная история 07.00.03 Всеобщая история (соответствующего периода) 07.00.07 Этнография, этнология и антропология 07.00.09 Историография, источниковедение и методы исторического исследования 07.00.15 История международных отношений и внешней политики

Журнал «Научный диалог» — рецензируемое периодическое издание открытого доступа (open access), публикующее материалы гуманитарного профиля. Издаётся с 2012 года.

Принимаются к рассмотрению (1) обзорные статьи, содержащие теоретические и статистические обобщения; (2) статьи, в которых представлены результаты исследования эмпирического материала.

Все статьи, поступившие в редакцию, проходят внутреннее рецензирование (анализируются актуальность темы, новизна и оригинальность решений, доказательная база, строгость и однозначность выводов, оснащённость научным аппаратом, качество иллюстративного материала) и публикуются на основании заключения рецензента из числа членов редакционного совета журнала и решения главного редактора. Выполняется двойное слепое рецензирование (автор не знает рецензента; рецензент не знает автора). Если статья будет оценена как не соответствующая требованиям журнала, автор статьи оповещается о необходимости переработки статьи или об отказе в публикации.

Рецензирование статей проводится в срок не более **60** дней. Издательство берет на себя обязательство опубликовать статью не позднее четырех месяцев с момента получения положительной рецензии на статью. Сроки публикации 2—4 месяца.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ

Шрифт Times New Roman, 14 pt (при использовании дополнительных шрифтов они должны быть представлены в редакцию в электронном виде). Межстрочный интервал — полуторный. Поля: левое — 3 см, остальные — 2 см. Абзацный отступ — 1,25.

В начале статьи слева без отступа указывается УДК (для получения обращаться к сотрудникам библиотек).

Ниже (через строку) с выравниванием по левому краю без отступа полужирным шрифтом приводится название статьи.

Далее — сведения об авторе / авторах (шрифт — 11 pt) по образцу:

© **Иванова Анна Ивановна** (2021), orcid.org/0000-0001-3815-8615, доктор филологических наук, доцент кафедры славистики филологического факультета, Белградский государственный университет (Белград, Сербия), ivanova@mail.ru.

Аннотация – шрифт 12 pt (не менее 150 слов), выравнивание «по ширине», абзацный отступ 1,25 (с использованием клише: *Рассматривается вопрос... Уделяется внимание... Представлены результаты сопоставительного анализа... Поднимается вопрос о... Особое внимание уделяется... Новизна исследования видится в том, что... Актуальность исследования обусловлена... Приводятся определения... Автор останавливается на... Доказано, что... Предлагается классификация... Выполнен обзор... Представлена авторская разработка... Описан опыт многолетней работы автора ... и под.*)

Ключевые слова – шрифт 12 pt (4–9 слов или словосочетаний, разделенных точкой с запятой).

Основной текст – выравнивание «по ширине», абзацный отступ автоматический — 1,25. Структурирование статьи подразумевает деление текста на смысло-

вые части. Каждый подраздел должен иметь краткий тематический заголовок. Если исследование имеет характер эксперимента, то структурировать статью допускается по модели, традиционной для публикаций в международных изданиях: Введение, Методика, Результаты и обсуждение, Выводы.

Внутритекстовые ссылки приводятся в квадратных скобках, где указывается фамилия автора, год издания статьи или книги и, если приводится цитата, то страница или диапазон страниц, например [Поланин, 2004, с. 47] или [Поланин, 2004, с. 47–48]. Если указывается источник (словарь, архив и др.), то в ссылке указывается сокращенное наименование источника, номер тома (если есть) и страница (если есть), например: [СРНГ, т. 8, с. 75] или [ФСРС, с. 7] (при этом сокращения должны быть указаны в списке источников). Если даются ссылки на несколько работ, то фамилии авторов приводятся в алфавитном порядке через точку с запятой: [Егоров, 1983, с. 213–218; Капитонова, 1991, с. 83]; в случае, если это работы одного автора, они перечисляются в хронологическом порядке: [Истрин, 1984; Истрин, 1997]. При наличии авторов-однофамильцев после фамилии приводятся инициалы. Если встречаются ссылки на две или несколько работ одного автора, опубликованные в одном и том же году, они приводятся с буквенным маркером около цифры, обозначающей год: [Иванов, 2001a; Иванов, 2001b]. Если авторов двое или трое, то упоминается только фамилия первого автора, а вместо фамилий остальных пишется «и др.» – в случае русскоязычного источника, «et al.» – в случае с источником на английском языке. Если авторов больше трех, а также если приводится ссылка на сборник, то дается первое слово названия либо два первых слова, если они логически связаны (с многоточием), далее год и страницы (если необходимо), например: [Микрофлора ..., 1994], [Методика расчета ..., 2007, с. 17].

Цитаты обязательно снабжаются указанием на номер страницы.

Список литературы приводится после текста статьи, составляется по алфавиту, нумеруется, предваряется словом «Литература», выполняется шрифтом 12 pt. Сначала в алфавитном порядке приводится перечень работ на русском языке (кириллица), затем, также по алфавиту, работ на иностранных языках (латиница). Список литературы должен свидетельствовать о том, что автор знаком с научной литературой по теме статьи, поэтому рекомендуется включать в библиографический список не менее чем 15 позиций, в том числе желательно, если позволяет область исследования, представлять библиографические описания зарубежных публикаций по данной теме. Если статья написана с использованием лексикографических источников (словарей), архивных материалов, картотек, то они подаются отдельным списком перед списком литературы под заголовком «Источники и принятые сокращения».

Библиографические описания выполняются по ГОСТ Р 7.0.9-2009 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическое обеспечение издательских и книготорговых процессов. Общие требования» (<http://www.gosthelp.ru/gost/gost48640.html>). Фамилия автора книги или (при его отсутствии) первое слово названия книги выделяется курсивом. При наличии у книги двух или трех авторов первым элементом библиографической записи указывают только имя первого автора. Имена всех авторов приводят за косой линией. Если авторов четыре и более, описание книги начинают с заголовка, а за косой линией приводят имя первого автора с пометкой «[и др.]». Необходимо указывать

издательство, в котором выпущена книга. Обязательно указывается общее количество страниц в книге либо диапазон страниц, на которых размещена, например, статья в журнале.

ПРИМЕРЫ:

Источники и принятые сокращения

1. *Женщина* — председатель колхоза // *За Родину* : газета. — 1946. — № 10. — С. 1.
2. КСРНГ — *Картоотека* Словаря русских народных говоров (хранится в Институте лингвистических исследований Российской академии наук, Санкт-Петербург).
3. *Николаев А.* Председатель во хмелю / *А. Николаев* // *Сталинский призыв* : газета. — 1953. — № 126 (990). — С. 4.
4. ПОС — *Псковский* областной словарь с историческими данными. — Ленинград : Изд-во Ленинградского ун-та, 1967—2008. — Вып. 1—2.
5. СПГ — *Словарь* пермских говоров / под ред. А. Н. Борисовой, К. Н. Прокошевой. — Пермь : Книжный мир, 2000—2002. — Вып. 1—2.
6. ГАСО — *Государственный* архив Свердловской области. Ф. Р1813 (Областное статистическое управление). Ф. Р1813. Оп. 1. Д. 227. Л. 84. Д. 518. Л. 20.
7. ЦДООСО — *Центр* документации общественных организаций Свердловской области. Ф.4. (Обком КПСС). Оп.53. Д.187. Лл. 2, 6.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Выготский Л. С.* Психология искусства / *Л. С. Выготский*. — Москва : Искусство, 1986. — 329 с.
2. *Вьюговская Е.* Схемы выдвижения в стандартизированном интервью / *Е. Вьюговская, А. Ипатова, Д. Рогозин* // *Телескоп* : журнал социологических и маркетинговых исследований. — 2012. — № 4. — С. 40—45.
3. *Карасик В. И.* Религиозный дискурс / *В. И. Карасик* // *Языковая личность : проблемы лингвокультурологии и функциональной семантики* : сборник научных трудов. — Волгоград : Перемена, 1999. — С. 5—19.
4. *Матвеева А. С.* Служебное деловое письмо : теория, история, трансформация в условиях информатизации общества : автореферат диссертации ... кандидата педагогических наук : 05.25.02 / *А. С. Матвеева*. — Краснодар, 2012. — 22 с.
5. *Мунье Э.* Персонализм : краткое введение к вопросу [Электронный ресурс] / *Э. Мунье*. — Режим доступа : http://anthropology.rchgi.spb.ru/munie/munie_sl.html.
6. *Некоторые* перспективы исследования смысловых образований личности / *А. Г. Асмолов, Б. С. Братусь, Б. В. Зейгарник, В. А. Петровский, Е. В. Субботский, А. У. Хараш, Л. С. Цветкова* // *Вопросы психологии*. — 1979. — № 4. — С. 118—127.
7. *Собкин В. С.* Психологический анализ уровней литературного развития старшекласников : диссертация кандидата психологических наук / *В. С. Собкин*. — Москва, 1982. — 169 с.

8. *Garibaldi L.* Mussolini e il Professore : Vita e diari di Carlo Alberto Biggini / L. Garibaldi (ed.). — Milano : Mursia, 1983. — 362 p.

9. *Giglio C.* Dodecaneso / C. Giglio // *Oriente moderno*. — 1929. — № 8. — P. 347.

10. *Rosselli A.* Come l'Italia conquista il Dodecanneso [Electronic resource] / A. Rosselli. — Access mode : <http://www.anpi.it/militari/rodi.html>.

Англоязычные сведения о статье и ее авторах готовятся редакцией после принятия статьи к публикации (авторские переводы не принимаются) и размещаются в конце статьи.

Автор направляет статью через «Личный кабинет» на сайте журнала. Условия публикации размещаются на сайте журнала <http://www.nauka-dialog.ru/>. Справку можно получить по тел. (343)3458984, 89120458984.

Каждая статья, опубликованная в журнале «Научный диалог» с 2017 года, имеет идентификатор DOI. Пожалуйста, если в своих последующих статьях, направляемых в любые другие журналы, Вы будете цитировать свою статью или делать ссылку на любые другие опубликованные в нашем журнале статьи, то **УКАЗЫВАЙТЕ** номера DOI этих статей (образец оформления выходных данных статьи с номером DOI см. в начале каждой статьи).

CONTENTS

LINGUISTICS

<i>Bondarenko, E. D.</i> “Dictionary-Encyclopedia” as a Type of Amateur Dialect Dictionary (Dictionary of Bakal Town Dialect by B. P. Plaksin)	9
<i>Borodina, N. A., Selemenova, O. A., Trubitsina, N. A.</i> Mythopoetic Worldview of Bunin: Linguistic and Literary and Cultural Analysis Aspects.....	28
<i>Zhdanov, S. S., Nedostup, O. I., Pleshivtseva, E. Yu.</i> Semantic and Pragmatic Potential of Emojis in Context of a COVID-19 Pandemic	48
<i>Ivanova, N. I., Nikitina, V. N., Filippova, A. G.</i> Sociolinguistic Conditionality of Yakut Language Functioning in Field of School Education: Origins of Incipient Crisis	65
<i>Ilyin, B. B.</i> Language of Space in Live of Saint Erasmus.....	85
<i>Melgunova, A. V.</i> Derivational Potential of Pronouns in German and Russian languages	101
<i>Nikitina, T. G., Rogaleva, E. I., Piao Lixiang.</i> Dictionary Representation of Linguocultural Stereotypes: Communicative Behavior of Russians in Thematic Dictionary of Proverbs	117
<i>Smolina, A. N.</i> Model for Describing of Speech Genre “Spiritual Essay”: Basic Parameters and Implementation (Theolinguistic Aspect).....	134
<i>Tyukaeva, N. I., Brinev, K. I.</i> System Modeling of Author’s Image in Texts of One Speech Genre.....	153

LITERARY STUDIES. JOURNALISM. FOLKLORE

<i>Borisov, Yu. P.</i> Explication of Concept THOUGHT in Epic Formulas Olonkho “Ala Bulkun” T. V. Zakharova-Chebiy	176
<i>Dubova, M. A., Larina, N. A.</i> Means of Lexical Representation of Spatial Continuum in Early Stories of I. A. Bunin.....	191
<i>Zhatkin, D. N., Ryabova, A. A.</i> Russian Reception by James Hogg (Mid-19th — Early 20th Centuries).....	213
<i>Zavelskaya, D. A., Novozhilov, D. M.</i> “Faustian Theme” in Slavic Literary Monuments: Problematics of Motives	226
<i>Igumnov, A. G., Tikhonova, E. L.</i> Material Origin in Folklore Texts of Predominantly Historical Themes	247
<i>Kazharova, I. A., Borova, A. R.</i> Axiology of Subject of Declarative-Publicistic Poetry (First Collection of Soviet Kabardian Poets “First Step”).....	265
<i>Krotov, P. A.</i> “Genuine Anecdotes about Peter the Great” by J. Shtelin (at the Origins of Historical Anecdote Genre in Russia)	282
<i>Chizhov, N. S.</i> Soviet Poetic Underground in Critical and Scientific Coverage (Article Two).....	298

HISTORICAL SCIENCES

<i>Vartanyan, E. G.</i> Free Kurdistan”: Difficult Road to Self-Determination (1970s — XXI Century)	328
<i>Davydov, A. Yu., Khutsieva, V. V.</i> Privilege” Factor in Economic Policy of Bolsheviks and Kronstadt Rebellion.	343
<i>Zimakov, A. V.</i> Germany’s Nuclear Energy Refusal Policy: from Conflict to Compromise	359
<i>Kobakhidze, E. I., Tuaeve, B. V.</i> Evolution of Institution of Elementary Church School in Ossetia (1860—1917)	378
<i>Krot, M. N. V.</i> V. von Wal as Head of Vilnius Province in 1901—1902	396
<i>Mamyachenkov, V. N., Kulikova, E. S., Lvova, M. I.</i> Level of Food Consumption by Population of Sverdlovsk Region (Budget Surveys in 1986—1990)	412
<i>Matyushchenko, V. S., Yakusheva, R. A.</i> Eunuchs of Yakutsk Region on Pages of Regional Periodicals in Late 19th — Early 20th Centuries	425
<i>Morozova, T. I.</i> Institute of Sympathizers of AUCP(b) in West Siberian Territory: Revival, Functioning, Significance (February 1934 — September 1937)	442
<i>Sidorchuk, I. V.</i> Leisure in Time Budgets of Soviet Citizens in 1920s — Early 1930s	462
<i>Stoletova, A. S.</i> Mentality and Stereotypes of Social Behavior in Everyday Life of 1950— 1980s (Documentary Evidence of Evolution)	481
<i>Chebakovskaya, A. V.</i> Evacuation of “Children of North”: an Attempt to Mitigate Social Problems during Civil War	499

ПОДПИСКА

на журнал

«Научный диалог»

Уважаемые читатели!

На журнал «Научный диалог» можно оформить подписку.

Подписной индекс **29255**
в Объединенном каталоге «Пресса России».

Вы можете подписаться онлайн через
Интернет-каталог «Пресса по подписке».

Вы можете также заказать редакции любой
из уже вышедших номеров журнала, сделав запрос
в адрес редакции: **nauka-dialog@mail.ru.**

Опубликованные в журнале материалы представлены
в Международном каталоге периодических изданий

Global Serials Directory Ulrichs Web
(www.ulrichsweb.com/ulrichsweb/)

Компьютерная верстка и дизайн:
Издательский Дом «Ажур»

Подписано в печать 26.10.2021. Формат 60×84/16.
Бумага офсетная. Гарнитура «Times New Roman».
Усл. печ. л. 30,67. Тираж 500 экз. Заказ 26/10-1.

Отпечатано в ООО «Издательский Дом «Ажур».
620075, г. Екатеринбург, ул. Восточная, 54.
Тел. (343) 350-78-28, 350-78-49.

© Центр научных и образовательных проектов, 2021
Свободная цена